

МОСКВА – БЕРЛИН

Политика
и дипломатия
Кремля

1927–1941

Том 2

МОСКВА – БЕРЛИН • Политика и дипломатия Кремля • 1920 – 1941

2

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

АРХИВ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОТДЕЛЕНИЕ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК

НАУЧНЫЙ СОВЕТ
ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМ,
ДВИЖЕНИЙ И РЕВОЛЮЦИЙ

RUSSISCHE AKADEMIE
DER WISSENSCHAFTEN

PRÄSIDENTENARCHIV
DER RUSSISCHEN FÖDERATION

ABTEILUNG
DER HISTORISCH-FILOLOGISCHEN
WISSENSCHAFTEN

WISSENSCHAFTLICHER BEIRAT
FÜR GESCHICHTE DER SOZIALREFORMEN,
BEWEGUNGEN UND REVOLUTIONEN

MOSKAU-BERLIN

Politik
und Diplomatie
des Kremls

1920–1941

Sammlung von Dokumenten

In 3 Bänden

Chef-Redakteur
Akademiker G. N. SEVOSTJANOV

Band 2.

1927–1932

MOSKAU NAUKA 2011

МОСКВА – БЕРЛИН

Политика
и дипломатия
Кремля
1920–1941

Сборник документов

В трех томах

Ответственный редактор
академик Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ

Том 2

1927–1932

МОСКВА НАУКА 2011

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6
М82

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 11-01-16029д*

Редакционная коллегия:

В.И. ВАСИЛЬЕВ, С.М. ИСХАКОВ, М.М. НАРИНСКИЙ,
В.В. СОКОЛОВ, А.С. СТЕПАНОВ

Составитель

В.М. СЕМЕНОВ

Рецензенты:

доктор исторических наук Н.И. СМОЛЕНСКИЙ,
доктор исторических наук В.В. СОГРИН

Москва–Берлин : политика и дипломатия Кремля, 1920–1941 :
сб. док. : в 3 т. / отв. ред. Г.Н. Севостьянов ; Науч. совет по истории
социальных реформ, движений и революций РАН ; Архив Президента
РФ. – М. : Наука, 2011– . – ISBN 978-5-02-035991-8.

Т. 2 : 1927–1932. – 2011. – 755 с. – ISBN 978-5-02-035997-0 (в пер.).

В книге представлены документы из Архива Президента РФ по истории советско-германских отношений в период между Первой и Второй мировыми войнами. В научный оборот вводятся многие неизвестные документы, освещающие не только политические, дипломатические, экономические, научные, культурные отношения между советским и германским государствами, но и международные проблемы в Европе и в других частях мира.

Для историков, политологов.

По сети «Академкнига»

ISBN 978-5-02-035991-8
ISBN 978-5-02-035997-0 (т. 2)

© Научный совет по истории социальных реформ, движений и революций РАН, Архив Президента РФ, 2011
© Семенов В.М., составление, 2011
© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2011

Документы

1927 год

№ 1

*Письмо заместителя наркома
иностранных дел СССР М.М. Литвинова заместителю
наркома по военным и морским делам СССР,
заместителю председателя Реввоенсовета СССР И.С. Уншлихту
в связи с возможным участием
министра иностранных дел Г. Штреземана
в кампании против советско-германского
военного сотрудничества*

№ 3018

6 января 1927 г.

Секретно

Заместителю председателя Реввоенсовета тов. Уншлихту.

Копии: тт. Сталину, Ворошилову*

В своем письме от 16-го я просил вас сообщить, какие имеются у Вас данные для суждения о роли Штреземана в деле так называемых эсдековских¹ разоблачений. В своем ответе от 31-го Вы вместо ответа на мой вопрос делаете анализ внешней политики Германии. Анализ сделан вполне правильно, но никаких новых данных он не содержит. Кому же не известно, что политическая заинтересованность Германии в СССР уменьшается и что она использует близость к СССР для других целей. Но ведь и мы сближались с Германией не из любви или дружбы к ней, а для использования ее. Сближаясь теперь с Англией или с Францией, Германия также имеет в виду использовать их для своих целей. Дипломатия, политические союзы, альянсы не имеют иной цели, кроме использования этих отношений для определенных целей. Я готов также согласиться с Вами в том, что Штреземан имел всяческие основания для борьбы с рейхсвером, но отсюда, все-таки, нельзя еще утверждать, что он сам передал или способствовал

* Копии также направлены членами коллегии НКВД СССР Б.Е. Штейну и Н.Н. Крестинскому.

передаче в руки эсдеков разоблачительного материала. Как бы ни относиться к нашему агентурному материалу, но мы в нем не находим никаких указаний на прямое косвенное участие самого Штреземана в разоблачительной кампании. А нам важно было бы установить именно этот факт для оценки некоторых заявлений германского правительства, а также для проверки тех источников и информаторов, которые отрицают участие Штреземана в этом деле.

Замнарком Литвинов

АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 652. Л. 127. Копия.

¹ “Эсдеки” – социал-демократы, члены СДПГ. Имеется в виду газетная кампания в Англии (газета “Манчестер гардиан”) и в социал-демократической (“эсдековской”) прессе Германии, прежде всего в центральном органе “Форт-вертс” по поводу контактов министерства рейхсвера (военное министерство Германии) с Советским Союзом в военной области.

№ 2

*Записка И.С. Уншлихта И.В. Сталину
об отношении Г. Штреземана к освещению в западной прессе
советско-германского военного сотрудничества**

№ 07

12 января 1927 г.
Сов. секретно

В Политбюро ЦК ВКП(б)
тов. Сталину

Последние агентурные данные более резко подтверждают наше мнение о причастности Штреземана в деле последних разоблачений. Больше того, имеются указания, что с ведома своего Министерства иностранных дел немцы готовятся признать и “историю со снарядами”¹. Беспечность, с которой они отнеслись к прошедшей кампании разоблачений, делает эту версию весьма правдоподобной. Для меня ясно, что если это только политически им окажется выгодным, вполне возможны дальнейшие разоблачения.

Исходя из этого, я считаю необходимым на завтрашнем заседании ПБ не ограничиться обсуждением только вопроса о “Берсоли”, а рассмотреть полностью вопрос о наших взаимоотноше-

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 78, п. 8.

ниях с РВМ², учтя соображения, выдвинутые в моих письмах от 31.12.1926 г. за №№ 78/к и 82/к.

Приложения: Протокол заседания комиссии по спецзаказам за № 40, письмо немцев от 11.01.1927 г. и проект постановления ПБ.

С коммунистическим приветом Уншлихт

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 652. Л. 142. Подлинник.

Приложение 1

Протокол № 40 заседания комиссии по спецзаказам

12 января 1927 г.

Присутствовали: члены комиссии Ун[шлихт], Ли[твинов], Яг[ода]

Приглашены: Мр[очковский], Ег[оров]³, Бе[рзин]

Слушали:

Постановили:

1. О "Берсоли".

1. а) На основании письма немцев от 11.01.1927 г. считать договор по "Берсоли" расторгнутым. Поручить т. Мрочковскому составить справку и, по согласовании с НКВД, представить в Политбюро*.

в) В связи с переходом завода "Берсоли" в наше исключительное владение передать его ВСНХ СССР. Условия передачи согласовать РВСР с ВСНХ**.

Председатель Уншлихт

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 652. Л. 143-144. Подлинник.

¹ В сентябре 1926 г. была поставлена из СССР в Германию крупная партия (300 тыс.) снарядов.

* *Вписано вместо зачеркнутого*: Компенсацию за ущерб, нанесенный нам в деле обороны невыполнением этого договора не ограничивать лишь заводом "Берсоли", а перенести во все наши дела с ними по военной линии.

Поручить т. Мрочковскому составить меморандум для передачи немцам, согласовав его с НКВД.

б) Считать необходимым вопрос о пересмотре наших взаимоотношений с рейхсвером поставить перед директивной инстанцией.

** *Предложение вписано от руки вместо зачеркнутого*: г) Ввиду важности завода в деле обороны, срочности и значительного размера работ по его переоборудованию, признать необходимым выделить его в самостоятельную единицу с присоединением к нему организационно других производств по ОВ с тем, чтобы форма управления и организация была ВСНХ согласована с РВС.

² Рейхсверминистриум (нем.) – военное министерство Германии.

³ Егоров Александр Ильич (1883–1939) – в 1925–1926 гг. советский военный атташе в Китае, в 1927–1931 гг. командующий войсками Белорусского военного округа, в 1931–1935 гг. начальник штаба РККА, с 1935 г. начальник Генерального штаба РККА, в 1937–1938 гг. заместитель наркома обороны СССР.

Приложение 2

Письмо уполномоченного Военного министерства Германии в Москве Г. Лит-Томзена о прекращении сотрудничества по строительству завода “Берсоли”

11 января 1927 г.

На Ваш ответ по делу “Берсоли”, сообщенный мне г-ном послом Крестинским 8.12.1926 г. и в письменном виде врученный мне г-ном Луневым 10.12.1926 г., сообщается следующее: переданная нам Вами еще до июльского меморандума смета была только ориентировочной сметой без строительных проектов и отдельных ведомостей, которые служили бы достаточным основанием для изучения их нами согласно мартовскому соглашению. К тому же смета предусматривала ряд работ, выполнение которых не могло считаться нашей обязанностью, вытекающей из учредительского договора; на это мы и указали тогда же после получения ориентировочной сметы.

Переданные нами в ответ на июльский меморандум конкретные предложения от 9 сентября 1926 г. представляли собой крайний предел того, что мы могли выполнить; предел этот существует и поныне.

Так как наши предложения рассматриваются другой стороной как неудовлетворительные, чтобы обеспечить совместное предложение нашего предприятия, и так как, далее, другая сторона желает получить руководящий любой ответ, чтобы избежать дальнейшего промедления, и для нас также нежелательного, мы должны были решиться с искренним сожалением сделать предложение расторгнуть учредительский договор. Мы просим на это согласие другой стороны.

С нашей стороны, придается большое значение тому, чтобы также и после нашего полного ухода из предприятия мы сохранили бы за собой право после пуска фабрики в ход иметь возможность передавать ей заказы на поставку (ее изделий).

Лит

Передано при сношении за № 75/27.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 652. Л. 144. Заверенная копия.

Проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б)

Не позднее 12 января 1927 г.*

1. О совместной работе с РВМ.

1. а) Признать, что опыт совместной работы с РВМ по организации военной промышленности оказался абсолютно неудачным, так как ни одно из взятых на себя обязательств немцами исполнено не было.

б) Дальнейшая совместная работа с РВМ, продолжая внешне сохранять дружественный характер, должна идти по линии использования тактического и оперативного опыта немцев и важнейших технических новшеств (по артиллерии, танковому делу, связи и т.д.). При этом мы не должны допускать возможности проникать им в организм нашей армии.

в) Решительно отказаться как от организации совместных с РВМ военно-промышленных предприятий, так и от дальнейшей совместной организации военных школ. Существующие совместные опытные работы (по авиации и аэрохимическим испытаниям) необходимо строго изолировать от армейской жизни и при первой возможности ликвидировать.

Незаконченные переговоры по линии организации военных школ и опытных испытаний прервать.

2. О "Берсоли".

Утвердить решение комиссии ПБ по специальным заказам от 12.01.1927 г. (см. приложение 1).

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 652. Л. 145. Копия.

№ 3

*Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину
о беседе с У. Брокдорфом-Ранцау*

№ 3064

21 января 1927 г.

Секретно

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) т. Сталину

Копии: членам Политбюро** и
тг. Степанову-Скворцову¹,
М.И. Ульяновой²

Германский посол Ранцау по поручению Берлина сделал мне вчера весьма решительное представление по поводу выступлений т. Бухарина на Московской губернской партконференции. Ранцау

* Датируется по основному документу.

** Копии направлены также членам коллегии НКВД и Я.Г. Долгцкому.

поручено было указать мне, что подобные антигерманские выступления одного из влиятельнейших руководителей советской политики не могут способствовать сохранению дружественных отношений между обеими странами и для Германии непереносимы в случае их повторяемости (а ля лонг^{*}). В речах Бухарина имеются совершенно неправильные утверждения и неверные цитаты из мнимых речей Феликса Дойча. Трехсотмиллионным кредитом Германия в достаточной мере доказала, что она ни в какой мере не препятствует восстановлению и развитию промышленности в СССР, а Феликс Дойч никогда и нигде приписываемых ему заявлений не делал. Раньше с подобными речами выступал часто Зиновьев, а теперь на этот же путь стал и Бухарин. Германия не понимает, какая цель преследуется подобными выступлениями, которые к тому же создают в Англии впечатление охлаждения между Германией и СССР. Ранцау поручено спросить меня, какие меры я предполагаю принять для предотвращения подобных выступлений в будущем. НКВД должен указать т. Бухарину, что он мешает политике советского правительства.

Я дал послу приблизительно следующий ответ: Бухарин выступал не по поручению и не с ведома правительства. Он говорил на партийной конференции, высказывая лишь свои личные предположения относительно политики или намерений германского правительства. Он имел на это полное право и ни у кого не должен был просить разрешения. Если сделанные им заявления и высказанные предположения кем-либо в Германии оспариваются, то они могут это делать также публично в речах или статьях. Если Штреземан действительно хочет избежать всего того, что создает в Англии впечатление охлаждения или порчи советско-германских отношений, то я готов в этом оказывать ему полное содействие. Речи Бухарина тут не причем. В Англии о наших отношениях судят не по этим речам, а по действиям германского правительства. Никаких мер я не намерен предпринимать, так как не нахожу возможным запрещать т. Бухарину или другим товарищам иметь свои частные суждения о внешней политике.

Я дал Ранцау формально уклончивый ответ. Я должен, однако, констатировать, что в речах т. Бухарина как в отношении Германии, так и Литвы имелись места, которые не должны были быть воспроизведены в нашей печати. К сожалению, вопреки существующему положению, речи т. Бухарина не были представлены мне на просмотр. Более того, речи попали в газету непосред-

^{*} В дальнейшем (фр.).

твенно, минуя ТАСС, опять-таки вопреки имеющимся на этот счет директивам Политбюро.

Так как имеется уже постановление Политбюро об обязательности посылки на просмотр в НКВД всех речей и статей ответственных товарищей и о передаче этих статей в печать не иначе, как через ТАСС, то я никаких новых предложений не делаю. Мне остается лишь просить Политбюро подтвердить его членам обязательность вышеотмеченных постановлений.

Литвинов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 676. Л. 115–116. Подлинник.

¹ Скворцов-Степанов (Скворцов) Иван Иванович (1870–1928) – в 1926–1928 гг. директор института Ленина при ЦК ВКП(б), ответ. редактор газеты “Ленинградская правда”, в 1927–1928 гг. заместитель отв. редактора газеты “Правда”.

² Ульянова Мария Ильинична (1878–1937) – сестра В.И. Ленина, в 1917–1929 гг. секретарь, член редколлегии газеты “Правда”.

№ 4

*Записка И.С. Уншлихта И.В. Сталину
об условиях расторжения учредительного договора с немцами
по заводу “Берсоль”*

№ 298

4 февраля 1927 г.
Сов. секретно

Политбюро ЦК ВКП(б)
тов. Сталину

Постановлением ПБ от 13.01.1927 г. было санкционировано расторжение учредительного договора по “Берсоли”. Осталось выяснить условия расторжения этого договора. Поскольку в заявлении немецкой стороны от 11.01.1927 г. этот вопрос оставлен был открытым¹, с нашей стороны от 20.01 с.г. был сделан запрос с просьбой указать условия ликвидации наших взаимоотношений по этому делу (см. приложение № 1). Немцы в своем ответе от 31.01 с.г. предлагают следующие условия ликвидации “Берсоли”:

1) Они оставляют нам всю материальную часть и финансовые взносы, которые ими вложены в дело с начала заключения договора, без всякого встречного счета и

2) отказываются от всех прав, предоставленных им учредительным договором, как соучастникам предприятия (см. приложение № 2).

Таким образом, выходя из “Берсоли”, немцы оставляют нам всю вложенную ими в это дело материальную часть в виде заводского оборудования и построек без всяких контрпретензий. Что же касается указанного в последнем их заявлении займа “Берсоли” в размере 750 000 руб., то он реальной ценности не имеет в силу того, что этот заем, как и другие финансовые вклады немцев, полностью истрачен ими на оставляемое нам имущество.

Исходя из того, что, во-первых, ПБ в своем постановлении от 13.01 с.г. указало на необходимость при ликвидации совместных предприятий с РВМ сохранения добрососедских отношений и, во-вторых, нанесенный нам ущерб в деле обороны в результате несвоевременной постройки завода не может быть при существующих условиях предъявлен им в виде денежных претензий, я предлагаю условия расторжения договора, выдвинутые немецкой стороной, принять, не предъявляя с нашей стороны дополнительных контрпретензий.

Прошу этот вопрос поставить на разрешение линейного заседания Политбюро.

Приложения: №№ 1 и 2 и проект постановления ПБ.

С коммунистическим приветом Уншлихт

Приложение 1

*Проект № 1 постановления Политбюро ЦК ВКП(б)
о расторжении договора**

Поставленные перед фактом Вашего решения выйти из дела “Берсоли”, мы вынуждены принять Ваше предложение расторгнуть договор и поэтому просим в кратчайший срок указать условия ликвидации наших взаимоотношений по этому делу.

Приложение 2

*Проект № 2 постановления Политбюро ЦК ВКП(б)
о расторжении договора***

Предложение расторгнуть договор “Берсоли” было сделано нами, так как наши предыдущие конкретные предложения относительно финансового урегулирования перестройки, которую Вы должны были взять на себя по соглашению от марта 1926 г., не были Вами приняты. После того, как теперь наше предложение о

* Штамп: Прот[окол] ПБ № 84, п. 18.

** Штамп: Прот[окол] ПБ № 84, п. 18.

расторжении договора встретило Ваше принципиальное согласие и Вы желаете получить наши предложения относительно ликвидации взаимоотношений в этом деле, мы делаем Вам следующие предложения:

1) Мы оставляем Вам все наши материалы и финансовые взносы, которые мы сделали с начала договора, без всякого встречного счета и 2) мы отказываемся от всех прав, которые мы имеем, согласно учредительскому договору, как участники предприятия.

Жертвы, которые мы готовы понести этим отказом, настолько значительны, что они перевешивают убытки, которые возникли для Вас по сей день вследствие промедления, которое может быть нам поставлено в вину. Вместе с тем, чтобы привести к полному дружескому разрешению наших взаимоотношений в этом деле, а также учитывая интересы, которые мы и в дальнейшем имеем в проведении этого предприятия, мы готовы еще дальше идти, а именно – отказаться от возвращения займа “Берсоли” в сумме 750 000 рублей, заключенного с нашей гарантией, займа, впоследствии нами покрытого, а также от процентов, которые выросли за это время. Это предложение исходит из предпосылки, что таким образом все наши обязательства, касающиеся “Берсоли”, могут считаться погашенными и что с Вашей стороны не будут подняты никакие дальнейшие претензии из учредительского договора.

Нижеподписавшийся уполномочен вести дальнейшие переговоры по этому вопросу с Вашими уполномоченными.

Лит.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 2–5. Подлинник.

¹ См. приложение к док. 3.

№ 5

Выписка из письма начальника Управления заграничных операций НКВнВТ СССР И.О. Шлейфера о реализации германских кредитов

12 февраля 1927 г.

Секретно

Выписка из письма т. Шлейфера от 12.02.1927 г.¹

Положение дел с германским кредитом обстоит следующим образом:

В настоящее время (к 12.02) размещено заказов на сумму 190 млн марок, причем за последнюю неделю было выдано заказов на сумму 10 000 000 марок.

В отношении реализации кредита промышленность идет на первом месте, фактически ею использовано около 90% всего ее кредитного плана. Коммунальное хозяйство использовало почти полностью свой кредит. В отношении НКПС мы имеем реализацию всего в размере около 35% и принимаем все меры к усилению реализации. Торгпредство считает, что максимальная возможность реализации составляет 10 млн марок в неделю. Таким образом, если со стороны спецификаций и коммерческих условий реализации заказов все будет идти нормально, в течение февраля и марта будет размещено еще 60 млн марок, т.е. мы полностью используем германский кредит.

Наблюдая эту работу, должен сказать, что получение лучших коммерческих условий затрудняется спешкой и давлением сроков необходимости использования германского кредита.

Шлейфер

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 8. Заверенная копия

¹ 7 марта 1927 г. выписка направлена по поручению А.И. Микояна в ЦК ВКП(б).

№ 6

Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину о целесообразности постепенной ликвидации сотрудничества с немецкими кругами, финансировавшими завод "Берсоль"

№ 3128

15 февраля 1927 г.

Весьма секретно

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) т. Сталину

Копии: т. Рыкову

т. Ворошилову

В связи с решением вопроса о "Берсоли" Политбюро одобрило предложение тов. Уншлихта о полной ликвидации известного сотрудничества с кругами, финансировавшими "Берсоль".

Я понял это решение в смысле постепенной ликвидации общих дел по мере их отмирания и в том же порядке, в каком ликвидировано сотрудничество по "Берсоли". У меня имеются, однако, некоторые основания опасаться, что военное ведомство иначе понимает принятое решение и склонно приступить к немедленной ликвидации этих дел. Эта поспешность, по моему мнению, не может не отразиться самым неблагоприятным образом на наших отношениях с Германией, в особенности, при нынешнем

националистском правительстве. Я прошу поэтому Политбюро уточнить ранее принятое постановление в том смысле, в каком я это постановление понял.

Литвинов

П.С. Ввиду особой секретности вопроса письмо посылается лишь по трем указанным адресам.

Литвинов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 11. Подлинник.

№ 7

*Телеграмма полпреда СССР в Германии Н.Н. Крестинского
в НКВД СССР о выступлении в комиссии рейхстага
германского военного министра О. Гесслера
в связи с советскими военными поставками в Германию*

№ 1292
Спец. № 49

16 февраля 1927 г.
Сов. секретно

Наркоминдел, Москва

На строго секретном заседании комиссии рейхстага Гесслер рассказал без стеснения всю историю поставки нами амуниции для частей рейхсвера. Коммунисты невероятно смущены и встревожены этими рассказами.

Полпред

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 12. Заверенный дешифрант.

№ 8

*Записка члена совета
при торгпредстве СССР в Германии Ю.О. Ленгиеля
торгпреду СССР в Германии К.М. Бегге
о гарантиях германской стороной советских заказов**

№ 2/250

18 февраля 1927 г.
Берлин
Сов. секретно

Торгпреду СССР в Германии т. Бегге

При сем прилагается актовая записка о собеседовании между гг. Шлейфером, Якубовичем, Ленгиель и представителями имперского Министерства народного хозяйства и иностранных дел по случаю устроенного нами завтрака¹.

* Копии направлены А.И. Микояну, И.О. Шлейфсру, С.И. Бродовскому, И.С. Якубовичу, А.Л. Маковскому, С.Б. Жуковскому.

Мы находим нужным подчеркнуть следующее:

1) Шеффер заявил о готовности гарантировать 270 млн вместо 250, если сумма наших заказов до 31 марта достигнет этого размера.

2) Гарантия распространяется также и на такие заказы, которые будут оформлены после 31 марта, если действительно соглашение с фирмой было заключено до этого дня. По поводу этого вопроса прилагается мое письмо на имя Шеффера.

3) Шеффер согласился на выдачу заказов на суда с 6-ти летним сроком при условии, что государство берет на себя обязательство только на 4 года. Риск в течение двух последних лет должна нести сама фирма.

4) Как желательный нам дальнейший кредит, т. Шлейфером была названа сумма в 400 млн марок на долгосрочных условиях. Шеффер связал вопрос о дальнейших кредитах с вопросом о золотом депо и о кредитном страховании.

5) Министерство иностранных дел проявило особый интерес к затруднениям, которые имеют место в существующих концессиях, и считает устранение этих затруднений вопросом, близко интересующим оба правительства.

Остальные выдвинутые вопросы были менее значительны. Собеседование велось в очень дружественном тоне, и я не заметил у представителей германского правительства никакой "дипломатической" осторожности.

Ленгиель

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 16. Подлинник.

Приложение I

*Актная заметка о собеседовании во время завтрака 15 февраля 1927 г.**

Присутствовали: министерский-директор Шеффер, министерский советник Сьоберг, оба из Министерства народного хозяйства, легационный советник Ган², из Министерства иностранных дел, тт. Шлейфер, Якубович, Ленгиель

1. 300 млн кредита.

а) Объем заказов

Шеффер: Полагает, что общий объем заказов до 31 марта достигнет 210–220 млн марок. Главной причиной, задерживающей использование кредита, он считает оказанное торгпредством очень сильное давление на цены. Мы с нашей стороны указали

* Заголовок документа.

на то, что мы уже при требовании 6-месячного продления срока заказов заявили о том, что использование кредита в течение трех месяцев представится нам возможным только в крайне благоприятных условиях, а эти благоприятные условия зависят не от нашей уступчивости, а гораздо больше от того, не заключают ли поставщики в отношении крупных объектов секретных соглашений с целью удерживания цен на слишком высоком уровне по отношению к заказам торгпредства. Мы, без названия объекта, рассказали случай с коксовыми печами и сообщили, что текст секретного соглашения находится в наших руках и что мы в данном случае его опубликуем. Мы считаем недопустимым с коммерческой точки зрения, если поставщик, согласно этого соглашения, обязывается распределять 6% суммы поставки между его конкурентами. Мы будем бороться против таких нечестных соглашений и, если в этом отношении нам придут на помощь, то мы сможем выдавать гораздо больше заказов.

Шеффер тоже противник таких соглашений, хотя они в Германии довольно нередки, особенно в случае поставок государственно-общественным организациям. Первое такое соглашение стало известным приблизительно 30 лет тому назад в связи с торгами, назначенными крупным рейнским городом. С тех пор идет борьба против таких соглашений, но законных возможностей для преследования их не имеется. Мы говорили, что мы намерены обследовать весь вопрос на основании закона о картелях и обратиться к общественному мнению на него. Шеффер готов интервенировать, если мы этого желаем. Мы ответили, что мы, по возможности, не захотим затруднять Министерство народного хозяйства коммерческими вопросами.

Мы заявили, что при условии устранения указанных препятствий при заказе больших объектов объем заказов может достигнуть или даже превысить 250 млн марок.

б) Гарантия до 270 млн марок

Тов. Шлейфер справляется о том, куда девались якобы израсходованные на нужды концессионеров 50 млн марок. Шеффер отвечает, что указанный фонд отчасти был употреблен для Рустранзита, отчасти для других концессионеров. Кроме того, в связи с нерешительным выступлением русской стороны в деле использования кредита в начале кампании эти гарантии использовались также и для сделок, заключенных здесь Шейнманом. Мы заявили, что т. Шейнман ничего не знает о сделках, связанных с государственной гарантией. Шеффер допускает правильность этого утверждения, так как все дело использования назначенной для концессионеров гарантии велось в конфиденциальном порядке.

Мы обратили его внимание на то, что в постановлении парламента речь идет только о 10 млн для концессионеров и что когда во время декабрьских переговоров Сьоберг сообщил Ленгиелю об использовании 50 млн марок для вышеуказанной цели, то Ленгиль уклонился от принятия к сведению этого сообщения и заявил, что он об этом обязан доложить в Москву. Шеффер спрашивает, какое практическое значение имеет этот вопрос. Ведь до 31 марта не будут использованы даже те 250 или 255 млн, которые, бесспорно, имеются в нашем распоряжении. Мы ответили, что вопрос, во-первых, является принципиальным, так как мы не желаем, чтобы без нас распоряжались этими суммами, а во-вторых, в случае, если будут разбиты нечестные соглашения синдикатов, то сумма заказов может достигнуть 270 млн. Шеффер заявляет, что в таком случае найдут возможность гарантировать все 270 млн. Представитель Министерства иностранных дел советник Ган подтверждает сказанное Шеффером.

в) Неоформленные заказы

В интересах увеличения объема заказов мы считаем необходимым включить в гарантию заказы, не оформленные до 31 марта, по которым уже до этого числа достигнуты твердые соглашения. Шеффер просит нас срочно сделать соответствующее предложение в письменной форме, так как он хочет представить его к завтрашнему заседанию междуправительственного комитета. Он надеется на благоприятное решение, так как 3 члена комитета (он сам, Сьоберг и Ган) будут за принятие такого предложения. Он подчеркивает, что соглашения не должны представлять собою опционов*, а содержать действительные сделки.

г) Вопрос о ценах и о мелких фирмах

Сьоберг повторяет, что политика цен торгпредства, т.е. неслыханное давление на цены, является неправильной. Фирмы "тошнит" от русских сделок, они совсем не давят на Министерство народного хозяйства в смысле дальнейшего развития кредитной кампании, а, скорее, добиваются поддержки правительства для сделок с другими странами. В настоящее время актуальными являются две страны. Он думает, что преувеличенное стремление к низким ценам привело их к тому, что, по его мнению, является ошибкой, что торгпредство ради 2-3% рабатта** выдало заказы недостаточно способным к исполнению фирмам. Правительство всегда было сторонником широкого распространения заказов,

* Выбор (лат.). Здесь предварительное соглашение о заключении договора в согласованные сроки в будущем.

** Скидка (нем.).

но произведенное распространение, может быть, является слишком широким, и правительство будет сожалеть, если торгпредство из-за этого потерпит ущерб. Мы ответили, что из Москвы торгпредство упрекают в чрезмерной переплате по германскому заказу. Не можем же мы платить за предмет, фабричная цена которого не больше, как Вам известно, платить 26 м[арок]*. Что же касается риска, которому подвергаются задатки и поставки, выданные мелким фирмам, то в этом отношении у нас тоже имеются сомнения. Мы уже обратили внимание наших отделов на эту опасность и не преминем повторить наши предостережения. Шеффер возражает, что при уторговывании цен нельзя руководствоваться какой-то предполагаемой себестоимостью. Такое действие торгпредства противоречит всей практике торговли. Надо считаться с условиями предложений, а если в другой стране или у другой фирмы можно покупать дешевле, то, конечно, надо заказы давать туда. Шеффер потом возвращается к прежнему спору с Ленгиелем относительно того, можно ли вкалькулировать в цены премию за риск или же следует считать уплату процентов достаточным вознаграждением за предоставление кредита. Ленгиель остается при своем мнении, что по этим долгосрочным кредитным сделкам премия за риск (по расчету из 40%) не может быть выше, чем премия за риск при краткосрочных нормальных сделках по расчету из 100%, а поэтому особое повышение цен по этим сделкам не может иметь места.

2. Заказы на суда

Мы возражали против того, что, как нам сообщил представитель судостроительных заводов – Министерство народного хозяйства против продления 6-ти летнего кредита для заказов на суда. Мы заявили, что это находится в противоречии с результатами совещания между Ленгиелем и Сьобергом в договоре прошлого года и что такая позиция министерства неизбежно поведет к переходу заказов за границу. Ведь нельзя ожидать, чтобы суда амортизировались в два навигационных периода после выпуска с завода. Шеффер отвечает, что он сам сообщил фирме об ограничении гарантийного кредита на 4 года, а междуведомственный комитет также не имеет возможности перешагнуть через постановления рейхстага. Относительно сроков Ленгиель отмечает, что в других случаях всегда подчеркивался суверенитет междуведомственного комитета. Впрочем, он и не требовал государственной гарантии за предел 4-хлетнего срока, а предложил следующий модус. 60% гарантированных государством уплачивается государством

* Так в тексте.

в течение 4 лет, а остальные 40% кредитуются на дальнейшие 2 года уже за риск судостроительных фирм. Шеффер готов согласиться на такое решение вопроса и просит торгпредство еще раз направить к нему представителей фирм.

а) Дальнейшие кредиты:

Тов. Шлейфер говорил с Шеффером особо и сообщил ему, что нам пока не нужны дальнейшие кредиты, а что на 1927–1928 хозяйственный год, т.е. будущей зимой, нам понадобится 400 млн марок. Шеффер запросил, нельзя ли депонировать часть накопившихся золотых ресурсов в германских банках для обеспечения кредитов, причем можно было бы найти выгодное решение вопроса о процентах. Шлейфер ответил, что мы не намерены вести кредитную политику графа Витте³ и депонировать наши золотые запасы в заграничных банках. В связи с этим Шеффер возвращается к вопросу о кредитном страховании. Он утверждает, что Ленгиель сделал ошибку, добиваясь стопроцентного успеха, в то время, когда он, Шеффер, пытался бы достичь постепенно ценных результатов. Ведь было большим шагом вперед, когда частные страховые общества согласились взять на себя страхование экспорта в Россию. Кампания была связана с переговорами в Ромзей, где англичане предложили немцам обрабатывать для русского рынка происходящее из английских колоний сырье и обещали дать английское финансирование, если немцы возьмут на себя полное делькредере*. Это предложение было отклонено германской стороной, так как оно не соответствовало интересам ни Германии, ни России. Шеффер, с другой стороны, хотел приучить англичан к принятию риска, а к этому наилучшим образом повело бы кредитное страхование в виду того, что как “Гермес”, так и “Франкфуртер” связаны с “Трэд Индемнитет” договорами об обоюдном страховании. Все дело потерпело крах вследствие возражения Ленгиеля, а это было большой ошибкой. По мнению Шеффера, русские вообще совершают ошибку, когда они добиваются немедленных практических успехов и дисконтируют будущее в противоречии с собственными принципиальными взглядами. К такой категории ошибок принадлежит и спор о процентной ставке при финансировании германского кредита, неслыханное давление на цены и, наконец, требования Ленгиеля для страхования экспортных кредитов установить такие премиальные ставки, которые являлись совершенно неприемлемыми для общества кредитного страхования. Ленгиель повторяет свое прежнее мнение, что он вообще считает русские сделки непод-

* Поручительство (*итал.*).

ходящими для кредитного страхования, так как риска в смысле частного хозяйства здесь не имеется, несение же политического риска не может быть возложено на частных хозяйственников, а его надлежит нести государству. Шеффер заявляет, что несение такого риска требует создания соответствующего фонда покрытия, а этого сделать нельзя. Ленгиель отрицает необходимость создания резерва. Шеффер думает, что в дальнейшем обсуждение кредитного вопроса страхования экспортных кредитов еще сыграет роль и просит нас, со своей стороны, еще раз обдумать этот вопрос. Констатируется, что вопросу новых кредитов ни со стороны германской промышленности, ни со стороны СССР не придан срочный характер и поэтому можно обосновательно и спокойно проводить решение его.

3. Концессии

Шеффер упоминает заявление Иоффе и указывает на то, что ни одна из германских концессий не оказалась удачным начинанием. По общим соображениям хозяйственной политики он считал бы необходимым выдать большую концессию, успех которой был бы целиком обеспечен и, таким образом, вызвать переворот в общественном мнении. Представитель Министерства иностранных дел вмешивается в разговор, и развивается очень подробный обмен мнениями между Ленгиелем, Ганом и Сьобергом. Ган указывает на то, что мы имеем налицо общий кризис концессий, но в настоящее время Министерство иностранных дел имеет дело с вопросами концессии Круппа, “Молога” и Германско-русского семеноводческого общества. Как известно, гарриманская концессия тоже испытывает кризис, и “Лена-Гольдфильдс” в затруднительном положении. Так что можно говорить об общем кризисе в концессионном вопросе. В Министерстве иностранных дел на ближайшее время назначено заседание, где этот вопрос поставлен на порядок дня. Он не отрицает, что русское правительство, например, в случае общества “Мологолес” не скупилось денежными средствами. Но сами концессии были выданы по условиям, не позволяющим их процветанию. Так, например, в случае Круппа объект концессий никак не соответствует § 1 концессионного договора, согласно которому концессии должна предоставляться годная для земледелия земля. Фактически же предоставляемая земля не годится для земледелия, там можно было бы разводить скот или, может быть, употреблять ее для других целей. Крупп же не может сделать вложения капитала, нужного для превращения этой земли в годную для земледелия. В случае же с “Мологолесом” также был предоставлен негодный объект, так что “Мологолес”, даже ставя в сторону вопрос железнодорожного сообщения,

не может идти вперед. Теперь, когда был поставлен вопрос о замене объектов, Главкоцесском сделал предложение, изменяющее весь концессионный договор по отдельным постановлениям вместо того, чтобы ограничиться заменой концессионных объектов. Такими осложнениями вопроса все дело затрудняется. Ленгиель на эти соображения Гана, подтвержденные Сьобергом указал на то, что, во-первых, выбор объектов был произведен совместно, и он должен полагать, что концессионеры подвергли их экспертному обследованию. Во-вторых, он должен подчеркнуть тот подтвержденный также и г. Ганом, факт, что русское правительство сделало концессинерам выходящие за пределы договора значительные уступки. Кризис концессий объясняется тем, что сами концессионеры первоначально сделали предложение, не будучи знакомыми с действительным положением в СССР и отчасти рассчитывая на то, что невыполнение обязательств со стороны концессионера не будет иметь тяжелых последствий. Все наши предостережения ни к чему не привели (случай с Гарриманом), так как концессионеры не доверяют нашим уполномоченным. Что говорили бы в Европе, если бы по случаю такого кризиса концессий не концессионеры, а русская сторона заявила бы, что она не может выполнять вытекающие из договора обязательства. Ган отвечает, что он вовсе не хочет поставить вопрос о виновности и не отрицает, что как в случае с “Мологой”, так и в случае с Крупном концессионеры при заключении договоров поступили преступно легкомысленно. Но теперь вопрос идет не об этом, а о том как можно подвести здоровую основу под эти концессии. Германское правительство и русское правительство одинаково заинтересованы в том, чтобы в настоящий момент эти концессии не потерпели краха одна за другой, волнуя этим общественное мнение. Он просит Ленгиеля написать соответствующее письмо в Москву. Ленгиель обещает.

4. “Люфтганза”

Шеффер интересуется переговорами с “Люфтганза” относительно сообщения Москва-Пекин. Он выдвигает этот вопрос также и при общих суждениях о новых кредитах и будущих отношениях. Он говорит, что “Люфтганза” является любимицей правительства, которое очень заинтересовано в этой концессии. Он в особенности запрашивает, когда предвидится окончание переговоров. Мы говорили, что у нас не имеется точной информации относительно переговоров, но что, поскольку мы знаем, вопрос обсуждается очень серьезно и с хорошими видами на успех. Нельзя, однако, ожидать, что при неизбежной сложности переговоров они могли бы быть закончены в очень короткое время.

5. “Русгерстрой”

Ленгиель запрашивает, осведомлено ли Министерство народного хозяйства о германско-русском строительном обществе (Русгерстрой) и питает ли к этому делу интерес? Шеффер и Ган единогласно говорят, что концессионер-фирма “Коссель”, обанкротилась, т.е. поставлена под контроль. Что же касается самой концессии, то фирма пытается получить поддержку банка, банки же обращаются в Министерства народного хозяйства и иностранных дел и говорят, что если эти ведомства дадут свою поддержку, то они, т.е. банки, тоже согласны давать. Решено, что после того, как Ленгиель, Шеффер и Ган изучат имеющиеся у каждого из них документы, будет назначено заседание для обсуждения этого вопроса.

6. Консервирование икры

Ленгиель указывает на затруднения, возникшие в связи с изменением существующего в течение десятилетий правила для ввоза икры в Германию. Допущенная до сих пор примесь борной кислоты вдруг запрещается. В случае надобности он прибегнет к помощи Министерств народного хозяйства и иностранных дел для улаживания этого разногласия.

7. Ввоз кинофильмов

Ленгиель указывает на затруднения, испытываемые нами при ввозе наших фильмов. Шеффер шутя говорит, что всегда можно обменять “Потемкина” на “Фридерикус Рекс”. Мы нашли эту мысль приемлемой.

8. Студенты-техники

Шеффер интересуется тем, сколько советских студентов учится в германских технических вузах. Он считает очень желательным приезд возможно больше студентов и нисколько не боится грозной пропаганды. Ган соглашается с этим и говорит, что пропагандистскую деятельность можно все равно контролировать. Якубович указывает на то, что число учащих сильно ограничено непризнанием аттестатов зрелости советских школ со стороны германских вузов. Шеффер и Ган обещают интервьюировать у прусского Министерства народного просвещения.

9. Посещение германских заводов советскими техниками

Шеффер интересуется посещениями германских заводов русскими техниками. Он считает такие посещения очень желательными и надеется, что ознакомлением русских техников с германскими условиями производства облегчится выполнение технических заказов. На наше возражение, что многие заводы чинят препятствия таким посещениям, Шеффер заявляет, что он готов взять на себя посредничество.

Ленгиель

*Письмо Ю.О. Ленгиеля министра-директору
Министерства народного хозяйства Германии Г. Шефферу
о сроке заключения поставочных договоров*

16 февраля 1927 г.
Берлин

Многоуважаемый г. министра-директор!

Согласно нашему вчерашнему частному разговору я прошу Вас представить междуведомственному комитету (Интерминистериелер Аусшус*) следующее предложение:

Междуведомственный комитет постановляет, что договоры на поставки, заключенные между торгпредством и германской поставочной фирмой на основании заключенного до 31 марта 1927 г. действительного соглашения, в отношении выдачи гарантий считаются как заключенные до 31 марта 1927 г.

На совещании 13 декабря 1926 г. в Министерстве народного хозяйства я господину министерскому советнику доктору Сьобергу уже сделал подробное предложение в связи с тем, что господин министерский советник желал получить от торгпредства заверение в том, что торгпредство сделает все возможное для использования всей суммы гарантии даже в узко ограниченный срок до 31 марта 1927 г.

Я соответствующее обязательство подтвердил своим письмом от 17 декабря и полагаю, что междуведомственный комитет заинтересован в том, чтобы это "все возможное" не было лишним образом ограничено техническими затруднениями. Выписка постановочных** договоров занимает не только наш административный состав: эти коммерческие и технически сложные договора могут быть составлены только нашими ответственными техническими и коммерческими специалистами. Предложенное мною истолкование срока заказов освобождает наш оперативный состав для переговоров с германскими фирмами до 31 марта, не обременяя их работой выписки договоров и обработки вопросов о подробностях, таким образом, увеличивая число могущих быть заключенных соглашений. Я уверен, что междуведомственный комитет в обоюдных интересах примет предложенный мною порядок.

Позвольте, многоуважаемый господин министра-директор выразить Вам свое глубокое почтение.

Вам очень преданный Ленгиель

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 21. Заверенная копия.

* Межминистерский комитет (нем.).

** Так в тексте. Следует: поставочных.

¹ Копия беседы направлена начальнику I отдела министерства хозяйства Германии Г. Шефферу, а также А.И. Микояну, И.О. Шлейферу, С.И. Бродовскому, С.Б. Жуковскому, А.Л. Маковскому. 8 марта 1927 г. копия письма Ю. Ленгиеля от 18 февраля 1927 г. с приложениями по поручению А.И. Микояна направлена в ЦК ВКП(б).

² Ган Бруно (1881–1959) – советник IV (восточного) отдела МИД Германии, член германского межведомственного комитета по советским заказам.

³ Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – граф, в 1892–1903 гг. министр финансов, в 1905–1906 гг. возглавлял Совет Министров Российской империи.

№ 9

*Телеграмма Н.Н. Крестинского в НКВД СССР
о беседе со статс-секретарем МИД Германии К. Шубертом
по поводу предстоящего выступления О. Гесслера
в комиссии рейхстага о советско-германских военных связях*

№ 1394, 1395
Спец. № 58, 59

19 февраля 1927 г.
Берлин
Сов. секретно
Расшифровать немедленно

Москва, НКВД

Был у Шуберта и сказал, что обещание Гесслера выступить на комиссии рейхстага по инделам в ответ на запросы социал-демократов очень меня обеспокоило, ибо даже частичное раскрытие Гесслером наших общих секретов создаст у нас уверенность, что оно вызвано важными соображениями, а именно переменной политики по отношению к нам и, кроме того, устранил возможность подобных соглашений в будущем. Шуберт ни словом не обмолвился, что ожидаемое выступление Гесслера будет лишь повторением уже состоявшегося выступления, и объяснял почему Гесслер не может отрицать. При этом Шуберт совершенно не реагировал на мои многократные указания, что выступление Гесслера возбудит убеждение о перемене политики в особенности в связи с фактическим прекращением условленных работ. Я объясняю это поведение Шуберта тем, что он был удручен, будучи принужденным врать, имея почти полную уверенность, что я знаю всю правду, и его мысль работала только в одном направлении – как бы меньше запутаться. Он был невероятно беспомощен. Шуберт представил вопрос так: Гесслер обязан говорить комиссии парламента правду, он мог отказаться говорить на пленуме бюджетной комиссии, заседания которой не секретные, но обязан говорить на секретном заседании комиссии по инделам.

Отказаться говорить, прикрываясь военной тайной, как я требовал, значит провоцировать Шейдемана на выступление на пленуме рейхстага, до чего не хотят допустить. Гесслер надеется, что его ожидаемое выступление положит конец дальнейшим разговорам на эту тему. В конце я сказал, что Москве известно намерение Гесслера выступить на комиссии и мне поручено узнать, в чем дело. Ожидая инструкций по этому поводу, я буду у него еще раз до заседания комиссии. На мой вопрос, были ли какие-нибудь сведения от графа¹ по этому поводу, Шуберт ответил отрицательно. Мое впечатление, что никакого поворота политики нет, а лишь ликвидация конспиративных отношений с нами, как логическое последствие вступления в Лигу наций, а заявление [об] этой ликвидации должно облегчить защиту от нападения крайне левых на рейхсвер вообще. Говорил и на другие темы. Сообщаю самое интересное, а именно то, что, по мнению Шуберта, британское правительство не собирается, по крайней мере теперь порывать отношения с нами, хотя твердолобые очень нажимают.

Полпред

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 22. Заверенный дешифрант.

¹ Имеется в виду У. Брокдорф-Ранцау.

№ 10

*Постановление СТО СССР "О порядке получения и обеспечения платежей по германскому кредиту"**

23 февраля 1927 г.

Секретно

14. Принять к сведению утверждение следующего постановления¹:

"1. Германские кредиты могут быть используемы как торговым представительством СССР в Германии по поручению и за счет хозорганов, имеющих право самостоятельного выхода на внешний рынок, так и непосредственно этими хозорганами под общим контролем торгпредства.

2. Хозорган, получивший вышеупомянутые кредиты, обязан внести надлежащую сумму червонцев в кассу государственного банка за неделю до наступления срока платежа по кредиту.

* Вопрос внесен Я.Е. Рудзутаком. Выписка из протокола № 314 заседания Совета Труда и Оборона СССР от 23 февраля 1927 г.

Примечание: В тех случаях, когда кредит подлежит погашению не за счет собственных средств хозорганов, а за счет государственного бюджета, на НКФ СССР возлагается ответственность как за своевременное включение подлежащих сумм в бюджет соответственно срокам платежа, так и за взнос в подлежащие сроки сумм, предусмотренных бюджетом, в кассу Государственного банка.

3. На НКТорг СССР, ВСНХ СССР и другие заинтересованные наркоматы возлагается ведение учета обязательств соответствующих хозорганов по вышеуказанному кредиту, включение их в валютные планы и наблюдение за своевременным производством хозорганами платежей.

4. На НКТорг СССР, ВСНХ СССР и другие заинтересованные наркоматы по принадлежности возлагается ответственность за своевременное внесение заявок в НКФ СССР и Госбанк для включения соответствующих платежей в годовые, квартальные и месячные валютные планы.

5. На Госбанк возлагается обязанность обеспечить возможность погашения вышеупомянутых кредитов в иностранной валюте в сумме соответствующих суммам внесенным хозорганами в червонцах (ст. 2).

6. В соответствии с ответственностью возложенной, согласно ст.ст. 2 и 3 настоящего постановления, как на заинтересованные хозорганы, так и на наркоматы, воспретить советским банкам выдачу каких бы то ни было гарантий по германским кредитам торгпредствами и другими советскими органами”.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 31. Заверенная копия.

¹ Постановление СТО утверждено 22 февраля 1927 г.

№ 11

*Телеграмма Н.Н. Крестинского в НКИД СССР
о ситуации в рейхстаге в связи с предстоящим
выступлением О. Гесслера о советско-германском
военном сотрудничестве*

№ 1506, 1509, 1510
Спец. № 63, 64, 65

23 февраля 1927 г.
Сов. секретно
Немедленно

Москва, НКИД

Сегодня утром до заседания комиссии я был приглашен Шубертом, который заявил следующее: «Он пытался сделать все возможное, дабы предотвратить необходимость говорить сегодня

слишком многое. Маркс вызвал к себе вчера вождей фракций и настаивал, чтобы не задавали Гесслеру неудобных вопросов, особенно внушал это эсдекам. Установлено Гесслером, что он заявит, что в 1921–1922 году [при] правительстве Ференбаха¹ и Вирта с ведома Эберта ввиду положения Германии и опасности нападения на Восточную Пруссию рейхсвер завязал сношения с нами. По условиям Версальского мира нужно было уничтожить заводы, почему они были переведены за границу, например, “Дорна” в Италию, “Фоккер” в Голландию, “Юнкерс” в Россию. На это было ассигновано 75 млн золотых марок. Сумма эта израсходована уже. Предприятия, устроенные в России, потерпели, как известно, неудачу, так что дела эти пришлось ликвидировать. Одним словом, Гесслер будет говорить общие фразы, конкретно лишь упоминать “Юнкерса”. Однако нет гарантии, что эсдеки не зададут подробных вопросов, и трудно предвидеть, что принужден будет говорить Гесслер. О том, что все уже произошло в подкомиссии, Шуберт ни словом не обмолвился. Я сказал, что для нас по-прежнему остается загадочным, почему Гесслеру понадобится раскрывать наши тайны. Шуберт ответил, что исключительная цель – не допустить до дебатов по этому поводу на пленуме рейхстага. Шуберт обещал осведомить о результатах сегодняшнего заседания. “Форвертс” подготовил кампанию, дав в сегодняшнем номере на первой странице большую статью на эту тему с фотографией письма, доказывающего о переводе денег в Москву. “Форвертс” пользуется уже высоко секретными заседаниями подкомиссии и пишет: “Тем временем коммунистические вожди узнали, что это однако же правда”. И добавляет из осторожности “Они могли это заключить из запросов (?)” германского правительства”. Коммунисты, кажется, намерены все отрицать, даже дементировать** Гесслера. Они получили совет придерживаться старой тактики – это значит отрицать. Между тем сам “Форвертс” правильно пишет: «коммунисты могли бы ведь сказать: “Да, все это правда. Москва в интересах своей консолидации и международной революции должна была во чтобы то ни стало вооружаться и с этой целью даже вступить в союз с Гесслером”».

Полпред

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 32. Дешифрант.

¹ Ференбах Константин (1852–1926) – в 1920–1921 гг. глава правительства Веймарской республики.

* Знак вопроса поставлен шифровальщиком.

** Опровергать, уличать во лжи (*фр.*).

№ 12

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О немецких кредитах"***

№ П 88/26-с

24 февраля 1927 г.

Строго секретно

26. Поручить т. Рудзутаку рассмотреть с участием заинтересованных ведомств предложение немецких фирм о товарном и денежном кредите и доложить на следующем заседании Политбюро.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 39. Копия.

№ 13

Справка НКВнТ СССР о ходе реализации германских кредитов на 1 февраля 1927 г.

Не позднее 28 февраля 1927 г.**

Секретно

Наркому внешней и внутренней торговли
тов. Микояну

Во исполнение директивы Политбюро Наркомторг в результате переговоров с соответствующими инстанциями добился продления срока размещения заказов по предоставленному нам Германией гарантийному кредиту до 31 марта 1927 г.

Поскольку срок использования кредитов был продлен, необходимость реализации отдельных спецификаций, имеющих в распоряжении торгпредства, даже в ущерб намеченной разверстке кредитов по отдельным отраслям народного хозяйства и отдельных предприятий потеряла свою остроту, но не миновала окончательно. Только к концу марта выяснится точная картина насколько фактическое размещение заказов действительно совпадает с плановой разверсткой германских кредитов по отдельным отраслям народного хозяйства, отдельным отраслям промышленности и соответствующим комитетам.

Существовавшие одно время разногласия между Наркомторгом и ВСНХ СССР относительно контингентов промышленности по германскому кредиту разрешены соглашением между обоими наркоматами.

* Вопрос представлен А.И. Рыковым. Выписка из протокола № 88 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 24 февраля 1927 г., п. 26. Направлена Я.Э. Рудзутаку, А.И. Микояну.

** Датируется по препроводительной, направленной в ЦК ВКП(б) по поручению А.И. Микояна.

Положение с реализацией германских кредитов на 1 февраля 1927 г. представляется в следующем виде:

Всего размещено заказов на 81 966 000 рублей, из них падает

на 4-х летний кредит – 48 578 000 рублей

на 2-х ” ” ” 33 388 000 ”

Учитывая накладные расходы плюс % за кредит, которые выражаются кругло в 20% к ценностному выражению отдельных заказов, общая сумма размещения заказов выражается в 102 450 000 рублей.

По отдельным отраслям народного хозяйства эта сумма распределяется следующим образом:

А) По промышленности:

Оборудование бумажной промышленности	–	7 933 000	р.
“ угольной	–	14 545 000	
“ рудной	“	–	1 350 000
“ текстильной	–	3 734 000	
“ металлической	“	–	35 387 000
“ нефтяной	“	–	13 283 000
“ силикатной	“	–	1 980 000
“ химической	–	3 040 000	“
“ лесной	“	–	290 000
“ пищевой	“	–	482 000
“ электрохимической	“	–	2 947 000
“ военной	–	1 056 000	
кожевенной	“	–	110 000
электростроительство	“	–	9 960 000
Б) Местная электрофикация	–	1 015 000	
В) Оборудование газетного издательства	–	960 000	
Г) Оборудование транспорта (НКПС)		3 015 000	
Д) Оборудование связи (НКПиТ)		68 000	“
Е) Оборудование комхозов		1 041 000	
Ж) Оборудование сельскохозяйственное		177 000	
З) Точные приборы		350 000	
Итого:		102 468 000	р.

По полученным от т. Шлейфера сведениям можно рассчитывать, что к обусловленному сроку кредиты будут использованы почти полностью.

Врид начальника Управления заграничными операциями Шаров¹
Старший директор Электродиректората Черняк²

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 41–41 об. Заверенная копия.

¹ Шаров Яков Васильевич (1884–1936) – в то время сотрудник НКВТ СССР.

² Черняк Самуил Соломонович – в то время сотрудник НКВТ СССР.

№ 14

Сообщение ТАСС

*об обсуждении советско-германских отношений
в комиссии рейхстага по иностранным делам*

№ 487

3 марта 1927 г.*
Секретно

Обсуждение разъяснений правительства по вопросу о взаимоотношениях между рейхсвером и советским правительством, состоявшееся по инициативе и по требованию социал-демократов, было строго секретным. Однако очень многие подробности этого обсуждения сделались известными. Как выясняется, сущность его состояла в следующем.

После краткого обсуждения дополнительного торгового договора между Германией и Литвой, Гесслер выступил с объяснениями по вопросу о взаимоотношениях между рейхсвером и советским правительством. Он сообщил, что в 1922 году в то время, когда Германия находилась в особенно тяжелом положении, германское правительство сочло себя вынужденным принять меры к усилению обороноспособности Германии. Это было после Генуэзской конференции, после восстания Корфанты¹, после занятия Вильно поляками, когда под угрозой находилась Восточная Пруссия. Так как Германия не в состоянии была сделать хотя бы одну единственную гранату вследствие полной демилитаризации германской военной индустрии, то она считала себя вынужденной перенести часть своей военной индустрии в СССР. Для этой цели был создан специальный фонд в сумме 75 млн золотых марок (дальнейших подробностей об этом Гесслер не сообщил).

* Информация получена из Берлина 25 февраля 1927 г.

После принятия плана Дауэса и вступления Германии в Лигу наций положение Германии, однако, изменилось, и вместе с тем отпала необходимость в подобных соглашениях с СССР.

На вопрос со стороны одного из социал-демократических депутатов, что случилось с “Гефу” и “Вико” (организации, которые осуществляли эти соглашения с СССР), – Гесслер ответил, что “Гефу” более не существует, а “Вико” находится в стадии ликвидации.

После этих разъяснений начались прения, в которых буржуазные партии (как правительственные, так и демократы), по-видимому, по предварительному соглашению с правительством не принимали участия. От социал-демократов же выступили три оратора: Герман Мюллер, Гильфердинг и Брейтштейд. Очевидно, также по соглашению с правительством, они не касались подробностей взаимоотношений рейхсвера с советским правительством, но зато в исключительно агрессивной форме дали выражение своей враждебности к СССР. Они подчеркивали, что все появившиеся в печати сообщения о военных поставках рейхсверу из СССР соответствуют действительности. Особенно резкую речь произнес Гильфердинг. Он заявил, что Советский Союз ведет политику насилия против Англии и поэтому создает угрозу миру. Германия должна остерегаться более близких связей с СССР. В связи с этим надо внимательнее обсудить также и вопрос о германских концессиях в СССР. В этих сомнительных предприятиях помещено слишком много германских денег.

В общем, речи всех трех социал-демократических ораторов были с исключительной остротой направлены против СССР, причем вопрос о “гранатах” отнюдь не выдвигался на первый план.

Из представителей буржуазных партий выступал только Вирт. Вопреки тем колеблющимся настроениям, которые он выражал за последние недели, Вирт очень горячо выступил за сближение с СССР. Он заявил, что весь “гранатный вопрос”² – только недостойная история, из-за которой не стоит тратить слов. Надо скорее обратить внимание на общее положение на Востоке. Он сам заключил договоры с СССР в 1922 году, потому что тогда положение требовало этого. В 1922 году Франция прямо требовала, чтобы Германия разрешила проход французских войск через германскую территорию; согласно Версальскому договору, Германия была обязана сделать это. Эти переговоры с Францией, по словам Вирта, были самым тяжелым периодом его политической деятельности. Именно при этой ситуации были созданы и нелегальные организации рейхсвера (“черный рейхсвер”), образование которых предал Франции националист Штадтлер³. Переходя

к положению на Востоке, Вирт подчеркнул, что общеизвестной является деятельность английских агентов, которые повсюду в окраинных государствах, от Финляндии до Румынии, работают против СССР. Особенно тщательно надо следить за положением в Литве. Германия заинтересована в том, чтобы Литва не подпала под польское влияние. Нельзя поэтому обострять германские требования в мемельском вопросе.

Со стороны коммунистов выступали Штёкер⁴ и Розенберг. При этом обнаружилось некоторое несовпадение их позиции в вопросе об отношениях рейхсвера и Советского Союза. Штёкер придерживался решения ЦК КПГ, согласно которому разоблаченные социал-демократами факты должны просто оспариваться. (По отношению к широким общественным кругам, которые не располагают в достаточном количестве точной информацией, такая тактика возможна, однако в комиссии по иностранным делам, где присутствуют превосходно информированные люди, подобная тактика не очень благоприятна). Розенберг, напротив, допускал возможность подобного соглашения между рейхсвером и СССР, но подчеркивал особые условия внешнеполитического положения Германии в то время. В остальном же оба коммунистических оратора очень сильно нападали на социал-демократов, в особенности же на Гильфердинга. Ораторы указали, что утверждение Гильфердинга, будто Советский Союз, все интересы которого сводятся к миру, ведет политику войны, по своему клеветническому содержанию превосходит все, что до сих пор раздавалось из этого лагеря против СССР. Розенберг в особенности подчеркивал необходимость укрепить отношения с Советским Союзом и Францией.

От имени Министерства иностранных дел выступил статс-секретарь Шуберт. По словам Шуберта, Германия, теперь как и прежде, ведет двустороннюю политику, с одной стороны, основанную на Локарно, с другой на Берлинском договоре, и намерена продолжать эту политику. Германия внимательно следит за положением в окраинных государствах и на Балканах, но большего она сделать не может. Что касается Литвы, то Германия заинтересована в том, чтобы она не подпала под польское влияние. Поэтому Германия двинула вперед переговоры о торговом договоре с Литвой, причем с Советским Союзом установлен контакт по литовскому вопросу.

Вирт, который во второй раз получил слово, остановился на этот раз на хозяйственном положении Советского Союза. Хозяйственное положение СССР, по словам Вирта, тяжело. СССР нужен срочный финансовый заем. Нужно создать хозяйственное Ло-

карно, чтобы Германия могла пойти навстречу этой потребности Советского Союза. Вирт беседовал уже на эту тему с директором Госбанка Шейнманом. Концессии находятся в тяжелом положении, однако проблему деятельности в СССР нужно обсуждать в широком масштабе.

Герман Мюллер к концу заседания почувствовал необходимость сгладить неблагоприятное впечатление социал-демократической травли против СССР. Он заявил, что социал-демократическая партия не против СССР, ее лозунг скорее "Руки прочь от России". Ведь это он в свое время завязал отношения с Коппом, из-за чего ему пришлось перенести много неприятностей со стороны английского поверенного в делах.

На этом заседании закрылось, так как никаких решений принимать не нужно было и никаких предложений не поступало.

Общее впечатление от заседания таково, что хотя нужно было уступить требованию социал-демократов и поставить поэтому на обсуждение вопрос об отношениях рейхсвера с СССР на заседании иностранной комиссии, однако уже в предшествовавших заседанию переговорах между партийными лидерами было, очевидно, согласовано, что детальное обсуждение подобных секретных соглашений между правительствами не должно иметь места. Уже и так много крови испортило то обстоятельство, что в комиссиях рейхстага недавно обсуждалось сделанное в свое время Германии Ватиканом предложение о мирном посредничестве между участниками мировой войны. Этого рода нескромность может возбудить сомнения насчет того, можно ли доверять германскому правительству. Ввиду этого отношения с рейхсвером обсуждались лишь в самой общей форме. Последовавшие затем выступления об отношениях с Советским Союзом и положении на Востоке показали, что германско-польские противоречия сильно обострились также из-за литовского вопроса.

Относящиеся к этому заявления Шуберта были почти буквально воспроизведены в передовице "Теглихе Рундшау" 24.02, написанной фон Рейнбабеном⁵. Заявления Рейнбабена, которые, очевидно, были или совместно с Шубертом формулированы, или инспирированы последним, были переданы одновременно в Москву по телеграфу.

Что касается позиции социал-демократов в вопросе об отношениях с СССР, то весьма показательно, что вечером после заседания комиссии по иностранным делам правый социал-

демократический лидер Зольман пришел к Розенбергу и жаловался ему на дурное состояние отношений между социал-демократами и СССР. По словам Зольмана, в этом виновата лишь “мелочная политика КПГ”. Когда Розенберг ему на это возразил, что отношение Второго и Амстердамского интернационалов к СССР настолько враждебно, что единство профдвижения стало невозможным, Зольман выразил сожаление также и об этом и заявил, что проницательные люди с обеих сторон должны выступить за улучшение отношений. Это заявление Зольмана, а также попытки Германа Мюллера ослабить первоначальное впечатление от антисоветских выпадов весьма симптоматичны для тех тенденций, которые имеются в среде социал-демократов по отношению к СССР. Решительно враждебен к СССР руководящий центр партийного правления (Вельс⁶, Гильфердинг, Герман Мюллер и др.). Что касается Гильфердинга, который еще в большей степени является англофилом, чем остальные, то, по-видимому нужно принимать в расчет его английские связи. На правом крыле партии находятся такие люди, как Лебе, Зольман, которые настроены менее партийно-политически и мыслят более государственно-политически, а потому стоят за корректные отношения с СССР. На левом фланге находятся такие элементы, как Заупе⁷ (“Лейпцигер Фольксцайтунг”), которые выступают за СССР из чувства пролетарской солидарности. Однако, также среди левого крыла элементы, стоящие ближе к партийному аппарату, настроены очень резко против СССР и частично (Кюнстлер⁸-Берлин) даже участвуют в антисоветской травле.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 42–44. Копия.

¹ Корфанты Войцех (1875–1939) – лидер Христианско-демократической партии Польши, в 1902–1918 гг. депутат прусского ландтага и рейхстага Германии от Верхней Силезии, в 1923 г. вице-премьер Польши, с 1935 г. в эмиграции. Возглавил вооруженные выступления в 1919, 1920 и 1921 гг. польского населения, находящегося под властью Германии в Верхней Силезии, за воссоединение с Польшей, против условий Версальского мирного договора 1919 г.

² Имеется в виду вопрос о поставке из СССР в Германию крупной (300 тыс.) партии снарядов (гранат).

³ Штадтлер Эдуард (1886–1945) – немецкий писатель, в 1918 г. руководитель отдела прессы генконсульства и посольства Германии в Москве.

⁴ Штёкер Вальтер (1891–1939) – журналист, в 1920–1922 гг. секретарь ЦК КПГ, в то время депутат рейхстага Германии от КПГ.

⁵ Рейнбабен Вернер фон (1878–1975) – в то время депутат рейхстага Германии от Немецкой народной партии, в 1926–1933 гг. представитель Германии при Лиге наций.

⁶ Вельс Отто (1873–1939) – с 1919 г. председатель правления СДПГ, в то время депутат рейхстага Германии от СДПГ.

⁷ Заупе Хуго (1883–?) – в то время депутат рейхстага от СДПГ, в 1921–1933 гг. редактор газеты “Лейпцигер Фольксцайтунг”.

⁸ Кюнстлер Франц (1888–1942) – в 1920–1924 гг. депутат рейхстага от СДПГ, председатель партийной организации Берлина.

№ 15

*Записка И.С. Уншлихта И.В. Сталину
о мерах по ликвидации секретных
советско-германских военных предприятий в СССР*

№ 014

4 марта 1927 г.
Сов. секретно

В Политбюро ЦК ВКП(б)
Тов. Сталину

Постановление ПБ от 24 февраля с.г. (протокол № 88, п. 7, “а”) ограничивает военное сотрудничество с немцами только легальными формами. На основании этого мною принимается ряд мероприятий по ликвидации всех секретных совместных предприятий с РВМ.

Согласно моих указаний, тов. Берзин в весьма вежливой форме 26.02.1927 г. сделал соответствующее заявление представителю РВМ в Москве полковнику Лит-Томзену. Он указал, что заявление его находится в связи с разглашением Гесслером в комиссии рейхстага перед представителями всех партий рейхстага фактов сотрудничества между двумя армиями, в частности, факта вывоза снарядов. Указывалось, что мы не обвиняем РВМ и продолжаем сохранять с ним самые дружественные отношения. Однако мы должны считаться с причинами, которые заставили Гесслера выступить с этим заявлением, и должны констатировать, что впредь мы не можем рассчитывать на сохранение тайны нашей совместной работы по причинам, может быть, даже не зависящим от РВМ. Мы вынуждены впредь всю нашу работу перестроить таким образом, чтобы придать всем нашим взаимоотношениям легальную форму.

С коммунистическим приветом Уншлихт

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 45. Подлинник.

№ 16

*Письмо НКВнВТ СССР в ЦК ВКП(б) о реализации лицензий,
выданных в счет долгосрочных германских кредитов*

Не позднее 7 марта 1927 г.*
Секретно

Сведения
о реализации лицензий,
выданных в счет долгосрочных германских кредитов
(в тыс. руб. по данным на 20.02)

Секретно

Наименование	Реализо- вано	Реализо- вано + 25%
Оборудование металлопромышленности	31720	39650
“ горной промышленности	13946	17432
нефтепромышленности	11708	14635
текстильпромышленности	4016	5022
бумпромышленности	7184	8981
электротехпромышленности	2448	3060
полиграфпромышленности	686	858
химпромышленности	2660	3325
“ пищепромышленности	381	480
силикатпромышленности	1568	1965
кожпромышленности	80	100
лесной промышленности	490	613
строительной промышленности	96	120
НКПС	4167	5209
Наркомпочтель	91	113
Комхозов ¹	892	1116
точные приборы	280	350
электростроительство	10058	12573

* Датируется по препроводительной записке, направленной в ЦК ВКП(б).

местная электрификация	508	761
автомобили	102	127
“ сельхозмашины	435	544
ГУВП	<u>844</u>	<u>1055</u>
	94 468	118 089
Из них по четырехлетнему кредиту	55000	68750
“ по двухлетнему “	39488	49339
По данным на 1.03 реализовано	99768	124710

Начальник учетно-лицензионного отдела

АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 46–47. Заверенная копия.

¹ Имеется в виду Наркомат коммунального хозяйства.

№ 17

*Записка А.И. Микояна в Политбюро ВКП(б)
о заказе коксовых печей и обсадных труб в Германии*

№ Пб/100023

8 марта 1927 г.
Секретно

В Политбюро ЦК ВКП(б)

Записка по вопросу о заказе коксовых печей

I. “Югостали” необходимо заказать три коксовых установки общей стоимостью около 14 млн марок. Заказ предположен был к размещению в Германии, где коксовые печи изготавливаются на 5–6 крупных германских заводах. Эти предприятия плюс еще одно бельгийское предприятие заключили конвенционное соглашение, сводящееся к тому, что все фирмы, входящие в это объединение, обязуются удерживать цены на определенном уровне; причем фирма, которая получает заказ, выплачивает всем другим участникам конвенционного соглашения по 1%. Следовательно, из-за существования конвенции фирма должна включить в калькуляцию 5–6% отступных другим фирмам – участницам соглашения. Кроме того, сама цена из-за конвенционного соглашения также выше нормальной цены процентов на 5–6.

Проделанный торгпредством подробный анализ калькуляции показал, что минимум переплаты составляет свыше 10%.

В разговорах с представителями Министерства народного хозяйства мы указали на то, что такого рода соглашения совершенно недопустимы и заставят нас подумать о мерах борьбы против такой грабительской политики отдельных промышленников, тем более, что такие действия находятся в противоречии с германским законом о картелях.

Шеффер с своей стороны считает, что промышленникам не следовало бы этого делать, но с точки зрения закона в этом нет ничего противоречащего закону о картелях и вообще практикуется фирмами даже в отношении государственных подрядов и поставок самого германского правительства.

II. В целях борьбы за снижение цен по коксовым печам Наркомторг распорядился командировать работника берлинского торгпредства, ведущего этот заказ, во Францию для ведения конкуренции с германскими фирмами, причем, если бы удалось поместить заказы во Франции на более выгодных условиях, это помогло бы нам ослабить конвенционное соглашение по коксовым печам и добиться снижения цен. Правда, условия кредита во Франции хуже, чем в Германии, и, кроме того, при выпадении большего заказа на 14 млн марок можно опасаться, что мы не успеем полностью использовать остатки германского кредита. Одновременно пытаемся воздействовать на фирмы, подготавливая опубликование в печати дословного содержания соглашения, что неизбежно вызовет осуждение таких действий общественным мнением Германии.

Опыт закончившейся борьбы с котельным картелем показал, что при правильной коммерческой стратегии с нашей стороны мы в состоянии не только добиться уступок со стороны промышленных объединений, но и подорвать существование таковых. Борьба с котельным картелем началась в октябре 1926 г. Первое наступление торгпредства было организовано против одного из самых сильных членов картеля – фирмы “Борзиг”, в результате которой “Борзиг” сообщил о согласии вести переговоры о разрыве картеля, если скидка, которую мы будем требовать с картельных цен, будет менее 20%. Такого обязательства торгпредство дать не могло.

Несмотря на то, что попытки разместить заказы в других странах не имели успеха вследствие того, что во Франции в связи с повышением франка котлы вздорожали в цене, а английские цены были всегда выше картельных, нам все же удалось добиться значительного снижения цен. Кампания эта была проведена следующим образом.

Торгпредство подняло большую кампанию в прессе. Прекращены были рассылки запросов котельным фирмам, что вызвало у них большое беспокойство, и продолжались переговоры лишь с одной фирмой на заказ оборудования, причем фирма соглашалась пойти на секретное соглашение в обход картельному. Мы заказ выдали, и остальные фирмы забеспокоились, подозревая, что тут имеет место секретное соглашение. В дальнейшей борьбе нам удалось закончить переговоры с одной фирмой – “Фридрих Мин” – на сдачу заказа по котельному оборудованию на 24% ниже картельных цен. После выдачи этого заказа в торгпредство явился директор котельного завода “Дюр-Верке”, входящего в объединение, и сообщил, что так как руководители картеля забыли взять с его фирмы письменное обязательство в отношении цен, то он считает себя свободным, и фирма получила заказ на 25 котлов.

Проведение этих мероприятий совершенно очевидно доказало, что в результате 4-х месячной борьбы картель не сумел себя оправдать, и 17 февраля председатель картеля заявил принципиально, что они прекращают борьбу и дают всем членам объединения полную свободу действий. При этом он просил, чтобы мы не нажимали на цены ниже фирменной стоимости. Вслед за этим являлись директора крупных котельных заводов и предлагали дальнейшее снижение цен против достигнутых при размещении первых двух-трех заказов.

Благодаря выдержке при ведении переговоров мы сэкономили примерно около 3 млн золотых рублей.

К сожалению “Югосталь”, по заявлению заместителя председателя, должна обязательно срочно заказать две коксовые установки – для Брянского и Днепровского заводов даже в том случае, если будет иметь место переплата в 10 или свыше 10%. Этим самым мы лишены будем возможности проведения плана борьбы за снижение цен, и по всему заказу переплата составит около 1½ млн марок.

Наркомторг считает, что идти на заведомую переплату означает ликвидировать результаты достигнутых успехов в отношении котельного картеля и ослабить наши позиции в дальнейшей даче заказов. Но поскольку промышленность выдвигает настойчивые требования о размещении заказов, просим директив Политбюро по этому вопросу.

III. Второй вопрос касается заказов обсадных труб для нефтяной промышленности. В августе месяце через фирму “Отто Вольф” был выдан заказ по цене 21 ф. 13½ шилл. за тонну, при-

чем было заказано труб на 11½ тыс. тонн. При вторичном заказе на 16½ тыс. тонн “Отто Вольф” потребовал 26 ф. 2 шилл. за тонну. Эта цена была нами отвергнута, причем, поскольку “Вольф” ссылаясь на то, что вздорожание вытекает из повышения заработной платы и стоимости металлов, мы потребовали, чтобы нам была предъявлена калькуляция как по старому заказу, так и по новому и вместе с тем потребовали скидку, вытекающую из удешевления себестоимости в результате рационализации производства на заводах. В процессе дальнейших переговоров “Вольф” предложил цену – 23 ф. 10 шилл. за тонну. Мы прекратили переговоры и попытались связаться с заводами, входящими в трубочный синдикат. Путем бесед с представителями заводов и путем получения нелегальных калькуляций себестоимости выяснилось, что себестоимость труб на заводах составляет 18½ ф. стерл. за тонну; синдикат отпускает “Вольфу” по 21 ф. за тонну, а “Вольф” хочет получить дополнительную прибыль сверх цены синдиката только потому, что он имеет от синдиката монопольное представительство по заказам СССР. Мы не считали возможным пойти на размещение этого заказа и решили вступить в борьбу с “Вольфом”. Проект кампании против “Вольфа” нами намечен следующий:

1) Поскольку большинство заводов не имеет значительной загрузки заказами на обсадные трубы и скоро закончат наши старые заказы, некоторые заводы вынуждены будут перейти на сокращенную рабочую неделю. Этим нам надо будет воспользоваться и поднять кампанию в прессе.

2) Хотя цена Америки в среднем составляет около 20 ф. за тонну, необходимо дать небольшой заказ на Соединенные Штаты и мотивировать дачу этого заказа чрезмерными аппетитами “Вольфа” по этому заказу.

3) Попытаться войти с отдельными заводами в соглашение об их загрузке на длительный срок заказами на трубы и этим самым оторвать от трубочного синдиката.

Кроме того, через подставных лиц хотим получить предложения Германии и Англии на обсадные трубы для третьей страны (для Центральной Америки). Мы вошли уже в соглашение с директором одной такой фирмы.

Одновременно мы заинтересовали голландскую фирму “Стокфис”, являющуюся крупным торговцем прокатных материалов и, в частности, обсадных нефтепроводных труб, которая согласилась дать нам в марте предложение на трубы как американского, так и германского производства.

В отношении этого заказа положение дел обстоит так же, как и с коксовыми печами. Нефтепромышленность настаивает на том, чтобы заказы были размещены, так как для дальнейшего форсированного развития нефтедобычи им необходимо получить трубы в достаточных размерах.

Наркомторг просит директив Политбюро и по этому вопросу. Народный комиссар внешней и внутренней торговли СССР

А. Микоян

Виза И.О. Шлейфера.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 50–53 об. Подлинник.

№ 18

*Записка заместителя председателя
ВСНХ СССР А.П. Серебровского в Политбюро ЦК ВКП(б)
о заказах коксовых печей в Германии и Франции**

14 марта 1927 г.

Секретно

Экз. № 1

В Политбюро ЦК ВКП(б)

По поводу представленной Наркомторгом записки о заказе в Германии коксовых печей Президиум ВСНХ СССР считает необходимым сообщить следующее.

По полученным последним данным из Берлина поступило предложение французской фирмы “Дестикок”, цены которой на 14% ниже тех цен, по которым в прошлом году были заказаны коксовые печи для “Донугля”. Правда, французы при этих ценах не дают никакого кредита, а требуют уплаты всей суммы во время выполнения заказа. Если, однако, учесть нынешние немецкие цены и прибавить стоимость немецкого кредита, с одной стороны, а с другой стороны, стоимость печей у “Дестикока” и стоимость французского кредита, исходя даже из 18% годовых, то и в этом случае французские цены будут значительно ниже немецких. В результате переговоров с французской фирмой немцы внесли новое предложение о том, что они принимают за базу цены “Донугля” плюс 6% надбавки (вместо прежних 10%). Переговоры с немцами продолжаются и возможно, что в связи

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ 91, п. 11.

с реальной угрозой передачи заказа на одну печь во Францию немцы пойдут на дальнейшие уступки. Ввиду этого Президиум ВСНХ СССР считал бы целесообразным немедленно, не дожидаясь окончания переговоров с немцами, передать заказ на одну коксовую печь во Францию.

Что касается остальных двух печей, то Президиум ВСНХ считает, что заказ на таковые должен быть выдан не позже апреля. Необходимость выдачи этого заказа к указанному сроку диктуется следующими обстоятельствами. По состоянию нашего коксового баланса постройка печей должна начаться в текущем году. Если будет отсрочена выдача заказа в целях достижения лучших цен, имеется реальная угроза, что строительный сезон в текущем году будет упущен и план строительства не будет выполнен. Помимо этого, необходимо также учесть, что 31 марта закрываются немецкие кредиты, и по истечении этого срока выдача заказов, возможно, будет производиться на худших кредитных условиях, что отразится на финансовом положении "Югостали", поскольку по промфинплану намечалось получение 4-х летнего кредита на коксовые печи.

Подготовленные к пуску доменные печи как "Югосталью", так и другими заводами не могут быть пущены вследствие явно выявившегося недостатка кокса*.

Ввиду вышеизложенного Президиум ВСНХ считает, что в связи с поступившими новыми предложениями от немцев можно предположить, что немецкие фирмы пойдут на дальнейшие уступки. В случае, однако, если до 1 апреля немцы на дальнейшее снижение цен не пойдут, то по вышеуказанным причинам Президиум ВСНХ СССР считал бы возможным согласиться на передачу заказа на остальные две коксовые печи немцам с надбавкой 5-6%.

Зам. председателя ВСНХ СССР Серебровский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 54-54 об. Подлинник.

* Предложение вписано от руки А.П. Серебровским.

№ 19

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О заказах в Германии”**

№ П 91/11-с

17 марта 1927 г.
Строго секретно

11. Передать вопрос о заказах в Германии на разрешение совещания заместителей председателя СНК СССР во вторник, 22.03. с.г.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 49. Копия.

№ 20

Телеграмма К.М. Бегге И.О. Шлейферу о реализации заказов в Германии

№ 1628

22 марта 1927 г.
Строго секретно

Москва, Наркомторг, Шлейферу

На субботу разместили всего 237 млн марок. Так как осталось нереализованными: первое – коксовые печи – 9, трубы – 8, пароходы 14½ млн. марок, разные мелкие позиции по техно-импорту и электро-отделу в сумме 12 млн, а всего 43½ миллиона марок. Министерство условно согласилось допустить превышение над первоначальной суммой в 255 млн марок на 50–70 млн с тем, что окончательно вопрос вырешится 28/29 марта. Исходя из этого включаем в реализацию условно следующие позиции: первое – дублирование для “Югостали” в сумме 4 1/2, второе Московское кольцо – 4, турбины – 4, химию – 6, текстиль – 1, Наркомпуть – 2, разные позиции – комплектующее, заказанное и нереализованное вследствие отчета контингентов, и лицензии – 3 1/2, всего около 305 млн марок. Если не произойдет новых сюрпризов в отношении коксовых печей, труб, пароходов и [по] некоторым другим позициям, эта сумма будет полностью использована, не включая грузовиков – миллион рублей – так как комиссия “Автотреста” непроработала вопрос. Если все же считаете необходимым грузовики заказать, сроч[но шл]ите до 28 марта.

Бегге

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653 Л. 55. Заверенный дешифрант.

* Выписка из протокола № 91 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 марта 1927 г., п. 11. Направлена Н.П. Горбунову.

№ 21

*Справка заместителя наркома
внешней и внутренней торговли СССР К.Г. Максимова
в Политбюро ЦК ВКП(б) об использовании немецких кредитов*

№ 027

28 марта 1927 г.

Сов. секретно

Политбюро ЦК ВКП(б)

Справка

О выполнении постановления ПБ № п-63/3-с от 18.11.1926 г.
по вопросу об использовании немецких кредитов

- А. Поручить Наркомторгу добиваться согласия германского правительства на использование кредитов и после 1.01.1927 г., если мы не сумели разместить в согласованные сроки.
- А. В результате представления торгпредства и полпредства в Германии германскому правительству срок использования продлен до 31 марта, причем гарантия германского правительства распространяется также и на такие заказы, которые будут оформлены после 31 марта, если соглашение с соответствующими фирмами по этим заказам было заключено до 31 марта.
- Б. Предоставить НКТоргу право по соглашению с заинтересованными ведомствами или по решению СТО изменять распределение кредитов, в случае, если отдельные заказчики не в состоянии будут в сроки представить необходимые спецификации.
- Б. Необходимые спецификации были представлены главным образом промышленностью. В результате промышленность получила дополнительные контингенты за счет прочих отраслей хозяйства (в размере около 30 млн марок).
- В. Считать недопустимым зачисление в план долгосрочных кредитов заказов концессионеров и поручить торгпреду и полпреду СССР в Германии сделать соответствующее
- В. В бытность в Берлине т. Шлейфера он договорился с соответствующими германскими кругами, что германское правительство дополнительно гарантирует еще 20 млн в счет

представление германскому правительству. долгосрочных кредитов, так как общая сумма кредитования повышается до 270 млн вместо 250 млн, если сумма п/заказов до 31 марта достигнет этого размера, причем представители министерств народного хозяйства и иностранных дел дали понять, что они пойдут на доведение кредитов до 300 млн марок.

Г. Принять следующее предложение комиссии по вопросу о договоре германского правительства с германскими страховыми обществами, касающегося страхования кредитов и авансов, предоставленных советскому правительству.

1) Предложить НКТоргу обеспечить при заключении сделок невозможность для германских контрагентов пользоваться страховым договором.

2) Разрешить Госбанку прекратить выдачу гарантий на Германию в тех случаях, когда есть основания предполагать, что кредитующая фирма страхует сделку на основе договора.

3) Предложить НКТоргу и НКИД дать указания своим представителям за границей: 1) что необходимо добиваться от соответствующих правительств предварительного согласования с ними таких актов до их издания; 2) что такие вопросы требуют санкции Москвы.

4) Предложить НКТоргу, НКИД и Госбанку обсудить вопрос

Г. Как торгпредство, так и полпредство официально выразили протесты германскому правительству и указали на недопустимость одностороннего введения без согласования с нами такого акта, как страхование кредитов и авансов, предоставленных советскому правительству.

Торгпредству даны инструкции не утверждать сделок с теми фирмами, которые пользуются страхованием.

о том, какие дополнительные меры могут быть приняты для аннулирования договора.

Д) Указать т. Крестинскому на ненормальность такого положения дел, когда без ведома нашего представительства в Берлине и правительства СССР немецким правительством проводится такого рода решение, как страхование наших векселей и обязательств. Считать ошибочным отсутствие протеста по этому вопросу со стороны полпредства в Берлине ввиду того, что акт германского правительства несет не только экономическое, но и большое политическое значение.

Е) Считать, что в сумму расходов на заказы предназначенные для различных ведомств, входят не только расходы на закупку товаров, но и все накладные расходы, как транспортные и т.п.

Ж) Вопрос о разногласиях между Наркомторгом и ВСНХ относительно первой и второй очереди заказов на немецкий кредит направить на рассмотрение СТО в соответствии с п. "е" настоящего постановления.

Д) Как уже было указывалось, представители полпредства и торгпредства неоднократно устно заявляли представителям германского правительства, что для нас страхование наших векселей и обязательств является неприемлемым, так как в отличие от страхования, которое принято для буржуазных фирм, страхование наших кредитов теряет всякий смысл, так как СССР по своим обязательствам будет платить твердо и бесперебойно.

Е) При выдаче лицензий в счет долгосрочных германских кредитов на сумму заказа включаются 25% рассчитанных на накладные расходы, — транспортировку товаров и т.п.

Ж) Все разногласия между ВСНХ и НКТоргом были в свое время на основе договоренности между ВСНХ и НКТоргом ликвидированы, и надобность в рассмотрении их СТО отпала.

Замнаркомторг СССР К. Максимов

Виза: Шлейфер.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 57-58. Подлинник.

№ 22

*Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину о “Неделе встречи” советских и германских ученых в Берлине**

№ 3226

28 марта 1927 г.
Секретно

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) т. Сталину

Копии: тт. Луначарскому¹, Семашко²

Германское посольство в Москве по поручению своего правительства известило НКВД об устраиваемой 19 июня с.г. в Берлине “Неделе встречи” советских ученых в целях развития и углубления научно-культурных отношений между обеими странами. Германское правительство принимает на себя все расходы по проезду ученых и по их содержанию в Берлине. При ноте приложен список тех ученых, которых Германия хотела бы видеть у себя в качестве гостей. В список включены следующие лица: проф. Абрикосов³, Бенинг⁴, Борисяк⁵, Фёдоров⁶, Ферсман⁷, Гурвич А.Г.⁸, Ипатьев, проф. Иоффе⁹, Н.К. Кольцов¹⁰, академик Лазарев¹¹, Мушкетов¹², Никифоров¹³, Палладин¹⁴, Павлов¹⁵, Прянишников¹⁶, Самойлов¹⁷, Шмальгаузен¹⁸, Тарасевич¹⁹, Чичибабин²⁰, Вавилов²¹ и Вернадский²², причем выражается пожелание, чтобы делегация возглавлялась наркомздравом тов. Семашко.

Полагая, что приглашение Германии должно быть нами принято и приветствуемо, прошу санкции ЦК.

Заместитель наркоминдела Литвинов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 687. Л. 3. Подлинник.

Приложение

*Проект ответа М.М. Литвинова У. Брокдорфу-Рауцау с благодарностью за приглашение советских ученых на “неделю встречи” в Берлине***

Не ранее 28 марта 1927 г.
Москва***

Господин посол,

Подтверждая получение Вашего любезного письма от 5 марта с.г., я рад принести Вам глубокую благодарность своего правительства по поводу приглашения в качестве гостей группы совет-

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 93, п. 7.

** *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 93, п. 7.

*** Датируется по основному документу.

ских деятелей науки на организуемую в Берлине неделю встречи ученых.

Разделяя вместе с Вами, глубокоуважаемый господин посол, уверенность, что эта неделя послужит верным стимулом к дальнейшему росту и углублению культурных связей между нашими странами и укрепит пути совместной творческой работы народов СССР и Германии для их общего блага, я не преминул передать приглашение германского правительства в соответствующие органы и уверен, что оно будет встречено с чувством глубокого удовлетворения не только в кругах советских ученых, но и всей советской общественностью.

О решении, принятом заинтересованными организациями и приглашаемыми лицами, я позволю себе довести до Вашего сведения дополнительно.

Считаю своим долгом, однако, отметить здесь, что мое правительство с особым удовлетворением узнало о пожелании германского правительства видеть во главе делегации советских ученых – народного комиссара здравоохранения г. Н.А. Семашко.

Примите, господин посол, уверения в моем глубоком к Вам уважении.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 687. Л. 4. Заверенная копия.

¹ Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) – в 1917–1929 гг. нарком просвещения РСФСР/СССР.

² Ссмашко Николай Александрович (1874–1949) – в 1918–1930 гг. нарком здравоохранения РСФСР/СССР.

³ Абрикосов Алексей Иванович (1875–1955) – профессор МГУ, патологоанатом.

⁴ Бенинг Арвид Либорьевич (1890–1943) – профессор, гидробиолог.

⁵ Борисяк Алексей Алексеевич (1872–1944) – палеонтолог и геолог, член-корреспондент Российской академии наук.

⁶ Фёдоров Сергей Петрович (1869–1936) – доктор медицинских наук, профессор, хирург.

⁷ Ферсман Александр Евгеньевич (1883–1945) – геохимик и минералог, академик Российской академии наук, в 1926–1929 гг. вице-президент АН СССР.

⁸ Гурвич Александр Гаврилович (1874–1954) – биолог, профессор МГУ.

⁹ Иоффе Абрам Фёдорович (1886–1960) – физик, академик Российской академии наук.

¹⁰ Кольцов Николай Константинович (1872–1940) – биолог, член-корреспондент Российской академии наук.

¹¹ Лазарев Петр Петрович (1878–1942) – физик, биофизик и геофизик, академик Российской академии наук.

¹² Мушкетов Дмитрий Иванович (1882–1938) – геолог, директор Ленинградского горного института, руководитель Геологического комитета ВСНХ СССР.

¹³ Никифоров Павел Михайлович (1884–1944) – геофизик, заведующий сейсмическим отделом Физико-математического института и сейсмической

сетью АН СССР (с 1924 г.), заведующий кафедрой геофизики Ленинградского университета (с 1926 г.).

¹⁴ Палладин Александр Владимирович (1885–1972) – биохимик, в то время директор Украинского биохимического института АН УССР.

¹⁵ Павлов Иван Петрович (1849–1936) – физиолог, академик АН СССР.

¹⁶ Прянишников Дмитрий Николаевич (1865–1948) – агрохимик, биохимик и физиолог растений, член-корреспондент.

¹⁷ Самойлов Александр Филиппович (1867–1930) – физиолог, профессор МГУ.

¹⁸ Шмальгаузен Иван Иванович (1884–1963) – биолог, зоолог, академик АН Украины.

¹⁹ Тарасевич Лев Александрович (1868–1927) – микробиолог и патолог, профессор МГУ.

²⁰ Чичибабин Алексей Евгеньевич (1871–1945) – химик-органик, профессор Московского технического училища.

²¹ Вавилов Николай Иванович (1887–1943) – биолог, генетик, в то время директор Института растениеводства.

²² Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) – геохимик, биогеохимик, академик АН СССР.

№ 23

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О “неделе встречи” русских ученых в Берлине»**

№ П 93/7-с

31 марта 1927 г.
Строго секретно

7. а) Принять предложение НКВД о поездке в Берлин русских ученых, поручив тов. Рыкову пополнить представленный НКВДом список еще несколькими учеными.

б) Решение – Особая папка.

7. б) Поручить ОГПУ установить строгое наблюдение за поведением ученых в Германии.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 687. Л. 1–2. Копия.

* Вопрос представил М.М. Литвиновым. Выписка из протокола № 93 закрытого заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 марта 1927 г., п. 7. Направлена М.М. Литвинову, Н.П. Горбунову (п. “а”), В.Р. Менжинскому (вс).

№ 24

*Телеграмма Торгпредства СССР в Германии
в НКВуВТ СССР и ВСНХ СССР о размещении заказов
по германскому кредиту*

№ 1811

4 апреля 1927 г.
Берлин
Строго секретно

Москва, Наркомторг, Максимову, Шлейферу, Куйбышеву

Операции о выплате по германскому кредиту закончили в сумме около 316 млн марок. Таким образом произвели перерасход первоначальной гарантии германским правительством суммы в 250 млн на 65 млн марок. Вопрос санкционирования германским правительством выясняется на днях.

Ленгиель, Маковский, Бегге

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 62. Заверенный дешифрант.

№ 25

*Записка заместителя председателя
ВСНХ СССР М.Л. Рухимовича в Политбюро ЦК ВКП(б)
о результатах обследования комиссией президиума ВСНХ СССР
состояния завода "Берсоль"*

6 апреля 1927 г.
Сов. секретно
Экз. № 1

Политбюро ЦК ВКП(б)

5 марта с.г. часть комиссии, образованной постановлением Президиума ВСНХ от 4.03 с.г. выехала на завод "Берсоль" (бывш. Ушакова, в Самарской губ.) в составе зам. председателя комиссии Цагарелли Я.И.¹ (заместителя председателя правления Вохимтреста²) и членов – инженеров Бортнера³, Егорова⁴ и Синявского⁵.

6 марта комиссия прибыла на завод и сразу приступила к работе по приемке завода и выявлению общего его состояния с точки зрения тех военно-мобилизационных заданий, кои на него возложены. Для самой приемки завода указанными членами комиссии на месте были сформированы 4 подкомиссии: по зданиям,

по производственной аппаратуре, по электромеханическому оборудованию и по складскому и коммунальному хозяйству.

26 марта на завод выезжала вторично часть комиссии в составе председателя комиссии тов. Судакова П.И.⁶ (заместителя начальника ВПУ), Цагарелли Я.И., проф. Шпитальского⁷.

2 апреля указанные члены комиссии вернулись в Москву.

Работа по приемке завода к настоящему времени находится примерно в следующем состоянии. Заканчивается окончательное составление инвентарных описей по приему и оценке всего имущества, как, равно, собирается и прорабатывается материал об общем состоянии и положении завода. По заданию комиссии работа эта полностью будет закончена числа 15-го апреля.

К этому же времени заводоуправление обязалось представить в ВПУ промфинплан на текущий операционный год.

На основании ознакомления и изучения завода с точки зрения его военных перспектив уже сейчас без окончательно проработанных данных представляется возможность дать беглую характеристику состояния завода. В основном и главнейшим она сводится к следующему.

1) Завод законченной производственной единицы собой не представляет, так как установленные на нем производства либо самой установкой окончательно не закончены, либо, если и закончены, то окончательно не испытаны, а потому и данных для суждения об их пригодности не имеется.

2) Совершенно бесспорно, что немцы, строящие этот завод, задались целью вести работу с таким расчетом, чтобы, затягивая время, в тоже время ничего законченного не дать.

3) Принимая во внимание, что завод этот, имеющий перво-степенное военное значение, экономически мыслим лишь в комбинации с целым комплексом мирных производств, которые в общем и целом требуют для себя в первую очередь чрезвычайно дешевой энергии (не свыше 2-3-х коп. киловатт-час), следует признать, что выбор места для постройки этого завода с точки зрения экономической неудачен.

4) Центральная часть завода – хлорный завод, поставляющий основную полупродукцию для военных литерных производств И и Т^в – хлор, хотя в части электролиза подвергался некоторому испытанию, дающему основание полагать о возможности получения хлора, все же не может быть признан окончательно установленным по причинам: а) недооборудования щелочного и каустического отделения и б) отсутствия для производства хлора необходимого количества энергии, главным образом, в виде агрегатов постоянного тока.

5) Производство бертолетовой соли установкой закончено, работой окончательно не испытано, а пуск его в настоящее время непосредственно связан с пуском хлорного завода.

6) Установленные литерные производства Т и И по испытанию их в марте 1926 г. дали отрицательный результат. Признано, что оборудование производства Т абсолютно негодно, оборудование на производстве И подлежит повторному испытанию.

7) Построенные немцами на территории завода 2 больших здания для наливных станций хотя постройкой и оборудованием как будто закончены, но наводнением приведены в состояние значительного разрушения.

8) Единственным рабочим цехом из всего завода является старый контактный (серно-кислотный) завод, находящийся в работоспособном состоянии и в настоящее время работающий с полной нагрузкой (годовая мощность его 4 тысячи тонн моногидрата в год).

9) Ко всему этому нужно добавить, что некоторые производства, как-то Т, бертолетовая соль и другие находятся в зданиях, совершенно непригодных для производственных целей, первое ввиду его чрезмерной тесноты и непосредственной близости к насосной станции завода, а второе ввиду нахождения его в деревянном здании. Одновременно необходимо подчеркнуть, что расположение завода в низкой местности, непосредственно граничащей с рекой Моча, в прошлом году привело и затоплению всей территории завода, в том числе всех его производственных зданий, на продолжительный срок и ставит завод под угрозу повторного затопления в случае неприятия своевременных мер путем постройки мощной дамбы для обезопасивания завода от наводнения.

В настоящее время по распоряжению Самарского губисполкома заводоуправлением предпринимаются все меры к предотвращению завода от затопления.

С более подробным и обстоятельным докладом можно будет войти в правительство к 20 апреля с.г. по представлению комиссией всех материалов ее работы как по приемке, так и по обследованию завода.

Заместитель председателя ВСНХ СССР Рухимович

Виза: Зам. нач. ВПУ и председатель комиссии ВСНХ СССР по приемке завода "Берсоль". П. Судаков. 7.04.27 г.

Резолюция: Поставить на повестку 21.04.*

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 60-61. Подлинник.

* Подпись неразборчива.

¹ Цагарелли Яков Иванович – в то время начальник Организационно-Административного управления ГУВП.

² Вохимтрест – Всесоюзный трест снаряжения и взрывчатых веществ.

³ Правильно: Ботнер Стефан Освальдович (1890–1937) – в то время начальник сектора обороны Госплана СССР.

⁴ Возможно, Егоров Л. – в 1926 г. заместитель Военно-промышленного управления ВСНХ СССР; или Егоров Дмитрий Яковлевич (1892–1940) – в то время начальник сектора автодорожного и авиационного транспорта Госплана СССР; или Егоров Петр Иванович – в то время заведующий железнодорожным подотделом Финансово-экономического управления ГУВП.

⁵ Возможно, Синявский Святослав М. (1883-?) – инженер-технолог.

⁶ Судаков Павел Ильич (1878–1950) – в то время член президиума ВСНХ СССР.

⁷ Шпитальский Евгений Иванович (1879–1931) – физикохимик и электрохимик, в 1925–1926 гг. профессор Московского университета, в 1927 г. одновременно исполнял обязанности заведующего отделом ядовитых веществ в Карповском институте.

⁸ Иприт и фосген.

№ 26

*Записка М.М. Литвинова В.М. Молотову
о приглашении представителей Красной армии
на маневры рейхсвера**

№ 3419

10 июня 1927 г.

Секретно

Секретарю ЦК ВКП(б)

тов. Молотову

Копии тт. Рыкову и Ворошилову**

Московский представитель германского рейхсвера полковник Лит вручил начальнику отдела внешних сношений Реввоенсовета список маневров рейхсвера, в которых могут принять участие представители Красной Армии. Лит при этом заявил якобы с согласия генерала Хайе и с одобрения Штреземана, что представители Красной армии могут быть на маневрах открыто и участвовать в них в форме Красной армии. Он упомянул при этом, что в связи с международным положением Министерство рейхсвера и Министерство иностранных дел хотели бы, чтобы отношения между армиями обеих стран стали более тесными.

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 111, п. 6.

** Копии направлены также И.П. Сергееву, Л.М. Карахану.

Участие в маневрах нашего военного атташе наряду с военными атташе других стран было бы явлением совершенно обычным. Но участие в маневрах наших командиров, специально приехавших из СССР, обратит на себя, конечно, всеобщее внимание и может быть даже истолковано, как акт, идущий вразрез с нашими заявлениями о мирных стремлениях Союза. Возможно также, что германское правительство желает использовать эту демонстрацию для собственных целей в политических переговорах с Западом. Тем не менее, НКВД, учитывая создавшееся за границей впечатление об усилившейся изолированности нашего Союза, считал бы желательным принять это предложение рейхсвера. НКВД при этом считался также с возможностью несоответствия приглашения рейхсвера с действительными намерениями и желаниями Штреземана.

Замнарком Литвинов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 80. Подлинник.

№ 27

*Запись беседы Г.В. Чичерина
с представителями деловых кругов Германии
об экономическом сотрудничестве с СССР*

12 июня 1927 г.
Берлин
Секретно

Разговоры с хозяйственниками 11 июня

Я говорил со следующими лицами:

Бывший министр Гамм¹, председатель съездов промышленности и торговли;

Феликс Дойч;

Дрейзе², заместитель Шахта;

Вассерман – из “Дойче банк”;

Ритчер – из Кредитного общества;

известный тайный советник Бюхер;

Урбих³ – из “Дисконто-Гезельшафт”;

Совернгейм⁴, председатель Коммерческого банка;

Симсен⁵ – из ИГ красок и химического производства;

Банкир Беренс⁶;

Яроховский, заместитель Фюрстенберга;

Ферман, приезжавший к нам раньше от Стиннеса;

Рейх – генеральный директор “Сименса”.

Все единогласно говорили о том, что и речи не может быть о переходе Германии на сторону Англии и что наши отношения, во всяком случае, сохраняются. Но по вопросу о кредитовании мы отброшены назад последними действиями Москвы. Хотя Германия переживала финансовые трудности, тем не менее, мы могли бы кредитоваться, и уже вырабатывались планы предоставления нам дальнейших кредитов. Немецкие банки и промышленники отлично могли обходиться без переучета наших векселей у англичан. Покушения в Ленинграде и Белоруссии казались изолированными явлениями. Совершенно испортил положение московский расстрел⁷. Все говорят, что правительство, поступающее таким образом относительно своих граждан, находится явно в самом критическом положении и уж никак не является кредитоспособным. Кроме того, этот ярко трагический факт действует на воображение масс обывателей и на все лады используется и будет долго использовываться нашими врагами. Некоторые говорили, что, например, во Франции может быть этим вызван перелом, которого без этого не было бы. Некоторые указывали, что это произошло как раз перед женевским заседанием и этим дано в руки Чемберлену великолепное орудие для всяких маневров против нас. Вассерман подчеркивал, что дело идет отнюдь не о моральном возмущении, но о деловой точке зрения, ибо никто не дает денег, когда где-нибудь неспокойно и начинается как будто бы катастрофическое состояние, как представляется массе наблюдателей. Некоторые говорили и о сообщении ОГПУ по поводу массы покушений, о которых никто не знал; все были уверены, что в СССР создано устойчивое положение, и 2–3 покушения не изменили бы этой уверенности, но правительственное сообщение о громадном количестве покушений расшатывает прежнее представление о внутренней устойчивости СССР.

Больше всего я говорил с Дойчем и Гаммом. Им и многим и другим я подробно объяснил отношение советского правительства к Коминтерну. Дойч много говорил о том, насколько вредят нашему положению распространенные неправильные представления о нашем отношении к Коминтерну. Он много говорил и на тему о своем старом плане создания международного консорциума для предоставления нам займа, ибо, по его мнению, нам нужен очень большой заем и на весьма долгий срок, что может быть сделано только международным путем; в данный момент это неактуально, но, когда кончится теперешняя заминка, он предполагает к этому вернуться. Мои указания на опасность единого фронта капиталистов он отстраняет, ибо давления на нас

или вмешательства в наши дела при этом не будет, а будут только даны деньги. Гамму я объяснил причины нашей потребности в кредитах и рассказывал ему подробно о наших планах расширения промышленности и о причинах уменьшения вывоза хлеба при достигнутой довоенной сельскохозяйственной продукции. И с другими я говорил на общие темы о нашем экономическом развитии и перспективах.

Чичерин

Добавление к разговору с хозяйственниками 11 июня

С целым рядом хозяйственников, как Вассерман, Дрейзе, Симсен я говорил о нашей концессионной политике и объяснял нашу нынешнюю точку зрения. Особенно долгий разговор по этому поводу у меня был с самым блестящим и остроумным хозяйственником, Бюхером. Он напирал больше всего на то, что в концессионном деле нужен размах для личности концессионера, он должен иметь возможность творить, он не должен быть связан по рукам и по ногам, он должен чувствовать себя хозяином, чтобы иметь возможность творить. Я ему объяснил, что концессионными договорами определяются точные рамки в отношении уплаты процентов государству, минимума производства, применения существующего и вовсе не обременительного рабочего законодательства, а в пределах точно определенных рамок имеется полная свобода размаха личности концессионера.

Помета: Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 75-77. Копия.

¹ Гамм Эдуард (1879–1944) – в 1922–1923 гг. статс-секретарь в канцелярии рейсканцлера Германии, в 1923–1925 гг. министр экономики Германии.

² Дрейзе Фридрих (1874–1943) – в 1921–1924 гг. директор, затем член правления, в 1926–1939 гг. вице-президент Рейхсбанка.

³ Урбих Франц (1864–1944) – директор банка “Дисконто-Гезельшафт”.

⁴ Собернгейм Вальтер (1869–1940) – президент “Коммерц унд Приват банка”.

⁵ Симсен Герман (1873–?) – директор Данат-банка, член правления Союза горной, железо- и стальной промышленности и правления химического концерна “И.Г. Фарбениндустри”.

⁶ Беренс Георг (1865–?) – немецкий банкир.

⁷ Имеются в виду судебные процессы в Москве по делу “новой оппозиции – троцкистско-зиновьевского антипартийного блока” и расстрелы арестованных “белогвардейцев” на убийство П.Л. Войкова в июне 1927 г. в Варшаве.

№ 28

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О Германии"^{*}

№ П 111/6-с

16 июня 1927 г.

Строго секретно
Из "Особой папки"

б. а) Принять предложение германского рейхсвера об участии представителей Красной армии в маневрах рейхсвера.

б) Поручить т. Крестинскому заблаговременно информировать об этом предложении Штреземана.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 79. Копия.

№ 29

Письмо М.М. Литвинова Н.Н. Крестинскому о целесообразности участия представителей Красной армии в маневрах рейхсвера

№ 3427

17 июня 1927 г.

Сов. секретно

Полномочному представителю СССР в Германии

тов. Н.Н. Крестинскому

Копия тов. Молотову^{**}

Полковник Лит вручил 31 мая представителю Реввоенсовета список маневров рейхсвера, в которых могли бы принять участие наши командиры. Лит при этом заявил, что с согласия генерала Хайе и с одобрения Штреземана представители Красной армии приглашаются принять участие в маневрах открыто и в красноармейской форме. Лит еще добавил, что в связи с усиливающимся нажимом со стороны западных государств на Германию Министерство рейхсвера и Министерство иностранных дел хотели бы, чтобы отношения между двумя армиями стали более тесными.

^{*} Вопрос представлен М.М. Литвиновым и К.Е. Ворошиловым. Выписка из протокола № 111 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 июня 1927 г., п. 6. Направлена М.М. Литвинову и К.Е. Ворошилову.

^{**} Направлена также Б.Е. Штейну.

Не знаю, насколько заявление Лита отражает действительные намерения и стремления мининдела и, в частности, Штреземана. Мы, однако, признали весьма целесообразным участие специальных представителей Красной армии в германских маневрах при условии, что об этом будет заблаговременно информирован Штреземан. Предлагаем Вам не запрашивать Штреземана в порядке проверки ссылок на него полковника Лита, а лишь информировать его о полученном и принятом нами приглашении и сообщить нам, как Штреземан реагировал на это сообщение.

Литвинов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 82. Копия.

№ 30

*Письмо Г.В. Чичерина А.И. Микояну
о предстоящем приезде в СССР данцигской
экономической делегации*

№ 264/чс

21 июня 1927 г.

Товарищу Микояну

Копии: тт. Сталину, Рыкову, Томскому, Бухарину,
Ворошилову, Калинин, Рудзутаку, Орджоникидзе,
Куйбышеву, Ярославскому, Менжинскому

Уважаемый товарищ,

Убедительно прошу Вас обратить самое серьезное внимание на данцигскую экономическую делегацию¹. Ее приезд имеет особо важное значение в связи с англо-советским разрывом. Как раз перед поездкой ее в СССР в Данциге начал выходить немецкий официальный журналчик и другой на русском языке. В передовице немецкого данцигского органа говорится, что разрыв между Англией и СССР создал особо выгодную обстановку для развития с нами торговых сношений. Вообще надо иметь в виду, что, если в Берлине руководящие хозяйственники и руководящие органы прессы выражаются чрезвычайно осторожно относительно ожидаемых для Германии выгод от англо-советского разрыва, то в более популярных органах, например в массовых иллюстрированных органах, совершенно открыто и откровенно говорится о том, что Германия выиграет от англо-советского разрыва. Данцигская делегация едет для проведения этого в жизнь. Необходимо поэтому обратить на нее самое серьезное внимание, чтобы использовать этот выгодный для нас фактор.

Меня прежде всего удивило то обстоятельство, что данцигская делегация ехала на пароходе не из Данцига, а из Штеттина, ближайшего к Берлину порта Балтийского моря. В разговоре со мной председатель делегации Евеловский² объяснил это затруднениями со стороны Польши, но из того же разговора с ним я понял, что данцигская делегация едет по соглашению с Берлином, т.е. с германским правительством и руководящими берлинскими хозяйственниками. Очевидно, с этим связана странная поездка данцигцев из Штеттина. Евеловский сказал мне, что 20 польских банков, имевшихся в Данциге, все обанкротились, и что, наоборот, имеющиеся в Данциге филиалы руководящих берлинских банков великолепно развиваются и делают большие дела. Делегация едет к нам для заключения торговых сделок в таком объеме, который очень в большой степени превышает емкость маленького Данцига. При этом Данциг будет не только проводить нашу ввозную и вывозную торговлю, но будет также финансировать ее. Выступать будут филиалы тех самых руководящих берлинских банков, с которыми мы имели сношения в Берлине. Евеловский говорил мне о том, что это маленькое государство, которое только формально в ведении внешней политики связано с Польшей, имсет перед собою специальные задачи, будучи на пороге Германии. Евеловский подчеркивал, что все это говорит совершенно приватно и секретно и не для опубликования. Он откровенно сказал мне, что делегация едет по соглашению с Берлином. Польское правительство заявляло, что момент для поездки неблагоприятен, и хотело мешать ей, но Данциг, наоборот, находит, что момент весьма благоприятен. Между прочим, Евеловский говорил мне, что в Данциге имеются все необходимые постройки и приспособления для ввоза свиней и что имеется полная возможность ввозить их через Данциг в Германию без тех трудностей, которые имеются на других границах. То, что Евеловский говорил мне вообще о нынешнем положении, например, об особенной роли нефтяников при англо-разрыве, показало мне, что он весьма хорошо ориентирован в общей политике.

Кстати, в нашей прессе ничего не говорилось о свидании германских промышленников с английскими в Леверкузене. В появившемся в прессе официозном сообщении говорится, что германские хозяйственники заявили английским, что в русском вопросе они должны занимать другую позицию, чем англичане (цитирую по "Германии" 15 июня).

С товарищеским приветом Чичерин

¹ Согласно Версальскому мирному договору 1919 г. Германия отказывалась от прав на г. Данциг (Гданьск) с округом, который объявлялся вольным городом под защитой Лиги наций. Данциг был включен в пределы таможенной границы Польши, которой предоставлялось право ведения внешних сношений Данцига и защиты интересов его граждан в других странах.

² Евеловский Юлиус (1874–?) – промышленник и политик, депутат парламента Данцига в 1920–1924 гг., с 1927 г. сенатор по торговле и промыслам, председатель сената в 1929–1930 гг.

№ 31

*Запись беседы Г.В. Чичерина
с рейхсканцлером Германии В. Марксом
о международной обстановке
и советско-германских отношениях*

№ 267/чс

22 июня 1927 г.

Беседа с рейхсканцлером Марксом 16 июня

Беседа с Марксом, как все беседы с канцлерами, продолжалась долго и касалась лишь основных моментов наших отношений. Маркс решительно заявил, что все партии в Германии согласны с тем основным принципом, что в англо-советской борьбе Германия должна оставаться нейтральной и ни в коем случае не должна присоединяться к Англии. Незначительные группы, выдвигающие противоположную точку зрения, не имеют в рамках тех партий, к которым они принадлежат, никакого действительного значения. В конце свидания Маркс сказал, что в случае войны против СССР западные державы будут оказывать все возможное давление на Германию, чтобы нарушить ее нейтралитет и проводить через нее свои войска, но он, однако, твердо надеется, что Германии удастся противостоять этому нажиму. Рассказывая о Женевской конференции¹ и о верности Германии дружественной к нам линии, Маркс при этом в чисто эпическом тоне, рассказывая об объективно существующем факте, сказал, что положение наших друзей затрудняется московскими расстрелами². Я объяснил Марксу, что ОГПУ есть законная судебная инстанция, находящаяся под надзором прокуратуры согласно требованиям уголовного судопроизводства, причем это есть трибунал для политических дел; в данном случае имело место ускоренное судопроизводство с применением более строгой карательной меры, что вполне понятно при имевшейся обстановке и нисколько не противоречит нормальной государственной жизни. Маркс ответил, что это является для него вполне понятным, но что наше официальное

сообщение об этом вовсе этого не говорило и что именно это нужно было бы опубликовать. Он мягко коснулся роли, которую играет теперь отношение советского правительства к Коминтерну. Я не только формально, но и по существу разъяснил ему это отношение. По поводу наших хозяйственных отношений он сказал, что Германия переживает трудности, были “черные пятницы” и т.п., но что Германия будет в состоянии поддерживать с нами наши экономические отношения. Вообще он говорил в тоне большого доброжелательства и обещал свое содействие для поддержания благоприятных отношений с нами.

Чичерин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64 Д. 653. Л. 81. Копия.

¹ Женевская конференция министров иностранных дел под эгидой Лиги наций (14–16 июня 1927 г.) собралась непосредственно после разрыва англо-советских дипломатических и торговых отношений (май 1927 г.) и убийства полпреда СССР в Польше П.Л. Войкова. Германия и Франция отказались присоединиться к предложенной Англией совместной декларации “против пропаганды Коминтерна”. В коммюнике конференции говорилось лишь о продолжении политики, сформулированной в Локарнских соглашениях.

² Речь идет о расстрелах арестованных “белогвардейцев” в ответ на убийство П.Л. Войкова в Варшаве в июне 1927 г.

№ 32

Письмо Г.В. Чичерина А.И. Микояну о беседе с данцигской экономической делегацией по вопросам торговли

№ 278/чс

24 июня 1927 г.

Сов. секретно

Тов. Микояну

Копии: гг. Сталину, Рыкову, Томскому, Ворошилову, Калинину, Рудзутаку, Орджоникидзе, Менжинскому

Уважаемый товарищ,

Данцигская делегация довольно долго со мной беседовала. У нее создалось впечатление, что мы передаем нашу бывшую английскую торговлю другим странам в большей степени, чем Германии, и при этом несколько обходим и отделяем Германию. Председатель делегации интересовался нашим отношением к Франции и явно находил, что мы при передаче английской торговли в другие руки благоприятствуем Франции за счет Германии. У него в особенности пробивался элегический тон по поводу

того, что мы слишком мало собираемся экспортировать сахара в Германию из числа экспортировавшегося ранее в Англию. Данциг сильно желал бы сделаться проходным местом для экспорта нашего сахара в Германию с достаточным финансированием этих операций. Но, к сожалению, мы больше сахара посылаем во Францию, и для Данцига остается мало. Таким образом, оказывается, что, так сказать, из-за английского наследия уже дерутся между собою конкуренты, и служащий прикрытием для Германии Данциг уже хочет урвать больше, чем мы даем, при распределении бывшего английского экспорта между разными странами.

Из других вопросов делегация особенно подробно останавливалась на вопросе о дороговизне тарифа при транзите через Польшу, ибо вместо единого тарифа от Харькова до Данцига имеется три тарифа на территориях трех государств, что ведет к большому вздорожанию. Делегация очень просит нас при переговорах с Польшей обратить особенное внимание на этот вопрос о тарифе при транзите в Данциг.

Живые свиньи могут экспортироваться в Данциг, где имеются все необходимые постройки и приспособления, так что больные свиньи подвергнутся там всем необходимым ветеринарным мероприятиям. Данциг может поэтому сыграть для нас роль окна в Германию для наших свиней.

Директор шоколадной фабрики Саротти просил о концессии для создания у нас шоколадной фабрики.

Делегация очень просила не замедлять переговоров и вести их с возможной быстротой, чтобы она могла успеть выяснить все накопившиеся вопросы.

С товарищеским приветом Чичерин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 85-86. Копия.

№ 33

*Письмо Г.В. Чичерина председателю СНК СССР
и СТО СССР А.И. Рыкову о недостоверных сообщениях
немецкой газеты "Цайтнотицен"
в связи с Женевским соглашением
относительно германских вооружений*

№ 365/чс

8 июля 1927 г.

Тов. Рыкову

Копии: тт. Сталину, Молотову, Томскому, Бухарину,
Ворошилову, Калинин, Рудзутак, Орджоникидзе,
Микояну, Ярославскому

Уважаемый товарищ,

Я мог заметить, что телеграммы из Берлина о сообщениях “Цайтнотицен” по поводу мнимого Женевского соглашения о германских вооружениях произвели на некоторых впечатление. Между тем, эти сообщения абсолютно противоречат всему тому, что нам известно из разнообразных секретных источников и из вполне достоверных материалов относительно Женевских переговоров¹. Самый “Цайтнотицен” есть листок весьма сомнительного характера, указания же на его источник в этом вопросе не внушают никакого доверия. Я сейчас же после получения этой телеграммы обратился к т. Крестинскому, который ответил мне, что наводит справки по имеющимся у него линиям, т.с. помимо официальных опровержений. Последние имелись и от Штреземана, и от агентства Вольфа, и от здешнего германского поверенного в делах. В настоящее время надо относиться осторожнее, чем когда-либо, к возможной дезинформации. В особенности в Берлине английские агенты несомненно будут делать все, что в их силах, чтобы дезинформировать нас и ссорить нас с Германией.

С коммунистическим приветом Чичерин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 676. Л. 117. Копия.

¹ Имеется в виду Женевская конференция 14–16 июня 1927 г. министров иностранных дел европейских стран и Японии во время сессии Совета Лиги наций.

№ 34

*Телеграмма Н.Н. Крестинского в НКВД СССР
о предложении депутата рейхстага К. Розенфельда¹
относительно поездки группы депутатов рейхстага в СССР*

№ 5975 Лит. “А”
Спец. № 267

9 июля 1927 г.
Особо секретно

Отношусь к предложению Розенфельда положительно, но считаю необходимыми некоторые предварительные шаги. Подробности почтой.

Полпред

Штамп: Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 101. Дешифрант.

¹ Розенфельд Курт (1877–1943) – адвокат, социал-демократ, в 1918 г. прусский министр юстиции, в 1920–1932 гг. депутат рейхстага Германии от СДПГ.

*Письмо Н.Н. Крестинского Г.В. Чичерину
в связи с предстоящей поездкой в СССР группы депутатов
социал-демократической фракции рейхстага*

№ 639

10 июля 1927 г.

Берлин
Секретно

Тов. Чичерину

Многоуважаемый Георгий Васильевич,

Курт Розенфельд приезжал в первый раз в Москву в 1922 г. в качестве одного из защитников по процессу эсеров. Встретили его тогда, конечно, достаточно недружелюбно. Тем не менее он и после этой поездки пытался не рвать с нами, очень хорошо вел себя в процессе Скоблевского, и Москва разрешила ему после обмена Скоблевского вместе с ним приехать в СССР. Вернулся он из СССР с очень хорошими впечатлениями, написал две или три благоприятных статьи. Статьи не были приняты "Форвертсом", и Розенфельд напечатал их в провинциальной газете в Тюрингии в своем избирательном округе.

Трудно предположить, чтобы он хотел теперь поехать к нам с какими-либо задними мыслями. Он говорил и т. Райвиду¹, и т. Барояну², что он хочет подобрать самых надежных из левых эсдеков. Он говорил при этом, что они больше всего хотели бы избежать того, чтобы их не могли обвинить по возвращении в том, что они подкуплены большевиками. Поэтому он не хочет никакой субсидии для этой поездки. Если бы Розенфельд или его спутники собирались по возвращении писать о нас недружелюбно, им нечего было бы опасаться того, что кто-нибудь заподозрит их или обвинит в подкупе нами.

Я объясняю себе план Розенфельда иначе. Во-первых, ему хочется чтобы среди его единомышленников, левых социал-демократов, он не был единственным или почти единственным другом СССР. Он хочет увеличить сферу своего влияния во фракции по этому вопросу. Кроме того, ему, вероятно, хочется устроить так, чтобы левые во внутривнутрипартийной борьбе с правыми могли использовать и популярный среди рабочих советский козырь. Это было бы выгодно им, но не было бы невыгодно и нам. Мне кажется, что нам нужно пытаться понемногу завоевывать для СССР симпатии некоторых социал-демократических кругов.

По всем этим соображениям я был бы за то, чтобы поездку группы с.-д. депутатов разрешить. Но для этого необходимы два

предварительных условия: во-первых, нужно, чтобы Бухарин или кто-либо другой из Политбюро поговорил с немцами из исполкома Коминтерна и согласовал этот вопрос с ними, чтобы на этой почве потом не возникло какой-либо склоки. Я думаю, что если инстанция будет не против впуска с.-деков, то с Кларой³ или с Реммеле⁴ будет нетрудно договориться. Во-вторых, нужно, чтобы мы здесь могли предварительно поговорить с Розенфельдом, просмотреть с ним список, отвести некоторые фамилии так, чтобы отведенные об этом не знали, и лишь после такого предварительного согласования с Розенфельдом всех деталей дали бы ему согласие.

Так как сегодня начались парламентские каникулы и все срочно намечают свои летние перспективы, то ответ нужен как можно скорее.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

Помета: т. Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Д. 653. Л. 95–96. Копия.

¹ Райвид Николай Яковлевич (1897–?) – в то время 2-й секретарь полпредства СССР в Германии, в 1929 г. помощник заведующего отделом Центральной Европы НКВД СССР, в 1932 г. заведующий 2-м Западным отделом НКВД СССР, в 1933–1937 гг. советник полпредства СССР в Японии.

² Бароян Геворг Габаяевич.

³ Цеткин Клара (1857–1933) – деятель германского и международного коммунистического движения, одна из основателей КПГ, член ЦК КПГ с 1919 г., член президиума ИККИ (с 1921 г.), с 1920 г. депутат рейхстага Германии.

⁴ Реммеле Герман (1880–1938) – в 1920–1933 гг. член ЦК Германской компартии.

№ 36

*Письмо Н.Н. Крестинского Г.В. Чичерину
о финансовом положении Германии
и советско-германских отношениях в финансовой области*

№ 642

10 июля 1927 г.

Берлин
Секретно

Тов. Чичерину

Многоуважаемый Георгий Васильевич,

На последней неделе у меня состоялось два совещания по финансовым вопросам при участии тт. Бегге, Ланды, Сванидзе, Новицкого¹ и Гольдфарба² (последний заменяет Аркуса³ на время его отпуска и представляет Государственный банк).

Кроме того, у меня был довольно обстоятельный разговор с т. Аркусом, который приезжал на два дня, прервав свой отпуск, и виделся здесь с представителями ряда банков.

Выясняется резкое ухудшение нашего финансового положения. Ухудшение это связано в значительной степени не со специально немецкими причинами, а с тем, что валютный план Госбанка из месяца в месяц сводится к дефициту, и Госбанку приходится забирать для срочных платежей свои вклады из немецких банков. Это не может не отразиться на кредитах, которые имеют в здешних банках Госбанк и торгпредство. Торгпредство потеряло за последние два месяца свои кредиты (я говорю о необеспеченных открытых кредитах) в “Берлинер Хандельсгезельшафт” и “Коммерц унд Приват банк”. Государственному банку “Берлинер Хандельсгезельшафт” уменьшил кредит наполовину, Гаркребо потерял кредит у “Блойхфедера”. Так как и Государственный банк, по-видимому, вынужден будет и дальше снимать свои вклады из немецких банков, то можно ожидать и дальнейшего ухудшения кредитных возможностей. Это, однако, явление временное и касается сравнительно небольших сумм открытых кредитов.

Гораздо серьезнее те затруднения, которые встречаются теперь при учете наших векселей; эти затруднения возникли после обострения польско-советских отношений. Вы знаете, что на основании прошлогоднего 300-миллионного кредита мы выдали массу долгосрочных векселей. 60% этих векселей гарантированы правительством, и с этими векселями никаких неприятностей нет. Что же касается остальных векселей, то они находились частично в портфелях самих промышленников, частично в банках. Промышленники были спокойны, зная, что мы хорошие плательщики и что они во всякое время сумеют учесть наши векселя. Обострение с Польшей после убийства Войкова⁴ вызвало панику в промышленных и финансовых кругах Германии. Стали бояться военных осложнений. Стремилась сбыть наши векселя в той части, в которой они не были гарантированы. Векселя эти появились на рынке. Их никто не хотел покупать и их предлагают с огромной скидкой, доходящей до 24–30%-ного учета. До этого времени на черной бирже в Берлине предлагались наши векселя, но это были векселя, выданные другими торгпредствами, находящимися в тех странах, где не было еще обеспечено здоровое финансирование наших сделок. Государственный банк и Гаркребо через третьих лиц скупали эти прибывающие из Варшавы, Вены и других городов векселя; этой скупкой мы достигали двух целей, во-первых, зарабатывали, так как выкупали свои же векселя с очень большой

скидкой, во-вторых, оздоравливали рынок, потому что держатели наших векселей, видя, что на них есть постоянные покупатели, становились спокойнее и переставали выбрасывать векселя на рынок. Но в связи с финансовыми затруднениями Госбанк и Гаркребо прекратили эту интервенцию на вексельном рынке. Одновременно сильно увеличилось предложение наших векселей и совершенно исчез спрос на них. Это еще больше увеличило панику, еще больше подняло вверх учетный процент наших векселей на черной бирже. Мы возобновляем здесь скупку через подставных лиц наших векселей. Но это паллиатив. Радикальным средством явилось бы политическое успокоение. В этом смысле желательнее скорейшее формальное изжитие конфликтного состояния с Польшей.

Кроме того, было бы очень существенно, если бы в какой-нибудь другой стране мы получили бы новые крупные кредиты. Это создало бы прецедент, который оказал бы сильное влияние в благоприятную сторону на германские финансовые и политические круги. Таким прецедентом являются австрийские кредиты. Получение их настолько политически важно для всего нашего кредита за границей, для нашей позиции в Германии, в частности, что в случае крайности надо пойти на уступки, лишь бы не допустить срыва венских переговоров. Сейчас разногласие из-за полпроцента или четверти процента. Надо, чтобы Микоян не только разрешил Ленгиелю подписать договор на достигнутых уже условиях, а даже предписал ему это сделать. Мы здесь все, не исключая Бегге, единодушны в этом вопросе.

Госбанк договорился с “Дойче банком” о залоге большой партии платины с получением ссуды на нее в 5 млн долларов (около 21 млн марок); для реализации этой залоговой сделки “Дойче банк” организует консорциум из немецких банков. Для “Дойче банка” это довольно выгодная сделка, кроме того, он снова выступает гегемоном всех других банков в русских делах. Нам же это тоже выгодно так как, во-первых, мы получаем возможность использовать эти 5 млн долларов и, стало быть, не так быстро снимать свои вклады с иностранных банков, а, во-вторых, самый факт оказания нам кредита (хотя бы и под обеспечение), поднимает нашу кредитоспособность.

Актуальным кажется мне вопрос о залоге наших ценностей в Швейцарии через Дюбуа⁵. Сначала Дюбуа рассматривал эту кредитную операцию, как товарный кредит под обеспечение нашими ценностями. В такой форме это было для нас совершенно неприемлемо, ибо ухудшало бы те кредитные условия, которые

были нами уже достигнуты повсюду. То теперь Дюбуа готов рассматривать эту сделку, как обыкновенный денежный кредит под залог ценностей, вне всякой официальной письменной связи с какими бы то ни было закупками в Швейцарии. Он хотел бы лишь получить частное обещание около 10% полученной под залог суммы употребить на наши заказы в Швейцарии, причем это могли бы быть даже не заказы в самой Швейцарии, а фирмам, находящимся в Германии и Франции, но принадлежащим швейцарцам. В такой форме сделка представляется мне, по нынешним временам, приемлемой и выгодной. Товарищи Сванидзе и особенно Любимов⁶ списываются об этом с Москвой и по линии Наркомфина и по линии Наркомторга. Хорошо было бы, если бы Вы связались с Шлейфером и Фрумкиным и подтолкнули бы их в этом вопросе. Ведь сейчас для нас важно не уменьшить наши вклады в иностранных банках, а сохранить их на прежнем уровне, по меньшей мере. Это же удастся лишь в том случае, если мы для покрытия ежемесячных валютных дефицитов получим подкрепление в форме денег под залог платины и алмазов.

С товарищеским приветом Крестинский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 97–99. Копия.

¹ Новицкий Александр Александрович (литературный псевдоним Ерманский Осип (наст. фам. и имя Коган Иосиф Аркадьевич) (1867–1941) – экономист, профессор МГУ, МВТУ.

² Гольдфарб Иосиф Давыдович (1891–1937) – в 1930-е гг. начальник Управления по кредитованию Наркомата пищевой промышленности и Комитета заготовок при СНК СССР Госбанка СССР.

³ Аркус Григорий Моисеевич (1896–1936) – в 1927 г. уполномоченный Госбанка в Германии, член правления Госбанка СССР, в 1932–1936 гг. заместитель председателя правления Госбанка СССР.

⁴ Войков Петр Лазаревич (1888–1927) – с октября 1924 г. полпред СССР в Польше. Убит белоэмигрантом в Варшаве в июне 1927 г.

⁵ Дюбуа Леопольд (1859–1928) – швейцарский банкир, в 1920–1928 гг. возглавлял Совет директоров швейцарского банковского союза.

⁶ Любимов Николай Николаевич – в то время представитель Наркомфина СССР во Франции и генеральный секретарь концессионной комиссии в Париже.

№ 37

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) ` *“О юбилее Гинденбурга”¹**

№ П 120/4-с

18 августа 1927 г.
Строго секретно

4. Отклонить предложение т. Крестинского. Принять тот модус, который т. Крестинский называет “третьим путем”.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 676. Л. 121. Копия.

¹ Речь шла о поздравлении президента Германии П. Гинденбурга с 80-летием.

№ 38

Письмо Г.В. Чичерина И.В. Сталину *с приложением резюме своей беседы с У. Брокдорфом-Ранцау* *о политике Франции в отношении СССР*

№ 780/чс

20 сентября 1927 г.
Сов. секретно
Экз. № 1

Тов. Сталину

Копии: тт. Рыкову, Томскому, Бухарину, Ворошилову, Молотову, Калинин, Рудзутаку, Орджоникидзе, Микояну, Угланову¹, Андрееву², Цюрупе, Ярославскому, Менжинскому, членам коллегии НКВД

Уважаемый товарищ,

Коварные намерения Бриана, связанные с принятием предложения о пакте³, сразу обнаружались. Прилагаю резюме моей сегодняшней беседы с Ранцау и перевод телеграммы дипломатического сотрудника Гаваса⁴. Нам нужно маневрировать и лавировать с величайшей осторожностью и осмотрительностью между окружающими нас со всех сторон подводными камнями. Обращаю Ваше внимание на следующие две фразы из телеграммы дипломатического сотрудника Гаваса: “Франко-русский пакт о ненападении должен появиться на сцене в должное время и на должном месте (буквально “в его час и на его месте”) в цепи соглашений, которые,

¹ Вопрос представлен Г.В. Чичериным. Выписка из протокола № 120 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 18 августа 1927 г., п. 4. Направлена Г.В. Чичерину.

дополняя пакты Локарно, должны обеспечить сохранение статус-кво в Европе. Достаточно будет указать, что безопасность наших союзников, Польши и Румынии, должна быть предварительно гарантирована их русским соседом, и в этом отношении нормальное действие (буквально “нормальная игра”) франко-русских отношений не может быть без влияния на европейский мир в будущем, как оно уже было в прошлом”. Ранцау вполне справедливо усматривает в этом указание на то, что Франция хочет использовать нас для обеспечения нынешних германо-польских границ с весьма поучительной ссылкой на старый франко-русский союз. Ранцау спешно пришел ко мне потому, что эти обстоятельства могут быть уже теперь использованы Брианом в Женеве, чтобы давить на Штреземана и чтобы пытаться оторвать Германию от СССР.

Обращаю Ваше внимание на следующее место резюме моей беседы с Ранцау: “Ранцау характеризовал этот ход французской политики, как в высшей степени ловкий шахматный ход Бриана. Это – образец французской коварной политики; Бриан, по словам Ранцау, одним ударом убил двух зайцев: 1) он создал способ давления на Англию и показал, что Франция не плетется за Англией и не участвует в окружении СССР и 2) он создал способ давления на Германию и явно пытается испортить отношения между Германией и СССР”.

В данный момент более широкий и важный вопрос о пакте с Францией еще заслоняется историей с тов. Раковским. Однако французское правительство уже использует в своих целях свое решение относительно пакта. Все это приводит меня к выводу, что нам необходимо в какой-либо форме выступить также и по поводу пакта с Францией, причем мы должны охарактеризовать этот проект в духе основных принципов нашей политики.

С товарищеским приветом Чичерин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 686. Л. 40–41. Подлинник.

Приложение 1

Резюме беседы Г.В. Чичерина с У. Брокдорфом-Ранцау

№ 779/чс

20 сентября 1927 г.

Секретно
Экз. № 1

Ранцау спешно просил о свидании, чтобы поставить некоторые вопросы, представляющие первостепенную важность.

Прежде всего он припомнил, что, когда я с ним встретился у датского посланника, я ему вскользь сказал, что в одной из ко-

миссии Лиги наций германский делегат Геш⁵ высказался в пользу норвежского предложения о замене в уставе совета Лиги наций единогласных решений решениями по большинству голосов; я тогда же указал вскользь, насколько это было возможно в неподходящей обстановке, на громадное значение такого нововведения. Ранцау это сейчас же вполне оценил и, по его словам, не спал несколько ночей. Действительно, когда Германия вступала в Лигу наций, один из аргументов, имеющих целью успокоить нас, заключался в том, что решения Совета принимаются единогласно и что поэтому Германия сделает невозможным применение к СССР санкций, ибо СССР не может быть признан нападающей стороной без единогласного решения. На это же имеются указания в берлинских нотах при заключении Берлинского договора. Если после этого германский делегат высказывается за замену единогласных решений решениями по большинству голосов, это радикально меняет все положение. Я сказал, что это вполне совпадает с моим собственным взглядом, но что в данный момент мы не имели по поводу выступления Геша ничего, кроме упоминания вскользь в некоторых телеграммах. Я обещал послать Ранцау имеющиеся по этому поводу сведения и держать его в курсе этого вопроса. Он, конечно, со своей стороны будет предпринимать, и уже предпринял все нужное в Берлине. Тут, возможно, какое-то недоразумение. Надо прежде всего точно удостовериться в том, что именно там произошло (Я должен тут вставить от себя, что тов. Менкес⁶ уже неоднократно распространял злостное вранье про Германию и что я пришел к необходимости относиться осторожно к его сообщениям до дальнейшего их подтверждения).

Далее Ранцау просил меня выяснить ему, что означает тот факт, что тов. Литвинов в своем интервью заявил о достижении полного соглашения с Францией по вопросу о долгах, в то время, как французские источники это отрицают. Я указал, что тут недоразумение или игра слов: соглашение с Францией должно обнимать и долги, и кредиты. По вопросу о долгах соглашение достигнуто, но оно может вступить в силу лишь по заключении соглашения о кредитах.

После этого Ранцау перешел к главной цели своего визита. Он начал с того, что напомнил мне, что по поводу фразы в речи Штреземана в рейхстаге, относящейся к Польше, я в свое время говорил ему о неблагоприятных последствиях, которые эта фраза может иметь. Итак, он спрашивает меня, не наступили ли теперь эти неблагоприятные последствия и не наступил ли перелом в наших отношениях с Германией? Я ему сейчас же сказал, что этот перелом не имеет места, хотя, конечно, фраза Штреземана

произвела у нас тяжелое впечатление; однако наша линия по отношению к Германии остается прежней. Тогда Ранцау вытащил и показал мне клерную* французскую телеграмму, являющуюся в силу ее немецкого заголовка сообщением “специальной службы Гаваса”. Последний абзац этого сообщения, относящийся к тов. Раковскому, совпадает с тем текстом, который помещен сегодня в наших газетах как комментарий дипломатического редактора агентства Гавас к решению Совета министров. Остальной текст был мне совершенно неизвестен. Я не сказал, что последний абзац мне известен, ибо дело шло не о нем, и я просто сказал, что это сообщение является для меня новостью. Оставляя в стороне вопрос о последнем абзаце, который Ранцау легко может найти в нашей печати, я сосредоточил внимание на остальном, где именно и находится то, из-за чего пришел говорить Ранцау. Я сказал сейчас же, что это для меня является полной новостью и что подобный комментарий целей французского правительства был мне совершенно неизвестен. О некоторых фразах этого сообщения Ранцау говорил с большим волнением, и я не мог не признать, что его волнение имеет основание. Действительно, некоторые фразы этого сообщения ясно намекают на то, что франко-русское соглашение должно дополнить Локарно и должно гарантировать безопасность Польши и Румынии вообще, следовательно и нынешние германо-польские границы, причем специально указывается, как на образец, на старый франко-русский союз. Вот эта фраза: “франко-русский пакт о ненападении должен появиться на сцене в должное время и на должном месте (буквально “в его час и на его месте”) в цепи соглашений, которые, дополняя пакты Локарно, должны обеспечить сохранение статус-кво в Европе. Достаточно будет указать, что безопасность наших союзников Польши и Румынии должна быть предварительно гарантирована их русским соседом, и в этом отношении нормальное действие (буквально “нормальная игра”) франко-русских отношений не может быть без влияния на европейский мир в будущем, как оно уже было в прошлом”.

Я сейчас же уверил Ранцау, что мы к этим комментариям не имеем ни малейшего отношения, что наша линия по отношению к Германии не изменилась и что мы стремимся к уменьшению напряженности в дипломатических отношениях, а отнюдь не к каким-то новым целям, меняющим нашу политику. Ранцау указал мне, что Бриан может теперь же использовать все эти обстоятельства в Женеве для давления на Штреземана; это есть вода на

* Переданную открытым текстом (фр.).

его мельницу. Именно поэтому Ранцау спешно пришел говорить со мной, чтобы иметь возможность осведомить Штреземана о том, что тут имеется налицо неверная передача намерений СССР. Я напомнил Ранцау, что мы всегда выражали готовность и даже изъявляли склонность заключить пакты о ненападении со всеми государствами за немногими специальными исключениями. Он это подтвердил. Я напомнил также, что из целого ряда отдельных фраз Штреземана следовало, что германское правительство абсолютно не желает и даже опасается обострения отношений между СССР и другими государствами; германские государственные люди говорили нам о тяжелом положении, в котором окажется Германия, если все соединятся против СССР; сам Штреземан хотел содействовать уменьшению напряженности в отношениях между нами и другими государствами; итак, заключение между нами и Францией пакта, который должен уменьшить эту напряженность, вполне совпадает с целями самого германского правительства; конечно, можно в пакт вписать разные вещи, но германское правительство может быть вполне уверено, что мы в пакт с Францией не впишем ничего, что могло бы испортить наши отношения с Германией. Я повторил, что нет перелома в наших отношениях с Германией, хотя, конечно, фраза Штреземана о Польше произвела у нас тяжелое впечатление; мы и в будущем имеем в виду держаться той же линии относительно Германии, и это зависит от нее самой, ибо изменение в этом отношении может наступить лишь в результате изменения политики со стороны самой Германии. Ранцау выразил удовлетворение и сказал, что если нужно будет он специально съездит в Берлин для выяснения этих вопросов с германским правительством. Я указал на громадную важность тесного и постоянного контакта между нами; этот контакт выразился в сообщениях германского правительства относительно польского предложения и этот контакт мы теперь продолжаем и должны продолжать. Я вполне признаю, что указанные фразы в телеграмме Гаваса были бы полным изменением всего положения и я особенно подчеркнул, что такая политика противоречила бы основным принципам внешней политики СССР. Ранцау характеризовал этот ход французской политики, как в высшей степени ловкий шахматный ход Бриана. Это – образец французской коварной политики; Бриан, по словам Ранцау одним ударом убил двух зайцев: 1) он создал способ давления на Англию и показал, что Франция не плетется за Англией и не участвует в окружении СССР и 2) он создал способ давления на Германию и явно пытается испортить отношения между Германией и СССР.

Я подтвердил, что эта вторая цель иногда проявляется у французских политиков, например, в известном интервью де Монзи. В этой связи Ранцау заговорил и о том, что наш пакт с Польшей может быть использован в таком же направлении. Я ответил, что мы уже много раз говорили о нашем пакте с Польшей и что положение в этом отношении не изменилось, ничего нового нет. Наиболее актуальной Ранцау считает возможность воздействия Бриана на Штреземана в Женеве при помощи всех этих обстоятельств. Бриан может сказать Штреземану, что появление этих сообщений дипломатического сотрудника Гаваса не могло произойти без согласия советской стороны. Ранцау именно потому так спешно пришел ко мне, чтобы не допустить успеха этого маневра в Женеве.

Чичерин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 686. Л. 44–47. Копия.

Приложение 2

*Перевод клерной телеграммы специальной службы Гаваса**

№ 778/чс

20 сентября 1927 г.

Экз. № 1

Совет министров урегулировал вопрос об отношениях с Россией после дискуссии, которая на этот раз ввиду присутствия Бриана приобрела всю необходимую полноту. Интересно, быть может, выделить принятые решения из официального коммюнике, которое, хотя средактировано с особой тщательностью, может представить недостаточную ясность для профанов. Прежде всего Франция, верная своей политике настоящего времени, не разрывает отношений с Москвой, как бы ни были глубоки различия политических концепций обоих государств. Франция признала в 1924 г. правительство Советов. Если бы она сегодня внезапно прекратила все отношения с этой огромной страной, Германия вместе с Италией остались бы единственными великими державами, имеющими контакт с Россией, и притом вовсе нельзя быть уверенным, что коммунистическая пропаганда во Франции уменьшится в результате разрыва официальных отношений с СССР. Во-вторых, французское правительство отказывается принять во внимание предложение правительства СССР, имеющее целью заключение пакта о невмешательстве. Действительно, телеграмма

* Заголовок документа.

28 октября 1924 г., которую Эррио, бывший тогда председателем Совета министров, сообщил Рыкову и Чичерину о признании де-юре СССР, заканчивалась следующей фразой: “Наконец, должно быть установлено, что невмешательство во внутренние дела будет правилом отношений между нашими двумя странами”. 29 октября в своем ответе Калинин, Рыков и Чичерин со своей стороны телеграфировали, что точно также как французское правительство, ЦИК СССР считает, что взаимное невмешательство во внутренние дела есть необходимое условие отношений со всяким государством вообще и с Францией в частности, и он принимает с удовлетворением заявление французского правительства по отношению к нему. Итак, нельзя сомневаться, что Советы обязались не вмешиваться во внутренние дела Франции. Нечего поэтому возвращаться к этому категорическому принципу, который впрочем лежит в основе дипломатических отношений между всеми нациями. Наоборот, кабинет сохранил из числа последних предложений русского правительства то предложение, которое относится к выработке пакта о ненападении. Действительно Франция не может отвергнуть предложение, которое по своим намерениям вполне соответствует ее политике мира. Такой отказ был бы использован в России и, конечно, в других странах, как доказательство по меньшей мере неблагоприятных настроений со стороны Франции. Но, очевидно, что такое соглашение не может быть заключено изолированно. Франко-русский пакт о ненападении должен появиться на сцене в должное время и на должном месте (буквально “в его час и на его месте”) в цепи соглашений, которые, дополняя пакты Локарно, должны обеспечить сохранение статус-кво в Европе. Достаточно будет указать, что безопасность наших союзников, Польши и Румынии, должна быть предварительно гарантирована их русским соседом, и в этом отношении нормальное действие (буквально “нормальная игра”) франко-русских отношений не может быть без влияния на европейский мир в будущем, как оно уже было в прошлом. Итак, постановление Совета министров находит в этих последних соображениях свое оправдание с точки зрения внешней политики, в то время как с точки зрения внутренней политики оно позволяет продолжение торговых отношений между обеими странами и переговоров об урегулировании положения держателей русских займов. Остается вопрос о Раковском. Из вполне естественного чувства сдержанности и вежливости официальное сообщение ничего не говорит по этому поводу, но трудно представить себе, чтобы французский посол в Москве, которого министр иностранных дел по телеграфу известил о решениях Совета министров,

не намекнул на этот вопрос при ближайшем свидании с наркоминделом. Поэтому в данный момент дело Чичерина определить, вполне ли подходит Раковский для того, чтобы вести в Париже дипломатические переговоры, имеющие целью укрепить отношения между двумя державами, после того как его манифест, наоборот, к несчастью, вызвал во Франции оживленную кампанию за разрыв этих отношений. В некоторых русских кругах утверждают, что к концу месяца Раковский предполагает отправиться в Москву. В прессе уже появилось сообщение, что Розенгольц будет назначен поверенным в делах для замещения его во время его отсутствия. Ближайшее будущее покажет, будет ли иметь место это отсутствие и долго ли оно будет продолжаться.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 686. Л. 42–43. Перевод.

¹ Угланов Николай Александрович (1886–1937) – в 1924–1929 гг. секретарь ЦК ВКП(б), в 1928–1930 гг. нарком труда СССР.

² Андреев Андрей Андреевич (1895–1971) – в 1922–1927 гг. председатель ЦК Союза железнодорожников и секретарь ЦК ВКП(б), в 1930–1931 гг. председатель ЦКК ВКП(б), нарком РКИ и зам. председателя СНК СССР, в 1931–1935 гг. нарком путей сообщения СССР.

³ Имеется в виду обсуждение советского предложения о заключении между СССР и Францией договора (пакта) о ненападении и невмешательстве.

⁴ Гавас – французское информационное агентство, основанное в 1833 г. Ш. Гавасом.

⁵ Геш Леопольд (1881–1936) – немецкий дипломат и промышленник, в 1921–1923 гг. советник посольства Германии во Франции, в 1924–1932 гг. посол Германии во Франции, представитель Германии в Лиге наций.

⁶ Менкес Герман (1874–1931) – немецкий писатель и журналист.

№ 39

*Записка Г.В. Чичерина И.В. Сталину
с поправкой к своей записке от 20 сентября 1927 г.
о беседе с У. Брокдорфом-Ранцау*

№ 787/чс

21 сентября 1927 г.

Экз. № 1

Тов. Сталину

Копии: гг. Рыкову, Томскому, Бухарину, Ворошилову, Молотову, Калинин, Рудзутаку, Орджоникидзе, Микояну, Угланову, Андрееву, Цюрупе, Ярославскому, Менжинскому, Долецкому и членам коллегии НКВД

Уважаемый товарищ,

В информационном порядке считаю необходимым сообщить следующее. При своем письме за № 780/чс от 20 сентября я разо-

слал резюме беседы с Ранцау. В этой беседе вначале речь шла о том, что, по полученным нами телеграммам, якобы германский представитель Геш в комиссии Лиги наций поддерживал предложение о замене единогогласного вотума в совете Лиги наций принципом большинства голосов. Это сообщение крайне взволновало и нас, и Ранцау, ибо это опрокидывало комбинацию нашего Берлинского договора и сопровождающих его нот. В информационном порядке я должен сообщить, что напутал советский переводчик. Действительно, речь шла вовсе не о способе голосования в совете Лиги наций, но о введении пропорциональной избирательной системы для выборов непостоянных членов в совет Лиги наций. Это не имеет ни малейшего отношения к интересующему нас вопросу о способе голосования внутри совета Лиги наций. Германская дипломатия не виновна в том, в чем мы ее обвинили, а виноват наш переводчик. Это доказывает только то, что надо расширить штаты ТАСС и увеличить ставки ТАСС, ибо в данное время ТАСС не имеет необходимого штата приличных переводчиков. Пока останется нынешний бюджет ТАСС, будут происходить подобные скандалы.

С товарищеским приветом Георгий Чичерин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 686. Л. 48. Подлинник.

№ 40

*Резюме беседы Г.В. Чичерина с У. Брокдорфом-Ранцау
о характере советско-французских
и советско-польских отношений*

№ 835/чс

30 сентября 1927 г.
Экз. № 1

Ранцау пришел высказать мне радость Штреземана по поводу того, что из наших заявлений он усмотрел, что позиция СССР по отношению к Германии не изменится под влиянием переговоров с Францией, причем наши заявления не оставляют в нем никаких сомнений.

Ввиду того, что между германским правительством и советским правительством давно уже условлено обмениваться информацией по поводу дипломатических фактов, интересующих оба правительства (хотя это делается иногда более формально, чем по существу), мы обменялись с Ранцау сведениями о советско-французских, советско-польских, германо-польских и женеvских делах, причем ничего нового не было высказано.

Я подчеркнул еще раз Ранцау, что наши будущие отношения с Францией могут протекать только в пределах руководящих принципов нашей политики, не позволяющих нам принимать участие в борьбе одной империалистической коалиции против другой империалистической коалиции. Я указал далее на наше отношение к Версальскому договору, бесконечное число раз подтвержденное. Прочное улучшение отношений между СССР и Францией вполне отвечает тем пожеланиям уменьшения напряженности положения, которые мне неоднократно высказывал Штреземан. Вообще германские политические деятели очень часто говорили о том, что Германия оказалась бы в высшей степени затруднительном положении, если бы началась борьба между СССР и коалицией западных держав. Создание прочных отношений между нами и Францией отвечает таким образом пожеланиям самого германского правительства. На эти мои рассуждения Ранцау ответил, что действительно Штреземан сообщил ему, что в высшей степени желательно избежать разрыва между СССР и Францией.

Что касается отношений между СССР и Польшей, то, по словам Ранцау, тут положение другое. Он напомнил мне неоднократно имевшие место у нас с ним разговоры по поводу того, что произойдет в случае создания прочных дружественных отношений между СССР и Польшей. Тут, кстати, он сказал мне, что ему сообщают из Берлина, что идут слухи о мнимом намерении СССР и Франции заключить четверной пакт между Францией, СССР, Польшей и Румынией с гарантией границ таковых. Я ответил указанием на полную абсурдность этого слуха. Не говоря уже о Румынии, по поводу которой не стоит тратить слов, что означает коллективный пакт между Францией, Польшей и СССР? Если СССР вторгается в Польшу, то Франция объявляет войну СССР. Это ясно и просто. Но если Польша совершает какие-нибудь нападения на СССР, объявит ли тогда Франция войну Польше? Очевидно, нет. Та схема, которую какие-то сплетники передали германскому правительству, очевидно, не выдерживает критики. Ранцау со мною согласился, что это абсурдно. Он вернулся опять к известной телеграмме Гаваса. Я сообщил ему, что об этой телеграмме Гаваса ничего вообще не было сообщено ни нашему полпредству, ни нашему агентству ТАСС в Париже, и тот кусочек, который появился в наших газетах, был передан прямо Гавасом в Москву помимо парижского ТАСС. На мой запрос по поводу этой телеграммы Эрбетт сказал мне, что так называемая специальная служба Гаваса не имеет никакого политического значения, ибо это есть передача случайным лицом по-

литических комментариев для маленьких провинциальных газет. Ранцау усомнился в правильности этого толкования Эрбетта, но прибавил, что он вполне успокоен относительно мнимого нашего участия в подобных замыслах. Он спросил меня также о правильности распространяемой польской печатью версии об удачном ходе наших переговоров о советско-польском пакте. Я указал ему в ответ на заключительную фразу в официальной “Эпок”¹ о том, что целью Польши является установление мира во всей северо-восточной Европе. Ранцау согласился, что это есть все та же история с круглым столом с польским протектором, которая делает соглашение невозможным.

Ранцау спросил меня также относительно интервью Циеленса², заявившего, что будто бы предполагается гарантировать территорию балтов с участием великих держав. Я это высмеял, и ввиду того, что это происходило в Женеве, я спросил Ранцау, не имеет ли он об этом более точных сведений, каковых у него не оказалось.

Ранцау был довольно сильно взволнован статьей Кретова³ в “Известиях” 18 сентября. По его словам, Кретов предвидит переход Германии на сторону Антанты; из этого получается то, что наши враги в Германии скажут: “Сами русские предусматривают присоединение Германии к Антанте, так чего же нам колебаться, раз они с этим примирились”. Я ему восстановил ход мысли Кретова, который с этим толкованием не имеет ничего общего. Он согласился, что это – совсем другое. Я также указал на то, что в наших газетах, даже “Известиях”, пишут разные авторы с разными взглядами в пределах основной программы и основных руководящих тезисов, так что всякую разновидность многообразных взглядов никоим образом нельзя отождествлять с чем-то официальным. Он согласился, что до сих пор в Германии неправильно оценивают политическое значение статей “Известий”.

Чичерин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 686. Л. 49–51. Копия.

¹ “Эпок” – французская газета.

² Циеленс Феликс (1888–1964) – в 1922–1933 гг. депутат сейма Латвии, в 1926–1927 гг. министр иностранных дел Латвии, депутат сейма.

³ Кретов Федор Дмитриевич (1900 – после 1970) – журналист, сотрудник газеты “Известия ВЦИК”.

*Резюме беседы Г.В. Чичерина с У. Брокдорфом-Ранцау
о политической обстановке в Европе*

№ 858/чс

6 октября 1927 г.
Сов. секретно
Экз. № 1

Ранцау пришел поздно вечером и оставался недолго, так как знал, что скоро ко мне придут врачи для консультации. Он прежде всего начал говорить о том, что германское правительство встревожено в связи с нашими парижскими делами. Я спросил, в каком направлении оно встревожено, ибо, с одной стороны, оно было встревожено, когда в Гавасе появились намеки на нечто вроде возобновления франко-русского союза, а, с другой стороны, оно было встревожено, когда представилась возможность разрыва между СССР и Францией. В каком именно направлении оно сейчас тревожится, мне неясно. Ранцау ответил, что в первом отношении германское правительство успокоено моими указаниями на принципиальное содержание нашей политики и на наше отношение к Версальскому договору, но оно встревожено именно во втором отношении, ибо оно не осведомлено о том, что говорится между нами и французским правительством, между тем, тон прессы заставляет опасаться разрыва. Кстати, он высказал комплимент по поводу моего интервью “Суару”¹, которое по его словам, отличается ясностью и определенностью и проливает свет на положение этого вопроса. Я ответил ему, что ничего секретного не было, кроме того, что он уже мог вычитать из различных сообщений в печати, и дал короткую характеристику положения, причем указал, что опасность разрыва не устранена, ибо влиятельные органы печати со стоящими за ними элементами агитируют за разрыв, но что внутри самого кабинета в настоящее время, по всем видимостям, уже больше не имеется стремления произвести разрыв. Он спросил, есть ли что-нибудь новое в отношении Польши. Я ответил, что ничего нет, ибо Патека² путешествует. Тогда он перешел к тому, что было в сущности главной целью его визита. В Берлине различными путями распространяется из польских источников та самая версия, которая теперь производится в польской прессе, что будто бы все разногласия между Польшей и СССР устранены и будто бы по возвращении Патека пакт будет в ближайшем будущем подписан. Германским правящим кругам была сообщена еще какая-то версия, в которой кто-то что-то перепутал, так что получилась полная ерунда, — о том, что пакт о ненападении связывается с гарантией границ. Я ответил, что если это есть повторение той версии, на которую был

намек в известной телеграмме Гаваса, то о вздорности этой версии мы уже говорили, и сам Ранцау это вполне признал; я предполагаю, что это есть просто кем-то перепутанное сообщение о том, что польское правительство связывает пакт о ненападении с нами с пактами между нами и балтами, означающими гарантию территории балтов. В той формулировке, которую передавал Ранцау, это есть просто ерунда. Ранцау тогда вернулся к тому, что в Берлине довольно сильное впечатление производится распространяемыми из польских источников слухами о том, что, якобы, в ближайшем будущем произойдет подписание польско-советского договора и самое тесное сближение между Польшей и СССР. Я напомнил ему о том, как этот вопрос стоит, а также напомнил о статье “Эпок”, из которой видно, что Польша все еще стоит за урегулирование с ней отношений всей Северо-Восточной Европы. Ранцау спросил о смысле известий о нападении на Грецию. Я указал на характер нынешнего греческого правительства и на роль Румынии в вопросе о создании антисоветского балканского блока. Я просил Ранцау, со своей стороны, выяснить из германских источников, что именно известно германскому правительству о нынешней политике Греции и ее отношениях к великим державам и балканским государствам, а также о нынешнем состоянии итало-албанских отношений, ибо Италия, очевидно, все больше укрепляет свое положение в Албании, и нам было бы крайне интересно знать, не состоялось ли там в этой области новых соглашений. Я просил его также получить сведения из германских правительственных источников о нынешних отношениях между Англией и Италией. Он спросил меня, что я думаю о свидании между Чемберленом и де Ривера³. Я сказал, что это, очевидно направлено как против Италии, так в еще большей мере против Франции в связи с танжерским вопросом и с некоторой напряженностью между Испанией и Францией. Он сказал, что это есть и его мнение. Он обещал сообщить мне, что ему будет известно из германских источников об этих вопросах.

Потом он сообщил мне, что вскоре появится французская книга некоего Жака Мортана⁴ о германо-французских отношениях⁵ с предисловием Бриана (у Фюсли⁶ в Цюрихе), причем это предисловие уже напечатано в Б.Ц.⁷ Бриан опять старается создать охлаждение между Германией и СССР своими утверждениями, что будто бы Германия переориентировалась на Запад. Это тот же маневр, который выразился в знаменитом февральском интервью Бриана в “Пти Паризиен”⁸, когда Бриан весьма нагло утверждал, что Германия переориентировалась, явно стремясь к тому, чтобы вызвать в Москве подозрения против Германии. Ранцау указал мне на повторение этого маневра. Я сказал, что очень хорошо помню февральское интервью Бриана.

Под конец он сказал мне, что у него был представитель Фаркуэра⁹ Эклунд, чрезвычайно сильно взволнованный тем, что после того, как он считал дело уже поконченным, с советской стороны пошли все новые и новые затруднения. Эклунд считает такой способ ведения переговоров, когда сначала приходят к соглашению, а затем выдвигают то одни, то другие новые затруднения, крайне вредным. Эклунд думает почему-то, что советское правительство предлагает теперь ту же концессию французам, немцам и англичанам, чтобы убедиться, где условия будут лучше, и такой способ действий Эклунд весьма сильно порицает. Дело о соглашении с нами Эклунд считает почти совсем сорванным. Ранцау объяснил, что все это он сообщает мне в информационном порядке, ничего не говоря от себя.

Чичерин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 686. Л. 52–54. Копия.

¹ “Пари суар” – парижская газета.

² Патек Станислав (1866–1945) – в 1919–1920 гг. министр иностранных дел Польши, в 1926–1933 гг. посол Польши в СССР.

³ Примо де Ривера и Орбанеха Мигель (1870–1930) – испанский генерал, в 1923–1930 гг. диктатор, премьер-министр Испании.

⁴ Мортан Жак (1883–1939) – известный французский писатель и журналист.

⁵ Имеется в виду книга “Das neue Deutschland”, переведена на немецкий язык и издана в Цюрихе и Лейпциге в 1928 г.

⁶ “Орелл Фюсли” – швейцарское издательство.

⁷ “Берлинер цайтунг”.

⁸ “Пти Паризиен” – парижская газета.

⁹ Фаркухар Персиваль (1864–1953) – американский бизнесмен; 26 ноября 1927 г. с ним был подписан концессионный договор о развитии металлургической промышленности (металлургический комбинат в Макеевке) путем предоставления кредита в 40 млн дол. на 6-летний срок.

№ 42

*Письмо Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову
о нежелательности распространения в Германии
советских выигрышных займов*

№ 942

18 октября 1927 г.

Берлин

Лично

Секретно

Тов. Литвинову

Многоуважаемый Максим Максимович,

Пользуясь тем, что сегодня едет т. Бегте, я отвечаю через него на Ваше письмо относительно распространения здесь наших выигрышных займов, на которое не успел ответить со вчерашней поч-

той. Я решительно против помещения объявления с изложением последнего нашего декрета о займах. Конечно, в случае протестов Аусамта можно будет объяснить, что мы имели в виду не продажу наших облигаций в самой Германии, а покупку их германскими гражданами непосредственно в Москве или в Москве же через посредство немецких банков. Но ведь смысл и цель германского закона, запрещающего распространение в Германии иностранных выигрышных займов, заключается не в том, чтобы облигации не продавались в берлинских банках, а в том, чтобы немцы этих облигаций не покупали. Наше объявление будет толкать германских граждан на то, чтобы они обходным путем покупали все-таки иностранный выигрышный заем, нарушая дух и цель германского закона. В факте помещения объявления не будет ни прямой уголовщины с нашей стороны, ни призыва к уголовщине, но будет определенная нелояльность по отношению к германскому правительству, особенно после сделанного нам предупреждения. Я думаю, поэтому, что Вы и после разъяснения Шейнмана поддержите меня в моих возражениях против помещения объявлений.

Что касается меморандума или циркуляра банкам – корреспондентам, то они являются, конечно, вещь более безобидной, но и их надо проредактировать так, чтобы они носили исключительно осведомительный, а не рекламный характер. Эти циркуляры можно формулировать, как просьбу к германским банкам принять на себя выплату за наш счет процентов по облигациям, снабженным сертификатами, не включая в циркуляры предложения принять на себя продажу или посредническую покупку этих облигаций.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 136. Копия.

№ 43

*Запись М.М. Литвинова о беседе с У. Брокдорфом-Ранцау
о польско-литовских взаимоотношениях**

20 октября 1927 г.

Из дневника
М.М. Литвинова

Прием Ранцау

1. Ранцау сегодня снова вернулся к теме, уже дважды затронутой им в беседе со мною и с тов. Чичериним: о поведении дип-

* Копии направлены членам коллегии НКВД СССР, Штейну, Н.Н. Крестинскому, И.В. Сталину, А.И. Рыкову.

корпуса во время празднования десятилетия¹. Говорил он очень долго и весьма туманно и путано. Можно было лишь понять, что Ранцау озабочен двумя вопросами: а) как бы мы не вызывали дипкорпус на произнесение речей во славу революции; б) как бы мы не приглашали дипкорпус на какие-либо собрания, где мы ругали бы буржуазию и буржуазные правительства. Упомянул он также о вывешивании флагов.

2. Ранцау упомянул, между прочим, что здешние дипломаты запрашивают его, как он намерен реагировать на обращение манифеста ЦИКа к пролетариям всех стран. Он им пока ответил, что не имеет еще никаких инструкций от своего правительства. Можно было понять, что главы некоторых других миссий имеют инструкции, но хотят координировать свои действия.

3. Вслед за тем Ранцау просил меня объяснить ему то место доклада² т. Рыкова, где он говорит, что выступает как революционный председатель революционного правительства и т.д. Надо ли это понять так, что т. Рыков считает себя раньше всего революционером, руководящим международной революцией, и затем уже председателем кабинета? Я разъяснил, что такое толкование было бы тенденциозным, что т. Рыков имел в виду напомнить лишь, что он сам революционер и стоит во главе правительства, вышедшего из революции и обязанного раньше всего хранить заветы и завоевания Октябрьской революции.

4. Коснувшись мимоходом заявления Лебе и нашего ответа, а также известной статьи во “Франкфуртер Цайтунг”, Ранцау сообщил, что хочет передать мне ответ на заданный ему несколько дней тому назад вопрос о польско-литовских взаимоотношениях за последнее время и о предполагаемом вмешательстве великих держав. На сделанный им через Берлин запрос он получил следующие ответы:

а) Из Лондона: Грегори³ просил 16 октября литовского поверенного в делах посоветовать его правительству отказаться от предполагаемого упоминания в новой конституции Вильны в качестве столицы Литвы. О каких-либо других демаршах, в особенности, о якобы предполагаемом коллективном демарше в Ковно германский посол в Лондоне не слышал, но он слышал, что несколько дней тому назад Чемберлен на запрос одной великой державы (вероятно, Франции) относительно позиции Великобритании в польско-литовском конфликте ответил, что, хотя политика Англии будет руководствоваться точкой зрения справедливости, но усиление Польши составляет существенную часть британской политики. Тем не менее ему сообщили доверительно, что Форин Офис⁴ не совсем согласен с поведением Польши и что там не одобряют польских ответных репрессалий.

б) Из Парижа: Директор политического департамента Бомарше⁵ характеризует, как чрезвычайное напряжение, положение, вызванное поведением Литвы в отношении польских учителей и польскими репрессалиями, а также намерением литовского правительства обозначить в новой конституции Вильно в качестве столицы, но он не верит в непосредственную военную опасность. Французское правительство обсуждает с Лондоном и Римом новые демарши в Ковно, которые имеют целью не только устранение нынешнего конфликта, но и длительное улучшение отношений между обоими государствами. На основании прежнего опыта Париж и Лондон относятся скептически к возможному успеху этого демарша.

в) Из Рима: Товарищ министра иностранных дел Гранди⁶ заявил, что хотя с французской стороны делаются попытки оказать соответственное давление на Ковно, никаких решений о каком-либо новом демарше трех великих держав в Ковно пока еще нет. Если Англия и Франция серьезно проектируют общий демарш, то Италия вряд ли сможет устраниваться от участия. Ввиду нынешних симпатий в Италии к Литве, она, однако, никакой инициативы в этом направлении не возьмет.

г) Из Ковно: Из достоверного источника германскому посланнику известно, что известный демарш английского и французских посланников против обозначения в конституции Вильно как столицы Литвы уже сделан. Французский посланник кому-то сообщил, что отрицательный ответ литовского правительства был дан в такой резкой форме, что он должен был просить литовское правительство не давать ответа в письменной форме.

5. Ранцау сообщил, что какой-то польский дипломат в Москве (очевидно Понинский⁷) кому-то говорил, что Вольдемарас⁸ напрасно кичится своим сближением с Ватиканом, что Литва является мостом между СССР и Германией и поэтому должна быть и будет уничтожена.

6. Ранцау убедительно просил держать в строгом секрете сделанное им мне сообщение касательно Литвы.

7. Ранцау вновь спрашивал о мнимой речи Троцкого, и я сделал категорическое опровержение.

8. На вопросы Ранцау, действительно ли нашим послом в Париж назначен Довгалевский⁹, а в Токио Раковский, ответил на первый положительно, а на второй отрицательно.

9. Забыл упомянуть, что Ранцау долго говорил со мной о выступлении персидского делегата в Лиге наций, прочитав мне немецкое изложение его речи. Ранцау считает, что Ансари¹⁰ не выполнил своего обещания, данного им ему и нам о дезавуирова-

нии принца Арфы. Новое заявление персидского делегата скорее подтверждает сказанное ранее Арфой, чем дезавуирует его. Я, со своей стороны, прочитал Ранцау текст заявления, присланный нам т. Давтяном, и ознакомил его с инструкциями, которые я дал по этому делу т. Бродовскому.

Литвинов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 686. Л. 55–57. Копия.

¹ Имеется в виду 10-летие годовщины Октябрьской революции 1917 г.

² Имеется в виду доклад в связи с 10-летием Октябрьской революции.

³ Грегори Джон (1878–1951) – в 1925–1928 гг. помощник заместителя государственного секретаря МИД Великобритании.

⁴ МИД Англии.

⁵ Бомарше Морис (1872–1932) – с 1926 г. директор политического департамента МИД Франции, посол в Италии в 1927–1932 гг.

⁶ Гранди Дино (1895–1988) – в 1927–1932 гг. заместитель и министр иностранных дел Италии, в 1932–1939 гг. посол в Англии.

⁷ Понинский Альфред (1896–1968) – в 1926–1934 гг. 1-й секретарь, советник миссии Польши в СССР.

⁸ Вольдемарас Августинас (1883–1942) – в 1926–1929 гг. премьер-министр и министр иностранных дел Литвы.

⁹ Довгалецкий Валериан Савельевич (1885–1934) – в 1924–1927 гг. полпред СССР в Швеции, в 1927 г. в Японии, в 1927–1934 гг. во Франции.

¹⁰ Ансари Али Голи-хан (1869–1940) – в 1921–1925 гг. министр иностранных дел Ирана.

№ 44

*Выписка из доклада Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову
о состоянии советско-германских экономических отношений*

№ 1966

30 октября 1927 г.

Берлин
Секретно

Тов. М.М. Литвинову

Многоуважаемый Максим Максимович,

1. В прошлый понедельник, 24 октября, закончилось заседание комиссии по иностранным делам. Отчет о первых двух днях я послал Вам прошлой почтой, при этом письме посылаю отдельную запись отчета последнего дня. Кроме того, посылаю написанный позднее немецкий текст доклада одного из участников заседания. Таким образом, Вы будете иметь самую полную информацию о заседании комиссии 21–24 октября. Вы увидите из отчетов, что хотя в первоначальном докладе Штреземана не было ни одного

слова о нас, тем не менее это заседание является очень важным для выяснения позиции германского правительства и отдельных германских партий по отношению к нам.

В своем прошлом письме я немало места посвятил выступлению Вирта, у которого в речи прозвучала нотка разочарования в нас и некоторого переориентирования. Я поэтому с особенным удовольствием могу теперь сообщить, что инцидент с этой речью можно считать ликвидированным. Вирт перед понедельничным заседанием говорил с коммунистическим депутатом Штёкером, выразил ему сожаление, что его речь могла быть понята, как изменение отношения к СССР, и заявил, что он сам себя исправит. Он объяснял при этом свое выступление тем, что резко нападал на Штреземана по вопросу о кредитах нам, он хотел во второй части своей речи быть несколько мягче и не нападать на правительство. После разговора со Штёкером Вирт говорил со Штреземаном, очевидно, желая путем частного разговора добиться того, чтобы Штреземан в своих дальнейших выступлениях не использовал его субботней неудачной речи. Это ему, по-видимому, удалось сделать. В самом начале заседания Вирт заявил, что в субботу он не закончил своей речи. Ему поэтому предоставили слово первому, и он начал распинаться за кредиты нам. Ни Штреземан, ни Брайтштейд в своих речах не реагировали на субботнюю речь Вирта, хотя в субботу оба они делали заметки. Не полемизировал с ним и никто другой из ораторов. Поэтому и т. Штёкер счел более целесообразным на Вирта не нападать и дать возможность его субботней речи пройти незамеченной и неиспользованной нашими врагами.

2. В повторных речах Штреземана, а также в выступлении министра-директора Вальрота выяснилось, во-первых, что германское правительство и Аусамт политически настроены к нам благоприятно. У германского правительства нет сейчас тревоги из-за наших переговоров с Польшей и Францией. Германское правительство стремится по-прежнему согласовывать с нами свою литовскую политику и стоит твердо на точке зрения необходимости сохранения самостоятельности Литвы. Германское правительство не собирается идти по пути Англии. Однако выяснилось, во-вторых, что и у германского правительства, по крайней мере, у Аусамта и у центральной организации германских промышленников имеется большое разочарование результатами торговли с нами. Германские промышленники добиваются даже того, чтобы германское правительство обусловило известными требованиями продление существующего торгового договора. Германские промышленники при этом ссылаются на враждебное

толкование закона об экономическом шпионаже, на недостаточную свободу въезда в СССР и передвижения по СССР и на всякие мелкие шиканы*. Если бы дело ограничивалось этим, то было бы сравнительно легко и опровергнуть неправильные обвинения, и исправить нашу практику, поскольку обвинения оказались бы правильными. Но дело этим не ограничивается. В германских правящих кругах и в германском общественном мнении упорно распространяют сведения о том, что во-первых, падает покупательная способность СССР, так как наше сельское хозяйство недостаточно быстро развивается, а покупать мы можем только в меру развития нашего экспорта. Во-вторых, утверждают, что мы в значительной степени покрыли уже нашу потребность в машинах и оборудовании, что доказывается падением цифры нашего импорта за последний год. В-третьих, нас обвиняют в том, что мы ведем недружественную Германии политику, отдавая выгодные заказы в другие страны, а в Германии размещая лишь те заказы, на которые мы получаем большие и долгосрочные кредиты.

3. Не только в комиссии по иностранным делам раздавались такие речи (речь Вальрота, отдельные замечания Штреземана). Об этом пишут в невраждебной нам прессе (статья Пристер¹ в "Берлинер Тагеблатт", статья Лео Гершуна² в "Германии"). Об этом же говорят в Министерстве иностранных дел. Ростин передавал нам, что Гану, который является нашим врагом в русском отделе, удалось убедить Люткенса³ и в значительной степени завоевать на свою сторону Вальрота, и что только Дирксен продолжает оставаться нашим другом. Но Дирксен как раз находится сейчас в отпуске. Вчера ко мне поступил новый материал, подтверждающий ту работу, которая ведется против нас Ганом и дающий картину закулисной борьбы между Министерством иностранных дел и Министерством народного хозяйства по вопросу о кредитах СССР. Я прилагаю доклад⁴ т. П.⁵, который давал нам много интересных сообщений во время конфликта 1924 г. и вообще всегда держит торгпредство в курсе закулисной стороны отношений к нам промышленников. В этом письме я с понятной осторожностью не называю полностью его фамилию, но под пересылаемым Вам подлинником его доклада стоит его подпись. Оказывается, что Министерство народного хозяйства, главным образом, в лице министерияль-директора Шеффера, является решительным сторонником предоставления нам новых кредитов. Мининдел против, причем свою отрицательную позицию Аусамт мотивирует ссылкой на неблагоприятные отзывы двух "свидете-

* Нападки, придирки (фр.).

лей”: одного крупного промышленника (по-видимому, Сименса) и другого (по-видимому, одного из руководителей Союза германской промышленности). Министерство народного хозяйства решило противопоставить неблагоприятным свидетелям Аусамта своего благоприятного свидетеля и направило как в Аусамт, так и к неблагоприятным нам свидетелям, одного крупного провинциального германского промышленника, ездившего недавно в СССР и вынесшего оттуда очень благоприятные впечатления. Этот промышленник был в Аусамте и несколько часов разговаривал с Вальротом, Ганом и Шлезингером. Наиболее неблагоприятно к нам настроен Ган. Он свободно владеет русским языком, читает нашу экономическую прессу, вообще хорошо знает Россию. Он связан с эмиграцией балтийской и русской; он близко связан с Гансом Форстом и влияет на направление “Ост-Экспресса”; наконец, по некоторым сведениям (которые не проверены и за которые я не ручаюсь) он питает иногда материалами и “Руль”. Его самого убедить и сделать нашим другом невозможно. Можно лишь побороть его влияние и вопреки ему добиться благоприятной политики Аусамта. Дружественный нам промышленник пытался всячески убедить Вальрота. Ему это удалось лишь частично. Но он считает, все-таки, что некоторый перелом в нем он произвел. Переубедил он также свидетеля крупного промышленника, фамилии он не называет, устранил сомнение у Ганса Кремера, председателя русской комиссии Союза германской промышленности. Этот Кремер был дружествен нам, последнее время у него появились сомнения насчет советского рынка. Сейчас он вновь настроен в нашу пользу. Этот промышленник был Министерством народного хозяйства вызван в Берлин вторично, имел новый ряд собеседований, и затем ему поручено составить подробную записку о своих впечатлениях об СССР, которая будет размножена в 50 экз. и роздана ответственным работникам Аусамта (30 экз.), Министерства народного хозяйства и Союзу германской промышленности. Записка эта должна быть готова на днях, потому что 4 ноября предполагается большое заседание по вопросу о кредитах с участием указанных выше трех организаций. Возможно, что к этому заседанию будет роздана и докладная записка тайного советника Люлляй, который был недавно в СССР по поручению Министерства народного хозяйства и вернулся с благоприятными впечатлениями. Благоприятны также отзывы Аухагена⁶, но я не знаю, выльются ли его отзывы в какую-либо определенную записку и будет ли этот материал в руках у членов решающего заседания.

4. 26 октября, через день после окончания заседания комиссии по иностранным делам, пришел ко мне Вирт. Он ничего не

говорил о своем грехопадении. Сказал лишь, что он решительно выступал в защиту кредитов нам, но что в заседании господствовало очень неблагоприятное по отношению к нам настроение и притом не в политическом отношении, а именно в отношении торговли с нами. Он считает, что мы должны сделать все возможное для того, чтобы к тому времени, когда внешняя политика правительства будет обсуждаться в пленуме рейхстага, а это будет в 20-х числа ноября, настроение по отношению к нам изменилось. Я сказал ему, что мы беспрепятственно выдаем визы, что мне неизвестны случаи отказа в визах, что от Сименса, с людьми которого мы близко деловым образом связаны, не поступало никаких жалоб. Если бы эти жалобы были мне представлены, я бы сумел, конечно, устранить все то, в чем можно было бы видеть что-либо несправедливое с нашей стороны, и не сомневаюсь, что жалобы концерна "Сименс" прекратились бы. Вирт обещал устроить так, чтобы ко мне приехал один из директоров "Сименса" и изложил все их жалобы. Далее я разъяснил Вирту, что небольшое падение общего импорта СССР в 1926–1927 г. по сравнению с прошлым годом объясняется специальной и при этом совершенно случайной причиной. Мы просчитались в 1925 г., и излишне вздули импорт во второй половине 1925 г. Потом же нам пришлось искусственно снизить импорт следующего года больше, чем это позволялось нашими экспортными возможностями. Если же хотеть получить представление о динамике нашего импорта из Германии, надо брать не цифру импорта 1926–1927, а цифру выдачи заказов. Ведь заказы, выданные на основании 300-миллионного кредита, отразятся на импорте 1927–1928 и последующих годов. А в 1926–1927 г. они отразились лишь на цифре выданных заказов. Рост же этих заказов по всей германской промышленности и особенно по отдельным ее отраслям чрезвычайно велик. Указал также и на то, что сельское хозяйство у нас развивается, продукция его растет и что, кроме того, растет не сельскохозяйственная часть нашего экспорта. Коснулся я и того, что в другие страны, напр., в Америку мы выдаем заказы, главным образом, на такие вещи, которых Германия нам дать не может, например, на хлопок и другие виды сырья. Я обещал Вирту прислать ему нечто вроде меморандума по этому вопросу. Мы уже раньше сговаривались с торгпредством о необходимости наших выступлений, которые парировали бы распространение о нас неверных сведений. Сейчас необходимая кампания представляется мне в следующем виде. Прежде всего мы пытаемся инспирировать появление в "Берлинер Тагеблатт" и в "Фоссише Цайтунг" статей, которые явились бы фактическим ответом на

статьи Пристер и Лео Гершуна. Во-вторых, в юбилейном номере немецкого журнала торгпредства появится официозная статья одного из работников торгпредства, дающая правильные цифры и нужное нам освещение. Номер с этой статьей мы разошлем некоторым членам кабинета, чиновникам Мининдела и Министерства народного хозяйства, ряду руководящих промышленников и редакторов. Затем торгпредство подготовит более длинный и обстоятельный меморандум, который разошлем, примерно, тому же кругу. Наконец, по возвращении из Москвы гг. Бегге и Ленгиеля, примерно, между 15 и 20 ноября устроим в торгпредстве доклад т. Ленгиеля или, может быть, и Ленгиеля и Маковского, если последний к этому времени будет здесь, по всем тем вопросам, которые затронуты выше в этом письме. На доклад пригласим человек 80–100 руководящих людей промышленности, банков, Министерства народного хозяйства, Мининдела, политической и экономической прессы. Всеми этими шагами мы сможем создать благоприятную почву для дальнейшего прохождения наших дел в Германии.

5. Но, конечно, мы не должны при этом делать ничего такого, что было бы демонстративно враждебным актом против германской промышленности и что парализовало бы все наши усилия. Таким шагом был бы разрыв нашего договора с Отто Вольфом по поставке труб для нефтепровода. Я телеграфировал Вам по этому поводу, сейчас остановлюсь несколько подробнее. Договор с Отто Вольфом является вполне оформленным связывающим нас договором. Наш отказ от него был бы грубым нарушением договора, мы проиграли бы процесс в суде и испортили бы, конечно, нашу коммерческую репутацию. Этот процесс был бы для нас много хуже процессов с “Ивой”⁷, ибо в тех процессах мы в значительной степени правы по существу и, кроме того, там у нас противник — мелкая фирма с неважной репутацией, а тут противником был бы один из крупнейших концернов Германии. Наркомторг был не особенно доволен заключением договора с Отто Вольфом, и по его указанию торгпредство ведет с ним дальнейшие переговоры, стараясь в порядке конкретизирования технических условий добиться некоторых уступок. Вольф частично пошел нам навстречу, частично отверг наши домогательства. Но это не исключает, конечно, того, что договор остается для нас обязательным. За это время произошли новые события в Париже. Англичане, действовавшие вначале через посредников и предлагавшие нам худшие условия, чем Вольф, узнав о нашей сделке с Вольфом, обратились к Пятакову непосредственно, минуя прежнего комиссионера, и предложили нашему парижскому торгпредству условия несколь-

ко лучшие, чем условия Отто Вольфа. Пятакову казалось, что наш договор с Вольфом еще не окончательный, что переговоры, которые происходят между берлинским торгпредством и Вольфом ведутся не по нашей инициативе, а по инициативе Вольфа, берущего назад некоторые из своих уступок. Поэтому Пятаков телеграфно предложил Микояну вести переговоры с Отто Вольфом на разрыв и сдать заказ англичанам. Тов. Микоян, очевидно, тоже думая, что есть юридическая возможность порвать с Отто Вольфом, дал соответствующие указания берлинскому торгпредству. Торгпредство телеграфировало т. Микояну, что назад идти нельзя, что договор заключен и что идти на разрыв этого договора невозможно. Я же еще раньше этого телеграфировал Вам. Прошло уже 3 дня, новых указаний от т. Микояна нет. По-видимому, он примирился с невозможностью разорвать договор с Отто Вольфом, и опасность миновала. Но я все-таки считаю своим долгом на всякий случай подчеркнуть здесь, что вопрос договора с Вольфом это вопрос не юридический, а политический. К счастью, нет юридической возможности аннулировать этот договор. Но если бы даже такая возможность была, разрыв был бы политически ошибочным шагом. Это была бы крупная шикана германской промышленности, которая и общественным мнением, и правительством была бы воспринята, как подтверждение того, что мы охотно сдаем заказы в другие страны, предпочитая даже Англию Германии. Момент для такого впечатления был бы, как Вы видели выше, самый неблагоприятный.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 118–123. Заверенная копия.

Помета: Сталину.

¹ Пристер Ева (1910–1982) – австрийский журналист, общественный деятель, в конце 1920-х гг. работала в газете “Berliner Tageblatt”.

² Гершун Лео – журналист, редактор газеты “Дойчланд” (“Германия”).

³ Люткенс Герхарт (1893–1955) – сотрудник IV (восточного) отдела МИД Германии.

⁴ Доклад отсутствует в АП РФ.

⁵ Возможно, имеется в виду Петренко-Лунев.

⁶ Аухаген Отто (1869–1945) – в 1927–1928 гг. эксперт по сельскому хозяйству в посольстве Германии в СССР, в 1931–1933 гг. директор Института Восточной Европы и Высшей сельскохозяйственной школы, с 1933 г. профессор Берлинского университета.

⁷ “Ива” – германское акционерное общество для международного товарообмена.

№ 45

*Записка Г.В. Чичерина И.В. Сталину
по поводу награждения советским орденом
немецкого солдата М. Гельца¹*

№ 1008/чс

14 ноября 1927 г.

Тов. Сталину

Копии: тт. Рыкову, Томскому, Бухарину, Ворошилову, Молотову, Калинин, Рудзутаку, Орджоникидзе, Микояну, Угланову, Андрееву, Цюрупа, Ярославскому, Менжинскому и членам коллегии НКВД

Уважаемый товарищ,

Передача ордена Красного Знамени членом нашего правительства некоторым немецким революционерам уже вызвала совершенно неизбежную реакцию со стороны Германии. Советник германского посольства уже говорил об этом в нашем отделе Центральной Европы, и сам посол придет ко мне по этому поводу в один из ближайших дней.

Действительно, можно поставить вопрос, стремимся ли мы улучшить или ухудшить наше международное положение? При крайней шаткости нашего положения во Франции, когда наша связь с Германией есть, очевидно, наша наиболее важная опора и когда германское правительство, несмотря на всякие тенденциозные рассказы, до сих пор держится по отношению к нам вполне корректно, является совершенно непонятным, почему мы должны собственными руками толкать Германию во враждебный нам лагерь. Нет ни малейшего сомнения, что результаты будут в высшей степени серьезные и что этот факт будет и в Германии, и в других странах широчайшим образом использован нашими противниками.

Немцы указывают в особенности на тот факт, что член правительства, военный министр², в данном случае передавал орден. После того, как еще при т. Ленине был установлен принцип раздельности советского государства и Коминтерна, этот принцип давал нам возможность упрочения нашего международного положения; данный факт является действительно фундаментальным нарушением этого основного принципа нашего международного положения.

С товарищеским приветом Георгий Чичерин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 676. Л. 122. Подлинник.

¹ Гельц Макс – немецкий солдат, член “Союза красных фронтовиков” (с 1926 г. председатель Союза Э. Тельман), находился под военным судом за “пораженческое выступление в случае военных действий против СССР”. Приказом Реввоенсовета СССР от 12 ноября 1927 г. в связи с 10-летием Октябрьской революции награжден советским орденом. Приказ был опубликован в советской печати 13 ноября 1927 г.

² Имеется в виду К.Е. Ворошилов.

№ 46

*Запись беседы Г.В. Чичерина с У. Брокдорфом-Ранцау
о попытках СССР ликвидировать польско-литовский конфликт
при содействии Германии*

№ 1042/чс

25 ноября 1927 г.

Сов. секретно

Экз. № 1

Я начал указанием, что когда я говорил с Ранцау о Литве, мы всегда исходили оба из той предпосылки, что прекращение существования независимости Литвы есть не только угроза для СССР, но есть по меньшей мере такая же угроза для Германии и такое же ухудшение ее положения на Востоке. Ранцау подтвердил, что он именно так смотрит и что все проникательные политики в Германии так смотрят. Тем более странны, сказал я, факты последнего времени, на которые я должен обратить его внимание.

Я напомнил, главным образом, о разговоре Штреземана с т. Крестинским на эту тему. Штреземан был в общем согласен с нашей позицией и почти согласился на одновременный демарш в Ковне с рекомендацией декларирования прекращения состояния войны, но в последний момент он сказал, что точный ответ даст в понедельник Шуберт. 21-го, в понедельник, Шуберт почти склонился к нашему предложению, но отложил ответ до вторника. Во вторник Шуберт признал принципиальную правильность нашего предложения, но прибавил, что подобное заявление со стороны Литвы вызовет встречное выступление Польши, которое может создать неблагоприятное положение для Литвы. Тут Ранцау вставил, что он получил телеграмму такого же содержания из Берлина и что никто в германском посольстве не мог понять, в чем может заключаться это новое неблагоприятное положение Литвы. Я продолжал: Шуберт далее сказал, что дает телеграфное поручение германскому посланнику в Ковне Морату¹ сказать Вольдемарасу, что германское правительство знает о нашем демарше, считает это предложение заслуживающим весьма большого внимания и

советует литовскому правительству еще раз обсудить, не следует ли ему принять наше предложение; до разговора с Вольдемарасом Морат должен повидаться с т. Аросевым². Что же из этого вышло? Вышло нечто совсем на это непохожее. 23-го Аросев сообщил, что германский посланник Морат пошел к Вольдемарасу, не переговорив с ним предварительно. 24-го Морат посетил т. Аросева и сообщил, что получил инструкцию Шуберга не поддержать нас, а только произвести зондаж об отношении Вольдемараса к нашей рекомендации; Морат считает наш демарш преждевременным, ибо, по его мнению, польско-литовский конфликт пока еще не внушает серьезных опасений. Получилось таким образом полнейшее расхождение между германской линией в Ковно и германскими заявлениями в Берлине. К этому я прибавил факт имеющихся указаний на якобы неблагоприятный поворот германской политики по отношению к Литве. Кроме того, в Варшаве, а также в Ковно много говорят о состоявшемся в Берлине соглашении с польским особоуполномоченным Яцковским³ по поводу таможенных пошлин для ввоза германских продуктов в Польшу и польских продуктов в Германию; там говорят о том, что Германия в виде понижения таможенных пошлин на свои продукты и повышения на польские продукты получила компенсацию. Самые рассуждения Шуберга кажутся мне в высшей степени странными. Ранцау прочитал мне мотивировку, присланную ему из Берлина, которая в общем совпадает с сообщениями т. Крестинского; но там подчеркивается еще один момент: после того, как этот вопрос поставлен перед великими державами и юридически перед советом Лиги наций, было бы неудобно предвосхищать решение этого вопроса. Я указал Ранцау на крайнюю неполитичность этого аргумента. Ранцау сказал мне, что, по его впечатлению, тут сказывается влияние Гаусса. Я возразил, что, по-моему, тут сказывается нечто другое, а именно одно из проявлений неблагоприятных последствий превращения триархии в тетрархию; члены предстоящей комиссии, по-видимому, не хотят, чтобы заслуги этой будущей комиссии были уменьшены. Ранцау сказал, что то, что я говорю, есть более тонкий анализ, чем то, что он говорит. По существу он не возразил против моего толкования. Я дал понять, что превращение триархии в тетрархию может быть в данном случае чревато и более широкими неприятностями. Ранцау сказал, что подробно напишет в Берлин о получающейся политической картине. Он спросил меня, что же я предлагаю. Я сказал, что мне особо важными кажутся в данный момент два пункта: во-первых, еще не поздно германской дипломатии поддержать наш демарш и тем самым ослабить напряженное положение и отнять ветер из парусов Польши; во-вторых, мне казалось бы, что германская

дипломатия хорошо бы сделала, если бы убедила литовское правительство, что Германия вовсе не повернулась спиной к Литве, как это теперь представляют себе в Ковно.

Ранцау все очень подробно записывал и выразил полное согласие с нашими взглядами.

Я рассказал ему о сообщении т. Лоренца, что Ранцау показывал ему телеграммы Вальрота, который утверждает, что якобы т. Богомолов в Варшаве выражался вовсе не так пессимистически и что Сидзикаускаус также вовсе не настроен пессимистически. Я сообщил Ранцау содержание телеграммы тов. Богомолова и различных бесед с Сидзикаускаусом, доказывающих диаметрально противоположное. Я сказал, что как раз т. Богомолов наряду с другими источниками указал нам на крайнюю опасность положения и что как раз Сидзикаускаус в своих разговорах обнаруживал самое крайнее волнение. Ранцау сказал, что т. Лоренц, по-видимому, его не понял.

После этого Ранцау перешел к другим вопросам. По поводу Гельца он получил от Штреземана телеграмму, которая частью была искажена, частью была непонятна. Он послал по этому поводу запросы. В этой телеграмме Штреземан сообщал ему, что т. Крестинский значительнейшую часть времени говорил о литовском вопросе, а когда разговор коснулся Гельца, то в приемной уже ожидал французский посол, и пришлось беседу скомкать. Ранцау находит весьма странным такое отношение к вопросу. Я сказал, что т. Литвинов намеревался в Берлине переговорить со Штреземаном и что если последний чего-нибудь хочет по поводу Гельца, то он имел бы возможность обсудить это с т. Литвиновым. Ранцау признал, что это очень желательно и что, вероятно, это имело место. Он спросил, нет ли у меня известий о берлинских разговорах т. Литвинова? В тот момент берлинские телеграммы на эту тему еще до меня не дошли. В этой телеграмме Штреземана сообщается Ранцау, что Штреземан с величайшим трудом удержал прессу от создания новой “коз селебр”^{*}. Я сказал, что он и т. Крестинскому говорил об этом же самом. Далее в этой телеграмме сообщается, что Штреземан говорил т. Крестинскому относительно того, чтобы мы дали письменное заявление, что орден дан Гельцу в связи с партизанской борьбой против Антанты. Я сказал, что т. Крестинский ничего подобного не сообщает; он писал, что по существу это объяснение успокоило Штреземана, причем я ему после этого протелеграфировал, что это объяснение уже дано и что я не вижу, зачем возвращаться к нему вторично. В той же телеграмме Штреземана сказано, что приезд Ранцау в

^{*} Здесь – удобного повода для сенсации (*лат.*).

Берлин в данный момент излишен и он просит этого не делать; Ранцау сообщил это мне с видом большой обиды против Штреземана. Передавая объяснения т. Крестинского о том, что Гельц был во главе партизанского движения, Штреземан сообщил, что т. Крестинский закончил это объяснение такой фразой: “Советское правительство думало, что оно при этом действует в духе германского правительства”. Ранцау сообщил это мне со смехом, как весьма резкое издевательство над германским правительством, причем Штреземан, как говорится в телеграмме, на это ответил, что он не понимает советского посла. Но французский посол ожидал в приемной, и пришлось беседу с т. Крестинским оборвать. Я выразил надежду, что т. Литвинов по всем имеющимся вопросам договорился со Штреземаном. Ранцау сказал, что он сегодня по делу Гельца никаких вопросов не ставит, так как телеграмма Штреземана ему непонятна и он не имеет оснований для официальных шагов на эту тему.

После этого Ранцау сделал несколько сообщений информационного характера. По словам Черрути⁴, Бертело⁵ сказал Манцони⁶, что, по сообщению Эрбетта, СССР в данный момент не может произвести никаких военных движений. Я сказал, что мы из разных источников слышали об этих коварных сообщениях Эрбетта. Далее весьма конфиденциально Ранцау сообщил, что Бриан сказал германскому послу Гешу, что французское правительство желало бы вовлечь Германию в совместный демарш по польско-литовскому вопросу, но что он должен еще обсудить это с Чемберленом. Когда после этого Ранцау разговаривал на эти темы с Черрути, то Черрути прежде всего, сказал, что Италия весьма высоко ценила бы участие Германии в этом демарше, на что Ранцау ответил, что он совсем не ценит это высоко, после чего разговор зашел об отношении Бриана к этому вопросу, и Черрути по поводу слов Бриана воскликнул: “Это ложь; совсем не Бриан, а Чемберлен выдвинул мысль о привлечении Германии к этому демаршу. Бриан же лишь после этого примкнул к предложению Чемберлена”.

Далее Ранцау сообщил, что новый германский советник в Лондоне Дикхоф⁷ разговаривал с видным представителем Форин офиса (имеется в виду Грегори); это лицо сказало ему, что в Женеве не будет допущено частных разговоров о сближении между СССР и Англией, но что если в Лондоне будут сделаны такие предложения, это вопрос другой.

Никаких выводов из этого сообщения мы не сделали.

Чичерин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 686. Л. 58–62. Копия. Оpubл. частично: Документы внешней политики СССР. М., 1965. Т. X. С. 494–496.

¹ Морат Ганс (1879–1945) – в 1926–1933 гг. посланник Германии в Ковно.

² Аросев Александр Яковлевич (1890–1938) – в 1921–1922 гг. сотрудник полпредства РСФСР в Латвии, в 1924–1925 гг. сотрудник полпредства СССР во Франции, в 1926–1927 гг. в Швеции, в 1927–1928 гг. полпред СССР в Литве, в 1929–1933 гг. – в Чехословакии.

³ Яцковский Тадеуш (1889–1972) – в 1926–1929 гг. директор Политического департамента МИД Польши.

⁴ Черрути Витторио (1881–1961) – в 1927–1930 гг. посол Италии в СССР.

⁵ Бертелло Филипп (1866–1934) – генеральный секретарь МИД Франции в 1920 г. и в 1924–1932 гг.

⁶ Манцони Газтано (1871–1937) – в 1924–1927 гг. посол Италии в СССР, в 1927–1932 г. посол во Франции.

⁷ Дикхоф Ганс (1884–1952) – в 1927 г. советник германского посольства в Лондоне, с 1930 г. министерский директор и с 1935 г. заведующий политическим отделом МИД, заместитель статс-секретаря, в 1937–1941 гг. посол Германии в США.

№ 47

*Запись беседы Г.В. Чичерина с У. Брокдорфом-Ранцау
о позиции германского правительства в связи с награждением
орденом Красного Знамени М. Гельца*

№ 1053/чс

29 ноября 1927 г.

Сов. секретно

Экз. № 1

Прежде всего Ранцау сообщил мне содержание телеграммы Вальрота о разговоре германского поверенного в делах в Варшаве с т. Богомоловым (передача приблизительная): “Варшава телеграфирует, что здешний русский посланник сказал, что у него нет признаков того, что удар Пилсудского по Литве предстоит непосредственно, однако готовность виленских войск против Литвы уже такова, что польская авантюра против Литвы возможна каждый момент как в форме военного вторжения, так и в форме революционного движения по образцу литовского переворота в Мемельской области”.

Ранцау, чтобы покончить с мелочами, перешел к повторным просьбам Криге по 2-м пунктам: о разрешении Мальмгрену поездки за границу и о визе для проф. Рендторфа¹. Я указал, что по второму пункту никакой возможности нет, по первому же пункту я опять займусь выяснением.

Ранцау сообщил затем, что у него собирается быть майор Гвинн. Я кое-что объяснил относительно его личности. Затем он указал, что за последнее время позиция Пауля Шеффера² значительно улучшилась. Его последние статьи по литовскому вопросу

очень хороши и для нас благоприятны. Я обещал эти статьи посмотреть.

После этого Ранцау перешел к основной цели своего визита, вопросу о декорировании* Гельца. Значительная часть его беседы была посвящена не нашему акту по отношению к Гельцу, а своим жалобам на Штреземана за его интригу. Ранцау вне себя по поводу поведения Штреземана, который всю историю сваливает на Ранцау. По словам Ранцау, фактически неверно то утверждение, будто бы только от него Штреземан узнал об этом деле. Ранцау хорошо знает, что в Берлине самостоятельно началось волнение об этом. Он об этом имел многочисленные сведения. Он считает, что Штреземан уже давно против него интригует и в особенности старается его чернить в наших глазах и старается портить его отношения к нам. Настроение Ранцау было настолько повышенное и взволнованное, что он говорил, что во что бы то ни стало разоблачит эту интригу и ради протеста против этого поведения своего министра уйдет в отставку. Эти жалобы на интригу Штреземана против него заняли значительную часть времени и в начале разговора о Гельце, и в середине, и в конце.

По существу вопроса он передал мне сообщение Штреземана о разговоре с т. Литвиновым. В данный момент от т. Литвинова имеется по этому поводу лишь шифровка. Подробный отчет получится завтра с дипкурьером. Сообщение Штреземана заключается в том, что 25 ноября при разговоре с Литвиновым Штреземан в весьма энергичных выражениях говорил о тяжелых результатах этого факта; ему представляется совершенно неслыханным декорирование преступника за его преступления, и он еще не представляет себе, как это в конце концов отразится на германо-советских отношениях. Тов. Литвинов сказал ему, что это постановление было принято Реввоенсоветом, который не имел намерения создать затруднения для германского правительства. Он повторил указания на то, что Гельц был партизаном в борьбе против Антанты в то время, когда продвижение последней было бы направлено и против Советской Республики. Штреземан сказал, что в случае необходимости в парламенте он сошлется на это заявление, но он очень боится, что по этому поводу будут большие нападки и большая кампания. Тут в телеграмме Штреземана следовала фраза, по поводу которой Ранцау выразил удивление: Штреземан пишет, что считает нужным, чтобы советское правительство повторно выяснило это дело через германское посольство в Москве. Ранцау сказал мне, что он не понимает, в чем

* Награжденни.

должно заключаться это повторное выяснение. Очевидно, вместо разрешения вопроса в Берлине, Штреземан старается свалить все на него. По существу того, что Штреземану желательно, в телеграмме последнего дальше сказано: "Нам важно, чтобы советское правительство заявило, что это не было политической демонстрацией против нас". Тут Ранцау указал мне, что благодаря его, Ранцау, усилиям, германское правительство уже не настаивает на письменном объяснении советского правительства. Вначале об этом говорилось, но Ранцау весьма решительно выяснил германскому правительству, что о письменном объяснении не следует говорить. Дальше в телеграмме указывается, что сам Гельц на суде заявил, что его единственное стремление есть ниспровержение существующего строя в Германии. Дальше Штреземан выражает желание, чтобы советское правительство заявило, что состоялось декорирование не политика Гельца, но солдата Гельца. Я на это объяснил Ранцау, что партизанская борьба против Антанты вовсе не была борьбою регулярных армий в солдатских мундирах. Это была революционная борьба, которая велась в революционный период.

Дальше в телеграмме приводится ответ Литвинова: он не видит после объяснений Чичерина и его объяснений, какие сообщения советского правительства еще нужны. Штреземан выражает предположение, что Литвинов уже прислал в Москву подробный отчет об этом разговоре. Он дальше заявляет, что он готов отказаться от требования зафиксирования в письменном виде объяснений советского правительства.

Ранцау по этому поводу обратил мое внимание на то, что в данный момент Штреземан может отказываться от слишком неприятных требований, но он сохранит про запас этот аргумент с тем, чтобы в будущем, если нужно будет оправдывать какие-нибудь политические повороты на запад, этот аргумент мог быть использован. Тут он опять перешел к своим жалобам на Штреземана.

В ответ на сообщения, извлеченные из телеграммы Штреземана, я сказал, что если Штреземан со своей стороны заявил, что присоединяется к Ранцау и поддерживает его протест, то я со своей стороны заявляю, что присоединюсь к заявлениям т. Литвинова. Ранцау по этому поводу очень смеялся.

Так как подробный отчет от т. Литвинова еще не получен, то продолжение разговора было отсрочено.

Чичерин

¹ Рендторф Франц (1860–1937) – немецкий теолог, в 1924–1925 гг. ректор Лейпцигского университета, в 1916–1932 гг. возглавлял Международную ассоциацию немецкой евангелической церкви.

² Гвинн Фредерик – британский майор, исполнительный директор английской концессии на территории СССР “Лена-Гольдфильдс”.

³ Шеффер Пауль (1879–1954) – немецкий журналист, корреспондент газеты “Берлинер Тагеблатт” в Москве; его критические корреспонденции, в частности о показательных процессах против буржуазных специалистов, привели к лишению его аккредитации в ноябре 1929 г.

№ 48

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О Германии”**

№ П 138/3-с

30 ноября 1927 г.

Строго секретно

3. – а) Принять предложение немецкого правительства относительно совещания в Берлине по вопросам, связанным с торговым договором и экономическими отношениями.

б) Признать целесообразным посылку на это совещание представителя Наркомторга, работающего в центре.

в) Поручить Наркомторгу и НКВД представить в 3-х дневный срок в Политбюро кандидатуру и программу работ нашего представителя на совещании.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 124. Копия.

№ 49

Письмо Н.Н. Крестинского Г.В. Чичерину относительно попыток размещения в Германии советских внутренних займов

№ 1082/с

2 декабря 1927 г.

Секретно

Тов. Чичерину

Копии: тт. Литвинову, Шейнману,
Брюханову, Рыкову

Многоуважаемый Георгий Васильевич,

В настоящем письме я вынужден еще раз со всей серьезностью вернуться к вопросу о попытках размещения наших внутренних

* Вопрос представлен А.И. Микояном и Г.В. Чичериным. Выписка из протокола № 138 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 ноября 1927 г., п.3. Направлена А.И. Микояну и Г.В. Чичерину.

займов в Германии, которому были посвящены мои письма от 8 октября № 896 и от 18 октября за № 942. Первое письмо было послано мною т. Литвинову с копиями: Вам, Шейнману, Брюханову и Рыкову. Второе письмо я посылал только т. Литвинову, поэтому сейчас прилагаю его копию¹.

История вопроса такова. В августе месяце ЦИК СССР издал постановление, разрешающее вывоз за границу облигаций государственных займов, оплаченных в иностранной валюте. В постановлении ЦИКа перечислены пять наших государственных займов, из них 4 – выигрышных и 1 – невыигрышный. Когда это постановление из наших газет стало известно германским властям, генеральный агент НКФ за границей т. Сванидзе был вызван в Министерство народного хозяйства (в Германии банковскими операциями ведает не Министерство финансов, а это министерство), где ему объяснили, что в Германии запрещается продажа иностранных выигрышных займов. Из всего разговора т. Сванидзе вынес впечатление, что если мы, не испросивши специального разрешения германского правительства сделаем попытку продавать в Германии наши выигрышные займы, то мы нарвемся на большой скандал. Содержание своего разговора в Министерстве народного хозяйства т. Сванидзе изложил в письме на имя полпредства от 24 сентября. Письмо это я приложил к своему первому письму от 8 октября. В том моем письме я просил т. Литвинова и всех товарищей, кому были адресованы копии, приостановить намеченные Госбанком шаги по распространению наших займов в Германии. Я высказывался против помещения в германских газетах объявления с текстом нашего закона от 24 августа, а также против рассылки немецким банкам циркуляров с предложением принять на себя распространение наших займов. Наркоминдел присоединился к моей точке зрения. Об этом т. Литвинов уведомил меня письмом от 14 октября за № 8546, приложив к нему копию своего письма тов. Шейнману от того же 14 октября за № 8545. Тов. Литвинов высказался против помещения объявления, высказался и против того, чтобы мы вступали в переговоры с германским правительством о разрешении нам продавать наши займы ввиду того, что политический и экономический момент такого рода разговорам не благоприятствовал. В своем письме от 8 октября я указывал, что моя точка зрения целиком разделялась торгпредом т. Бегге; генеральным агентом НКФ т. Сванидзе и здешним уполномоченным Госбанка т. Аркусом.

Вскоре после всей этой переписки т. Аркус получил от т. Шейнмана телеграфное предложение поместить объявления во всех ранее ему указанных странах, кроме Германии. В Германии

же ограничиться рассылкой банкам информационных меморандумов, не содержащих в себе предложения принять на себя распространение наших займов. После этого мы здесь все успокоились и к этому вопросу более не возвращались.

На днях, 29 ноября, состоялось заседание нашего берлинского финансового совещания. На этом совещании я случайно узнал, что за несколько дней перед этим во всех крупных германских газетах появилось опротестованное нами за месяц перед тем объявление. Появилось это объявление помимо здешнего представителя Госбанка. Правление Госбанка непосредственно из Москвы сдало в газету все эти объявления, а здешнему банку Гаркребо постфактум поручило за счет Госбанка рассчитаться за напечатание объявления. Таким образом, мы все были поставлены перед фактом. Я не думаю, что такого рода действия правления Госбанка могли быть кем-либо одобрены. Предположите на минуту, что Министерство народного хозяйства вызывает к себе Сванидзе, а Аусамт когонибудь из нас, и задает нам вопрос по поводу этого объявления. Что должен делать т. Сванидзе? Он не может, ведь, сказать, что сделанное ему в сентябре месяце предупреждение он не довел до сведения Москвы. Он должен или начать выкручиваться, приводя соображения, которые ему самому кажутся неправильными и неубедительными, или свалить вину на правление Госбанка, сказавши, что он Госбанк поставил своевременно в известность и что Госбанк тем не менее вопреки этому предупреждению поступил по-своему. Если он сделает последнее, то он серьезно подведет Государственный банк. Но как можно требовать от него, чтобы он защищал действия Госбанка, которые ему и полпредству, и Наркоминделу казались неправильными и которые были нами своевременно опротестованы. Тов. Сванидзе, конечно, послал в Москву протест против действий Государственного банка. Когда мы в заседании 29 ноября коснулись этого вопроса, то я, Сванидзе и торгпредство резко осуждали поступок Госбанка и считали необходимым хотя бы и постфактум протестовать против него, потому что иное наше отношение к этому шагу могло бы привести к тому, что впредь разные ведомства стали бы нас ставить перед фактом, может быть, в еще более ответственных вопросах. Представитель Госбанка и представитель Гаркребо, учитывая то, что объявление прошло незамеченным, склонны были отнестись мягче.

Но на другой день выявился новый, еще более потрясающий факт. Тов. Аркуса вызвал к себе руководитель “Берлинер Хандельсгезельшафт” старик Фюрстенберг. Он рассказал Аркусе, что и его банк, и все другие банки получили непосредственно

из Москвы от правления Госбанка предложение принять на себя продажу облигаций наших займов с конкретным указанием условий комиссионного вознаграждения. К Фюрстенбергу звонили руководители других банков, предлагали собраться и составить коллективный ответ, содержащий отказ с указанием на полную несвоевременность выступления Госбанка. Фюрстенберг отказался участвовать в коллективном ответе и направил в Государственный банк отдельный ответ, в котором он поблагодарит за сделанное ему предложение, скажет, что к вопросу по существу он вернется еще при устных переговорах. Это письмо явится замаскированным вежливым отказом. Другие же банки пошлют если не коллективный, то согласованный отрицательный ответ, кроме того, руководители банков предполагают довести об этом предложении до сведения Аусамта. Во всем этом инциденте меня интересует не то, что банки дают тов. Шейнману отрицательный ответ. Всякий, кто сколько-нибудь внимательно следит за настроением германского денежного рынка, должен был и без этого опыта понимать, что никакого другого ответа быть не может. Меня здесь интересует то обстоятельство, что Госбанк в явное нарушение существующего в Германии закона, о чем он был предупрежден, обратился к немецким банкам с предложением принять на себя продажу наших облигаций в Германии. При наличии этого факта мы, если бы даже и пожелали, не могли бы пытаться объяснить напечатание в газетах объявления информационными, а не коммерческими соображениями. Налицо полный состав преступления со стороны Государственного банка. То обстоятельство, что это преступление совершено не Аркусом, и не Сванидзе, а непосредственно правлением Госбанка из Москвы, облегчает личное положение тт. Аркусу и Сванидзе, но ни в какой мере не исключает ответственность Госбанка и советского правительства за этот шаг. В атмосфере существующих между нами и германским правительством недоразумений и недовольства положением нашей торговли недопустимо давать германскому правительству в руки такой скандальный козырь против нас.

Я очень прошу Вас, Георгий Васильевич, обратить внимание на это дело и принять меры к тому, чтобы иностранный отдел Госбанка никакой самовольной политики за границей не вел и согласовывал свои действия всегда и полностью с НКВД. Просил бы также Вас дать указания, что делать т. Сванидзе, если он будет вызван в Министерство народного хозяйства или если Аусамт предъявит претензии нам. Имейте при этом в виду, что т. Сванидзе не только генеральный агент НКФ за границей, но в то же время финансовый атташе нашего посольства. Поэтому дезавуи-

рование его, попытку свалить в какой-либо мере ответственность на него я считал бы неправильным. Если нужно будет искать искупительную жертву для германского правительства, то ее нужно будет [искать] там, где находятся действительные виновники недопустимого выступления Госбанка, а именно в правлении или, по крайней мере, в иностранном отделе Госбанка.

С товарищеским приветом Крестинский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 133–136. Копия.

¹ Копия письма в АП РФ отсутствует.

№ 50

Записка Г.В. Чичерина И.В. Сталину о подготовке к советско-германскому экономическому совещанию в Берлине

№ 1060/чс

3 декабря 1927 г.

Секретно

Экз. № 1

Тов. Сталину

Копии: тт. Рыкову, Томскому, Бухарину, Ворошилову, Молотову, Калинин, Рудзутаку, Орджоникидзе, Микояну, Цюруп, Угланову, Андрееву, Ярославскому, Менжинскому, Шейнману и членам коллегии НКВД

Уважаемый товарищ,

В силу постановления Политбюро программа экономического совещания с германским правительством была уже согласована между мною и тов. Микояном, и я собирался ее переслать в Политбюро, но в этот момент тов. Шейнман выразил пожелание о том, чтобы банковские вопросы были также внесены в эту программу. По соглашению с тов. Микояном я предложил тов. Шейнману разработать формулировку этих вопросов и после получения от него этих формулировок я их согласую с тов. Микояном, после чего всю программу с этим дополнением передам в Политбюро.

Тов. Крестинский совершенно ошибочно предлагает нам помедлить с началом этого совещания ввиду того, что некоторые немецкие чиновники говорят, что не готовы. Но эти чиновники как раз те, которые неблагоприятно относятся к развитию наших экономических отношений. Мы, наоборот, заинтересованы в устранении создавшихся недоразумений и, в частности, в выполнении некоторых наших пожеланий. В связи с этим нам не удалось по-

лучить от тов. Крестинского выражения его мнения относительно того, кого послать из Москвы, так как он неправильно подходит к вопросу и усматривает в этом уступку с нашей стороны, в то время мы сами в этом заинтересованы. В ближайшие дни я согласую этот вопрос с тов. Микояном и тогда выполню постановление Политбюро, предложив совместно с тов. Микояном кандидатуру товарища для поездки в Берлин.

С товарищеским приветом Георгий Чичерин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 137. Подлинник.

№ 51

*Запись беседы Г.В. Чичерина с У. Брокдорфом-Ранцау
о деле М. Гельца, польско-литовском конфликте
и улучшении советско-французских отношений*

№ 1070/чс

8 декабря 1927 г.
Сов. секретно
Экз. № 2

Ранцау просился ко мне для нового разговора о деле Гельца. Это было вызвано тем, что плохо расшифрованная сначала телеграмма Штреземана теперь расшифрована целиком, и получены некоторые дополнительные сведения. Ранцау указал на серьезность положения, иллюстрируемую тем, что военный министр и министр внутренних дел обратились в Аусамт по этому делу. Ранцау считает, что было бы крайне важно поскорее это дело ликвидировать, чтобы оно не испортило еще больше. Но затем Ранцау перешел опять к своим жалобам на Штреземана, который старается, по его словам, поссорить его с нами и который совершенно напрасно хочет сделать его в этом деле “козлом отпущения”. Ранцау отлично знает, что Штреземан и до его телеграммы имел сведения об этом деле и занимался им и что военное министерство получило эти сведения из совсем других источников. По словам Штреземана, тов. Литвинов сказал последнему, что Ранцау просил у меня выяснения этого дела. Ранцау решительно отвергает, чтобы он взял на себя какую-либо инициативу, ибо он делал только то, что поручалось ему Штреземаном. Теперь Штреземан старается отделаться от этого дела и все свалить на Ранцау. В этой связи Ранцау опять говорил о своем намерении обратиться к Гинденбургу и затем выйти в отставку вследствие

невозможности продолжать работу в такой обстановке. Однако в этом деле он достиг одного весьма важного результата: он выяснил германскому правительству невозможность требовать от нас письменных заявлений по этому делу. Вообще же Штреземан все время пишет, что соглашается с Ранцау, что, по словам последнего, противоречит действительному отношению между ними, ибо, наоборот, Ранцау выполняет поручения Штреземана. Ранцау очень настаивает на том, чтобы кроме моих ответов по этому делу было поручено тов. Крестинскому сказать то же самое Штреземану. По существу вопроса, по окончательно расшифрованной телеграмме Ранцау повторил рассказ Штреземана о разговоре с тов. Литвиновым. Штреземан сказал тов. Литвинову, что в случае необходимости сошлется на его заявления, но он боится, что на этой почве может произойти возбуждение общественного мнения; вследствие этого Штреземан желал бы, чтобы советское правительство еще раз дало Ранцау выяснение вставших вопросов. Штреземан настаивает на том, чтобы мы объяснили, что не имелось в виду политической демонстрации против Германии и что состоялось декорирование не политика, но солдата (это та формула, по поводу которой я уже полемизировал с Ранцау). Дело осложняется тем, что сам Гельц перед судом объяснил, что его единственной целью является ниспровержение существующего строя в Германии. Кроме того, особенно однозвонной является речь тов. Буденного¹. Штреземан сообщает дальше Ранцау, что признал ту точку зрения, что не следует настаивать на письменных заявлениях и что [он] удовлетворится устным заявлением, на которое можно будет ссылаться; это заявление должно дополнить прежнее сообщение Чичерина. К этому Ранцау опять добавил, что особенно настаивает на том, чтобы то же самое было сообщено тов. Крестинскому, чтобы не было разногласия; Ранцау настаивает на том, чтобы дальнейший ход дела имел [мес]то непосредственно между тов. Крестинским и германским правительством; сам Ранцау стремится к тому, чтобы весь этот вопрос был ликвидирован без шума, но он не хочет быть “козлом отпущения”. Ввиду того, что создалась очень большая путаница, Ранцау, кроме того, нашел целесообразным подождать приезда тов. Литвинова, который лично разговаривал со Штреземаном и непосредственно от него знает, чего именно хочет германское правительство. Весь вопрос был поэтому отложен.

Я тогда перешел к мемельскому вопросу. Я перечислил Ранцау следующие факты: литовское сообщение о 6 000 вооруженных членов “Штальгельма”², причем само собою то, что члены “Штальгельма” будут бороться не за литовские интересы; 2) до-

шедшие до него сведения о продвижении германских вооруженных отрядов в направлении к Мемелю; варшавские слухи о намерении Германии занять Мемель; 4) то место в женевской речи Залесского, где он говорит, что можно спросить себя, не была ли ошибкой передача Мемеля Литве, что явно звучит, как намек на возможность передачи Мемеля Германии; 5) слова Штреземана журналистам, что Залесский мог бы выразиться яснее (телеграммы ТАСС об этих словах Штреземана у меня сейчас нет под рукой, но во время разговора с Ранцау эта телеграмма у меня была). Ранцау был всем этим весьма сильно взволнован. Я объяснил ему, что по существу мы не могли бы ничего иметь против присоединения Мемеля к дружественной Германии, но что речь идет об обстановке и о том значении, которое этот факт имел бы в настоящий момент; это было бы маленькой компенсацией Германии взамен колоссального прироста польского могущества. Проглотив Литву, Польша окружила бы со всех сторон Восточную Пруссию, причем о видах Польши на Восточную Пруссию мы имеем сведения, факты были ему известны; такая компенсация, конечно, весьма ценная сама по себе, настолько укрепила бы положение Польши, что развязало бы ей руки и повела бы к самым неблагоприятным последствиям и для СССР, и для Германии. Ранцау все это признал и со своей стороны развивал те же мысли, добавив, что у него создается представление, что литовским вопросом хотят воспользоваться, чтобы вбить клин между Германией и СССР, и что все эти маневры исходят из Англии. Вообще он был этим крайне встревожен и сказал, что сам от себя разовьет перед германским правительством взгляды о серьезной опасности, связанной с таким эвентуальным планом.

Я указал на неблагоприятное изменение в линии Германии: еще в разговоре с т. Литвиновым Штреземан находил желательным ограничиться получением от Литвы заявления о прекращении состояния войны, между тем теперь в числе пяти пунктов, сообщенных в Ковно германским представителем, имеется возобновление дипсношений. Сам Ранцау в разговоре со мной признавал, что нельзя требовать от литовского правительства восстановления дипсношений с Польшей. Ранцау это подтвердил и сказал, что он сейчас же обратит на это внимание своего правительства.

Я затем указал Ранцау, что в связи с чрезвычайно любезными выступлениями французских газет, с их комплиментами по адресу т. Литвинова, и в особенности с рассуждениями Марселя Рея³ о возвращении СССР в среду европейских держав, в германской прессе и в германских политических кругах проявляется сильная тревога. Я указал Ранцау, что это в высшей степени неразумно,

ибо какое-либо улучшение отношений между СССР и Францией ни в малейшей мере не означает ослабление наших дружественных отношений с Германией; другое дело какой-либо пакт, имеющий целью охрану нынешних территориальных отношений в Восточной Европе, как о том писала знаменитая телеграмма Гаваса после решения Совета министров 17 сентября; это была штука, лансированная, чтобы нас поссорить, но так как, очевидно, мы ни на какие подобные планы не идем, то улучшение отношений между нами и Францией нисколько не противоречит нашим отношениям с Германией. Ранцау сказал мне, что это уже бросилось ему в глаза, что он как раз об этом уже писал своему правительству. Я указал, что у Бриана очевидный маневр: иногда он страшно расхваливает Штреземана за то, что Штреземан якобы покинул СССР и связался с Францией, а затем он начинает страшно расхваливать его за то, что СССР якобы покинул свою прежнюю позицию и сближается опять-таки с Францией. Ранцау опять сказал, что это ему бросилось в глаза и что он уже указывал на это своему правительству. Он спросил меня тогда о наших отношениях с Англией. Ввиду весьма откровенных отрицательных заявлений стоящей близко к английским правительственным кругам руководящей прессы я был вынужден сказать, что я не вижу в этом отношении прогресса и что отношение английского правительства к нам наталкивается на тот же вечный вопрос о Коминтерне. Тут Ранцау припомнил прежние разговоры о том, что когда-нибудь можно будет перенести ИККИ в другую столицу; это имело, с одной стороны, характер шутки, но, с другой стороны, характер логического доведения до абсурда линии наших врагов, возлагающих на советское правительство ответственность за действия Коминтерна.

Затем Ранцау перешел к новой теме. У него был Кухара⁴, и он полон недоумения, что Кухара от него хотел и чего Кухара вообще хочет в Москве. Прежде всего Кухара поразил его своей бесцеремонностью. Когда он пришел, Ранцау спросил его, какие впечатления он вынес из Германии и каковы его выводы от его пребывания в Берлине. На что Кухара резко ответил: “Я пришел для того, чтобы поставить Вам вопросы о советском правительстве”. Ранцау на это ответил довольно резко, и между ними произошла некоторая перебранка, после чего Ранцау подумал о том, что в интересах советского правительства ему лучше продолжить разговор, а не оборвать его. Кухара спросил его, кто является наиболее важными и видными людьми в СССР. Ранцау назвал целый ряд имен. Кухара прежде всего остановился на Сталине: не является ли Сталин самым важным лицом? Ранцау на это ответил, что Сталин есть генеральный секретарь партии, стоящей у власти, и что в этом

заключается его значение. Кухара расспросил его о тов. Калинине и т. Рыкове. С особенно большим интересом и особенно долго Кухара остановился на т. Микояне, причем, очевидно, полагал, что т. Микоян есть самое важное лицо в СССР. Ранцау ему объяснил, что т. Микоян есть очень даровитый и очень энергичный деятель и нарком торговли, но он не есть глава правительства. Относительно меня Кухара что-то очень долго болтал своему переводчику, который перевел весьма кратко, объяснив, что есть японские слова, которые невозможно перевести, и что в конце концов Кухара характеризует меня, как “округленного” (абгерундет). Ранцау спросил, что это значит, переводчик объяснил, что это значит, что Чичерин идет навстречу, но его нельзя поймать. После этого Кухара с весьма важным лицом спросил, удержится ли в России нынешний режим. Ранцау с большим пафосом ответил ему, что он удержится и должен удержаться. Это как будто смутило Кухару, который после этого рассказал, что когда-то в Японии какая-та партия, похожая на коммунистов, пришла к власти, а потом была уничтожена. Я тогда сказал Ранцау, что в разговоре со мною секретарь Кухары сказал, что 1200 лет тому назад в Японии пришла к власти партия, напоминающая коммунистов, и что она оставалась у власти 200 лет. Ранцау тогда припомнил, что именно это ему сказал Кухара, и что он на это ответил Кухаре, что если эта партия осталась у власти 200 лет, значит она удержалась у власти, на что Кухара ответил громким и долго продолжавшимся смехом. Ранцау прибавил к своим прежним объяснениям, что во главе советского правительства очень умные люди, с которыми приятно иметь дело, тем более что они понимают и других, и хотя имеют свои собственные взгляды, но прекрасно ведут дела с теми, кто имеет другие взгляды; Ранцау это испытывает на себе. Кухара тогда спросил его об экономическом положении СССР, на что Ранцау ответил, что при великих трудностях экономическое положение восстанавливается. Мы после этого обменялись с Ранцау взглядами о том, какую цель преследует поездка Кухары. В Москве его миссия ничего не изучает, ходит по музеям и по театрам и много пьянствует; зачем они в сущности совершили эту поездку? В связи с этим Ранцау сказал мне, что и Гото⁵ рекомендовал Кухару, причем Гото считается одним из деятелей, наиболее расположенных к Германии. Зольф сообщил Ранцау о том, что Гото едет в Москву. Ранцау спросил меня, считаю ли я допустимым, чтобы он пригласил к себе Кухару обедать, на что я сказал, что мне это кажется вполне целесообразным. Относительно же целей поездки Кухары у Ранцау нет абсолютно никаких указаний.

Ранцау потом вернулся к провокационным слухам о нашем мнимом соглашении с Польшей. Латвийский начальник генштаба

теперь говорит, что законченного соглашения между СССР и Польшей еще нет, но имеются предварительные переговоры. Я опять просил Ранцау самым решительным образом опровергать эту злостную провокацию*.

Чичерин

Помета: т. Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 686. Л. 66–70. Копия.

¹ Буденный Семен Михайлович (1883–1973) – в 1924–1937 гг. инспектор кавалерии РККА, член Реввоенсовета СССР.

² “Стальной шлем” (нем.) – националистическая военизированная организация.

³ Рей Марсель (1879–?) – французский журналист, писатель и дипломат, в 1932 г. начальник кабинета премьер-министра, представитель Франции в Дунайской комиссии.

⁴ Кухара Фусано (1869–1965) – японский промышленник, в конце 1927 г. во главе японской миссии совершил поездку в Германию и СССР для изучения экономики и концессионной политики СССР и ускорения заключения торгового договора между Японией и СССР; в 1928–1929 гг. министр коммуникаций Японии.

⁵ Гото Симпей (1857–1929) – в 1923–1924 гг. министр внутренних дел Японии, с 1925 г. президент японо-советского общества культурных связей.

№ 52

*Письмо председателя правления
Госбанка СССР А.Л. Шейнмана Г.В. Чичерину
в связи с намерением разместить
советские внутренние займы в Германии*

№ 56/с

10 декабря 1927 г.
Секретно

Народному комиссару по иностранным делам

т. Г.В. Чичерину

Копия – т. А.И. Рыкову,
т. М.М. Литвинову,
т. Н.П. Брюханову,
т. Н.Н. Крестинскому

В связи с письмом тов. Н.Н. Крестинского от 2-го с.м. за № 1082/с по вопросу о размещении наших внутренних займов в Германии считаю необходимым пояснить следующее:

* *Далее зачеркнуто:* Ранцау спросил меня, выражаю ли я лично желанис, чтобы он дал визу Дспрано. Я это личнос жсланис выразил, рассказав в немногих словах о том, что Дспрано стриг волосы в Лондоне. Ранцау выразил согласис дать ему визу.

1. Правление Государственного банка готово всецело принять всю ответственность на себя в связи с поднятым тов. Крестинским вопросом о действиях Государственного банка в Германии. Ни тов. Крестинский, ни советники полпредства, естественно, никак не могут быть ответственны за сделанные Госбанком шаги.

2. Ввиду того, что полпредство всячески тормозило публикацию в германских газетах объявлений информационного характера о декрете ЦИКа от 24 августа, правление Госбанка решило послать эти объявления непосредственно из Москвы. При этом правление Госбанка полагало, что если напечатание такого рода объявлений связано с нарушением германских законов, то, само собой разумеется, германские газеты такого объявления не напечатают. Во всяком случае ответственность за напечатание объявления в случае незаконности этих объявлений легла бы не на Госбанк, а на те газеты, которые их напечатали.

Как известно, объявления уже давно напечатаны. Никаких незаконных действий в этом акте до сих пор не усмотрено, а германские газеты лишь ходатайствуют перед Государственным банком о повторении этих объявлений.

3. Что касается германских банков, то правление Госбанка решило ввиду того, что полпредство в Германии задерживало осведомление банков со стороны представителя Госбанка в Германии, непосредственно обратиться с циркулярами строго информационного характера, излагающими сущность декрета и возможные взаимоотношения Госбанка с контрагентами.

Полученные до сих пор от немецких банков подтверждения в получении этих циркуляров пока отнюдь не свидетельствуют о каких бы то ни было враждебных их отношениях к данному акту со стороны Государственного банка. Наоборот, насколько можно судить по сообщению представителя Госбанка в Германии, “Дойче банк” и “Коммерц унд Приват банк” изъявили принципиальное согласие в принятии на себя функций наших платежных агентов по займам. В частности, “Дойче банк” в своем подтверждении получения циркуляра на имя Госбанка сообщает, что он готов взять на себя посредническую роль в передаче германских ордеров по займам Государственному банку.

“Дрезднер банк” и “Берлинер Хандельсгезельшафт”, подтверждая получение циркуляра, сообщают, что конкретно вернутся в ближайшем будущем к обсуждению данного вопроса. При этом следует указать, что такие ответы получены от банков несмотря на то, что в циркулярном оповещении Государственным банком отнюдь не было сделано конкретного предложения банкам быть

платежными агентами Госбанка. Следует при этом также отметить, что дело германских банков выяснить, законны те или иные операции им предлагаемые, и в соответствии с этим решить для себя вопрос о возможности для них тех или иных поручений Государственного банка, связанных с размещением наших займов за границей.

4. Ссылка тов. Крестинского на разговоры тов. Сванидзе с Липпертом¹ не имеет к данному вопросу никакого отношения, так как из письма Сванидзе от 26 сентября с.г. за № 1115 явствует, что Липперт нисколько не возражал против ввоза облигаций наших выигрышных займов, а лишь просил иметь в виду, что распространение их среди немецких граждан германское законодательство воспрещает. Между тем, Государственный банк отнюдь не имеет пока в виду распространять выигрышные займы среди немецких граждан, да и в помещенных Госбанком в Германии объявлениях нет указаний о выигрышных займах. Как известно, кроме выигрышных займов имеются займы твердо процентные без выигрышей, о которых и Липпертом ничего не было сказано тов. Сванидзе.

5. Германская пресса в ряде статей и заметок откликнулась на наши объявления, и нигде не было указано на то, что Государственный банк или советское правительство поступают незаконно, пытаясь приобщить свои займы к международному обороту.

6. Ссылка тов. Крестинского на Фюрстенберга отнюдь не является убедительной. Прежде всего, нам ничего неизвестно, чтобы германские банки предприняли какие-либо коллективные указываемые тов. Крестинским шаги, направленные против наших займов. Наоборот, имеющиеся у нас материалы пока свидетельствуют о том, что таких враждебных нам коллективных шагов до сих пор не предпринимали, а некоторые банки, по-видимому, даже готовы выступить в роли наших платежных агентов, несмотря на полную безучастность и даже противодействие со стороны нашего полпредства.

7. В общем же приходится отметить, что ни в Англии, ни в САСШ и других тому подобных странах, с которыми у нас нет дипломатических сношений, мы не встретили таких затруднений в надлежащем информировании местного общественного мнения о наших займах, какие мы имеем в Германии. И в Англии, и в САСШ мы уже договорились с некоторыми банками о том, чтобы они выступали в качестве наших платежных агентов по займам. Между прочим, в Англии таким нашим платежным агентом является такой крупный банк, как "Ллойдс Банк".

8. Ссылка тов. Крестинского на германский денежный рынок свидетельствует лишь о том, что тов. Крестинский не дал себе труда усвоить задачу и цель первых наших шагов по размещению наших займов за границей. В таком новом и чрезвычайно большом деле, как приобщение наших займов к международному обороту, мы, естественно, не можем ждать на первых порах каких-либо серьезных практических результатов. Здесь должна быть проделана огромная подготовительная работа по ознакомлению финансовых и деловых кругов Запада и Америки с нашими займами, их условиями, их связью с отдельными отраслями нашего народного хозяйства и т.д. Правление Госбанка, таким образом, отнюдь не думает, что мы можем, в частности, в Германии, добиться уже немедленных результатов тем, что мы поместим объявления или пошлем информационный циркуляр тем или иным банкам. Эта техническая работа является строго подготовительной, привлекающей интерес банков к данному вопросу и дающей возможность правлению Госбанка постепенно усиливать этот интерес, имея в виду, что он через известный промежуток времени может привести к определенным результатам по привлечению иностранного капитала в нашу страну.

9. Я должен, наконец, отметить, что положение полпредства в данном вопросе облегчается еще тем, что вся эта работа ведется из Москвы, и если бы германское правительство проявило то или иное свое недовольство нашей работой, соответствующее представление нашему правительству сделано было бы непосредственно германским послом в Москве.

В заключение я должен сделать поправку чисто фактического характера. Постановление ЦИКа от 24 августа с.г. не содержит в себе никакого перечня, на который в своем письме ссылается тов. Крестинский. Постановление это касается всех без исключения наших займов.

Председатель правления Государственного банка СССР

Шейнман

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 138–141. Копия.

¹ Липперт Генрих (1882–1943) – немецкий юрист, финансист, в 1921–1928 гг. государственный комиссар при Берлинской бирже, советник в Министерстве торговли и промышленности Пруссии.

*Записка А.И. Микояна и Г.В. Чичерина
в Политбюро ЦК ВКП(б) о программе и тактике переговоров
на советско-германском экономическом совещании в Берлине**

№ 1078/чс

14 декабря 1927 г.

Секретно

В Политбюро ЦК ВКП(б)

Согласно постановления от 30 ноября 1927 г. Наркомторг и Наркоминдел считают необходимым предложить нижеследующую программу переговоров, имеющих быть в Берлине.

1. Необходимо при начале переговоров передать одновременно с проведением нашего согласия на совещание меморандум по таможенным вопросам с предложением немедленно начать переговоры. Причем в наш меморандум не включать конкретных предложений по таможенным вопросам, но заявить, что таковые предложения по затронутым германской стороной вопросам будут даны во время таможенной конвенции.

2. Вместе с тем следует заявить, что советская сторона готова начать переговоры по всем конвенциям, вытекающим из торгового договора.

3. Предложить советской стороне на совещании не выдвигать основных вопросов советско-германских экономических взаимоотношений, предоставив немцам изложить свои претензии, наличие которых они нам сообщили, поднимая вопрос о созыве совещания.

В том случае, когда немцы выдвинут вопрос о недостаточных размерах советских закупок в Германии, предоставить немцам данные, которые должны показать рост наших закупок безотносительно от использования гарантийных кредитов. Вместе с тем немецкой стороне следует указать на чинимые в Германии после англо-русского разрыва препятствия нормальному развитию советских импортных закупок, в частности, на явное ухудшение кредитных условий. Такого рода политика препятствует развитию экономических взаимоотношений Германии и СССР.

4. В отношении вопросов, которые могут быть выдвинуты германской стороной, принять, как принцип, то, что советская сторона в совещании не будет входить в обсуждение тех из германских предложений, которые представляют собой в той или иной форме пересмотр положения торгового договора.

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 1, п. 2.

Советской стороне надлежит ограничиться только теми вопросами, которые представляют собой моменты практического осуществления договора 12.10.1925 г.

5. В отношении этих вопросов тактика советской стороны должна заключаться в первую очередь в деловом разъяснении всех претензий немцев на месте на основании фактических материалов.

В отношении же тех вопросов, которые требуют не разъяснения существующей практики, а ее видоизменения, советская сторона должна руководствоваться в каждом отдельном случае указаниями Москвы.

6. В ходе совещания советская сторона должна энергично выдвинуть вопрос о затруднениях, которые чинятся советской торговле ввиду отсутствия таможенной конвенции, указывая на то, что эти вопросы должны найти разрешение в происходящей одновременно конференции по таможенным вопросам.

7. Советская сторона должна развернуть широко вопрос о целом ряде затруднений, чинимых советскому экспорту по соображениям ветеринарного порядка, в частности, указать на явную неудовлетворительность существующего порядка применения ветеринарной конвенции.

8. Наряду с этим советская сторона должна указать на все практические помехи, которые имели место при осуществлении торгового договора.

9. Советская сторона может выдвинуть, кроме того, пожелания Госбанка, связанные с нашими финансовыми операциями в Германии; как-то: допущение к котировке на германских биржах нашего железнодорожного займа, допущение в Германии советских выигрышных займов (если можно будет обойти формальные препятствия), и иные, если позволит ситуация.

10. В отношении транзита, поскольку немцы сами поставят этот вопрос, предложить т. Крестинскому предварительно в частном порядке заявить, что он готов взять на себя инициативу постановки вопроса транзита перед советским правительством в смысле предоставления транзита не на основе смешанного общества, а на более льготных началах, разумеется, за исключением товаров, которые являются главнейшими предметами экспорта нашей промышленности на Восток.

11. По таможенным вопросам советская сторона должна исходить из того, что при политике аграрного протекционизма, которую проводит германское правительство, требование значительных льгот с нашей стороны повлечет, во-первых, к требованию со стороны немцев на получение компенсации в нетаможенной области и, во-вторых, затруднит заключение таможенной конвенции.

Поэтому, предложить Наркомторгу по согласованию с Наркоминделом разработать краткий список важнейших для советского экспорта товаров, учитывая возможность аргументировать перед немцами приемлемость этих предложений следующими принципами: понижение германских тарифных ставок касается лишь товаров, в отношении ввоза которых мы занимаем или можем занимать преимущественное положение на германском рынке, и в отношении товаров, понижение пошлин на которые могло бы сильно повысить их потребление в Германии; а также и тем, что экспорт данных товаров для народного хозяйства СССР имеет особое значение. Одновременно заявить немцам о нашей готовности дать соответствующие уступки по советскому ввозному тарифу.

12. Тактика переговоров должна заключаться в том, чтобы, выслушав заявления и пожелания немецкой стороны, давать им соответствующие разъяснения и оценку и переходить, в свою очередь, к встречным требованиям советской стороны.

На основании вышеуказанных общих принципов поручить Наркомторгу и Наркоминделу дать подробно разработанную директиву советской стороне.

А. Микоян Г. Чичерин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 143–145. Подлинник.

№ 54

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О Германии”**

№ П 1 /2-с

22 декабря 1927 г.

Строго секретно
Из “Особой папки”

2. а) Признать необходимым расширить программу переговоров на совещании, имеющем быть в Берлине.

б) Представителем СССР на этом совещании назначить тов. Микояна, заместителем его – тов. Шейнмана.

в) Поручить нашему представительству поставить на обсуждение совещания вопрос о действительно долгосрочных кредитах, о нормальных коммерческих банковских кредитах и о размещении наших займов в Германии.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 653. Л. 142. Копия.

* Вопрос представлен А.И. Микояном, Г.В. Чичериным и А.Л. Шейнманом. Выписка из протокола № 1 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 22 декабря 1927 г., п. 2. Направлена А.И. Микояну, Г.В. Чичерину, А.Л. Шейнману.

1928 год

№ 55

Письмо Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову о подготовке советско-германского экономического совещания в Берлине

№ 9/с

2 января 1928 г.

Секретно

Тов. Литвинову
Копия т. Чичерину

Многоуважаемый Максим Максимович,

И Вы, и Георгий Васильевич пишете, что инстанция приняла решение поднять перед Германией вопрос о “большой экономической программе” наших взаимоотношений и что более подробные указания я получу дополнительно другим путем. Не знаю, имели ли Вы в виду непосредственно сообщение мне постановления инстанции или же устное сообщение т. Шейнмана. Тов. Шейнман был здесь в то время, когда я находился в санатории в разрешенном мне НКВД коротком отпуску, поэтому его сообщение я знаю в передаче т. Бродовского и Бегге. Я изложу здесь, как я понимаю принятое решение и предложу свой план проведения этого решения в жизнь. Вас же прошу подтвердить правильность моего понимания принятых решений и высказаться по поводу моих конкретных тактических предложений.

Сущность принятого инстанцией решения заключается, по-моему, в том, чтобы поставить перед германским правительством перспективу возможности расширения наших заказов в Германии, если нам будут предоставлены здесь новые товарные кредиты и если германское правительство окажет содействие размещению наших государственных займов в Германии хотя бы на первое время в форме допущения котировки наших внутренних займов сертификатами. Товарные кредиты предполагаются примерно в размере 500 млн марок с платежным сроком до 10 лет и с правом пользования кредитом не в течение текущего года, а в течение 3 лет.

Как я отношусь к реальности или нереальности этой программы?

Вы знаете, что мои возражения против публикаций Государственного банка имели, главным образом, формальный характер. Я считал и считаю, что нельзя было предпринимать никаких шагов по размещению наших займов в Германии, не переговоривши предварительно с германским правительством, раз Министерство народного хозяйства официально предупредило нас о существующих в Германии ограничениях в этой области. Я предлагал, если будет решено наши займы в Германии все-таки продвигать, предварительно переговорить об этом с немцами. Сейчас это и предполагается сделать. Поэтому формально я удовлетворен. По существу, я не питал никаких надежд на то, чтобы сейчас путем наших займов удалось получить в Германии какие-либо скольконибудь значащие суммы. Этому есть немало причин. Во-первых, никто в Германии, и в первую голову германская индустрия, не заинтересован в том, чтобы кредитовать нас в денежной форме. Эта форма наиболее выгодная нам, наименее связывающая нас и наименее выгодная для немцев. Во-вторых, против кредитования нас в денежной форме выступают, вероятно, репарационные державы¹. В-третьих, сильное противодействие будет оказано теми группами, которые объединяют германских держателей наших старых займов и которые надеются в случае, если мы начнем платить французам, предъявить свои требования по старым долгам. Поэтому в области займов максимальным достижением, по-моему, будет формальная легализация продажи в Германии наших внутренних займов.

Иначе обстоит дело с товарными кредитами. Здесь тоже есть немало противников. На первом месте стоят те же держатели старых займов, которые видят, что мы готовы во Франции частично признать старые долги за предоставление нам товарных кредитов. Естественно, они хотят, чтобы германское правительство, не возобновляя шагов вроде государственной гарантии, тем самым давило на нас в смысле признания нами части старых долгов. Во-вторых, против нас в вопросе о товарных кредитах продолжающаяся еще высокая внутренняя конъюнктура промышленности. В-третьих, предстоящее торговое соглашение с Польшей откроет для германской промышленности польский рынок и тем несколько уменьшит интерес к нашему рынку. В-четвертых, остается враждебное давление Англии, и, наконец, в-пятых, предвыборные настроения делают правительство мало способным к проведению крупных ответственных решений.

Но есть и моменты, говорящие за то, что может быть германское правительство и пойдет нам несколько навстречу в вопросе о товарных кредитах. На первом плане я должен поставить то

обстоятельство, что внутренняя конъюнктура начинает понижаться. Связано это с тем зажимом, который проводит председатель Рейхсбанка Шахт. Он затрудняет приток иностранных денег в Германию как в руки общественных организаций, так и в руки частных предпринимателей. В связи с этим города и отдельные германские страны² сокращают свое строительство. Строится меньше новых домов, трамваев, подземок и т.д. Частные фирмы также прекращают новое фабричное и иное строительство. Уменьшается число внутренних заказов, получаемых германской промышленностью. Ей приходится подумывать больше о внешнем рынке для сбыта своих товаров. Наступление такого перелома можно констатировать на основании статистики безработицы. За последние 3—4 недели число безработных в Германии увеличилось на четверть миллиона и дошло, в общем, до миллиона.

Вторым моментом является внедрение в тяжелой индустрии трехсменного 8-мичасового рабочего дня. Хотя промышленникам даны всевозможные льготы и отсрочки, тем не менее их расходы увеличатся, и у них появится потребность расширить свою продукцию, а, стало быть, и сбыт своих товаров. Я думаю поэтому, что и Министерство народного хозяйства, и Министерство труда, на котором лежит забота о безработных, будут склонны предпринять какую-либо новую кредитную акцию по отношению к нам. Соображению о том, что правительство сейчас не способно ни на какие решительные меры, можно противопоставить то соображение, что находящиеся в правительстве буржуазные партии захотят перед выборами получить козырь в своей борьбе против социал-демократов. Новые советские кредиты, открывающие возможность уменьшения безработицы и роста промышленности, могли бы явиться таким антисоциал-демократическим козырем. Наконец, я думаю, что репарационные державы, в первую голову — Америка, не могут особенно возражать против товарных кредитов нам, так как новые наши заказы обозначали бы повышение германской платежеспособности по отношению к державам-победительницам.

По всем этим соображениям я не считаю безнадежной попытку поговорить с ответственными германскими кругами по вопросу о новых кредитах и новых наших заказах в Германии.

Но я думаю, что эти разговоры не следовало бы смешивать и соединять с теми небольшими экономическими разговорами, которые предполагаются в Берлине по германской инициативе. Эти переговоры с германской стороны должен вести Вальрот. И по своей недостаточной ответственности, и по своему настроению это не такой человек, с которым имело бы смысл обсуждать большую экономическую программу. С другой стороны, Штреземан и Курциус не станут сами разговаривать о тех мелких вопросах,

которые немецкая сторона предполагала и предполагает поднять при берлинских разговорах. Вот почему лучше было бы, предоставив предложенное немцами совещание его естественному ходу, взять на себя инициативу другого, более узкого совещания между вполне ответственными представителями обоих правительств.

Еще два аргумента говорят за этот способ разделения вопросов между двумя совещаниями. Первое — это срок. Если мы свяжем большую экономическую программу с предложенным немцами совещанием, то нам придется ждать, пока немцы заявят, что они готовы, а они особенно не торопятся, так как чувствуют уже, что большинство их претензий мы сумеем успешно отразить. Если же не связывать этих двух совещаний, то более важное совещание по большим экономическим вопросам мы могли бы провести раньше, не дожидаясь, пока немцы подготовят свои мелочные жалобы. Второе соображение заключается в том, что немцы довольно широко уже разболтали о предстоящем экономическом совещании. Его от прессы и общественного мнения не скроешь. Поэтому если мы на том же совещании поставим и вопросы большой политики с участием Микояна и Шейнмана, то огласку получают и эти, более важные разговоры, и та наша неудача, или в лучшем случае — неполная удача, которую мы по этим вопросам иметь будем. Если же т. Микоян придет сюда через 2–3 недели на недельку, посетит берлинское торгпредство и, может быть, другие свои учреждения, если он при этом будет иметь совещание со Штреземаном, Курциусом и руководителями промышленности и банков, если даже в этом совещании будет принимать участие т. Шейнман, все равно можно будет эти встречи и разговоры провести негласно и дать в печать только положительные результаты этих разговоров, если их удастся достигнуть.

Вот почему я предложил бы настойчиво разделить разговоры на две части, выдвинув на первый план разговор между нашими приезжими ответственными товарищами и немецкими верхами и отодвинув на второй план (по времени) совещание, руководимое Вальротом и Бродовским.

Если бы Вы и инстанции были со мной согласны, то я мог бы по получении Вашего ответа, сказать Штреземану и Курциусу, что мы хотели бы обменяться с германским правительством мнениями по важным вопросам экономической политики и что если они готовы сделать это, не предавая пока этого обмена мнений огласке, то сюда могли бы приехать Микоян и Шейнман. Мы бы тогда совместно обусловили примерную дату этого приезда и примерный состав участников разговоров. Мне кажется, что с нашей стороны, кроме Микояна и Шейнмана, должны были бы участвовать я и Бегге и, может быть, еще кто-нибудь в качестве

переводчика для Микояна, а с немецкой стороны – Штреземан, Курциус, Шахт, кто-либо из банков, вернее всего Вассерман, и кто-либо из руководителей Союза германской промышленности, вернее всего Ганс Кремер. Естественно, конечно, что кроме этого общего мнения были бы предварительные разговоры отдельных наших участников с отдельными немецкими участниками, а затем, может быть, работа некоторых комиссий, в которых с нашей стороны приняли бы участие, вероятно, Бродовский, Ленгиель, а с немецкой Вальрот, Шеффер и т.д. Очень может быть, что это первое совещание сделало бы ненужным второе совещание (предложенное немцами). Они и теперь не очень торопят с этим совещанием, а тогда, может быть, могли бы отдельные вопросы этого предположительного совещания урегулировать попутно в комиссиях первого совещания. Важно лишь, по-моему, чтобы формально не связывать этих двух совершенно различных по своим темам и по своему составу совещаний.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 1–5. Заверенная копия.

¹ Имеются в виду державы-победительницы, которым Германия обязалась по Версальскому мирному договору 1919 г. выплачивать репарации в возмещение ущерба, причиненного Германией и ее союзниками в ходе I мировой войны.

² Области, земли (нем.).

№ 56

*Записка Г.В. Чичерина В.М. Молотову о подготовке программы советско-германских экономических переговоров**

№ 49/чс

21 января 1928 г.

Сов. секретно

Экз. № 2

Тов. Молотову

Копии: тт. Сталину, Рыкову, Томскому, Бухарину, Ворошилову, Калинину, Рудзутаку, Куйбышеву, Орджоникидзе, Микояну, Косиору Ст.¹, Ярославскому, Угланову, Цюрупе, Андрееву, Менжинскому, Хинчуку, Шейнману и членам коллегии НКВД

Уважаемый товарищ,

Ровно месяц тому назад 22 декабря тов. Микоян вместе со мной докладывал Политбюро о необходимости начатия с Германией экономических переговоров. Выработанную НКТоргом при

* *Штамм:* Прот[окол] ПБ № 7, п. 7.

моем участии программу Политбюро постановило расширить. Представителем на этом совещании постановлено было назначить тов. Микояна и заместителем его т. Шейнмана, причем было поручено нашему представительству поставить на обсуждение совещания вопросы о долгосрочных кредитах, о нормальных банковских кредитах и о размещении наших займов.

Прошел месяц, и тов. Микоян оказывается отвлеченным от этого дела другими заботами. С немецкой стороны уже проявляется нетерпение. Дальнейшая отсрочка этих переговоров уже невозможна.

Это есть прежде всего вопрос НКТорга. НКИД может в подобных вопросах содействовать НКТоргу, но не более. Так я именно и поступал в моих отношениях с тов. Микояном по этим вопросам. Новая расширенная программа должна быть поэтому разработана НКТоргом, а аппарат НКИД принимает в этой работе подсобное участие. Одновременно пишу тов. Хинчуку относительно необходимости немедленно довести работу до конца. НКТоргу виднее, имеются ли в пределах этой программы такие вопросы, которые должны быть еще по существу поставлены в Политбюро.

В связи с отсутствием т. Микояна и необходимостью немедленного начатия экономических переговоров в Берлине НКИД предлагает начать с рассмотрения выдвинутых сначала мелких текущих экономических вопросов с тем, чтобы более основные вопросы были отодвинуты на конец совещания. Для разрешения этих текущих экономических вопросов было бы достаточно командировать в Берлин тов. Кауфмана.

Нельзя, однако, слишком затягивать и постановку больших вопросов. Если отсутствие т. Микояна должно было затянуться надолго, в таком случае следовало бы назначить вместо него для поездки в Берлин по основным экономическим вопросам другого представителя. Нельзя ли в качестве такового командировать тов. Сокольникову?

С товарищеским приветом Чичерин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 17. Копия.

¹ Косиор Станислав Викентьевич (1889–1939) – в 1926–1928 гг. секретарь ЦК ВКП(б), в 1928–1937 гг. первый секретарь ЦК КП(б) Украины.

Письмо Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову о сроках и программе предстоящего советско-германского экономического совещания и о внутривнутриполитической обстановке в Германии

№ 83-3-К

23 января 1928 г.

Тов. Литвинову

Копия т. Чичерину

Многоуважаемый Максим Максимович,

1. Из прилагаемой записи разговора с Шубертом¹ и из прилагаемой копии переданного им мне экспозе (постараюсь переслать его Вам не только в немецком подлиннике, но и в русском переводе) Вы увидите, что Аусамт поставил вопрос о сроке совещания уже и перед нами здесь в Берлине. Срок несколько отличается от того, который называл Гай в своем разговоре с Лоренцом. Гай говорил о 1 февраля, Шуберт – о первой или второй неделе февраля, т.е. приблизительно о 10 февраля. Откладывать начало совещания не в наших интересах, так как числа 10 февраля, во всяком случае не позднее 16-го, Штреземан уезжает в отпуск и вернется в Берлин только после Женева, т.е. в половине марта. Поэтому если мы хотим, чтобы наши ответственные представители имели разговор здесь с решающими министрами, а не с министерскими чиновниками, нужно ускорить разрешение вопросов и о сроке приезда тов. Микояна и Шейнмана, и о порядке предполагаемых работ. Мое предложение сводится по-прежнему к тому, чтобы обмен мнений между Микояном, Шейнманом и мною – с одной стороны, Штреземаном и Курциусом – с другой стороны, предшествовал началу совещания и был организационно отделен от этого совещания. В последнем разговоре с Шубертом я прозондировал уже немцев по этому поводу, предвосхитив тем указание, полученное в Вашем сегодняшнем письме. Мнение Штреземана и Шуберта по этому вопросу узнаю завтра вечером.

Завтра мы соберемся с Бегге, Ленгиелем и Раппопортом, посмотрим с текстом торгового договора все написанное в шубертовском тексте и после этого будем уже иметь представление о том, в каком объеме хотят говорить с нами немцы. Кроме того, возвращающийся завтра из Вены Ленгиель повидается privately с Шеффером из Минхоза и с Кремером из Союза германской промышленности, а гг. Бродовский и Якубович повидаются со Шлезингером, чтобы из беседы с этими более откровенными людьми узнать кое-что о тактических планах немецкой делегации.

Вы пишете, что, по Вашим сведениям, Шлезингер выдвигает видоизмененную идею контингента. Сам Шлезингер в разговоре с т. Бродовским уверял, что вопрос о контингенте не будет представлен в переговорах. Друзья же Пиппера из Союза промышленников говорили ему, что промышленники хотели бы выдвинуть вопрос о контингенте, но встречают возражения со стороны министерств.

2. О Литве пишу мало, так как содержание моего разговора с Шубертом подробно записано в отдельном приложении. Кроме того, т. Аросев, находящийся здесь, пишет сегодня т. Стомонякову о своем разговоре с Сидзикаускасом, целиком разделяющим нашу позицию. Вы пишете, на основании сообщений Аросева еще из Ковно, что немцы ведут в Ковно иную тактику, чем мы, поддерживая, якобы Вольдемараса в его неуступчивости. Мне кажется, что здесь есть некоторое недоразумение. Тов. Аросев, уехавший из Ковно в четверг 19-го числа, говорил с Моратом два раза: во вторник 17-го и в четверг перед самым своим отъездом. В первом разговоре, о котором т. Аросев успел Вам, очевидно, написать или телеграфировать из Ковно, Морат говорил ему, что имеет из Берлина директиву держаться нейтрально в вопросе о польско-литовских переговорах, не оказывая на Вольдемараса никакого давления. 19-го же он сказал Аросеву, что получил директиву из Берлина действовать на Вольдемараса в смысле большей уступчивости. Очевидно, Вальрот был напуган содержанием ответа Вольдемараса полякам и решил, что нельзя дальше нейтральничать.

3. В Берлине состоялось заседание Амстердамского интернационала. Вопреки предположениям, о которых Вы нам сообщили, ни Хикс², ни кто другой к нам в полпредство не обращались.

4. Становятся все более и более интересными германские внутренние дела. На первом плане я должен поставить кризис в Центре. Против Маркса выступили председатель фракции рейхстага Герард³, и вождь христианских профсоюзов Штегервальд⁴ и председатель союза горнорабочих Имбуш⁵, все трое депутаты рейхстага. Герард представляет собою центральную группу Центра. Его различие с Марксом заключается в том, что Герард в своих выступлениях называет Центр республиканской партией, а Маркс уклоняется от определения позиции Центра в этом вопросе, так как хочет опираться на монархически настроенных католических помещиков. Штегервальд политически, пожалуй, правее, чем Маркс, но по должности председателя христианских профсоюзов он выступает против Маркса в вопросе о жаловании чиновникам и в ряде других вопросов. Наконец, Имбуш – крайний левый

центровик, выступает не только против Маркса, но и против всей линии фракции центровиков, и грозит выставлением самостоятельных рабочих католических кандидатур на предстоящих выборах в рейхстаг и ландтаг. Конфликт углубился тем, что один из друзей Маркса опубликовал написанное ему Марксом письмо с резкими нападками на Штегервальда. Центру невыгодно раскалываться перед выборами, поэтому были приложены все усилия к тому, чтобы как-нибудь замазать конфликт между Марксом и Штегервальдом. Внешне компромисс достигнут. По существу — трещина осталась.

Вторым важным вопросом является неудача конференции имперского правительства с представителями правительств отдельных стран⁶. Хотели договориться об изменении конституции в сторону большей унификации государства, в сторону уменьшения расходов. Обнаружились непримиримые противоречия между отдельными странами и между отдельными партиями. Создали комиссии и подкомиссии, из которых, конечно, тоже ничего не получится.

На месте Гесслера назначен Грёнер⁷. Грёнер — отставной генерал 60-ти лет, официально принадлежащий к демократической партии. Он был министром путей сообщения в кабинетах Ференбаха и Вирта, т.е. примерно с 1920 до конца 1922 г. При нем весной 1922 г. происходила германская всеобщая железнодорожная стачка, которую он достаточно решительно подавил. Хотя он принадлежит к демократической партии, тем не менее его кандидатура была выдвинута и проведена Гинденбургом, у которого в конце 1918 г. Грёнер был генерал-квартирмейстером после отставки Людендорфа. Социал-демократы, демократы и центровики встретили назначение Грёнера очень сочувственно. Фольксспартай легко примирилась с этим назначением, документировали свой протест лишь дойч-национале. Грёнера я лично не знаю. Надеюсь встретиться с ним 30 января на обеде у ген. Гайе.

19 января открылась сессия рейхстага. В порядке дня — бюджет. Выступил с бледной речью министр финансов Кёллер⁸, затем начали выступать представители партий. Так как это, очевидно, последняя сессия рейхстага перед выборами, то все партии стараются выступать резко и самостоятельно. От социал-демократов с оппозиционными речами выступили Северинг и Герман Мюллер. Очень характерно, что оппозиционный характер носили речи и представителей правительственной партии — “фольксспартайеров” (Кремер) и центровиков (Герард). Кремер доказывал, что бюджет составлен слишком оптимистически, что конъюнктура начинает падать и что нельзя поэтому рассчитывать на поступление дохо-

дов в тех размерах, как это делает Министерство финансов. Критика Герарда была менее существенна, но все-таки и он нападал на некоторые шаги правительства. Чувствуется, что коалиция доживает свои последние месяцы и что на выборах нынешние коалиционные партии будут драться друг с другом.

Н. Крестинский

Помета: Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 6-8. Копия.

Приложение

Записка германского МИД в НКВД СССР о неэффективности советско-германского торгового договора и с предложением провести новые переговоры по экономическим вопросам

20 января 1928 г.

Берлин

I

Имперское правительство вынуждено с беспокойством и сожалением констатировать, что в Германии постоянно нарастает и углубляется разочарование по поводу германо-советских экономических взаимоотношений на основе договора от 12 октября 1925 г.

Опыт последних лет вызвал в Германии непреодолимые сомнения относительно того, действительно ли договор от 12 октября 1925 г. создал достаточные основы для германо-советского сотрудничества. Применение и толкование договора советской стороной обострили и углубили эти сомнения и создали убеждение в том, что торговый договор и его применение со стороны Советского Союза привели к все труднее переносимому неодинаковому положению сторон не в пользу Германии.

К этому нужно прибавить, что ни договор, ни усилия и жертвы Германии в области кредитной политики не привели к действительному расширению германо-советских экономических отношений и даже не устранили возможность перебоев.

II

Имперское правительство полагало поэтому нужным попытаться при помощи предложенных им дружественных переговоров изучить все те затруднения и тормозящие моменты, которые стоят на пути развития удовлетворяющего обе стороны германо-

советского сотрудничества, в то же время установить, возможно ли и в какой степени устранение этих затруднений в рамках существующего договора, а равно найти пути и средства для достижения этой цели. Имперское правительство особенно считало нужным сделать свое предложение о переговорах ввиду имевшейся и имеющейся опасности, что германское общественное мнение, в частности, также германские хозяйственные круги могли бы выступить вследствие все возрастающего разочарования с заявлением о бесценности* существующих договоров и с требованием о заключении нового договора на новых началах.

III

Прежде всего в переговорах подлежали бы обсуждению проблемы соглашения о поселении и экономического соглашения, и кроме того ряд проблем по остальным соглашениям. При сем приложен список тех статей договора, которые в первую очередь должны быть обсуждены во время переговоров.

Необходимо точно отметить, что смысл данных переговоров заключается не в обсуждении более или менее несущественных отдельных постановлений договора, а, главным образом, основных вопросов германо-советских экономических взаимоотношений, и что роль их состоит в том, чтобы выявить наконец удовлетворяющие обе стороны основы для сотрудничества. Имперское правительство вынуждено поэтому считать чрезвычайно важным командирование руководящего представителя советского правительства на эти переговоры.

IV

Имперское правительство предлагает начать переговоры на первой или второй неделе февраля месяца с.г.

Список статей

германо-советского договора от 12 октября 1925 г.,
которые подлежат обсуждению в первую очередь в переговорах
о германо-советских экономических отношениях

Экономическое соглашение: статьи 1, 2, 3, 7, 13, 14, 17, 18, 21, 28, 29, 30, 31, 39, 43. Нота 3.

Соглашение о поселении: статьи 1, 2, 5, 7, 9, 10, 11, 16, 17.
Приложение к статьям – 16–18.

Соглашение о торговом третейском разбирательстве: Прежде всего ст. 2 и 3.

* Так в тексте. Следует: о неценности.

Соглашение о мореплавании: Несколько вопросов этого соглашения.

Соглашение об охране промышленной собственности: Несколько вопросов этого соглашения.

Имперское правительство оставляет за собой право поставить на обсуждение еще дальнейшие постановления договора от 12 октября 1925 г.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 13–15. Перевод с немецкого.

¹ Запись беседы см.: Документы внешней политики СССР. М., 1966. Т. XI. С. 34–39.

² Хикс Джордж (1879–1954) – депутат британского парламента, член Генерального совета английских профсоюзов и президент конгресса английских профсоюзов (1926–1929 гг.), член Генерального совета международной федерации профсоюзов (Амстердамский интернационал профсоюзов).

³ Герард Теодор (1863–1943) – в то время депутат рейхстага Германии от Немецкой партии Центра, лидер фракции.

⁴ Штегервальд Адам (1874–1945) – председатель Федерации христианских профсоюзов в 1903–1929 гг., президент немецкой профсоюзной организации в 1919–1929 гг., депутат рейхстага Германии от Немецкой партии Центра в 1920–1933 гг., прусский министр по социальным вопросам в 1919–1921 гг., министр транспорта и связи Германии в 1929–1930 гг., министр труда в 1932 г.

⁵ Имбуш Генрих (1878–1945) – в 1905–1919 гг. президент Христианского союза горняков, в 1929–1933 гг. президент Федерации немецких профсоюзов и член Совета федерации христианских профсоюзов, в 1920–1933 гг. депутат рейхстага Германии от Немецкой партии Центра.

⁶ Имеются в виду земли, области.

⁷ Грёнер Вильгельм (1867–1939) – генерал в отставке (с 1919 г.), в 1920–1923 гг. министр транспорта, в 1928–1931 гг. министр рейхсвера, в 1931–1932 гг. министр внутренних дел Германии.

Кёллер Генрих (1878–1949) – в 1927–1928 гг. министр финансов Германии.

№ 58

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “Об экономических переговорах с Германией”**

№ П 7/опр.15/с

26 января 1928 г.
Строго секретно

33. Включить в комиссию тов. Рудзутака, тов. Сокольников.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 18. Копия.

* Принято опросом членов Политбюро ЦК ВКП(б) от 26 января 1928 г. Выписка из протокола № 7 заседания Политбюро ЦК ВКП(б), п. 33. Направлена Я.Э. Рудзутaku и Г.Я. Сокольникову.

*Записка А.И. Микояна в Политбюро ЦК ВКП(б)
о советской программе
на советско-германских экономических переговорах*

29 января 1928 г.
Сов. секретно

Членам и кандидатам ПБ

Членам Комиссии

по вопросу об экономических переговорах с Германией
гг. Рудзутаку Я.Э., Шейнману А.Л., Литвинову М.М.,
Фрумкину М.И. и Сокольникову Г.Я.

I

Если исходить из целесообразности в данный момент предложить немцам в предстоящих переговорах большую программу экономических взаимоотношений с Германией, то в качестве первой позиции должно быть заявлено о предоставлении нам денежного займа в размерах 200–300 млн руб. Срок займа должен быть пятилетний с постепенным его погашением, начиная с 3-го года с момента размещения займа.

Мы должны согласиться на то, чтобы заем был целевой, в соответствии с чем 75% этого займа мы обязуемся использовать для покупок в Германии, остальные 25% должны находиться в полном нашем распоряжении. Это необходимо для оплаты накладных расходов и для покрытия других расходов по освоению закупаемых товаров.

При 300-миллионном займе размещение может быть произведено в два срока разными сериями. При 200-миллионном – в один срок.

Остальные условия займа должны быть разработаны с немцами после того, как придем к соглашению в основном. НКФ надо теперь же подготовить для нас эти условия.

Обязательство использовать 75% займа для покупок в Германии должно означать, что 50% всего займа пойдет на покупку изделий германского народного хозяйства, а 25% на покупку биржевых товаров, производимых в самой Германии, и биржевых товаров, производимых в других странах, но в отношении которых мы дадим согласие производить закупку в самой Германии.

Второй вопрос первой позиции большой программы – это требование допущения свободного обращения советских внутренних займов и ценных бумаг в Германии.

II

Ввиду того, что первая позиция не имеет достаточных шансов для осуществления, необходимо заранее выработать вторую позицию, чтобы в случае несогласия немцев на наше предложение о займе не обрывать переговоров и не создавать осложнений, которые могут возникнуть в связи с полным срывом переговоров.

В качестве второй позиции следует выдвинуть требование долгосрочных кредитов по образцу 300-миллионного, но со значительным улучшением кредита. Эта позиция имеет много шансов на свое осуществление.

Надо иметь в виду, что через год наступит срок платежей первой части германских кредитов на сумму 80 млн руб. Мы должны заявить, что не только расширение германского экспорта в СССР, но даже удержание его на уровне достигнутого в 1927 г., благодаря долгосрочным кредитам, возможно лишь только при новой кредитной акции со стороны Германии.

Размещение покупок и заказов возможно только через 3—4 месяца после начала переговоров. Следовательно, в случае благоприятного разрешения вопроса импортный план 1928/29 г. может быть построен с расчетом на использование этих кредитов.

Срок кредита должен быть в среднем пятилетним, но для отдельных заказов он должен быть более длительным. При кредитах целевого назначения, например, на достройку электростанции или отдельных крупных строителей он должен доходить до 10 лет.

Мы должны оставить за собой право использовать кредит в течение двух лет, а не в один год, как это было при 300-миллионном кредите. Погашение кредита должно начаться с 3-го года, причем получение кредита считается не с момента выдачи заказа, а с момента фактической поставки покупаемых или заказываемых товаров. Размеры товарного кредита должны быть не меньше 200 млн руб. Из них 180 млн руб. должны быть направлены на покупку изделий германского народного хозяйства, в том числе и биржевых товаров германского происхождения. На остальные 50 млн руб. нам должен быть предоставлен постоянно возобновляемый банковский кредит для авансирования экспортных заготовок, причем срок кредита по этой схеме должен быть не менее одного года.

Германскому правительству необходимо заявить о том, что для обеспечения нормального роста торговли между Германией и СССР необходимо обусловить постоянное возобновление кредита, разумеется, при условии, что кредитные условия будут

улучшаться в соответствии с конъюнктурой германского и международного рынка.

В качестве второй позиции по вопросу о допущении советских займов к обращению в Германии можно согласиться на то, что это допущение не касается выигрышных займов, так как в большинстве стран выпуск последних производится самим государством и редко допускается размещение иностранных займов.

Это все, что касается большой программы.

В отношении малой программы надо иметь в виду, что Наркомторг располагает сведениями о ряде претензий, которые будут предъявлены немцами в отношении исполнения торгового соглашения. Только сегодня мною получен из НКВД меморандум немецкого правительства с программой переговоров, из которой явствует, что немцы намерены обсудить значительное число статей экономического соглашения, соглашения о поселении, соглашения о торговом третейском разбирательстве, соглашение о мореплавании и соглашение об охране промышленной собственности. Кроме того, германское правительство оставляет за собой право поставить на обсуждение другие постановления договора от 12 октября 1925 г.

В Наркомторге проработаны следующие вопросы, вытекающие из торговогo договора, по некоторым имеется материал о претензиях немцев: 1) порядок допуска реклам печатных материалов, 2) рекламы не печатного характера, 3) образцы, 4) оферты, 5) пассажирский багаж, 6) таможенный досмотр, 7) вывоз предметов старины и искусства в личном имуществе, 8) ввоз предметов профессии и промысла, 9) порядок удовлетворения претензий при ликвидации предприятий, 10) кредитование, 11) железнодорожные тарифы, 12) включение новых пунктов в прямое железнодорожное сообщение, 13) вопросы фрахтования, 14) агентство пароходных предприятий, 15) визовой режим, 16) права германских граждан на право внутренней торговли, 17) вопрос о регистрации немецких фирм, 18) почтовая конвенция.

В отношении всех этих требований немцев, а также других вопросов они не имеют для нас крупного принципиального значения, и разрешение вопроса состоит в благожелательном толковании договора в сторону некоторого расширения применяемых льгот, следует дать директиву пойти на ряд уступок немцам.

В свою очередь мы должны выдвинуть вопросы контрпретензий по таможенной конвенции, по ветеринарному вопросу, по вопросам порядка открытия отделений торгпредств, по наибольшему благоприятствованию, в отношении которого следует добиться расширения турецкой клязулы*.

* Оговорка, особое условие или пункт к договору (лат.).

Конкретные формулировки в отношении наших льгот немцам и требуемых нами льгот следует поручить определить Наркомторгу по соглашению с НКВД.

По транзиту, если немцы заявят о своих пожеланиях, считать возможным согласиться на транзитную конвенцию с тем, чтобы был допущен транзит немецких товаров, идущих непосредственно из Германии в Персию, Афганистан и Западный Китай, за исключением основных товаров нашего экспорта поименованных в особом списке.

Вопросы большой программы должны быть предметом обсуждения ответственных представителей правительств как той, так и другой стороны. Что касается малой программы, то она должна быть обсуждена в особой подкомиссии, работающей под руководством ответственных представителей в составе компетентных в этих вопросах работников обоих правительств.

Считаю необходимым в третий раз указать на всю нецелесообразность моей поездки в качестве делегата правительства при предстоящих переговорах. Мотивы моего отказа я уже неоднократно устно излагал на заседании ПБ и должен лишь подтвердить решительно свой отказ от поездки. Делегацию предлагаю наметить в составе гг. Шейнмана, Шлейфера и Кауфмана. Само собой разумеется, что могут быть привлечены по усмотрению делегации по мере надобности и другие работники как по вызову из Москвы, так и работающие в полпредстве и торгпредстве.

А. Микоян

Помета: т. Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 21–24. Подлинник.

№ 60

Записка

*заместителя наркома просвещения РСФСР М.Н. Покровского¹
в Оргбюро ЦК ВКП(б) об организации в Берлине
выставки достижений исторической науки СССР за 10 лет**

3 февраля 1928 г.**

Секретно

Оргбюро ЦК ВКП(б)

Германское Общество “Изучения Восточной Европы” предполагает в апреле–мае этого года организовать в Берлине “русскую

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 14, п. 24.

** Дата получения документа.

историческую неделю”² (по аналогии устроенной летом прошлого года “русской неделей естественных наук”) и параллельно выставку достижений исторической науки в СССР за 10 лет (1917–1927). Председателем “недели” общество наметило А.В. Луначарского.

В высшей степени важно, чтобы как в серии рефератов “недели”, так и на выставке была представлена не только “Россия”, как это привыкла делать германская буржуазия, а все страны и национальности нашего Союза. В то же время необходимо, чтобы историческая наука Союза была представлена силами марксистскими или близкими к ним, а не националистами, монархистами и т.п. Так как главная масса историков-марксистов сосредоточена в РСФСР, то целесообразнее всего поручить научно-политическую организацию этого дела Наркомпросу РСФСР с привлечением, конечно, и других союзных республик.

Кроме того, желательно участие в деле и Центрархива РСФСР. Во-первых, последний должен дать большую часть экспонатов, во-вторых, у Центрархива есть свежий опыт этого рода: по случаю десятилетия им была организована выставка архивного дела в РСФСР, вызвавшая очень сочувственные отзывы всей нашей печати и восторженные похвалы секретаря “Общества изучения Восточной Европы” д-ра Ионаса³, который на этой выставке был.

Проект резолюции:

Поручить Наркомпросу РСФСР организовать участие СССР на устраиваемых в Берлине “Обществом для изучения Восточной Европы” выставке достижений русской исторической науки за 10 лет и “Неделе русских исторических наук”, привлеки к этому делу Наркомпросы других союзных республик и Центрархив РСФСР.

Копию директивы прошу послать ВОКС, который организует все дело с технической стороны

М. Покровский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 687. Л. 11–12. Подлинник.

¹ Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) – советский историк, с 1918 г. зам. наркома просвещения, руководил Коммунистической академией, Институтом Красной профессуры, Обществом историков-марксистов.

² “Неделя советской исторической науки” в Берлине состоялась 7–14 июля 1928 г. В ней приняла участие группа советских историков, в том числе М.Н. Покровский.

³ Ионас Ганс (1893–1967) – в 1922–1923 гг. сотрудник Министерства финансов Германии, в 1924–1925 гг. ассистент в Институте по изучению России и Восточной Европы в Берлинском университете, в 1926–1930 гг. генеральный секретарь Общества по изучению России и Восточной Европы, в 1931 г. директор Института по изучению России и Восточной Европы.

*Письмо Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову
о начале советско-германских экономических переговоров*

№ 137/с

7 февраля 1928 г.
Секретно

Тов. Литвинову
Копия т. Чичерину

Многоуважаемый Максим Максимович,

Я уже телеграфировал Вам, что так как Штреземан уезжает в отпуск в понедельник 6 февраля вечером, то свидание между Рудзутаком, Шейнманом и им состоится в самый день приезда Шейнмана, т.е. в понедельник. Боясь, как бы Рудзутак не задержался в Риге, я еще в субботу сейчас же после уговора со Штреземаном стоворился по телефону с Лоренцем и предупредил Рудзутака, что он не должен задерживаться в Риге и должен немедленно ехать сюда. В воскресенье вечером по приезде Рудзутака предварительно потолковали уже с ним (он, я и Бегге), в понедельник по приезде Шейнмана устроили новое маленькое совещание (Рудзутак, Шейнман, Бегге, Бродовский и я), затем Шейнман и Рудзутак выслушали еще в присутствии Бегге цифровой доклад Ленгиеля, и с такого рода подготовкой мы двинулись на совещание с немцами. Штреземан был предупрежден, что мы пойдем вчетвером, и, со своей стороны, собрал порядочное общество. С нашей стороны, кроме приехавших Рудзутака и Шейнмана были я и Бродовский. Бродовский пошел и как переводчик для Рудзутака, и как связующее в будущем лицо между этим нашим собеседованием и будущими переговорами комиссии Шлейфсра-Вальрота. С немецкой стороны было трое представителей Аусамта (Штреземан, Шуберт, Вальрот) и трое представителей Министерства народного хозяйства (Курциус, Поссе¹ и Шеффер). Я не буду передавать в этом письме нашего вчерашнего разговора, так как постарался подробно записать и посылаю в качестве отдельного приложения (один экземпляр записи по просьбе Бегге, не успевшего изготовить этой записи к сегодняшней почте, посылаю непосредственно т. Микояну). В данном письме я передам лишь мое впечатление. Плюсом является то, что отрицательного ответа мы не получили. Правда, с немецкой стороны было бы тактически неправильно дать нам отрицательный ответ, даже если бы они не имели серьезного намерения давать новые кредиты. Но во всяком случае отказа мы не получили. Далее они внимательно

выслушали и нашу аргументацию, и наши предложения. По их лицам не было видно, чтобы эти предложения явились для них очень неприятными и вполне неприемлемыми. Они заявили, что приступят к обсуждению поднятых нами вопросов. Правда, и Штреземан, и Курциус, и Вальрот, т.е. все говорившие с немецкой стороны, подчеркивали, что до серьезного разговора о новых кредитах надо урегулировать вопросы, стоящие в программе начинающегося на днях совещания.

Я представляю себе дальнейший ход кредитных разговоров следующим образом. В конце этой недели начнутся шлейферовско-вальротовские разговоры. В делегацию Шлейфера без распределения на членов и экспертов войдут Бродовский, Бегге, Кауфман, Розенблюм², Ленгиель и, вероятнее всего, Раппопорт. Не думаю, чтобы работы этой комиссии продолжались очень долго. Ускорение или замедление зависит больше от нас, чем от немцев, а мы не заинтересованы в замедлении. За это время сначала Рудзутак и Шейнман вместе, а потом, по отъезде Рудзутака, Шейнман один будет заниматься при неофициальных встречах индивидуальной обработкой Маркса, Курциуса, Кёллера, Браунса³, Шуберта и других официальных лиц, а потом и представителей делового мира. Вся эта история протянется с месяц. Около половины марта вернется из Женевы Штреземан. Вторая половина марта будет как раз удобным временем для того, чтобы уже более детально и более практически начать говорить о новых кредитах. К этому времени Рудзутак может приехать из Франции и задержаться здесь на обратном пути на неделю, 10 дней. Если Шейнман не высидит здесь до этого времени и уедет в Москву, то он сможет, опять-таки, к числу 20-му марта вернуться обратно, встретиться здесь с Рудзутак и продолжить разговоры с представителями правительства.

С товарищеским приветом Крестинский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 30–31. Копия.

¹ Поссе Ганс (1886–1965) – с 1924 г. сотрудник Министерства народного хозяйства Германии, возглавлял германскую делегацию на советско-германских экономических переговорах в декабре 1928 г., с 1933 г. статс-секретарь для особых поручений при министре народного хозяйства, в 1933–1945 гг. статс-секретарь Министерства хозяйства Германии.

² Розенблюм Борис Данилович (1899–1938) – заведующий подотделом торговой политики экономико-правового отдела НКВД СССР в 1926–1931 гг., помощник заведующего экономической частью НКВД в 1931–1933 гг., член советской делегации на советско-германских экономических переговорах в 1928 и в 1932 г.

³ Браунс Генрих (1868–1939) – один из руководителей Немецкой партии Центра, с 1920 г. депутат рейхстага Германии, в 1920–1928 гг. министр труда Германии.

*Телеграмма председателя советской комиссии
по советско-германским экономическим переговорам
И.О. Шлейфера А.И. Микояну о порядке
и планах работы*

№ 858

9 февраля 1928 г.
Берлин
Строго секретно

Москва, Микояну*

Первое. До нашего приезда Шейнман и Рудзутак беседовали с Штреземаном и Курциусом. Записи бесед Вам сообщены Бегге, завтра составим для немцев предложения, сформулированные Рудзутаком в беседе, что было обещано по данным вопросам в свидании с Штреземаном.

Второе. Вследствие борьбы, происходящей в партии Центра, и комбинаций вокруг этого возможны перемены в правительстве, шансы на реализацию большой программы отодвигаются.

Третье. Виделся с Шубертом и Вальротом; немцы ставят центральным вопросом обеспечение равенства сторон в торговле, мотивируя тем, что монополия внешней торговли ставит их в худшее положение, чем нас, особенно учитывая закрепление наших организаций и работы в Германии. Мы будем решительно отменять все претензии, которые идут вразрез с нашей системой хозяйства и ее особенностями. Первое заседание состоится в субботу: приветственные речи, намечение порядка работ. Первое деловое – в понедельник, заслушаем программные предложения немцев. Мы выдвинем контрпредложения, намеченные в Москве. В частности, при беседе с Вальротом, я заявил, что одной из наших контрпретензий является незаключение до сих пор таможенной конвенции. Он очень нервничал и заявил, что немецкая комиссия считала, что вопрос снят с порядка дня и по своему составу не может заниматься таможенным вопросом. Мы предложили вопрос в принципе обсудить и передать для разработки подкомиссии. Этот основной наш козырь, и мы заострили внимание на нем. В ближайшие дни Крестинский устроит завтрак с Курциусом и министром труда, от нас будут Рудзутак, Шейнман, Бегге и я, дабы в частной беседе выявить отношение к большой

* Копии направлены А.И. Рыкову, Г.В. Чичерину, И.В. Сталину, Л.М. Хинчуку, Я.С. Гансцкому.

программе. По малой программе будет для осведомления Бегге устроен ужин участникам обеих делегаций в целях некоторого сближения. В понедельник вышлю подробный доклад о последних операциях.

Шлейфер

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 41. Заверенный дешифрант.

№ 63

*Записка М.М. Литвинова заведующему
Агитационно-пропагандистским
отделом ЦК ВКП(б) А.И. Криницкому¹
об организации в Берлине
“Советской исторической недели”*

№ Л/26

13 февраля 1928 г.
Секретно

Агитпроп ЦК ВКП(б)

Тов. Криницкому

Возвращая при сем письмо т. Покровского, сообщаю, что НКИД считал бы весьма желательным устройство советской исторической недели в Германии и присоединяется к предложению т. Покровского.

Замнарком М. Литвинов

Копии: тт. Чичерину
Штейну.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 687. Л. 10. Подлинник.

¹ Криницкий Александр Иванович (1894–1937) – в 1927–1929 гг. заведующий Агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б), в 1929–1930 гг. секретарь Закавказского крайкома, в 1930–1932 гг. заместитель наркома РКИ СССР, в 1933–1934 гг. заместитель заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б), одновременно начальник политуправления Наркомата земледелия СССР и заместитель наркома земледелия.

№ 64

*Письмо И.О. Шлейфера А.И. Микояну
об обсуждении с германской стороной вопроса
о таможенной конвенции*

№ 15/шг

18 февраля 1928 г.

Секретно

Копия: зам. наркомторга т. Хинчуку

чл. коллегии т. Ганецкому

НКИД – т. Чичерину

НКИД – т. Литвинову

Наркомторг – тов. Микояну

Сегодня состоялось чрезвычайно важное заседание в Министерстве иностранных дел по вопросу о таможенной конвенции. На совещании присутствовали: Вальрот, министерский-директор Риттер (ведущий договорным делом Министерства иностранных дел) и д-р Марциус. С нашей стороны, кроме меня, присутствовали гг. Кауфман и Раппопорт.

I. Совещание это вызвано моим настойчивым указанием Вальроту на то, что договор обязывает обе стороны приступить к переговорам по заключению таможенной конвенции, что этому вопросу мы придаем большое значение. Вальрот, как об этом я уже писал Вам в предыдущем письме, заявил, что они не считали таможенную конвенцию программой настоящих переговоров, но, имея в виду мои настояния, он готов на специальном совещании обсудить этот вопрос.

На пленуме заседания в качестве официального пункта наших контрпретензий вопрос о таможенной конвенции стоит на втором месте.

II. Риттер заявил:

1) что германское правительство абсолютно не интересуется льготы по нашему ввозному тарифу и что, следовательно, взамен льгот по германскому ввозному тарифу для соответствующих товаров должна быть выдвинута компенсация с советской стороны не в таможенной области;

2) что Риттер не видит прямой связи между переговорами, которые сейчас происходят в Берлине, и заключением таможенной конвенции, так как эти переговоры имеют целью устранить те недоразумения, которые возникли при исполнении договора;

3) что он не может признать связи между заключением таможенной конвенции и других конвенций, которые вытекают из договора 12 октября 1925 г.

Мы в своей аргументации проводили мысль, что:

1) точка зрения Риттера, доказывающего, что для немецкой стороны не представляют интереса скидки по нашему ввозному тарифу – неправильна (аргументация Вам известна);

2) что нельзя переносить вопрос из плоскости таможенной конвенции в область непосредственного товарооборота, как это пытается делать немецкая сторона, несмотря на то, что ст. 32 экономического соглашения формально предусматривает переговоры о заключении таможенной конвенции;

3) что советская сторона устанавливает формальную связь между заключением остальных конвенций и таможенной конвенции, имея в виду, что заключение всех конвенций одинаково вытекает из договора 12 октября и обязательно;

4) что хотя для советской стороны не имеет интереса заключение литературной конвенции, в которой более заинтересована германская сторона, тем не менее советская делегация не отказывается от заключения литературной конвенции;

5) что сбалансирование, если говорить уж о сбалансировании различных интересов договаривающихся сторон, должно идти по пути одновременного рассмотрения всех конвенций, что мы усматриваем достаточную компенсацию, в частности, заключением литературной и почтовой конвенции.

III. В дальнейшем Риттер прямо указал, что компенсацию он лично видит в предоставлении взамен таможенных льгот – контингентов, ибо СССР имеет три рычага регулирования товарооборота:

1) таможенные пошлины;

2) монополия внешней торговли с ее разрешительной и запретительной системой и

3) допущение иностранных фирм в СССР в концессионном порядке.

Германская же сторона располагает только одним рычагом – таможенными пошлинами.

Мы принуждены были заявить, что вопрос о контингентах не является программой переговоров, что переговоры ведутся только на базе торгового договора, что советская делегация придает таможенным пошлинам большое значение и что советская общественность настойчиво требует получения таможенных льгот.

Во время обмена мнений приходилось довольно резко ставить вопрос о недопустимости одностороннего характера переговоров в сторону удовлетворения только германских требований.

В итоге было решено встретиться заинтересованным лицам, представителям советской делегации с компетентными представителями германской стороны для обсуждения советских требований по таможенному вопросу.

IV. Для нас очевидно, что немцы не хотят пойти на переговоры по таможенной конвенции. В связи с этим необходимо решить следующие вопросы:

1) если Вы решите категорически добиваться снижения таможенной пошлины даже при условии, что германская сторона всячески будет искать компенсацию вне таможенной конвенции, то мы должны будем во что бы то ни стало добиться того, чтобы связать переговоры о таможенной конвенции с общими разговорами, которые мы сейчас ведем. Это неизбежно будет иметь последствия:

- а) оттяжку переговоров и
- б) их усложнение.

Если же учесть соображения, изложенные выше, и считать возможным удовлетвориться благоприятным толкованием применения тарифа, что в отдельных случаях может привести и к некоторым уступкам в таможенной области, то мы могли бы, в конце концов, после некоторого упорства заявить, что мы согласны не связывать переговоры о таможенной конвенции с происходящими экономическими переговорами и предложить вести переговоры по конвенциям одновременно, сделав между переговорами и подписанием этих конвенций юнктим*. При этом мы должны будем в этом случае точно установить срок, когда должны начаться эти переговоры, например, через месяц после окончания экономических переговоров. Однако при всех условиях будем добиваться ряда льгот по таможенным тарифам согласно директив.

По затронутым выше вопросам необходимы срочные директивы.

И. Шлейфер

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 84-87. Заверенная копия.

* Связь (лат.).

№ 65

*Телеграмма Н.Н. Крестинского И.В. Сталину
о составе советской комиссии
на советско-германских экономических переговорах**

№ 230/Ш

18 февраля 1928 г.

Берлин

Строго секретно

Москва, ЦК ВКП, тов. Сталину

На Ваш № 206. Немцам уже был сообщен следующий состав комиссии: Шлейфер (председатель), Бродовский, Бегге, Кауфман и Ленгиель. Мы можем сейчас дополнить Сванидзе, но было бы неудобно исключить Бегге. Прошу поэтому поставить дополнительно о включении Бегге.

Крестинский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 66. Дешифрант.

№ 66

*Письмо И.О. Шлейфера М.М. Литвинову
о порядке ведения переговоров
по заключению таможенной и других конвенций*

№ 14/шг

20 февраля 1928 г.

Секретно

Замнаркоминделу тов. М.М. Литвинову

Копия: Наркомторгу т. А.И. Микояну

НКВД тов. Г.В. Чичерину

Уважаемый Максим Максимович!

Из письма на имя тов. Микояна**, которое я направил в копии Вам, Вы усмотрите, что немцы всячески уклоняются от переговоров по таможенной конвенции. В упомянутом письме я указывал, что немцы подчеркивают отсутствие связи между переговорами по таможенной конвенции и происходящими переговорами, и отмечают, что, если мы выдвигаем необходимость заключения таможенной конвенции, то они со своей стороны выдвигают необходимость заключения других конвенций, а также конвенции по приему высланных граждан. Поскольку немцы продолжают настаивать на предоставлении нами им за льготы в таможенной области каких-нибудь компенсаций вне таможенной области, нам тактически выгодно увязывать все конвенции, предусмотренные договором, и указывать, что компенсацией для немцев за невыгод-

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 11, п. 18.

** См. док. 64.

ную для них таможенную конвенцию является подписание нами невыгодных для нас конвенций литературной, по приему граждан и почтовой. Таким образом, мы заинтересованы в создании юнк-тима между всеми конвенциями, проистекающими из договора.

Как известно, коллегия Наркоминдела в свое время не возражала против сообщения немцам нашего согласия на одновременное ведение переговоров по всем конвенциям. Однако полагаю, что переговоры по литературной конвенции и по конвенции о приеме граждан должны иметь место в Москве. В этом нашем предложении немцы будут видеть стремление к оттяжке переговоров, так как им (хотя бы по условиям трудности составления делегации) будет затруднительно приступить немедленно к переговорам о литературной конвенции в Москве, в то время, как мы к переговорам по таможенной конвенции можем приступить немедленно в Берлине.

Поскольку мы заинтересованы, как я уже указывал выше, в создании юнк-тима между всеми конвенциями, я полагал бы, что было бы целесообразно заявить немцам, что мы согласны на одновременное начало переговоров по всем конвенциям и, если немцы будут возражать против ведения переговоров по части этих конвенций в Москве, то согласиться на то, чтобы переговоры по всем конвенциям открылись в Берлине. Само собой разумеется, что подписание упомянутых конвенций должно быть осуществлено лишь одновременно.

Я просил бы Вас, уважаемый Максим Максимович, по возможности обратной почтой сообщить мне, согласна ли коллегия Наркоминдела с изложенными предложениями.

С товарищеским приветом И. Шлейфер

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 82-83. Заверенная копия.

№ 67

Письмо И.О. Шлейфера А.И. Микояну о политическом и экономическом положении Германии и о перспективах переговоров

№ 16/шг

20 февраля 1928 г.

Берлин
Секретно

Наркомторгу СССР

тов. А.И. Микояну

Копии: тт. Хинчуку, Ганецкому

тт. Чичерину, Литвинову

I. Общая политическая обстановка в Германии крайне затрудняет выполнение тех задач, которые поставлены перед нами. Правительство, как Вы знали из газет и сообщений из Берлина, было

в состоянии кризиса. Только вчера состоялся сговор между лидерами партий о том, что правительство остается и что выборы в рейхстаг произойдут в мае, причем для обеспечения возможности работы настоящего правительства на этот период (проведение бюджета) понадобилось вмешательство Гинденбурга.

Вполне понятно, что в этой обстановке трудно рассчитывать, что министры и отдельные политики занялись бы решением вопросов, связывающих будущее правительство или могущих быть использованными в выборной борьбе. Несмотря на то, что вряд ли можно ожидать при любом составе будущего правительства изменения политики в русском вопросе, все же на проведение большой программы вряд ли в настоящее время можно надеяться.

Основным лозунгом борьбы вокруг выборов будет вопрос о рационализации аппарата государственного управления в соответствии с рационализацией хозяйства (создание концернов, объединений и т.д.). Социал-демократы после выборов, очевидно, пойдут на участие во власти, подобно тому, как они участвуют в прусском правительстве. Они будут доказывать рабочим массам, что их вхождение в правительство необходимо для того, чтобы избежать в дальнейшем движения вправо и избежать ухудшения положения рабочего класса. Буржуазии выгодно участие социал-демократов в правительстве, так как буржуазия взяла назад все то, что рабочие получили после германской революции: помощь безработным значительно сократилась, 8-ми часовой рабочий день фактически в значительной степени ликвидирован, заводские советы тоже сведены на нет. В настоящий период рабочие требуют повышения зарплаты. Буржуазия частично идет на это повышение, но в размерах, совершенно не удовлетворяющих рабочих. В этих условиях социал-демократами будут выдвинуты лозунги защиты 8-ми часового рабочего дня, некоторого повышения уровня зарплаты. Но все эти требования рабочих будут умеряться социал-демократами. Партия Центра, имеющая около 1 млн организованных рабочих (христианских союзов), получила на прежних выборах около 2–2½ млн рабочих голосов. Естественно, что часть партии Центра, в том числе лидеры рабочих Центра – Штегервальд, нажимают на партию Центра, требуя более левой политики. В противовес этому партия Центра сейчас подготавливает в качестве лозунга вопросы школы и создания для подрастающего поколения в школе религиозной и моральной среды. Именно поэтому вокруг этого вопроса возникли разногласия в правительстве и чуть ли не привели к расколу. Вопросы морали

и религии партия Центра, очевидно, сделает своим основным лозунгом выборов и постарается удержать этим свое влияние в среде своих приверженцев, в том числе и христианских рабочих.

Дойч-Фолькс-Парти¹ сделает своим избирательным лозунгом рационализацию хозяйства и управления.

По всей вероятности, в результате выборов потеряют часть голосов партии Центра и Дойч-Националь-Парти², так как последняя не участвует в правительстве и не обеспечивает себе достаточного усиления своего влияния. Если так, — очевидно усилятся социал-демократы и Демократическая партия, в небольшой мере коммунисты.

II. Я останавливался на оценке общей политики потому, что отсюда мы должны сделать кое-какие выводы для оценки отношения к нам. Я полагаю, в отличие от некоторых товарищей-берлинцев, что такие результаты выборов могут создать для развития наших дел с Германией лучшую обстановку. Период от Рапалло до Локарно был периодом, когда наши акции в Германии значительно усилились. Период после Локарно в течение 1—1½ года был периодом, когда Германия переориентировалась на Запад и все комбинации Германии строились в расчете на Запад. Именно благодаря этому создавалось общественное мнение, неблагоприятное для дел с нами, и Министерство иностранных дел выступило в качестве организующей силы всего недовольства торговыми делами СССР. Кроме этого, внутренняя экономическая обстановка в Германии была крайне благоприятной для развития германского хозяйства. В настоящее время развивающееся германское хозяйство хотя не переживает кризиса, как ожидали некоторые, но дальнейшее развитие емкости германского рынка приостановлено, а в нескольких отраслях даже несколько сократилось. Германский торговый баланс продолжает оставаться пассивным, а приток капитала извне не может быть таким, как он был до сих пор. Из бесед с видными представителями германского хозяйства выясняется, что данные, имевшиеся у нас, о притоке капитала в 4 000 000 марок за истекший период, не совсем соответствуют действительности. Являются преувеличенными сведения о германском экспорте и импорте, примерно, по первому — на 3%, по второму — на 1½%. Кроме этого, считаю, что около 300 млн марок — это капитал, эмигрировавший в свое время из Германии и вернувшийся при улучшении экономического положения Германии. Но это обстоятельство в последующие годы не может иметь места в таких размерах. Естественно, что в этих условиях германская промышленность проявляет максимум стремления к охвату рынка, и конкуренция Германии с Англией на рынках сбыта

становится напряженнее с каждым месяцем. Это обстоятельство определяет общее настроение почти всех кругов германского хозяйства (кроме банковских, которые относятся гораздо сдержаннее к нашим делам) в сторону проявления значительного интереса к делам с СССР. Поэтому на данный период следует считать, что вряд ли можно ожидать ухудшения наших отношений с Германией после выборов. Наша задача – добиться того, чтобы очистить атмосферу недовольства, которая, быть может, инспирировалась Министерством иностранных дел и которая в известной степени имела место также в ряде отраслей хозяйства Германии. Если бы это нам удалось сделать, то есть, если бы наши переговоры окончились благополучно, представление, которое создалось в других странах, что торговый договор с Германией не дал ничего немцам и что наши торговые отношения находятся под угрозой – рассеялось бы. Это, несомненно, принесло бы нам значительную пользу.

Мы полагаем, что, если удастся в подкомиссии по статистике, которая начнет работать в ближайшие дни, согласовать наши цифры и доказать немцам, что все сообщения, появившиеся в немецкой прессе о сокращении немецкого экспорта в СССР, о неудовлетворительных результатах 300-миллионного кредита и т.д. – неверны, то это будет большой победой. Мы опубликуем результаты работы статистической подкомиссии в прессе и даже сумеем опубликовать результаты этой подкомиссии в виде брошюры.

III. Мы в самом начале наших переговоров могли видеть, что Министерство иностранных дел сумело очень ловко использовать недовольство отдельных торгово-промышленных групп для того, чтобы продемонстрировать перед нами сколь неудовлетворительны практические результаты договора от 12 октября 1925 г. Немцы были настолько уверены в беспорности своего материала, что решились на известную Вам декларацию Вальрота. От нашего ответа Вальроту зависело очень многое. Нам пришлось очень тщательно взвешивать каждое слово и общий тон нашей ответной речи, причем заготовленные тезисы этой речи подверглись обсуждению с участием гг. Рудзутака, Шейнмана и Крестинского. Совершенно твердый тон нашей речи вызвал критику некоторых товарищей, которые считали, что мы находимся не в таком положении, чтобы резко выступать, и что немцы знают, что и через 3 месяца, и через 4 месяца мы придем к ним сговариваться. В общем все же был принят основной фон выработанных нами тезисов. Ответная наша декларация на принципиальную речь Вальрота вызвала явное смущение у немцев. Надо добавить, что

накануне произнесения нашей декларации в разговоре с Шубертом было указано, что речь Вальрота была, может быть, очень темпераментной, но она произвела на нас неблагоприятное впечатление и вызывает опасения, что вместо деловой работы, для которой мы и по составу своей делегации, и по своей профессии больше всего призваны, может возникнуть дискуссия принципиального, теоретического и политического характера, могущая нас отвести только от цели нашей работы, а не привести к ней.

Во время перерыва Вальрот заявил мне, что “Вы (я) в Вашем выступлении обнаружили значительно больше темперамента, чем я в своем”. Однако, его заключительное слово носило явно примирительный характер. Он заявил, что в некоторых пунктах он, может быть, недостаточно ясно понял, что ни о каком вмешательстве и критике нашей внутренней системы он не говорил и что он вполне согласен с тем, что необходимо деловое обсуждение практических вопросов.

В дальнейших заседаниях Вальрот стремился избегать дискуссии и, как он говорил, не придавать острый характер переговорам.

Общее впечатление таково, что из-под обстрела, которому мы подверглись в печати до приезда, и общего неблагоприятного настроения, которое создавалось вокруг переговоров, мы вышли. Мне представляется, что теперь же можно довольно определенно утверждать, что нам удастся перевести переговоры на рельсы практических вопросов и избежать обсуждения по принципиальным вопросам на тему о неравенстве и контингентах.

IV. Характерно также и то, что представитель промышленности Кремер выступил с большой речью, в которой он заявил, что неправильно обвинение его в том, что он является противником развития дел с СССР. Он сослался на то, что еще при переговорах в Генуе он, личный друг Ратенау, высказался за необходимость заключения договора, участие Германии своими кредитами и торговлей в восстановлении хозяйства СССР и что в настоящее время он критикует не общую систему, а практическое осуществление нашей торговли: бюрократические методы торговли, отсутствие достаточной связи с руководителями промышленности, затягивание отдельных переговоров, устранение необходимых звеньев оптовой торговли из оборота СССР в той мере, в какой она выполняет роль резерва для снятия избыточных товаров с рынка, финансирование и т.д.

Кремер указал, что даже те германские фирмы, которые с нами делают большие обороты, недовольны методами нашей работы и указывали ему на чрезвычайную трудность ведения дел с СССР.

V. Из прилагаемого при сем дневника наших заседаний, а также и сводок, зачитанных по желанию немцев, Вы можете увидеть, что немецкая делегация собирается развить довольно длинный список тех статей, по которым практика договоров не удовлетворяет немецкое хозяйство. Мы при первом чтении стремились там, где это было возможно, указывать, что: 1) фактически дело обстоит не так, как излагают немецкие докладчики, и 2) практика, имевшая место, соответствует договору. Несмотря на то, что было очень много острых и неудобных для нас положений, что Вы усмотрите из дневника, наши ответы все же убедили немцев, особенно не чиновников, что не все заявления немецкой стороны обоснованы и что у нас, с своей стороны, имеются веские контрзаявления.

Тем не менее, нельзя скрыть от себя, что работа в комиссиях будет очень тяжелой, так как Союз немецких промышленников сумел собрать большой материал, отпарировать который будет весьма трудно.

С нашей стороны может быть предъявлено гораздо меньше контрпретензий немцам, и по существу немцы выполняли более добросовестно договор, а мы ограничивались формальным толкованием договора как по линии Наркомторга, так и по линии Наркоминдела и других органов.

VI. Только тогда, когда выяснится действительный объем немецких требований и материалы, которыми они располагают, можно будет составить баланс претензий и контрпретензий и внести конкретные предложения на Ваше утверждение.

Работа делегации идет очень дружно, как по линии полпредства, так и торгпредства. Само собой разумеется, товарищам, приехавшим из Москвы, работать приходится очень напряженно, так как предъявляются к небольшому кругу лиц очень большие требования. Мы имели специальное совещание со всеми заведующими отделами торгпредства и дали задания по всем областям работы для того, чтобы получить конкретный материал в достаточных размерах.

С приветом И. Шлейфер

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 67–74. Подлинник.

¹ Немецкая народная партия (нем.).

² Немецкая национальная партия (нем.).

№ 68

*Письмо И.О. Шлейфера А.И. Микояну
о переговорах с германской стороной
относительно предоставления кредитов
и о тактике реализации “малой программы”*

№ 18/шг

20 февраля 1928 г.

Берлин
Секретно

Наркомторг СССР,
Тов. А.И. Микояну

Копии: Тт. Хинчуку, Ганецкому,
НКВД – гг. Чичерину, Литвинову

Из предыдущих писем Вы знаете общее положение переговоров, а также общую обстановку, в которой эти переговоры происходят.

В настоящих условиях трудно рассчитывать, что правительство могло провести решения по вопросу большой программы кредитов. Беседы с целым рядом крупных промышленников и финансистов могли привести к заключению, что вопрос о предоставлении кредитов не должен считаться исключенным. Конъюнктура народного хозяйства в Германии такова, что если нет депрессии, то, во всяком случае, очевидно, что некоторое понижение конъюнктуры имеет место. В частности, это имеется в области машиностроения, где экспорт в СССР играет довольно значительную роль.

Весь вопрос о кредитах будет поставлен, надо лишь выбрать удобный момент и правильно тактически подготовить это дело. Мне стало известно из совершенно достоверного источника, что в Министерстве народного хозяйства под председательством Шеффера состоялось совещание по вопросу о предоставлении кредитов СССР. На этом совещании присутствовали представители банков и промышленности. Один из участников сделал заявление, что авторитетное лицо СССР, когда в беседе с немцами зашел разговор о платежах по долгам Германии, в случае, если такое соглашение состоится с Францией (что, по их мнению, вытекает из Рапалльского договора) заявило, что в этом случае это соглашение с французами должно будет быть сформулировано так, чтобы мы ничего не должны были платить немцам.

Это сообщение произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Я не мог узнать, кто это сказал, но полагаю, что это было сказано

необдуманно. Заявлять об этом не надо, если мы и думаем таким образом.

Общее настроение на этом совещании было таково, что о русских делах надо думать, но никакого конкретного решения принято не было. Я в среду буду иметь специальную беседу с Шеффером и попытаюсь разузнать, в чем дело. Я условился, что, помимо бесед с отдельными промышленниками, в середине этой недели буду иметь возможность говорить с руководителями германской промышленности в Союзе индустрии.

Из беседы с Вассерманом (“Дойче банк”) я вынес впечатление, что банки относятся более сдержанно к делам кредитования СССР, чем промышленность, что объясняется, очевидно, тем, что промышленники получают на русских делах довольно значительную прибыль, между тем как банки, конечно, не могут получать значительно больших выгод на наших делах, чем на делах с немецкими фирмами (относительно).

Кроме этого, мне стало известно, что недавно имела место встреча немцев с представителями Франции о расширении дел с СССР, причем французы просили немцев не форсировать дел с СССР и тем самым не срывать ведущихся переговоров о соглашении по долгам. Именно поэтому надо считать, что реальное оформление какой-нибудь кредитной операции можно будет сделать после выборов, в мае – в июне, и осуществление этой операции, мне лично кажется, возможно будет к осени. Все время до мая должно быть использовано для организации помощи нам в этом деле со стороны промышленности. Для нас особенно существенное значение приобретает вопрос заказов по некоторым отраслям промышленности, не входящим в большие концерны и объединения: заказы металлов, инструментов, изделий и т.д. Именно эти группы, не получившие по 300-миллионному кредиту заказов, и будоражат общественное мнение, заявляя, что им 300-миллионный кредит ничего не дал, а что таковой был использован исключительно в интересах крупной промышленности. Если в круг наших заказов можно будет включить сельскохозяйственное машиностроение и мелкие отрасли металлопромышленности, мы несомненно привлечем к помощи нашему кредитному делу значительный слой германской промышленности. В этом направлении следовало бы вести все наши конкретные разговоры с отдельными фирмами.

Я также согласился, что в ближайшие дни по приезде Кастря мы сумеем обсудить с ним кое-какие вопросы в области кредитов и попытаться в это дело втянуть чиновничью группу директоров, в которой не заняты избирательной кампанией и большой полити-

кой, но готовят вопросы для министров любых кабинетов, и тем самым не потеряем это время избирательной кампании.

В частности, поскольку тов. Шейнман тут также имел встречу и разговоры часто с теми же людьми, мы условились с ним, что до отъезда он передаст мне все дела, которые требуют продолжения, для того, чтобы единство в этой области было обеспечено.

II. Поскольку реализация большой программы откладывается на несколько месяцев, необходимо решить вопрос о тактике переговоров по малой программе. Мои впечатления таковы, что мы при известных условиях могли бы кончить переговоры в течение четырех недель. В этом случае следует поставить вопрос, нужно ли сохранить связь между формальными вопросами малой программы и предстоящими переговорами по большой программе. В случае оттяжки оформления вопросов малой программы мы рискуем, что будущее правительство может выдвинуть некоторые новые вопросы и, таким образом, еще больше оттянуть окончание переговоров. Для нас оттяжка неблагоприятна, особенно учитывая, что Министерство иностранных дел начало разговоры о созыве конференции не только по соображениям экономическим, но и по соображениям политического характера в момент тяжелой для нас политической обстановки.

С другой стороны, оформление переговоров в ближайшее время, т.е. по истечении нашей работы, несомненно произвело бы весьма благоприятное впечатление в Европе. Европейское общественное мнение должно будет этим самым признать, что все нападки на неудовлетворительный характер торгового договора отпали, поскольку немцы пожелали продолжать работу на основе прежней базы.

Если инстанция считает необходимым, чтобы вопросы малой программы и большой программы были обязательно увязаны, то мы должны избрать тактику оттяжки переговоров. Мне кажется, что целесообразно закончить работу конференции, если мы сумеем получить некоторую компенсацию за те уступки, которые мы делаем в пределах программы, намеченной на совещании у т. Микояна и согласованной с НКВД. Тактика оттяжки переговоров создаст неблагоприятное впечатление, которое рассеялось после первых наших выступлений. Разрешив вопросы, поставленные в малой программе, мы имели бы достаточные возможности заявить, что все формальные затруднения для торговли разрешены; но дело не столько в устранении формальностей, сколько в создании достаточной экономической и кредитной базы. Последнее как будто признается всеми как положение совершенно правильное и экономически верное.

По этому вопросу нужны срочные директивы.

III. По вопросу о таможенной конвенции: ввиду особой сложности этого вопроса я посылаю Вам особое письмо этой же дипломатической почтой. По этому письму также нужен срочный ответ.

Тактика работы для комиссий нами выбрана следующая.

По всем мелким вопросам мы должны стремиться в комиссиях договориться, разумеется, с тем, что окончательное решение переносится на пленум, для того, чтобы в практике работы комиссий показать нашу добрую волю к устранению всех затруднений товарооборота. По тем 3–4-м наиболее крупным вопросам (вопрос консигнации*, т.е. вопрос о хранении товаров на консигнационных складах, вопрос об офертах** и сношениях фирм с хозяйственными органами, о регистрации фирм на предмет оказания технической помощи, о почтовых посылках), которые представляют большое значение для немцев, мы в комиссиях не должны уступать, а стараться разъяснять практику выполнения торгового договора с тем, чтобы в пленуме еще раз провентилировать этот вопрос и придать уступкам характер больших жертв, требующих компенсации, в частности, в области толкования таможенных тарифов и ветеринарных конвенций.

На все поставленные мною вопросы тактики переговоров прошу срочных директив.

С приветом И. Шлейфер

Мы были поставлены в особо конфузное положение, когда немцы продемонстрировали анкету, которую должны заполнять немецкие граждане, направляющиеся в СССР. В числе вопросов есть вопрос о принадлежности к партии. Немцев интересует, делали ли мы разницу между членами для Демократической партии, Дойч-фолькс партией и т.д.? Нам пришлось отшучиваться, превратить все дело в анекдот, рассказав, что когда мне пришлось поехать в Англию и заполнять анкету, то надо было указать девичью фамилию моей матери, которая мне случайно не была известна. На этот вопрос я не мог ответить и был поставлен в более трудное положение, чем промышленники, заполняющие анкету советского характера. Я думаю, что нам не надо добиваться обязательного заполнения анкеты по 32 пунктам, что, несомненно, надо пойти на разумное сокращение этих процедур и формальностей. Это мы сделаем не в форме соглашения с немцами, но в форме обещания внимательно пересмотреть и устранить моменты, затрудняющие

* Документально оформленная комиссионная продажа товаров.

** Деловое предложение к сделке.

въезд немцев, тем более, что до постановки вопроса немцами в НКВД, как мне известно, специально производится работа по сокращению анкет и освобождению от вопросов, которые не имеют особенно практического значения. Так как я знаю, что “соседи”¹ требуют свой фунт мяса и в отношении анкет, то я иду на такое рискованное дело, надеясь на Вашу поддержку и хорошие личные мои отношения с руководителями этого учреждения.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 75–79. Подлинник.

¹ Имеются в виду сотрудники ОГПУ.

№ 69

*Письмо К.М. Бегге А.И. Микояну
о перспективах советско-германских
экономических переговоров*

20 февраля 1928 г.
Секретно
Лично

Народному комиссару
внешней и внутренней торговли т. Микояну
Уважаемый Анастасий Иванович!

Подробный отчет о ходе переговоров и перспективах Вам, наверное, пошлет т. Шлейфер, и поэтому я останавливаться на эту тему не буду.

Пока работа внутри нашей комиссии и наблюдающей инстанции идет нормальным порядком, и мои опасения насчет возможной несогласованности как будто отпадают, в особенности с отъездом т. Шейнмана в Москву.

Введение т. Крестинского в комиссию по наблюдению — удачный шаг, так как было бы нерационально оставить его вне круга этой работы, фактически возлагая всю ответственность за дальнейшее проведение, если соглашение будет достигнуто, тех мероприятий, которые соглашением будут предусмотрены.

Вопрос о кредитах, как Вы знаете, пока еще в очень неопределенном положении, и в каком виде теперь этот вопрос обрабатывается в немецкой среде, пока не выяснено. Из случайной заметки “Берлинер Тагеблатт”, которая жалуется на неправильные цифры Дауэса, доказывающие, что Германия по плану Дауэса платить в состоянии, видно, что немцы, указывая на затруднения, чинимые немецкому экспорту в других странах, упоминают о России. Это

надо понимать между строк таким образом, что нежелание американцев давать деньги для усиления немецкого экспорта в особенности по русским делам может эти дела затруднить. Официальный тон, инспирированный в данное время политиками или политиками Аусамта такой, что с русскими дела делать нельзя, что 300-миллионный кредит себя не оправдал, что надо получить от русских гарантию и т.д. и т.п.

На одном из вечеров, организованных по инициативе т. Шейнмана с представителями “Кёльнише Цайтунг” и “Берлинер Тагеblatt”, на заявление т. Ленгиеля, что немцы пользовались заведомо ложными данными, представители газет, оправдываясь, заявили, что данными они должны пользоваться теми, которые им дают официальные инстанции, и что своей статистики они не имеют.

Тов. Ленгиель заявил официально и в заседании комиссии немцам, что данные, которыми пользовались неофициальные институты, неверные. На это немцы промолчали. Сегодня-завтра мы должны получить предварительные статистические данные за весь прошлый год, и там уже картина должна быть совершенно ясной, что 300-миллионный кредит нашел свое отражение в виде увеличения экспорта и нам возможно будет на основании цифровых данных это самое опасное оружие при переговорах с немцами выбить у них из рук.

Моя оценка исхода переговоров приблизительно следующая:

Председатель комиссии Вальрот уходит, как посол, в Норвегию и поэтому не пожелает сорвать переговоров и уехать отсюда, не закончив такого важного ему порученного дела. Сам по себе Вальрот не очень сильный противник, и поэтому можно считать, что в лице председателя работа комиссии в технической ее части не может нам принести неприятностей. Сам нынешний состав комиссии тоже, за исключением нескольких маловлиятельных лиц, как будто не в очень боевом настроении, и не видно, чтобы такое политиканство играло заметную роль. Поскольку вся эта кампания была затеяна в совершенно другой политической обстановке, т.е. после разрыва нашего с Англией и, главным образом, по моему мнению, вызванная именно шагами Министерства иностранных дел, постольку, не имея теперь серьезных материалов, Министерство иностранных дел будет счастливо, если оно более-менее прилично ликвидирует это дело, выйдет, что называется, сухим из воды.

Те же данные, которые предъявлялись в виде материалов и жалоб со стороны промышленности, пока очень жидки и, следовательно, все это с этой стороны получает вид надуманного и притянутого за волосы материала.

Остается последний вопрос – это вопрос большой политики. Так как в данное время уже вполне ясно наметился развал в пра-

вительстве и оно держится приказом Гинденбурга, то и с этой стороны пока трудно ждать каких-либо определенных директив. Вряд ли Штреземан на свою ответственность придаст переговорам враждебный нам характер, учитывая даже то обстоятельство, что, пожалуй, по политическим причинам иностранного характера именно Министерство иностранных дел затеяло всю эту канитель. Следовательно, переговоры в данном их объеме и стадии могут закончиться без больших битв, поражений и побед, пожалуй, в месячный срок со дня начала работ подкомиссий, которые приступают к работе через 2—3 дня.

Другой вопрос, если мы введем в строй так называемую крупную артиллерию в виде таможенной конвенции, санитарной, а немцы, со своей стороны, авторские и прочие конвенции. Мое мнение такое, что спутывать эти вопросы воедино, мы этим самым можем затянуть без конца теперешние переговоры по мелким вопросам и, таким образом, это мелкое воспаление превратится в гангрену в деле наших взаимоотношений с немцами.

При достаточно изменчивом политическом барометре стадии всеобщих перевыборов парламентов и изменений правительства по Западной Европе, эта канитель и затягивание переговоров мне кажется совершенно нецелесообразной. Я лично стою за то, чтобы эти переговоры кончить возможно скорее, расчистив поле для более крупных сражений при более ясной политической обстановке. При теперешнем безначалии в Германии трудно надеяться на получение определенных директив по таким крупным вопросам, как таможенные и прочие конвенции. Следовательно, техника работы будет протекать в невероятно тяжелой обстановке торга и канители, так как чиновники, понятно, не возьмут на себя ответственности за политическую сторону переговоров.

После некоторых прений внутри комиссии выяснилось, что эта точка зрения сделалась почти единогласной и была также одобрена наблюдательной тройкой (Шейнман, Крестинский, Шлейфер).

Мы как-то здесь, разбирая имеющиеся и намечающиеся товарные кредиты, пришли к заключению, что для нас было бы не особо большим счастьем получить теперь опять 2-х и 4-х-летние товарные кредиты, так как нам по оборудованию, пожалуй, нечего купить из-за отсутствия соответствующих контингентов.

Все больше и больше в нашей среде назревает такое настроение, что если можно было бы получить товарный кредит на товары широкого потребления в пределах 30—40 млн руб. на 2—2½ года, т.е. на три урожая, то это было бы теперь самым подходящим для получения свободных средств. После реализации товара внутри страны и вывоза соответствующего экспортного товара это нам даст нужные средства, если нельзя получить, понятно, займа дли-

тельностью на лет 10, что теперь, как видно, не скоро возможно будет организовать.

Вероятно, т. Шлейфер Вам напишет подробно по этому вопросу, так как мы могли бы начать подготовительную работу в этом направлении только при условии прямого поручения Наркомторга или лучше еще правительства с точным указанием, какие товары широкого потребления можно ввозить. Можно было бы образовать в Москве специальную комиссию или поручить одному товарищу специально эту работу, чтобы он после выяснения кредитных возможностей в отдельных странах и выяснения наличия товара и сроков поставки, мог бы эту операцию провести с таким расчетом, чтобы к новому урожаю иметь товары уже в стране.

Так как времени осталось немного, в лучшем случае, 5 месяцев, то дело это надо рассматривать, как срочное.

Можно было бы поручить всю эту работу т. Маковскому, но, к сожалению, мы его задержали здесь для переговоров с немцами, вероятно, на дней 10, так что он в отпуск сумеет пойти еще не скоро и, следовательно, для работы освободится в лучшем случае через 1½ месяца.

Было бы очень желательно знать Ваше принципиальное мнение по этому вопросу.

С товарищеским приветом К.М. Бегге

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 80-81. Заверенная копия.

№ 70

*Телеграмма заместителя председателя СНК СССР
Я.Э. Рудзутака и полпреда СССР во Франции В.С. Довгалевского
председателю СНК СССР А.И. Рыкову
о необходимости приезда в Париж А.Л. Шейнмана*

№ 1182

Спец.

21 февраля 1928 г.

35 Париж

Особо секретно

Москва, НКВД

Предсовнаркома Рыкову.

Считаем необходимым приезд Шейнмана из Берлина в Париж на 2 дня. Сроч[но шл]ите согласие.

Рудзутак, Довгалевский

Резолюция А.И. Микояна: Самое ненормальное, что от Шейнмана и Рудзутака нет ни одного письменного сообщения о переговорах. Я не возражал бы против приезда, если бы не соображения

т. Сталина, как расценят немцы сго выезд. Поэтому выезд не разрешать, потребовав письменного доклада, согласованного с Рудзутаком. А. Микоян.

Резолюция И.В. Сталина: Против. Неясно, для чего понадобился приезд. Не послужит ли приезд поводом для лишних разговоров о том, что мы переживаем кризис и посылаем в Париж Шейнмана для того, чтобы вымогать получение новых кредитов. Ст[алин].

Визы: А.И. Рыкова и В.В. Куйбышева.

ЛП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 89. Заверенный дешифрант.

№ 71

*Письмо И.О. Шлейфера А.И. Микояну
о беседах с представителями деловых кругов Германии
относительно предоставления кредитов для СССР*

21 февраля 1928 г.*
Секретно

Тов. А.И. Микояну

Дорогой Анастас Иванович,

Я хотел бы подвести некоторые итоги разговорам, которые я имел с отдельными лицами.

1. Из представителей правительственных кругов пришлось беседовать с министром финансов Кёллером, статс-секретарем Шубертом и рядом других лиц из министерств прусского и рейха.

Общее впечатление таково, что правительство имеет интерес к проведению мероприятий, содействующих расширению торговли и форсированию экспорта. Я не знаю, по чьему поручению, поручению ли правительства или отдельных министров, в Министерстве народного хозяйства имело место совещание по вопросу о целесообразности проведения кредитной операции. Правительство при разговорах с Крестинским указывало на то, что оно не отказывается поставить этот вопрос. Но вряд ли можно рассчитывать на то, чтобы актуальное решение по этому вопросу было принято, ибо вопрос проведения такой акции связан с вопросом о

* Датируется по упоминанию в документе о предстоящей встрече с руководителями немесских концернов "завтра 22 февраля".

выборах, но подготовительная же работа в министерстве, по всей вероятности, будет вестись.

2. Мы имели много встреч с людьми, которые, по всей вероятности, будут и в новом кабинете. Кох¹, один из лидеров Демократической партии Вирт и др. Нельзя сказать, чтобы те, которые могут стать членами правительства после выборов, отнеслись отрицательно к возможности проведения большой кредитной акции.

3. Со стороны банков отношение к кредитной операции более сдержанное.

“Дойче банк” во всей политике банков играет роль банка, связанного с английскими, французскими и американскими банками и, естественно, что “Дойче банк” весьма прохладно относится к идее финансирования нашей торговли. Один из старших директоров Штаусс, с которым я сегодня беседовал, заявил, что они участвовали в проведении 300-миллионного кредита, и этим самым, как будто хотел сказать, что пока эта операция еще не закончена, нельзя говорить о новой операции. Настроение и его и Вассермана из “Дойче банка” таково, что можно говорить о так называемом револьвинг-кредите, повторяющемся кредите, т.е., если наступят платежи по 300-миллионному кредиту, операция может быть возобновлена.

Мне кажется не совсем правильной линия Шейнмана в этом вопросе, который полагает, что в целях форсирования этой операции можно пойти на досрочный частичный платеж по германскому кредиту для того, чтобы ускорить проведение этой операции. Время и конъюнктура германской промышленности могут облегчить нам проведение кредитной операции без досрочного платежа. Это особо надо Вам учесть.

Другие банки, кроме “Рейхскредита”, в этом направлении более благожелательны, чем “Дойче банк”. Особенно “Приват унд-Коммерц-Банк”. В отношении большой кредитной акции роль банков будет пассивной, так как они не получают больших прибылей на наших операциях. Если бы банки получали на один какой-нибудь процент больше, их интерес к этому делу оживился бы. Однако если бы правительство провело через рейхстаг такие же решения, которые были приняты по 300-миллионному кредиту, то банки на это дело пошли бы и пожелали бы получить свою долю в этом деле.

4. Что касается промышленности, то у части промышленно-сти, заработавшей на делах с нами, интерес к проведению большой кредитной операции имеется. В кругах групп, которые ничего не получили по 300-миллионному кредиту, отношение безразлич-

ное или отрицательное. Вместе с тем, промышленники, являясь клиентами банков и зависящие от банков в отдельности, взятые вместе определяют политику банков. Через промышленность мы сможем тронуть лед к нашему делу и в банковской среде. Мы должны играть на интересах отдельных групп промышленности, в частности, среди деятелей общественных организаций, объединяющих промышленность. Я всемерно использовывал и думаю впредь действовать в этом направлении желание некоторых людей, вроде Кремера, – играть большую роль в выдвижении существенных для промышленности проблем и идей. Я имел с ним многочасовую беседу и условился, что большие идеи, которые, по-моему, в настоящее время носятся в воздухе и требуют своего оформления, ему под силу и он должен быть инициатором продвижения этих вопросов. Мы условились с ним иметь свидание с руководителями крупнейших концернов: “ИГЕ”², “АЭГ”, “Сименс” для того, чтобы обменяться мнениями по кредитному вопросу. Сейчас мне звонили, что эта встреча состоится завтра 22.02 в Союзе индустрии: будут все вожди промышленности. Работа в этом направлении должна вестись сейчас среди этих групп, по преимуществу, так как люди в правительстве больше будут заняты вопросами выборов, а ближайшие недели чиновничий мир будет посвящать приему афганского эмира.

Как я уже писал Вам раньше, вопрос сводится к наличию определенной программы возможных наших заказов по основным группам промышленности, как мелкой, так и крупной.

5. Что касается чиновного мира (министерияль-директоров и других влиятельных чиновников), которые готовят вопросы, то необходимо, чтобы они работали над нашими вопросами. Это существенно еще и потому, что обычно при всех сменах этот круг работников министерства остается, и мы не потеряем времени зря.

Кроме того, в случае прихода новых министров они уже соответствующим образом смогут их обработать и подготовить. По этой причине также важно поддерживать связи и встречи с людьми, которые могут быть назначенными после выборов членами правительства для того, чтобы их приучить к предполагаемым и нужным для нас планам и, кроме того, создать соответствующее у них настроение.

6. По целому ряду причин приходится также поднимать и концессионные вопросы. В ближайшие дни мне придется иметь разговоры с промышленными группами, имеющими интерес к производству тканей из искусственного волокна. Приходится говорить с группами, которые заинтересованы в автомобильном,

дорожном строительстве и т.д. Я полагаю, что Вы дадите Ваше согласие на то, чтобы по таким вопросам, касающимся концессионной политики, я мог бы, не принимая обязательств, все же с людьми говорить и создать у них концентрированный интерес к русским делам.

7. В отношении займов надо считать, что т. Шейнман, который вел это дело исключительно (я этим делом не занимался), уезжает без результатов. Я думаю, что это, главным образом, объясняется тем, что немецкие банки, участвуя в соглашении европейских банков, не допустят котировки облигаций русских займов впредь до урегулирования вопроса о долгах. Немцы все время стараются поставить вопрос о том, чтобы каким-нибудь актом или документом было установлено, что ст. 2-я Рапальского договора должна быть истолкована так, что в случае соглашения с каким-нибудь государством о довоенных долгах мы удовлетворим и немцев.

Тут имеется опасность, что если мы пойдем на это, мы можем не получить займа и пока заавансироваться в разговорах с немцами. Кроме того, тогда возникли бы общие, связывающие германские финансовые и хозяйственные круги с Францией и Англией интересы в деле нажима на нас на предмет удовлетворения должников.

Это обстоятельство заслуживает особого Вашего внимания.

Суммируя все сказанное, следует исходить из следующего:

1) Народно-хозяйственная обстановка Германии и оценка перспектив внешней торговли Германии толкают заинтересованные круги на проведение кредитной операции. Весь вопрос сводится ко времени, когда это сможет быть оформлено правительством.

2) Данное правительство относится положительно к такому делу, но нельзя сейчас определить, в какой мере оно возьмет на себя постановку кредитного вопроса, который свяжет будущее правительство, что сможет быть использовано противниками на выборах.

Промышленность в большей мере чем банки, сможет быть двинута для давления на правительство в сторону создания базы для финансирования этой операции.

Банковские круги относятся сдержанно к проведению большой кредитной операции, больше настроены поддерживать дела с нами за счет средств, поступающих по 300-миллионному кредиту, в то время когда со стороны промышленности и министерских работников сумма в 500–600 млн марок не считается преувеличенной.

3) Нам нужно иметь материал для заинтересования кругов сельскохозяйственной индустрии, не объединенной промышленности

путем заказа товаров производственного характера для сельского хозяйства, кустарей и т.д. При наличии такой программы мы могли бы ускорить проведение такой кредитной операции.

4) Последний вопрос – вопрос тактики. Затягивать ли нам решение по тем вопросам, которые сейчас обсуждаются на конференции, довести дело до конца, оставив разногласия по 3–4-м пунктам, связать окончание наших переговоров с кредитами или закончить наши переговоры, работать все время над вопросом подготовки кредитной операции и таковую реально проводить уже в мае-июне месяце?

С приветом Шлейфер

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 90–94. Подлинник.

¹ Кох-Везер Эрих (1875–1944) – депутат рейхстага Германии в 1919–1930 гг., председатель Немецкой демократической партии в 1927 г. и лидер фракции партии в рейхстаге Германии в 1923–1928 гг., в 1919–1921 гг. министр внутренних дел, в 1928–1929 гг. министр юстиции Германии.

² Т.е. “И.Г. Фарбениндустри”.

№ 72

*Выписка из протокола № 24 заседания коллегии НКВД СССР
с директивами по ведению переговоров в Берлине*

24 февраля 1928 г.

Сов. секретно

Слушали:

1. Экономические переговоры с Германией.

Постановили:

1. А) Предложить нашей делегации продолжать переговоры с немцами по утвержденной схеме, выделив, однако, из нее те несколько нижеупомянутых кардинальных вопросов, по которым не давать пока немцам нашего окончательного ответа, а заявить, что делегации необходимо будет получить по ним директивы из Москвы. Признать необходимым выждать с директивами по этим кардинальным вопросам до образования нового германского правительства и выяснения готовности германского правительства удовлетворить наши пожелания по вопросам большой программы переговоров.

Б) К числу кардинальных вопросов отнести:

- а) вопросы, связанные с толкованием статьи 1-й экономического соглашения;
- б) вопрос о сношениях экономического отдела германского посольства с нашими хозяйственными учреждениями и организациями;
- в) вопрос о ввозе образцов и оферт;
- г) вопрос о регистрации германских фирм.

В) Дать следующие директивы нашей делегации по вопросам, связанным с германскими требованиями и нашими контр-требованиями, изложенными в последнем списке т. Шлейфера.

А. Германские требования.

а) п. I. Требования немцев, связанные с толкованием ст. 1-й экономического соглашения отнести к кардинальным вопросам;

б) п. II. Одобрить предложения т. Шлейфера по этому пункту; если немцы с этим, однако, не согласятся, включить их требования в группу кардинальных вопросов, предрешив возможность в качестве второй позиции разрешить немцам сноситься, кроме Наркомторга, также и с ИНО ВСНХ, ГКК и НКФ;

в) п.п. III и IV. Одобрить предложения т. Шлейфера;

г) п. V. Согласовать вопрос с ВСНХ;

д) п. VI. Одобрить предложение т. Шлейфера;

е) п. VII. Вопрос о хранении товаров на консигнационных складах поручить Экпра¹ согласовать с Главным таможенным управлением в отношении техники и сроков хранения товаров на складах, согласно предложений немцев (6 месяцев);

ж) п.п. VIII и IX. Принять предложения т. Шлейфера.

з) п. X. Не возражать против предложения нашей делегации, отнеся все дальнейшие уступки по этому пункту к кардинальным вопросам;

к) п.п. XI, XII, XIV. Принять предложения т. Шлейфера.

л) п. XV. Вопросы, связанные с нотой № 3, дополнительно проработать, после чего дать соответствующие директивы нашей делегации.

м) п. XVI. Принять предложения нашей делегации и поручить отделу виз согласовать с ОГПУ проект упрощенной анкеты.

н) п. XVII. Принять предложения нашей делегации, но если немцы ими не удовлетворятся, связать обсуждения этого пункта с пунктом 1-м.

о) п. XVIII. Принять предложения тов. Шлейфера.

Б. Наши претензии.

а) Одобрить предложения нашей делегации по всем четырем пунктам наших претензий к немцам.

б) Настаивать перед немцами на праве открывать отделения торгпредства на территории Германии по согласованию с общегерманским правительством.

г) В связи с нежеланием германской стороны обсудить вопрос о заключении таможенной конвенции предложить нашей делегации заявить немцам о нашей готовности вести переговоры по всем конвенциям, вытекающим из договора от 12 октября 1925 г., только при условии установления юнктима между таможенной конвенцией, с одной стороны, и литературной, посылочной и о выдаче преступников, с другой. Признать воз-

возможным, если немцы пойдут на юнктим, вести переговоры по всем упомянутым конвенциям в Берлине, а не в Москве, как было решено коллегией ранее.

Д) Выяснить с Наркомпросом и ОГПУ возможность разрешить открыть одну школу с немецкой программой для детей сотрудников и служащих германского посольства и консульств и детей немецких граждан, временно пребывающих в СССР.

Е) Остаться при прежнем решении (см. схему) по вопросу о том, что орудия производства могут быть ввезены в СССР заинтересованным лицом только при въезде, и отклонить предложения немцев разрешить этим лицам также выписывать орудия производства.

Ж) Подработать и согласовать в недельный срок вопрос о приеме высылаемых, после чего дать директивы нашей делегации.

З) Предложить тов. Луначарскому поставить в Политбюро принципиальный вопрос о заключении литературной конвенции с Германией.

И) Предложить тов. Микояну поставить в Политбюро вопрос связывания вопросов большой и малой программы и об утверждении выше принятых решений для дальнейших переговоров с немцами.

К) Предупредить нашу делегацию, что, продолжая переговоры по вышеуказанным директивам с немцами, она, однако, должна иметь в виду, что они еще не утверждены Политбюро (Литвинов, Лоренц, Сабанин).

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 95-96. Заверенная копия.

¹ Экономическо-правовой отдел НКВД СССР.

№ 73

*Письмо И.О. Шлейфера А.И. Микояну и М.М. Литвинову
в связи с обсуждением вопроса
об охране промышленной собственности
и о товарных знаках в правовой комиссии*

№ 47/шг

25 февраля 1928 г.
Берлин

Народному комиссару торговли СССР
А.И. Микояну

Заместителю народного комиссара по иностранным делам
т. Литвинову

24 февраля на втором заседании правовой комиссии подвергся обстоятельному обсуждению вопрос соглашения об охране промышленной собственности.

Немцы развернули целый ряд весьма существенных претензий, из которых важнейшей является претензия о несоблюдении нами постановлений статьи 3 соглашения относительно регистрации довоенных товарных знаков. Вопрос Вам известен из предшествующей дипломатической переписки. Я только вкратце напомню Вам основные моменты дела.

Согласно ст. 5-й нашего закона о товарных знаках, изданного 12 февраля 1926 г., “не признаются товарным знакомы знаки, вошедшие во всеобщее употребление в качестве обозначения товаров известного рода”.

На основании этого постановления нами не регистрируется целый ряд таких товарных знаков, которые мы считаем товарными обозначениями, вроде: одоль, пиксафон, аспирин, нео-сальварсан и т.д.; все это ударяет, главным образом, немцев, потому что касается преимущественно медицинских и химических препаратов. Немцы считают нашу позицию в этом вопросе формально противоречащей постановлению договора от 12.10.1925 г. Действительно, в ст. 3-й соглашения о промышленной собственности указывается, что товарные знаки германских граждан, которые были зарегистрированы до 31 июля 1914 г., при их заявке теперь, могут требовать признания приоритета первоначальной заявки. При этом, термин приоритета не без основания комментируется германской стороной в том смысле, что при регистрации знака нужно исходить лишь из анализа положения, имевшего место при первоначальной регистрации знака.

Таким образом, немцы настаивают на том, чтобы мы при регистрации товарных знаков, которые уже были однажды зарегистрированы в России, исходили лишь из установления того факта, что эти знаки были зарегистрированы, а не из того, что за время империалистической и гражданской войн эти знаки в той или иной мере вошли в общий товарный оборот.

Я полагаю, что с точки зрения духа соглашения немцы, несомненно, правы. Конечно, наша позиция в этом вопросе основывается на довольно серьезных экономических соображениях, сводящихся к тому, что регистрация упомянутых товарных знаков лишит Госмедторгпром права и возможности выпускать эти ходкие и выгодные товары под этими получившими большое распространение названиями. Однако мне представляется, что нашу позицию перед немцами будет довольно трудно защитить и что формально немцы в своих притязаниях справедливо основываются на договоре.

Мы устроили по упомянутому вопросу в комиссии большую дискуссию и развернули аргументацию относительно необходимости толкования понятия приоритета не в столь узко-формальном смысле, а о необходимости принять при регистрации товарного знака во внимание имевшее место фактическое развитие и в каждом отдельном случае анализировать — является ли данный знак действительно товарным знаком. Немцы, однако, ставили вопрос довольно резко и подчеркивали, что применение нашего закона делает применение соглашения об охране промышленной собственности в части защиты товарных знаков иллюзорным.

Ввиду того, что этому вопросу придается немцами, по-видимому, большое значение (напомню, что этот вопрос в свое время уже служил предметом дипломатической переписки), я полагал бы, что нам следовало бы получить от Комитета по делам изобретений согласие на то, что мы не будем применять ст. 5 закона о товарных знаках к таким знакам, которые уже были зарегистрированы до 31 июля 1914 г.

Само собой разумеется, что уступку по этому вопросу, которой немцы будут придавать большое значение, мы предъявим лишь во второй стадии переговоров, когда будет подводиться баланс уступкам с обеих сторон.

С товарищеским приветом И.О. Шлейфер

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 140—140 об. Заверенная копия.

*Материалы по экономическому совещанию в Берлине,
направленные НКВнТ СССР в ЦК ВКП(б)*

25 февраля 1928 г.*
Сов. секретно

А. Германские требования

Тема и № статьи соглашения.	Германские требования:	Директивы Москвы:	Тактика:
Развитие советско-германского товарооборота и формы работы советских хозорганов с германским народным хозяйством (ст. I экономического соглашения)	Германские притязания в этой области, оставляя в стороне общие рассуждения о неудовлетворительности развития советско-германского товарооборота и необходимости материальной взаимности и т.д., относятся, главным образом, к торгпредству, которое исключает в своей работе в Германии советско-германский товарооборот: германскую торговлю, экспедиционный промысел, транспортный промысел и страхование. Одновременно высказываются жалобы на малый размер советско-германской торговли и на перемещение в другие страны традиционных германских заказов.		Намечается подвергнуть рассмотрению в комиссии по торговому обороту конкретные жалобы немцев, предъявив со своей стороны ряд жалоб на чинившиеся германскими фирмами затруднения к нормальному развитию товарооборота между СССР и Германией. При этом цифровыми данными подтвердить, что нами из германосоветского товарооборота не исключалась германская торговля, страхование и т.д.

* Датируется по преспроводительной записке.

II

О свободе сношений экономического отдела германского посольства в Москве (немцы ссылаются здесь на ст. 3 экон. соглашения, говорящую о свободе сношений нашего торгпредства в Германии, ставя вопрос, таким образом в области взаимности).

Немцы хотят получить свободу сношений с иными государственными органами, кроме НКИД и НКТорга, по-видимому, в крайнем случае соглашались на то, чтобы мы им указали те органы, с которыми мы допустим сношения экономического отдела посольства.

Не предусмотрены, так как в меморандуме Шуберта этот вопрос не стоял.

В качестве первой позиции разъяснить немцам, что мы разрешаем экономическому отделу посольства, соответственно коммерческому атташе, сноситься непосредственно с НКТторгом и его отделами, что это должно устроить немцев, так как НКТорг и его директораты являются наиболее компетентными для выдачи всех интересующих немцев справок. В случае необходимости уступок по этому вопросу снести с Москвой.

III

Вопрос о порядке выдачи лицензий, ст. 13 экономического соглашения.

Немцы обращают внимание на трудности при получении лицензий, особенно концессионерами. Они жалуются также на то, что выдаются безвалютные лицензии. Они указывают, что срок согласования концессионером условий покупок с торгпредством, указанный в нашем законе от 1923 г., нами не соблюдаются.

Прямо не предусмотрены.

Отстаивать в отношении концессионеров позицию, что условия выдачи лицензий концессионерам определяются концессионными контрактами. Рассмотреть с немцами в комиссии конкретные случаи и предложить, чтобы концессионеры вошли с ходатайством в ГКК, причем поскольку нам известно, [что] ГКК очень внимательно относится к обеспечению работы концессионеров.

IV

<p>Вопрос о запрещениях ввоза. (ст. 14 экономического соглашения)</p>	<p>Немцы жалуются на то, что они случайно узнают об устанавливаемых нами запрещениях ввоза. Они хотят возможно-го ограничения запрещения, а также официальных извещений о вводимых запрещениях.</p>	<p>Не предусмотрены.</p>	<p>Согласиться с тем, чтобы таможенные учреждения СССР так же как и таможенные учреждения Германии обменивались списками товаров, воспрещенных к ввозу в каждую страну немедленно по опубликованию этих постановлений. При этом разъяснить немцам, что это не касается тех товаров, которые в силу наших планов на тот или иной промежуток времени, не будучи воспрещенными к ввозу, нами не ввозятся.</p>
---	---	--------------------------	--

V

<p>О ремонтном ввозе. (ст. 17)</p>	<p>Немцы хотят проанализировать, почему ремонтный ввоз в течение истекших двух лет фактически не имел применения.</p>	<p>Не предусмотрены.</p>	<p>Выяснить конкретные пожелания немцев и снести дополнительно с Москвой.</p>
------------------------------------	---	--------------------------	---

VI

<p>Вопрос о почтовых посылках. (ст. 18 и 43)</p>	<p>Немцы: а) добиваются облегчений при ввозе почтовых посылок в 10 кг в СССР. б) добиваются транзита посылок на Восток.</p>	<p>Вопрос о посылочном ввозе из Германии отнести к посылочной конвенции, на заключение которой дать согласие. По транзиту посылок разъяснили, что мы не можем заключить конвенции с Персией и таким образом дать транзит</p>	<p>Заявить немцам, что вопрос о посылочном ввозе должен быть урегулирован посылочной конвенцией, на переговоры по заключению которой мы выражаем согласие. Одновременно с переговорами по всем другим конвенциям</p>
--	---	--	--

посылок в Персию Германии потому, что мы должны были бы автоматически дать этот транзит Польше.

предусмотреть договор от 12 октября. По вопросу о транзите посылки указать, что из постановлений договора для Германии не вытекает право транзита в страны, не имсющие с нами посылочного соглашения, каковой является Персия и что, таким образом, требования немцев фактически означают замаскирование предоставления транзита. Выявить таким образом от них постановки общей транзитной проблемы.

VII

Таможенные склады. (ст. 21 экономического соглашения)

а) Немцы указывают на то, что срок хранения товаров на складах, раньше бывший в 6 месяцев, ныне понижен на 1 месяц, причем введенное понижение было установлено с обратной силой. Это имсет отношение только к концессионным товарам. б) Кроме того, немцы претендуют на то, чтобы досмотр товаров, ввезенных на консигнационные склады, производился бы не через 7 дней после ввоза товаров, а при фактическом выпуске товара на рынок.

Не предусмотрено.

Разъяснить, что досмотр требуется ввиду того, что таможня несет ответственность за хранящиеся на се складах товары, и мы согласны отказаться от этого, если товары будут храниться на таких складах, на которых за их сохранность не отвечает таможня, или за печатью фирмы.

Поставить перед Москвой вопрос о возможном увеличении срока хранения товаров на таможенных складах до 6 месяцев для концессионеров и консигнационных товаров.

VIII

Информация о тарифах. (ст. 28 экономического соглашения)	Немцы жалуются, что им часто отказывают в тарифной информации.	Не предусмотрены.	Уточнить в комиссии понятие тарифной информации и согласиться на дачу необходимой информации.
--	--	-------------------	---

IX

Вопрос о ввозе домашней утвари и предметов личного потребления.	Немцы жалуются на то, что они в этом отношении ограничены списком, рассчитанным на пролетарское потребление.	Заявить немцам, что при ввозе пассажирами вещей действительно для своих надобностей, к ним будет применяться такой режим, который не поставит их в затруднительное положение.	То же с указанием, что продажа ввозных предметов будет рассматриваться как контрабанда.
---	--	---	---

X

Вопрос о ввозе образцов и образцов и офертов. (ст. 29 экономического соглашения и заключительный протокол к ст. 33 и ст. 38)	Немцы жалуются на то, что ввоз образцов и письменных оферт, сопровождающих образцы, поставит в затруднительное положение, особенно в отношении образцов медикаментов, идущих в адрес частных врачей.	Разрешить пропуск в адрес государственных лечебных и санитарных учреждений медицинских средств в дозированном виде (пилюли, таблетки и пр.). Те же средства в жидком виде до 10 гр. и всяких химикалий в любой упаковке каждого сорта, — в любой адрес.	Доказывать, что практика не противоречит договору. Указывать, что уже предоставление крупным фирмам (Игерусско) права в этом вопросе, что немцев — в значительной степени устраивает. В дальнейшем ходе переговоров придется пойти на уступки в этой области.
--	--	---	---

XI

Рекламы. (ст. 29 экономического соглашения)	Немцы жалуются на то, что мы чиним препятствия в отношении ввоза реклам.	Пропускать рекламы печатного характера в любом количестве. Рекламы не печатного характера пропускать в адрес организаций.	В части реклам печатного характера пойти на льготы в первой стадии переговоров. Льготы в отношении реклам не печатного характера предоставить в дальнейшем.
---	--	---	---

XII

Продажа товаров, ввозимых на ярмарки и выставки.	Немцы претендуют на то, что была бы допущена продажа их товаров, ввозимых на выставки и ярмарки.	Не предусмотрены.	Заявить немцам, что к товарам, ввозимым на ярмарки и выставки, применяются общие нормы, регулирующие ввоз в СССР, и что вопрос об условиях участия в выставках решится учредителями выставок и сообщается участникам при рассылке извещений.
--	--	-------------------	--

XIV

Консигнационные склады. (ст. 39 экономического соглашения)	Немцы подчеркивают, что консигнационные договоры развития не получили и что нужно принять меры для большего практического развития этих форм советско-германских отношений.	Не предусмотрены.	Подвергнуть вопрос предварительному обсуждению представителям торгпредства с заинтересованными представителями германской стороны.
--	---	-------------------	--

XV

Вопрос о ничтожности сделок по гражданскому кодексу, (нота № 3)	Немцы заявляют, что наши суды вынесли постановление о ничтожности (расторжении) сделок, несмотря на предписание ноты № 3.	Не предусмотрены.	Заявить немцам, что нота № 3 нами не только исполнялась, но и толковалась расширительно. Категорически отвергнуть в дальнейшем притязания немцев, требующих дальнейшего ограничения применения права, предусмотренного нашим гражданским кодексом.
---	---	-------------------	--

XVI

Вопросы въезда (ст. I договора о поселении)

Немцы жалуются на то, что их гражданам продолжают чиниться препятствия в отношении въезда и выдачи обратных виз, продления пребывания и т.д. Немцы жалуются на длинную анкету, особенно жалуются на то, что в этих анкетах предусматривается целый ряд ненужных вопросов, как-то: о принадлежности к партии и т.д.

Пойти на облегчение практики въезда путем выдачи местных виз также консулами, в случае соответствующего ходатайства местной власти.

Подвергнуть обсуждению конкретные случаи затруднений, которые чинились нами немцам. Предъявить со своей стороны наши претензии (шперфермеркс*). В отношении анкеты запросить директиву Москвы, в какой мере можно пойти на ее упрощ. В этой части упрощение необходимо.

XVII

Об облегчении допуска в СССР инженеров и техников. (ст. п. 2 заключительного протокола к ст. 2 соглашения о поселении)

Немцы претендуют на то, чтобы инженеров и техников допускали к технической помощи и к наблюдению за использованием закупаемых у немецких фирм машин.

Согласиться на технические консультации германских фирм.

Заявить немцам, что по мере действительной необходимости нами будут допускаться инженеры фирм, у которых нами закупается оборудование.

XVIII

Вопрос об экономическом шпионаже. (ст. 210 соглашения о поселении)

Немцы жалуются на то, что за время, истекшее со времени подписания договора, в вопросе об экономическом шпионаже наступило серьезное ухудшение, выразившееся в опубликовании известного списка сведений, распространение которых считается шпионажем.

Не предусмотрены.

Напомнить немцам, что при переговорах по торговому договору мы никаких обязательств ограничения списка не взяли, наоборот, указали, что список этот будет впоследствии издан. Сослаться на то, что действующий закон, уточняющий положение, до сих пор не ухудшал, а улучшал его.

* Запретительная отметка (нем.).

Остальные пункты требований немцев по предложенной справке (параграф)...* еще не прошли в пленуме.

Б. Наши претензии

Тема и статьи соглашений	Ответ немцам:	Требования немцев	Тактика
Вопросы товарооборота (см. п. I германских претензий [к] таможенной конвенции)	Мы передали немцам меморандум с предложением приступить к переговорам о таможенной конвенции.	Немцы отказываются от увязки таможенной конвенции с происходящими переговорами, заявляя, что за компенсации по таможенным пошлинам они будут требовать компенсации в области товарооборота (контингенты)	Настаивать на увязке таможенной конвенции с переговорами в целях всяческого давления на немцев по всякому удобному поводу, вместе с тем учитывая доводы, сообщенные в прилагаемом при сем письме. Необходимы директивы НКторга и НКИД относительно дальнейшей линии поведения в этом вопросе, т.е. можно ли в дальнейшем отказаться от этой увязки, создав юнктим между всеми конвенциями, вытекающими из договора от 12 октября 1925 г., и назначив твердые сроки переговоров.
II			
Таможенные тарифные вопросы. (ст. 26 экономического соглашения)	Мы предъявили ряд конкретных претензий в отношении отдельных товаров, тарификации которых являются замаскированным нарушением принципа наибольшего благоприятствования. К этим товарам относится:	Немцы согласились на рассмотрение этой претензии в комиссии.	Настаивать на проведении в жизнь наших предложений. Список этих товаров сообщаем.

* Отточис документа.

фанера, икра, картофель, огурцы, нефтепродукты, консервы, фрукты)

III

Ветеринарный вопрос. (добавление к ст. 2 экономического соглашения)

Мы предъявили целый ряд претензий, в которых указали на неблагоприятное применение упомянутого добавления.

Немцы согласились на рассмотрение этих претензий в комиссии.

Пытаться в комиссии поставить вопрос расширительного смысла предъявлением ряда наших претензий, формально не вытекающих из торгового договора. В случае категорического отказа немцев ограничиться только проведением тех наших пожеланий, которые могут найти формальное обоснование в торговом договоре (фанера, огурцы, фрукты и т.д.).

IV

Вопрос об отделениях торгпредства. (ст. 2 экономического соглашения)

Мы претендуем на то, чтобы соответствующие постановления договора толковались в том смысле, что торгпредство при открытии отделений не нуждается в разрешении ландов.

Немцы категорически отвергают толкование, считается, что ланды могут отказывать нам в разрешении, подчеркивая, что от заинтересованных кругов было получено отрицательное заключение по вопросу об открытии нами отделений в Кёльне, Мюнхене. Указывается, что возможно в результате переговоров эта отрицательная точка зрения компетентных кругов изменится.

Пытаться отстаивать нашу правовую позицию. В крайнем случае удовлетвориться согласием немцев на открытие еще отделения в Кёльне, Мюнхене и Бремене.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 117-124. Копия.

* Зсмель

*Письмо Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову
о желательности скорейшего завершения
советско-германских экономических переговоров*

№ 173/с

27 февраля 1928 г.
Секретно

Тов. Литвинову
Копия: т. Чичерину*

Многоуважаемый Максим Максимович,

Настоящее письмо посвящаю вопросу о наших экономических переговорах с Германией.

Наша точка зрения (я имею в виду московскую точку зрения) была до сих пор примерно такова: надо пойти на ряд уступок по мелким, выдвинутым немцами вопросам, но обусловить эти уступки, во-первых, дачей нам кредитов и, во-вторых, уступками немцев в таможенных пошлинах на наши главнейшие экспортные товары. Предпосылкой такой нашей позиции была во-первых, уверенность, что германские промышленники чрезвычайно заинтересованы в наших заказах и будут поэтому давить на правительство в смысле дачи нам кредитов, во-вторых, непризнание того факта, что мы в течение двух лет действия торгового договора в некоторых, хотя и не особенно существенных пунктах его систематически нарушали.

Прошло две недели разговоров и в комиссии Шлейфера-Вальрота, и с самыми разнообразными людьми за кулисами этой комиссии. Шейнман уехал в Москву уже в несколько ином настроении, чем, по-видимому, уезжал отсюда. Еще сильнее, по моему, изменилось настроение Шлейфера. В чем заключались эти изменения? Не в том, чтобы товарищи потеряли надежду на получение кредитов. В этом отношении они оба, так же, как и я, остаются оптимистами, они понимают невозможность связывания наших уступок в комиссии Шлейфера с кредитами и особенно с таможенными уступками.

Что мы можем дать немцам в комиссии Шлейфера? Во-первых, мы можем прекратить нарушение договора в вопросе об образцах, пассажирском багаже и других так называемых мелочах. За это нам, конечно, никакой компенсации не дадут. Затем мы мо-

* Копии письма направлены также В.М. Молотову, А.И. Рыкову, И.В. Сталину и А.И. Микояну.

жем пойти на уступки в вопросе о сроках хранения товаров на таможенных складах, в вопросе о более благоприятном отношении к регистрации фирм и в вопросе о расширении прав экономического отдела германского посольства. Эти уступки психологически очень важны для общественного мнения и германских промышленников, но материально они имеют ничтожное значение, и никаких материальных компенсаций за эти уступки нам получить не удастся. Мы можем получить за это уступку в вопросе об открытии отделений торгпредства и в целом ряде других вопросов толкования торгового договора.

Таможенную конвенцию немцы согласны обсуждать одновременно с другими конвенциями, но заранее предупредили, что на уступки в вопросе о пошлинах они пойдут лишь за компенсацию какого-либо иного рода. Конвенцию об авторском праве такого рода компенсацией они считать не будут. Здесь у нас высказывалась вскользь мысль, не следует ли приступить здесь немедленно параллельно с нынешними разговорами к обсуждению всех конвенций. Эта мысль не была, однако, поддержана, так как всем ясно, что переговоры о конвенциях протянутся много месяцев и что поэтому нам невыгодно связывать их с нынешними переговорами, которые в обоюдных интересах должны закончиться скорее. Я был бы за то, чтобы фиксировать с немцами время и место начала переговоров о конвенциях, причем, может быть, можно настаивать даже на Москве, не связывая срока начала этих переговоров с нынешними шлейферовскими переговорами. Это обозначает снятие таможенных льгот, как одного из наших требований при ныне ведущихся переговорах.

Точно так же я был бы сторонником того, чтобы не связывать тех уступок, на которые мы должны пойти во время шлейферовских переговоров с какими-либо твердыми обещаниями по вопросу о кредитах. Эти две вещи несоизмеримы. Правительство сейчас ничего обещать не может. Свою же добрую волю пойти нам навстречу в проведении кредитов отдельные члены правительства выявили, эта их добрая воля не зависит от тех маленьких уступок, которые мы сделаем при наших переговорах. Скорейшая ликвидация нынешних переговоров, несвязывание их конца с ответом на вопрос о кредитах усилит добрую волю тех членов правительства, с которыми мы здесь говорили. Совершенно так же обстоит дело с промышленниками и общественным мнением. Среди них имеется сейчас известное предубеждение против нас. Изжитие этого предубеждения является предпосылкой возможности вести практические разговоры о кредитах. Затяжка нынешних шлейферовских переговоров будет и внутри Германии, и вовне производить не-

благоприятное впечатление серьезных разногласий между нами и немцами, будет ухудшать, а не улучшать атмосферу для кредитных переговоров. Лучше уступить немцам в шлейферовской комиссии немножко больше, но закончить скорее переговоры, чтобы об них скорее забыли, чем пообещать большую уступку, но оттянуть ее на долгое время. Мне кажется ошибочной та точка зрения, что наши переговоры о кредитах и займах будут поставлены в худшие условия, если нынешние конфликтные переговоры Шлейфера-Вальрота будут уже позади. Правительство и промышленники будут настроены по отношению к нам лучше, а банки в вопросе о кредитах все равно не явятся инициаторами, они будут действовать под давлением правительства и промышленников.

Я не знаю, успею ли я показать это письмо до его отправки тт. Шлейферу и Бегге, которые находятся сейчас в Аусамте на заседаниях комиссии. Если не успею и не припишу об этом, то рассматривайте это письмо, как выражение моего индивидуального мнения, хотя я не сомневаюсь, что это мое мнение отражает все более и более настроения ведущих переговоры товарищей.

Их отношение к этому моему письму Вам дополнительно протелеграфирую. Не задерживаю письма для согласования, так как хочу, чтобы оно было у Вас до ближайшего четверга.

Прилагаю Вам 2 лишних экз., чтобы Вы могли послать их тт. Шейнману и Микояну.

С товарищеским приветом

Помета: Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 125-127. Копия.

№ 76

*Письмо И.О. Шлейфера А.И. Микояну
о ходе экономических переговоров в Берлине
и о проблеме возмещения довоенных долгов*

27 февраля 1928 г.

Секретно

Тов. А.И. Микояну

Дорогой Анастас Иванович,

I

Сегодня Крестинский посылает письмо в НКВД, в котором он высказывает свое мнение по вопросу о нашей тактике ведения переговоров. В общем и целом его мнение не расходится с моим,

но находится в некотором противоречии с решением коллегии НКВД. Я получил письмо т. Литвинова, из которого видно, что Литвинов соглашается с намеченной линией поведения, чтобы и по второстепенным вопросам мы пошли на уступки. Что касается вопроса относительно регистрации фирм и вопроса о работе экономического отдела германского посольства, вопроса о ввозе образцов и оффертов, вопроса о неисклужении германской оптовой торговли из нашего оборота, то по этому вопросу не приходится к соглашению пока не будут выяснены кредитные перспективы.

Я полагаю, что если кредитные перспективы отдалаются вследствие недостаточной обработки хозяйственных кругов Германии, отсутствии устойчивого правительства и предстоящих выборов, мы должны всю работу вести так, чтобы дело представилось таким образом, чтобы мы закончили работу по возможности быстрее и тем самым продемонстрировали устранение всех препятствий к расширению торговли, направив все внимание германского хозяйства на дело организации кредита в СССР. В этом отношении так я понимал нашу тактику. Боюсь, что НКВД понял наше предложение не совсем правильно. Так как такой вопрос несомненно будет стоять в инстанции, было бы важно, чтобы Вы провели решение в таком направлении, в каком найдете стратегически полезным.

II

Я считаю необходимым сообщить Вам, что советской колонией в Берлине открыта советская школа. Вокруг школьного вопроса идет большая борьба партий, и открытие школы реакционной прессой было раздуто вовсю. Немцы настаивают на том, чтобы в Москве могла быть образована частная немецкая школа для детей немцев, приезжающих в СССР.

Я указал, что вопрос об открытии школы определяется программой этой школы. Таким образом, если эта программа не будет находится в противоречии с нашей программой и духом нашей школы, я мог бы поставить этот вопрос перед Наркомпросом. Я воспользовался тактически тем, что этот вопрос у нас стоит под рубрикой "вопроса о свободе религий", и иронически указал, что, хотя наша делегация не занимается вопросами германской политики, но, поскольку нам известно из газет, вокруг школьного вопроса идет борьба партий, и выборы будут иметь одним из лозунгов – школьный вопрос.

Мы полагаем, что в Москве тем меньше оснований требовать религиозной школы. Все же по этому вопросу мы должны иметь директиву Москвы.

III

Дорогой Анастасий Иванович!

К сожалению, должен указать, что письма, направляемые в Москву, очевидно, попадают к Вам с большим опозданием. По письмам, которые были Вам посланы мною в Москву, в копии Наркоминделу, я сегодня видел у Крестинского протокол № 24 заседания коллегии НКВД, который дает ответы на поставленные вопросы. Между тем, от Вас, которому это письмо направлено непосредственно, я не получил директивы. Я не могу проводить в жизнь эти решения Наркоминдела без получения непосредственных указаний от Вас, что ставит меня в трудное положение.

Хотя я знаю, в какой мере Вам сейчас приходится заниматься вопросами не только Наркомторга, но и общей политики, прошу Вас по возможности уделить несколько больше времени тем вопросам, которые я ставлю, так как всякая задержка в ответах затягивает нашу работу, а мне очень хотелось бы по возможности скорее вернуться в Москву и несколько разгрузить Вас от той дополнительной работы, которую Вам приходится брать на себя по внешней торговле.

IV

Я вместе с тем просил бы Вас переговорить с Чичериным о линии поведения в отношении немцев по вопросам, вытекающим из Рапальского договора в том случае, если будет достигнуто соглашение с французами по старым долгам. По этому вопросу у т. Крестинского с Шейнманом возникли разногласия. Сообщу Вам сущность вопроса и мою точку зрения.

Четыре года тому назад бывший министр юстиции, работающий у крупного банкира Мендельсона, запросил Крестинского, как он отнесется к факту создания общества держателей русских займов в Германии. Мендельсон был самым крупным кредитором бывшей России. Крестинский на это ответил, что по Рапальскому договору немцы отказались от возмещения по долгам и что оговоркой, в случае, если будет соглашение по долгам с другими странами, немцы будут поставлены не в худшие условия, но предполагалось, что немцы должны содействовать другим странам получить по долгам. Создание такого общества повлечет за собой соглашение такого общества с аналогичными обществами во Франции и других странах на предмет воздействия на СССР в смысле уплаты по долгам. Шеффер договорился, что это общество не будет официально создано. Когда начались переговоры с

французами, Крестинский этому же Шефферу, обратившемуся к нему, ответил, что пока речь идет о кредитных вопросах, а вопрос о долгах еще не решен.

Так как Шейнман понимает, что вопрос размещения займов в Германии без урегулирования вопроса о долгах встретит решительное противодействие банков, он высказывается за обещание немцам, что в случае платежей французам мы по долгам им уплатим.

Я лично считаю, что такое обязательство давать не следует, так как это неизбежно повлечет за собой усиленный контакт французских, английских и немецких банков, а, может быть, и американских в деле предъявления требования по старым долгам. Если мы сейчас можем преодолеть всякие тенденции к кредитной блокаде или давлению на СССР, то это главным образом потому, что конкуренция банков, боязнь банков других стран, что Германия все же нам кредиты будет давать, облегчит положение с кредитами.

Если же мы создадим непосредственный программный интерес для германских банков, то это скажется на давлении этих банков и на нас не только в Германии, но и в других странах. Ответ может быть таков. Никто не собирается пересматривать Рапалльского договора. Соглашение с Францией является вопросом затяжного характера. Над этим вопросом мы пока еще не думаем.

Во всяком случае ответ должен быть уклончивый, поскольку мы не питаем надежд на то, что нам удастся в ближайшее время добиться займов в Германии. Поэтому, имея журавля в небе, не надо давать синицу в руки немцам.

Давление хозяйственных кругов Германии на правительство будет иметь место и при этих условиях. Некоторое противодействие банков делу получения кредитов вряд ли может изменить решение правительства по данному вопросу.

С приветом И. Шлейфер

Помета: В ЦК ВКП(б).

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 139-140. Заверенная копия.

*Записка наркома по военным и морским делам СССР
и председателя Реввоенсовета СССР К.Е. Ворошилова
И.В. Сталину о предполагаемом приезде в СССР
полковника рейхсвера Р. Миттельбергера¹
и взаимном участии командиров РККА
и рейхсвера в полевых занятиях и маневрах**

№ 0183

28 февраля 1928 г.
Сов. секретно

В Политбюро ЦК ВКП(б)

тов. Сталину

Прошу поставить на ближайшем заседании Политбюро следующие вопросы:

1) О приезде в СССР полковника Миттельбергера, ближайшего сотрудника начальника рейхсвера генерала Хайе по русским вопросам;

2) О взаимной командировке командиров РККА и рейхсвера в Германию и СССР на военные занятия и маневры в 1928 г.

По существу этих вопросов сообщаю:

Рейхсвер желает командировать полк. Миттельбергера в СССР для ознакомления с имеющимися у нас немецкими учреждениями в Липецке и Казани² и некоторыми учебными заведениями РККА.

Полагаю, что поскольку немцы дали возможность прибыть в Германию на учебу ответственным работникам РККА – тт. Уборевичу³, Эйдеману⁴, Аппоге⁵, мы не имеем формального повода не удовлетворить просьбу немцев.

Вопрос о взаимном обмене командирами для участия на полевых занятиях и маневрах РККА и рейхсвера поднят одновременно немцами и нами. Опыт прошлого года (на наших маневрах и тактических занятиях участвовало 7 офицеров рейхсвера и нами было командировано в Германию для этой же цели 11 командиров РККА) дал для РККА весьма ценные результаты.

Полагал бы целесообразным и в этом году организовать взаимную посылку командиров в размере 1927 г.

С коммунистическим приветом Ворошилов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 135. Подлинник.

¹ Миттельбергер Риттер – полковник, заместитель начальника оперативно-го управления штаба рейхсвера Германии.

* *Штамп: Прот[окол] ПБ № 12, п. 16.*

² Имеется в виду авиационное училище в Липецке и танковое училище в Казани.

³ Уборевич Иероним Петрович (1896–1937) – в 1925–1928 гг. командующий войсками Северо-Кавказского военного округа, в 1928–1930 гг. Московского военного округа, в 1930–1931 гг. заместитель председателя РВС СССР и начальник вооружений РККА, в 1931–1937 гг. командующий войсками Белорусского военного округа.

⁴ Эйдеман (Эйдеманис) Роберт Петрович (1895–1937) – в 1924–1932 гг. начальник и комиссар военной академии им. Фрунзе, в 1932–1937 гг. председатель Центрального совета Осоавиахима СССР.

⁵ Аппога Эрнест Фрицевич (1898–1937) – комкор, начальник III управления ВОСО (военные сообщения) штаба РККА.

№ 78

*Телеграмма И.О. Шлейфера А.И. Микояну
о ходе экономических переговоров в Берлине*

№ 1315

28 февраля 1928 г.

Берлин

Строго секретно

Экз. № 2

Москва, Микояну

Получили постановление коллегии НКВД по экономическим переговорам с Германией. Коллегия предлагает делегации выделить из малой программы несколько кардинальных вопросов, по которым не давать ответа с целью затянуть переговоры до решения вопроса о кредитах. В связи с нашим сообщением, что вопрос о кредитах может быть решен лишь после образования нового правительства, вероятно, через несколько месяцев, правильно тактически закончить переговоры по малой программе скорее. Поддерживаем свое предложение не затягивать переговоры по малой программе, закончить их возможно скорее, чтобы договориться по торговому договору с настоящим правительством. Урегулирование всех вопросов по торговому договору явится лучшей подготовкой к переговорам по большой программе и создаст благоприятную для нас обстановку в Европе для переговоров с другими странами. На совещании с Крестинским и Шейнманом мы решили по некоторым важным пунктам не уступать на комиссии и держать в качестве резерва для пленума при окончательном сбалансировании всех вопросов малой программы. Постановление НКВД вместе с этой постановкой связывает вопрос о кредитах, что неправильно. Ждем ответ.

Шлейфер

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 128. Заверенный дешифрант.

№ 79

*Телеграмма М.М. Литвинова Н.Н. Крестинскому
о причинах перерыва советско-германских
экономических переговоров в Берлине*

№ 1033
Спец. 85
Подп. 1059

1 марта 1928 г.
Особо секретно
Немедленно

Берлин, полпреду

Сегодняшние решения подробно протелеграфирую завтра или пошлю диппочтой. Пока же для Вашей ориентации сообщаю вкратце, что решено закончить переговоры в Берлине в 7–10 дней, ограничившись второстепенными вопросами и резервируя ответ по особо выделенным важнейшим вопросам, мотивируя перерыв переговоров, между прочим, кампанией германской печати и выдвиганием политических вопросов вроде дорапалльских претензий. Шейнман в Берлин не вернется. Не решайте ничего до получения более подробных директив.

Литвинов

Штамп: Сталину.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 136. Копия.

№ 80

*Телеграмма М.М. Литвинова Н.Н. Крестинскому
о разглашении в германской прессе
конфиденциальных бесед советских представителей
на экономических переговорах в Берлине*

№ 1034
Спец. 86
Подп. 1060

1 марта 1928 г.
Особо секретно
Немедленно

Берлин, полпреду

Ранцау вчера обещал мне протелеграфировать Аусамту об искажении телеграммы Шеффера касательно пионеров и побудить к тому же самого Шеффера. Искажение произошло на телеграфе или в редакции. Я жаловался Ранцау, что конфиденциальные разговоры Рудзутака и Шейнмана с германскими министрами стали достоянием гласности и послужили основанием для враждебной нам кам-

пани в прессе, на которую вынуждена отозваться и наша печать, благодаря чему создастся атмосфера, затрудняющая переговоры и соглашение. Ранцау обещал и об этом протелеграфировать. Кроме того, он пошлет в Берлин Генке¹ якобы по этому же делу.

Литвинов

Штамп: Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 137. Копия.

¹ Генке Андор (1895–1984) – личный референт посла в СССР У. Брондорф-Ранцау в 1922–1928 гг., секретарь немецкой делегации на советско-германских экономических переговорах в 1928 г. в Москве, помощник статс-секретаря МИД Германии, в 1940 г. возглавлял немецкую делегацию на смешанной советско-германской комиссии по пограничным вопросам в Москве.

№ 81

*Телеграмма Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову
относительно директивы Политбюро ЦК ВКП(б)*

о прекращении советско-германских экономических переговоров

№ 1496

Спец. 76

2 марта 1928 г.

Берлин

Особо секретно

Немедленно

Москва, НКВД

Литвинову. Предварительная информация о вчерашних решениях сообщенных Вашими №№ 85, 86, 87, также директива, полученная Шлейфером от Микояна на основании тех же решений, для нас неожиданна и непонятна. Переговоры идут благоприятно и мирно. Немецкая сторона не давала в прессу никаких сообщений о конфиденциальных кредитных разговорах, наоборот, вечером 18 февраля “Берлинер Тагеблатт” дал почерпнутую не из немецких источников информацию, где говорилось и о кредитных переговорах. Аусамт по собственной инициативе опроверг это сообщение. Ни разу не ставили германское правительство или германская делегация вопроса о дорепалльских претензиях. Проведение в жизнь директивы принесло бы вред только нам. Сегодня шлем с тов. Кантером письма, просим о пересмотре вчерашнего решения. До получения моего письма просьба задержать начало выступлений в нашей прессе, о которой Вы говорили Ранцау. В понедельник по получении точного текста директивы и мотивирующего письма напишу подробно.

Крестинский

Штамп: Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 654. Л. 157. Заверенный дешифрант.

№ 82

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “Об экономических переговорах с Германией”**

№ П 15/опр. 1/с

9 марта 1928 г.
Строго секретно
Из “Особой папки”

Принять предложение тт. Сталина и Микояна.

Отклонить предложения тт. Шлейфера и Крестинского о новых уступках, подтвердить прежнее решение инстанции и предложить московской части делегации выехать в Москву не позже 17 марта.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 1. Копия.

№ 83

Письмо Н.Н. Крестинского Г.В. Чичерину с разъяснением позиции советской делегации на советско-германских экономических переговорах

№ 213/с

10 марта 1928 г.
Секретно

Тов. Чичерину
Копия т. Литвинову**

Многоуважаемый Георгий Васильевич,

Только что пришла телеграмма, сообщающая, что вчерашним постановлением инстанции отклонены наши предложения о некоторых дополнительных уступках немцам и что московской части делегации предложено выехать не позднее 17 марта.

Таким образом единственным результатом всех наших возражений является продолжение срока пребывания делегации здесь. Ничего не поделаешь. Приходится подчиняться и проводить в жизнь постановление, как бы ошибочным оно нам здесь ни представлялось. Я считаю, однако, необходимым после того, как мы

* Принято опросом членов Политбюро от 9 марта 1928 г. Выписка из протокола № 15 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 9 марта 1928 г. Направлена А.И. Микояну, Г.В. Чичерину, И.О. Шлейферу, Н.Н. Крестинскому шифром.

** Копии направлены членам Политбюро ЦК ВКП(б) и членам коллегии НКВД СССР.

получили здесь и Ваши совместные с т. Микояном телеграммы, и привезенное сегодня Литвиновым письмо т. Микояна точно указать, в чем заключается действительное разногласие между нами и Москвой. Разногласие это заключается отнюдь не в том, что мы упускаем из виду переговоры о кредитах и займах, которые не могут принять реальный характер до июня месяца. Нет. Мы все время имеем их в виду, но мы считаем, что успех или неуспех тех переговоров зависит от взаимной экономической и политической заинтересованности Германии и СССР. Германия заинтересована в наших заказах. Мы заинтересованы в кредитах. В 1925 г. при кризисе германской промышленности заинтересованность Германии в наших заказах была больше, чем наша заинтересованность в кредитах. Поэтому инициатива 300-миллионного кредита исходила от немцев, а мы могли даже диктовать им некоторые условия. Сейчас наша заинтересованность в кредитах несколько больше, чем немецкая заинтересованность в наших заказах, поэтому инициатива исходит от нас. Я не считаю большой ошибкой, что мы уже теперь заявили о нашем желании получить кредиты. Ведь немецкой стороне нужно несколько месяцев для того, чтобы переварить этот вопрос и практически его подготовить. Если бы мы поставили вопрос о кредитах только в июне, мы не получили бы кредитов раньше поздней осени. Теперь же не исключено, что мы получим их к концу лета. Нашу большую заинтересованность мы эквивалентуем тем, что мы выдвинули скрытую угрозу размещения заказов в других странах, и тем, что мы апеллировали к общим политическим интересам. Я смотрю оптимистически на возможность получения кредитов и не думаю, чтобы нам для этого могли понадобиться компенсации такого типа, как маленькая уступка в вопросе о регистрации немецких фирм или как разрешение немецким фирмам посылать их оферты непосредственно в адрес некоторых наших хозяйственных организаций. Эти компенсации настолько незначительны, что или немцы дадут нам кредиты и без этих компенсаций, или откажут нам в кредитах, несмотря на эти компенсации. Компенсацией при кредитных переговорах может быть наше обязательство в определенном проценте непременно использовать предоставленные кредиты, другими словами, кредит нам будет предоставлен при условии некоторого контингентирования¹ наших заказов, выдаваемых на базе данного кредита.

Те компенсации, которые Вы предлагаете нам сохранить для второй стадии переговоров, с нашей точки зрения в тот момент практической ценности представлять не будут. В настоящий же

¹ Уравновсшивасм (с лат.).

момент отказ в уступках по этим вопросам представляет очень большой минус с немецкой точки зрения, затруднит нам дружественное окончание переговоров, не даст нам возможности получить от немцев те уступки, которые мы могли бы получить уже в этих переговорах, — именно, удовлетворяющее нас заявление по работам статистической комиссии и разрешение на открытие отделений торгпредства.

Особенно важно было бы сделать дальнейшие уступки теперь, когда аресты немецких инженеров в связи с Донбассовским процессом² нависли грозовой тучей над нашими переговорами. Вот почему я еще раз стараюсь убедить Москву в правильности наших предложений. Если Вы и т. Микоян согласитесь с нами, поговорите со Сталиным, попробуйте убедить и его.

Это письмо я посылаю через т. Кобецкого³. Он передаст его Вам в понедельник 12-го числа. Завтра утром выезжает через Ригу т. Рудзутак. Он остановится на один день в Риге и приедет в Москву, очевидно, в среду к обеду. Хорошо было бы, если бы Вы поговорили и с ним. Он стоял до сих пор на нашей здешней точки зрения.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 2–3. Копия.

¹ Ограничения путем установления контингентов товаров, в 1932 г. германским правительством эти ограничения были введены на ввоз советских сельхозпродуктов.

² Имеются в виду судебный процесс по шахтинскому делу и аресту нескольких немецких специалистов.

³ Кобецкий Михаил Вениаминович (1881–1937) — в 1924–1933 г. полпред СССР в Дании, в 1933–1934 гг. уполномоченный НКВД СССР при СНК ЗСФСР, в 1934–1937 гг. полпред СССР в Греции.

№ 84

*Письмо заведующего отделом
Центральной Европы НКВД СССР В.Л. Лоренца
советнику полпредства СССР в Германии С.И. Бродовскому
о проблеме экономического шпионажа*

№ 3Ц/15274

10 марта 1928 г.
Секретно

Полпредство СССР в Германии
тов. Бродовскому

Многоуважаемый Стефан Иоахимович,

Как и следовало ожидать, германская сторона поставила довольно остро вопрос об экономическом шпионаже. Как это видно

из протокола. Правовой комиссии, позиция немцев очень слаба в этом вопросе ввиду того, что они не могут указать конкретных случаев расширительного применения нашего декрета о шпионаже. Из теперешних настроений совершенно исключена возможность изменить перечень в сторону его сокращения, и мы поэтому решили искать другого выхода из создавшегося положения. Немцам необходимо дать отпор за то, что они поднимают вопрос об экономическом шпионаже, не имея к этому никакого основания из практики последних трех лет. Но вместе с тем необходимо будет им дать новое заверение в том, что и в дальнейшем наша практика по отношению к немцам будет столь же благоприятна. Поэтому нам представляется самым правильным предложить немцам ноту по этому вопросу, примерное содержание которой Вы усмотрите из прилагаемой при сем копии докладной записки.

С товарищеским приветом Лоренц

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 5. Копия.

Приложение

*Докладная записка В.Л. Лоренца в коллегию НКВД СССР
с проектом заявления германской стороне
об отсутствии фактов экономического шпионажа
в советско-германских отношениях*

9 марта 1928 г.
Секретно

В коллегию НКВД

По ходу берлинских переговоров немцы подняли вопрос об экономическом шпионаже. Их жалобы не имеют конкретного характера и сводятся к общим, но довольно резким указаниям на то, что последнее постановление Совнаркома об экономическом шпионаже создает для немцев большую неопределенность в этой области.

Принимая во внимание, что немцы не могут привести ни единого случая из практики и вместе с тем в целях нейтрализации их общих жалоб, отдел Центральной Европы предлагает поручить нашей делегации сделать по ходу берлинских переговоров заявление примерно следующего содержания:

Советская делегация выражает свое крайнее изумление по поводу того, что с германской стороны высказывается недовольство по поводу действующего в СССР порядка преследования по за-

кону за экономический шпионаж, между тем, как в течение двух-летнего действия договора от 12 октября 1925 г. на практике не возникло ни одного случая, дающего повод для подобного недовольства, и с германской стороны по этому вопросу не поступило никаких жалоб в отношении конкретных случаев.

Подчеркивая, что предшествующая практика применения закона от “ ”* апреля 1926 г.¹ не привела ни к каким недоразумениям и что эту благоприятную практику с советской стороны менять не предполагается, советская сторона констатирует, что затронутый вопрос не нуждается в дополнительном договорном урегулировании.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 6. Копия с копии.

¹ Имеется в виду подписанный СССР с Германией Договор о ненападении и нейтралитете от 24 апреля 1926 г.

№ 85

*Письмо Н.Н. Крестинского Г.В. Чичерину
с оценкой хода советско-германских
экономических переговоров и причин их перерыва*

№ 237/с

19 марта 1928 г.
Секретно

Тов. Чичерину

Копия т. Литвинову – Москва

Многоуважаемый Георгий Васильевич,

Вы пишете, что в своем разговоре с Брокдорфом-Ранцау особенно подчеркивали нелогичность германского правительства, которое, желая наказать нас, прервало работы экономического совещания, созданного по инициативе немцев и долженствовавшего принести выгоды им, а не нам. Получается впечатление, что этот перерыв для нас является до известной степени желательным. Поскольку это является официальной версией для немцев и для общественного мнения, я никаких возражений против такой трактовки иметь не могу. Но я боюсь, как бы [мы] сами не приняли этой версии всерьез. Намек на это я вижу в Вашей телеграмме и в Вашем письме, в которых Вы говорите, что у нас высказывается мнение, что немцы хотели избавиться от неприятной им нашей делегации и воспользовались представившимся им благоприятным поводом.

* Пропуск в тексте.

Эта точка зрения представляется мне глубоко неправильной, и для восстановления правильной перспективы я напомним историю всего этого совещания.

Осенью 1927 г. в прессе началась кампания против нас. Кампания эта нашла себе отражение и в заседании комиссии рейхстага по иностранным делам в самом конце октября месяца. Нападки на нас были нескольких сортов. Во-первых, нас обвиняли в нарушении отдельных положений торгового договора, в излишнем бюрократизме и стеснениях, чинимых немецким фирмам и т.д. Во-вторых, утверждали, что мы недоброжелательно относимся к Германии, не развиваем достаточно нашего импорта из нее, покупаем в Германии только в кредит, а более выгодные закупки, при этом закупки за наличные, переносим в другие страны. Приводилась соответствующая статистика. Многие из того, что писалось, было неправильно. В частности, неправильны или, по крайней мере, не совсем правильны были основные обвинения, относившиеся к размерам и тенденциям нашей торговли с Германией. Но важно не это. Важно то, что вся эта кампания отражала довольно серьезное разочарование в нашем рынке со стороны германских промышленных кругов. Кое у кого это разочарование основывалось на неправильных статистических выкладках некоторых враждебных нам журналистов. У большинства же это было результатом их собственных наблюдений и переживаний в работе с нами. Вы знаете, что это настроение нашло себе отражение и в некоторых официальных документах. Например, в годовом отчете Гамбургской торговой палаты говорилось о разочаровании немецких хозяйственных кругов в торговле с СССР и о том, что перед хозяйственными кругами встает вопрос: оправдал ли себя торговый договор и имеет ли смысл сохранять его в прежнем виде, или надо думать об его основательном пересмотре. О таких же настроениях в Союзе германских промышленников мы знали и от самих представителей этого Союза, и от Аусамта, и от Министерства народного хозяйства, и от наших не занимающих официального положения друзей, например, от Вирта, который передавал мне о небывалом прежде недоверчиво равнодушном отношении к нам в комиссии по иностранным делам, основанном при этом не на политических, а на хозяйственных мотивах.

Выдвигая проект экономического совещания, германское правительство имело в виду открыть клапан, через который могли бы выйти стеснившиеся пары недовольства хозяйственников, и этим спасти возможность прежнего политико-экономического сотрудничества с нами. Конечно, германское правительство, а особенно русский отдел Аусамта, вдохновляемый Ганом, хоте-

ли на этом и кое-что заработать, добившись от нас некоторых уступок. Поэтому-то Аусамт так настаивал на присылке хотя бы одного основного переговорщика из Москвы. Немцы считали, что приезжий человек, во-первых, будет менее берлински-ведомственно настроен, во-вторых, будет обладать более широкими полномочиями в смысле уступок по мелким, большей частью техническим, вопросам.

Для кого это совещание было нужнее и выгоднее? Кто мог обойтись без него? Я думаю, что если бы германская сторона предложила нам обойтись без этого совещания, то мы были бы только довольны. Ясно, значит, что возможность созвать или не созвать совещание была у немцев, а не у нас. Мы не могли отказаться от этого совещания, ибо понимали, что отказ от этого совещания произвел бы очень тяжелое впечатление на германские промышленные круги и отразился бы на наших дальнейших кредитных и иных возможностях в Германии. Поэтому я считаю, что благополучное окончание этого совещания лежало, главным образом, в наших интересах, и что безрезультатный конец его, особенно при тех условиях, в которых это произошло, больше ударяет по нам, чем по ним.

Как шли работы совещания? Работы совещания шли сравнительно благоприятно для нас. Правда, последние директивы, полученные т. Шлейфером, несколько затрудняли такое окончание работ конференции, которое бы удовлетворило и нас, и немцев, и сняло бы с порядка дня все прежние взаимные неудовольствия, вытекающие из практики применения договора нами и немцами. Но тем не менее была все-таки возможность договориться и, отложив на будущее несколько вопросов, по всем остальным мелким, но многочисленным спорным пунктам добиться единомыслия. Мы стояли уже перед такого рода концом: большинство подкомиссий закончило работы. Оставались лишь некоторые вопросы, связанные с правом поселения, и статистическая подкомиссия. В этой последней подкомиссии существовал еще ряд разногласий. Но немцы в своих сообщенных нам материалах уже отказались от части своих прежних утверждений и признали некоторые наши цифры. Между Шлейфером и Вальротом было согласовано окончание работ конференции с точным обозначением сроков всех комиссионных и пленарных заседаний. Вырисовывались уже контуры резолюций, и ясно, что к 20 марта товарищи могли бы уехать в Москву с вполне законченной работой.

Разрыв, по моему глубокому убеждению, произошел только вследствие конфликта, вызванного арестом немцев и позицией германской индустрии. У нас решительно никаких оснований

утверждать, что немцы стремились к разрыву. Если бы это было так, то тогда, когда Шлейфер заговорил о необходимости для него уехать 17-го, они ухватились бы за это и предложили бы сделать перерыв. Они же вместо этого стали уговаривать Шлейфера остаться еще на несколько дней, чтобы по настоящему закончить работу, а когда выяснилось, что он все же должен торопиться, тогда они сделали над собой усилие, и приспособились к предложенному Шлейфером темпу работы.

Может быть, некоторые из участников немецкой делегации, которые были лично связаны с осенней кампанией против нас и для которых наша победа в статистической подкомиссии обозначала бы личное поражение, как например, Ган, и рады тому, что произошел перерыв, но Ган слишком маловлиятельная фигура для того, чтобы он мог в какой-либо мере влиять на решения германских промышленников и германского правительства о перерыве совещания. Как бы ни было, может быть, нам приятно считать, что перерыв был предрешен немцами и все равно произошел бы, если бы даже мы никаких немцев не арестовывали, мы должны все-таки откровенно сказать себе, что этот перерыв произошел только в результате донецко-немецких арестов.

Я не ставлю сейчас вопроса о том, какую нам нужно предпринять тактику, когда Аусамт обратится к нам с предложением возобновить работы конференции. Тут придется подумать и о том, возобновлять ли работы, и о том, когда возобновлять, и даже о том, где. Вероятно, мы уже не пойдем на эти переговоры так втемную, как на этот раз, когда мы только здесь, в Берлине, узнали конкретные жалобы и пожелания немцев. Та стадия переговоров, на которой они прервались, дает возможность еще до новой встречи настолько подготовить вопросы, что встреча будет носить самый короткий характер. Весь этот комплекс вопросов мы сможем обсудить тогда, когда получится соответствующее сообщение Аусамта в зависимости от военно-политического положения в тот момент.

Я ничего не пишу в этом письме о деле немецких инженеров, об истории прохождения этого вопроса здесь, так как этому вопросу были посвящены два моих письма от 17 марта, одно т. Сталину в копии Вам, другое Вам с копией т. Литвинову, которые я послал через тов. Шлейфера.

С товарищеским уважением Н. Крестинский

Помета: т. Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 34-37. Копия.

*Письмо И.В. Сталина Н.Н. Крестинскому
о действительных причинах перерыва
советско-германских экономических переговоров в Берлине*

21 марта 1928 г.
Сов. секретно

т. Крестинскому

Копии гг. Шлейферу и Чичерину

Письмо Ваше на мое имя читал, т. Крестинский. Я не согласен с Вами по всей линии вопросов, затронутых Вами в письме. Дело вовсе не в Гольдштейне¹ и его освобождении. Немцы и без всяких арестов в Донбассе отпустили бы Шлейфера и других с пустыми руками ввиду несостоятельности и критического положения нынешнего германского правительства, так же как они отпустили с пустыми руками поляков. Немцы лишь использовали аресты и прикрылись ими для того, чтобы взвалить на нас вину за перерыв, продемонстрировали вместе с тем свою готовность лишний раз ущемить нас и тем кое-что выторговать у наших противников. А Вы, т. Крестинский (и Шлейфер), саботируя решение ЦК партии о немедленном отъезде в Москву, помогли немцам ущемить нас, добившись того, чтобы выпроводили с позором из Берлина русскую делегацию. В этом все дело, а не в Гольдштейне и тем более не в вопросе о том, что Чичерин чего-то не сказал Ранцау или Ранцау не так выразился и т.д. Вы и Шлейфер грубейшим образом нарушили большевистские традиции нашей партии, торгуясь с инстанцией целую неделю и отложив таким образом отъезд делегации до момента, пока ее не вышвырнули из Берлина.

Что касается Ваших переговоров со Штреземаном и другими об арестованных немцах, то Ваше поведение стало теперь притчей во языцах. Представитель свободного государства не может вести переговоры в таком тоне, в каком Вы сочли нужным вести. Разве трудно понять, что немцы наглейшим образом вмешиваются в наши внутренние дела, а Вы, вместо того, чтобы оборвать немцев, продолжаете любезничать с ними. Дело дошло даже до того, что “Франкфуртер Цайтунг” публикует о Ваших разногласиях с Москвой по вопросу об аресте немцев. Дальше идти некуда.

С коммунистическим приветом И. Сталин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 47. Подлинник.

¹ Гольдштейн -- немецкий специалист, работавший в СССР, арестованный в связи с “шахтинским делом”.

№ 87

*Записка помощника начальника
Разведывательного управления штаба РККА А.М. Никонова¹
в ЦК ВКП(б) о поездке в Германию
группы командиров высшего начальствующего
состава РККА на маневры рейхсвера*

№ 044527/сс

21 июня 1928 г.
Сов. секретно

ЦК ВКП(б)

тов. Марьясину²

Командование германского рейхсвера по опыту предыдущих лет предложило нам в текущем году (примерно в августе) командировать на полевые поездки рейхсвера 8 командиров Красной армии.

Это предложение (как и в предыдущие годы) сделано на взаимных началах – предусматривает присутствие на наших маневрах 6-ти германских офицеров, причем в этом году немцы в числе шести посылают ответственных руководителей нынешней германской армии – начальника штаба рейхсвера генерала Бломберга³ и др.

Председатель РВС СССР тов. Ворошилов назначил к командированию в Германию на маневры рейхсвера следующих:

1. тов. Якира⁴ – комвойск УВО
2. тов. Эйдемана – начальника Военной академии
3. тов. Боброва⁵ – начарта УВО
4. тов. Тодорского⁶ – комкора 5
5. тов. Боброва⁷ – начальника 1 отдела штаба МВО
6. тов. Серпокрылова⁸ – начальника 1 отдела штаба БВО
7. тов. Федько⁹ – начальника 1 отдела штаба СКВО

Восьмым будет т. Уборевич, находящийся ныне в Германии. Прошу поставить этот вопрос в ЦК ВКП(б).

За начальника IV управления штаба РККА Никонов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 92. Подлинник.

¹ Никонов Александр Матвеевич (1893–1937) – начальник 3-го отдела (1924–1929 гг.) Разведывательного управления и одновременно помощник начальника Разведывательного управления.

² Марьясин Лев Ефимович (1894–1938) – в 1927 г. заместитель заведующего орграспредотделом ЦК ВКП(б), затем член правления Госбанка СССР, заместитель председателя правления Госбанка СССР, в 1934–1936 гг. председатель правления Госбанка СССР и заместитель наркома финансов СССР.

³ Бломберг Вернер фон (1878–1946) – начальник Войскового управления рейхсвера (1927–1929 гг.), командующий войсками I военного округа в Восточной Пруссии (1929–1932). В 1929 г. совершил поездки в СССР, Австрию, Венгрию, в 1930 г. – в США. Член германской военной делегации на конференции по разоружению Лиги наций в Женеве (1932).

⁴ Якир Иона Эммануилович (1896–1937) – В 1925–1937 гг. командующий войсками ряда военных округов, в то время Уральского. В 1930–1934 гг. член Революционного военного совета СССР.

⁵ Бобров Борис Иосифович (1896–1937) – начальник артиллерии Уральского военного округа.

⁶ Тодорский Александр Иванович (1894–1965) – в 1928–1929 гг. помощник командующего войсками Белорусского военного округа, в 1933–1936 гг. начальник военно-воздушной академии, в 1936–1938 гг. начальник Управления высших военно-учебных заведений РККА.

⁷ Бобров Николай Михайлович (1873–1937) – начальник I отдела штаба Московского военного округа.

⁸ Серпокровлов Матвей Степанович (1895–1937) – начальник I отдела штаба Белорусского военного округа.

⁹ Фелько Иван Федорович (1897–1939) – с 1922 г. командующий Кавказской армией, войсками Приволжского военного округа, заместитель командующего Особой Дальневосточной армией, командующий Приморской группы войск, в 1937–1938 гг. командующий войсками Киевского особого военного округа, в 1938 г. первый заместитель наркома обороны СССР.

№ 88

*Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о командировании группы командиров РККА на германские войсковые маневры**

№ ОБ/48/3 г.с.

2 июля 1928 г.
Строго секретно
Из “Особой папки”

Слушали:

Просьбу РВСР санкционировать командирование для участия на всегерманских войсковых маневрах (на взаимных началах):

1. т. Якира И.Э. (комвойск УВО),
2. т. Эйдемана Р.П. (начальника Военной академии),
3. т. Боброва Б.И. (начальника Арга УВО),
4. т. Тодорского А.И. (комкора 5),

Постановили:

- а) Не возражать.
- б) Вопрос внести на утверждение Политбюро¹.

* Выписка из протокола № 48 заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) 2 июля 1928 г. Направлена в Политбюро ЦК ВКП(б) 3 июля 1928 г.

5. т. Боброва Н.М. (начальника 1 отдела штаба МВО),
6. т. Серпокрылова М.С. (начальника 1 отдела штаба БВО)
7. т. Федько И.Ф. (начштаба СКВО),
8. т. Уборевича.

Секретарь ЦК С. Косиор

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 90. Подлинник. Печать ЦК ВКП(б).

¹ 4 июля 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило данное постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) (АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 90).

№ 89

*Записка Г.В. Чичерина А.И. Микояну
об условиях транзита германских товаров через СССР*

№ 574/чс

6 июля 1928 г.
Секретно

Тов. Микояну

Копии: т. Сталину, т. Рыкову, т. Рудзутаку, т. Молотову,
т. Аралову, т. Хинчуку, т. Шейнману, т. Карахану

Уважаемый товарищ,

С окончанием шахтинского дела надо нам активнейшим образом приняться за подготовку экономических переговоров с Германией. Между нами и т. Крестинским встал на этой почве серьезный спорный вопрос. Мы считаем, что предоставление Германии транзита является одним из наших главных козырей в предстоящих переговорах. Мы должны дать Германии простой транзит через смешанные общества, и этот простой транзит должен быть дан за компенсацию. Наоборот, т. Крестинский хочет, чтобы мы дали односторонне Германии свободный транзит в те страны, с которыми у нас существуют торговые договора. По мнению т. Крестинского, это должен быть бесплатный подарок. Мы с этим не согласны. Тов. Крестинский указывает на то, что немцы даже не заговаривают о транзите. Мы убеждены, что эта сдержанность немцев объясняется тем, что они не хотят заблаговременно демаскировать свои позиции и признать свою заинтересованность. Если бы они выражали нетерпение по вопросу о транзите, они ослабили бы свои позиции. Возможно, что они, кроме того, надеются получить транзит в страны Востока путем предоставления нами этим странам импортного транзита. Этот

транзит представляет для Германии такую важность, что надо дать его только за серьезную компенсацию. Именно поэтому не надо нам попасть в ловушку, которую нам расставляют Швейковский и Шлезингер в связи с Рустранзитом. Если мы дадим Германии транзит через посредство Рустранзита или другого смешанного общества, мы сами лишим себя своего козыря.

С товарищеским приветом Чичерин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 96. Копия.

№ 90

*Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК ВКП(б)
о преждевременности экономических переговоров
с Германией*

№ 593/чс

14 июля 1928 г.

Сов. секретно

Экз. № 1

В Политбюро ЦК ВКП(б)

Копии: членам Политбюро,

членам коллегии НКВД

Мне казалось бы преждевременным ставить уже теперь вопрос о предстоящих торговых переговорах с Германией, пока отношение Германии к этим переговорам не выяснено. В Германии о них много говорят, из разных указаний видно, что к ним готовятся, но абсолютно неясно, имеет ли в виду германское правительство приступить к этим переговорам немедленно или же по истечении некоторого времени. Сам т. Крестинский в связи с нашим запросом после принятия Политбюро постановления о будущих переговорах с новым германским правительством указывает, что в германских правящих кругах распространено мнение, что переговоры не могут начаться сразу. В этом отношении имеются различные мнения. Именно поэтому надо сначала выяснить положение, прежде чем принимать решение. Я предложил бы поэтому отсрочить всякие решения по вопросу о будущих экономических переговорах с Германией до более точного выяснения настроений германского правительства и германских хозяйственных сфер.

Наркоминдел Георгий Чичерин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 97. Подлинник.

*Докладная записка С.И. Бродовского Н.Н. Крестинскому
по поводу возобновления экономических переговоров с Германией*

16 июля 1928 г.
Сов. секретно

Докладная записка полпреду т. Крестинскому

Из московской переписки о так называемом “возобновлении переговоров” видно, что в Москве господствует полная неясность в этом вопросе. Он представляется Москвой приблизительно так: переговоры были прерваны по известному поводу, повода этого нет, переговоры можно возобновить. Вопрос лишь престижа, кому проявить инициативу, а также какую жертву принести, чтобы задобрить германскую сторону, обиженную шахтинским процессом. Между тем вопрос стоит совершенно иначе. Во время самих переговоров, в особенности, под конец ясна была вся их никчемность. Девять десятых переговоров это были мелочные германские жалобы, по мелким вопросам, на которые мы реагировали главным образом такими же жалобами с нашей стороны. Единственным серьезным вопросом это было наше предложение относительно таможенной конвенции, а также поднятый обеими сторонами вопрос заключения конвенций, предвиденных торговым договором. Вопроса о кредитах я не считаю, потому что он и формально, и фактически не был связан с этими переговорами.

Из длинного списка жалоб надо отметить лишь одну серьезную, которую можно определить лишь одним словом — статистика, но и эта жалоба вместе со всеми другими потеряла всякую актуальность. Говорить теперь о них значило бы говорить о прошлогоднем снеге. После того, как мы доказали неправильные выводы статистики, вряд ли кто-нибудь найдется с немецкой стороны, кто бы вернулся к этому вопросу.

Февральские переговоры были начаты по инициативе германской стороны, в ее интересах, в первую очередь, поэтому и инициатива должна выйти и нынче с германской стороны. Это не вопрос престижа, а просто логический вывод из того, что германская сторона имела и, по-видимому, имеет какие-то требования, а не мы предъявляем требования германской стороне. Наши требования (таможенная конвенция и др.) выдвигались до переговоров и могут быть выдвигаемы ныне совершенно независимо от прерванных переговоров. Но об этом по-видимому в Москве не думают, а по-видимому по дошедшим до нас сведениям там разрабатывается программа не наших требований, а наших уступок

и жертв экономического характера, чтобы задобрить обиженную Германию, причем Германия таких жертв даже и не требует. Робкие намеки о гарантиях неприкосновенности не касаются, как известно, никаких формально договорных актов. Никаких жертв нам приносить не нужно, необходимо сделать, если дойдет до каких-нибудь переговоров и разговоров, те совершенно справедливые уступки, которые совершенно не идут вразрез с нашими интересами, а, наоборот, являются выгодными для обеих сторон. Об этих уступках Вы уже написали т. Чичерину. Быть может, что немцы предъявят еще какие-либо требования такого порядка, в удовлетворении которых мы отказывали из-за нашей косности, и мы сможем уступить, но жертв никаких приносить не нужно. Что касается различных мелочей, то они могут быть изжиты путем повседневной дипломатической работы. Резюмируя все сказанное, предлагаю над февральскими переговорами поставить крест, сказать об этом совершенно открыто германской стороне, она понимает это не хуже нас, как видно из разговора Шлезингера с т. Штейном, а, кроме того, сказать, что если германская сторона имеет еще какие-то пожелания и требования, мы в любое время готовы ее выслушать и вступить в переговоры по поводу этих требований. Одновременно нужно германской стороне сказать опять-таки совершенно открыто, что остались еще незаключенными некоторые конвенции, что мы готовы тоже вести переговоры и о них.

Если Вы разрешите, то я могу поставить весь этот вопрос в разговоре с Дирксеном, не делая это впрочем в строго официальной форме, а в форме свободного обмена мнений.

Я не затрагиваю вопроса о кредитах, потому, что этот вопрос не связан органически с февральскими переговорами, а является нашим перманентным требованием. В разговоре с Дирксеном можно затронуть и этот вопрос без официальной постановки определенного требования.

Кстати при случае разрешаю себе высказать мнение, что высказанное недавно в одной из газет требование пересмотра торгового договора, хотя и было инспирировано, не может быть воспринято нами серьезно. Это была простая угроза ради нажима по шахтинскому делу. Денонсирование договора со стороны Германии было бы шагом вредным не только нам, но и Германии. Отношения Германии с союзниками вовсе не такие, чтобы они могли бы разрешить себе такую роскошь и продемонстрировать ухудшение отношений с нами.

Бродовский

Помета: т. Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 98–99. Копия.

*Письмо Г.В. Чичерина Н.Н. Крестинскому
о подготовительной работе к возможному возобновлению
советско-германских экономических переговоров*

№ 64

19 июля 1928 г.

Сов. секретно

Экз. № 2

Тов. Крестинскому
Уважаемый товарищ,

Докладная записка т. Бродовского от 16 июля свидетельствует о том, что полномочное представительство в Берлине совершенно неправильно представляет себе, какая задача лежит на нашем аппарате в связи с возможными переговорами с Германией по экономическим вопросам. Остается много вопросов, урегулирование которых настоятельно требуется для успешного развития наших хозяйственных связей с Германией. Вопросы, которые берлинское совещание окончательно не урегулировало, должны получить свое разрешение в том или другом виде. Мы совершенно не предпрещаем вопроса о том, как мы урегулируем эти вопросы: путем ли совещания, как это было в Берлине, или в обычном дипломатическом порядке, и когда именно, теперь или несколько позже. Но в каком бы порядке переговоры эти ни велись, нам необходимо к ним подготовиться. Эта подготовка требует большой проработки всех вопросов с заинтересованными ведомствами. Эта работа и производится в данный момент. В начале недели было совещание у т. Шлейфера, где был намечен дальнейший порядок разработки вопросов, оставшихся открытыми после берлинского совещания. Далее было совещание в отделе Центральной Европы с представителями Главконцесскома по вопросам нашей концессионной практики. В ближайшие две недели в Главконцесскоме должны будут быть проработаны все вопросы, вызывающие нарекания германских концессионеров. Часть вопросов, вызвавших нарекания германских концессионеров, получит благоприятное для них разрешение (вопросы железнодорожного тарифа, вопросы удовлетворения претензий). Особенно трудно будет, однако, разрешить вопрос о поведении профсоюзов по отношению к концессиям. Мы предполагаем поставить этот вопрос на обсуждение президиума ВЦСПС. Все эти вопросы отнимают много времени и много усилий, но эту работу необходимо проделать как можно скорее. Есть и большие вопросы по конвенциям; по таможен-

ной, которая интересует в первую очередь нас, и по конвенциям, поднятым обеими сторонами. Разработка этих конвенций займет значительное время в комиссиях Совнаркома, и мы ее не можем не проделать теперь, поскольку эти конвенции предусмотрены договором 1925 г.

Совершенно непонятно, откуда т. Бродовский получил информацию, будто в Москве “разрабатывается программа не наших требований, а наших уступок и жертв экономического характера”. У нас разрабатываются те вопросы, которые еще в прошлом году мешали развитию наших экономических отношений с Германией и некоторые из которых Вы упоминали в своем предпоследнем письме. Заново мы поднимаем лишь вопрос о транзите, и нашу точку зрения по этому вопросу Вы хорошо знаете.

В своем последнем письме Вы признаете, что “кредиты трудно получить, когда есть раздражение против нас”. Работа, которой заняты в настоящее время наши отделы вместе с заинтересованными ведомствами, имеет целью наметить решения, которые должны устранить существующее в Германии раздражение.

Нельзя согласиться с т. Бродовским, что результаты работ статистической комиссии потеряли всякую актуальность. Наоборот, результаты работ этой комиссии именно теперь приобретают весьма важное значение, так как доказывают, что в Германии были неправы, говоря в течение многих месяцев о каком-то “разочаровании”, утверждая, что трехсотмиллионный кредит не оправдал себя и т.д. Через все доступные каналы мы должны не уставать напоминать и промышленным, и правительственным кругам результаты работ статистической комиссии.

Я остановился так подробно на этих вопросах для того, чтобы дать Вам картину той работы, которая продельвается в Москве в предвидении неизбежных разговоров на эти темы с германским правительством. Повторяю, что у нас совсем не решен вопрос, в какой форме мы эти переговоры будем вести и когда мы к ним приступим; по этому вопросу мы, естественно, ждем инициативы со стороны германского правительства.

С товарищеским приветом Чичерин

Помета: т. Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 100–101. Копия.

№ 93

*Запись беседы Н.Н. Крестинского
со статс-секретарем МИД Германии К. Шубертом
о польско-литовском конфликте, румынских займах
и об отношении СССР к пакту Бриана–Келлога¹**

21 июля 1928 г.
Секретно

Запись разговора с статс-секретарем Шубертом
21 июля 1928 г.

Сегодняшняя встреча с Шубертом была обусловлена при последнем совместном со Стомоняковым посещении. Шуберт обещал тогда информировать меня о своих шагах по отношению к Польше и Литве, а также подробно рассказать мне, как обстоит дело с румынскими займами.

Придя вместе с Якубовичем, я напомнил Шуберту об этой заранее обусловленной цели моего визита.

Шуберт начал довольно бессвязно припоминать содержание последних телеграмм Мората из Ковно об его разговорах с Вольдемарасом и с Зауниусом². Короткий рассказ Шуберта сводился к тому, что Морат ничего не добился от Вольдемараса, что несколько более благоразумным оказался Зауниус и что Морат будет еще раз видеть Вольдемараса. Говорил Шуберт с заметным раздражением против Вольдемараса.

Я напомнил Шуберту, что при нашем последнем разговоре мы все трое – он, Стомоняков и я, – мало надежды возлагали на то, что нам удастся склонить Вольдемараса к уступчивости. Мы говорили о том, что несмотря на неуступчивость Вольдемараса, нам все-таки надо будет попытаться спасти Литву путем давления на Польшу непосредственно и через посредство западных держав.

Шуберт тогда припомнил, что он действительно говорил об этом и припомнил даже довольно точно свою формулировку. Формулировка его сводилась к тому, что он выждет сначала результатов разговоров Мората и представителей Антанты с Вольдемарасом, и лишь после этого обратится к Польше и Антанте. При этом он еще предполагал обдумать, в какой именно форме он будет упоминать о 15-й ст. статута Лиги наций и о предполагаемых насильственных действиях против Литвы. Так как разговоры Мората с Вольдемарасом еще не закончились, а о демаршах

¹ Копии направлены членам Политбюро ЦК ВКП(б).

представителей Антанты он еще не информирован, то было еще преждевременно начинать акцию по адресу Польши и западных держав.

Условились, что для дальнейшего разговора по поводу этой акции я зайду к нему на следующей неделе.

Прежде чем перейти к румынскому вопросу, я, по просьбе Стомонякова, обратил внимание Шуберта на один момент, который не успел подчеркнуть сам Стомоняков. Говоря с нами о литовском проекте пакта о ненападении, Шуберт очень резко характеризовал его нелепость и говорил, что он абсолютно противоречит постановлению Лиги наций от декабря прошлого года. Я сказал, что Шуберт может, конечно, в разговоре с нами и в разговоре с Вольдемарасом называть его проект противоречащим декабрьской резолюции; если он сделает это на заседании Лиги наций, то это будет ударом по Литве. Между тем, по мнению Стомонякова, проект Вольдемараса формально не противоречит декабрьской резолюции.

На это Шуберт возбужденно сказал, что, по его глубокому убеждению, вольдемарсовский проект является издевательством над декабрьской резолюцией и что немцы показали бы на совете Лиги наций смешными, если бы они попытались доказывать, что проект не противоречит постановлению лиги. Единственным выходом для Вольдемараса является снять этот проект, не защищать его в Женеве. Тогда Шуберт на все вопросы по поводу этого проекта сможет отвечать, что не стоит говорить о прошлом и о прошлых ошибках. Усилия Мората направлены теперь на то, чтобы убедить Вольдемараса отказаться от этого проекта. В этом смысле Шуберт послал сегодня или вчера большую телеграмму Морату. Он просит и нас не прекращать нашего давления на Вольдемараса.

Далее я еще раз подчеркнул, что Вольдемарас упорствует и не идет на уступки из-за внутреннеполитических соображений. Это мы должны и сами принять во внимание, а главное, давать такое объяснение неуступчивости Вольдемараса другим державам. Шуберт сказал, что этот аргумент он принимает, но также не так абсолютно, как Стомоняков. Он понимает, что Вольдемарасу трудно идти на уступки, но и германскому правительству нужно было преодолеть немалое внутреннее сопротивление для заключения Локарнского договора. Германское правительство нашло в себе силы сделать этот необходимый шаг. Должен найти эти силы и Вольдемарас. Внутренние трудности велики, но не непреодолимы. А иначе он должен уйти и уступить место более сильному и смелому министру-президенту.

Я заметил на это, что, может быть, в Литве нет более сильного и смелого человека, что с этим и нам, и Германии приходится считаться.

Шуберт ответил, что он не каждый день занимается литовскими делами, что он поэтому не знает всех литовских политиков, но допускает, что может быть, один какой-нибудь получше Вольдемараса и нашелся бы. Он думает, однако, что можно еще добиться от Вольдемараса некоторых шагов по пути уступок, а это даст возможность снять польско-литовский вопрос с дальнейшего обсуждения в Лиге наций без того, чтобы была принята неблагоприятная для Литвы резолюция.

Должен сказать, что я почти никогда прежде не видел Шуберта в таком нервном и раздраженном состоянии, как во время той части свидания, когда он говорил о Литве и Вольдемарасе.

Переходя к румынскому вопросу, Шуберт попросил разрешения позвать заведующего экономическим отделом министерства директора Риттера, который лучше его объяснит положение дела с румынскими займами. В ожидании Риттера я, сославшись на его вопрос о Зеебольде³ во время последнего свидания, сказал, что, как я могу ему доверительно сообщить, в Москве имеется в виду на этих днях прекратить дело Зеебольда и выслать его из СССР. Вошедший Риттер, услышавший конец моей фразы, сказал, что только что получено об этом зашифрованное сообщение из Москвы.

Румынские финансовые операции, сказал Риттер, состоят из двух займов. Один заем, так называемый интернациональный заем, устраиваемый французским банком "Блерию". Об этом займе газеты пишут, что он уже заключен и заключен на сумму 250 млн долларов. На самом же деле, насколько известно Риттеру, то соглашение, которое на днях подписано, не является еще договором о займе, а лишь предварительным соглашением, в котором отсутствуют такие важные условия, как выпускной курс и размер процента. Кроме того, в этом предварительном соглашении говорится не о 250, а о 80 млн долларов. Немецкие частные банки были приглашены принять участие в этом займе. Они ответили отказом. Отказ не является принципиальным, а зиждется на контр-требовании расплатиться по довоенным румынским займам, находящимся в немецких руках. Румыны утверждают, что эти займы погашены Версальским договором. Германская сторона держится другого мнения. Что правы не румыны, а немцы, видно из того, что другие участники Версальского договора – итальянцы, французы, бельгийцы и пр. – признают обязанность платить немцам по довоенным своим долгам. Если румыны согласятся вступить

с немецкими банками в переговоры о ликвидации старых долгов, немецкие банки примут участие в этом интернациональном займе. Участие, правда, будет очень незначительно. Ведь не может быть и речи о том, чтобы выпустить на немецком денежном рынке румынские бумаги. Банки ограничатся тем, что будут иметь в своих портфелях некоторое количество этих румынских облигаций. Так как иметь в портфеле большое количество неликвидных бумаг нельзя, то все участие немецких банков выразится в лучшем случае в 10 млн марок. Германские банки обусловят, что их доля в займе будет употреблена исключительно на оплату румынских заказов германской промышленности. На мой вопрос, будут ли и другие страны аналогичным образом обуславливать употребление данных ими денег, Риттер ответил, что по отношению к различным странам этот вопрос разрешается различно. Насколько он знает, французы, которые дают примерно 30 млн из общей суммы 80 млн, обусловили, что 50% данной ими суммы пойдут на заказы во Франции, главным образом, в области военной индустрии. Он не знает точно, поставлены ли какие-либо ограничения англичанами. Думает, что англичане никаких условий не ставят. Относительно американской части займа он наверно знает, что американцы, согласно своему обычаю, предоставят румынам полную свободу использования американской части займа.

Кончая разговор об этом займе, Риттер еще раз подчеркнул, что во-первых, этот займ еще не осуществлен и, во-вторых, что немецкие банки участия в нем не принимают. Рейхсбанк к этому займу приглашен не будет.

Несколько иначе обстоит дело со стабилизацией румынской леи. Мы ошибочно представляем себе так, что сначала должен быть заключен заем стабилизации, а потом на базе стабилизированной уже валюты будет дан интернациональный заем, о котором шла речь выше. Дело обстоит как раз наоборот. Английский государственный банк заявил, что он примет участие в стабилизации лишь тогда, когда будет заключен интернациональный заем. Аналогичный ответ дал и итальянский государственный банк. Объясняется это тем, что участие в стабилизации эмиссионных банков различных стран будет выражаться в том, что они откроют румынскому государственному банку известные кредиты для поддержания курса леи на иностранных денежных рынках. Однако эта поддержка леи за границей будет иметь смысл лишь в том случае, если финансы и хозяйство внутри Румынии будут оздоровлены. Оздоровление же немислимо без сравнительно крупного международного займа. Вот почему стабилизационный заем придет позднее, чем тот заем, о котором сейчас пишут га-

зеты. Правда, разница во времени между обоими займами будет небольшая. Стабилизационный заем будет примыкать к международному, следуя непосредственно за последним.

Каково же отношение Германии к стабилизационному займу? К участию в этом займе был приглашен Шахт. На это приглашение он ответил, что принял бы участие в санировании леи так же, как прежде принял участие в санировании итальянской лиры и польского злотого. Но для этого должны быть даны две предпосылки: первое условие то же, которое выставили частные банки при переговорах с ними об участии в международном займе, а именно, что румыны должны признать свои довоенные долги; второе условие это то, которое выставили английский и итальянский государственные банки, именно то, что до стабилизационной акции должен быть уже заключен интернациональный заем. Без удовлетворения обоих этих требований германский Рейхсбанк не примет участия в стабилизации леи. Второе условие может быть осуществлено сравнительно скоро. Относительно же первого еще ничего реального нет, так как румыны не хотят разговаривать о старых долгах.

Из вышеизложенного видно, что в ближайшее время ни Рейхсбанк, ни частные германские банки не примут участия в румынских кредитных операциях.

После ухода Риттера я вернулся к вопросу о Бела Куне.

После того, как германское правительство заявило о своем согласии пропустить Куна через Германию, вопрос перешел в область технических переговоров о том, когда, в каком порту, на какой пароход сядет Кун. Об этом вчера и сегодня мы разговаривали с австрийским посланником. Выяснилась необходимость Куну ехать не через Штеттин, а через Гамбург. Австриец говорил об этом с Шубертом, и тот согласился начать разговор с гамбургским сенатом. Однако в промежутке между последним нашим разговором с австрийцем и моим визитом к Шуберту мне позвонили из Гамбурга, что им удобнее заехать за Куном в Свинемюнде, что составит крюк примерно в 15 час., чем на двое суток задержать отправку очередного парохода из Гамбурга. Я сообщил об этом Шуберту. Он был очень доволен. Условились, что в понедельник утром мы сообщим Марциусу окончательно, произойдет посадка в Гамбурге или Свинемюнде.

Когда мы собирались уже уходить Шуберт заговорил о Келлог-пакте. Сославшись на две заметки в "Известиях", где, по его мнению, была дана неправильная информация, Шуберт сказал, что он не понимает, почему мы ведем такую кампанию против Келлог-пакта. Я объяснил, что неприглашение нас к переговорам

о пакте и к участию в пакте, естественно, создает впечатление, что пакт направлен против нас, тем более, что Англия определенно высказалась против допущения нас к пакту, и это английское требование не встретило протеста.

Шуберт сказал, что, по его сведениям, неприглашение нас объясняется исключительно тем, что у нас нет отношений с Америкой, но он имеет все основания утверждать, что правительство Соединенных Штатов не будет возражать против нашего последующего присоединения к пакту. Тут он взял телеграмму одного американского корреспондента в Берлине, в которой было сказано, что он по нашей просьбе выступил посредником между нами и Америкой и получил от последней заверение, что мы можем присоединиться к пакту. Он сказал, что ему совершенно неизвестно происхождение этой не соответствующей действительности телеграммы. Мы не обращались к нему с просьбой о посредничестве, он не выступал посредником и не получал никакого официального ответа от Соединенных Штатов. Он призовет к порядку этого журналиста.

Но он может сказать, что он от своего личного имени зондировал мнение здешнего американского посла. Тот ответил ему сразу, тоже от своего личного имени, что по его мнению американское правительство никаких возражений против нашего присоединения не имело бы. Вчера при случайной встрече американец вернулся к этому вопросу и сказал, что у него есть основание считать, что мы вполне можем присоединиться к пакту. Для Шуберта ясно, что Шурман запрашивал Вашингтон и получил ответ в таком духе, ибо без этого он не вернулся бы вторично к вопросу и не сделал бы своего заявления без оговорок, в отличие от первого заявления. Это сообщение Шуберт просит считать доверительным.

Затем он спросил меня, нет ли у меня сведений об официальном отношении советского правительства к вопросу о присоединении к пакту. Я ответил, что оценка нами пакта отражается в нашей прессе; что же касается нашей официальной позиции, то я никаких сообщений по этому поводу не имею и не знаю, принимало ли наше правительство какие-либо решения.

Крестинский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 104–109. Копия.

¹ Пакт Бриана–Келлога (Париж, 27 августа 1928 г.) – договор об отказе войны в качестве орудия национальной политики, как средства урегулирования международных союзов. СССР присоединения к пакту и первым его ратифицировал, предложив Польше, Литве и Румынии, не дожидаясь ратификации, подписать протокол о введении его в действие.

² Зауниус Довас (1892–1940) – в 1925–1926 гг. представитель Литвы в Лиге наций, в 1928 г. генеральный секретарь МИД Литвы, затем посланник в Чехословакии, в 1929–1934 гг. министр иностранных дел Литвы.

³ Зеебольд – немецкий специалист, арестован в СССР в связи с “шахтинским делом”, летом 1928 г. выслан из СССР.

№ 94

*Письмо Н.Н. Крестинского Г.В. Чичерину
о приезде М. Гельца в Москву*

№ 573/с

22 июля 1928 г.
Сов. секретно

Тов. Чичерину

Копия т. Ворошилову

Многоуважаемый Георгий Васильевич,

Третьего дня с т. Уборевичем в неофициальном и доверительном порядке беседовал один из офицеров рейхсвера на тему о Максе Гельце. Офицер, который говорил с Уборевичем, является официальным связующим звеном между нашим военным атташе и рейхсвером. Говорил он не с Корком¹, а с Уборевичем, очевидно, для того, чтобы разговор носил менее официальный характер, но он преследовал, конечно, цель довести соображения рейхсвера через Уборевича до моего сведения и до сведения Москвы.

Рейхсвер опасается, как бы в связи с предстоящим приездом Макса Гельца в СССР ему, как кавалеру ордена Красного Знамени, не была устроена какая-либо официальная встреча с участием частей Красной армии. Такая встреча вызвала бы вновь те же неприятные настроения, какие существовали в германских военных и политических кругах в связи с пожалованием Гельцу нашего государственного ордена.

Я не думаю, чтобы у нас имели в виду устраивать Гельцу встречу официально-государственного характера с участием представителей государственной власти и частей Красной армии. Но на всякий случай считаю своим долгом довести до Вашего сведения о наличии таких опасений в рядах рейхсвера и просить Вас в свою очередь проследить, чтобы в связи с приездом Макса Гельца не было бы допущено какого-либо упущения, могущего создать для нас затруднения во внешнеполитических отношениях.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 676. Л. 132. Копия.

¹ Корк Август Иванович (1887–1937) – в 1928–1929 гг. военный атташе полпредства СССР в Германии, в 1929–1935 гг. командующий войсками Московского военного округа.

№ 95

*Письмо Н.Н. Крестинского Г.В. Чичерину
о возможном возобновлении экономических переговоров
с Германией*

№ 592/18к

23 июля 1928 г.
Секретно

Тов. Чичерину

Копия т. Литвинову*

Многоуважаемый Георгий Васильевич,

1. Мне кажется, что наша переписка по вопросу об урегулировании экономических отношений между Германией и СССР выявила более или менее одинаковую позицию.

Мы согласны с Вами в том, что инициатива возобновления переговоров должна исходить от немецкой стороны, что лучше вести эти переговоры не путем особых делегаций, а в дипломатическом порядке, по крайней мере, до того момента, когда выяснятся уже контуры соглашения. Согласны мы, кажется, в том, что путем ряда небольших формальных уступок, предусмотренных еще во время прошлых переговоров и нашедших себе некоторое отражение в недавно изданном Положении о капитальном строительстве, нужно устранить существующее между нами и немцами раздражение (имеющееся, главным образом, на немецкой стороне) и только после устранения напряжения во взаимных отношениях поставить вопрос о кредитах. Разногласие между нами имеется лишь по вопросу о транзите, хотя и по этому вопросу мы значительно ближе между собой, чем с Наркомторгом, поскольку позиция Наркомторга отразилась в последнем письме т. Ганецкого о Рустранзите.

Что касается намерений немцев, то, кроме переданных уже Вам в прошлых письмах замечаний Шлезингера и Марциуса, важно отметить ответ, данный Шубертом на последнем пятничном приеме одному из журналистов. Он выразил надежду, что вопросы, оставшиеся неразрешенными при последних весенних экономических переговорах, сравнительно легко будут разреше-

* Копии направлены членам Политбюро ЦК ВКП(б).

ны, когда обе стороны, примерно, в сентябре вернутся к обсуждению этих вопросов.

2. Сегодня я пересылаю Вам запись разговора с Шубертом, который в конце беседы коснулся вопроса о нашем присоединении к пакту Келлога. Теперь у Вас есть полный материал по этому вопросу, по крайней мере, под углом зрения отношения к нему немцев. Вы переслали копии Ваших писем в инстанцию по этому вопросу? Хотелось бы знать, обсуждала ли инстанция вопрос и приняла ли она Ваше предложение?

3. Вы, вероятно, обратили внимание на те места писем г. Штейна, в которых он указывал на две возможности для нас принять наблюдательское участие в сентябрьском общем собрании Лиги наций. Как НКИД и инстанции относятся к этому вопросу. Ведь, если мы хотим использовать эти возможности, надо было бы уже сейчас предпринять кой-какие шаги.

4. О польско-литовских отношениях специально не пишу, так как этому вопросу, главным образом, посвящена запись моего разговора с Шубертом, а [с] прошлой почтой Вы получили два длинных письма Стомонякова. Постараюсь в ближайшие дни повидать Сидзикаускаса и прощупать, поддается ли Вольдемарас хотя отчасти давлению Мората и посланников Антанты, и есть ли какая-либо надежда на достижение в Кенигсберге хотя бы минимальных соглашений.

5. Время сейчас глухое. Дипломатов встречаю мало. За последнее время видел вновь приехавшего поляка Кнолля¹, с которым обменялись визитами, несколько раз австрийца Франка, кроме того, немедленно по получении известия об убийстве генерала Обрегона² послал здешнему поверенному в делах письмо с выражением сочувствия и сейчас же получил от него теплую благодарность.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

П.С. Целый ряд вопросов выделил в отдельные письма.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 102–103. Копия.

¹ Кнолля Роман (1888–1946) – в 1927 г. заместитель министра иностранных дел Польши.

² Обрегон Альваро (1880–1928) – генерал, в 1920–1928 гг. президент Мексики.

№ 96

*Постановление СНК СССР
"О соглашении между СССР и Германией
о социальном обеспечении граждан названных сторон"**

21 августа 1928 г.

18. 1) Представленные Народным комиссариатом по иностранным делам проекты соглашений между СССР и Германской республикой о социальном страховании, о социальном обеспечении граждан названных сторон одобрить в качестве положений, которые должны быть приняты за основу при ведении переговоров по заключению упомянутых соглашений.

2) Разрешить НКВД вести переговоры с Германией о заключении соглашений на основании указанных в п. 1 настоящего постановления проектов, введя в таковые, в случае необходимости, соответствующие редакционные изменения.

3) Поручить НКВД представить означенные соглашения после их подписания на ратификацию ЦИК Союза ССР.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 110. Копия.

№ 97

*Записка М.М. Литвинова В.М. Молотову
об условиях возобновления советско-германских
экономических переговоров***

№ 2059

23 августа 1928 г.

Секретно
Экз. № 1

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Молотову

Копии: членам Политбюро и

членам коллегии НКВД***

1. Германское правительство, по сообщению Шлезингера¹, хочет еще до Парижа или, по крайней мере, до Женевы сделать дружественный в нашу сторону жест и предложить нам с опуб-

* Выписка из протокола № 274 заседания СНК СССР 21 августа 1928 г.

** *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 39, п. 12.

*** Копии направлены И.В. Сталину, А.И. Рыкову, М.П. Томскому, Н.И. Бухарину, К.Е. Ворошилову, В.М. Молотову, Я.Э. Рудзутаку, В.В. Куйбышеву, А.И. Микояну, Е.М. Ярославскому, В.Р. Менжинскому, Г.В. Чичерину, Л.М. Карахану, Ф.А. Ротштейну, С.С. Александровскому.

ликованием в печати возобновление переговоров. Ущемленное англо-французским сближением, полувраждебными актами со стороны Франции и Англии и враждебной антигерманской кампанией во французской прессе, германское правительство хочет сманеврировать и пригрозить возможностью дальнейшего сближения с нами. Решившись на этот шаг, Аусамт хочет по этому случаю выжать у нас еще одну уступочку по вопросу, прямого отношения к переговорам не имеющему. Он требует от нас обещания отказаться от высылки немецких корреспондентов (Шейффера) и разрешить обратный проезд трем другим германским корреспондентам.

2. Не входя сейчас в обсуждение вопроса о германских корреспондентах по существу, о чем, если нужно будет, смогу докладывать завтра устно, НКВД предлагает дать следующий ответ:

3. "Советское правительство приветствует предложение о возобновлении переговоров, к которым оно готово приступить сейчас же после подготовки материалов. Оно просит германское правительство со своей стороны согласиться на перенесение переговоров в Москву. Что касается корреспондентов, то никто из них не выслан, а отказ в выдаче обратной визы не означает отказа в обратном допущении корреспондентов в СССР. Советское правительство не может, однако, давать никаких обязательств в обеспечение постоянного пребывания в СССР того или иного корреспондента, независимо от его деятельности и ценности этой деятельности с точки зрения интересов советско-германских отношений".

4. НКВД считает, что прекращение шлейфферовских переговоров по инициативе германского правительства дает нам право на требование перенесения их в Москву. Перенесение переговоров НКВД считает целесообразным не только с точки зрения престижа и получения удовлетворения, но и по тому, что в Москве переговоры не будут происходить под тем давлением германских деловых сфер и прессы, которое так ощутительно давало себя знать во время пребывания в Берлине делегации т. Шлейффера. Это означало бы, конечно, отрыв от переговоров вопроса о кредитах, который, конечно, может обсуждаться лишь в Берлине, но полагаем, что такой отрыв диктуется всей обстановкой и опытом прежних переговоров. О кредитах можно будет говорить в Берлине, независимо от остальных переговоров или после них. Кредиты и уступки, которых от нас добиваются немцы, вещи совершенно несоизмеримые.

5. Наряду с этим вопросом необходимо решить и другой, имеющий также отношение к переговорам. В Берлине образовался советско-германский комитет, состоящий из представителей германских торгово-промышленных и банковских организаций

и имеющий целью направлять торговую политику германских фирм в отношении СССР. Этот комитет должен служить как бы своего рода противовесом нашей монополии внешней торговли. Этот факт для нас, конечно, весьма неприятный, но устранить его мы не в состоянии. Берлинское полпредство предлагает нам, поэтому, не создавать шума вокруг этого комитета, стараясь скорее игнорировать его. Формально, конечно, мы против образования комитета протестовать не можем, кампания же в нашей печати по поводу этого комитета, не давая никаких практических результатов, ослабит лишь впечатления германского предложения о возобновлении переговоров.

6. Так как германское правительство хочет послать нам ноту еще до отъезда Штреземана в Париж, что было бы желательно также и нам, то я просил бы настоящий вопрос разрешить завтра же вне повестки.

Замнарком М. Литвинов

Помета: Ст[алину].

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 112–113. Подлинник.

¹ 16 августа 1928 г. Н.Н. Крестинский телеграфировал в НКВД СССР, что имел встречу с Шубергом, который “доверительно сообщил, что в Женеве немцы будут разговаривать об очищении Рейна”, а также будут выступать по вопросу о разоружении.

№ 98

*Записка А.И. Микояна в Политбюро ЦК ВКП(б)
о “Русском комитете для урегулирования торговли Германии
с Советским Союзом”**

№ ПБ/074

26 сентября 1928 г.

Сов. секретно

Экз. № 1

В Политбюро ЦК ВКП(б)

О мерах борьбы против “Русского комитета
для регулирования торговли Германии с Советским Союзом”

I

Создание Русского комитета, о чем свидетельствует германская пресса и особенно орган торговли “Кёльнише Цайтунг”, имеет целью противопоставить нашей монополии внешней торговли

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 44, п. 2.

единый центр, регулирующий разрозненную торговлю германских фирм с Советским Союзом.

Наиболее интересным и совершенно откровенно выраженным является мнение органа тяжелой германской промышленности "Рейниш-Вестфалише Цайтунг". Опубликованная в этом органе статья, должно быть, принадлежит перу человека, принимавшего непосредственное участие в организации этого комитета и участвовавшего на его первом организационном собрании. До самого последнего времени, по мнению газеты, все попытки объединения немецкой торговли, промышленности и банков и создания единой политики и тактики в делах с Советским Союзом, разбивались о невозможность примирить отдельные интересы германских хозяйственных групп; газета отмечает частую повторяемость таких фактов, когда в течение одного дня удавалось согласовать интересы нескольких фирм в отношении цен по заказам торгпредства и выработать для всех участвующих фирм лимиты с тем, что в течение того же дня одна из участвующих фирм отказывалась от этого соглашения предложив торгпредству более выгодные цены, чем остальные, участвовавшие в такой эпизодической конвенции фирмы. Это давало возможность, по мнению газеты, русским добиваться в Германии таких выгодных условий поставки, платежа и кредита и таких выгодных цен, какие они не имели ни в одной другой стране. Находя создавшееся положение весьма нежелательным, газета выражает надежду, что вновь созданный Русский комитет наладит "порядок" в торговле с Союзом и восполнит отсутствующую у немецких фирм способность к совместной работе, недостаток дисциплины и отсутствующие способы воздействия на отдельные фирмы в интересах всего хозяйства в целом. Стоящие перед Русским комитетом задачи газета буквально определяет следующим образом:

"Влияние Комитета, естественно, не коснется непосредственно торгового обмена. Об образовании торгового синдиката, который мог бы быть противопоставлен русской монополии внешней торговли, как единственному русскому покупателю, конечно, не может быть никакой речи. Влияние Комитета распространится, в первую очередь, на моральную сторону. Дело будет касаться того, чтобы придать точные линии поведения каждой немецкой фирмы в отношении условий поставки, платежей и цен в делах с Россией. При содействии банков можно будет в этой деятельности к моральному воздействию присоединить и материальный нажим, так как от помощи банков в финансировании операций с Советским Союзом не может отказаться ни одна фирма. Вырабатываемые Комитетом положения далее коснутся вопроса о

создании промышленных информационных бюро в Советском Союзе, вопроса об обучении русских инженеров и техников, как пользоваться немецкими промышленными изделиями, вопроса о приеме русских инженеров и техников в целях обучения и руководства в немецких предприятиях.

Так как отдельным немецким союзам, а с ними вместе и Русско-немецкому комитету не дано возможности непосредственного воздействия на каждое отдельное дело, то все в конечном счете зависит от того, существует ли необходимая сплоченность в среде самой промышленности. Обращение, сделанное д-ром Герле¹, управляющим делами имперского Союза немецкой промышленности собравшимся представителям немецкой промышленности, нашло единодушную поддержку. Герле сказал следующее: влияние комитета, представляющего собой объединенный фронт центральных союзов германской промышленности, будет незначительным, если в отдельных отраслях германской промышленности и торговли не будет того твердого единодушия во всех вопросах, связанных с русскими делами, если погоня за делами* и силы конкуренции заставят отдельные фирмы отказаться от ранее имевших место соглашений и этим дадут возможность русским "разыграть" одни немецкие фирмы в отношении других. Нужно сделать все, что возможно, чтобы внутри промышленности и торговли добиться единого фронта. Сплоченность приносит пользу каждой немецкой фирме в отдельности и в последнем счете также русским, так как объединенные хозяйственные группы могут, принимая также во внимание и условия заграничной конкуренции, во всех отношениях больше выполнять и создавать, чем каждая отдельная фирма, они могут также в более выгодных условиях в борьбе за русский рынок встретить иностранную конкуренцию" ("Рейниш-Весталише Цайтунг" от 7.09.1928 г.).

Если выгоды, которые мы можем получить от этого комитета и которые так туманно изложены газетами, весьма сомнительны, то заинтересованность определенных групп противопоставить торгпредству объединенную организацию германской промышленности, которая должна поставить своей основной задачей смягчение конкуренции между отдельными немецкими фирмами, ухудшение условий платежа и поставок и, по возможности, создание специальных цен для заказов торгпредства, обязательных для отдельных германских фирм, не вызывает никаких сомнений. В последних августовских донесениях прусскому Министерству торговли и промышленности отдельные торговые палаты

* Так в тексте. Возможно: деньгами.

Рейнско-Вестфальской области прямо возлагали надежды на этот тогда еще проектировавшийся комитет, как на орган борьбы с торгпредством за более выгодные цены, менее длительные сроки кредита, более выгодные условия платежа и поставки.

Этому комитету, безусловно, удастся и уже удалось втянуть в сферу своего влияния все главнейшие организации германской промышленности, а если учесть, что один из этих так называемых фербандов* – Союз германской машиностроительной промышленности объединяет около 90% всех немецких машиностроительных предприятий, то описанная выше установка этого комитета, безусловно, причинит нам в течении ближайших месяцев много хлопот. Во всяком случае, в связи с этим будет затруднено использование той относительно благоприятной для нас хозяйственной конъюнктуры и давления на фирмы, нуждающиеся в связи с ослаблением конъюнктуры, уменьшения емкости внутреннего и внешнего рынка в наших заказах. Создание комитета может быть чревато для нас большими последствиями. В первую очередь комитет ставит своей задачей сведение на нет методов конкуренции, проводимых нашими торговыми представителями за границей. При улучшении нашей торговой работы значительно сократились переплаты, имевшие место в прежние годы по нашим заказам за границей. Мы также повышаем из года в год выручку за наш экспортный товар. Созданный комитет будет стремиться регулировать цены на наши заказы, что, естественно, повлечет за собой повышение цен по нашему импорту. Кроме того, создание единого центра имеет целью умерить наши требования долгосрочных кредитов.

II

Для намечения правильных мер борьбы мы должны уяснить те основные моменты, которые усиливают в настоящее время борьбу капиталистических групп против монополии внешней торговли.

А. Сокращение размера нашего импорта. Наш импорт не достигает 50% довоенного импорта. Надежды, которые питали отдельные группы в капиталистических странах на расширение своей торговли с СССР, вследствие медленного развития наших оборотов по внешней торговле оказались преувеличенными. Эти группировки считают, что в этом повинна форма организации нашей внешней торговли – государственная монополия. На практике особенно сильно это убеждение укрепилось после опубли-

* Объединенный (нем.).

кования сообщения американских экспертов о том, что экспортность СССР может быть оценена в 1 млрд 200 млн руб., в то время, когда наш экспорт в этом году составляет около 750 млн руб. В сокращении покупок СССР на внешних рынках, по мнению буржуазии, повинна монополия внешней торговли.

Б. Структура нашего экспорта резко отличается от довоенной. В нашем импортном плане восстановлен довоенный импорт сырья. Но в экспорте сырья заинтересованы, главным образом, колонии. Резко сократились закупки готовых товаров и части полуфабрикатов, в которых заинтересованы, главным образом, наиболее влиятельные круги метрополии. Естественно, что часть этих кругов, наиболее организованная, потеряв рынок СССР, благодаря монополии внешней торговли из-за придания нашему импорту производственного характера для своих товаров, заинтересована в борьбе против монополии внешней торговли.

В. Значительно выросли наши заказы по оборудованию. Крупная промышленность имеет в лице СССР не только покупателя машин, в нашей индустриализации они до поры до времени видят перспективы расширения сбыта своей продукции. В сущности говоря, эти круги не потеряли в СССР рынка сбыта своей продукции, несмотря на отставание нашего экспорта. Больше того, поскольку машины являются товаром наиболее "темным" на наших заказах, эти группы получали значительно большую прибыль, чем на поставках другим своим покупателям. Можно уверенно сказать, что мы переплачивали в прежние годы до 40%. Наши поставщики получали почти полуколониальную прибыль.

Г. Значительное улучшение нашей работы в течение последних лет привело к большому сокращению этих переплат. Во всяком случае, следует считать, что мы сократили вдвое эту сверхприбыль наших поставщиков, что еще достаточно прибыльно для инофирм. Привыкшие к большим прибылям, поставщические фирмы считают, что русские дела становятся менее рентабельными. Эту свою потерю сверхприбылей они справедливо приписывают укреплению наших заграничных аппаратов, правильному проведению конкурентной борьбы отдельных фирм в данной стране и международной конкуренции. Их удары направляются, главным образом, против нашего заграничного аппарата.

Д. Процесс концентрации промышленности, создание концернов и объединений, выходящих за рамки отдельных стран, влечет за собой контингентирование* экспорта и распределение рынков.

* Установление государственного контроля над вывозом товаров в пределах количественного или стоимостного объемов (квот, контингентов).

Наши крупные заказы, наличие относительно сильного аппарата в разных странах часто приводят к столкновению внутри таких международных концернов и объединений.

То же в отношении объединений в отдельных странах, имеющих целью повысить цены. Нам часто удается прорывать этот фронт, если членам этих объединений можем дать значительные заказы и загрузить их предприятия на длительный срок. Так было в деле борьбы с котельным и электроконцерном и т.д. Руководящая верхушка, командующая промышленностью, естественно, восстанавливается против нашего заграничного аппарата и против методов нашей коммерческой работы.

Е. В течение последнего времени внимание хозяйственных кругов Европы привлечено к вопросу о перспективах нашего экспорта. Сильно раздуваются слухи о падении нашего сельского хозяйства. Экспорт СССР (как аграрной страны) базируется на продукции сельского хозяйства. Из промышленного экспорта знают наш лес и нефть. Естественно, что все эти слухи и корреспонденции, в частности, факт сокращения нашего хлебного экспорта и экспорта льна, создают представление о резком падении экспорта Союза. Это очень важно потому, что если до сих пор наш импорт был ограничен, то очень многие и многие фирмы и предприятия считали, что перспективы импорта СССР в будущем все же возрастут значительно. И поэтому если наши закупки были незначительны, то все же возрастали из года в год, и отдельные группы и фирмы все таки стремились закрепиться на рынке СССР во имя перспектив будущих больших дел. Паническое представление о сокращении нашего экспорта создает поэтому разочарование у этих кругов и создает базу для борьбы против монополии внешней торговли.

Ж. В отношении банков следует учесть, что очень многие европейские банки участвуют в общем соглашении европейских банков о непредставлении займа СССР, пока не урегулируется вопрос о старых долгах. К этому прибавляется еще и то, что очень многие европейские банки скупили старые займы и ценные бумаги бывшей России, правда, за бесценок, но именно благодаря этому они сильно заинтересованы в воздействии на СССР в смысле признания долгов. Очень больших прибылей на делах СССР в отличие от торговых фирм банки не получили, и поэтому, естественно, что последние не совсем благоприятно настроены в отношении Союза.

З. Следует еще учесть и то обстоятельство, что мы значительно расширили свою работу в ряде европейских стран. Торгпредства открывают филиалы и в отдельных случаях стремятся расширять свою полуоптовую торговлю. Если в одной Германии

имеется около $\frac{1}{4}$ млн комиссионных и оптовых фирм, то естественно, что затронув интересы этой группы, мы возбуждаем против себя сильную группу. Особенно резко [это] воспринимается торгово-посредническими кругами, потому что мы не допускаем иностранцев ни к какой работе в Советском Союзе.

Все указанное вместе взятое определяет подъем враждебной кампании против монополии внешней торговли, который мы наблюдаем в настоящее время. До сих пор, благодаря борьбе интересов отдельных капиталистических групп и стран за рынки, противоречивые интересы ослабляют эту борьбу.

Исходя из всего этого, предлагаю следующий проект постановления Политбюро. Причем более конкретный план борьбы против "Русского комитета" в защиту монополии внешней торговли на этой основе нами разрабатывается особо и будет дан в качестве директивы нашему торгпредству в Берлине.

При сем прилагается проект постановления Политбюро.

А. Микоян

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 121–126. Подлинник.

Приложение

Проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б)*

Не позднее 26 сентября 1928 г.**

Секретно

1. Считая образование "Русского комитета" в Германии попыткой организованной борьбы против монополии внешней торговли, поставить задачей Наркомторгу и берлинскому торгпредству срыв этой попытки.

В этих целях, не проводя бойкота, игнорировать деятельность этого комитета, отклоняя всякие попытки его вмешательства в коммерческие операции и спорные вопросы между торгпредством и германскими фирмами.

2. В целях противопоставления этому комитету общественно-мнения близких к нам торгово-промышленных кругов, считать целесообразным организацию советско-германской торговой палаты в Берлине и открытие германского филиала Всесоюзно-Западной торговой палаты.

3. В случае объединенных выступлений по условиям цен и кредитов в результате деятельности комитета попытаться разме-

* Штамп: Прот[окол] ПБ № 44, п. 2.

** Датируется по основному документу.

стить на условиях долголетнего кредита заказы, предназначенные для Германии в других странах.

4. Поместить в советской прессе ряд статей, отражающих недовольство советских импортеров образованием этого комитета.

5. Руководителям торгпредства усилить общение с крупными влиятельными фирмами в целях усиления связи с деловыми кругами и откалывания их от "Русского комитета".

6. Добиться помещения ряда статей в германской прессе и других выступлений дружественно настроенных нам фирм против комитета.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 127. Подлинник, завизированный А.И. Микояном.

¹ Герле Якоб (1885–1957) – немецкий промышленник, в то время один из директоров Союза немецкой промышленности.

№ 99

*Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину о нецелесообразности организации доклада первого заместителя председателя Госплана СССР П.С. Осадчего¹ о Волго-Донском канале в Берлине**

№ Л/5061

25 октября 1928 г.

Секретно

Экз. № 1

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину**

1. Только что получена шифровка из Берлина, что назначенный в Союзе инженеров-строителей доклад Осадчего о Волго-Донском канале не мог состояться ввиду интриг против Осадчего в связи с его выступлением в шахтинском процессе. Против Осадчего в последнее время велась кампания в "Руле". Полпредство спрашивает, следует ли организовать доклад Осадчего при помощи другой организации (Общества изучения Востока)?

2. Полагал бы ответить, что если нет гарантий против скандалов при выступлении Осадчего, то ему лучше от выступлений совершенно отказаться. Прошу решить вопрос опросом членов Политбюро и сообщить мне решение.

3. Посылка Осадчего несомненно была ошибкой.

М. Литвинов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 676. Л. 139. Подлинник.

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 49, п. 34.

** Копии направлены Г.В. Чичерину, Л.М. Карахану, Ф.А. Рогштейну, Б.С. Стомонякову.

¹ Осадчий Петр Семенович (1866–1943) – в 1921–1929 гг. первый заместитель председателя ГОЭЛРО, затем Госплана СССР, в 1928 г. председатель технического совета Днепростроя.

№ 100

*Письмо Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову
о позиции МИД Германии в отношении
довоенных российских долгов и о подготовке немцев
к экономическим переговорам в Москве*

№ 874–32-к

29 октября 1928 г.
Секретно

Тов. Литвинову

Копия т. Чичерину

Многоуважаемый Максим Максимович,

1. На другой день после моего приезда 26 октября вечером на обеде у проф. Зобернгейма¹ (работает в Аусамте, брат владельца “Коммерц унд Приват банка”) встретил Кёпке², который пришел с опозданием с заседания кабинета министров, обсуждавшего репарационный вопрос. После обеда мне удалось переговорить с Кёпке и о заседании кабинета, и о наших настроениях в связи с акцией германских владельцев наших аннулированных бумаг.

По вопросу о репарациях Кёпке сказал то, что на другой день появилось в газетах лишь с некоторыми отсутствующими в газетах дополнениями. Инициатива поднятия репарационного вопроса в Женеве исходила не от Германии, а от Франции. Это обстоятельство, а также сообщение Гильберта Паркера, что не только Франция, но и другие великие державы хотят рассмотрения репарационного вопроса, является для германского правительства основанием официально поставить этот вопрос. Вопрос будет поставлен перед Англией и Францией, Италией и Бельгией, Японией и Соединенными Штатами. Германия предложит образовать комиссию из независимых хозяйственных экспертов. Германское правительство понимает, что почти невозможно найти хозяйственника, который был бы независим от интересов капиталистов своей страны. Но опыт дауэсовских переговоров 1924 г. показал, что комиссия, состоящая не из дипломатов или чиновников, а из финансистов и ученых экономистов, может быть до известной степени независима от правительств своих стран. Германское правительство стремится к созыву такой комиссии из независимых людей, не связанных предварительными правительственными решениями. Если правительства Антанты отклонят это предложение, тогда

создастся новая ситуация. Пока же германское правительство надеется на то, что такую комиссию создать удастся.

В этой комиссии германское правительство будет добиваться не временного, а окончательного разрешения репарационного вопроса с твердым установлением и общей суммы германских платежей, и размера ежегодных уплат.

Германское правительство знает, что страны-победительницы очень хотели бы возложить на Германию не только уплату репараций в марках, но и обязанность переводить эти марки в иностранную валюту. До сих пор это обязательство на Германии не лежит, а этим занимается репарационный агент. Фактически это сводится к тому, что в иностранной валюте германское правительство уплачивает лишь часть своих обязательств, а большую часть покрывает или товарными поставками, или акциями германских предприятий. Германское правительство понимает, насколько важно для ее кредиторов возложить на Германию и обязанность трансфера³. Но германское правительство взяло бы на себя это обязательство лишь при условии очень большой компенсации.

2. В самом начале нашего разговора Кёпке сказал мне, что его озабочивает дело Мендельсона. Это облегчило мне переход к разговору на эту тему. Я просил разрешить мне неофициально в персональном порядке поделиться впечатлениями, полученными во время недавнего короткого пребывания в Москве. Я сказал Кёпке, что нужно различать между настроениями наших правительственных кругов и мировым общественным мнением. В правительственных кругах сохраняется дружелюбное отношение к Германии. Там верят, что германское правительство хотело, но не смогло помешать выступлению Мендельсона и вообще Союза держателей наших аннулированных бумаг. Иначе настроены наши широкие общественные круги. Там не могут еще забыть тона германской печати во время шахтинского процесса. Там очень серьезно относятся к такому шагу, как образование Комитета по русским делам. Присоединение руководимых Мендельсоном держателей русских бумаг к международной организации наших кредиторов рассматривается у нас, как враждебный шаг, увенчивающий собой отмеченные выше враждебные выступления. Наша общественность не допускает, чтобы германское правительство не могло удержать своих банкиров от враждебного нам, противоречащего Рапалльскому договору, шага. Переломить такое настроение нашей общественности может лишь открытое официальное заявление германского правительства, что оно возражало и возражает против выступления банкиров, не одобряет его.

Кёпке заявил, что германское правительство сделало это уже в своем коммюнике. Я ответил, что нашей общественности пред-

ставляется недостаточной и форма коммюнике, как неофициальная, не связывающая правительство форма, и содержание коммюнике, в котором нет указания на то, что правительство предлагало банкам не присоединяться к международной организации и осуждает этот шаг.

Кёпке ответил мне, что в коммюнике очень резко подчеркнуто противоречие шага банкиров рапалльской линии. Если мы тем не менее не удовлетворены коммюнике и хотим получить ноту, мне придется поговорить об этом со Штреземаном по его возвращении.

Я высказал свое изумление, что Кёпке не хочет взять на себя разрешения этого вопроса. Ведь мы хотим, чтобы Аусамт нотой сказал нам то, что он устно сообщил Наркоминделу через Гея. Вряд ли нужно из-за этого беспокоить Штреземана по его возвращении.

Кёпке сказал мне, что он на другой день обсудит еще с Мольтке⁴, могут ли они послать нам ноту и какую именно.

3. На другой день т. Бродовский был у Мольтке во исполнение Вашей телеграммы по тому же вопросу – о ноте. Мольтке старался все время доказать, что раз мы имеем официальное устное заявление, сделанное одновременно в одинаковой форме в Берлине и Москве, и довольно решительное коммюнике, то нам нет никакой необходимости в ноте. Бродовский настаивал, ссылаясь на необходимость иметь документальный материал на случай нападок на наше правительство в прессе или на сессии ЦИКа. Мольтке обещал переговорить с Кёпке, но высказывал сомнение в благоприятном результате разговора. Об этом разговоре Бродовский подробно пишет в своем дневнике. Сообщения о результате совместного обсуждения вопроса Кёпке и Мольтке еще не имеем.

4. Накануне моего приезда у Бродовского был Шлезингер и сообщил состав комиссии, которая поедет к нам для переговоров. Комиссия будет состоять из Шлезингера, Марциуса, Ганса Кремера, представителя Министерства народного хозяйства, представителя германского посольства в Москве и будет возглавлена статс-секретарем Министерства народного хозяйства Поссе. В Аусамте боятся, как бы поездка и длительное пребывание Поссе не придали бы переговорам в глазах иностранцев большего значения, чем они в действительности будут иметь (немцы учли, очевидно, сделанную ими при прошлых переговорах ошибку). Поэтому они предполагают, что Поссе пробудет лишь первое время, а затем деловые разговоры в комиссиях пойдут уже без него. Аусамт полагает, что переговоры будут заключать в себе 3 этапа. Первый этап будет посвящен правовым вопросам, затронутым во время весенних переговоров. Второй этап будет посвящен конвенциям,

оставшимся после торговоговора. В третьей части переговоров будет поставлен вопрос о кредитах.

Тов. Ленгиелю пришлось говорить о предстоящих переговорах и с Шеффером из Минхоза, и с Гансом Кремером. У него получилось впечатление, что натиска со стороны немцев большого не будет, что они будут скорее занимать оборонительную позицию.

Третьего дня получена из Аусамта нота, извещающая о согласии германского правительства вести дальнейшие переговоры в Москве и обещающая в ближайшее время сделать конкретное предложение о сроке начала переговоров. Ноту эту пересылаем сегодня в приложении к дневнику Бродовского.

5. Из двухчасового разговора с гг. Бегге и Ленгиелем вынес впечатление, что наши экономические позиции в Германии не так плохи, как это думают в Москве. Торгпредство сравнительно легко размещает в кредит отдельные заказы, недавно германское правительство гарантировало кредит по нашему большому заказу на текстильные машины, ведутся довольно успешно переговоры об экспортных кредитах под наш марганец и т.д. Оба товарища считают, что почва для дачи нам кредитов и для гарантирования их германскому правительству, конечно, не в форме крупной одновременной акции, а в форме применения общего закона о гарантировании экспортных кредитов, вполне подготовлена.

6. Возвращаюсь к вопросу, который поднимал при первом проезде моем через Москву. Тов. Бродовский хотел бы принять участие в московских переговорах, по крайней мере, в начальной их стадии. Такое же пожелание о приезде т. Бродовского высказывал мне в Москве т. Шлейфер. Для немцев в этом ничего неожиданного не будет, так как здесь т. Бродовский входил в нашу делегацию в качестве зампреда. Он хорошо знаком со всеми правовыми вопросами, которые стояли во время весенних переговоров. Поэтому приезд его с деловой точки зрения является полезным и желательным. Он мог бы пробыть пару недель и уехать вместе с Поссе.

Напоминаю, что т. Бродовский последний раз был в Москве в конце 1924 г. при начале торговых переговоров, затем он тяжело надолго заболел и в дальнейших переговорах не мог принять участия. Не будучи так долго в Москве, он вправе надеяться, что его желание принять участие в переговорах в Москве будет удовлетворено.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

Помета: т. Сталину.

¹ Зобернгейм Вальтер (1869–?) – профессор, сотрудник МИД Германии.

² Кёпке Герхард (1873–1953) – в 1923–1935 гг. заведующий II (Западная и Юго-Восточная Европа) отделом МИД Германии, исполнял обязанности статс-секретаря.

³ Здесь идет речь о переводе марок в иностранную валюту и выплате репарации полностью в инвалюте, а не в марках. В 1932 г. Германия прекратила выплату репараций.

⁴ Мольтке Ганс фон (1884–1943) – в 1928–1931 гг. советник, заведующий IV (Восточная Европа, Скандинавия, Восточная Азия) отделом МИД Германии, в 1931–1939 гг. посол Германии в Польше.

№ 101

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О переговорах с немцами”**

№ П 49/16-рс

30 октября 1928 г.
Строго секретно
Из “Особой папки”

23. Назначить т. Стомонякова председателем делегации по переговорам с немцами.

Предложить т. Стомонякову приступить немедленно к ознакомлению с материалами и к выработке соответствующих предложений на основе указаний НКТорга.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 147. Копия.

№ 102

Телеграмма Н.Н. Крестинского в НКИД СССР о протесте германского правительства в связи со вступлением немецких банков в международное объединение кредиторов России

№ 2874
Спец. 469

31 октября 1928 г.
Берлин
Особо секретно

Москва, НКИД

Был сегодня у Кёпке. Он сделал мне новое заявление со вручением текста этого заявления. Заявление состоит из 4-х абзацев. В первом сообщается, что как только германскому правительству

* Выписка из протокола № 49 решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 октября 1928 г., п. 23. Направлена А.И. Рыкову, Б.С. Стомонякову, А.И. Микояну, М.М. Литвинову, В.М. Молотову.

стало известно о конкретном решении банков вступить в международное объединение, германское правительство и в Москве, и в Берлине сообщило нам, что оно оказало этому намерению банков решительное, но безуспешное сопротивление. Во втором абзаце сообщается, что согласно нашему желанию, переданному через Бродовского, германское правительство еще раз попыталось воздействовать на банкиров, но также безуспешно. В третьем абзаце говорится о том, что германское правительство сочло необходимым путем коммюнике дезавуировать перед общественным мнением шантаж банков, и приводится содержание коммюнике.

В четвертом абзаце выражается напротив, что после всех этих заявлений у нас не останется никаких сомнений относительно действительного отношения германского правительства к шагу Мендельсона и других. Немецкий текст заявления, а также способ его использования сообщу ближайшей почтой. Тогда же оглашу и свои соображения по поводу его содержания.

Полпред

Штамп: Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 151. Заверенный дешифрант.

№ 103

*Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину с предложением
о ноте правительству Германии относительно присоединения
немецких банков к международной ассоциации кредиторов России**

№ л/3080

3 ноября 1928 г.

Секретно

Экз. № 1

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)
тов. Сталину

Копии: членам Политбюро**

1. О предполагавшемся участии группы германских банков в Лондонской международной конференции кредиторов России мы были извещены официально в устной форме через наше полпредство в Берлине и через германского поверенного в делах в Москве. Я тогда же нашел форму сообщения неудовлетворительной и стал добиваться публичного выявления отношения германского прави-

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 49, п. 34.

** Копии направлены Г.В. Чичерину, Л.М. Карахану, Ф.А. Ротштейну, Б.С. Стомонякову.

тельства к затее германских банков. Последовало известное официальное коммюнике германского правительства через телеграфное агентство Вольфа. Не удовлетворило нас и это сообщение, и мы через тов. Крестинского продолжали добиваться закрепления отрицательного отношения германского правительства к выступлению банков в письменной ноте. Вместо ноты Аусамт, однако, сделал т. Крестинскому новое устное заявление более удовлетворительного содержания, чем первое, текст которого вручен т. Крестинскому в письменной форме. Содержание этого заявления известно членам Политбюро из соответственной шифровки.

2. Перед нами стоит теперь вопрос, как мы сами должны реагировать на выступление банков и выявленное к нему отношение германского правительства. Событие это слишком важное, чтобы можно было ограничиваться газетными статьями. Мне представляется необходимым наше официальное выступление, каковое мы мыслим себе в форме письменной ноты на имя германского правительства.

3. В этой ноте должно быть отмечено приблизительно следующее: В силу статьи 2-й Рапалльского договора Германия отказалась от имени государства и германских граждан от всех претензий, вытекающих из национализации и других актов советского правительства "при условии неудовлетворения аналогичных претензий других государств". Последнее условие не нарушалось, вследствие чего отказ сохраняет полную силу, и претензий германских граждан к СССР не существует. Присоединение группы германских банков к Международной ассоциации должно рассматриваться как публичное заявление означенных претензий и попытка предъявления этих претензий наравне с претензиями граждан других стран, которые договоров, вроде Рапалльского, с советским правительством не заключили. Шаг германских банков, таким образом, означает игнорирование или нарушение Рапалльского договора со стороны этих банков, а также их стремление добиваться удовлетворения претензий без посредничества германского правительства. Советское правительство полагает поэтому, что германские банки своим выступлением освободили германское правительство от необходимости выступать в защиту их интересов в отношении известных претензий при любых условиях. Со своей стороны советское правительство также не может считать себя связанным в отношении претензий данной группы, поскольку она своими действиями обнаружила стремление не считаться с договором, заключенным от их имени германским правительством. Далее в ноте должно быть отмечено, что выступление германских банков является также нарушением духа Бер-

линского договора, предусматривающего невступление Германии во враждебные коалиции и неучастие в финансовых блокадах.

4. Предлагаю посылку такой ноты, мы, конечно, заранее учитываем вероятность оспаривания германским правительством основного положения о прекращении наших обязательств в отношении группы банков, но я считал бы весьма полезным перевод претензий германских банков, на случай удовлетворения нами претензий других государств, в плоскость юридического спора.

5. Вышеизложенное ставится на рассмотрение Политбюро¹.

М. Литвинов

Помета: Ст[алину].

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 149–150. Подлинник.

¹ 12 ноября 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) решило отклонить это предложение НКВД СССР (АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 148).

№ 104

*Записка заместителя наркома внешней
и внутренней торговли СССР Л.М. Хинчука
в Политбюро ЦК ВКП(б) о составе советской делегации
на экономических переговорах в Берлине**

№ ПБ/021

12 ноября 1928 г.

Сов. секретно

Весьма срочно

Экз. № 1

В Политбюро ЦК ВКП(б)**

1. Прошу утвердить следующий состав советской делегации для советско-германских переговоров в Москве:

- т. Ленгиель – член Совета Торгпредства в Германии.
- т. Кауфман – начальник Договорно-правового управления НКТорга СССР.
- т. Розенблюм – заведующий подотдела торговой политики Экономическо-правового отдела НКВД (секретарь делегации).
- т. Шатхан¹ – и.о. начальника Иностранного отдела ПЭУ ВСНХ СССР.

Состав делегации согласован с председателем делегации т. Стомоняковым, включение же в состав делегации от ВСНХ тов. Шатхана сверх того согласовано с т. Рухимовичем.

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 50, п. 5.

** Копия направлена Б.С. Стомонякову.

2. Германское правительство предлагает начать переговоры в Москве 26 ноября.

Директивы советской делегации могут быть представлены на утверждение ближайшего заседания Политбюро. Так как завтра начинается Пленум ЦК, есть сомнение, что Политбюро не сможет утвердить этих директив раньше, чем в четверг 22 ноября. В этом случае до начала переговоров остается слишком мало времени, и целесообразно просить немцев отложить начало переговоров на неделю, т.е. до 3 декабря.

Если же Политбюро сможет утвердить директивы в понедельник 19 ноября, тогда можно согласиться на предложение немцев начать переговоры 26 ноября.

Прошу директивы по этому вопросу.

Ввиду срочности дела прошу провести решение как о составе делегации, так и о сроке начала переговоров сегодня же опросом членов ПБ.

Л. Хинчук

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 153. Подлинник.

¹ Шатхан Абрам Савельевич – и.о. начальника иностранного отдела ПЭУ ВСНХ (1928 г.), заместитель наркома снабжения СССР (1932 г.).

№ 105

*Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину
о дополнении состава делегации на экономических переговорах
с Германией**

№ л/3110/л

14 ноября 1928 г.
Секретно
Экз. № 1

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) т. Сталину

Копии: членам Политбюро**

При ближайшем рассмотрении материалов по переговорам с Германией оказалось, что немцами во время берлинских переговоров затронут ряд вопросов, с которыми никто из нынешнего состава делегации достаточно не знаком. Я имею в виду такие вопросы, которые вытекают из всей нашей прежней практики взаимоотношений с германским правительством, из имевших место

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 52, п. 40.

** Копии направлены также членам коллегии НКВД СССР.

конфликтов, тренировок и недоразумений. С фактической стороны этого дела, естественно, знаком лишь отдел Центральной Европы НКВД, который этими вопросами всегда и занимался. Ни т. Стомоняков, ни т. Розенблюм из НКВД этой группой вопросов не занимались. При переговорах в Берлине в состав делегации входил тов. Бродовский, который в качестве советника полпредства был достаточно знаком с этими вопросами. Ввиду изложенного нам представляется необходимым включить в состав делегации заведующего отделом Центральной Европы т. Б.Е. Штейна. Тов. Микоян и Хинчук не возражают.

Прошу провести решение опросом по телефону, для чего настоящее письмо рассылается мною непосредственно членам Политбюро. Необходимо возможно скорее опубликовать состав делегации, и поэтому требуется полное и окончательное определение ее состава.

М. Литвинов

Помета: Ст[алину].

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 155. Подлинник.

№ 106

*Записка Л.М. Хинчука в Политбюро ЦК ВКП(б)
о включении в состав советской делегации
по советско-германским экономическим переговорам
заведующего отделом Центральной Европы НКВД СССР
Б.Е. Штейна**

№ ПБ/022

14 ноября 1928 г.

Секретно

Срочно

Экз. № 1

В Политбюро ЦК ВКП(б)**

В дополнение к своему письму от 12 ноября 1928 г. № ПБ 021*** прошу по соглашению с тт. Литвиновым и Стомоняковым дополнительно включить в состав советской делегации по советско-германским экономическим переговорам т. Штейна – заведующего отделом Центральной Европы НКВД.

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 52, п. 40.

** Копия направлена Б.С. Стомонякову.

*** См. док. 104.

Тов. Штейн постоянно участвует в НКИД в международных переговорах, и ввиду отсутствия в составе делегации представителей полпредства СССР в Германии участие в предстоящих переговорах т. Штейна является чрезвычайно полезным.

Настоящее решение прошу провести опросом.

Замнаркомторг Л. Хинчук

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 156. Подлинник.

№ 107

*Записка председателя советской делегации
по экономическим переговорам с Германией*

*Б.С. Стомонякова И.В. Сталину о тактике и программе
предстоящих советско-германских экономических переговоров*

№ Т46

19 ноября 1928 г.

Лично

Сов. секретно

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)

тов. Сталину*

I. Тактика переговоров

Экономические переговоры с Германией, которые должны начаться в ближайшее время в Москве, представляют собою продолжение берлинских переговоров и формально имеют целью уточнение и развитие отдельных положений торгового договора 1925 г. В то время, как при прошлых переговорах в Берлине немцы всемерно раздували эти переговоры и стремились представить их перед своим общественным мнением и другими государствами в качестве серьезнейших переговоров, могущих изменить нашу систему внешней торговли и характер наших отношений с Германией, в настоящее время немцы в разговорах с нашими представителями в Берлине всячески стремятся изобразить переговоры, как пустяковые. Это объясняется в первую очередь явным провалом основных германских позиций во время прошлых переговоров: (1) жалоб на неблагоприятное развитие германо-советского товарооборота, которые были опровергнуты статистической комиссией; 2) жалоб на неудовлетворительное развитие форм торговли с нами,

* Копия направлена А.И. Микояну.

жалоб на торгпредство, которые были опровергнуты промышленной комиссией и сведены к самым ничтожным претензиям. Поскольку эти основные позиции германской стороны поколеблены и поскольку в германских хозяйственных кругах вполне определилось убеждение в невозможности поколебать нашу монополию внешней торговли, немцы стремятся придать переговорам характер урегулирования мелких разногласий. Напротив, наша позиция в переговорах несколько изменилась. В берлинский период переговоров мы стремились, в противовес немецкой постановке, доказывать, что переговоры имеют незначительный характер. В настоящее время после того, как германская печать до и после берлинских переговоров подняла вокруг них большой шум и внушила германскому общественному мнению и общественному мнению других стран представление о ненормальном развитии отношений между Германией и СССР, нам необходимо добиться в результате этих переговоров признания с германской стороны отсутствия этих ненормальностей. Помимо этого нам необходимо реагировать на целый ряд враждебных нам выступлений различных германских кругов и учреждений, имевших место во время перерыва переговоров (образование Комитета по русским делам, вступление германских банкиров в Международное объединение кредиторов России, решение берлинского суда по делу аукциона ценностей). Это заставляет нас придавать переговорам несколько более серьезный характер, чем это делают немцы.

Такова обстановка переговоров в части завершения работ Берлинской конференции.

Помимо берлинской группы вопросов, имеются, однако, гораздо более серьезные вопросы, которые должны быть поставлены на экономических переговорах между СССР и Германией. Такими вопросами являются: заключение между СССР и Германией ряда конвенций, предусмотренных торговым договором, в первую очередь заключение таможенной конвенции, и вопрос о кредитах.

Немецкая позиция сводится к разделению всех переговоров на три фазы: 1. Первая фаза – завершение берлинских переговоров. 2. Вторая фаза – переговоры о конвенциях. 3. Третья фаза – переговоры о кредитах. Между этими тремя фазами переговоров немцы, по-видимому, не хотят устанавливать никакой формальной связи. Немцы считают возможным закончить во время предстоящей Московской конференции до рождественских праздников все вопросы, вытекающие из торгового договора, подчеркивая, что эти вопросы носят мелкий характер. Что касается переговоров

о конвенциях, то немцы считают их не связанными с первыми переговорами и предлагают их вести в Берлине.

Немцы также формально не отказываются от переговоров с нами о кредитах. Однако из бесед наших берлинских товарищей с рядом руководящих лиц из германского промышленного и финансового мира и из обстоятельных бесед, которые я имел здесь с приехавшим на днях представителем имперского Союза германской промышленности Ферманом, который одновременно является членом германской делегации по переговорам с нами, явствует, что в настоящий период немцы не склонны предоставлять нам кредиты. Это объясняется двумя соображениями: 1. позицией Германии в связи с предстоящими репарационными переговорами и 2. желанием германских хозяйственных кругов выждать наших предстоящих крупных платежей по трехсотмиллионному кредиту, которые должны иметь место до марта 1929 г. Первое объяснение является несомненно отговоркой, поскольку, несмотря на предстоящие переговоры о ревизии плана Дауэса, Германия идет сейчас на предоставление гарантийного кредита Югославии и Румынии. Напротив, второе объяснение имеет большое значение, и представляется весьма вероятным, что до апреля месяца (после второго платежа) новых кредитов мы получить не сумеем. Имеются, однако, серьезные сведения, что назначение во главе германской делегации директора департамента Министерства народного хозяйства Поссе, одного из крупнейших торговых политиков Германии, связано с тем, что в Москве Поссе будет вести первые зондажные разговоры по вопросу о кредитах.

Для оценки обстановки нужно далее учесть, что заключение конвенций, в первую очередь таможенной, вызовет существенные трудности, так как Германия, не отказываясь формально от переговоров по таможенной конвенции, требует в обмен на свои таможенные скидки не только таможенных скидок с нашей стороны, но и материальных льгот, ссылаясь на то, что при нашей системе внешней торговли таможенные скидки не имеют того же значения, что в других странах. Ввиду этого переговоры по таможенной конвенции будут безусловно весьма продолжительными и едва ли успешными.

Совокупность всех изложенных обстоятельств необходимо учесть для определения тактики переговоров. Возможны два предложения:

1. Принять немецкую постановку – не связывать переговоры по уточнению положений торгового договора с конвенциями и кредитами; закончить переговоры по первой части (уточнение договора) вне зависимости от того, начнутся ли и будут ли благо-

приятны перспективы для второй (конвенции) и третьей (кредиты) части переговоров.

2. Связать первую часть переговоров по уточнению положений торгового договора со второй и третьей частью переговоров по конвенциям и кредитам; затягивать первую часть переговоров таким образом, чтобы создать возможность перехода от первой стадии переговоров ко второй и третьей.

В пользу первого предложения, которое отстаивается коллегией НКВД, говорит: а) необходимость по соображениям нашей международной политики возможно скорее закончить с успехом переговоры с Германией и этим подчеркнуть отсутствие трений между СССР и Германией и демонстрировать всему миру неизблемость германо-советской дружбы; б) длительность и малая вероятность успеха переговоров по таможенной конвенции, ввиду чего при увязке переговоров по этой конвенции с первой частью переговоров переговоры затянутся на весьма продолжительный срок и успех их будет поставлен под знак вопроса; в) несомненное нежелание германских хозяйственных кругов предоставить нам кредиты до апреля месяца и необходимость в силу этого при увязке первой части переговоров с кредитами значительно затянуть эту первую часть переговоров; г) наличие в требованиях немцев некоторых серьезных вопросов, как-то: допуск фирм для работы в СССР, гарантии, вытекающие из шахтинского процесса; при увязке первой части переговоров с кредитами нам труднее будет отклонить требования немцев, чем в том случае, если мы, приняв новую немецкую точку зрения, будем считать переговоры второстепенными и техническими.

В пользу принятия второго предложения (увязка всех трех фаз переговоров) говорит то обстоятельство, что вторая и третья фазы переговоров (конвенции и кредиты) представляют значительно больший интерес для нас, в то время как первая фаза переговоров представляет преимущественный интерес для Германии. Если мы урегулируем имеющиеся разногласия по первой части переговоров, то этим уменьшим стимулы для немцев пойти на интересующие переговоры по конвенциям и кредитам. Между тем, увязывая все три стадии, мы все же создаем баланс взаимных уступок и претензий.

Поскольку использование нами новых германских кредитов может быть произведено не ранее марта 1929 г., представляется наиболее целесообразным попытаться получить от немцев обязательство гарантии кредитов для наших закупок в Германии уже во время первого, т.е. московского периода предстоящих переговоров. Таково предложение т. Микояна. Обусловливание предо-

ставления кредитов использованием их не ранее марта (т.е. после второго срока наших платежей по трехсотмиллионному кредиту) должно существенно уменьшить для германского правительства опасения немедленного принятия на себя обязательства гарантировать наши заказы в Германии.

II. Программа переговоров

Исходя из изложенных выше соображений об обстановке переговоров и тактике нашей делегации, я, учитывая работы берлинской стадии переговоров и имевшие место за время перерыва события, предлагаю следующую программу переговоров по основным вопросам.

А. По 7-ми важнейшим германским требованиям:

1. Неудовлетворительное развитие германо-советского товарооборота. Здесь немцы обвиняют нас в том, что наш оборот не стабилен, что германская доля в импорте понижается, что трехсотмиллионный кредит не способствовал увеличению импорта из Германии. По этому вопросу мы переходим в наступление. Статистическим исследованием в Берлине мы доказали неправильность германских утверждений и теперь предлагаем немцам политическую резолюцию, в которой мы, основываясь на статистических материалах и на статье 1-й торгового договора 1925 г., будем подчеркивать взаимность лежащих на сторонах обязательств, предопределяющую необходимость предоставления немцами кредитов для наших заказов (см. резолюцию № 1).

2. Устранение хозяйственных групп Германии из германо-советского оборота. Здесь немцы жалуются на то, что мы устранили их оптовую торговлю, экспедиционный промысел, мореходные компании и страховые общества из германо-советского оборота, обслуживая в этом отношении самих себя и на германской территории. По этому вопросу мы намечаем позицию некоторых уступок, склоняющуюся к заявлениям, что мы в пределах хозяйственной целесообразности не будем устранять экономически обоснованное участие хозяйственных групп Германии в германо-советском обороте (см. резолюцию № 2).

3. Неудовлетворительность форм деловых сношений советских хозяйственных организаций с германским хозяйством.

Немцы в берлинской стадии переговоров предъявили ряд жалоб на торгпредство. Необоснованность этих жалоб была выявлена еще в берлинской стадии переговоров. Здесь мы также переходим в наступление и требуем на началах взаимности признания со стороны немцев необходимости применять к нам те же методы торговли, которые применяются ко всем западным государствам.

По этому вопросу предлагается резолюция, направленная против Комитета по русским делам. Однако в случае отказа немцев принять последний абзац нашей резолюции № 3 следует принять ее и без этого абзаца.

4. Допуск германских фирм в СССР. Этот вопрос является тем основным разногласием, которое характеризовало переговоры о торговом договоре 1925 г. Тогда немцы в течение двух лет добивались допуска их фирм для деятельности на территории СССР. В конце концов мы победили. Теперь в порядке толкования договора 1925 г. они хотят внести изменение в одном из самых существенных его пунктов. Поскольку речь идет об одном из серьезнейших завоеваний нашей экономической системы, мы должны категорически отвергнуть домогательства немцев. Вопрос о сношениях трестов с заграничными фирмами для технической консультации по вопросам капитального строительства разрешен декретом 1 июня с.г. На допуск технико-консультационных фирм непроизводственного и неторгового характера и научных и профессиональных инженерно-технических объединений можно идти. Однако нельзя принимать в международно-договорном порядке обязательства допуска германских производственных и торговых фирм хотя бы и для технической консультации, ибо это привело бы к постепенному открытию наших границ для иностранных капиталистов. Не может подлежать сомнению, что техническая консультация очень скоро привела бы к торговым операциям, поскольку открывающие свои конторы в СССР фирмы заинтересованы именно в продаже своих машин и изделий, а не в том, чтобы благодетельствовать нас советами и консультациями. В отдельных случаях, в меру действительной хозяйственной целесообразности, мы можем идти на допуск отдельных производственных фирм крупного технического значения, однако это является вопросом исключительно нашего усмотрения. Никаких обязательств и даже обещаний иностранным правительствам в этом отношении мы давать не можем (см. резолюцию № 4).

5. Германские концессии в СССР. Немцы заявляют ряд жалоб по поводу режима германских концессий в СССР. Основное положение, выдвинутое ими во время переговоров: создайте благоприятные условия для притока капитала в СССР. На целый ряд их пожеланий уже отвечает принятое решение об активизации концессионной политики. В части их других пожеланий – в отношении приравнения к государственным организациям – следует пойти навстречу. Так, я предлагаю дать директиву ГКК приравнять германских концессионеров в области налогов, железнодорожных тарифов и отнесения концессионеров в соответствующую группу

кредиторов при удовлетворении претензий – к государственным предприятиям. Это должно быть оформлено в виде специальных соглашений ГКК с подлежащими концессионерами, а не в форме какого-либо международно-правового протокола. Одновременно предлагается дать директиву ВЦСПС не исключать служащих концессионных предприятий из профсоюзов, что вызывает большие нарекания с немецкой стороны.

Все решения по концессионным вопросам не должны быть оформлены в переговорах. Формальные претензии немцев по применению концессионных договоров должны быть исключены из программы конференции, и по этому вопросу давать разъяснения должно быть предоставлено право председателю советской делегации в качестве члена ГКК. Для того, чтобы усилить эту нашу позицию формального исключения концессионных вопросов из программы конференции, необходимо на практике удовлетворить пожелания немцев, изложенные выше (см. резолюцию № 5).

6. Право сношений экономического отдела германского посольства в Москве. В связи с выраженным немцами пожеланием предоставить большую свободу сношений с нашими учреждениями экономическому отделу германского посольства я предлагаю (учитывая то, что если бы немцы, согласно торгового договора, открыли в Москве торгпредство с информационными целями, оно получило бы по договору еще большие права) в этом вопросе частично удовлетворить пожелания немцев, предоставив экономическому отделу германского посольства в Москве право сношений с общесоюзными народными комиссариатами Союза и Наркомземом РСФСР в лице членов коллегии этих комиссариатов (резолюция № 6).

7. Гарантии для германских инженеров и фирм. Немецкая печать подчеркивает, что вопрос о гарантиях для германских инженеров будет поставлен германской делегацией в переговорах в качестве выводов из шахтинского процесса. Некоторые газеты указывают, что будет предъявлено требование уточнения положений Уголовного кодекса в части определения понятия “саботаж”. Другие газеты говорят, что будет выдвинуто предложение допустить германских защитников в советские суды. Несомненно, что во всю ширь будет поставлен вопрос об экономическом шпионаже. По этому вопросу у нас уже имеется позиция, зафиксированная в форме разъяснительного постановления Пленума Верховного Суда СССР и учитывающая в значительной степени германские предложения, поскольку экономическим шпионажем будет считаться не разглашение планов трестов и кооперации, а лишь разглашение планов ВСНХ, Наркомторга и СТО.

Что касается остальных гарантий, то, поскольку предложения немцев не известны, о них придется докладывать Политбюро дополнительно.

Б. По нашим требованиям:

1. Увязка расширения наших заказов с предоставлением кредитов. Это будет, как уже сказано выше (см. п. 1 германских предложений), сделано в форме выводов из работ статистической комиссии о характере товарооборота за прошлое время (см. резолюцию № 1).

2. “Русский комитет”. По этому вопросу содержится постановление в резолюции № 3, предложенной в форме выводов из работ комиссии по рассмотрению взаимных жалоб.

3. Таможенный вопрос. Мы предложим немцам предоставить нам таможенные скидки в форме заключения таможенной конвенции или в каком-либо другом виде, соответствующем германским конституционным возможностям. Для облегчения продвижения этого вопроса мы будем требовать скидок лишь по товарам, во ввозе которых в Германию мы занимаем или можем занимать значительное место, а также по товарам, понижение пошлин на которые сыграет существенную роль в увеличении их потребления в Германии. На основные аграрные продукты (пшеница, рожь) мы скидок требовать не будем. В соответствии с изложенным выше предлагается не связывать окончания переговоров по вопросам торгового договора с достижением окончательных результатов по этому вопросу и удовлетвориться в крайнем случае фиксацией твердого срока начала переговоров о таможенной конвенции и установлением общих согласованных между сторонами принципов будущего соглашения (резолюция № 7).

4. Ветеринарный вопрос. Мы выдвинем ряд ветеринарных требований, облегчающих проникновение наших продуктов животноводства на германский рынок (резолюция № 8).

5. Вступление германских банкиров в Международное объединение кредиторов России. В виде общего вопроса германско-советских хозяйственных отношений мы поставим вопрос о вступлении германских банкиров в Международное объединение русских кредиторов. С нашей стороны будет подчеркнуто, что эта акция банкиров препятствует дальнейшему расширению экономических связей между обеими странами, поскольку участие банкиров в международных комбинациях, осложняющих предоставление нашей торговле кредитов, не может не явиться тормозом для развития дальнейших отношений. По этому вопросу будет предложена соответствующая резолюция (см. резолюцию № 9).

Наложение ареста на наши товары в Германии. В связи с известным делом иска русского эмигранта к германскому акционеру в отношении наших ценностей, каковое дело суд не только принял к производству, но даже наложил арест на наш товар, мы потребуем от немцев дачи разъяснения своим судам, что в их компетенцию не входит обсуждение вопросов о правомерности тех титулов, на основании которых наше государство владеет тем или иным имуществом, что они должны не принимать имущественных исков по таким делам и вообще не принимать исков к нашему государству, за изъятием тех дел, в отношении которых мы подчинились германской юрисдикции, т.е. в отношении дел, вытекающих из операций нашего торгпредства (см. резолюцию № 10).

7. Кредиты. Что касается кредитов, то предлагается дать делегации директиву добиваться от германской делегации хотя бы принципиального согласия Германии гарантировать предоставление СССР в лице берлинского торгпредства долгосрочных кредитов в общей сумме до 200 млн руб. на следующих основных условиях:

а) кредиты на сумму в 150 млн руб. предоставляются для закупки оборудования (средств производства),

б) кредиты на 50 млн руб. идут на закупки готовых изделий германской промышленности,

в) срок первых кредитов (п. а) – 6 лет, срок 2-х кредитов (п. б) – не менее 2-х лет.

г) сроки кредитов считаются, начиная со дня отправки заказанного нами товара из Германии,

д) кредиты используются нами в течение двух лет, начиная с марта 1928 г.

В случае категорического отказа немцев принять эти конкретные кредитные обязательства в Москве можно ограничиться получением от Германии в общей форме обещания гарантировать предоставление нам долгосрочных кредитов наподобие тому, как немцы сделали это в 1925 году, когда после долгих безуспешных переговоров они дали нам ноту с подобным обещанием. Как известно, тогда уже через 3 месяца они приступили к выполнению своего обещания (300-миллионный кредит). Эта позиция зафиксирована также в резолюции № 11.

Помимо этих шести важнейших вопросов, которые будут выдвинуты с той и другой стороны, имеется еще целый ряд более мелких вопросов (ввоз образцов, транзит почтовых посылок, ввоз орудий промыслов и предметов личного потребления и пр.), по

которым я предлагаю разрешить наметить позиции совместно Наркомторгу и НКВД.

Председатель делегации
по экономическим переговорам с Германией Б. Стомоняков

Пометы: В круговую для прочтения. Читал. Угланов, Микоян, Орджоникидзе. Читал...* Читал. М. Томский. Читал. Андреев. В. Куйбышев. Читал...**

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 158-168. Подлинник.

Приложение 1

*Приложения к записке Б.С. Стомонякова И.В. Сталину
от 19 ноября 1928 г.*

Не позднее 19 ноября 1928 г.***

Сов. секретно

Резолюция № 1

Неудовлетворительное развитие германо-советского оборота,
особенно германского вывоза в СССР
в связи со ст. I Экономического соглашения

В результате исследования статистических материалов, характеризующих товарооборот между обеими странами за время действия договора от 12.10.1925 г. стороны с удовлетворением констатируют, что характер этого товарооборота находился в соответствии с постановлениями ст. I Экономического соглашения.

Ввиду обязательств, принятых обеими сторонами на себя по ст. I, и руководствуясь основным принципом Рапалльского договора о предоставлении друг другу привилегий и преимуществ, которые ими предоставляются любой другой стране (с соблюдением при этом ст. 6-й общих постановлений договора от 12.10.1925 г.), каждая из сторон будет в осуществлении упомянутой ст. I Экономического соглашения оказывать содействие дальнейшему развитию хозяйственных отношений между обеими странами: СССР – путем возможного использования экспортных возможностей германского хозяйства в форме размещения заказов на германском рынке и предоставления таможенных скидок для германских товаров при их ввозе в СССР, путем устранения излишних формальностей, препятствующих нормальному товарообороту между обеими странами, а также путем содействия устранению препятствий организационного порядка, вытекающих из различия хозяйственных систем обеих стран, поскольку

* Подпись неразборчива.

** Подпись неразборчива.

*** Датируется по основному документу.

это совместимо с основными положениями монополии внешней торговли, являющейся одним из основных законов Советского государства; Германия – путем облегчения условий размещения советских заказов на германском рынке в первую очередь путем содействия предоставлению советским хозяйственным организациям долгосрочных кредитов, а также путем предоставления таможенных скидок для развития советского экспорта и устранения излишних формальностей, препятствующих нормальному развитию товарооборота между обеими странами.

Резолюция № 2

Устранение хозяйственных групп Германии из германо-советского оборота

А) Устранение оптовой торговли

Торговое представительство придерживается и будет придерживаться тех торговых методов, которые практикуются в соответствующих отраслях хозяйства. Уже до сих пор германская экспортная и импортная торговля играла значительную роль в операциях торгпредства. О каком-либо принципиальном исключении германской торговли из оборота торгпредства не может быть и речи, поскольку при выборе своих контрагентов торгпредство руководствуется исключительно соображениями хозяйственной целесообразности и в соответствии с этим прибегает к услугам торговых фирм в тех случаях, когда участие этих фирм экономически оправдано и хозяйственно выгодно.

В виде второй позиции можно добавить следующую фразу: “Торговое представительство вообще, как правило, не прибегает к непосредственной связи с потребителем или розничной торговле за исключением тех отраслей хозяйства, где розничная торговля стала общепринятым методом, практикуемым в этой отрасли крупнейшими производственными предприятиями капиталистического мира”.

Б) Устранение экспедиционного промысла

Советская сторона заявляет, что германский экспед[ицион-ный] промысел до сих пор использовывался, а в будущем предполагается к использованию в еще большей степени.

2-я позиция – сделать заявление не подлежащее занесению в генер[альный] протокол, что мы готовы часть наших закупок производить фоб* германские порты.

* Условия, согласно которым продавец несет расходы по доставке и погрузке товара в порту (англ.).

В) Устранение мореходства

Советская сторона будет рекомендовать своим хозяйственным организациям, имеющим право фрахтования тоннажа, оказывать в советско-германском обороте при отсутствии свободного советского тоннажа и при прочих равных условиях предпочтение германским судам.

Г) Устранение страхового промысла

Советская сторона заявляет, что: 1) Германские страховые общества не исключены из советско-германского товарооборота; наоборот, от перестраховок советских импортных и экспортных грузов в германских страховых обществах эти последние получают значительные доходы.

2) При страховании своих грузов советские хозяйственные организации руководствуются и будут руководствоваться исключительно соображениями хозяйственного порядка.

Резолюция № 3

Неудовлетворительные формы деловых сношений советских хозяйственных организаций с германским хозяйством

1. После ознакомления с материалом, представленным обеими сторонами о формах взаимного товарооборота, стороны констатируют, что этот оборот в общем развивался нормально и что имевшиеся жалобы и недоразумения представляют единичные явления, не характерные для развития хозяйственных отношений между обеими странами.

2. Имевшие место единичные случаи расхождений передаются соответствующим хозяйственным организациям на благожелательное рассмотрение.

3. Стороны признают, что в каждой отдельной отрасли торговли в СССР к Германии и в Германии к СССР не должны применяться иные методы, чем те, которые применяются в соответственной хозяйственной отрасли к торговле данной страны с другими западными странами.

Стороны признают несовместимым с изложенным положением образование в одной из них учреждений или организаций, ставивших своей целью создание специального не распространяющегося на другие страны режима для регулирования хозяйственных отношений с другой стороной. Ввиду этого, они будут рекомендовать своим хозяйственным органам не прибегать к созданию подобных учреждений, организаций или объединений.

Резолюция № 4

Допуск германских фирм к операциям в СССР

а) Заявить немцам, что поставленный ими вопрос о технической консультации до выдачи заказов разрешается в ст. 47-й постановления СНК СССР 1.06 с.г. "О мерах упорядочения капитального строительства промышленности и электростроительства", в развитие которого издана ведомственная инструкция.

Инструкции до переговоров не издавать. На переговорах показать немцам основные положения нашего проекта и в случае, если они не встретят возражений, издать инструкцию.

В протокол можно записать следующее постановление: "В связи с выраженным германской стороной пожеланием о расширении практики технических консультаций советская сторона сообщает, что такие консультации предусмотрены постановлением ЦИК и СНК СССР от 1.06 с.г. в ст. 47-й и изданной в развитие этой статьи ...[числа]* инструкции".

б) Заявить немцам, что их предложение о допуске фирм для технической консультации является замаскированным возвратом к позиции 1925 г. о праве аквизиций**.

Указать, что пожелание производственных фирм о технической консультации разрешается правом соответственных письменных сношений трестов с этими фирмами, предоставленным декретом от 1 июня. Что касается фирм технико-консультационных, то на допуск их в облегченном порядке мы согласны. Предложить следующую формулу:

"Советское правительство соглашается допускать в облегченном порядке к открытию своих контор в СССР зарекомендованные технико-консультационные фирмы не производственного и не торгового характера, а равно профессиональные и научные инженерно-технические организации и объединения".

Регистрация этих организаций, фирм и объединений будет производиться в упрощенном порядке.

в) Заявить немцам, что вопрос о допуске фирм для торговых переговоров и производственных фирм для технической консультации разрешается декретом от 12.04.1923 г. Практика применения этого декрета определяется хозяйственной целесообразностью допущения той или другой торговой фирмы для СССР.

* Так в текст.

** Приобретение, привлечение транспортными или страховыми компаниями новых грузов или страхований.

Резолюция № 5

Германские концессии в СССР

Заявить немцам, что все концессионные вопросы мы разбиваем на две группы:

- а) Общие права концессионеров, не предусмотренные концессионными договорами и
- б) конкретные права предоставленные концессион. договорами.

По первой категории прав мы принимаем дипломатическую защиту и готовы обсуждать эти вопросы на конференции. Что касается второй категории прав, то они подлежат разрешению непосредственно между ГКК и концессионерами.

Согласиться на образование специальной комиссии по концессионным вопросам, которая разобьет жалобы немцев на 2 приведенные группы.

По вопросам концессионных договоров разрешить председателю делегации в качестве члена ГКК в частной беседе с председателем германской делегации дать разъяснения по вопросам, поставленным немцами. По тем пунктам, где немцы ставят вопрос о приравнивании концессионеров к государственным предприятиям, заявить, что в соответствии с последними решениями правительства Главный концессионный комитет получил директиву в ряде вопросов, в частности, в вопросе о налогах, о железнодорожных тарифах и об отнесении концессионеров в соответственную группу кредиторов при удовлетворении претензий приравнивать концессионеров к государственным предприятиям.

В отношении исключения служащих концессионных предприятий из профсоюзов заявить, что ВЦСПС дал нужные указания профессиональным союзам о полном приравнивании концессионных предприятий в отношении права их служащих состоять членами профсоюзов к государственным предприятиям Союза.

Оформить заявление председателя делегации не в виде международно-правового протокола, а в форме дополнительных соглашений ГКК с соответственными германскими концессионерами в тех случаях, когда это потребуется.

Претензию немцев по вопросу об арбитраже (место суда в нейтральной стране и суперарбитр-гражданин нейтрального государства) категорически отклонить.

Резолюция № 6

О сношениях германского посольства в Москве с советскими органами

Делегация СССР заявляет, что со стороны компетентных органов Союза не встречается препятствий к непосредственным сношениям в устной или письменной форме с информационными целями экономического отдела германского посольства в Москве со всеми общесоюзными комиссариатами СССР и НКЗемом РСФСР в лице членов коллегии этих комиссариатов.

Резолюция № 7

Вопросы таможенных скидок

Предъявить немцам наш проект таможенной конвенции, в котором просить понижение пошлин лишь:

а) По товарам, во ввозе которых в Германию мы занимаем или можем занять значительное место, а равно:

б) на товары, понижение пошлин на которые сыграет существенную роль в увеличении их потребления в Германии.

в) на основные зерновые продукты (пшеницу, рожь) скидок не требовать.

Не связывать формально переговоров по таможенной конвенции с переговорами по вопросам, вытекающим из торгового договора.

В случае отказа немцев в первой стадии переговоров пойти на переговоры о таможенной конвенции, добиться: а) фиксации твердого срока начала переговоров, б) установления общих согласованных между сторонами принципов будущей конвенции. При установлении этих принципов исходить из намеченных выше общих положений.

Резолюция № 8

Ветеринарные вопросы

В виде первой позиции отстаивать применение наибольшего благоприятствования и в области ветеринарного режима, в результате чего целый ряд не допускаемых в настоящее время в Германию продуктов советского экспорта получил бы доступ на германский рынок. Выдвинуть по этому вопросу следующую формулу:

Стороны согласны в том, что принцип наибольшего благоприятствования, установленный ст. 12-й экономического соглашения, в области режима внешней торговли подлежит применению и к ветеринарному режиму, устанавливаемому в одной из сторон по отношению к продуктам животноводства другой. Дискрими-

нации, могущие быть установленными в силу п. “а” этой статьи, могут быть введены одной стороной в отношении провенансов* другой лишь в случае неблагоприятного состояния этой последней стороны в отношении эпизоотий.

В виде второй позиции необходимо выдвинуть ряд конкретных пожеланий в области ветеринарного режима, установленного договором от 12 октября 1925 г. в смысле благожелательного применения соответственных постановлений этого договора.

Резолюция № 9

Принимая во внимание, что имевшие место в последнее время выступления германского консорциума банков по вопросам предъявления к СССР претензий, вытекающих из мероприятий советского правительства, предусмотренных в ст. 2-ой Рапалльского договора, не могут не иметь последствием затруднения в дальнейшем развитии экономических отношений между СССР и Германией, и что они являются несовместимыми с духом договора от 12.10.1925 г., – стороны соглашаются в том, что ст. 4-я общих постановлений договора от 12 октября 1925 г. должна быть в связи со ст. 2-й Рапалльского договора понимаема в том смысле, что до наступления условий, упомянутых в последнем предложении названной статьи 2-й Рапалльского договора, германские физические и юридические лица не могут ни предъявлять непосредственно, ни участвовать в каких-либо других организациях в целях предъявления через эти организации своих претензий по отношениям, предусмотренным упомянутой статьей.

Резолюция № 10

Наложение ареста на наше имущество в Германии

Учитывая имевшее место решение Берлинского камер-герихта**, в котором суд вынес постановление о наложении ареста на заведомо государственное имущество СССР, германская сторона заявляет о своем согласии в форме, соответствующей германским законам, дать разъяснение германским судам, что они не могут принимать к своему производству исков об истребовании имущества из владения ответчика (виндикационных исков)***, если таковые иски предъявляются к СССР или его органам, или к таким третьим лицам, которые обладают этим имуществом в качестве зависимых от СССР владельцев, а также вообще не могут принимать к СССР как к суверенному государству исков, за изъятием тех дел, по которым СССР, согласно статьи 7 экономического

* Происхождение ввозимых товаров.

** Судебная палата (нем.)

*** Иски о возвращении имущества.

соглашения 1925 г., подчинялся германской юрисдикции, т.е. по совершенным в Германии правовым действиям торгового представительства и по их хозяйственным результатам.

Резолюция № 11

Кредиты

I. Позиция:

Добиваться принципиального согласия Германии гарантировать предоставление СССР в лице берлинского торгпредства долгосрочных кредитов в общей сумме до 200 млн рублей на следующих основных условиях:

а) кредиты на суммы в 150 млн руб. предоставляются для покупки оборудования, средств производства;

б) кредиты на 50 млн руб. идут на закупки готовых изделий германской промышленности;

в) срок первых кредитов (п. а) – 6 лет; срок вторых кредитов (п. б) – не менее 2-х лет;

г) сроки кредитов считаются, начиная со дня отправки заказанного нами товара из Германии;

д) кредиты используются нами в течение 2-х лет, начиная с марта 1928 г.

Вторая позиция:

Добиваться принятия немцами следующей резолюции:

“Имея в виду данное им в ноте № 6, приложенной к договору от 12.10.1925 г., обещание оказывать возможную поддержку предоставлению кредитов германским хозяйством советским хозяйственным организациям и облегчать их проведение, германское правительство соглашается гарантировать экспортные долгосрочные кредиты, предоставляемые германскими фирмами советским хозяйственным организациям для закупок в Германии”.

Резолюция: В круговую для прочтения.

Читал. Угланов.

Читал. М.*

Микоян.

Читал. Андреев.

Орджоникидзе.

В. Куйбышев

Читал. М.Томский.

Читал**

Помета М.П. Томского: Замечание к п. 5 (стр. 7) предложений тов. Стомонякова.

1) Предложение тов. Стомонякова неясно! Есть случаи неправильного отношения со стороны отдельных профсоюзов к служащим концессионных предприятий – это надо исправлять.

* Подпись неразборчива.

** Подпись неразборчива.

2) Есть запрещение принимать в Союз лиц, ведающих наймом и увольнением на частных и концессионных предприятиях – это вопрос классовой политики, и здесь на уступки идти нельзя.

М. Томский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 655. Л. 169–180. Подлинник.

№ 108

*Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину
с просьбой обсудить на заседании Политбюро ЦК ВКП(б)
записку Б.С. Стомонякова**

№ л/3131

21 ноября 1928 г.

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)
тов. Сталину

Согласившись на предложенный немцами срок начала переговоров, Политбюро имело в виду обсудить еще на этой неделе вопросы и предложения, связанные с этими переговорами. Если завтра, в четверг, очередного заседания Политбюро не будет, то я просил бы созвать экстренное заседание Политбюро во время какого-либо заседания пленума или между заседаниями для обсуждения записки, посланной тов. Стомоняковым. Должен отметить, что в отношении тактики переговоров имеются некоторые расхождения между НКВД и т. Микояном.

Литвинов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 7. Заверенная копия.

№ 109

*Запись беседы Б.С. Стомонякова
с руководителями германской делегации
по организационным вопросам***

№ 6439

26 ноября 1928 г.

Секретно
Экз. № 4

Запись беседы с руководителями германской делегации
Поссе и Марциусом

Еще до приезда делегации было условлено с германским посольством, что я приму в понедельник утром 26-го председа-

* Штамп: Прот[окол] ПБ № 52, п. 29.

** Копии направлены И.В. Сталину, Г.В. Чичерину, М.М. Литвинову, Н.Н. Крестинскому, А.И. Микояну, Б.Е. Штейну.

теля германской делегации Поссе. В день приезда делегации ее секретарь Генке¹ сообщил, однако, тов. Розенблюму, что вместе с Поссе ко мне придет и Марциус. Я просил тов. Штейна в частном порядке выяснить у Гильгера, какая именно встреча имеется в виду: интимный ли разговор двух председателей делегации или формальное заседание. В последнем случае я приглашу также кого-нибудь из нашей делегации. Гильгер через 2 часа после разговора с тов. Штейном сообщил, что вопрос улажен в том смысле, что ко мне придет один Поссе для непринужденной беседы с глазу на глаз. Однако через полчаса после этого Генке сообщил тов. Розенблюму, что германская делегация “не одобрила” отказ Марциуса сопровождать Поссе при посещении меня, что германская делегация не возражает против того, чтобы Поссе пришел ко мне один, но настаивает на том, что, как только начнется деловой разговор, должен быть вызван Марциус, который будет ожидать этого вызова. В объяснение всех этих непонятных заявлений немцы приводили соображение, что Поссе и Марциус являются равноправными председателями германской делегации. Посоветовавшись с тов. Литвиновым, я сообщил вчера вечером Поссе и Марциусу через тов. Розенблюма, что я приму их сегодня одновременно.

После краткого приветствия Поссе заявил, что главным желанием германской делегации является возможно более скорое окончание переговоров. Кроме того, у него лично очень много всякой работы, и он не сможет уделить много времени этим переговорам.

Я ответил, что это совпадает с нашим желанием и что мы также не хотели бы тратить много времени на эти переговоры. От делегаций, в частности, от немецкой, будет зависеть ускорение переговоров. После этого я сказал, что ввиду происшедших недоразумений я хотел бы получить от моих собеседников точную информацию о составе германской делегации.

Поссе стал перечислять известных нам членов делегации.

Я спросил, все ли эти лица являются членами делегации и у всех ли имеется полномочия?

Поссе сказал, что полномочия имеют только он и Марциус.

В таком случае, — сказал я, — перечисленные Вами лица являются не членами делегации, а экспертами?

Поссе был смущен этим вопросом. Но все же сказал, что все перечисленные им лица входят в делегацию, хотя и не имеют полномочий. Марциус вставил, что он и Поссе имеют полномочия от президента республики.

Я констатировал, что наши делегации находятся в несколько различном положении, поскольку все члены советской делегации снабжены полномочиями для переговоров.

Затем Поссе предложил создать две комиссии для проработки вопросов: правовую и экономическую.

Я сказал, что мы наметили три комиссии: правовую, экономическую и экспортно-импортную. Так как в экономической комиссии очень много вопросов, я опасаясь, что она будет слишком перегружена, если на нее возложить проработку также и тех вопросов, которые мы имели в виду передать экспортно-импортной комиссии. Впрочем, это вопрос не принципа, а целесообразности, и вопрос этот может быть решен только после обсуждения программы вопросов обеими делегациями.

Поссе стал читать затем список вопросов для каждой из комиссий.

Я сказал ему, что не хотел бы связывать себя немедленным решением этого вопроса, который опять-таки является вопросом не принципиальным, а вопросом целесообразности. По существу, за исключением вопросов, относящихся к соглашению о поселении, все остальные вопросы могут быть одинаково переданы либо в правовую, либо в экономическую комиссию. Здесь необходимо считаться как с практикой мартовских переговоров, так и с соображениями целесообразности. Я не хотел бы поэтому решать этот вопрос без моих товарищей по делегации.

Поссе сказал, что он пришлет мне после обеда свой список для ознакомления.

Затем я предложил сегодня же начать работу, поскольку обе стороны заинтересованы в ускорении переговоров.

Поссе опять смутился и сказал, что сегодня им неудобно и что он предложил бы созвать пленум конференции завтра утром.

Я, конечно, с этим согласился. Затем я предложил уговориться насчет регламента работ конференции.

Поссе предложил собираться лишь в одной половине дня с тем, чтобы делегации имели возможность в другую половину дня посвящать обсуждению результатов работ, произведенных в этот день. Он полагал, что следует собираться от 10-ти или 11-ти часов до 1 ½ час. или до 2-х часов.

Я предложил в целях ускорения работ конференции созывать заседания комиссий от 10-ти до 2-х час., а вторую половину дня посвящать созывам пленарных заседаний.

Поссе вновь смутился. Ему было явно неприятно, что я оказался в роли того, кто торопит, и, с другой стороны, мои предложения его тоже не устраивали. Он предложил работать до 1½ час., высказав мнение, что, вероятно, к этому времени у нас наступает завтрак.

Я сделал вид, что не понимаю, что он говорит о своем завтраке, сказав, что у нас непрерывное служебное время до 3 ½ час.

и что предлагаю, чтобы комиссии заседали до 2-х часов с тем, чтобы они больше успевали, и с тем, чтобы работы конференции шли скорее.

Поссе ничего не оставалось, как согласиться. Что касается второй половины дня, то он предложил держать ее свободной, а относительно времени созыва пленарных заседаний договариваться особо.

Я с этим согласился. Относительно председательствования на пленарных заседаниях, как и в комиссиях, я предложил, чтобы председатели каждой из сторон чередовались. Поссе это также принял. Относительно записей я предложил, чтобы не было стенографирования и чтобы ограничиться составлением коротких деловых протоколов, которые ведутся техническими секретарями, а затем согласовываются генеральными секретарями делегаций.

Поссе с этим согласился и предложил, чтобы в комиссиях вообще никаких протоколов не было.

Я предложил, чтобы в комиссиях также делались краткие записи решений, которые подписывались бы секретарями комиссий, с тем, однако, чтобы такие протоколы рассматривались как “вспомогательные документы”, которые теряют всякую силу, после того, как соответственный вопрос докладывается комиссией пленуму и пленум принимает по нему решение.

Поссе также с этим согласился.

Относительно прессы я предложил, чтобы сообщения давались только по соглашению председателей обеих делегаций.

Поссе ответил, что это является обычным в международных переговорах.

Я сказал, что, тем не менее, во время предыдущих переговоров в марте месяце в германскую прессу просачивались довольно детальные сообщения о конференции. Я просил бы теперь германскую делегацию и германское посольство принять с самого начала серьезные меры против того, чтобы пресса мешала работам конференции.

Поссе сказал, что он знает о наших жалобах в отношении мартовской конференции и что он примет все меры к тому, чтобы в германскую прессу не поступало никаких нежелательных сообщений, мешающих переговорам.

Затем я предложил порядок дня открытия конференции, который был принят моими собеседниками.

После некоторого колебания в самом начале беседы Поссе все более решительно выступал в роли действительного председателя делегации, оттерев Марциуса на второй план. Только в самом начале беседы Марциус подавал реплики, а потом уж совсем

стушеввался. Говорил один Поссе и говорил довольно авторитарно от имени германской делегации: “Я сделаю это”, “Я обещаю Вам это”, “Я приму меры” и т.д. и т.п., а когда под конец речь зашла о дальнейших пленарных заседаниях, то он, уже вполне овладев своей ролью, заявил, что по мере проработки вопросов в комиссиях либо он, либо мы с ним будем условливаться о созыве пленарных заседаний, либо мы будем встречаться вдвоем и обсуждать положение. Это уже было довольно бесцеремонно по адресу присутствовавшего Марциуса.

Разговор прошел в общем довольно сухо. Тон был дан первым довольно наглым заявлением Поссе о том, что они торопятся и что они не могут долго сидеть в Москве. После этого я должен был принять формальный тон.

Б. Стомоняков

Помета: т. Сталину

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 2-5. Копия.

¹ Генке Андор (1895–1984) – немецкий дипломат, личный референт посла Германии У. Брокдорфа-Ранцау в Москве в 1922–1928 гг., секретарь немецкой делегации на советско-германских экономических переговорах в 1928 г. в Москве, помощник статс-секретаря МИД Германии, в 1940 г. возглавлял немецкую делегацию на смешанной советско-германской комиссии по пограничным вопросам в Москве.

№ 110

*Записка М.М. Литвинова и Б.С. Стомонякова
И.В. Сталину с предложением о создании
постоянной комиссии Политбюро ЦК ВКП(б)
для ознакомления с ходом переговоров**

Не ранее 26 ноября 1928 г.**

Т. Сталину

В ходе переговоров могут вставать вопросы, разрешение которых не сможет быть откладываемо до очередных заседаний Политбюро.

Не найдете ли целесообразным предложить выбрать небольшую постоянную комиссию?

Литвинов
Б. Стомоняков

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 8. Заверенная копия.

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 52, п. 29.

** Датируется по док. 118.

№ 111

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О переговорах с немцами”*

№ П 52/8-рс

26 ноября 1928 г.
Строго секретно
Из “Особой папки”

29. Принять предложение т. Литвинова.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 565. Л. 6. Копия.

№ 112

Бюллетень № 2 советско-германских экономических переговоров**

28 ноября 1928 г.
Сов. секретно

С 9-ти до 12-ти состоялось заседание экономической комиссии. На заседании присутствовали председатели обеих делегаций.

С нашей стороны на обсуждение была поставлена статья 1-я экономического соглашения, предусматривающая необходимость взаимного содействия сторон развитию товарооборота между СССР и Германией. Из этой статьи, как известно, мы выводим то положение, что, если Германия заинтересована в развитии и росте товарооборота с СССР, она должна содействовать этому развитию специальными мероприятиями, в первую очередь – долгосрочными кредитами.

Нами была предложена выработанная в этом духе резолюция, содержащая в 1-й части констатацию роста товарооборота в прошлом до довоенного уровня, а во 2-ой части – увязку заказов с кредитами для будущего товарооборота.

По первой части (о прошлом товарообороте) немцы обещали представить свою формулу, по второй части они предложили сначала пойти по конкретным статьям соглашения, а затем вернуться к общей формулировке. При нашем указании, что кредиты формально ни под какую статью не подходят, немцы указали, что вопрос о кредитах вообще лежит вне рамок происходящей конференции. При повторных наших указаниях, что рост товарооборота находится в прямой зависимости от предоставления кредитов, немцы заявили,

* Вопрос представлен М.М. Литвиновым и Б.С. Стомоняковым. Выписка из протокола № 52 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 26 ноября 1928 г., п. 29.

** Копии направлены И.В. Сталину, А.И. Рыкову, А.И. Микояну, В.В. Куйбышеву, М.М. Литвинову, Б.С. Стомонякову.

что не будут возражать против нашего одностороннего заявления в протоколе, что дальнейшее развитие товарооборота требует создания для этого предпосылок с германской стороны, в частности, кредитов. Дискуссия будет продолжаться на следующем заседании.

С 12 до 3 часов состоялось заседание правовой комиссии. Закончилось обсуждение визных вопросов и вопросов третейского разбирательства. В мелких вопросах мы пошли немцам навстречу. Немцы вручили предложение по согласительной междугосударственной процедуре. Основное содержание предложения в том, что предлагается образование согласительной комиссии без супер-арбитра или по желанию обеих сторон комиссии с нейтральным председателем для рассмотрения споров по толкованию торгового договора, но не по отдельным случаям применения его на практике. Решения этой комиссии не будут окончательными и могут быть правительствами не приняты. Вопрос на заседании не обсуждался по существу, и мы обещали сообщить нашу позицию дополнительно.

К концу заседания немцы предъявили свой проект об охране прав их граждан (выводы из шахтинского процесса). Проект несколько расходится с тем, что писала германская пресса. Он не содержит никаких предложений по изменению нашего уголовного права и представляет лишь ряд в известной части неприемлемых конкретных предложений уголовно-процессуального характера (допуск консула к обвиняемому через 7 дней, сообщение обвиняемому, в чем он обвиняется, через день и т.д.).

Вечером германская делегация была приглашена на спектакль в Большом театре. Вместе с германской делегацией были некоторые представители нашей делегации.

Б. Стомоняков

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 9–10. Копия.

№ 113

Бюллетень № 3

*советско-германских экономических переговоров**

29 ноября 1928 г.

Сов. секретно

С 9 ½ до 1 час. 30 мин. состоялось одновременно заседание правовой и экономической комиссий.

В экономической комиссии была закончена дискуссия прошлого дня (см. бюллетень № 2) по ст. 1 экономического согла-

* Копии направлены И.В. Сталину, А.И. Рыкову, А.И. Микояну, В.В. Куйбышву, Г.В. Чичерину, Н.Н. Крестинскому, М.М. Литвинову, Б.С. Стомонякову.

шения, с которой мы связываем постановку вопроса о кредитах. Принято решение сначала обсудить конкретные вопросы, связанные с отдельными статьями экономического соглашения, на формальных заседаниях конференции, а вопросы, из статей непосредственно не вытекающие (в первую очередь кредиты), передать на рассмотрение председателей обеих делегаций. После этого обсуждения стороны в экономической комиссии вернутся к рассмотрению общей резолюции.

Принятию этого решения предшествовала продолжительная дискуссия, в которой нами в качестве вывода из ст. 1-й экономического соглашения, говорящего о расширении товарооборота, был поставлен вопрос о необходимости предоставления германской стороной кредитов. По ходу этой дискуссии с нашей стороны все время подчеркивалось, что требование кредитов выставляется не в качестве безусловного, но что кредиты являются предпосылкой для стабилизации и особенно для увеличения товарооборота. Соответствующее заявление председателя советской делегации зафиксировано в протоколе экономической комиссии.

Все остальное время было занято оживленной дискуссией по немецкому предложению о праве сношений экономического отдела германского посольства в Москве. Немцы, по-видимому, под нажимом посольства, придают этому вопросу большое значение и требуют права сношений не только с центральными властями, но и с Главным концессионным комитетом, Государственным банком, центральными кооперативными организациями, трестами и коммунальными хозяйствами. Мы согласились на право сношения экономического отдела с общесоюзными комиссариатами и Наркоземом РСФСР, но возражаем против сношения с Главконцесскимом и другими вышеупомянутыми организациями.

В вопросе о Главконцесском немцы проявили особенное упорство, ясно подчеркивая стремление посольства защищать права отдельных концессионеров перед Главконцесскимом. Мы развивали нашу принципиальную аргументацию (см. бюллетень № 1)¹ по концессионным вопросам. Вопрос остался несогласованным.

В правовой комиссии немцы сделали краткое сообщение по переданному ими предложению о праве посещения германскими консулами арестованных. Это предложение, как указывалось в бюллетене № 2, содержит ряд положений уголовно-процессуального характера, идущих дальше нашего уголовно-процессуального кодекса и оперативной практики следственных органов. Мы от обсуждения уклонились, заявив, что не имеем директив.

При обсуждении ряда мелких вопросов по правам наших граждан немцы заявили, что в текущих переговорах не будут поднимать вопрос о германских школах в Москве. Это заявление зафиксировано.

По экономическому шпионажу немцы сначала требовали ответа на поставленные Наркоминделу два года тому назад вопросы. Мы предложили вначале ознакомить их с новыми постановлениями наших органов по этому вопросу, а затем уже вернуться к вопроснику, ответы на который, вероятно, окажутся ненужными при наличии имеющихся разъяснений судебных органов. Далее, мы зачитали постановление пленума Верховсуда, еще неопубликованное. Немцы обещали вернуться к этому вопросу после детального изучения постановлений пленума Верховсуда, которое, как известно, смягчает отдельные пункты перечня сведений, разглашение которых считается экономическим шпионажем.

В конце обсуждения немцы заявили, что они еще вернутся к вопросу о правах граждан. Здесь, очевидно, они имеют в виду сделать предложение, о котором в разговоре с одним из представителей нашей делегации говорил председатель немецкой делегации, а именно — потребовать приравнения всех германских граждан, в том числе и из имущих классов, к нашим рабочим. Это предложение, если оно будет заявлено, будет нами, конечно, категорически отклонено.

Стомоняков

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 11–13. Копия.

¹ В АП РФ отсутствует.

№ 114

Бюллетень № 4

*советско-германских экономических переговоров**

30 ноября 1928 г.

Сов. секретно

С 9-ти с половиной до 2-х часов состоялось одновременно заседание правовой экономической комиссии. В экономической комиссии продолжалась дискуссия по праву сношений экономического отдела германского посольства в Москве (см. бюллетень № 3).

* Копии направлены И.В. Сталину, А.И. Рыкову, А.И. Микояну, В.В. Куйбышеву, М.М. Литвинову, Н.Н. Крестинскому, Б.С. Стомонякову.

Немцы согласились снять свое требование о праве сношений с трестами и коммунальными хозяйствами, но категорически настаивала на праве сношений с Главным концессионным комитетом и предприятиями, имеющими выход на внешний рынок. Мы согласились расширить круг организаций, с которыми отдел посольства имеет право сношений, введением в число их Госбанка. Немцы вначале заявили, что наше предложение не может служить основой для будущего соглашения, но к концу заседания несколько смягчили свою позицию. Вопрос остался несогласованным. В правовой комиссии важнейшим событием было ожидавшееся нами заявление германской стороны по правам граждан (см. бюллетень № 3). Немцы стали говорить о том, что в СССР в области жилищного вопроса, продовольственного, налогового существуют различный режим для различных категорий граждан. В осторожной форме представитель промышленников намекнул на то, что немцы желают приравнения всех их граждан к наиболее привилегированной категории наших граждан. Мы ответили на это заявление, сделанное, правда, в завуалированной форме, резкой декларацией о неприемлемости для нас такой постановки вопроса ввиду классовой структуры нашего государства и ввиду полного противоречия подобного предложения общепринятому толкованию национального режима. Немцы сразу отошли от принципиальной позиции и заявили, что они пока хотят только разъяснений по нашему жилищному, продовольственному и налоговому праву, не предрешая своей постановки вопроса. Мы заявили, что справки по нашему праву мы готовы давать, но подчеркиваем, что наше законодательство дифференцирует режим по отдельным категориям и что в этой области мы не склонны ни на какую дискуссию.

Помимо этого важного вопроса, в правовой комиссии прошли без существенной дискуссии отдельные вопросы таможенной формальности и небольшие вопросы страхования. По основному вопросу т.е. по страхованию, большему включению германских страховых обществ в германо-советский оборот, мы дали разъяснение, указывающее, что германские страховые общества в значительной степени участвуют в наших перестраховках. Немцы отказались от своего первоначального предложения о том, чтобы весь германский импорт до германской границы страховался в германских страховых обществах, и заявили, что сделают нам новое предложение, в котором постараются примирить интересы Госстраха с интересами германских страховых обществ.

Стомоняков

*Протокол заседания коллегии НКВнВТ СССР
по вопросам советско-германских переговоров*

30 ноября 1928 г.

Сов. секретно

Экз. № 2

Присутствовали: от НКТорга: тт. Микоян, Эйсмонт¹, Хинчук, Ганецкий, Минкин, Панкратов², Кауфман, Маковский, Ленгиель, Тамарин³, Белаковский⁴, Винокур⁵, от НКИД тт. Стомоняков, Штейн, Розенблюм, от ВСНХ т. Шатхан. По морским вопросам тт. Именитов⁶, Мортиков⁷, Бабкин⁸, Холодовский⁹.

Председатель т. Микоян А.И.

Секретарь т. Мунтян В.М.¹⁰

Слушали:

I. Предложения по программе экономических советско-германских переговоров.

II. Вопрос об открытии агентств германских мореходных предприятий в СССР.

Постановили:

I. Утвердить внесенные советской делегацией проекты предложений по программе советско-германских экономических переговоров.

II. Согласиться предоставить Германии то, что уже дано Норвегии, т.е. право иметь агентства мореходных предприятий в Ленинграде, Архангельске, Мурманске и Новороссийске с обслуживающими функциями (кларирующие функции).

Что касается вопроса о праве этих агентств предлагать тоннаж тем нашим предприятиям, которые, согласно действующих в СССР правил, имеют право фрахтования тоннажа, то в первой позиции немцам в этом отказать с той мотивировкой, что наши основные операции по фрахтованию производятся за границей. В виде крайней позиции считать возможным принять немецкое предложение, а именно право

III. О праве германских судов, принадлежащих одной и той же кампании, забирать оставленные в советских портах грузы, предназначенные для другого порта СССР и привезенные в первый порт другим судном той же кампании.

IV. Вопрос о предоставлении преимущественного права германским судам в германо-советском обороте.

агентств мореходных предприятий, допущенных в упомянутых выше 4-х портах предлагать тоннаж представляемых ими обществ только тем предприятиям, которые по нашим действующим правилам имеют право фрахтования тоннажа.

III. В виде первой позиции отклонить немецкое предложение с той мотивировкой, что предлагаемая немцами формула не встречается ни в каком из торговых договоров как СССР, так и других стран. Указать, что немецкое предложение может вести также к задержке доставки грузов.

В случае настояния немцев согласиться обещать им в концессионном порядке предоставить соответственное право в отношении 2-3 пароходных компаний, наиболее в этом праве заинтересованных. При этом разъяснить, что мы понимаем немецкое предложение в том смысле, что речь идет о судах дальнего плавания одной и той же линии, набирающих только в виде исключения грузы, и отнюдь не имеем в виду развозку грузов между портами Союза ССР, не идущими из-за границы мелкими судами, занятыми специально развозкой грузов между портами СССР.

IV. Согласиться предложить немцам следующую формулу: "советская сторона будет рекомендовать своим хозяйственным организациям, имеющим право фрахтования тоннажа при наличии германских

V. Таможенные формальности.

а) Срок хранения товаров на складах.

б) Вопрос о досмотре грузов.

VI. Немецкое предложение о согласительной комиссии.

и других иностранных фрахтовых предложений, в случае отсутствия свободного советского тоннажа и при наличии всех прочих равных условий в совокупности, оказывать предпочтение предложениям германских фирм. Договориться с немцами, что это обещание не будет опубликовано.

V. а) Считать необходимым урегулировать вопрос в порядке внутреннего распоряжения; издать секретное распоряжение от имени Наркомторга, разрешающее нашим таможенным предоставлять германским предприятиям право хранить свои товары на наших складах в течение 6-ти месяцев с тем, что это постановление может быть передано немцам.

Согласиться на то, чтобы в протоколе заседания было записано заявление советской стороны о том, что установленный срок не предполагается менять в течение договорного срока. Эта часть протокола не должна быть опубликована.

б) Считать необходимым намеченной в Берлине формуле придать двухсторонний характер. В последнюю фразу вставить слова: "как правило". Поручить гг. Бегге, Винокуру и Левину¹¹ в срочном порядке представить делегации все материалы, обосновывающие требования более облегченного таможенного режима со стороны Германии.

VI. Считать необходимым на конференции не принимать к

обсуждению немецкого проекта, указав, что в дипломатическом порядке Германии делается предложение принять согласительную процедуру для разрешения всех споров политического характера, а равно разногласий по толкованию торгового договора.

Просить НКИД подготовить наш контрпроект по согласительной процедуре

VII. О праве сношений экономического отдела германского посольства в Москве.

VII. Согласиться с предложением НКИД о том, чтобы первоначально утвержденный список комиссариатов, с которыми экономический отдел посольства может сноситься (общесоюзные и объединенные комиссариаты и НКЗем РСФСР) дополнить Госбанком СССР. Возражать против дополнения списка Центросоюзом, Сельскохозяйственным и Главконцес-ским, причем в отношении первых двух указать, что они являются общественными организациями, в отношении которых мы никаких связывающих от имени правительства решений принимать не можем.

VIII. По вопросу о применении национального режима в СССР.

VIII. Немецкую постановку вопроса о приравнивании их граждан к наиболее привилегированной категории наших граждан категорически отвергнуть, как нарушающую основы системы нашего государства.

Наркомторг СССР А. Микоян
Секретарь В. Мунтян

Помета: т. Сталину И.В. ЦК ВКП(б)

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 16-17. Заверенная копия.

¹ Эйсмонт Николай Болеславович (1891–1935) – в 1923–1924 гг. заместитель председателя ВСНХ РСФСР, с 1924 г. член президиума ВСНХ СССР, в 1926–1932 гг. нарком торговли РСФСР, заместитель наркома внешней и внутренней торговли СССР, нарком снабжения РСФСР.

² Панкратов Иван Иванович – в то время член коллегии Наркомата внешней и внутренней торговли СССР.

³ Тамарин Антон Моисеевич (1884–1940) – в то время начальник Главного управления сельскохозяйственной пищевой промышленности Наркомата внешней и внутренней торговли СССР.

⁴ Белаковский Абрам Исаевич (1896–1940) – в то время сотрудник Наркомторга СССР.

⁵ Винокур Аркадий Петрович (1890–?) – в 1927–1930 гг. начальник Главного таможенного управления.

⁶ Именитов Григорий Ильич – начальник Транспортного управления Наркомторга СССР.

⁷ Мортиков Иван Федорович (1891–1939) – в то время сотрудник Наркомторга СССР, в 1930-х годах представитель Наркомата водного транспорта СССР в Гамбурге.

⁸ Бабкин Иван Петрович – в то время сотрудник ВСНХ СССР и Всесоюзного кооперативно-промышленного союза рыбаков.

⁹ Холодовский Михаил Михайлович – в то время сотрудник Совторгфлота.

¹⁰ Мунтян Владимир Михайлович – в то время заместитель управляющего Главным секретариатом Наркомторга СССР.

¹¹ Левин Александр Моисеевич – в то время заместитель начальника Управления граничных операций Наркомторга СССР.

№ 116

Бюллетень № 5

советско-германских экономических переговоров

1 декабря 1928 г.

Секретно

С 9 час. 30 мин. до 12 часов состоялось заседание экономической комиссии. Просмотрен ряд мелких вопросов (об обмене списками запрещений по ввозу и вывозу, о вывозе в Германию машин для ремонта, о сборе объявлений и т.д.), по которым мы дали общие обещания в пределах хозяйственной целесообразности в порядке односторонних наших внутренних мероприятий пойти по возможности навстречу германским пожеланиям.

Во второй половине заседания в присутствии председателей обеих делегаций немцы вручили свой контрпроект по статье 1-й экономического соглашения в части оценки оборота между обеими странами за прошлый год. Немецкий проект в общем приемлем и содержит констатацию того, что германо-советский товарооборот находился в постоянном росте и что обе стороны

с успехом стремились осуществить принципы ст. 1-й экономического соглашения. Вручая этот проект, председатель германской делегации Поссе подчеркнул, что он с большим трудом провел его в своей делегации и в правительстве и что этот проект фактически означает дезавуирование позиции германской делегации во время берлинских переговоров и дезавуирование всех утверждений германской прессы в начале прошлого хозяйственного года. Мы в общем приняли проект, но предложили немцам уточнить его в том смысле, что стремление сторон осуществить принципы ст. 1-й экономического соглашения выразилось в принятии с обеих сторон соответственных мероприятий (имея этим в виду 300-миллионный кредит). Немцы заявили, что это само собой разумеется, и обещали дать ответ относительно возможности внесения подобного разъяснения к своему предложению в протокол заседания. Необходимо констатировать, что немецкое предложение по ст. 1 экономического соглашения представляет для нас существенный интерес, поскольку опубликование подобного постановления ясно покажет всему миру лживость утверждения германской прессы относительно того, что торговый договор и 300-миллионный кредит не способствовали развитию товарооборота между Германией и СССР. Политическое значение подобного утверждения не нуждается в особых разъяснениях.

По правовой комиссии состоялось заседание, посвященное протокольным вопросам. Подписан протокол разъяснений по третейскому соглашению и в общем согласован протокол по вопросам виз.

Б. Стомоняков

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 20–21. Копия.

№ 117

Бюллетень № 6

*советско-германских экономических переговоров**

3 декабря 1928 г.

Сов. секретно

С 9 ч. до 1 час. 30 мин. состоялось заседание экономической комиссии.

С 10 ½ до 2 час. – заседание правовой комиссии.

В экономической комиссии немцами был поставлен на обсуждение вопрос о допуске германских фирм для технической

* Копии направлены И.В. Сталину, А.И. Рыкову, В.В. Куйбышеву, А.И. Мнкояну, Н.Н. Крестинскому, М.М. Литвинову, Б.С. Стомонякову.

помощи. Уже после первых наших возражений немцы принуждены были признать, что их предложение идет дальше собственно технической помощи и, по выражению немцев, клонится к возможности давать советы перед выдачей заказов. Нами все время подчеркивалось, что это предложение по существу означает возвращение к тем позициям, которые немцы занимали перед подписанием торгового договора 1925 г. и которые они вынуждены были сдать. Немцы подчеркивали чрезвычайную серьезность этого вопроса для них. Мы отвечали, что предложение это означает по существу ревизию договора и чрезвычайно осложняет обстановку переговоров.

В той же экономической комиссии немцами был поставлен вопрос о транзите посылок. В этой связи нами было подчеркнуто огромное политическое и экономическое значение изданного недавно декрета о транзите из торгово-договорных стран. Немцы в общем не отрицали значения этого декрета, хотя и старались несколько уменьшить его значимость, указывая на то, что большое количество товаров изъято. По самому транзиту посылок они, учитывая невозможность для нас дать этот транзит, который мы должны были бы дать в силу имеющихся международных обязательств и Польше, предлагали нам дать этот транзит в замаскированной форме. Мы это предложение отклонили.

В правовой комиссии немцы снова остро поставили вопрос об экономическом шпионаже. После вручения нами им известного постановления пленума Верховного суда, уточняющего список сведений, разглашение которых является экономическим шпионажем, они потребовали все же ответа на их "вопросник". Мы подтвердили нашу прежнюю позицию, что не можем давать комментарии законов за наши суды, однако, продолжали отмечать, что необходимость этого комментария отпала после того, как основные вопросы разрешены постановлением пленума Верховного суда. Немцы ведут дискуссию по этому вопросу остро и обещают к нему опять вернуться.

В той же правовой комиссии обсуждались вопросы страхования. Немцы потребовали большего привлечения их к прямым страховкам в германо-советском обороте. Им указано, что такое материальное постановление оперативного характера в международное соглашение включаться не может.

По мореплаванию немцы предъявили в числе других пожеланий требование предоставить им право иметь агентов с обслуживающими функциями не только в тех 4-х портах, где это право имеют норвежцы, но помимо этого, во Владивостоке, Одессе и Батуме.

Нами вчера в правовой комиссии была сформулирована наша позиция по делу банкиров, в которой мы по известному делу присоединения германских банкиров к международному объединению кредиторов России подчеркиваем, что акция банкиров является существенным тормозом к развитию экономических отношений. Немцы приняли наше заявление довольно остро и оспаривали компетентность конференции по этому вопросу. К этому вопросу мы еще вернемся.

Б. Стомоняков

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 65. Л. 25-26. Копия.

№ 118

Бюллетень № 7

*советско-германских экономических переговоров**

4 декабря 1928 г.

Сов. секретно

С 9 ½ до 1 ½ – заседание экономической комиссии.

С 10 до 2 заседание правовой комиссии.

В экономической комиссии продолжение дебатов по вопросу о допуске фирм. Немцы несколько видоизменили свое предложение, которое в основном, однако, продолжает иметь ту же цель – связь с заказчиком до заказа и, таким образом, фактическую аквизицию. Мы продолжали обосновывать нашу отрицательную позицию.

В том же заседании экономической комиссии немцами заявлен ряд требований по положению их концессионеров в СССР с тем, что эти требования формулируются немцами, как нарушение прав “допущенных” германских фирм. Некоторые из этих нарушений действительно подходят под статьи договора, и они будут с этой точки зрения нами разрешены. В отношении некоторых других нарушений, которые под статьи договора не подходят, но разрешение которых для благоприятного развития деятельности концессионеров необходимо, предусматривается позиция во вне конференционном порядке разрешить это дело путем специального соглашения между ГKK и подлежащими концессионерами.

В правовой комиссии продолжались дебаты по мореплаванию и страхованию. Немцы сняли свое предложение об агенте в Бату-

* Копии направлены И.В. Сталину, А.И. Рыкову, В.В. Куйбышеву, А.И. Микояну, Н.Н. Крестинскому, М.М. Литвинову, Б.С. Стомонякову.

ме, но настаивают на агентах в Одессе и Владивостоке. Они также выставляют пожелание о большем привлечении германского тоннажа в советско-германский товарооборот. Этот вопрос будет еще дискутироваться в дальнейшем.

Во второй половине дня состоялось свидание председателя советской делегации с председателем германской делегации. При свидании присутствовали с германской стороны председатель экономической комиссии Шлезингер и с советской стороны председатель экономической комиссии Ленгиель. В начале заседания председатель германской делегации завел разговор по вопросу о праве сношений экономического отдела германского посольства в Москве, который, как указывалось в бюллетенях № 3, 4, не был разрешен в комиссии. По этому вопросу развернулась двухчасовая дискуссия, причем немцы настаивали, главным образом, на праве сношений этого отдела с Главконцесскомом, подчеркивая, что немецкое посольство желает защищать интересы германских концессионеров. Нами была развита наша принципиальная позиция по этому вопросу. Разрешения вопроса в разговоре достигнуто не было.

К концу разговора был затронут вопрос о допуске фирм, причем нами вновь была проаргументирована наша позиция о том, что германское требование представляет ревизию договора. По этому вопросу также никаких решений не принято.

Поскольку немцы с самого начала заговорили об упомянутых вопросах, нам не представлялось возможным прерывать дискуссию и заговорить о наших вопросах.

К концу разговора мы поставили вопрос по ст. 1 экономического соглашения, из которой мы выводим необходимость принятия специальных мероприятий по развитию товарооборота между обеими странами, а с германской стороны – необходимость предоставления кредитов для стабилизации и для дальнейшего развития товарооборота.

Председатель германской делегации, ссылаясь на отсутствие времени, уклонился от разговора. В разговоре он все время подчеркивал, что сильно торопится, и указывал даже предельный срок работ конференции – будущую субботу, 15.12.

Работы конференции ведутся ускоренным темпом. С завтрашнего дня мы предложим обеим комиссиям заседать два раза в день.

Б. Стомоняков

5 декабря 1928 г.

Сов. секретно

С 9 ½ до 12 ½ состоялось заседание экономической комиссии, с 9-ти до 2 час. заседание правовой комиссии.

На заседании экономической комиссии немцы выразили принципиальную готовность заявить, что с изданием известного нашего декрета о транзите исчерпываются наши транзитные обязательства по договору. Вопрос этот, однако, не может еще считаться окончательно разрешенным.

На повестке экономической комиссии стояли сегодня вопросы взаимных жалоб, которые в Берлине являлись одной из основных тем переговоров. Немцы заявили, что они считают эти жалобы не подлежащими сейчас обсуждению на конференции; мы, со своей стороны, согласились не предъявлять конкретных жалоб, однако подчеркнули необходимость сделать выводы из берлинской дискуссии по этому вопросу, установив, что торговые отношения между сторонами протекают нормально и что для лучшего их развития необходимо предусмотреть, что в обеих странах не будут применяться специальные методы торговли, направленные против другой стороны, или создаваться особые организации специально для регулирования торговли с другой страной. Мы имели этим в виду заставить немцев принять резолюцию против Русского комитета германских промышленников. Немцы приняли наше предложение очень остро и сначала отказались его обсуждать, ссылаясь на некомпетентность конференции в таких вопросах, касающихся промышленников. Мы заставили их принять нашу постановку вопроса, подчеркнув, что с духом и отдельными постановлениями существующего договора совершенно не вяжется установление особых методов торговли, направленных специально против одной из договаривающихся сторон. Дискуссия по этому вопросу будет на одном из ближайших заседаний с участием председателя германской делегации и представителя германской промышленности.

На заседании правовой комиссии вновь обсуждался вопрос об экономическом шпионаже. Немцы заявили, что разъяснение пленума Верховсуда, смягчающее наш декрет, их не устраивает. Они продолжают настаивать на дальнейших разъяснениях. Ввиду невозможности найти решение на самом заседании, решено

вопрос обсудить в частном совещании отдельных членов нашей делегации с отдельными членами германской делегации.

В том же заседании правовой комиссии мы вновь поставили дело банкиров. Против ожидания, немцы приняли дискуссию по этому вопросу по существу и сразу выразили готовность заявить в протоколе, что в связи с нашим требованием по делу банкиров они ссылаются на сделанное в свое время германским Министерством иностранных дел тов. Крестинскому заявление, и таким образом вновь подтверждают, что это заявление представляет собою точку зрения правительства. В этом заявлении, как известно, говорилось, что германское правительство не одобряет шаги банкиров.

Мы продолжали настаивать на нашей точке зрения, что действия германских банкиров являются нарушением не только Рапалльского договора, но и торгового договора в части принятия сторонами мероприятий, содействующих взаимному товарообороту. По этому вопросу будет также частное совещание некоторых членов советской и германской делегаций. Существенной победой в этом вопросе, как и в вопросе о русском комитете, следует признать то, что немцы сбиты с их позиции неприятия дискуссии по этим делам со ссылкой на некомпетентность конференции.

Стомоняков

АП РФ. Ф 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 29-30. Копия.

№ 120

Протокол № 87 заседания пленума Главного концессионного комитета при СНК СССР

5 декабря 1928 г.

Сов. секретно

Присутствовали: председатель ГKK т. Ксандров, зампред ГKK т. Рейхель¹, член ГKK т. Кнопинский², член ГKK т. Скобелев³, член М[алого] ГKK т. Коринец⁴, от НКВД т. Розенблюм.

Председатель – т. Ксандров.

Секретарь – т. Коринец.

Слушали:

Постановили:

I. Сообщение представителя НКВД т. Розенблюма о вопросах поставленных германской делегацией на конференции по экономическим переговорам с Германией.

1. О продаже товаров.

2. О покупке товаров.

3. О коммунальных услугах.

4. О кредите.

1 и 2. В порядке исполнения торгового договора будет дано повторное, неоднократно дававшееся указание гос-организациям.

3. Ввиду первой позиции признать, что вопрос под действие торгового договора не подходит. Если этого про-вести не удастся, то в виде уступки заявить, что прави-тельство не намерено уста-навливать для концессионе-ра специальные тарифы (в крайнем случае режим) по пользованию публичными коммунальными услугами, сравнительно с существую-щими для аналогичных гос-предприятий в данной мест-ности.

4. Предложить германской делегации принять к сведе-нию, что кредитование кон-цессионеров банками СССР и в настоящее время имеет место.

Дать заверение, что на бу-дущее время правительство не предполагает предпри-нимать каких-либо шагов, направленных к запреще-нию кредитования герман-ских фирм, допущенных к операциям в СССР, однако формы, размеры, условия и время такого кредитования устанавливаются кредитую-щими организациями по со-гласованию с концессионе-рами.

5. Об отнесении концессионеров к 7-й категории кредиторов по ст. 101 Гражданского кодекса.

6. О налогах.

7. Об исключении служащих концессионеров из профсоюзов.

5. В тех случаях, когда это потребуется, Главконцесском будет входить в настоящее соглашение с германскими концессионерами об отношении их к 6-й категории кредиторов по ст. 101 Гражданского кодекса:

Урегулирование этого вопроса возможно в порядке дополнения действующих концессионных договоров.

6. Согласно действующих основных положений концессионной политики допускается уравнение концессионеров с госпредприятиями в области налогов. На практике в большинстве концессионных договоров это условие предусмотрено. Там, где это потребуется в отношении действующих германских концессий, в порядке изменения и дополнения концессионных договоров возможно урегулирование этого вопроса.

7. Установить, что круг лиц, подлежащих исключению из профсоюзов, должен быть сокращен и ограничен лишь лицами, ведающими наймом, либо непосредственно устанавливающими расценки зарплаты, и что лица административно-технического персонала, имеющие лишь косвенное влияние на установление расценок, исключению из профсоюза не подлежат.

8. О разнице зарплаты в гос-предприятиях и концессионных предприятиях примерно на 10–15%.

8. Для разрешения этого вопроса войти в Политбюро.

Весь вопрос в целом подлежит внесению в Политбюро.

П.п. за председателя Рейхель
Секретарь Коринец

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 31–31об. Заверенная копия.

¹ Рейхель Михаил Иосифович – в 1927–1929 гг. заместитель председателя ГКК при СНК СССР, с 1930 г. член коллегии Наркомфина СССР.

² Кнопинский Константин Иосифович (1890–1938) – член ГКК при СНК СССР.

³ Скобелев Матвей Иванович (1885–1938) – депутат IV Государственной думы (1912–1917 гг.), министр труда Временного правительства (1917 г.), с 1925 г. председатель Концессионного комитета при СНК РСФСР, член Главконцесскома СССР, в 1925–1926 гг. председатель секции внешней торговли при Госплане СССР.

⁴ Коринец Иосиф Гаврилович (1887–1938) – заведующий секретариатом Главконцесскома СССР, сотрудник Наркомата внешней и внутренней торговли СССР, ответственный секретарь и член правления Всероссийского (Всесоюзного) общества культурных связей с заграницей (ВОКС).

№ 121

*Записка Б.С. Стомонякова И.В. Сталину
об условиях деятельности в СССР
германских фирм-концессионеров**

№ 6525

5 декабря 1928 г.
Весьма спешно
Сов. секретно
Лично

Тов. Сталину

Копия: тт. Микояну, Ксандрову**

По ходу советско-германских экономических переговоров немцы ставят вопрос о практических условиях работы их концессионеров в СССР. Мы отвергаем рассмотрение на международной конференции конкретных концессионных вопросов, нарушений

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 536 п. 6.

** Копия направлена также Б.С. Стомонякову.

тех или иных прав концессионеров, вытекающих из подлежащих концессионных договоров. Однако мы не можем не принять к обсуждению тех прав концессионеров, которые являются их правами, которыми они пользуются на основании постановлений договора, как допущенные в СССР к деятельности германские фирмы. Договор между СССР и Германией, подписанный в 1925 г., в одной из своих статей содержит обещание правительства СССР о том, что “оно не имеет в виду устанавливать или применять в области общего нормального хозяйственного оборота такие ограничительные мероприятия, которые тормозили бы деятельность допущенных германских фирм по сравнению с предприятиями, в которых участвует государство”.

Основываясь на этой статье, немцы предъявляют ряд претензий в отношении некоторых отраслей деятельности их допущенных фирм (на практике концессионеров), где, по их мнению, имеется нарушение упомянутой статьи, поскольку германские фирмы находятся в неблагоприятном положении по сравнению с государственными предприятиями. Эти претензии распадаются на 8 групп:

1. Отказ госорганов продавать германским концессионерам как частникам те или иные товары (например, нефть).

2. Директивы некоторых наших организаций не покупать товары у германских концессионеров как частных.

3. Повышенная оплата коммунальных услуг германскими концессионерами как частниками.

4. Принципиальный отказ в кредитовании концессионеров как частных.

5. Отнесение концессионеров при удовлетворении претензий к ликвидированным предприятиям в 7-ю группу кредиторов наравне с частниками, в то время как государственные предприятия относятся в 6-ю группу кредитования.

6. Налоговое обложение некоторых германских концессионеров наравне с советскими частниками.

7. Исключение служащих концессионеров из профсоюзов.

8. Более высокая заработная плата на предприятиях германских концессионеров.

Учитывая всю нежелательность расширительного толкования приведенной выше статьи Торгового договора, каковая могла бы в этом случае (при неизбежном распространении ее действия на другие страны по наибольшему благоприятствованию) принести довольно существенный вред нашей системе, мы считаем необходимым указать, что под ст. 17-ю Соглашения о поселении (приведенную выше), говорящую о нормальном хозяйственном

обороте, нельзя подводить специальные льготы государственных предприятий. В силу этого под статью не подпадают приведенный выше п. 5-й германских претензий; п. 6 (о налогах) изъимется из под действия статьи в силу прямой оговорки Торгового договора 1925 г. Пункты 7 и 8, как относящиеся к компенсации профессиональных органов, также не подходят под действие статьи. В отношении кредитов мы предполагаем ограничиться общей формулой, сводящейся к тому, что правительство не имеет принципиальных возражений против кредитования допущенных германских фирм, в частности концессионеров в советских банках. Однако, поскольку кредитование является делом самих банков, правительство подчеркивает, что на банках не лежит никакой обязанности предоставления кредитов в том или ином отдельном случае.

Под действие статьи 17-й мы таким образом предполагаем подвести лишь вопросы о продаже товаров, покупке товаров и коммунальных услугах, заявив немцам, что наши органы вновь подтвердили указание подлежащим властям, что во исполнении ст. 17-й в области нормального хозяйственного оборота деятельность германских допущенных фирм не должна тормозиться по сравнению с деятельностью государственных предприятий, в частности в области продажи товаров, покупки товаров и коммунальных услуг.

Для того чтобы облегчить практическое проведение нашей позиции по сужению применения вышеуказанной статьи Торгового договора, нам на практике в соглашениях с отдельными концессионерами необходимо пойти на уступки по поставленным немцами вопросам. Ввиду этого предлагается предложить ГКК в порядке дополнительного соглашения с концессионерами, где это потребуется, установить для германских концессионеров налоговое обложение наравне с государственными предприятиями (на практике это будет иметь место лишь в отношении одного концессионера "Лео"¹⁾) и отнести германских концессионеров опять-таки в порядке специального соглашения между ГКК и подлежащим концессионером при удовлетворении претензий в 6-ю группу кредиторов наравне с государственными предприятиями. Что касается постановленных немцами вопросов в области политики профсоюзов, предложить ВЦСПС дать указания профессиональным органам не устанавливать специального режима для служащих концессионных предприятий в отношении приема их в профсоюзы и в отношении ставок зарплат.

Ввиду чрезвычайно быстрого темпа развития конференции и имея в виду необходимость закончить работы конференции не

позже конца будущей недели, прошу Вас поставить настоящий вопрос вне очереди на повестку заседания Политбюро 6 декабря.

Приложение: проект постановления ПБ – (см. о.п.).

Председатель делегации по экономическим переговорам
Стомоняков

Приложение

*Проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б)
об условиях деятельности в СССР
германских концессионных фирм*

5 декабря 1928 г.
Сов. секретно

По заявленным немцами на конференции пожеланиям в области положения допущенных в СССР германских фирм, в частности концессионеров.

1. Разрешить делегации СССР по экономическим переговорам с Германией заявить немцам, что в порядке применения ст. 17-й Соглашения о поселении подлежащие органы СССР подтвердят данные ими уже ранее указания о том, чтобы не тормозить деятельности допущенных в СССР германских фирм в области общего нормального хозяйственного оборота по сравнению с предприятиями, в которых участвует государство, в отношении покупки для этих предприятий товаров, продажи ими своей продукции и пользования коммунальными услугами.

2. Разрешить делегации СССР сделать на конференции следующее заявление по вопросу о кредитовании германских фирм. Правительство СССР не имеет принципиальных возражений против кредитования в советских банках допущенных в СССР к деятельности германских фирм (допущенных к деятельности на территории СССР), в частности концессионеров. Поскольку однако кредитование является делом отдельных банков, делегация СССР отмечает, что для банков из приведенного выше заявления, само собой разумеется, не проистекает необходимости кредитования тех или иных фирм в тех или иных конкретных случаях (в рассмотрении конкретных вопросов с точки зрения коммерческой).

3. Предложить ГКК в порядке специальных соглашений с подлежащими германскими концессионерами установить приравнение их в отношении уплаты налогов к госпредприятиям, где это требуется, и отнесение их в 6-ю группу кредиторов наравне с госпредприятиями в отношении удовлетворения их претензий при ликвидации предприятий.

4. Предложить ВЦСПС дать надлежащие указания профессиональным органам не применять специального режима к концессионным предприятиям в отношении исключения служащих этих предприятий из союзов и в отношении установления увеличенных ставок зарплаты по сравнению с соответственными ставками служащих и рабочих государственных предприятий.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 33-36. Копия.

¹ "Лео-Верке" – германская концессионная фирма.

№ 122

*Письмо Б.С. Стомонякова Н.Н. Крестинскому
о ходе переговоров и об отказе советской делегации
идти на уступки требованиям германской стороны*

№ 829

8 декабря 1928 г.

Секретно

Лично

Экз. № 9

Полпреду СССР в Германии

тов. Н.Н. Крестинскому*

Уважаемый товарищ,

Вследствие тяжелой перегрузки я не имел возможности написать Вам с последней почтой о ходе экономических переговоров с германской делегацией. По той же причине я не смогу и сегодня написать Вам подробно и просил тов. Штейна сделать это за меня. Сам же я хочу дать лишь некоторую оценку работ конференции.

Первая фаза переговоров развивалась вполне благоприятно. С самого начала установились хорошие отношения между обеими делегациями, и переговоры протекали в дружественно-деловой атмосфере. Поссе производит прекрасное впечатление. В противоположность Кёрнеру, Вальроту и Марциусу и вообще немецким переговорщикам, он не проявляет мелочности, не упускает из виду главных и существенных моментов переговоров, легко доступен серьезной и деловой аргументации и часто уступает, когда видит превосходство нашей аргументации. Иногда он это делает даже с красивыми жестами, создавая тем самым настроение

* Копии направлены Г.В. Чичерину, М.М. Литвинову, А.И. Рыкову, И.В. Сталину, Б.Е. Штэйну, Ф.А. Ротштэйну, Л.М. Карахану.

у нас не медлить с уступками, которые вообще возможно делать, и стараться идти в меру возможности навстречу его предложениям. Влияние Марциуса в переговорах весьма невелико. Это – “человек в футляре” в полном смысле этого выражения. Шлезингер имеет несомненное влияние, причем вначале, по-видимому, стремясь показать себя мастером в переговорах с нами, за которого он почему то слывет в Берлине, он часто брал недопустимо требовательный тон, но, в конце концов, и он на нем не мог удержаться в той атмосфере, которая создавалась вокруг переговоров.

В начале этой недели немцы выдвинули ряд неприемлемых требований и проявили чрезмерное упорство в отношении некоторых уже ранее занятых позиций. В связи с этим среди нас возникли предположения, что германская делегация готовит для себя возможность уехать без подписания соглашения. Шлезингер в экономической комиссии в отдельных разговорах не останавливался даже перед открытыми угрозами. Особенно заострился вопрос вокруг знаменитой статьи 16-й Экономического соглашения 1925 г., т.е. вокруг вопроса о допуске представителей германских фирм для аквизиционной деятельности в СССР. Шлезингер заявил, что значение этого вопроса выходит даже за пределы настоящего соглашения и угрожал отказом Германии от торгового договора 1925 г. с вытекающими отсюда последствиями для положения нашего торгпредства в Берлине. Бесконечные разговоры на эту тему не привели ни к каким результатам, а одновременно с этим немцы заострили и ряд других своих требований. Во вторник, 4-го, у меня был Поссе вместе со Шлезингером, и в конце беседы я в энергичной форме заявил, что по вопросу допуска германских фирм в СССР мы не пойдем ни на какие уступки. Если после двухлетних переговоров Вы были вынуждены отказаться от этих требований в 1925 году, заявил я, то какие основания Вы имеете думать, что теперь Вы добьетесь успеха в течение 3-х недель? В этом пункте мы не пойдем на уступки ни Германии, ни какому-либо другому государству. В интересах нашей дружбы я прошу совсем снять это требование.

Тем не менее, немцы промучали с этим вопросом наших товарищей в экономической комиссии в течение еще 3-х дней. Сегодня состоялось у меня второе неофициальное заседание президиумом обеих делегаций. После длительной дискуссии, в которой привели новые аргументы против немецкого требования о допуске в СССР представителей германских фирм, и после моего заявления, что мы не уступим по этому вопросу, хотя бы из-за этого не было заключено соглашение, Поссе неожиданно для нас самих уступил, заявив, что германской делегации ничего не

остается, как зафиксировать наш отказ, и что он не считает возможным ставить в зависимость от этого отказа успех нынешних наших переговоров. Германская делегация готова удовлетвориться теми уступками, которые мы сделали по статье 17-й. Таким образом отбит еще один серьезнейший удар против монополии внешней торговли, и мы можем зарегистрировать отказ немцев от их требования по статье 16-й, как самый крупный успех этой конференции. — После сегодняшнего разговора у меня впервые появилось обоснованное убеждение, что мы подпишем соглашение с немцами.

Правда, имеются еще крупнейшие затруднения по требованию Германии, чтобы экономический отдел германского посольства получил право на разговоры с нашими хозяйственными ведомствами и Главконцесскомом по делам германских концессионеров, а также ряд неприемлемых для нас с формально-правовой стороны германских требований в отношении защиты германским посольством и германскими консульствами прав их граждан в СССР (при арестах и пр.). Хотя позиции обеих сторон в этих вопросах прямо противоположны и переговоры зашли в тупик, все же я надеюсь, что нам удастся найти выход при обсуждении этих вопросов в заседаниях президиумов обеих делегаций. Пример сегодняшнего заседания обнадеживает нас в этом направлении. Все же самым крупным как в материальном, так и в правовом отношении было требование германской делегации о допуске в СССР представителей германских фирм.

Мы сегодня сговорились с тов. Литвиновым, что я попрошу Вас ввиду тяжелого положения переговоров переговорить со Штреземаном, указав ему на то, что немцы выдвинули ряд заведомо неприемлемых для нас требований и что в связи с этим под угрозой находится исход экономической конференции в Москве. Переданные Вами по телеграфу слова Штреземана, что Поссе выедет из Москвы 19-го с.м., даже если к тому времени не будет достигнуто соглашение, особенно обеспокоили нас и побудили желать нового обращения к Штреземану. Однако после сегодняшнего совещания с Поссе я считаю ненужным немедленное новое обращение к Штреземану. Я прошу Вас лишь ознакомиться с посылаемыми Вам материалами о ходе переговоров и подготовиться к возможности того, что в случае новых серьезных затруднений Вам придется по телеграфной просьбе экстренно апеллировать к Штреземану. Излишне говорить, что мы все считаем чрезвычайно важным успешное завершение переговоров и совершенно необходимым предотвратить преждевременный отъезд германской делегации.

Так как до следующей почты судьба этих переговоров уже окончательно определится, мы будем держать Вас в курсе важнейших результатов переговоров по телеграфу.

С товарищеским приветом Стомоняков

Помета: тов. Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 37–39. Копия.

№ 123

*Записка Л.М. Хинчука в ЦК ВКП(б)
о создании германской секции
при Всесоюзно-Западной торговой палате*

№ ЦК/140

8 декабря 1928 г.
Сов. секретно

В ЦК ВКП(б)

Директивой Политбюро по вопросу о нашей тактике в отношении русско-германского комитета было, между прочим, предложено создать при Всесоюзно-Западной торговой палате германскую секцию.

Сообщаю, что эта секция создана была 20.11 с.г. В бюро секции избраны были от советских хозяйственных организаций: гг. Гомбарг¹, Шляпников², Коросташевский³, Плавник⁴, Киссин⁵, Елин⁶, Галопп⁷, Зоф⁸, Одинцов⁹, Рябовол¹⁰, Краснов¹¹ и от германских фирм: д-р Мюллер, министриал-директор Берендт, г-н фон Швейковский, тайный советник Вестик¹² и главный инженер Мевис.

Для сведения прилагаю протокол № 1 организационного собрания германской секции ВЗТП и временное положение о германской секции ВЗТП¹³.

Замнаркомторг СССР Л. Хинчук

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 43. Подлинник.

¹ Зорин (Гомберг) Сергей Семенович (1890–1937) – в то время начальник Строительного отдела ВСНХ СССР.

² Шляпников Александр Гаврилович (1885–1937) – в 1924–1925 гг. советник полпредства СССР во Франции, в 1926–1929 гг. председатель правления акционерных обществ “Металлоимпорт”, “Металлмаштрест”, в 1929–1933 гг. начальник строительного сектора Госплана РСФСР.

³ Корасташевский Исаак Ефимович (1871–1936) – в то время заместитель начальника Главного электротехнического управления ВСНХ СССР, председа-

тель правления акционерного общества по импорту оборудования, полуфабрикатов для электротехнической промышленности и электротехнического строительства

⁴ Плавник Борис Исаакович – в то время сотрудник Нарковнешторга СССР.

⁵ Киссин Абрам Ананьевич (1885–1938) – в то время заместитель председателя правления Центросоюза, в 1930 г. заместитель наркома внутренней и внешней торговли СССР, в 1931 г. председатель “Экспортхлеба”.

⁶ Елин Генрих Маркович – в 1929 г. сотрудник Внешторгбанка СССР, в 1930 г. член правления Внешторгбанка СССР.

⁷ Галопп Абрам Григорьевич – сотрудник Акционерного общества “Русгерторг”.

⁸ Зоф (Шанович) Вячеслав Иванович (1889–1937) – член коллегии Наркомата путей сообщения СССР, в 1930–1931 гг. заместитель наркома путей сообщения СССР, с 1931 г. 1-й заместитель наркома водного транспорта СССР.

⁹ Одинцов Степан Степанович – в 1929 г. член коллегии Наркомторга РСФСР и Госторга РСФСР.

¹⁰ Рябовол Константин Степанович (1894–1937) – в 1931 г. председатель “Союзнефтеэкспорта”.

¹¹ Краснов Терентий Семенович – в 1931 г. член правления Всесоюзного кожевенного экспортно-импортного объединения; или Венцеслав Исаевич – в 1931 г. сотрудник Нарковнешторга СССР.

¹² Правильно: Вессиг Мах (1875–1948) – промышленник, тайный советник, в 1923–1932 гг. член правления, затем председатель Наблюдательного совета “Рейнметалл”.

¹³ Приложение в АП РФ отсутствует.

№ 124

Бюллетень № 11

*советско-германских экономических переговоров**

8 декабря 1928 г.

Сов. секретно

С 9 до 12 час. состоялось заседание правовой комиссии. Немцами были даны обстоятельные справки по налоговому вопросу. Предложений с их стороны не поступало. По вопросу о большем привлечении германского флота в советско-германский оборот мы отклонили германское предложение о долевом распределении грузов в советско-германском обороте между Совторгфлотом и германскими пароходствами.

С 11 до 12 час. состоялось заседание экономической комиссии. На этом заседании немцы сообщили, что их делегация не считает возможным принять формулу, в которой германское правительство будет рекомендовать своим хозяйственным органам

* Копии направлены И.В. Сталину, А.И. Рыкову, М.М. Литвинову, В.В. Куйбышву, А.И. Микояну, Б.С. Стомонякову, Н.Н. Крестинскому.

и их объединениям не создавать условий, дискриминирующих нашу торговлю. Они считают, что такое заявление может иметь лишь форму доведения до сведения германских хозяйственных кругов, что такое положение желательно. Мы, с своей стороны, заявили, что настаиваем на нашей формуле, прямо устанавливающей недопустимость применения специальных методов торговли в отношении нас.

С 12 до 2 час. состоялось очень важное совещание президиума обеих делегаций, на котором подверглись обсуждению наши предложения по ст. 1-й экономического соглашения о необходимости принятия сторонами мероприятий для стабилизации и развития товарооборота, вопросы о заключении таможенной и литературной конвенции и немецкое предложение о допуске фирм. Ввиду важности этой беседы по ней прилагается специальная запись¹.

Стомоняков

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 40. Копия.

¹ Запись в АП РФ отсутствует.

№ 125

*Бюллетень № 12 советско-германских экономических переговоров**

10 декабря 1928 г.

С 10 ½ до 12 ½ час. состоялось заседание экономической комиссии. Заседание было посвящено урегулированию ряда мелких вопросов и подписанию протокола.

С завтрашнего дня экономическая комиссия приступает к рассмотрению тех ветеринарных и таможенных пожеланий, которые выставлены нами.

С 9 до 2 час. состоялось заседание правовой комиссии. На этом заседании мы предъявили наш ответ по германскому предложению относительно посещения консулами арестованных. Мы заявили, что не отказываемся обсуждать постановления действующего договора, касающиеся посещения консулами арестованных, но решительно возражаем против принятия каких-либо новых дополнительных постановлений по этому вопросу, так как все, что может быть между сторонами в этом отношении обусловлено в

* Копии направлены И.В. Сталину, А.И. Рыкову, М.М. Литвинову, В.В. Куйбышву, А.И. Микояну, Б.С. Стомонякову, Н.Н. Крестинскому.

договорном порядке, уже сделано в договоре 1925 г. Одновременно мы заявили немцам, что в случае запроса германского посольства относительно действующих у нас внутренних предписаний, касающихся посещения консулами арестованных, НКВД даст по этому вопросу необходимые разъяснения. Немцы согласились временно снять с обсуждения этот вопрос до ознакомления с той справкой, которую НКВД даст в ответ на соответствующий запрос посольства. Таким образом, в этой стадии комиссионного обсуждения вопроса мы можем считать, что отвели требование немцев разрешить это дело в договорном порядке. По просьбе немцев мы продолжали давать на заседании правовой комиссии ряд разъяснений по нашему законодательству. В субботу мы давали разъяснения по налоговому законодательству, сегодня по жилищному и продовольственному. В результате наших разъяснений по налоговому и продовольственному вопросам, в которых мы подчеркивали классовый характер нашего соответственного законодательства, немцы заявили, что они никаких предложений по этим вопросам делать не собираются. По жилищному вопросу немцы пытались сформулировать какое-то пожелание в связи с производящимся выселением нэпманов из муниципализированных домов. Сбитые с основной принципиальной позиции, на которую они в начале пытались стать и которая сводилась к пожеланию предоставления немцам прав наиболее привилегированной категории наших граждан, немцы, однако не смогли на заседании сформулировать своих пожеланий по жилищному вопросу.

Мы твердо стоим на нашей принципиальной позиции и отвергаем всякие попытки немцев ставить на обсуждение вопрос о возможности предоставления им бóльших льгот, чем нашим гражданам.

На том же заседании правовой комиссии продолжалось обсуждение нашего предложения, внесенного в связи с известным делом ареста наших ценностей в Берлине. Мы, несколько уточнив нашу формулу, однако, продолжаем твердо стоять на нашей позиции и требуем принятия резолюции о том, что к Союзу ССР и его органам не могут предъявляться вещные иски, т.е. иски, основанные на оспаривании права собственности Союза ССР на тот или иной предмет. Немцы в сегодняшнем заседании правовой комиссии отказались принять это предложение на том основании, что процесс Лепке¹ еще не закончился и принятие такой резолюции правительственными делегациями должно было бы повлиять на решение суда и таким образом противоречит независимости германского суда. Мы энергично отстаивали нашу позицию и указывали, что мы поставили на обсуждение конференции не конкретное дело, а

принципиальную резолюцию, которая должна гарантировать нас от повторения подобных дел в будущем. Вопрос остался несогласованным. Мы будем настаивать на нашей позиции.

Стомоняков

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 44-45. Копия.

¹ Речь идет о том, что в начале 1928 г. по решению Наркомвнешторга СССР из страны стали направляться на зарубежные аукционы предметы искусства из музеев. Началась распродажа музейных ценностей с целью пополнения валютных запасов. Аукционной продажей антикварно-художественных вещей в Берлине занималась немецкая фирма "Рудольф Лепке".

№ 126

*Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину
в связи с согласием германской стороны
об урегулировании спорных вопросов согласительной комиссией*

№ л/3177

15 декабря 1928 г.

Экз. № 1

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) т. Сталину

Копии: членам Политбюро*

1. В понедельник Политбюро придется дать окончательные директивы по вопросам, оставшимся спорными между советской и германской делегациями. Подробно об этих вопросах напишет т. Стомоняков. Я же хотел бы выделить лишь один вопрос, связанный с переговорами, но обсуждаемый вне их, в дипломатическом порядке.

2. Наши переговоры с рядом стран о заключении пактов о ненападении упирались часто в вопрос об арбитражном разрешении возникших конфликтов. Мы арбитраж до сих пор отклоняли, предлагая вместо него согласительную процедуру, т.е. разрешение конфликтов согласительной комиссией, образованной на паритетных началах без супер-арбитра.

3. При заключении Берлинского договора имел место обмен нотами, в котором мы обязались приступить к переговорам о порядке разрешения конфликтов путем арбитража или по методу согласительного характера. К переговорам мы до сих пор не приступали, так как германское правительство знало о нашем отрицательном отношении к арбитражу, а к согласительной процедуре оно не было склонно.

* Копии направлены также членам коллегии НКВД СССР.

4. Во время нынешних советско-германских переговоров германская сторона выдвинула предложение о разрешении споров по толкованию торгового договора образованием согласительной комиссии. Мы этим предложением воспользовались, чтобы сделать контрпредложение о применении согласительной процедуры к толкованию не только торгового договора, но и других советско-германских соглашений, и к разрешению вообще всех спорных вопросов. Германское правительство приняло наше контрпредложение, и в настоящее время ведутся переговоры о подписании соответственного соглашения. Предложение немцев о предоставлении согласительной комиссии права прибегать в исключительных случаях к выбору суперарбитра нами отклонено, причем большого сопротивления в этом вопросе со стороны немцев не встретилось.

5. Мы, таким образом, имеем возможность создать прецедент отказа капиталистических государства от разрешения спорных вопросов исключительно арбитражным путем и замены арбитража согласительной процедурой. Этот прецедент весьма облегчит нам в дальнейшем всяческие переговоры с другими странами о заключении пактов о ненападении и других политических соглашений.

Хотя в свое время нами ставился вопрос в Политбюро о разрешении вести переговоры о согласительной комиссии с шведским правительством и вопрос разрешен положительно, я все же считаю нужным получить санкцию на ведение нами таких же переговоров с Германией.

М. Литвинов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 46–47. Подлинник.

№ 127

*Записка Б.С. Стомякова И.В. Сталину
об основных вопросах, выдвинутых на переговорах
германской и советской делегациями*

№ 6555

17 декабря 1928 г.
Весьма срочно
Весьма секретно
Экз. № 1

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)

тов. Сталину

Ввиду предстоящего отъезда германской делегации 19-го сего месяца и необходимости подписать договор до этого срока прошу в срочном порядке поставить на обсуждение основные вопросы

германо-советских экономических переговоров, по которым делегации необходимо получить указания правительства.

Таковыми вопросами, по которым требуются директивы, являются:

А. Выдвинутые с германской стороны:

1. Больше участие германского тоннажа в германо-советском обороте в форме включения судов германских компаний в регулярные рейсы между германскими и советскими портами.

2. Разъяснения по экономическому шпионажу.

3. Облегчение возможности посещения консулами арестованных германских граждан.

4. Замена советских суперарбитров в некоторых действующих германских концессионных договорах нейтральными суперарбитрами.

Б. Наши вопросы.

1. Наше предложение по статье I экономического соглашения, увязывающее стабильность и развитие товарооборота между СССР и Германией с принятием обеими сторонами необходимых для этого мероприятий, в частности с оказанием германским правительством содействия кредитованию советской торговли.

2. Наше предложение, связанное со вступлением некоторых германских банков в международный комитет кредиторов России.

3. Наше предложение, связанное с образованием "Русского комитета" и устанавливающее недопустимость применения к нам со стороны германских хозяйственных организаций специальных методов торговли.

4. Наше предложение, связанное с известным делом ареста наших ценностей в Берлине и имеющие своей целью большее обеспечение собственности СССР в Германии.

По изложенным вопросам к настоящему письму прилагаем выработанные делегацией проекты резолюций.

Доклад о состоянии переговоров я сделаю устно на заседании.

Председатель делегации по экономическим
переговорам с Германией **Б. Стомоняков**

*Проект постановления Политбюро
по вопросам экономических переговоров с Германией*

Не позднее 17 декабря 1928 г.*
Секретно

1. По вопросу о большем участии германского флота в советско-германском обороте: Разрешить делегации сделать заявление (без занесения этого заявления в протокол конференции) о том, что Совторгфлот готов заключить соответствующее соглашение с германскими мореходными компаниями об установлении совместных регулярных линий Ленинград-Гамбург и Ленинград-Штеттин с тем, что на 1-й линии на каждые два советских парохода будет допускаться один германский, а на второй линии на каждые два германских парохода – один советский.

2. Разрешить делегации сделать прилагаемое при сем заявление по вопросу об экономическом шпионаже с занесением этого заявления в протокол заседания конференции, не подлежащий опубликованию (приложение № 1).

3. Разрешить НКВД заявить немцам в дипломатическом порядке, что ходатайства германских консулов о посещениях арестованных до окончания предварительного следствия будут рассматриваться подлежащими властями благожелательно и по возможности удовлетворяться.

4. Разрешить председателю советской делегации в качестве члена ГKK сделать германской делегации заявление, что при предстоящем после успешного окончания экономических переговоров пересмотре концессионных договоров с некоторыми германскими фирмами ГKK согласен заменить предусмотренных в некоторых из этих договоров советских суперарбитров нейтральными суперарбитрами.

5. Разрешить делегации снять абзац 2-й нашего предложения по ст. 1-й экономического соглашения, предусматривающий необходимость предоставления Германией кредитов для стабильности и развития товарооборота между Германией и СССР (наше предложение – приложение № 3). Имея в виду согласование на конференции части нашего предложения по ст. 1-й экономического соглашения, касающейся оценки прошлого товарооборота (приложение № 4), разрешить нашей делегации заявить, что “ввиду приведенного в протоколе заседания заявления председа-

* Датируется по основному документу.

теля германской делегации, советская делегация снимает свое дополнительное предложение по статье 1-й экономического соглашения вследствие того, что из заявления германской делегации вытекает, что для стабильности и развития существующих торговых отношений между обеими странами необходимым условием является применение и в будущем применявшихся до настоящего времени мероприятий”.

6. По вопросу о вступлении группы германских банкиров в международное объединение кредиторов России разрешить делегации принять прилагаемую резолюцию (приложение № 5).

7. По вопросу о неприменении к нашей торговле в Германии специальных методов регулирования разрешить нашей делегации принять одну из 2-х прилагаемых резолюций (приложения № 6 и № 7).

По вопросу о большем обеспечении прав собственности СССР на ввозимое в Германию имущество разрешить делегации принять прилагаемую резолюцию (приложение № 8).

Помета: экз. т. Сталина.

Приложение 2

*Проект записи
в протоколе подписания разъяснений советской делегации
по вопросу об экономическом шпионаже*

Секретно

Германская делегация просит разъяснений по утвержденному СНК Союза ССР 27 апреля 1926 г. по статьям 7, 8, 9 и 10-й Перечню сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной.

Председатель советской делегации заявляет, что вопрос, поставленный германской делегацией, не может служить предметом обсуждения настоящей конференции. Однако идя навстречу пожеланию германской делегации получить возможные разъяснения по упомянутому закону, председатель советской делегации сообщает, что он навел необходимые справки в подлежащих ведомствах и может на основании этих справок сделать нижеприведенные разъяснения, которые, разумеется, могут рассматриваться лишь как экспертиза, поскольку аутентичное толкование законов относится к компетенции советских судов.

* Далее карандашом поверх строки вписано: прямо и непосредственно вытекающие из [последующий текст стерт].

1. Прежде всего необходимо установить, что сведения упомянутые в статьях 7, 8, 9 и 10 перечня перестают носить характер специально охраняемой государственной тайны в том случае, если они опубликованы в периодической или непериодической советской печати. При этом не делается различия в отношении характера опубликования и помещения тех или иных сведений в печати. Помещение их хотя бы и не в форме официальных сообщений, а в виде заметок, является вполне достаточным основанием для дальнейшей передачи этих сведений.

2. Однако из этого нельзя сделать вывод, что в СССР распространение экономических сведений разрешено лишь постольку, поскольку речь идет о фактах, опубликованных в печати. Само собой разумеется, что в Союзе допускается распространение и таких экономических сведений, которые еще не опубликованы, поскольку эти сведения прямо не упомянуты в Перечне, утвержденном СНК СССР 27 апреля 1926 г. или по распоряжению руководителей ведомств, учреждений и предприятий не объявлены секретными.

3. При определении наличия состава преступления по пунктам 7, 8, 9 10 перечня, так же как и по другим статьям Уголовного кодекса имеют применение постановления статьи 10 Уголовного кодекса РСФСР и соответственных кодексов других советских республик, устанавливающие, что “в отношении лиц, совершивших общественно опасные действия, меры социальной защиты судебно-исправительного характера применяются лишь в тех случаях, когда эти лица:

а) действовали умышленно, т.е. предвидели общественно-опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление, и

б) действовали неосторожно, т.е. не предвидели последствий своих поступков, хотя и должны были предвидеть их, или легкомысленно надеялись предотвратить такие последствия”.

Таким образом, при отсутствии моментов, упомянутых в статье 10 Уголовного кодекса, надлежит считать, что состава преступления по перечисленным выше статьям перечня, утвержденного СНК СССР 27 апреля 1926 г., не имеется.

4. К толкованию самого перечня председатель советской делегации опять-таки в порядке экспертизы делает следующие разъяснения:

а) понятие расчетного баланса в смысле статьи 7 перечня не охватывает данных о торговом балансе Союза ССР как по месяцам, так и по годам, в силу чего распространение этих сведений не считается экономическим шпионажем.

б) под оперативно-валютными планами Союза ССР в смысле статьи 7 перечня должны пониматься планы Наркомторга СССР и Наркомторгов союзных республик, Наркомфина СССР и Наркомфинов союзных республик и вышестоящих правительственных органов.

В силу этого оперативно-валютные планы отдельных государственных предприятий, трестов, синдикатов, кооперативных организаций и ведомств, не перечисленных выше, не должны подпадать по действие статьи 7 упомянутого перечня.

в) Планами и плановыми предположениями, касающимися ввоза и вывоза отдельных товаров в смысле статьи 9 перечня, надлежит считать планы ввоза и вывоза, утвержденные СТО Союза ССР, а также вносимые в вышестоящие правительственные органы плановые предположения Наркомторга СССР, ВСНХ СССР и Наркомторгов союзных республик. Ввиду этого, под статью 9 перечня не подпадают планы отдельных государственных предприятий, трестов, синдикатов, кооперативных организаций и т.д. Не подпадают под эту статью и отдельные экономические материалы или предположения по ввозу и вывозу отделов или управлений Наркомторга и ВСНХ, поскольку эти материалы не составляют часть плановых предположений Наркомторга и ВСНХ, вносимых на утверждение правительственных органов.

г) Под детальными сведениями в смысле статьи 9 перечня надлежит понимать заимствование из планов и плановых предположений сведений, поскольку эти сведения содержат в себе указания о количестве и номенклатуре товаров, либо о распределении их по странам. Таким образом, под действие статьи 9 перечня не подпадают суммарные сведения, не содержащие указаний о количестве и номенклатуре товаров или о распределении по странам.

д) Под выступлениями Союза в области внешней торговли, упоминаемыми в статье 10 перечня, надлежит иметь в виду постановления, решения и официальную переписку Наркомторга СССР и других органов СССР, действующих в этой области по соответствующим полномочиям правительства. Таким образом, выступлениями Союза не будут считаться действия отдельных советских организаций, трестов, синдикатов и т.д., хотя бы и имеющих выход на внешний рынок. Само собой разумеется, что под действие статьи 10 не подпадают также и сведения о предполагаемых организационных или персональных изменениях даже и в тех органах, которые, согласно приведенному выше разъяснению, выступают от имени СССР в области внешней торговли.

За границей часто существует мнение, будто распространение экономических сведений из СССР разрешено лишь постольку, поскольку речь идет о фактах, опубликованных в газетах или журналах. Это мнение неправильно. И в СССР право получения информации в области экономики ограничивается лишь в отношении торговых и производственных тайн и применения недозволённых средств для получения такой информации (подкуп, хищение, обманное получение и т.п.). Естественно под понятие “торговых и производственных тайн” подпадают и официальные хозяйственные планы, поскольку они не опубликованы, но отнюдь не отдельные информационные сведения относительно производственных условий и состояния отдельных предприятий.

СССР не имеет решительно никакого повода затруднять или делать невозможным критическое рассмотрение его экономической организации. Поэтому, само собой подразумевается право каждого рассматривать* в Союзе экономические вопросы или получать информацию по этим вопросам, поскольку у него нет основания полагать, что запрошенные им или полученные им информационные сведения, на основании специальных распоряжений властей или руководителей соответствующих государственных предприятий, не подлежат разглашению или распространению. Это положение касается также и информации о тенденциях и конъюнктурах.

Эта точка зрения была подчеркнута делегацией СССР при экономических переговорах с Германией

*Абзац 2-й нашего предложения к ст. 1-й
экономического соглашения*

Ввиду обязательств, принятых обеими сторонами на себя по ст. 1-й и руководствуясь основным принципом Рапалльского договора о предоставлении друг другу привилегий и преимуществ, которые ими предоставляются любой другой стороне (с соблюдением при этом ст. 6-й общих постановлений договора от 12.10.1925 г.), каждая из сторон будет в осуществление упомянутой статьи 1-й экономического соглашения оказывать содействие дальнейшему развитию хозяйственных отношений между обеими странами: СССР – путем возможного использования экспортных

* Само собой подразумевается... рассматривать *вписано поверх строки карандашом вместо зачеркнутого* никто не должен бояться говорить.

возможностей германского хозяйства в форме размещения заказов на германском рынке и предоставления таможенных скидок для германских товаров при их ввозе в СССР путем устранения излишних формальностей, препятствующих нормальному товарообороту между обеими странами, а также путем содействия устранению препятствий организационного порядка, вытекающих из различия хозяйственных систем обеих стран, поскольку это совместимо с основными положениями монополии внешней торговли, являющейся одним из основных законов советского государства; Германия – путем облегчения условий размещения советских заказов на германском рынке, в первую очередь, путем содействия предоставлению советским хозяйственным организациям долгосрочных кредитов, а также путем предоставления таможенных скидок для развития советского экспорта и устранения излишних формальностей, препятствующих нормальному развитию товарооборота между обеими странами.

Приложение 5

Стороны согласны в том, что предусмотренное статьей 1-й экономического соглашения от 12 октября 1925 г. содействие развитию взаимных торговых сношений нашло свое выражение в отношении товарообмена, особенно при учете результатов последнего года, в повышении товарообмена между Германией и СССР, которое показало, что обе договаривающиеся стороны с успехом стремились выполнить принципы статьи 1-й экономического соглашения.

К этому будет протокол следующего содержания:

На вопрос председателя делегации СССР председатель германской делегации заявил, что, по его мнению, успешное стремление правительств могло выразиться лишь в мероприятиях.

Приложение 6

Секретно

Делегация СССР поставила на обсуждение вопрос о вступлении группы германских банкиров в Международный комитет защиты кредиторов России.

Германская делегация заявила:

Германское правительство с самого начала энергично выступало против вступления группы германских банкиров в Международный комитет защиты кредиторов России, так как оно придерживалось того мнения, что подобное действие несовместимо

с существующими между обоими государствами и основанными на заключенных договорах отношениями. В соответствии с этим германское правительство как в сообщении посольству СССР в Германии, так и в сообщенном германской прессой официальном коммюнике уже указало на то, что вопрос о довоенных долгах может быть поставлен только в полном соответствии с совершенно ясными постановлениями Рапалльского договора, и что действия германских банкиров не имеют ничего общего с позицией германского правительства в этом вопросе.

Учитывая возможные неблагоприятные последствия этих действий банков для дальнейшего развития советско-германских отношений, германское правительство, имея в виду принятые им на себя согласно статьи 1 экономического соглашения обязательства, будет по возможности стремиться препятствовать возникновению и развитию этих неблагоприятных последствий.

Приложение 7

Секретно

Германская делегация заявляет:

Одновременно с оглашением решений конференции подлежащим хозяйственным органам и их объединениям будет указано, что в интересах дальнейшего развития германо-советских экономических отношений нетерпимо установление в торговом обороте с СССР путем специальных конвенций условий, носящих характер дискриминации.

Приложение 8

Секретно

Германская делегация заявляет:

Одновременно с оглашением решений конференции соответствующие хозяйственные органы и их объединения будут поставлены в известность о том, что в интересах дальнейшего развития германо-советских экономических отношений желательно, чтобы в торговом обороте с СССР путем специальных конвенций не создавалось условий, носящих характер дискриминации.

Приложение 9

К предложению делегации СССР найти правовое регулирование для большего обеспечения государственного имущества одной стороны на территории другой стороны германская деле-

гация указывает на то, что, ввиду чрезвычайной сложности этого комплекса вопросов, у нее не было возможности произвести необходимое детальное рассмотрение этого комплекса вопросов на настоящей конференции. Ввиду особенного значения, которое вопрос этот имеет для экономических отношений обеих стран, германская делегация заявляет о готовности своего правительства в возможно скором времени вступить в переговоры с правительством СССР относительно упомянутого комплекса вопросов. При этом германская делегация исходит из того, что со стороны правительства СССР нет намерения изменить что-либо в постановлениях статей 7 и 9.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 52–63. Подлинник.

№ 128

*Записка Б.С. Стомонакова И.В. Сталину
о несогласии с линией Политбюро ЦК ВКП(б)
на завершающем этапе советско-германских
экономических переговоров и с просьбой перевести его
на другую работу*

№ Т53

21 декабря 1928 г.
Сов. секретно
Лично
Экз. № 1

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)

Тов. Сталину

Копия: тов. Рыкову

Уважаемый товарищ,

Только что я подписал договор с немцами¹. Третий абзац пришлось, после тщательной попытки провести редакцию тов. Рыкова, совершенно выкинуть. С большими усилиями удалось вставить в протокол заседания мое заявление, что, если действия банкиров будут вредить нашей торговле с Германией, мы оставляем за собой право “сделать эти действия предметом переговоров с германским правительством”. Без этой оговорки немцы отказались бы даже разговаривать с нами в будущем по этому делу, заявив, что оно исчерпано сегодняшней резолюцией, – подобно тому, как на этой конференции они долго настаивали на том, что дело банкиров “исчерпано переговорами т. Крестинского в Берлине”. Если еще были какие-нибудь сомнения в том, что своим

контрпредложением германское правительство пыталось умыть окончательно руки в деле Мендельсона и отказаться принимать какие бы то ни было меры против него и в будущем, то сегодняшнее поведение германской делегации рассеяло эти сомнения на все 100 процентов. Впрочем и до этого такие сомнения были возможны лишь для тех, кто не был знаком с ходом переговоров, либо для того, кто хотел любой ценой настоять на своей ошибочной позиции.

Последние переговоры до подписания, проходили в чрезвычайно унижительной для нас обстановке. Несмотря на все усилия с моей стороны, немцы не могли не понять, что мы всякой ценой хотим подписать договор, и, радикально изменив смиренный утренний тон на нагло-требовательный, проявили позорнейшим образом уступчивость в самых мелких вопросах формы и редакции. Положение было достаточно позорным для нас. Я не убежден, что все это не проникнет в заграничную прессу.

Доводя обо всем этом до Вашего сведения в порядке информации я одновременно ставлю через Вас в Политбюро вопрос об освобождении меня от работы в НКВД и вообще от работы по сношениям с за границей. Я не могу проглотить позора, которому мы подвергли сегодня наше государство. Я умолял вчера Политбюро не доводить дела так далеко и дать мне разрешение, после исчерпания всех возможностей, уступить немцам и подписать договор. Политбюро приказало мне взять непримиримую линию, заявить немцам от имени правительства, что их предложение неприемлемо, и подвести дело вплотную к разрыву с тем, чтобы сегодня, без того, чтобы случилось что-нибудь новое и без элементарного сохранения лица “все уступить”. Зачем это нужно было? Разве не очевиден вред для нас от подобной тактики? Трудно вести переговоры с иностранцами при таких условиях. В особенности трудно их добросовестно вести. При таких условиях не только для переговорщика, но, в конечном счете, пожалуй, и для дела лучше слепое выполнение распоряжений свыше, чем инициатива и добросовестность. Выходит, другими словами, что лучше быть “чиновником”.

Но я не чиновник и как чиновник работать не умею. И поэтому я прошу дать мне другую работу, не в области внешних сношений, а какую-нибудь скромную хозяйственную работу, возможно менее ответственную и более спокойную. Последнее необходимо также и ввиду с состоянием нервной системы.

В НКВД я во всяком случае после сегодняшнего совещания – по понятным соображениям – работать не могу.

Прошу о немедленном разрешении этого вопроса на ближайшем заседании Политбюро, ибо для меня создается невыносимая обстановка, глубоко вредная и для меня, и для дела.

С коммунистическим приветом Б. Стомоняков

Помета: Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 75–76. Подлинник.

¹ См.: Документы внешней политики СССР. Т. XI. С. 623–626.

№ 129

*Записка Б.С. Стомонякова И.В. Сталину
в связи с прекращением советско-германских
экономических переговоров*

№ 6564

22 декабря 1928 г.
Сов. секретно
Экз. № 1

Тов. Сталину

Копия – тов. Рыкову

Уважаемый товарищ,

В дополнение к моему вчерашнему письму за № Т 53 обращаю Ваше внимание на вчерашнюю телеграмму тов. Крестинского¹. Как я заявил на заседании Политбюро 20-го, а также на вчерашнем совещании у тов. Рыкова, неблагоприятное для нас решение по вопросу о банкирах было принято действительно чиновниками германского Министерства иностранных дел, и наше обращение к Штреземану оказалось совершенно правильным. Как сообщает тов. Крестинский, Штреземан обещал найти формулу, дающую нам удовлетворение, и немедленно протелеграфировать ее Поссе. Таким образом, если бы мы не поторопились, Поссе остался бы еще на один день, и мы получили бы удовлетворение по важнейшему для нас вопросу всех переговоров.

С товарищеским приветом Б. Стомоняков

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 77. Подлинник.

¹ См.: Документы внешней политики СССР. Т. XI. С. 618–623.

*Записка Б.С. Стомонакова А.И. Микояну
об условиях предоставления СССР германских кредитов*

№ 6565

22 декабря 1928 г.
Сов. секретно
Экз. № 2

Тов. Микояну

Копии: гг. Сталину и

Рыкову

Уважаемый товарищ,

После известной Вам частной беседы с председателем германской делегации Поссе у меня на квартире по вопросу о кредитах у меня было еще три разговора с ним на эту тему.

Первый разговор был 16 декабря у меня в кабинете. По окончании заседания президиумов обеих делегаций я просил Поссе остаться для частной беседы. В этой частной беседе я говорил ему о своей озабоченности неуступчивостью германской делегации по ряду важных для нас вопросов, особенно по вопросам о банкирах, о Лепке и о “Русском комитете”, а затем перед концом беседы, еще раз подчеркивая частный характер беседы, я сказал ему, что передал Вам содержание беседы с ним у меня на дому по вопросу о кредитах и что Вы подтвердили мою точку зрения, что мы готовы обратиться к германскому правительству с предложением обеспечить кредиты для развития товарооборота, если у нас будет уверенность, что германское правительство ответит готовностью вступить в переговоры. Если этой уверенности нет, — сказал я, — то лучше вообще не обращаться. Мы заинтересованы в кредитах, но мы можем жить и развиваться и без них. Все дело в темпе нашего строительства. Не было ли бы целесообразно, — сказал я Поссе, — если бы он в частном порядке осведомился в Берлине и до своего отъезда частным же образом сообщил мне о намерениях германского правительства в этом отношении. В случае положительного ответа мы готовы обратиться официально к германскому правительству с предложением об обеспечении кредитов. Особое значение мы придаем секретности этих переговоров, особенно в их предварительной стадии. Если он, Поссе, не может обеспечить секретности своего обращения и ответа германского правительства, и можно ожидать, что в ближайшие дни германская пресса будет писать о том, что мы обращались за кредитами к германскому правительству, то лучше ему, Поссе, вообще не телеграфировать в Берлин.

Поссе вновь, как это он сделал у меня на дому, подчеркнул, что он не имеет никаких полномочий вести переговоры о кредитах и, более того, что он вообще этого дела не понимает. Затем он сказал, что, к сожалению, он не может гарантировать мне, что, если он телеграфирует в Берлин, вопрос не будет обсуждаться на каком-нибудь междуведомственном совещании и при тамошних нравах в прессу не проникнут сообщения об этом деле. Ввиду этого и по другим серьезным соображениям, он, Поссе, считает более целесообразным не телеграфировать в Берлин, а по возвращении туда лично доложить по этому вопросу Штреземану и Курциусу (министр народного хозяйства). В таком случае он убежден в том, что в прессу ничего не проникнет. Он вполне разделяет мой взгляд на то, что преждевременное появление в прессе сведений по вопросу о кредитах может принести большой вред и нам, и делу, и он делает все возможное для обеспечения совершенной секретности, которую он считает необходимой не только для предварительной, зондажной стадии, но также и для последующих переговоров, до того момента, когда переговоры придут к благополучному концу. Что же касается извещения меня о готовности германского правительства вступить в переговоры о кредитах, то после беседы со Штреземаном и Курциусом он, Поссе, пришлет мне частное письмо с кратким сообщением о том, что “по известному делу можно начать переговоры немедленно”, или что “по известному делу переговоры лучше отложить на некоторое время”, – в зависимости от того или иного ответа министров.

На этом беседа закончилась, так как Поссе торопился в театр.

Следующая небольшая беседа состоялась на приеме у Поссе в германском посольстве 18 декабря. Насколько Поссе был сдержан по вопросу о кредитах в беседе 16 декабря, настолько же он проявил интерес и активность 18-го. Улучив момент, когда мы остались вдвоем, он стал меня расспрашивать о наших пожеланиях в области кредитов, о цифрах, о сроках и о разных условиях. К сожалению, к нам подошел ряд других лиц, и мы не могли продолжать этого разговора в тот вечер, поскольку Поссе, как хозяин, должен был ухаживать за рядом лиц.

Последний разговор о кредитах произошел вчера перед самым подписанием соглашения в конференц-зале НКВД. Поссе подошел ко мне и спросил, могу ли я ему окончательно сообщить наши пожелания в области кредитов для доклада в Берлине. Стараюсь быть максимально безучастным, я ответил, что у меня этих цифр нет под рукой, что я об этом деле позабыл совершенно за

последние дни и что я постараюсь потом найти материалы и ему сообщить. Поссе стал оправдываться, что он торопит меня потому, что ему придется по этому вопросу докладывать в Берлине.

Несколько позже я затребовал заметку о наших пожеланиях, составленную вместе с Вами. Поссе видел, что я что-то получил, и опять подошел ко мне с вопросом, могу ли я немедленно сообщить ему данные или я хочу отложить этот вопрос на время после подписания соглашения. Было ясно видно, что Поссе заинтересован и опасается уехать без этих данных.

Мы уединились в углу, и я ему продиктовал составленные вместе с Вами цифры.

Так как у Вас после нашей беседы о кредитах – у Вас на квартире 15 декабря – не осталось никаких документов, во избежание недоразумений привожу то, на чем мы остановились и что я сообщил Поссе.

Мы предлагаем предоставление нам Германией кредитов троякого рода:

1) 200 млн руб., сроком на 10 лет для закупок в Германии германских машин, запасных частей и предметов технического снабжения. Срок выдачи заказов – 2 года, начиная с 1 мая 1929 г.

2) 90 млн руб., сроком на 3 года, для закупок в Германии германских готовых изделий, как-то: сельскохозяйственные орудия и машины, металлы для крестьянского обихода, текстиль, велосипеды и т.п., а также удобрения. Срок выдачи заказов – до мая 1930 г., причем половина выдается немедленно, а другая половина, начиная с 1 января 1930 г.

3) 25 млн руб., сроком на 6 месяцев для закупок в Германии заокеанских биржевых товаров (сырье). Срок выдачи заказов, начиная с 1 мая 1929 г. Кредит возобновляется в течение 2-х лет.

Кроме того, я поставил следующие общие условия, действительные для всех трех родов кредитов:

а) Кредиты должны быть банковскими, т.е. нам должна быть дана возможность закупать товары за наличные деньги, платя из сумм, находящихся на наших забронированных текущих счетах в германских банках;

б) Срок кредитов начинает течь со дня отправки соответствующей партии товаров с германского завода;

в) Упрощенная организация кредитов.

Поссе внимательно все записал и заявил, что немедленно по приезде в Берлин он будет докладывать об этих пожеланиях названным двум германским министрам. Я еще раз подчеркнул в этой беседе, что наш разговор носит абсолютно частный и доверительный характер, что вопрос не рассматривался нашим прави-

тельством, и что эти сведения получены мною по моей просьбе у тов. Микояна в результате моего первого частного разговора с Поссе, в котором он сам мне заявил, что переговоры о кредитах так или иначе должны вскоре начаться и что первое слово должно быть сказано советской стороной.

Разговор на этом закончился. Мне неудобно было говорить Поссе, чтобы он мне не писал никаких писем по этому делу, поскольку об этом не было никакой речи в нашей вчерашней беседе. Вся обстановка и тон разговора были таковы, что в Берлине никоим образом не смогут истолковать этих моих сообщений, как забегание с нашей стороны по вопросу о кредитах. Инициатива и активность были проявлены в этой беседе не с моей стороны, а со стороны Поссе.

В заключение я напомнил, и Поссе подтвердил наш уговор, состоявшийся между нами на заседании президиумов обеих делегаций, уговор о том, что если появится сообщение в прессе о том, будто бы мы вели в Москве переговоры о кредитах или будто бы с советской стороны были сделаны предложения о кредитах, — не только советская, но и германская сторона опубликуют категорические опровержения.

Дело в том, что на заседании президиумов 17 декабря после известных решений высшей инстанции, когда я сообщил немцам наши последние позиции, я подчеркнул, что одной из причин нашего согласия взять обратно наше предложение о программной резолюции по статье 1-й, является то обстоятельство, что в этом проекте говорится, между прочим, и о кредитах. Я констатировал, что сам Поссе в частной беседе у меня на дому признал большую сдержанность, проявленную нами по вопросу о кредитах во время всех московских переговоров; я объяснил эту сдержанность враждебной нам атмосферой вокруг этого вопроса; я заявил, что мы можем жить и развиваться и без кредитов, и выразил надежду, что, если, вопреки тому, что было в Москве, враждебная нам пресса будет писать что-нибудь по этому вопросу, германское правительство даст опровержение этим сообщениям. Поссе не только изъявил согласие, но предложил даже немедленно опубликовать официальное коммюнике от имени обеих делегаций, что по вопросу о кредитах в Москве не ведется никаких переговоров. Я ответил, что такое опубликование было бы несвоевременным. Поскольку еще нет ложных сообщений по этому вопросу, подобное коммюнике могло бы привести к совершенно обратным результатам, вызвав представление о том, что все же ведутся какие-то тайные переговоры.

Я не следил в последнее время за заграничной прессой и не знаю, писалось ли что-нибудь по этому вопросу. Необходимо, таким образом, в случае появления каких-нибудь сообщений о кре-

дитах вместо того, чтобы опровергать их нам самим, обратиться к немцам с просьбой дать опровержение от себя.

С товарищеским приветом Б. Стомоняков

Помета: т. Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 67-71. Копия.

№ 131

*Записка Б.С. Стомонякова членам коллегии НКВД СССР
с протестом против публикации в СССР резолюции
об экономическом шпионаже*

№ Т54

23 декабря 1928 г.

Только лично
Сов. секретно

Членам коллегии НКВД*

Копия: тов. Сталину

Только что я узнал, что предполагено опубликовать у нас резолюцию советско-германской экономической конференции об экономическом шпионаже. Я высказываюсь категорически против этого по следующим соображениям:

1) Нет никакого сомнения в том, что приведенное в этой резолюции толкование понятия “экономический шпионаж” не будет применяться в процессах против советских граждан. Таким образом опубликование указанной резолюции приведет к демонстрированию неравенства наших граждан с привилегированными иностранцами;

2) Исходя из этого и в согласии с решениями Политбюро от 17 декабря с.г., я, сообщая немцам наши решения по этому вопросу на заседании президиумов обеих делегаций, заявил им, что я дам на конференции разъяснение по этому вопросу, что разъяснение будет зафиксировано в протоколе, что мы сами его публиковать не будем, но не возражаем, чтобы немцы опубликовали об этом коммюнике в своей печати через агентство Вольфа. Немцы с благодарностью приняли все это к сведению;

3) В день подписания, 21 декабря, немцы, вразрез с тем, что было уговорено 17-го, на последнем заседании президиумов делегаций потребовали, чтобы резолюция об экономическом шпионаже вошла в главный протокол, подлежащий опубликованию. Имея ввиду соображения, высказанные в пункте 1-м и ссылаясь на факты, изложенные в пункте 2-м, я настоял на том, – и немцы согласились, – чтобы резолюция о шпионаже вошла в протокол заключительного заседания, не подлежащий опубликованию;

* Копия направлена М.М. Литвинову, Л.М. Карахану, Ф.А. Ротштейну, Г.В. Чичерину.

4) Что касается высказанного некоторыми товарищами соображения о желательности доведения резолюции о шпионаже также до сведения англичан и других, то необходимо учесть, что немецкие газеты (в которых появится сообщение об этой резолюции) во всяком случае больше читаются в Англии, чем советские газеты;

5) Резолюция об экономическом шпионаже представляет из себя констатирование запроса разъяснений со стороны германской делегации по этому вопросу и экспертное заключение председателя советской делегации. Помещена эта резолюция в протоколе, не предназначенном к опубликованию. Из этого ясно видно, что нет никаких престижных или иных соображений для опубликования у нас этой резолюции.

Я предлагаю:

1) Резолюции об экономическом шпионаже не публиковать;

В случае отклонения коллегией моего предложения предлагаю:

2) Вопрос перенести в Политбюро, поскольку вопрос имеет серьезное политическое значение и затрагивает интересы и других ведомств (НКЮ-стов и ОГПУ).

В случае моего отсутствия на заседании коллегии 24 декабря прошу т. Литвинова поставить на обсуждение и голосование мои предложения и учесть в их пользу также и мой голос.

Б. Стомоняков

Помета: тов. Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 72-73. Заверенная копия.

№ 132

Записка Б.С. Стомонякова А.И. Микояну о возможном месте ведения переговоров с Германией о кредите

№ 6571

27 декабря 1928 г.

Сов. секретно

Экз. № 2

Тов. Микояну

Копии: тт. Сталину и

Рыкову

Уважаемый товарищ,

В письме о моих кредитных разговорах с Поссе за № 6565 от 22 декабря я забыл отметить, что Поссе запрашивал меня, где и как мы предполагаем вести с Германией переговоры о кредитах. Я ответил, что ничего не могу сказать по этому вопросу, ибо вопрос о кредитах вообще не обсуждался нашим правительством, а я лишь в связи с экономическими переговорами в Москве информировался у т. Микояна о его предположениях. Разговор с т. Микояном носил общий ориентировочный характер, и о таких конкретных вещах,

как место и способ ведения кредитных переговоров, речи совсем не было. Тогда Поссе спросил о моем личном мнении, и я сказал ему, что, по моему мнению, переговоры следует вести в Берлине между нашим берлинским торгпредством и германскими министерствами. Я сказал, что моя поездка в Берлин в начале 1926 г. для переговоров о 300-миллионных кредитах привлекла слишком много внимания, и поднявшийся тогда шум вокруг кредитных переговоров не был полезен для дела. Поссе ответил, что он вполне со мной согласен, но потом через некоторое время сказал, что его коллега Шеффер (тоже директор департамента в Министерстве народного хозяйства, занимающийся вопросами кредитования экспорта) давно уже хочет поехать в Москву. Я сейчас же ответил, что, конечно, мы будем очень рады видеть здесь Шеффера и что переговоры можно будет повести в Москве. Ввиду высказанного Поссе соображения, что приезд Шеффера тоже может вызвать шум около кредитных переговоров, я сказал, что Шеффер мог бы приехать в январе вместе с участниками технической недели¹.

Я не думаю, чтобы германское правительство, действительно, прислало сюда Шеффера для длительных и сложных кредитных переговоров, и поэтому полагаю, что было бы наиболее целесообразно подготовиться к переговорам в Берлине, поручив их ведение берлинскому торгпредству.

С товарищеским приветом Б. Стомоняков

Помета: т. Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 78–79. Копия.

¹ Имеется в виду выставка в Москве.

№ 133

*Записка М. М. Литвинова членам Политбюро ЦК ВКП(б)
о преднамеренном срыве немецкой делегацией
советско-германских переговоров*

№ л/3198

27 декабря 1928 г.

Секретно

Экз. № 1

Членам Политбюро*

1. Я лишен был возможности сегодня в Политбюро устно отвечать на повторные утверждения т. Стомонякова о якобы ошибке, совершенной нами подписанием соглашения с Германией и на сделанные им ссылки на шифровку т. Крестинского**.

* Копии направлены также членам коллегии НКВД СССР.

** См. док. 129.

2. Не намереваясь вновь открывать дискуссию по существу вопроса, чтобы доказать абсолютную ошибочность позиции т. Стомонякова, я позволю себе процитировать лишь те документы, о которых я сегодня упомянул в Политбюро.

3. Тов. Крестинский в своем последнем докладе пишет: “Я не сомневаюсь, что нам при помощи Штреземана удалось бы добиться частичного восстановления последнего абзаца в московской редакции, но тот небольшой плюс, который мы получили бы от этого, несомненно, был бы с лихвой обесценен фактом отсрочки переговоров и перенесения их на после Рождества. Я поэтому очень доволен, что мы пошли на уступку и подписали договор в том виде, в каком он получился”. Несмотря на свой прежний оптимизм, т. Крестинский признает, что в лучшем случае Штреземан лишь частично восстановил бы прежнюю формулировку. Можно безошибочно утверждать, что самое ценное в нашей формулировке осталось бы все же выброшенным и что восстановлены были бы фразы, значения для нас не имеющие. Вместе с т. Крестинским я убежден, что, ради такой уступочки Штреземана нельзя было решаться на перерыв переговоров. Но я иду дальше и заявляю, что даже полное принятие нашей формулировки Штреземаном не компенсировало бы того вреда, который получился бы от перерыва переговоров. Более убедительным, однако, является секретный документ, доставленный ОГПУ и попавший в мои руки лишь вчера. Там рассказывается о совещании в германском Министерстве иностранных дел касательно дальнейшего курса внешней политики Германии в отношении Восточной Европы. На этом совещании высказывались мнения о необходимости сдачи Германией своих позиций в русском вопросе, чтобы добиться больших успехов в своих переговорах с Англией и Францией, причем обнаруживалось неудовольствие по поводу возобновления Германией переговоров с нами. Отражая эти нападки, новый посол фон Дирксен заявил, между прочим: “Переговоры официально будут прерваны к рождественским праздникам, и тогда германское правительство сможет решить – возобновлять их или затянуть”.

Я не считаю безусловно достоверными все передаваемые нам ОГПУ секретные документы, но данное сообщение представляется мне правдоподобным и совпадающим с позицией германской делегации в Москве. Я отнюдь не считал и не считаю случайностью, что с самого начала германская делегация, поставив крайним сроком переговоров определенные даты, стремилась к тому, чтобы переговоры не были закончены в Москве. Той же цели должен был служить предполагавшийся отъезд Поссе чуть ли не на второй неделе переговоров. Эти планы были сорваны благодаря нашей уступчивости, которая вполне оправдывается всей между-

народной обстановкой. Прервав переговоры, мы сыграли бы на руку лишь недружелюбно настроенным к нам элементам в Германии. В комиссии Политбюро в пятницу я высказал опасение, что, в случае перерыва переговоров, возобновление их может стать для Германии предметом игры с нами и с Антантой. Вышеприведенный документ это опасение подтверждает.

М. Литвинов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 80–81. Подлинник.

№ 134

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “Заявление тов. Стомонякова”**

№ П 56/2-с

27 декабря 1928 г.
Строго секретно

2. а) Признать письмо т. Стомонякова от 21 декабря 1928 г. на имя тт. Сталина и Рыкова неправильным по существу и недопустимым по форме, заслуживающим порицания**.

б) Обязать т. Стомонякова работать в НКВД.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 74. Копия.

№ 135

Записка Б.С. Стомонякова членам Политбюро ЦК ВКП(б) с аргументами в подтверждение своей прежней позиции на переговорах

№ 6580

1 декабря 1928 г.
Сов. секретно
Экз. № 1

Членам Политбюро ЦК ВКП(б)***

Полученное мною 29-го с.м. письмо т. Литвинова от 27-го за № 3193**** вынуждает меня реагировать на него, несмотря на все нежелание заниматься далее этим делом.

1. Неверно, что я стоял за перерыв переговоров с немцами. Все время – и до последнего дня – я был за подписание соглашения еще до праздников. Я был лишь за принятие предложения германской делегации оставить открытым вопрос о банкирах и

* Выписка из протокола № 56 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 декабря 1928 г., п 2. Направлена Б.С. Стомонякову.

** См. док. 129.

*** Копии направлены также членам коллегии НКВД СССР.

**** См. док. 133.

2–3 других вопроса, решения по которым были согласованы, но не были формально утверждены конференцией. Это предложение германской делегации явилось результатом отказа берлинских чиновников пойти на компромисс в вопросе о банкирах и боязни германской делегации отложить из-за этого подписание соглашения после праздников (на основании моих заявлений, сделанных вследствие постановлений комиссии Политбюро и самого Политбюро, германская делегация была убеждена, что без удовлетворения по вопросу о банкирах мы не подпишем соглашения). Правда, я предложил, чтобы взамен за вопрос банкиров мы оставили открытыми 5 крупных вопросов, интересующих Германию. (Немцы были на это согласны, и этим показали, как велико было их нежелание отложить подписание соглашения). Мы могли, однако, ограничить число вопросов, оставляемых открытыми взамен за вопрос банкиров, одним-двумя, как это и предлагал в процессе обсуждения у него на совещании т. Рыков, – и немцы, понятно, с благодарностью приняли бы такое предложение, поскольку оно означало, что они получили бы немедленное удовлетворение еще нескольких их требований. Мы могли, наконец, оставить открытыми один, два или три из тех германских требований, которые были сняты с повестки конференции, но которые мы устно обязались удовлетворить (тоннаж, книги, изменение некоторых пунктов концессионных договоров). Никакими новыми переговорами такое разрешение вопроса нам не угрожало, во-первых, потому что немцы сами уже согласились, что эти вопросы снимаются с повестки конференции и могут быть разрешены лишь в порядке соглашения между нашими хозорганами и их фирмами, а во-вторых, потому что мы уже изъявили готовность дать немцам полное удовлетворение по этим вопросам, и не о чем было бы вести новые переговоры по ним. Таким образом открытым оставался бы один вопрос о банкирах. Когда немцы дали бы нам удовлетворение по нему, мы привели бы в исполнение через наши хозорганы наши обещания по указанным вопросам.

Таким образом, при принятии немецкого предложения не было ни перерыва переговоров, ни опасности новых переговоров по вопросам, стоявшим на этой конференции.

2. В своем стремлении доказать, что принятие моего предложения было очень опасно, т. Литвинов цитирует секретный документ ОГПУ, в котором новому германскому послу Дирксену приписывается заявление на каком-то совещании, что переговоры будут немцами “официально” прерваны к Рождеству, и германское правительство потом решит – возобновлять их или затянуть. Тов. Литвинов делает вывод, что рекомендованное мною предложение шло навстречу этим немецким планам о перерыве

переговоров. Этот документ неизвестен мне, но, как видно из письма т. Литвинова, речь идет не о перехваченном иностранном официальном документе, а об агентурном донесении. Такие донесения, однако, большей частью мало достоверны, ибо содержат лишь слышанное агентом, т.е. передают слухи. Это лучше всего знает т. Литвинов, который, как известно в НКВД, обыкновенно более чем скептически относится к подобного рода материалам. В данном случае, однако, т. Литвинов считает это донесение “правдоподобным и совпадающим с позицией германской делегации в Москве”. О правдоподобности скажу ниже, а к утверждению, что германская делегация в Москве стремилась прервать переговоры в Москве, не присоединится ни один человек, который имел какое бы то ни было отношение к переговорам. Не буду затыгивать этого вынужденного объяснения перечислением ряда фактов, опровергающих это утверждение. Ограничусь ссылкой на то, что если бы такое стремление у германской делегации было, то она не делала бы утром 21 декабря предложения подписать все соглашение за исключением двух-трех вопросов, оставляемых открытыми, не соглашалась бы увеличить число этих открытых вопросов и не уговаривала бы нас так энергично принять это ее предложение.

3. “Правдоподобность” вышеприведенного сообщения о намерении германского правительства прервать переговоры к Рождеству, однако, лучше всего видна из следующей оценки, даваемой т. Крестинским переговорам со Штреземаном по этому вопросу. Свою запись беседы со Штреземаном т. Крестинский кончает так: “Наше общее с т. Бродовским впечатление от разговора со Штреземаном, что у него искреннее желание довести переговоры до конца теперь же, до Рождества (подчеркнуто мною. – Б.С.), и что он понимает, что после наших уступок по ряду вопросов в этом вопросе (в вопросе о банкирах. – Б.С.) на уступки должна пойти немецкая сторона”.

Комментарии излишни. И существо дела не изменится от того, что тот же т. Крестинский после того, как он сообщил об этом результате переговоров со Штреземаном, получив известие о нашей уступке немцам по делу банкиров, одобрил эту уступку. Впрочем, как это видно из приведенной т. Литвиновым цитаты, т. Крестинский исходил при этом из неправильной информации, будто если бы мы не сделали этой уступки, переговоры были бы прерваны.

Посылаю это разъяснение по всем адресам, по которым разослал свое письмо т. Литвинов.

С товарищеским приветом Б. Стомоняков

Помета: т. Сталину.

1929 год

№ 136

*Письмо Б.С. Стомонякова секретарю ВЦСПС А.И. Догадову
о положении советских профсоюзов
на иностранных концессиях в СССР*

№ 6511

2 января 1929 г.

Секретно

Экз. № 5

ВЦСПС – тов. Догадову

Копии: тт. Томскому, Ксандрову, Рыкову, Сталину*

Уважаемый товарищ,

В дополнение к моему письму от 7 декабря и.г.** за № 29, в котором я сообщал Вам о вопросах, выставленных германской делегацией на экономической конференции в Москве и связанных с политикой и практикой профессиональных союзов в отношении концессий, сообщаю, что нашей делегации удалось заключить соглашение с Германией без уступок по требованиям Германии, касающимся наших профессиональных союзов. Тем не менее я считаю необходимым обратить внимание президиума ВЦСПС на необходимость, невзирая на эту нашу формальную победу, пойти в некоторой степени навстречу германским пожеланиям, изложенным в моем первом письме***. Германская пресса, обсуждая результаты переговоров, отмечает, что германской делегации не удалось добиться уступок по этим важным вопросам, и, без сомнения, рано или поздно Германия вернется к этим вопросам, хотя бы в дипломатическом порядке, если мы сами не создадим более нормальных отношений между нашими профессиональными союзами и германскими концессиями. Необходимо также иметь в виду, что этот вопрос является острым также и для большинства

* Копии направлены также М.П. Томскому, В.Н. Ксандрову, Г.В. Чичрину, М.М. Литвинову, Л.М. Карахану, Ф.А. Ротштейну, Б.Е. Штейну.

** Истекшего года.

*** В АП РФ отсутствует.

других иностранных концессий у нас. В особенности необходимо пересмотреть в смысле его ограничений список должностей на концессиях, служащие на каковых исключаются из профсоюзов.

С товарищеским приветом Б. Стомоняков

Помета: т. Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 85. Копия.

№ 137

Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину с просьбой обсудить на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) конвенцию о согласительной процедуре между СССР и Германией

№ л/3051

19 января 1929 г.

Секретно

Экз. № 1

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)

Тов. Сталину

Копия: т. Рыкову

15.12. я сообщал Вам о начатых переговорах с Германией о заключении конвенции касательно согласительной процедуры разрешения спорных вопросов¹. В настоящее время переговоры закончены, и конвенция может быть подписана в любой день, но для этого требуется санкция Совнаркома, которую, вероятно, трудно будет получить при отсутствии формального одобрения со стороны Политбюро. Так как никаких деловых или политических возражений против конвенции ожидать не приходится, я очень просил бы Вас поставить вопрос на формальное разрешение Политбюро в ближайший понедельник, вызвав меня для краткого доклада. Полагаю, что Вы разделяете мои соображения о желательности скорейшего подписания упомянутого соглашения.

М. Литвинов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 88. Подлинник.

¹ Концепция о согласительной процедуре между СССР и Германией была подписана в Москве 25 января 1929 г.

№ 138

*Записка Б.С. Стомонякова Л.М. Хинчуку
об условиях предоставления германских кредитов
на закупку готовых товаров*

№ 6587

23 января 1929 г.

Секретно

Экз. № 4

Наркомторг
тов. Хинчуку

Уважаемый товарищ,

В дополнение к моему письму на имя тов. Микояна от 15 с.м. за № 6552 посылаю Вам в приложении перевод только что полученного через германское посольство письма бывшего председателя германской экономической делегации в Москве Поссе по вопросу о кредитах.

По соглашению с тов. Микояном я сообщил 21 декабря Поссе наши пожелания в отношении кредитов, причем ему было указано, что заказы на готовые товары мы должны выдать немедленно с тем, чтобы они прибыли в СССР заблаговременно к сбору урожая 1929 г. (см. мое письмо т. Микояну от 22 декабря № 6565, посланное по тем же адресам, что и настоящее письмо). Как видно из прилагаемого письма Поссе, немцы ухватились за то обстоятельство, что мы хотели бы немедленно приступить к выдаче заказов на готовые товары, в то время, как в отношении других поставок мы изъявили готовность начать выдачу заказов лишь с 1 мая с.г. для того, чтобы ограничить предстоящие кредитные переговоры лишь сравнительно незначительным объектом в 25 млн рублей, ограничиваясь в отношении остальных сумм неопределенным обещанием приступить к переговорам “в возможно скором времени”. Такое разрешение вопроса тем более приятно немцам, что эта часть наших кредитных пожеланий и по существу является наиболее приемлемой и приятной для них, поскольку речь идет о поставке готовых изделий, которых мы давно уже в Германии не покупаем.

Нам следовало бы ответить немцам, что на покупку готовых товаров на сумму подобного же порядка мы имеем предложения также и из других стран, что вообще получение кредитов на готовые товары потребительского характера является более легким, чем получение кредитов в других областях, и что вследствие этого и принимая во внимание то обстоятельство, что мы впервые

решились на сравнительно небольшую сумму ввезти готовых фабрикатов, мы не хотели бы отделять соглашение о получении кредитов на готовые товары от соглашения на получение долгосрочных кредитов на оборудование и пр. Мы предлагаем поэтому приступить к переговорам по всей совокупности кредитных пожеланий, переданных мною Поссе в частном порядке.

Необходимо иметь в виду, что безработица сильно растет в Германии, что склады многих предприятий и как раз в особенности из той группы товаров потребительского характера, по которой мы хотели выдать немедленно заказов на 25 млн рублей, переполнены, и что вообще германская промышленность требует от своего правительства принятия мер к облегчению экспорта. Мы сделали бы поэтому ошибку, если бы выпустили из рук самый жирный кусок, который у нас имеется в виде заказов на готовые товары. Может быть, впоследствии нам и пришлось бы отступить от этой точки зрения, но на первое время необходимо оказать на немцев нажим и попробовать открыть переговоры по всей сумме наших кредитных пожеланий.

Что касается срока кредитования на готовые товары, то мы выставили три года с запросом, а немцы также с запросом предлагают, вероятно, один год. Я думаю, мы сговоримся на двух годах.

По вопросу об обеспечении нами 25–30% кредитуемой суммы с целью получения более выгодных условий кредитования, я не высказываюсь, ибо не могу судить, насколько такое предложение для нас осуществимо. Если бы мы имели возможность, конечно, следует на него пойти, потому что мы тогда получим несравненно более выгодные условия кредитования (%% и пр.) Поссе прав в том, что промышленники, продающие готовые товары потребительского характера, более слабы в финансовом отношении, чем машиностроительные заводы и тяжелая индустрия, являвшиеся нашими главными поставщиками при 300-миллионном кредите.

Что касается, наконец, вопроса о месте ведения переговоров, то следует приветствовать предложение немцев о ведении переговоров в Москве. Надо будет, однако, принять серьезные меры для сохранения секретного характера этих переговоров. Как я уже писал раньше тов. Микояну в письме от 27 декабря за № 6575, Поссе уже здесь намекал мне, что директор департамента народного хозяйства Шеффер, занимающийся со стороны германского правительства вопросами кредитования экспорта, хочет приехать для ведения этих переговоров в Москву. С ним, вероятно, придет и пресловутый Шлезингер, который сумел создать себе в Берлине славу человека, “умеющего разговаривать с большевиками”.

Перед отъездом тов. Микояна 18 января я говорил с ним об ожидавшемся ответе Поссе по вопросу о кредитовании, и он просил передать ему содержание германских предложений по телеграфу. Я прошу Вас сделать это и взять на себя дальнейшее проведение дела, сообщив мне о результатах.

С товарищеским приветом Б. Стомоняков

Помета: т. Ст[алину].

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 90–92. Копия.

Приложение

*Письмо директора департамента
Министерства народного хозяйства Германии.*

*Г.-Э. Поссе Б.С. Стомонякову
о предоставлении кредита на поставку готовых товаров**

19 января 1929 г.

Берлин

Высокоуважаемый господин Стомоняков,

Немедленно после праздников я поставил на обсуждение высказанные Вами кредитные пожелания в тесном кругу моих коллег из моего министерства и других имеющих отношение к этому делу ведомств. Я рад сообщить Вам, что в результате обстоятельного обсуждения мы готовы немедленно вступить в переговоры относительно Ваших кредитных пожеланий постольку, поскольку имперское правительство имеет еще в настоящее время полномочия от парламента на предоставление гарантий для кредитов. Это относится как раз к той части Ваших кредитных пожеланий, которые имеют в виду поставки готовых товаров на сумму в 25 млн зол. рублей или в круглых цифрах 50 млн. марок. Эти поставки, как Вы мне сказали, с Вашей точки зрения и являются наиболее срочными.

В этих переговорах я особенно обратил внимание на то, что Вы придаете решающее значение более эластичному осуществлению кредитов. Между тем, затруднения при финансировании будут немаловажными для германской промышленности также и по этим кредитам в 50 млн марок. Затруднение при этом лежит в особенности в том, что эти поставки товаров должны быть произведены фирмами, которые хотя и являются технически весьма мощными, но являются не настолько сильными в финансовом отношении, чтобы они могли без особых облегчений финансировать

* Копии направлены А.И. Микояну, Л.М. Хинчуку, И.В. Сталину, А.И. Рыкову, М.М. Литвинову.

негарантированную часть кредитов. В этой связи надо отметить, что, с одной стороны, трехлетний срок кредита представляется исключенным и что, далее, финансирование негарантированной части кредита могло бы быть значительно облегчено тем, что советское правительство поставило бы для негарантированной части кредита частичное покрытие наличными или товарами в размере примерно от 20 до 30% кредитуемой суммы. Подобное облегчение имело бы в виду уменьшение собственного риска поставщика, по всей вероятности, следствием также значительное улучшение условий кредитования. Далее, здесь также согласны с тем, что все дело должно проводиться возможно секретным образом, причем переговоры желательно было бы вести в Москве. В соответствии с изложенным я верю, что эта часть Ваших кредитных пожеланий могла бы быть очень скоро осуществлена.

Что касается Ваших дальнейших кредитных пожеланий, то мы хотели бы оставить за собой право вернуться к этому вопросу в возможно скором времени. При этом, естественным образом, размеры и условия кредитования были бы предметом переговоров.

Я бы хотел поэтому предложить, чтобы советское правительство в изложенном выше смысле обратилось к г-ну послу фон Дирксену, который уже информирован об этом. Г-н фон Дирксен передаст тогда по официальному пути сделанное ему сообщение.

Примите, и пр....

Поссе

Помета: т. Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 90-94. Перевод с немецкого.

№ 139

*Записка Б.С. Стомонякова А.И. Микояну
о беседе с германским послом в СССР Г. Дирксеном
по вопросам таможенной конвенции и предоставления кредитов*

№ 6669

14 февраля 1929 г.

Секретно

Тов. Микояну*

Уважаемый товарищ,

9-го с.м. меня посетил германский посол Дирксен для беседы о предстоящих переговорах по заключению таможенной конвенции. Дирксен просил, чтобы мы дали ему список тех категорий това-

* Копии направлены И.В. Сталину, А.И. Рыкову, М.М. Литвинову.

ров, по которым мы намереваемся требовать таможенных скидок. Я не останавливаюсь на этом вопросе, по которому уже ведутся переговоры между НКВД и Наркомторгом. Хочу лишь отметить, что у меня сложилось впечатление от посещения Дирксена, что целью его прихода вовсе не была беседа о таможенной конвенции и что в действительности он ожидал разговора по вопросу о кредитах. Немцы, несомненно, удивлены нашим молчанием в ответ на письма Поссе ко мне, и, поскольку Поссе писал мне, что по вопросу о кредитах мы должны обратиться к Дирксену, Дирксен, вероятно, ожидал, что я заговорю с ним по этому делу.

Я не знаю, объясняется ли Ваше молчание в ответ на посланные Вам письма Поссе тем, что у Вас не было еще времени заняться этим делом, или эти письма еще не дошли до Вас, или чем-нибудь иным, — но я считаю, что это молчание нам очень выгодно. Немцы были убеждены, что мы “днем и ночью” думаем об их кредитах, а тут вдруг мы молчим неделями после того, как они сделали нам конкретное предложение. Это, несомненно, повышает нашу кредитоспособность в их глазах.

С другой стороны, немцы, несомненно, ставят Ваше молчание в связи с предстоящим приездом английской делегации, которая в разных интервью уже говорила о необходимости предоставления нам крупных кредитов и даже займов.

Сообщая о вышеизложенном, я довожу до Вашего сведения, что по указанным соображениям я не только не ответил Поссе по существу его предложения, но даже и не подтвердил получения его писем, хотя ответил на другое его письмо (по вопросу о нашем протесте против нелояльного интервью, данного представителям германской прессы членом германской делегации, известным Шлезингером).

С товарищеским приветом Б. Стомоняков

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 97. Копия.

№ 140

*Постановление № 8-295
объединенного заседания СНК и СТО СССР
“О заключении таможенной конвенции с Германией”*

19 марта 1929 г.
Секретно

11. В связи с предстоящими переговорами о заключении с Германией таможенной конвенции предложить НКВД руководствоваться при переговорах следующим:

1. В основу требования СССР к германскому правительству положить узкий список, охватывающий важнейшие продукты экспорта Союза ССР, во ввозе которых в Германию Союз играет или может играть существенную роль в ближайшее время.

Включить в список также такие продукты экспорта СССР, понижение пошлины для которых может существенно повысить их потребление в Германии.

Добиваться от Германии льготных тарифов в форме твердых ставок.

Не включать в число требований СССР рожь и пшеницу.

Проект списка требований Союза поручить составить на основе изложенных положений Наркомторгу по согласованию с НКИД и ВСНХ.

Учитывая возможные изменения экспорта СССР через несколько лет (восстановление хлебного экспорта) наметить в проекте СССР срок конвенции в 2 года.

2. В отношении германских компенсационных требований к СССР:

а) признать возможным предоставить таковые лишь в форме понижения действующих таможенных ставок тарифов СССР по европейской торговле;

б) пониженные льготы установить в форме твердых ставок;

в) учитывая трудности достижения соглашения с Германией на указанной основе и значительную экономическую ценность для СССР получения скидок с германских таможенных тарифов, предоставить НКИД совместно с НКТоргом, ВСНХ и НКФ наметить в зависимости от хода переговоров пределы уступок Союза по таможенным тарифам СССР.

3. Предложить НКИД в случае необходимости существенных отступлений (в процессе переговоров) от настоящих директив войти за соответствующими указаниями в СНК СССР.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 103. Заверенная копия.

№ 141

*Записка А.И. Микояна в Политбюро ЦК ВКП(б) о переговорах с Германией по предоставлению новых кредитов для СССР**

13 апреля 1929 г.
Сов. секретно

Политбюро ЦК ВКП(б)

I. К истории вопроса о кредитах

После использования 300-миллионного германского кредита нами впервые согласно решению ПБ от 22.12 в декабре месяце 1927 г. был поставлен вопрос о новых кредитах, и в связи с поднятым немцами вопросом об экономических переговорах между нами переговоры было поручено вести в Берлине тт. Рудзутаку и Шейнману.

Против моего и т. Чичерина предложения ПБ от 22 декабря 1927 г. поставило выставить встречную широкую кредитную программу:

“Признать необходимым расширить программу переговоров на совещании, имеющем быть в Берлине. Представителем СССР на этом совещании назначить т. Микояна, заместителем его т. Шейнмана. Поручить нашему представительству поставить на обсуждение совещания вопрос о действительно долгосрочных кредитах, о нормальных коммерческих банковских кредитах и о размещении наших займов в Германии”.

Так как я был против этого решения и ввиду этого отказался взять на себя ведение переговоров, 2 февраля 1928 г. ПБ заменило меня т. Рудзутаком для поездки в Берлин для переговоров.

Кроме требований разрешить выпуск советского займа в Германии и допустить к биржевой котировке советские займы, была выставлена конкретная кредитная программа, которая, согласно того же решения ПБ от 2 февраля, сводилась к следующему:

“Добиваться организации в Германии кредита по образцу 300-миллионного для наших закупок продукции германского народного хозяйства на сумму 600 млн марок.

Считать возможным, чтобы комиссия по экономическим переговорам с Германией могла взять на себя обязательство использования части товарного кредита на приобретение готовых товаров при условии долгосрочного трехлетнего кредита. Вопрос о том,

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 75, п. 2.

какая часть кредита может быть использована на покупку готовых изделий, должен быть обсужден дополнительно и внесен в ПБ”.

Как я и ожидал, переговоры кончились неудачей.

После этого мы ни разу не обращались к немцам с предложением о кредитах. Эта новая тактика целиком себя оправдала. Совершенно правильной оказалась также наша тактика во время недавних, в декабре месяце 1928 г. в экономических переговорах с немцами, где мы совершенно сняли с программы переговоров вопрос о кредитах и перестали проявлять интерес к кредитам. Все это вынудило поднять этот вопрос самих немцев, заинтересованных в делах расширения экспорта из Германии не меньше, чем мы заинтересованы в расширении нашего импорта из Германии. Мы пустили несколько статей в нашем берлинском журнале с критикой 300-миллионного кредита, указывая на его неудовлетворительность для нас как с точки зрения сверхприбылей, полученных немцами на этих кредитах, так и с точки зрения краткосрочности их.

Во время декабрьских переговоров в 1928 г. т. Стомоняков, по согласованию со мной, пригласил к себе на квартиру председателя германской делегации г. Поссе, где в интимной обстановке Поссе сам поднял вопрос о кредитах. Он интересовался, почему мы совершенно не говорим о кредитах в то время, когда немцы, приезжая в Москву, думали, что мы этот вопрос поднимем с самого начала переговоров. Поссе спросил, интересуют ли нас кредиты и не знает ли т. Стомоняков, что могло бы нас в этом отношении устроить. По предварительному уговору со мной, предвидя возможность такого разговора, т. Стомоняков сообщил, что этот вопрос не обсуждался нигде, однако, хотя он в последнее время далек от работы Наркомторга, но по своему прежнему опыту полагает, что кредиты помогли бы росту экспорта из Германии в СССР и что* новое предоставление кредитов могли бы вероятно, предоставить интерес для Наркомторга, если бы эти кредиты были построены на иных условиях, чем 300-миллионные. Условия должны быть значительно улучшены. Сроки должны быть удлинены, процедура значительно упрощена и торгпредству дана возможность расплачиваться за наличные. В ответ на запрос Поссе т. Стомоняков сказал, что вероятно можно было бы часть кредитов использовать для покупки готовых товаров. Ввиду большого интереса Поссе и по его желанию т. Стомоняков обещал ему переговорить со мною и дать более точную информацию о размере и условиях нужных нам кредитов.

* Далее текст до п. 1 вписан автором от руки и на полях.

В день отъезда Поссе т. Стомоняков сообщил ему по согласованию со мною следующие наши кредитные пожелания:

- 1) 400 млн марок на покупку оборудования в течение двух лет – срок кредита 10 лет;
- 2) 100 млн марок на покупку готовых товаров в течение двух лет – срок кредита 3 года;
- 3) 50 млн марок 6-ти месячного, постоянно возобновляющегося кредита на покупку в Германии биржевых товаров заокеанского происхождения (сырье).

Итого все три вида кредита с разными условиями и разными назначением на сумму 550 млн марок*.

Поссе тщательно записал себе эти цифры в своем блокноте, заявив, что в совершенно частном порядке он поговорит обо всем этом с соответствующими ведомствами в Берлине и сообщит мне, следует ли нам и в каком порядке ставить вопрос о кредитных переговорах с Германией.

Вернувшись в Берлин, г. Поссе прислал т. Стомонякову частное письмо, где сообщал:

“Согласно данного мною Вам в наших конфиденциальных разговорах в Москве обещания я доложил моему правительству Ваши сообщения относительно основы кредитных переговоров, которые могут быть предложены с Вашей стороны. Сообщения компетентных инстанций по этому вопросу еще не закончены. Я надеюсь, что мне будет возможно прислать Вам обещанный ответ с дипкурьером, который выедет из Берлина 19-го сего января”.

Действительно, 19.01. г. Поссе прислал письмо Стомонякову, где сообщал:

“Я рад сообщить Вам, что в результате обстоятельного обсуждения мы готовы немедленно вступить в переговоры относительно Ваших кредитных пожеланий, постольку поскольку имперское правительство имеет еще в настоящее время полномочия от парламента на предоставление гарантии для кредитов. Это относится как раз к той части Ваших кредитных пожеланий, которые имеют в виду поставку готовых товаров на сумму 25 млн золотых рублей или в круглых цифрах 50 млн марок. Эти поставки, как Вы мне сказали, с Вашей точки зрения и являются наиболее срочными”.

Причем, он, видимо, для запроса, добавлял, что советское правительство должно покрывать наличными или товарами в размере от 20 до 30% кредитуемой суммы. Г-н Поссе писал:

* Далее зачеркнуто автором: Накануне отъезда г. Поссе, по просьбе того же г. Поссе, тов. Стомоняков сообщил ему, что он совстался со мной по этому вопросу, что я в основном одобрил эти сообщения т. Стомонякова, причем г. Поссе попросил т. Стомонякова повторить все эти цифры и

“Здесь также согласны с тем, что все дело должно проводиться возможно секретным образом, причем переговоры желательно было бы вести в Москве. В соответствии с изложенным я верю, что эта часть Ваших кредитных пожеланий могла бы быть очень скоро осуществлена. Что касается Ваших дальнейших пожеланий, то мы хотели бы оставить за собой право вернуться к этому вопросу в возможно скором времени, при этом естественным образом размеры и условия кредитования были бы предметом переговоров.

Я бы хотел поэтому предложить, чтобы советское правительство в изложенном выше смысле обратилось к г. послу фон Дирксену, который уже информирован об этом. Г-н фон Дирксен передаст тогда по официальному пути сделанное ему сообщение”.

Ответ на это письмо мы задержали на целый месяц. Формальным поводом было то, что я выехал в Сибирь, а без меня т. Стомоняков не мог бы ответить. Ответ был послан 24.02. С одобрения ПБ в этом ответе т. Стомоняков сообщил:

1. Что ввиду запоздания кредитных переговоров вопрос о кредитах для покупки готовых товаров для текущей хлебозаготовительной кампании отпадает;

2. Что мы готовы были бы, однако, примерно в апреле месяце вести с немцами переговоры по всей кредитной программе.

Надо иметь в виду, что немцы зимою указывали на трудность предоставить немедленно кредиты ввиду того, что происходит пересмотр репарационных платежей. Кроме того, из бесед с ними было ясно, что им трудно перед своим общественным мнением накануне предстоящих платежей по германскому кредиту (31.03) оправдать предоставление новых кредитов.

Чтобы отбить всякие аргументы такого порядка, мы наметили апрель месяц, т.е. время, когда первая половина задолженности по германскому кредиту будет погашена к 31.03.

Ответ на это письмо т. Стомонякова поступил 3.04, т.е. после того, как 31.03 нами было уплачено по германским кредитам, хотя это письмо и было датировано 22.03.1929 г.

В этом письме г. Поссе говорит, что он считает предварительную работу по выяснению этого вопроса законченной и считает целесообразным, чтобы тов. Стомоняков переговорил непосредственно с послом фон Дирксеном.

По нашим сведениям, вопрос о кредитах усиленно дебатировался в разных германских ведомствах. При этом промышленники нажимали на правительство, требуя предоставления кредитов. Основные факты, определяющие желание немцев предоставить кредит, заключаются в следующем:

1) При бурном росте заказов наших машин в Америке за первое полугодие этого года произошло резкое сокращение заказов в Германии – по германским сведениям на 30%, по нашим несколько даже больше.

2) Кризис сбыта в Германии толкает немцев на поиски рынков для экспорта.

3) Перспективы оживления англо-советской торговли.

II. Уроки 300-миллионного германского кредита

Для определения нашей тактики и позиции при новых кредитных переговорах необходимо учесть условия и опыт использования германского 300-миллионного кредита 1926 г.

1) Гарантия германского правительства предоставлялась по нашим заказам в размере 60% стоимости заказов. При этом условии промышленник нес риск по остальным 40% и должен был искать возможность помещения векселей по этой части заказа в банках. Если для крупных фирм это не составляло больших трудностей, то для средних и мелких фирм вопрос получения банковского учета на остальные 40% представлял известные трудности и, кроме того, банки имели возможность отводить некоторые фирмы, т.е. косвенным путем влиять на выбор нами фирм.

2) Германский кредит состоял из двух частей. Одна часть представляла собой так называемый 4-х летний кредит на оборудование новых предприятий, причем эта группа должна была составить 150 млн марок, и вторая часть – 2-х летний кредит по машинам, станкам, идущим для существующих предприятий, которая в общей сложности должна была дать также 150 млн марок. Но фактически мы использовали 315 млн марок, причем около 60% составил 4-х летний кредит.

Для отнесения заказов к той или иной группе существовала комиссия в Министерстве народного хозяйства, однако, впоследствии всякими нашими маневрами удалось это влияние министерства значительно ослабить.

3) Последний срок размещения заказов был установлен 31.12.1926 г. Был установлен также предельный срок оплаты нами наших обязательств по двухлетнему кредиту – 31.12.1928 г., а по четырехлетнему – 31.12.1930 г.

Благодаря тому, что наша промышленность не была достаточно готова в техническом отношении (недостаточно точные спецификации) к срочному размещению заказов, что с немецкой стороны имела место тенденция повышения цен, так что и переговоры о ценах также затрудняли размещение заказов и, что, наконец, со стороны немецких фирм имела место неаккуратность

в выполнении сроков поставок, – реальный срок использования германских кредитов был значительно сокращен, и в отдельных случаях двухлетний кредит свелся к годовичному.

4) Срок для размещения заказов был установлен с июля 1926 г. по 31.12.1926 г.

Ограниченность времени, которое имелось в нашем распоряжении, использовывалась немецкими фирмами для давления на цены. Срок использования кредита был затем дважды продлен, но все же это не могло не сказаться на спешке в размещении заказов и причинило нам ущерб.

5) Со стороны германского правительства была дана гарантия кредита в размере 60%, но вопрос о соглашении с банками и об изыскании средств – лег в значительной степени на берлинское торгпредство (соглашение с Дойче банк о 120 млн марок, участие голландских банков в учете векселей по германскому кредиту на 50 млн гульденов и т.д.). Это обстоятельство не могло не отразиться на ухудшении отношений денежного рынка к нашим векселям.

6) Создание банковского консорциума для финансирования наших заказов создало возможность контроля над нашими операциями с фирмами. Это при мощности банков и при их возможности воздействия на промышленность может создать единый центр по влиянию на направление нашей торговли в Германии. Тем более следует это учесть в настоящее время, когда создан так называемый Русский комитет германской промышленности, который при условии влияния банков на наши дела может получить экономическую базу для своей работы.

7) Стоимость кредита была относительно высока. Соглашение с немецким банковским консорциумом о финансировании операций по 300-миллионному кредиту предусматривало, что стоимость кредита будет слагаться из:

а) официальной учетной ставки Рейхсбанка плюс 1%, причем ставка Рейхсбанка в то время равнялась 6% и колебалась в пределах до 7%. В настоящее время ставка Рейхсбанка составляет 6,5%;

б) и комиссии в пользу банка в 1,9% годовых.

Таким образом, стоимость кредита формально составляла 8,9% и колебалась в зависимости от изменения ставки Рейхсбанка. Фактически кредит стоил дороже, так как немецкий банк брал 1,75% годовых с немецких фирм за время с момента согласия банков предоставить фирмам кредит до момента его фактического использования. Это удорожало стоимость кредита примерно

на 0,5% в год. Итого конечная стоимость кредита по нынешней ставке составляет 9,4%.

8) Уплата процентов производилась по четвертям года наличными деньгами, и мы, таким образом, платили проценты по некоторым заказам еще до момента получения оборудования.

Основные недостатки условий 300-миллионного кредита, которые мы должны устранить в новом кредитном соглашении, заключаются в следующем:

1) Срок кредита и платежи процентов по нему исчислялись с момента заказа. Нам нужно добиться начисления процентов с момента поставки.

2) Два и четыре года – срок кредита чрезвычайно короткий для такой большой суммы. Надо добиться более долгосрочного кредита.

3) Срок действия гарантированного кредита, т.е. срок, на протяжении которого мы должны были разместить все заказы, – был краток – с 1.07 по 31.12, т.е. 6 месяцев, благодаря чему нам пришлось два раза добиваться его продления. Нам надо выговорить больше времени для торга с фирмами при заказе по кредиту.

4) Стоимость кредита была высока, доходя формально до 8,9, а фактически до 9,5%. Надо добиться удешевления кредита.

5) Гарантирование кредита правительством лишь в размере 60% влекло за собой включение фирмами в стоимость товара дополнительной наценки на риск. Это было источником больших переплат по кредитным заказам.

6) Система организации кредита давала германскому правительству и банковскому консорциуму возможность регулировать условия наших заказов путем давления на фирмы, опираясь на кредитный рычаг.

III. Наши предложения об условиях нового кредитного соглашения

Учитывая указанные выше отрицательные моменты в деле организации 300-миллионного германского кредита, я предлагаю следующую кредитную схему:

1. Объем кредитов. Остаться на тех ориентировочных цифрах, которые были сообщены т. Стомоняковым в декабре месяце г. Поссе и о чем сказано в начале моей записки, с одним только изменением.

Вместо 100 млн марок кредита на покупку готовых товаров в течение двух лет предложить 50 млн марок. Это необходимо потому, что без этого общая сумма кредитов составила бы 550 млн марок. Между тем, в недавних беседах с фон Дирксеном и Шле-

зингером у них проскользнула цифра в 500 млн марок. Нам не стоит требовать кредитов больше той суммы, которую намечают немцы. Но зато сокращая наши предложения по готовым товарам, в размерах которого немцы больше всего заинтересованы, мы ничего не теряем, ибо более долгосрочный кредит на оборудование оставляем в прежней цифре, а если немцы предложат кредит на готовые товары в большей сумме, то тогда мы можем согласиться увеличить общую сумму кредита, но ни в коей мере не уменьшая кредита на покупку оборудования и биржевых товаров.

С этим изменением объем кредитов выразится:

- а) на покупку оборудования 400 млн марок.
- б) на покупку биржевых товаров 50 млн марок.
- в) кредиты на покупку готовых товаров 50 млн марок.

Итого 500 млн марок.

2. Срок использования кредитов. Срок размещения заказов как на оборудование, так и на готовые товары установить двух-летний с момента заключения договора. Это нам необходимо:

а) чтобы кредитное соглашение обеспечивало бы наши заказы в Германии на протяжении двух лет с момента вступления соглашения в силу, иначе снова через год нам пришлось бы говорить с немцами о кредитах, между тем нам выгоднее добиться кредита сразу на два года.

б) при большой концентрации германской промышленности, при наличии русско-германского комитета, при попытках синдицировать* торговлю с нами будет происходить ожесточенная борьба за цены на заказываемое оборудование. Чем короче срок использования кредита, тем у нас меньше возможностей бороться с фирмами, и наоборот, чем больше срок, тем легче нам брать фирму измором, не размещая заказов, если мы наталкиваемся на организованное противодействие или на попытки навязать более высокие цены.

3. Сроки погашения кредита.

а) по первой группе – кредитов на оборудование 400 млн марок, срок кредита 10 летний с началом платежа в шестом году, считая с момента исполнения заказов, и с погашением равными частями на протяжении 5-ти лет.

б) по второй группе – кредитов на покупку готовых товаров – срок кредита три года с началом погашения в третьем году после

* Организовывать синдикаты, объединения для установления единых цен.

поставки четырьмя равными платежами поквартально в течение третьего года.

в) по третьей группе – кредит на покупку биржевых товаров с шестимесячным сроком и с постоянным возобновлением в течение 10 лет.

4. Стоимость кредита

а) Проценты за кредит должны быть установлены на базе учетной ставки Рейхсбанка, однако необходимо предусмотреть предельную ставку, выше которой мы не обязаны платить в случае резкого повышения ставки Рейхсбанка (имею в виду случай инфляции).

В соглашении о 300-миллионном кредите высший предел был установлен 10%. Нам необходимо добиться, чтобы в случае резкого повышения учетной ставки Рейхсбанка высшим пределом для нас, по которому мы должны платить был бы 8%.

б) Сверх ставки Рейхсбанка нам придется платить банкам, участвующим в проведении этой кредитной операции, в качестве комиссионного вознаграждения некоторую надбавку. Мы должны добиваться, чтобы эта надбавка была бы не более 1%, хотя немцы будут добиваться минимум полутора процентов.

Если наши предложения будут приняты без всякого изменения при условии неизменности нынешней учетной ставки Рейхсбанка, общая стоимость кредита составит $6,5\% + 1\% = 7,5\%$. При повышении учетной ставки до 8 и выше процентов общая стоимость кредита составит 9%. Нынешний 300-миллионный кредит по существующей ставке стоит нам 9,4%.

5. Форма организации кредита*

Кредит должен быть организован таким образом, чтобы не ставить фирмы, исполняющие наши кредитные заказы, в зависимость от банков, осуществляющих кредитную операцию, иначе говоря организация кредита должна исключать возможность со стороны немцев использовать долгосрочный кредит в качестве рычага для организации фирм против монополии внешней торговли. Такая система организации не только подорвет всякие планы германского правительства, нашедшие выражение в организации Русско-германского комитета по созданию своей монополии против нас, но даст нам громадные реальные материальные выгоды, устранив важнейший источник наших переplat по заказываемо-

* На полях приписка: По-мосму, надо по п. "а" сказать: учетная ставка плюс 1%, а в п. "б" сказать: Кроме того, за организацию аппарата и проведение всей операции уплатить консорциуму ½% комиссионных (иначе нереально и для немцев недискутабельно). Сто-ноняков. 15.04. Приписка зачеркнута.

му оборудованию. Эти переплаты надо считать минимум 15–20%, а то и больше.

Кредитная операция должна быть организована таким образом, чтобы мы с фирмами расплачивались за наличные после поставки товара и даже с некоторым авансированием, т.е. чтобы отношения между фирмами и торгпредством были поставлены в совершенно нормальные условия, принятые в капиталистических торговых отношениях. Только при таких условиях можно успешно бороться и за нормальные цены. Это настолько важная задача, что для ее достижения я предпочитаю согласиться даже на некоторый процент наличных платежей с нашей стороны в момент поставки товара.

Германское правительство предполагает со своей стороны гарантировать только 60% стоимости кредита, а нам надо настаивать, чтобы правительство гарантировало 70%. В качестве крайней уступки, при условии проведения нашей формы организации кредита, можно пойти на уплату 15% кредитуемой суммы наличными фирме с тем, чтобы остальные 15%, которые будет равны, примерно, прибыли фирмы, не гарантировались бы правительством и не уплачивались бы нами наличными, а выдавались бы векселями, подлежащими погашению через 5 лет.

Исходя из этого, предлагаю следующую форму организации кредита:

1) Проценты за кредит должны быть установлены на базе ставки Рейхсбанка, но следует предусмотреть предельную ставку, выше коей мы не обязаны платить в случае резкого повышения ставки Рейхсбанка (на случай инфляции, как это было предусмотрено по 300-миллионному кредиту).

2) В качестве надбавки к ставке Рейхсбанка, как прибыль банков участвующих в проведении этой операции, установить 1%, с тем, что процент этот, по всей вероятности, в процессе разговоров придется довести до 1,5%.

3) Основой всей кредитной операции должен быть расчет за наличные между торгпредством и фирмой на 85% стоимости. На остальные 15%, составляющие, примерно, прибыль фирм, торгпредство выдает фирме векселя.

4) Указанные 85% наличными уплачиваются: 70% банком по нашему указанию, причем эти 70% гарантируются банку германским правительством; остальные 15% уплачиваются нами наличными в момент поставки товара.

5) В целях устранения всякого риска со стороны фирм и для обеспечения значительного снижения цен в момент выдачи заказа торгпредство уплачивает фирме в счет 70%, гарантированных

правительством, 25% стоимости заказа чеком на банк; причем в отношении фирм, кредитоспособность коих нуждается в банковской гарантии, торгпредство требует от фирм встречной банковской гарантии за целость этих 25%.

б) Против каждой выплачиваемой суммы в счет 70% торгпредство выдает свои соло-векселя банку.

В случае, если это предложение встретит возражения со стороны немцев, с точки зрения невозможности переучета советских векселей на европейских денежных рынках, можно и предложить оставлять советские векселя в качестве обеспечения в портфеле банка против которых банк выпускает свои банковские акцепты*.

* * *

Необходимо указать, что проведение этого плана по существу равносильно получению в скрытом виде займа от германского правительства с обязательством его использования для размещения заказов в Германии.

В этом кредите имеются моменты финансового кредита – 50 млн марок на покупку биржевых товаров, краткосрочного – обычного экспортного кредита на покупку готовых товаров и долгосрочного кредита – на оборудование.

Проведение этой кредитной операции создает возможность, как было указано выше, покупать оборудование за наличный расчет и обеспечивает значительное улучшение условий цен по нашим заказам. При этом следует учесть, что, несомненно, объединение германской промышленности и особенно “Русский комитет” постараются оказать организованное противодействие этому нашему законному желанию значительно снизить цены, и нам придется в процессе использования этого кредита провести организованную борьбу за снижение цен и проявить максимальную выдержку в деле размещения заказов.

Наше согласие уплатить 15% наличными имеет особо важное значение, так как это облегчает германскому правительству проведение всей кредитной операции.

Для нас с точки зрения валюты это потребует уплаты в течение двух с половиной лет 67,5 млн марок, но эта сумма компенсируется получением кредита на биржевые товары в сумме 50 млн марок. Кроме того, снижение цен, которое мы получим в результате покупки за наличные, покроет значительную часть этого расхода и в конечном итоге с точки зрения валютной выгодно.

* Надпись на векселе о принятии его к платежу.

Некоторое отрицательное значение это обстоятельство будет иметь для размещения наших заказов в других странах, где мы за последнее время с трудом добились частичного отказа от требований платежа наличными при поставках. Но возможность оздоровления наших закупок оборудования так важна, что эта отрицательная сторона соглашения не должна быть препятствием в проведении этой схемы.

* * *

Нам еще неизвестны конкретные предложения немцев; это мы узнаем при первом же свидании Шлезингера с т. Стомоняковым. На первом свидании никаких наших позиций выставлять не надо. Наши контрпредложения надо выставить лишь на втором свидании, когда можно будет учесть предложения немцев. Во всяком случае, мы не должны им пока сообщать о нашей готовности, в крайнем случае, пойти на уплату 15% наличными при поставке, держа это в качестве крайней позиции. В первой же стадии надо выставить все приведенные условия и в отношении гарантии со стороны правительства – 85% стоимости кредита, а 15% – нашими векселями фирмам без гарантии со стороны правительства.

Заранее можно сказать, что немцы будут добиваться приближения первого срока платежа, увеличения размера покупки готовых товаров и будут указывать, что предоставление кредитов на покупку биржевых товаров с обязательством переучета их в течение длительного срока – 10 лет – не соответствует обычным банковским соглашениям. Но наиболее принципиальным и важным вопросом для нас будет выдвигаемый ими вопрос о том, чтобы заказы, которые мы будем размещать на условиях этого кредита, явились дополнением к нашему обычному плану заказов на Германию. Надо иметь в виду, что такого рода моральное обязательство было взято нами при проведении 300-миллионного кредита. То же было сделано и в отношении австрийского кредита. Мы ни в коем случае и ни в чем не можем уступить немцам по этому вопросу, так как наше согласие было бы равносильно признанию принципа предоставления контингентов импорта на отдельные страны. В аргументации придется указывать, что само собой разумеется, чем больше предоставляется кредитов, тем больше размещается заказов. И, наоборот, при отсутствии кредита удельный вес наших заказов в Германии по оборудованию снизился с 50% до 28% в течение 1928/29 г.

Следует учесть, какое значение имеет это соглашение и для немцев.

1) Размещение наших заказов на оборудование, машины и техническое снабжение на сумму 400 млн марок в течение двух лет дает для соответствующих отраслей германской промышленности дополнительную нагрузку в 7% против ныне существующей.

2) Наш удельный вес в экспорте машин и оборудования составит 17%, но по отдельным отраслям промышленности, как то: станкостроение и электрооборудование, этот процент будет в два раза выше.

3) Выполнением наших заказов будет занято свыше 40 тыс. рабочих в течение двух лет. Такое количество безработных теперь получает около 96 млн марок в год пособия.

* * *

Прошу одобрить выдвинутый мною проект кредитных предложений немцам и оставить в силе решение ПБ от 12.11, согласно которого переговоры с немцами возлагаются на т. Стомонякова под руководством Наркомторга.

А. Микоян

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 132-144. Подлинник.

№ 142

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О Германии"**

№ П 74/2-с

16 апреля 1929 г.
Строго секретно
Из "Особой папки"

2. – а) Вопрос отложить.

б) Предварительный зондаж на данной стадии поручить т. Стомонякову без выставления своих предложений.

в) Обсудить вопрос в целом, в частности, вопрос о займе после первого свидания т. Стомонякова с Шлезингером, созвав для этого в случае необходимости внеочередное заседание Политбюро.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 121. Копия.

* Вопрос представлен А.И. Микояном, Б.С. Стомоняковым, И.О. Шлейффером, Г.Л. Пятаковым. Выписка из протокола № 74 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 16 апреля 1929 г., п. 2. Направлена А.И. Микояну, Б.С. Стомонякову.

№ 143

*Записка Б.С. Стомонякова А.И. Микояну
о предстоящих переговорах с Германией
по предоставлению кредитов**

№ 6978

29 апреля 1929 г.
Сов. секретно
Весьма срочно
Экз. № 2

Тов. Микояну**

Уважаемый товарищ,

В беседе 27-го с.м. Шлезингер сказал мне, что доложит послу наши предложения и пошлет о них доклад в Берлин либо в тот же день с курьером, либо сегодня, 29-го, с уезжающим в Берлин членом посольства. Из его неоднократных заявлений во время беседы, что он не может сам дать ответа на ряд вопросов и должен запросить Берлин, явствовало, что он имеет в виду подождать здесь ответа из Берлина. Сегодня, однако, германское посольство запросило для Шлезингера открытый лист, что означает, что он уезжает в ближайшие дни и, вероятно, даже во время праздников.

Из преждевременного отъезда Шлезингера можно заключить, что результатом обсуждения наших предложений с германским послом было либо решение о целесообразности участия Шлезингера в обсуждении этих предложений в Берлине, либо решение о том, что ввиду далеко идущего характера наших предложений нет надежды договориться здесь в непродолжительный срок и более целесообразно Шлезингеру вернуться в Берлин и там выждать, с одной стороны, окончания парижских переговоров¹, а, с другой стороны, дальнейшей проработки кредитного вопроса со стороны германских ведомств.

Не считали ли бы Вы целесообразным, чтобы в дополнение к моей субботней беседе я вызвал Шлезингера и сообщил ему, что ввиду основного значения, придаваемого с германской стороны вопросу о реальном нашем участии в финансировании кредитов, мне удалось получить Ваше согласие и согласие руководителей других заинтересованных ведомств на депонирование в Рейхсбанке валютой или золотом 10% кредитной суммы с тем, что в дополнение к гарантии германского правительства на 75% Рейхсбанк или "Рейхскредитгезельшафт" дает гарантию на 10%. Мы же в финансировании формально не принимаем участия, и факт депонирования указанной суммы в Рейхсбанке носит секретный характер.

* Штамп: Прот[окол] ПБ № 78, п. 22

** Копии направлены И.В. Сталину, А.И. Рыкову, М.М. Литвинову.

В случае Вашего согласия ответ прошу дать мне завтра к утру с тем, чтобы я мог завтра же вызвать Шлезингера.

С товарищеским приветом Б. Стомоняков

Помета: т. Ст[алину].

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 178–179. Копия.

¹ Имеется в виду конференция комитета экспертов семи держав по ремонтному вопросу, проходившая в Париже с февраля по июль 1929 г. В состав комитета входили эксперты Англии, Франции, Германии, Италии, Японии, Бельгии и США. Председателем комитета был представитель США О. Юнг. Выработанные экспертами предложения – “план Юнга” был утвержден на конференциях в Гааге в августе 1929 г. и январе 1930 г.

№ 144

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О Германии”**

№ П 78/13 р.с.

30 апреля 1929 г.

Строго секретно
Из “Особой папки”

29. Разделяя точку зрения т. Стомонякова насчет 10%, сохранить выдержку.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 177. Копия.

№ 145

*Запись беседы заместителя наркома
иностранных дел СССР Л.М. Карахана с Г. Дирксеном
по поводу выступления К.Е. Ворошилова
на параде 1 мая 1929 г. в Москве¹*

3 мая 1929 г.

Беседа с германским послом Дирксеном

3 мая 1929 г.

Дирксен явился ко мне с тем, чтобы от своего имени и от имени германского правительства протестовать против выступления т. Ворошилова на параде 1 мая и против “оскорбления”, которое

* Выписка из протокола № 78 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 апреля 1929 г., п. 29. Направлена Б.С. Стомонякову.

было нанесено германскому флагу и германским должностным лицам изображением броненосца в одной из колонн, проходивших через Красную площадь. В речи т. Ворошилова он отметил то место, где т. Ворошилов коснулся празднования 1 мая за границей, в частности, в Германии. Дирксен довольно точно процитировал мне это место речи. Он подчеркнул, что 1) т. Ворошилов провел аналогию между царским режимом и демократической Германией, 2) указал, что германскими властями во главе с Цергибелем² принимаются серьезнейшие меры к тому, чтобы не допустить празднования 1 мая и 3) что является самым недопустимым, он, т. Ворошилов, выразил надежду и уверенность, что несмотря на все полицейские рогатки рабочие в Германии будут праздновать 1 мая и будут демонстрировать против капиталистического мира. Посол отметил, что выступление т. Ворошилова было сделано от имени советского правительства, что это была его официальная речь на официальном параде в присутствии всего дипломатического корпуса, что речь его была передана по радио всему миру. Таким образом, в официальной, широко распространенной речи представитель советского правительства подверг критике внутренний режим Германии и выразил одобрение и поощрение германским рабочим в связи с нарушением законов и распоряжений германских властей.

Что касается “оскорбления” германскому флагу и должностным лицам, то оно, по словам германского посла, выразилось в том, что одна из колонн демонстрантов несла броненосец, на котором был поднят германский национальный флаг и были изображены германские министры: все это было сделано в карикатурном оскорбительном виде опять-таки в присутствии дипломатического корпуса сейчас же вслед за прошедшими воинскими частями. По поручению правительства он заявил решительный протест советскому правительству и предупредил, что до тех пор, пока не будет дано какой-нибудь гарантии неповторения подобных фактов, германский посол не сможет присутствовать на подобных торжествах. Он надеется, что советское правительство даст необходимое удовлетворение германскому правительству. Он отметил также, что подобные факты не могут не отразиться на советско-германских отношениях.

Что касается речи т. Ворошилова, я заявил, что я ее не слышал и что поэтому не могу войти сейчас в обсуждение с ним, но по ознакомлении со стенограммой речи я побеседую с ним на эту тему. Что касается нанесения “оскорбления” германскому флагу и германским должностным лицам, то я должен отверг-

нуть какую-либо претензию германского правительства по этому поводу: мы не можем запретить нашим рабочим в Первомайские дни изображать и критиковать то, что они найдут нужным – касается ли это наших внутренних порядков или порядков за границей. Это было бы таким серьезным стеснением политической свободы нас, которое рабочий класс в нашей стране не потерпел бы. Германский посол должен понять, что и технически попытка советских властей предотвратить подобную вещь не могла бы дать эффекта, когда речь идет о грандиозной демонстрации, в которой участвуют сотни тысяч рабочих. У нас началась по этому поводу продолжительная дискуссия, в результате которой посол заявил, что он удовлетворился бы, если бы я мог ему заявить, что советским правительством будут приниматься необходимые меры, чтобы впредь германский флаг и германские должностные лица не подвергались подобному оскорблению. Я отверг эту формулу, после чего он предложил к ней поправку, а именно, что советским правительством будут приниматься по возможности необходимые меры к тому, чтобы впредь германский флаг и германские должностные лица не подвергались подобному оскорблению. Я ему сказал, что я не могу сейчас же дать ответа и не могу сделать такого заявления до доклада советскому правительству о его демарше, но что я ему сообщу его при следующей моей встрече с ним.

Германский посол, в отличие от обыкновения, был очень сух.

Карахан

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 676. Л. 143. Копия.

Помета: т. Сталину.

¹ По распоряжению Л.М. Карахана запись беседы направлена И.В. Сталину и К.Е. Ворошилову.

² Цергибель Карл (1878–1961) – член СДПГ, в 1926–1931 гг. полицейский-президент Берлина. В канун 1 мая 1929 г. запретил Первомайскую демонстрацию в столице Германии. Демонстрации разгонялись полицией, и в ряде рабочих районах Берлина имели место различные столкновения.

*Выписка из протокола № 52
заседания пленума Главконцесскома при СНК СССР
о пересмотре концессионных договоров
германских концессионеров*

№ 712136

13 июня 1929 г.
Сов. секретно

Присутствовали: председатель ГКК т. Каменев, члены ГКК: т. Рейхель, т. Кнопинский, т. Фонштейн¹, т. Стомоняков.

Слушали: Письма НКВД от 19 декабря и 31 декабря 1928 г. и от 14 мая 1929 г. о благожелательном отношении со стороны Главконцесскома к ходатайствам германских концессионеров по пересмотру концессионных договоров в части приравнения этих концессий по налоговому обложению, тарифам за коммунальные услуги и очередности удовлетворения претензий концессионеров – к однородным госпредприятиям, находящимся на коммерческом расчете и о введении в концессионные договора нейтральных третейских судов взамен тех, какие предусмотрены сейчас.

Постановили:

1. В соответствии с данными тов. Стомоняковым в качестве председателя советской делегации председателю германской делегации на советско-германской конференции в декабре 1928 г. заверениями о благожелательном отношении к подобного рода ходатайствам германских концессионеров, еще раз подтвердить уже данные директивы органам Главконцесскома о необходимости идти навстречу концессионерам и по мере обращения последних в Главконцесском или КК РСФСР удовлетворять такие их ходатайства.

2. В ведущихся уже переговорах по пересмотру договоров с “Целлугал” и “Лео-Дрезден” это решение провести в жизнь.

3. В частности, до окончания переговоров с “Лео-Дрезден” применить в отношении “Лео-Дрезден” порядок уплаты акцизов с продукции концессионного предприятия аналогичный тому, какой применяется к госпредприятиям. Это решение провести в обычном протоколе ГКК в круговую.

4. Считать необходимым в подходящих случаях дать понять концессионерам о готовности Главконцесскома к пересмотру перечисленных пунктов действующих договоров в благожелательном для концессионеров направлении.

Председатель Л. Каменев

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 183. Заверенная копия.

¹ Фонштейн И.В.

№ 147

*Записка Б.С. Стомонякова И.В. Сталину
о создаваемом Банке международных расчетов**

№ 7179

20 июня 1929 г.

Секретно

Экз. № 1

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)

тов. Сталину

Копии: т. Микояну,
членам и кандидатам Политбюро и
членам коллегии НКВД.

Уважаемый товарищ,

1. Одним из важнейших решений недавно закончившейся конференции репарационных экспертов является постановление о создании Банка международных расчетов¹. Формально этот банк создается наместо действующих в настоящее время на основании плана Дауэса контрольных и расчетных инстанций (репарационная комиссия, главный агент по репарациям, репарационный комиссар при германском Госбанке и др.). Сверх этих заданий на банк возложены также функции поддержки стабильности валют различных государств, а также принятие мер к развитию мировой торговли и к финансированию предприятий в неразвитых странах. По мысли его учредителей, этот сверхбанк будет, по-видимому, в сложной машине международного капиталистического хозяйства играть роль могучего махового колеса, которое должно преодолевать толчки, вызывающие падение валюты того или иного из капиталистических государств. С этой точки зрения банк будет, несомненно, играть выдающуюся роль в руках руководящих капиталистических групп для целей стабилизации мирового капитализма.

Особая опасность вытекает, однако, для СССР из второго дополнительного задания, возложенного на этот международный банк. Самая формулировка этого задания в отчете парижских экспертов не оставляет сомнения в том, что имеется в виду использовать огромные средства банка для широкого капиталистического проникновения в СССР, в Китай и другие страны, представляющие предмет вожеланий международного капитала. В этом смысле и

* Штамп: Прот[окол] ПБ № 86, п. 3.

было оценено создание сверхбанка в ряде руководящих органов мировой капиталистической прессы. В этом же духе высказался публично также Айви Ли², являющийся, как известно, выразителем мнений группы Рокфеллера³. Не подлежит никакому сомнению, что, учреждая Банк международных расчетов, представители международного капитала имели ввиду вместе с разрешением репарационной проблемы для Германии попутно также разрешить или, по крайней мере, сделать серьезный шаг к разрешению проблемы взаимоотношений капиталистического мира с СССР. Этот сверхбанк давал возможность его инициаторам в более остроумной и на вид менее одиозной для СССР форме возродить идею Каннской и Генуэзской конференций о создании международного консорциума для финансирования СССР. Для некоторых капиталистических групп Франции и Германии, являющихся наиболее активными участниками этого международного банка, создание последнего сулит в худшем случае возможность практического осуществления идеи франко-германского сотрудничества в отношении СССР.

Банк еще не учрежден, ибо решения Парижской репарационной конференции нуждаются еще в утверждении участвовавших в ней государств. Никаких решений в отношении СССР, конечно, еще не существует. Имеются только определенные тенденции, выявившиеся в парижских переговорах. Наиболее опасной для нас является тенденция монополизировать в Банке международных расчетов все дело кредитования СССР со стороны капиталистических государств с целью принудительного урегулирования вопросов уплаты нами долгов и возмещений по национализации имущества иностранных капиталистов в СССР. Располагая огромными капиталами (для начала предположено предоставить в распоряжение банка свыше 2 млрд марок золотом) Банк международных расчетов будет иметь возможность предоставить нам более дешевые, чем мы имеем в настоящее время, кредиты и даже займы при условии погашения нами старой задолженности. Отняв, таким образом, у нас возможность аргументировать неуплату по долгам соображениями финансового порядка, международный банк поставил бы нас в этом случае перед альтернативой принятия его предложений или отказа от тех позиций, какие мы занимали до сих пор в вопросе о долгах. Само собой разумеется, из указанного выше плана разрешения вопросов о нашем кредитовании и о старой задолженности вытекала бы известная наша зависимость от Банка международных расчетов. С его стороны, конечно, было бы выдвинуто требование финансового контроля, а, может быть, также и требования политического порядка.

Как минимум, мы можем ожидать попыток сосредоточения в Банке международных расчетов кредитных операций по торговым сделкам СССР со стороны Германии и Франции.

Необходимо, кроме этого, иметь в виду, что на Банк международных расчетов возлагается также задача продажи тех товаров, которые Германия будет поставлять в счет натуральных репарационных обязательств (750 млн марок в 1-й год, с ежегодным уменьшением на 50 млн марок). В связи с этим возможны попытки втягивания нас в различные операции с этими товарами на невыгодных для нас условиях.

Конечно, руководителям Банка международных расчетов придется бороться с чрезвычайно серьезными затруднениями при учреждении банка, а также с первых шагов его деятельности. Внутри каждой из стран, представленных в этом банке, уже начинается борьба между отдельными влиятельными группировками за размеры участия в национальном консорциуме банков, который будет представлять данную страну в Банке международных расчетов. Еще большие противоречия возникнут между отдельными национальными группами в этом сверхбанке при использовании огромных ресурсов и возможностей сверхбанка и при распределении выгод между отдельными капиталистическими государствами. Эти противоречия облегчат нам возможность борьбы с попытками создания против нас международного экономического фронта, исходящими от Банка международных расчетов. Тем не менее опасность представляется крайне серьезной. Рассмотрев этот вопрос на заседании от 14 июня, коллегия НКВД постановила обратить внимание Политбюро на этот вопрос и поручить нашим полпредствам в Берлине и Париже и нашему агенту в Вашингтоне систематически следить за развитием Банка международных расчетов и своевременно присылать НКВД все материалы. Коллегия постановила просить Наркомторг дать аналогичное поручение Аркоосу и Амторгу.

2. Аналогичное решение об изучении вопроса проведено мною также в научно-исследовательском институте монополии внешней торговли. Мы дали специальное задание об углубленной проработке вопроса одному из наиболее опытных экономистов института и поручили ряду товарищей за границей на правах корреспондентов института собирание материала и изучение проблемы в столицах государств, участвующих в банке.

3. Уже после решения коллегии от 14 июня, вчера, 19 июня, к врид зав. отделом Центральной Европы тов. Райvidу явился 1-й советник германского посольства Твардовский⁴ и, сообщив, что посольство получило поручение выяснить наше отношение

к учреждению международного Ремонтного банка, поставил тов. Райвиду в частном порядке ряд чрезвычайно симптоматических вопросов, из которых наиболее интересны следующие: 1) Как отнесутся у нас к тому, что Банк международных расчетов возьмет на себя задачу предоставления займов и кредитов СССР? 2) Как относится СССР к получению интернациональных займов, — предпочитает ли он получать займы от отдельных стран или интернациональные? 3) Поскольку рано или поздно встанет вопрос об урегулировании старых долгов, как отнеслись бы мы к тому, чтобы Банк международных расчетов предоставил нам заем на эти цели? (Запись беседы тов. Райвида с Твардовским посылается в приложении к этому письму).

Мы рассмотрели вчера в коллегии НКВД этот запрос германского посольства, носящий явный характер предварительного зондажа, причем коллегия подтвердила свое прежнее приведенное выше решение от 14 июня.

Я полагаю, однако, что этого мало, и что события развиваются так быстро, что Политбюро следовало бы уже на ближайшем заседании обсудить этот вопрос и дать принципиальную установку для наших выступлений во вне по вопросу о нашем отношении к Банку международных расчетов. С одной стороны, необходимо учесть, что германское правительство не удовлетворится ответом тов. Райвида, и что как с его стороны, так, может быть, и с других сторон нам могут быть поставлены уже в ближайшем будущем, хотя бы и в неофициальном порядке, вопросы, аналогичные тем, которые поставил Твардовский. С другой стороны, более, чем вероятно, что германское правительство попытается в той или иной форме провести новую кредитную акцию, предварительные переговоры о которой уже начаты между Германией и нами, через Банк международных расчетов. То обстоятельство, что, вопреки обещаниям германского посла, делегаты германского правительства для кредитных переговоров запоздали уже на целый месяц с приездом в Москву, а также разговор Твардовского легче всего объяснить тем, что германское правительство выжидает учреждения международного Ремонтного банка для открытия кредитных переговоров с нами. Разговоры некоторых германских корреспондентов в Москве с отдельными работниками НКВД, а также сообщения недавно приезжавшего в Москву тов. Ленгиеля укрепляют меня в этом убеждении.

Я думаю поэтому, что время не терпит и что нужно поторопиться с обсуждением и установлением хотя бы наших первых позиций в отношении Банка международных расчетов. Тем более, что не исключено, что и Англия при предстоящих переговорах об

урегулировании английских претензий захочет использовать для этой цели Банк международных расчетов.

Я полагаю, что следовало бы заявить фон Дирксену, со ссылкой на запрос Твардовского, что мы остаемся на нашей прежней, хорошо известной Германии позиции в отношении создания международного консорциума и единого экономического фронта против нас, и что участие Германии в попытках снабдить Международный репарационный банк подобными, направленными против нас, функциями, мы будем рассматривать, как недружелюбный акт по нашему адресу. Равным образом следует предупредить Дирксена, что мы против переключения обсуждаемой уже в предварительном порядке кредитной акции на Банк международных расчетов. Это мои личные предложения, не разделяемые коллегией НКВД.

Прошу поставить вопрос на повестку ближайшего заседания Политбюро.

Приложение: Запись беседы т. Райвида.

С товарищеским приветом Б. Стомоняков

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 187-191. Подлинник.

Приложение

*Запись беседы и.о. зав. отделом
Центральной Европы НКВД СССР Н.Я. Райвида
с советником германского посольства в СССР Ф. Твардовским
относительно возможного участия СССР
в работе Банка международных расчетов**

19 июня 1929 г.

Из беседы тов. Райвида с германским советником Твардовским
19 июня 1929 г.

Твардовский пришел ко мне, чтобы обменяться со мною в неофициальном порядке мыслями по поводу процесса Россмана и по репарационному вопросу.

По последнему вопросу он сказал, что Берлин интересуется тем мнением, которое существует в Москве по поводу принятия в Париже плана Юнга и имеет поручение по этому поводу проинформироваться и не хочет пока официально говорить с кем-

* *Штамп:* Прот[окол] БП № 86, п. 3.

либо из членов коллегии, а лишь ограничивается неофициальным разговором со мною, ибо мое мнение его интересует, как мнение его старого знакомого. Я сказал, что могу лишь говорить о своих личных предварительных впечатлениях, ибо официальные материалы Парижской конференции еще не все опубликованы и поэтому недостаточно известны в Москве. Что касается меня, то мне кажется, что Германия добилась на конференции известных облегчений, но что это не последние облегчения, ибо крепнущая Германия, вероятно, в будущем вновь поставит вопрос о пересмотре плана Юнга. Твардовский согласился со мною и сказал, что твердо союзники могут рассчитывать только на незащищенную часть платежей (660 млн марок), защищенная же часть будет со временем несомненно пересматриваться в сторону уменьшения. Его интересуют, однако, общие впечатления от конференции. Я заметил, что, судя по прессе, можно было видеть известные попытки некоторых антантовских кругов вовлечь Германию в единый фронт американских должников. По моему впечатлению это, однако, не произошло, поскольку проблема межсоюзных долгов формально не была связана с репарационными платежами. Твардовский опять подтвердил, что такие попытки были, что пытались создать единый антиамериканский фронт, но Германия этому не поддавалась. По его мнению, самым главным результатом конференции является создание репарационного банка, как гигантского международного финансового организма, и его интересует мое мнение об этом банке. Я ответил, что окончательного суждения у меня еще нет, ибо я не знаю, какие группы финансистов и в каком соотношении будут в этом банке участвовать. Мне кажется, однако, что в лице этого банка создается крупнейшая и в данный момент совершеннейшая форма международной капиталистической монополии и что у этого банка, по всей вероятности, будут проявляться сильные монополистические тенденции в отношении мирового хозяйства. В этом заложена известная опасность для слабых в экономическом отношении стран и для полуколониальных областей. Твардовский пытался возражать, сказав, что, поскольку в этом банке будет представлен главным образом государственный капитал (госбанки), постольку банк будет скорее своеобразной формой государственного социализма, а не монополии. Я рассмеялся и сказал, что такое толкование неверно. Чрезвычайно трудно в настоящее время произвести точное размежевание частно-капиталистических групп и интересов от государственного капитала и государственных интересов. Налицо такое переплетение между теми и другими, что даже через посредство государствен-

ных банков будут проявляться интересы частных финансовых групп. Примером этого является английский нефтяной опыт. Так, “Англо-Першен” является чисто государственной организацией, а “Шелл” – частнокапиталистической. Между тем обе организации являются носителями монополистических тенденций в области нефти, и совершенно невозможно установить, где кончаются интересы английского государства и где начинаются частные интересы Детердинга⁵. Твардовский сказал, что это убедительный пример, но что он надеется, что присутствие Германии в банке будет смягчать его монополистический характер. Затем он спросил меня, а как отнесутся у нас к тому, что этот банк возьмет на себя задачу предоставления займов и кредитов СССР. Ведь в первый раз создается такая могущественная организация, которая имеет достаточно капиталов для финансирования СССР. Как относится СССР к получению интернациональных займов, предпочитает ли он получать займы от отдельных стран или интернациональные? По его мнению, рано или поздно станет вопрос об урегулировании старых долгов, поэтому интересно, как бы мы отнеслись к тому, чтобы банк предоставил нам заем на эти цели. Я отвечал Твардовскому крайне уклончиво. Я сказал, что с ответом на такой вопрос приходится подождать, ибо никто не знает, в конце концов, кто точно участвует в этом банке. Преждевременно также говорить о займах, ибо приходится рассматривать каждый заем с точки зрения тех условий, на которых он предлагается, и целого ряда других обстоятельств. Что же касается того, от кого СССР охотнее получит заем, от отдельного ли государства или от интернациональной группы, то тот вопрос опять-таки требует проработки об условиях и т.д. До сих пор на этот счет никаких заявлений и деклараций советское правительство не давало. Одно должно быть принято во внимание – мы никогда не согласимся пойти на какие-либо финансовые сделки с кем бы то ни было, если при этом не будет полностью сохранена наша финансовая, политическая и социальная независимость.

Райвид

АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 192–193. Заверенная копия.

¹ Банк международных расчетов – международная валютно-кредитная организация. Основан в 1930 г. в Базеле в соответствии с планом Юнга первоначально для расчетов по репарационным платежам Германии и межсоюзническим долгам после Первой мировой войны. Впоследствии направления его деятельности менялись. Функционировал как акционерное общество. Его акционеры – центральные банки стран.

² Ли Айви (1877–1934) – американский журналист.

³ Рокфеллеры – финансовая группа США, сложилась в конце XIX в. Ее основатель Д. Рокфеллер (1839–1937). Сфера влияния: промышленность и кредитно-финансовые институты, страхование жизни.

⁴ Твардовский Фритц фон (1890–1970) – с 1922 г. сотрудник посольства Германии в СССР, в 1924–1928 гг. руководитель отдела печати германского правительства, в 1928–1935 гг. советник германского посольства в Москве, в 1939–1943 гг. руководитель Отдела культуры МИД Германии.

⁵ Детердинг Генри (1866–1939) – директор англо-нидерландского нефтяного концерна “Ройял датч шел груп”.

№ 148

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О Банке международных расчетов”**

№ П 86/2-с

27 июня 1929 г.
Строго секретно
Из “Особой папки”

3. – а) Поручить НКИД запросить германское правительство о том, чтобы оно информировало о характере, задачах, планах, о круге деятельности Банка международных расчетов, о переговорах репарационной комиссии и о нынешнем состоянии переговоров.

б) Поручить НКИД запросить письменно мнение т. Литвинова.

в) Для изучения вопроса о Репарационном банке и вопроса о способах упорядочения наших кредитных операций создать комиссию в составе тт. Рудзутака (председатель), Микояна, Стомонякова, Пятакова.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 656. Л. 186. Копия.

№ 149

Письмо М.М. Литвинова Б.С. Стомонякову о создании Банка международных расчетов¹

4 июля 1929 г.
Франценсбад
Секретно

Дорогой Борис Спиридонович,

Получил Ваше письмо и материалы касательно Международного расчетного банка. Диктовать некому, а писать от руки мне

* Вопрос представлен Б.С. Стомоняковым, А.И. Микояном, Г.Л. Пятаковым. Выписка из протокола № 86 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 27 июня 1929 г., п. 3. Направлена Б.С. Стомонякову, Я.Э. Рудзутaku (вс подпункты), Г.Л. Пятакову и А.И. Микояну (п. “в”).

трудно, так как боли в правой руке, несмотря на интенсивное лечение, еще пока не уменьшились. Вынужден поэтому дать на Ваш запрос лишь самый краткий ответ. Думаю, однако, что высказаться более исчерпывающим образом будет не поздно и по моем возвращении в Москву.

1. Банк имеет своей главной задачей реализацию репарационного соглашения и этой своей задачей он будет поглощен на первых порах в достаточной мере без того, чтобы думать о нас. Лишь спустя некоторое время и побочно банк попытается вовлечь и наш Союз в сферу своих операций.

2. Само по себе финансирование германского экспорта нас страшить не должно. Наши векселя по 300-миллионному кредиту Германия также кое-где переучитывала и без всякого вреда для нас.

3. Опасность для нас наступит с того момента, когда банк попытается стать средостением между нами и отдельными капиталистическими странами, монополизировать внешнюю торговлю с нами и в качестве монополиста навязать нам особые формы и условия торговли или даже потребовать ликвидации старых долгов.

4. Опасность эта станет реальной, однако, в том лишь случае, если эти попытки будут активно поддержаны всеми крупными капиталистическими странами, и не только правительствами, но и частными промышленными фирмами, то есть, когда эти правительства и фирмы откажутся торговать с нами или предоставлять нам кредиты иначе, как через посредство банка, а, в случае сопротивления нашего они объявят нам финансово-экономический бойкот и блокаду.

5. Возможность такого общекapиталистического сговора и блокады теоретически всегда существовала. У всех капиталистических стран есть общие претензии и требования к нам. Отчего бы не предъявить их нам коллективно и ультимативно под угрозой бойкота? Тем не менее этого до сих пор не произошло, но не потому, что это абсолютно невозможно, а потому, что трудно осуществимо. Создание банка значительно облегчает задачу чисто технически, ибо создается инструмент для осуществления блокады, но этим не устраняются те политические и экономические затруднения, которые до сих пор препятствовали противопоставлению нам единого капиталистически-экономического фронта.

6. Такими препятствиями являются в первую очередь противоречивость интересов отдельных стран и конкуренция между ними, а их банк не уничтожит. При интернациональном характере состава правления в самом банке будет происходить борьба национальных интересов, а вне его борьба этих интересов будет продолжаться по-прежнему. Лига наций также могла бы теорети-

чески привести к созданию антисоветского политического блока, если бы ей удалось устранить политические разногласия вне или хотя бы внутри лиги, но этого условия пока нет. Таким же образом не удастся и Международному банку согласовать экономические противоречия, при наличии которых прочный экономический единый фронт еще труднее будет образовать, чем политический. Особое место, вероятно, займет в банке борьба между американскими и европейскими интересами.

7. Идея международного концерна, однако, еще со времен Генуи была весьма популярна в некоторых европейских кругах. Образование Международного банка несомненно должно оживить эту идею. Будут поэтому, как выше упомянуто, предприняты соответственные шаги при сочувствии и даже поддержке некоторых правительств, и нам придется некоторое время выдерживать с этой стороны чувствительный нажим. Но без нас – нас не женят. При выдержке с нашей стороны, когда может потребоваться даже нечто вроде контрбойкота, враждебные нам попытки потерпят неудачу, а надолго усилий сторонников концерна не хватит. Сила нашего хотя бы кратковременного сопротивления может сыграть решающую роль.

8. Когда первые атаки будут отбиты, банк начнет приспособляться к нашим требованиям, работать с нами на приемлемых для нас условиях и от него может быть даже польза нам. Зарекаться от всякого сотрудничества с банком не следует. Все зависит от его конкретных предложений. Но он будет делать приемлемые предложения и откажется от мысли выколачивания старых долгов лишь после того, как он ознакомится с силой нашей выдержки, выносливости и сопротивления.

В ы в о д ы:

1) Международный банк представляет собой некоторую угрозу, но лишь на некоторое время. Нет оснований для серьезных тревог и нервозности.

2) Необходимо теперь же дать знать германскому правительству о нашем отрицательном отношении к банку и сотрудничеству с ним, в особенности, в тех формах, на которые намекают печать и имеющиеся у нас документы (к достоверности которых я отношусь, конечно, со своим обычным скептицизмом). Сделать это необходимо теперь же для того, чтобы Германия учитывала наше отношение и не ангажировалась за наш счет при выработке программы деятельности банка. Чтобы не создавать впечатления нервности правильное будет наше заявление обосновывать запросом Твардовского. Он поставил нам вопрос, пусть неофициально, а мы даем ответ, но не Твардовскому, а Дирксену или Штреземану-Шуберту.

3) Надо форсировать, поскольку это от нас зависит, кредитные переговоры с Германией. Нам-де предстоят переговоры с Англией, есть предложения от американцев, и поэтому нам нужно знать, на что можно рассчитывать в Германии. Обеспечив себя на 1–2 года германскими кредитами, мы тем большее сопротивление сможем оказать возможному нажиму Международного банка. Это усилит нашу позицию и при переговорах с Англией. Нет надобности, однако, заранее возражать против использования Германией банка для предоставления нам кредитов. Важно чтоб нашим контрагентом формально была Германия, а не банк. В отношениях же между Германией и банком мы не вмешиваемся, ибо это было бы донкихотством. Финансирование экспорта Германии есть одна из основных функций банка.

С приветом М. Литвинов

Помета: т. Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 2–5. Копия.

¹ Копии направлены И.В. Сталину, А.И. Микояну, Г.Л. Пятакову, Я.Э. Рудзутаку, К.Е. Ворошилову, М.И. Калинин, В.М. Молотову, А.И. Рыкову, М.П. Томскому, К.Я. Бауману, С.И. Сырцову.

№ 150

*Записка Б.С. Стомонаякова И.В. Сталину
относительно намерения германского посольства
создать в Москве Объединение германских граждан**

№ 7270

15 июля 1929 г.

Секретно

Экз. № 1

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) т. Сталину

Копии: членам Политбюро,

членам коллегии НКВД**

Уважаемый товарищ,

Германское посольство обратилось в НКВД с заявлением, что оно признало необходимым создать в Москве организацию германской колонии, которая за последнее время, особенно в связи с приглашением большого количества германских инженеров и

* *Штамл:* Прот[окол] ПБ № 89, п. 10.

** Копия направлена также Н.Я. Райвиду.

специалистов, сильно разрослась и насчитывает свыше 500 семейств. Посольство имеет в виду организовать так называемый “Культур унд Хильфсферейн” (Союз для обслуживания культурных нужд и для взаимопомощи). Посольство просило дать ему в кратчайший срок все материалы нашего законодательства, которые необходимы для оформления указанной организации. При этом оно сообщило, что посол желает приурочить торжественное открытие этой организации к 11 августа, празднику германской конституции.

Коллегия НКВД в согласии с ОГПУ признала нежелательной организацию германской колонии в Москве как вследствие того, что такая организация нежелательна сама по себе, так и в особенности потому, что она создала бы крайне нежелательный прецедент для других государств (Польша, Латвия, Греция, Финляндия и др.). Мы признали поэтому целесообразным попробовать переклЮчить германское начинание на рельсы вхождения здешних германских инженеров в наше общество “Культура и техника”¹. Это общество, уже достаточно известное в Германии, особенно после организованной им “Недели германской техники”, могло бы принять в члены общества проживающих здесь германских инженеров и специалистов и, может быть, организовать клуб, где члены общества могли бы находить германские журналы, газеты и т.п. Преимуществами такого разрешения вопроса являются, во-первых, возможность нашего контроля, поскольку это общество находится в наших руках и, во-вторых, то обстоятельство, что другие государства не могли бы сослаться на это, как на прецедент, поскольку общество “Культура и техника” основано специально для научно-технического сотрудничества с Германией.

Этот проект был сообщен германскому посольству, которое, однако, им не удовлетворилось и заявило, что оно настаивает на создании упомянутого “феррейна”, т.е. на организации всей германской колонии. Что касается общества “Культура и техника”, то посольство сообщило, что оно уже обратилось к Союзу германских инженеров с предложением создать свой филиал в Москве, куда вошли бы все находящиеся здесь германские инженеры. Этот филиал, по мнению посольства, и мог бы уже войти в контакт с обществом “Культура и техника”.

Таким образом германское посольство отклонило нашу попытку дать удовлетворение общественной потребности проживающих здесь немцев по линии смешанной советско-германской организации.

Тов. Крестинский высказывается за разрешение германскому посольству организовать здесь колонию, ссылаясь на то, что наш

отказ вызвал бы серьезный конфликт и, может быть, привел бы к затруднениям или даже к репрессиям в отношении многих советских организаций, существующих в Германии.

Коллегия НКВД, обсудив вторично предложение германского посольства, пришла к заключению о необходимости его отклонить, хотя бы и с риском возникновения затруднений между нами и Германией по этому вопросу. Формально наша позиция сильна, поскольку наше законодательство отличается от германского законодательства и поскольку мы до настоящего времени не разрешили ни одной иностранной миссии организацию подобного рода общества на нашей территории. В то же время коллегия считает целесообразным настаивать перед германским посольством на вхождение германских инженеров и специалистов в общество “Культура и техника” вместо создания чисто германской организации. Коллегия имеет при этом в виду указать германскому послу, что требование создания чисто германской организации ставит нас в затруднительное положение, поскольку мы, в случае его принятия, вынуждены были бы удовлетворить аналогичные требования Польши и других государств.

Поскольку, однако, наш отказ сопряжен с риском осложнения в наших отношениях с Германией, коллегия решила поставить этот вопрос перед Политбюро.

Мы предлагаем: 1) отклонить предложение германского посольства об организации союза проживающих в Москве германских граждан и 2) настаивать перед германским посольством на урегулировании этого вопроса путем вхождения германских инженеров и специалистов в общество “Культура и техника” и путем создания при этом обществе русско-немецкого клуба для членов общества.

С товарищеским приветом Б. Стомоняков

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 676. Л. 146–148. Подлинник.

¹ Советско-германское общество “Культура и техника” создано в 1925 г. (устав утвержден НКВД СССР в 1924 г.). В задачи общества входило распространение технических знаний, пропаганда новейших достижений техники, укрепление советско-германских связей в научно-технической области. В состав общества входили свыше 90 государственных учреждений и хозяйственных организаций. Общество имело представительство в Берлине. Общество занималось распространением научно-технической информации, осуществляло связи с научно-техническими кругами Германии, издавало журналы “Русско-германский вестник науки и техники”, “Техника кустарю и ремесленнику”, проводило “Недели германской техники” (1929 г.), лекции в Москве для немецких специалистов и доклады немецких специалистов для советской аудитории.

№ 151

Протокол № 1 заседания комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу о Международном репарационном банке

17 июля 1929 г.
Сов. секретно

Председательствовал тов. Рудзутак

Присутствовали: гг. Микоян, Пятаков, Стомоняков, Шлейфер

Слушали:

Об отношении советского правительства к вопросу Международного репарационного банка.

Постановили:

1. Поручить НКВД обратить внимание тов. Крестинского на недопустимость невыполнения им директивы ПБ о запросе германскому правительству по вопросу Международного репарационного банка.

2. Поручить НКВД предложить тов. Крестинскому немедленно выполнить директиву ПБ о запросе германскому правительству, причем ввиду того, что т. Крестинский затянул этот запрос, предложить ему в осторожной форме, от своего имени, заявить, что вопрос об организации Международного репарационного банка не может встретить сочувственного к нему отношения.

3. Предложение тов. Литвинова о форсировании переговоров с Германией о кредитах признать абсолютно нецелесообразным.

4. Поручить гг. Микояну, Пятакову и Стомонякову представить к следующему заседанию комиссии 24 июля утром материал о положении наших кредитных дел с различными иностранными государствами, а также план нашей финансовой обороны на случай, если Международный репарационный банк начнет финансовую блокаду СССР.

Слушали:

Об антисоветском фронте на конференции торговых палат в Амстердаме.

Постановили:

Не возражать против статей в нашей прессе по поводу обсуждения вопроса об антисоветском фронте на конференции торговых палат в Амстердаме.

Слушали:

О своевременной рассылке материалов к заседаниям комиссии по вопросу о Репарационном банке.

Постановили:

Поручить членам комиссии, подготовляющим материалы к заседанию комиссии, своевременно рассылать таковые всем членам комиссии для предварительного ознакомления.

Председатель Я. Рудзутак

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 13–14. Заверенная копия.

№ 152

*Записка председателя комиссии
Политбюро ЦК ВКП(б) Я.Э. Рудзутака
в Политбюро ЦК ВКП(б) о Банке международных расчетов*

№ 14526/с

9 августа 1929 г.

Сов. секретно

Экз. № 13

В Политбюро ЦК ВКП(б)

I

Согласно решения Политбюро, тов. Крестинский запросил у германского правительства информацию об организации Банка международных расчетов и, в особенности – о тех переговорах, которые имели место в Париже по вопросу о роли этого банка в отношении СССР. Германское правительство ответило, что никаких переговоров в Париже на эту тему не было, и вообще дало уклончивый ответ, из которого явствует, что оно вообще на эту тему не хотело бы с нами говорить. Между тем, за последние недели накопилась обильная информация секретного порядка, а отчасти – также и из западной прессы, из которой явственно вытекает, что не только в Париже между первоначальными инициаторами организации мирового банка были или велись такие переговоры, но что и после Парижской репарационной конференции велась интенсивная работа по вопросу о сосредоточении в Банке международных расчетов всего дела кредитования советской торговли и образования при банке русского отдела, на который имеется в виду возложить организацию единого финансового фронта против СССР с попутным разрешением проблемы дооктябрьских долгов.

6 августа в Гааге началась международная репарационная и политическая конференция, на которой обсуждается также вопрос об учреждении Банка международных расчетов. Вокруг

этого вопроса идет уже напряженная борьба между отдельными державами, и в этой борьбе Германия играет видную роль.

Ввиду изложенного комиссия Политбюро под моим председательством считает необходимым немедленно предупредить германское правительство о нашем отношении к проекту использования Международного банка против СССР. Комиссия полагает, что такое предупреждение затруднит для Германии далеко идущее ангажирование в направлении создания из Международного банка единого финансового фронта против СССР. Необходимо, чтобы германское правительство возможно скорее и до решающих переговоров в Гааге было поставлено перед необходимостью считаться с официальным отрицательным мнением советского правительства по этому вопросу.

II*

В связи с вопросом о роли Международного банка в отношении СССР стоит вопрос о наших кредитных переговорах с Германией. Несмотря на официальное сообщение в апреле месяце германского посла о том, что германское правительство назначило двух официальных представителей, которые приедут в Москву через 3 недели и начнут с нами кредитные переговоры, как известно, германское правительство засаботировало все это дело, и до сих пор мы не имеем никаких официальных сообщений ни о начале кредитных переговоров, ни о причинах невыполнения данного германским послом обещания. (Неофициально германский посол сообщил НКВД, что кредитные переговоры откладываются в ожидании исхода международной репарационной конференции, т.е. иными словами, до окончательного разрешения вопроса о Международном банке). Однако некоторое время тому назад Шлезингер, являющийся одним из тех двух официальных делегатов германского правительства для кредитных переговоров с СССР, о которых сообщал германский посол, обратился к т. Бегге с предложением начать переговоры о предоставлении Германией СССР промежуточного кредита в 40 млн марок из остатков, имеющихся в распоряжении Германии для кредитования экспорта в другие страны.

Комиссия Политбюро полагает, что это предложение, имеющее целью помочь германскому правительству выйти из того положения, в которое оно попало невыполнением официальных обещаний, данных здесь через посла советскому правительству, необходимо в решительной форме отвергнуть. Кредит в 20 млн руб. не может иметь серьезного значения для нашего хозяйства,

* Штамм: Прот[окол] ПБ № 93, п. 6.

но он может ослабить нашу позицию в отношении Германии по кредитному вопросу.

Ввиду изложенного прошу Политбюро утвердить сегодня путем опроса решение комиссии.

Приложение: Протокол комиссии от 9.08.1929 г.

Я. Рудзутак

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 24–26. Заверенная копия.

Приложение

*Протокол № 2 заседания комиссии Политбюро ЦК ВКП(б)
по вопросу о Банке международных расчетов*

9 августа 1929 г.

Присутствовали: гг. Стомоняков, Пятаков, Микоян, Шлейфер
1. Слушали: О Банке международных расчетов.

Постановили: 1. Предложить НКИД довести до сведения германского правительства, что мы вначале не обратили внимания на демарш Твардовского, не имея данных и информации о позиции германского правительства и о тех переговорах, которые велись в Париже, а также о конкретных задачах самого банка. Однако в течение последних шести недель, истекших со времени демарша Твардовского, из дошедшей до советского правительства информации все более выясняется тенденция централизации, при образовании БМР, всего кредитования Советского Союза в этом банке.

Советское правительство считает необходимым сообщить германскому правительству, что оно относится в высшей степени отрицательно к этой попытке, как и ко всем предыдущим попыткам образования единого фронта против нас, и ожидает, что германское правительство на основании существующего дружеского отношения к советскому правительству не только не будет участвовать в едином фронте, могущим быть организованным этим банком, но что оно будет противодействовать этому.

2. Поручить гг. Стомонякову, Микояну – организовать появление в прессе статей по поводу Банка международных расчетов.

3. Сообщить заграничным представительствам Госбанка, НКТорга и НКИндела установку советского правительства в отношении Банка международных расчетов для того, чтобы проводить это по всем каналам.

2. Слушали: О германских кредитах.

Постановили: На запрос Шлезингера дать ответ через т. Бегге от имени тов. Микояна, что он недоумевает по поводу этого предложения и считает его несерьезным после того, как он (Микоян) получил официальное сообщение от германского посла по поводу

посылки германским правительством двух официальных представителей в СССР для ведения переговоров о кредитах. Поэтому он не считает вообще возможным обсуждать это предложение.

Председатель Я. Рудзутак

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 26–27. Заверенная копия.

№ 153

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О германских кредитах”**

№ П 93/6-с

15 августа 1929 г.
Строго секретно
Из “Особой папки”

6. На запрос Шлезингера дать ответ через т. Бегге от имени тов. Микояна, что он недоумевает по поводу этого предложения и считает его несерьезным после того, как он (Микоян) еще 11.04. с.г. получил официальное сообщение от германского посла по поводу посылки германским правительством двух официальных представителей в СССР для ведения переговоров о кредитах. Поэтому не считает вообще возможным обсуждать это предложение.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 22. Копия.

№ 154

*Из письма Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову о беседе с министром иностранных дел Германии Ю. Курциусом относительно поездки в СССР немецкой промышленно-финансовой делегации***

№ 1130/17/к

28 октября 1929 г.
Секретно
Весьма срочно

Выписка из письма т. Крестинского т. Литвинову
от 28.10.1929 г.

3. Затем я перешел к вопросу о промышленной делегации. Я сказал, что за последние несколько недель различные немецкие

* Вопрос представлен Я.Э. Рудзутаком, А.И. Микояном, Г.Л. Пятаковым, Б.С. Стомоняковым. Выписка из протокола № 93 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 15 августа 1929 г., п. 6. Направлена А.И. Микояну.

** Копии направлены А.В. Логиннову (ЦК ВКП(б)), Л.М. Левитину (Наркомторг СССР).

деятели в разговорах в Москве с нашими работниками ставили вопрос о приезде в Москву немецкой хозяйственной делегации. Такие разговоры вел г. Мюлен из И.Г.¹ с председателем нашей торговой палаты, г. Ионас из “Общества изучения Восточной Европы” с одним из ответственных работников НКВД, и, наконец, московский представитель “Кёльнише Цайтунг” д-р Юст² с министерский-директором нашего Министерства иностранных дел г. Штейном. Все они предполагали обсудить вопрос о посылке делегации со своими организациями в Германии и выступить с соответствующей инициативой. Наконец, позавчера, в субботу 26 октября в вечернем выпуске “Бёрзен Цайтунг” помещена редакционная статья от имени хозяйственных кругов Германии, заинтересованных в торговле с СССР, ставящая уже публично вопрос о посылке делегации.

Все эти обстоятельства заставили меня обратиться к нему, чтобы в самом начале начинающейся акции выяснить взаимные точки зрения. Мы относимся положительно к идее приезда в СССР германской промышленно-финансовой делегации. Мы думаем, что непосредственное общение руководителей германского хозяйства с руководящими представителями нашего хозяйства и нашей общественности будет способствовать активизации наших хозяйственных отношений и общему сближению Германии и СССР. Но необходимо с самого начала предусмотреть два момента, непринятие коих во внимание могло бы изменить характер делегации и привести к тому, что, вместо пользы она принесла бы вред. Первый момент – это состав делегации. Она должна состоять из перворазрядных представителей промышленности и финансов. Не было бы никакого смысла, если бы приехали только руководители русских отделов промышленных концернов и банков или люди, обычно приезжающие в качестве экспертов на всякого рода переговоры. Им незачем ехать в СССР, как делегации, ибо они уже неоднократно бывали в СССР, по должности своей ее* знают, имели и имеют контакт с нашими людьми. Нужно, чтобы приехали главы концернов, члены их правлений, и чтобы они вступили в контакт с нашими крупными хозяйственными организациями. Я назвал тут для примера Бюхера, Гуммеля³, Раумера. Второй момент – это участие так называемого Русского комитета. Господин Курциус еще со времен московских переговоров конца 1928 г. знает отношение нашей общественности и официальных кругов к Русскому комитету. Он легко поймет, поэтому, что делегация встретила бы менее сердечный прием и принесла бы мало

* Так в тексте. Вероятно, речь идет о Москве.

пользы, если бы инициатива ее посылки и организации исходила от Русского комитета или персонально от его председателя Ганса Кремера. Ведь г. Курциусу известно, что весь последний год между нами и Кремером происходила достаточно ожесточенная борьба в связи с продажей в Германии наших спичек. Г. Кремер рассылал циркулярные письма против ввоза наших спичек, возбуждались процессы и т.д. Как бы ни относился г. Кремер внутренне к развитию отношений между СССР и Германией, он, во всяком случае, не является той фигурой, руководство которого делегацией или, хотя бы даже только составление делегации способствовало бы ее успеху.

Наконец, Русский комитет состоит в главной своей части не из особенно крупных представителей хозяйства, и если он будет организовывать делегацию, то в нее вряд ли войдут перворазрядные люди.

Я не знаю, говорил ли уже кто-нибудь из немецких инициаторов с г. Курциусом на эту тему, — я, во всяком случае, поторопился переговорить с ним о наших сомнениях, чтобы он мог учесть их уже при самых первых разговорах на эту тему.

Курциус попросил разрешения задать мне совершенно откровенно вопрос: должен ли он понять меня в том смысле, что мы предпочли бы, чтобы германская делегация к нам сейчас не приезжала.

Я ответил, что такое понимание было бы неверно. Наоборот, мы относимся положительно к приезду делегации, мы приветствовали бы, если бы к нам приехала группа первостепенных руководителей германского хозяйства. Мы уверены, что непосредственное ознакомление с нашими хозяйственными планами и достижениями и с нашей действительностью разобьет многие неправильные представления о нас, возникающие в результате часто односторонней и нередко враждебной информации. Но я должен обратить его внимание на те моменты, которые нужно предусмотреть при организации делегации.

Курциус сказал после этого, что с ним еще никто не разговаривал о делегации, но что он читал субботнюю статью в “Бёрзен Цайтунг”. Он считает, что поездка делегации была бы полезной, и он вполне согласен с тем, что делегация должна состоять из действительно руководящих людей. Это не обозначает, что руководители русских отделов, знающие уже Москву, будут отстранены от участия в делегации. Нет. Они должны также быть в составе делегации, но на вторых, неруководящих ролях. Понимает он и наше возражение против Русского комитета. Он не

согласен с нашей точкой зрения, но он знает настроение нашего общественного мнения и признает, что с этим настроением будет нужно считаться. Правда, действовать в этом втором направлении ему будет несколько труднее, чем при определении качественного состава делегации. Если к нему придут 12 или 15 человек и скажут, что они собираются ехать в СССР в качестве промышленной делегации, — ему будет трудно заявлять персональные отводы.

Я ответил, что дело не делается так, что к министру за благословением является уже готовая делегация. Прежде, чем делать те или иные шаги по привлечению участников в делегацию, инициаторы, конечно, обратятся к нему, чтобы узнать, какова точка зрения германского правительства. В этот момент ему удобно будет высказать свое мнение и о тех вопросах, которые затронуты сегодня мною. Мы не предлагаем ему отводить от участия в делегации всех членов Русского комитета. Но мы решительно возражаем против руководящей роли и инициативы Русского комитета, в частности, против руководящей роли Кремера.

Курциус сказал, что он учтет все мои соображения при разговорах об организации и поездке делегации.

Кончая разговор на эту тему, мы уточнили, что инициатива постановки вопроса исходит не от нас, а от различных германских общественных деятелей, но что мы к этой инициативе относимся доброжелательно.

У меня осталось впечатление, что Курциус, хотя и не занимался до сих пор этим вопросом, но считает поездку делегации полезной.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 31–32. Заверенная копия.

¹ Имеется в виду германский химический концерн “И.Г. Фарбениндустри”.

² Юст Артур (1896–1955) — в 1925–1937 гг. корреспондент “Кёльнише Цайтунг”, “Дойче альгемайне Цайтунг”, “Франкфуртер Цайтунг” в Москве.

³ Гуммель Герман (1876–1952) — в 1924–1930 гг. депутат рейхстага от Немецкой демократической партии, с 1922 г. член Наблюдательного совета концерна BASF, затем “И.Г. Фарбениндустри”.

№ 155

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О реорганизации заграничного аппарата Наркомторга и торгово-промышленных организаций”*

№ П 109/13-с

15 декабря 1929 г.
Строго секретно

13. в) Утвердить т. Любимова¹ торгпредом в Берлине и заместителем наркомторга СССР.

г) Назначить заместителями торгпреда в Берлине тт. Килевича и Сванидзе.

Вопрос о кандидатуре третьего заместителя торгпреда отложить, поручив т. Кагановичу согласовать его кандидатуру с т. Любимовым.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 639. Л. 83. Копия.

¹ Любимов Исидор Евстигнеевич (1882–1937) – с 1926 г. председатель правления Центросоюза, в 1930–1931 гг. торгпред в Германии и заместитель наркома внешней и внутренней торговли СССР, с 1932 г. нарком легкой промышленности СССР.

*Вопрос представлен Г.К. Орджоникидзе, А.И. Мнкояном, В.В. Куйбышским, И.Е. Любимовым, Б.А. Ройзенманом, А.М. Фушманом, Л.М. Хинчуком, А.А. Платоновым, И.О. Шлейфером, Г.С. Морозом, М.Г. Гуревичем. Выписка из протокола № 109 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 15 декабря 1929 г., п. 13 (п. “в”, “г”, “д”).

1930 год

№ 156

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б)
“О привлечении иностранной технической помощи
в черной металлургии”**

№ П 113/63-с

10 января 1930 г.
Строго секретно

63. Утвердить представленный т. Рыковым проект постановления (см. приложение № 2).

Секретарь ЦК

Приложение № 2

*О привлечении иностранной технической помощи
в черной металлургии*

10 января 1930 г.

13. Поручить ВСНХ и НКТоргу войти в месячный срок в Политбюро с докладом об итогах экономических взаимоотношений с Германией, в частности, осветить вопрос о результатах технической помощи, оказываемой нам германскими фирмами.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 44. Заверенная копия.

*Принято опросом членов Политбюро от 10 января 1930 г. Выписка из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 10 января 1930 г., п. 63, и из приложения № 2 п. 13.

*Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину
о жалобах иностранных дипломатических миссий в СССР
в связи с ограничением их контактов с представителями
советских официальных кругов и общественности*

№ Л/3312

26 января 1930 г.

Секретно

Экз. № 1

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)
тов. Сталину

Копия: заместителю председателя ОГПУ – тов. Мессингу¹

1. Считаю нужным довести до Вашего сведения нижеследующую выписку из рапорта одного из заведующих отделом НКВД о заявлении советников германского посольства в Москве Твардовского и Гильгера. Аналогичные жалобы мы получаем почти от всех дипломатических миссий в Москве. На эту тему неоднократно говорил с нами и сам германский посол. Я не делаю никаких предложений, но не могу, однако, умолчать о создавшемся положении.

2. «... Твардовский, как и Гильгер говорили со мной о “невыносимом положении, в которое мы поставили германское посольство”». В отличие от имевших уже ранее место разговоров на эту тему вчерашние заявления Твардовского и Гильгера звучали весьма искренне и убедительно. Факты, ими приводимые, требуют, несомненно, принятия с нашей стороны каких-то мер. По их словам, германское посольство здесь буквально отрезано от общения с внешним миром. Начать с того, что в течение последнего периода даже НКВД, наиболее “законный” источник их информации, ограничивается лишь официальными встречами в стенах наркомата, уклоняясь под различными предлогами от неофициального общения. “Вы понимаете, – говорил Твардовский, – что во время официального визита в НКВД, визита, который по условиям работы как нашей, так и Вашей не может длиться больше получаса, и когда приходится заниматься конкретными вопросами, не остается ни времени, ни возможности для общих разговоров по ряду законно интересующих нас проблем. Между тем, мы не имеем в данное время никакой возможности разговаривать с людьми, представляющими советскую точку зрения в той или иной отрасли. Так, например, тот круг ученых, с которыми у германского посольства в течение ряда лет установились дружеские отношения, теперь категорически отказывается осуществлять какие бы то ни было формы общения с нами. То же самое относится и к ряду сотрудников наркоматов, к артистам и т.д. и т.п. Дело дохо-

дит буквально до курьезов. Портной, выполнявший мелкие заказы для посольства, отказывается к нам приходить. Парикмахер проводит по отношению к нам ту же тактику. Последние, факты, конечно, мелочи, однако они чрезвычайно характерны для той линии, которую Вы, очевидно, проводите по отношению к нам.

Таково положение в Москве, в центре. Еще хуже в провинции. Так, например, наш консул в Киеве пишет мне отчаянные письма. Его там подвергают форменной блокаде. Те немногие лица, с которыми он раньше мог встречаться неофициально либо у себя, либо у них, теперь прекратили всякое общение с ним. Единственный человек, с которым он может встречаться и получать от него информацию – это польский консул. Согласитесь, что информация, идущая от польского консула, вряд ли может называться доброкачественной информацией. Между тем, Вы сами создаете психологические предпосылки для того, чтобы германский консул систематически обрабатывался представителем Польши. Кому это нужно? Я категорически заверяю Вас, что ни посол, ни я не хотим подобной информации, а между тем Вы толкаете нас именно на эти источники. Вопрос не о наших удобствах и даже не о нашем самочувствии, хотя и эти мотивы до известной степени следовало бы принимать в расчет. Однако вопрос становится гораздо глубже. Это вопрос политический, и мы сигнализируем Вам серьезную опасность, проистекающую в результате подобной тактики”.

М. Литвинов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 643. Л. 3–4. Подлинник.

¹ Мессинг Станислав Адамович (1890–1937) – в 1923–1929 гг. член коллегии ОГПУ СССР, в 1929–1931 гг. заместитель председателя и начальник ИНО ОГПУ СССР, в 1931–1933 гг. член коллегии Наркомторга СССР, затем на хозяйственных должностях.

№ 158

*Запись беседы М.М. Литвинова с Г. Дирксеном
об осложнениях советско-германских отношений*

20 февраля 1930 г.
Секретно

Из дневника
М.М. Литвинова

Прием Дирксена
20.02.1930 г.

1. Дирксен начал с сообщения о том, что по предложению англичан в Женеве обсуждается вопрос о согласовании некоторых статей устава Лиги наций с пактом Келлога и что германское

правительство решило представить в соответственную комиссию свои соображения по этому поводу в письменной форме. Совершенно доверительно Дирксен вручил мне копию этой записки. Был совершенно ясен диверсионный характер этого шага, долженствующего доказать готовность германского правительства и впредь держать с нами контакт по международным вопросам.

2. Затем Дирксен своими словами передал мне содержание длинной телеграммы, полученной им от Курциуса в ответ на переданные в Берлин мои соображения, высказанные Дирксену в связи с приговором по делу фальшивомонетчиков¹. Курциус разделяет мои заботы касательно германо-советских отношений, хотя и еще не совсем продумал проблему, будучи занят проведением плана Юнга и ликвидационного соглашения с Польшей. Радикальный курс нашей внутренней политики и в частности антирелигиозные преследования отражаются на общественном мнении Германии и в прессе, но это, по мнению Курциуса, не дает нам оснований сомневаться в лояльности германского правительства, которое твердо держится Рапалльского и Берлинского договоров. Свою лояльность Германия доказала нам в прошлом году в связи с советско-китайским конфликтом и получавшимися ею предложениями об образовании антисоветского фронта. Мы неправильно оцениваем Гаагскую конференцию, ибо переговоры там имели расчетный, а не политический характер. Наши аналогичные опасения высказывались в свое время перед Локарно, но мы должны были скоро убедиться, что основы германской внешней политики не изменились после Локарно. Курциус обещает, однако, заняться проблемой советско-германских отношений, как только голова его освободится от текущих забот, и он меня тоже просит подумать на эту тему.

От себя Дирксен добавил, что мы сами некоторыми действиями способствовали обострению советско-германских отношений. Не желая останавливаться на всех фактах этого года, он ограничивается перечислением лишь некоторых из них, именно:

а) Официальное чествование в Ленинграде и других местах Макса Гельца.

б) Официальный прием делегации “красных фронтовиков”² Дальневосточной армией и Блюхером³, в доказательство чего Дирксен показал мне газету “Тревога”, на которой помещен фотографический снимок Блюхера вместе с “фронтовиками”.

в) Прием делегатов “красных фронтовиков” в Большом театре по случаю съезда Осоавиахима, на котором присутствовали гг. Ворошилов и другие члены правительства. Мы жалуемся на приглашение членами парламента Керенского⁴ и Милюкова⁵ и не

усматриваем, очевидно, никакой нелояльности в приеме членами нашего правительства и официальными лицами членов организации, которая германским правительством считается преступной.

г) Имея в виду особые отношения, существующие между Красной армией и рейхсвером и некоторые специальные соглашения, заключаемые с ведома германского правительства, идущего при этом на большой политический риск, германское правительство особенно фрапировано* публичной манифестацией близости между т. Ворошиловым и “красными фронтовиками”.

д) Придирчивое отношение наших властей к концессии “Друзаг”⁶. Об этом заговорила уже германская печать, благодаря чему германское правительство попадает в весьма затруднительное положение. Оно в свое время спасло эту концессию, вложив в нее государственные деньги исключительно из политических побуждений, и ему трудно теперь оправдаться перед германским общественным мнением. Местный суд за ничтожнейшее нарушение кодекса труда присуждает директоров к максимальным штрафам. В обеспечение этих штрафов описываются автомобили, пишущие машины и все то, без чего концессия не может продолжать работу. На концессию являются трое молодых “диких людей”, без всяких мандатов и удостоверений, называют себя ударниками и на этом основании распоряжаются на концессии как у себя дома, описывают, арестовывают и т.д. Письма, посылаемые директором концессии германскому послу через немецкого гражданина, перехватываются, вскрываются и задерживаются, а германский гражданин арестовывается. Задержка корреспонденции посла не может не задевать престижа представляемого им государства. Эти придирки продолжают уже несколько месяцев, а между тем он вправе был ожидать более доверчивого отношения к себе и, если мы решили избавиться от концессии, то нам следовало бы прямо ему об этом заявить, а не прибегать к политике мелких уколов и придирок, отравляющих взаимоотношения.

е) Отказ в обратной визе сельскохозяйственному эксперту Аухагену, против которого мы никогда отвода не заявляли.

ж) Мы сами оттолкнули германскую прессу и, в частности, такой влиятельный орган, как “Берлинер Тагеблатт”, высылкой Шеффера.

3. Я вкратце возражал по поводу частных претензий Дирксена. Мы в свое время совершенно недвусмысленно дали понять Аусамту в Берлине и посольству в Москве о нежелательности дальнейшего пребывания у нас Аухагена. Если посол склонен

* Поражено (фр.).

оспаривать факты его агитации среди меннонитов⁷, то бесспорным остается факт написания враждебной статьи, которой вполне достаточно было для предъявления отвода. Не желая ставить вопрос формально, мы ограничивались указанием на его прегрешения в полной уверенности, что, уехав из Москвы, он сюда больше не вернется. Мы были поражены, когда он вновь прислал на визу свой паспорт. Этот вопрос, однако, теперь уже улажен. Если бы у нас было желание отделаться от концессии “Друзаг”, то мы, несомненно, поступили бы так, как предлагает посол, но мы этого вопроса не поднимали. Если я должен понять заявление посла как предложение о полюбовном расторжении концессионного договора, то я могу только передать это предложение Главконцесскому. Соблюдение кодекса труда обязательно для всех концессионеров, и об этом специально упоминается во всех концессионных договорах. Озабоченные проведением коллективизации, местные власти могут иногда игнорировать интересы вклинившейся концессии, но мероприятия, которые послу угодно называть придирами, отнюдь не диктуются из центра. Германское гражданство курьера взято под сомнение, и он сам обременен серьезными обвинениями. Формально найденная у него корреспонденция на имя посла не могла считаться неприкосновенной, ибо иначе любой гражданин, храня у себя преступные документы, мог бы держать их в конвертах, адресованных на имя какого-нибудь посла и тем самым обеспечить им неприкосновенность. Я отнюдь не оправдываю действий властей, вскрывших пакет, но могу этому противопоставить почти аналогичный факт со стороны германских властей. Обыск у уполномоченного нашего торгпредства в Мюнхене также не является формальным нарушением каких-либо обязательств, но в то же время он не может не задевать престижа нашего государства. Я полагаю, что этот обыск не в меньшей мере заслуживает осуждения, чем вскрытие пакета посла. Я, однако, не склонен заниматься анализом всевозможных взаимных мелких претензий, которые совершенно бледнеют перед более крупными фактами из области взаимоотношений. К этим фактам должен быть отнесен в первую очередь приговор по делу фальшивомонетчиков и возмутительная травля СССР почти во всей германской печати. Я вполне ценю заверение Курциуса в лояльности и неизменности германской внешней политики, но, очевидно, германская пресса и общественное мнение судят об этой политике иначе, и молчание германского правительства очевидно истолковывают как сочувствие травле СССР. Пока Курциус освободится от своих текущих забот и займется продумыванием проблемы советско-германских отношений, антисоветская кам-

пания в германской прессе будет продолжаться и, может быть, усиливаться, а затем г. Курциус заявит, что он обязан считаться со своим общественным мнением, формированию которого он сам содействовал своим молчанием и своим безучастным отношением. Вот почему я не могу считать себя успокоенным сегодняшним сообщением г. посла. Одно то, что г. Курциус считает теперь нужным вновь продумывать проблему советско-германских отношений, указывает на наличие изменений в этих отношениях.

4. Дирксен больше не возражал и робко спрашивал, что же по моему мнению надо предпринять. Подумав немного и оговорившись, что он отнюдь не делает каких-либо предложений, а делится со мной лишь своими мыслями, спросил, не считал ли бы я полезной поездку в Берлин кого-нибудь из членов Политбюро. Разговоров между деятелями обоих иностранных ведомств между ним и мною и между Курциусом и Шубертом с Крестинским, очевидно, недостаточно, и требуются объяснения между вышестоящими лицами (это предложение является откликом изложенного в каком-то секретном германском документе мнения о совершенной неавторитетности Чичерина, Литвинова и всего НКВД, и о Политбюро и ОГПУ, как действительных руководителей внешней политики). Я напомнил Дирксену, что Политбюро не правительственное, а партийное учреждение, которое ни в каких сношениях с Германией не состоит, и что переговоры могут вестись лишь между представителями правительств. Дирксен, спохватившись, сказал, что он имел ввиду членов Совнаркома, являющихся в то же время членами Политбюро. Я заметил, что инициатива и факты поворота в отношениях исходят от Германии и что поэтому не нам ездить давать какие-либо объяснения. Я напомнил Дирксену о недавнем намеке Твардовского на возможность приезда сюда кого-нибудь из членов германского правительства и сказал, что если бы он приехал, то имел бы возможность говорить не только со мной, но и другими членами правительства. Я снова указал Дирксену, что сейчас дело не только во взаимных заверениях в лояльности между членами правительств, но в публичном занятии какой-нибудь определенной позиции германским правительством перед лицом разворачивающейся в Германии антисоветской кампании и имевших место антисоветских выступлений германских властей.

Литвинов

Помета: т. Стал[ину].

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 66-69. Копия.

¹ С 6 по 8 февраля 1930 г. в Берлине проходил процесс по делу группы фальшивомонетчиков, изготовлявших червонцы. Ряд обвиняемых был оправдан, дела других прекращены по амнистии.

² “Союз красных фронтовиков” – организация рабочей самообороны в Германии (1924–1939 гг.), с 1925 г. ее возглавлял Э. Тельман, с 1929 г. на нелегальном положении.

³ Блюхер Василий Константинович (1890–1938) – в 1921–1922 гг. военный министр, главнокомандующий и член военного совета армии Дальневосточной Республики, в 1924–1927 гг. главный военный советник при китайском революционном правительстве, в 1929–1938 гг. командующий Особой дальневосточной армией.

⁴ Керенский Александр Федорович (1881–1970) – адвокат, эсер, во Временном правительстве – министр юстиции (март–май 1917 г.), военный и морской министр (май–сентябрь), с июля 1917 г. министр-председатель и с августа верховный главнокомандующий. После Октябрьской революции в эмиграции.

⁵ Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – историк, публицист, один из организаторов партии кадетов, в 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства. После Октябрьской революции в эмиграции.

⁶ “Друзаг” – советско-германское акционерное общество семеноводства. По концессионному договору 1927 г. ему предоставлялось право осуществлять “сельскохозяйственную и подсобную деятельность” на территории Северо-Кавказского края, получая соответствующую прибыль. В феврале 1930 г. руководство концессии предстало перед советским судом по обвинению в нарушении кодекса законов о труде, и руководители были приговорены к штрафу. Германское посольство расценило приговор как попытку ликвидации концессии. По специальному соглашению между СССР и “Друзаг” действие концессионного договора было прекращено 22 декабря 1933 г. и предприятие было передано СССР.

⁷ В связи с коллективизацией в СССР летом и осенью 1929 г. крестьяне, преимущественно из меннонитских поселений в Сибири, отличавшихся глубокой религиозностью, начали выезжать из Советского Союза. Германское правительство заявило о готовности принять переселенцев.

№ 159

*Протокол № 27 заседания коллегии НКВД СССР**

28 марта 1930 г.

Сов. секретно

Экз. № 6

Присутствуют: гг. Литвинов, Карахан, Ротштейн и Стомоняков.
Секретарь т. Короткин¹.

Слушали:

Постановили:

1. О списке немецких претензий.

1. а) Поручить т. Штейну составить записку по всем пунктам врученных нам немецких претензий.

* Копии направлены Г.В. Чичерину, М.М. Литвинову, Ф.А. Ротштейну, И.В. Сталину, А.И. Рыкову, Б.С. Стомонякову.

- б) Предложить полпреду в Берлине немедленно вручить Аусамту список наших контрпретензий с оставлением за собой права дополнения его в дальнейшем, поручив 2-му Западному отделу составить немедленно дополнительный список наших контрпретензий (Литвинов, Штейн).
2. Торговое соглашение с Англией. Потребовать от полпреда в Лондоне сообщения по телеграфу полного текста спорных статей проекта торгового соглашения с Англией (Литвинов).
3. О торговой политике СССР в отношении капиталистических стран. Одобрить предложенные комиссией НКВД тезисы по вопросу о торговой политике СССР в отношении капиталистических стран с поправками и дополнениями, принятыми на коллегии, поручив т. Стомонякову совместно с ДПО⁵ составить окончательную редакцию их.
4. О взаимоотношениях с Венгрией (предложение Исмета²). Сообщить т. Сурицу⁶ об абсолютной неприемлемости предложения Исмета о передаче туркам (или какой-либо иной стране) защиту интересов СССР и Венгрии в обеих странах (Литвинов).
5. О почтовых посылках.
- а) Согласиться на предоставление полякам транзита посылок через СССР за компенсацию в области понижения железнодорожных тарифов на наши транзитные товары.
- б) Считать возможным согласиться на предоставление Австрии транзита посылок через СССР в обмен за заключение санитарной конвенции или подписание ветеринарного протокола.
- в) Затянуть переговоры с Японией до заключения посылочных конвенций с Австрией и Польшей.
- г) Поставить совместно с Наркомторгом вопрос о почтовом транзите в ПБ (Сабанин).

6. О допущении иностранных фирм к совершению экспортно-импортных сделок на территории СССР.

7. О концессии "Симп" (присутствуют) гг. Ганецкий и Скобелев).

8. О финском посланнике.

9. О высылке Берты Ашман³.

10. О визах германскому журналисту Тейле и представителю "Локальандцейгер" Зорге⁴.

11. О шифровках т. Аренсу.

Полагать, что декрет от 12.04.1923 г. не должен применяться к отдельным сделкам, совершаемым между приезжающими в Москву представителями иностранных фирм и импортными и экспортными объединениями, входящими в Наркомторг (Сабанин, Розенблюм).

а) Считать ликвидацию концессии нежелательной.

б) Признать целесообразным взятые Главконцесскомом обратно своего предупреждения при условии отказа концессионера от требования арбитража.

в) Обусловить, что концессия обязана на позднее 1 сентября зафиксировать окончательный срок постройки завода по производству киноплёнки, считая возможным одновременно удовлетворить частные просьбы концессионера (об освобождении его от принудительной уплаты причитающегося с концессии налога, о разрешении безвалютного ввоза целлюлозы и валютного ввоза камфары на общую сумму не свыше 75 тыс. руб.) (Рубинин⁷).

Сообщить тов. Майскому о предпочтительности для нас в качестве финского посланника Ирэ-Коскинена⁸, но в крайнем случае не возражать против назначения таковым Хакселя⁹ (Карский¹⁰).

Настаивать перед ВЦИКом на замене заключения высылкой Берты Ашман из пределов СССР (Стомоняков, Карский).

а) Выдать визу для въезда в СССР германскому журналисту Тейле.

б) Во изменение постановления коллегии от 26 марта с.г. (протокол № 26, п. 14) разрешить Зорге проезд в СССР (Ротштейн, Френкель¹¹).

Разрешить т. Аренсу знакомиться с шифровками, представляющими интерес для Отдела печати (Ротштейн).

Б. Короткин

¹ Короткин Борис Ильич – помощник главного секретаря коллегии НКВД СССР, затем заведующий консульским отделом полпредства СССР в Литве.

² Инёню Исмет (1884–1973) – в 1923–1924, 1925–1937, 1961–1965 гг. премьер-министр Турции, в 1938–1950 гг.: президент Турции.

³ Ашман Берта – сотрудница Торгового бюро Латвии в Москве. Речь идет о том, что в августе 1929 г. в Москве состоялся судебный процесс над двумя гражданами Латвии, обвиненными в контрабанде.

⁴ Зорге Вольфганг (1891–?) – немецкий журналист, в 1919 г. находился в Советской России, в 1920–1921 гг. в балканских государствах и Польше, в 1930 г. в СССР.

⁵ Договорно-правовой отдел НКВД СССР.

⁶ Суриц Яков Захарович (1882–1952) – в 1919–1921 гг. полпред РСФСР в Афганистане, в 1922–1923 гг. советский представитель в Норвегии, в 1923–1934 гг. полпред в Турции, в 1934–1937 гг. в Германии, в 1937–1940 гг. во Франции.

⁷ Рубинин Евгений Владимирович (1894–1981) – в 1928–1935 гг. помощник заведующего, заведующий 3-м Западным отделом НКВД СССР.

⁸ Ирье-Коскинен (Юрьё-Коскинен) Аарно (1885–1951) – в 1931–1940 гг. посланник Финляндии в СССР.

⁹ Хаксель Антти (1881–1946) – в 1932–1936 гг. министр иностранных дел Финляндии.

¹⁰ Карский Михаил Андреевич (Брейтман, Краковский Мечислав Брониславович) (1900–1937) – сотрудник Разведупра штаба РККА, в 1925–1929 гг. помощник заведующего отделом Прибалтийских стран и Польши, в 1929–1930, 1936–1937 гг. заведующий 1-м Западным отделом НКВД СССР, в 1930–1936 гг. полпред СССР в Литве, в 1937–1938 гг. полпред в Турции.

¹¹ Френкель Давид Борисович – в то время сотрудник НКВД СССР.

№ 160

*Письмо Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову
о новом правительстве Германии
и о позиции германской прессы в отношении СССР*

№ 434/11/к

6 апреля 1930 г.

Секретно

Тов. Литвинову*

Многоуважаемый Максим Максимович,

1. Вы пишете, что менее оптимистично, чем т. Бродовский расцениваете отношение нового германского правительства к нам, я согласен с Вами в том отношении, что и старое правительство при участии соц.-демократов, несмотря на их ненависть к нам, не стало бы руководиться этим чувством при определении внешней политики Германии по отношению к СССР.

* Копии направлены членам Политбюро ЦК ВКП(б).

Но я не испытываю особенного страха перед новым правительством. В нем 4 новых человека: Брюнинг¹, Тревиранус², Бредт³ и Шиле⁴. Шиле был уже в двух кабинетах – последнем кабинете Маркса и в первом кабинете Лютера. В кабинете Лютера он был министром внутренних дел, длилось это, примерно, 8 месяцев, в кабинете Маркса он около полутора лет был министром земледелия и продовольствия. В обоих случаях, проявляя довольно малую осведомленность о положении в СССР, он в то же время держался дружелюбно по отношению к нам. Представитель хозяйственной партии министр юстиции Бредт все время был демонстративно дружелюбен с нами, боролся против вступления Германии в Лигу наций. Таким образом, два из новых министров, если, конечно, последние недели общей травли против нас не изменили их настроений, являются положительными по сравнению с соц-демократами, пришельцами в правительстве. Брюнинга и Тревирануса я лично еще не знаю. Тревиранус в бытность его генеральным секретарем Дойч-национале (до прихода к власти Гугенберга⁵) считался человеком ярко английской ориентации. Может быть, сейчас, когда в Англии у власти не консерваторы, а рабочая партия, его англофильство несколько потускнело. Постараюсь выяснить это у его товарища по партии Гётча.

Наконец, сам Брюнинг. Он – центровик, и это минус, но он представитель рабочего крыла партии Центра, так что не “Германия”, а скорей “Дер дойче” является его органом. Поэтому нельзя относить на его счет резко враждебные нам статьи, появляющиеся в “Германии”. Собственником “Германии” (вернее, главным владельцем) является правый центровик фон Папен⁶, который в свое время вместе с другим правым центровиком Ленертом⁷ упорно голосовал в прусском ландтаге вопреки постановлениям партии Центра против правительства Отто Брауна. Папен проводит линию Ватикана, является одним из инициаторов собрания в “Херренклубе” и травит нас в “Германии”. Брюнинг за это непосредственной ответственности не несет. В ближайшем будущем постараюсь познакомиться с Брюнингом, по всей вероятности, нанесу ему визит.

Как само правительство говорит о своем отношении к СССР? Я писал уже Вам о своем разговоре с Курциусом 31 марта, в котором Курциус, со ссылкой на свой разговор с Брюнингом заверил, что политика германского правительства по отношению к СССР будет развиваться по линии Рапалльского и Берлинского договоров. На другой день Брюнинг прочитал декларацию правительства. В декларации СССР не был назван по имени, но в ней не была названа по имени ни одна страна. Таким образом,

неупоминание СССР не является одиозным умолчанием. В декларации было сказано, что новое германское правительство будет верно соблюдать все заключенные прежними правительствами договоры и что оно будет развивать все существующие договоры о дружбе. Так как договоры о дружбе заключены в первую голову с СССР, то в этом смысле декларация не может быть истолкована в неблагоприятном для нас смысле. На другой же день Ку⁸ и другие американцы передавали нашим товарищам, что Аусамт в разговоре с ним именно так интерпретировал декларацию Брюнинга. На другой же день после прочтения декларации в номере официальной “Дойче дипломатиш-политише корреспонденц”⁹ от 2 апреля определенно говорится, что декларация имеет в виду сохранение договоров с Советским Союзом. Номер бюллетеня прилагаю¹⁰. Далее, в пятницу 4 апреля, отвечая на запрос одного из иностранных журналистов, Курциус перед лицом приблизительно 100 иностранных журналистов заявил, что то место декларации Брюнинга, в котором говорится об органическом развитии существующих дружелюбных отношений, имеет в виду их в первую голову с СССР. Тут же он выразил сожаление по поводу резкого тона германской и советской прессы и сказал, что происходящие сейчас разговоры, сведения о которых вследствие имевшей, к сожалению, место индескретности, попали в печать, имеют целью улучшение отношений между СССР и Германией.

Наконец, вчера или позавчера в “Лейпцигер Нойесте Нахрихтен” появилась статья влиятельного дойче-национального политика, близко стоящего к Гугенбергу депутата Кваца (его знает лично Стомоняков), в которой Квац выступает против травли СССР, высказывается в общем за сохранение дружелюбных отношений между двумя преследуемыми Лигой наций странами – Германией и СССР.

Из всех этих отдельных моментов я вывожу заключение, что новое правительство в целом склонно поддержать Курциуса в его желании продолжать рапальскую линию наших отношений, сохранить в германских руках советскую карту.

2. 3 апреля в номере “Последних новостей”¹¹ появилась длинная статья “Дом № 7 по Унтер ден Линден”¹². Подписана статья инициалами А.Н. и имеет подзаголовок “Письмо из Берлина”. Статья пытается дать ряд фактических данных, которые подтвердили бы близость к нашему посольству, а следовательно, и осведомленность автора статьи. Но в то же время есть в статье и такие вещи, которые для меня ясно указывают, что автор статьи к числу работающих у нас или бывавших у нас в доме людей не принадлежит. Так, в статье приводится алфавитный список

наших сотрудников (кстати, у нас такой список не ведется, и в Аусамт мы уже более 2-х лет такого списка не посылаем). В этом списке после фамилии т. Бронской¹³ в скобках указано “падчерица Братмана-Бродовского”. Всем работающим в нашем доме хорошо известно, что т. Бронская и Бродовский ни в каком родстве или свойстве не состоят. Но зато, очевидно автор близок к немецким или старым польским революционным кругам, ибо ему известно, что у Бродовского есть падчерица Бронская (дочь московского М.Г. Бронского¹⁴). Когда я справился у соседей¹⁵, то оказалось, что по их сведениям автором статьи является некий Вакар¹⁶, живший когда-то в Варшаве и связанный в прошлом с польскими социал-демократами, который сейчас состоит при Беседовском¹⁷ и совместно с ним разрабатывает и составляет всякого рода разоблачительные документы и статьи. Под этим углом зрения все происхождение статьи становится совершенно понятным. Список дипломатических сотрудников взят из официального печатного списка Аусамта от июля 1929 г. Список недипломатических сотрудников, по-видимому, получен в Аусамте, ибо сотрудник “Руля” Татаринов¹⁸, связанный с Вакаром, имеет хорошие персональные отношения с некоторыми работниками Аусамта. Такой список, как приведен в статье, с фамилиями некоторых, даже уже уехавших и в то же время с фамилиями недавно приехавших людей может существовать только в Аусамте, где, очевидно, не очень аккуратно вычеркивают фамилии уехавших. А может, мы и не всегда нотифицируем о приезде и отъезде малозаметных сотрудников, например, курьера охраны Зубкова, шифровальщика Петрова и т.п. Все же остальное в этой статье является букетом неправдоподобных и не соответствующих действительности фантазий.

Но “Тель унион” 3-го числа распространил в своем бюллетене очень длинную и пикантную выжимку из этой статьи, а некоторые газеты, в первую голову “Германия”, 4 апреля перепечатала сообщение “Тель униона” с крепкими редакционными добавлениями.

По просьбе Ку я тут же дал ему не опровержение, чего я по отношению к “разоблачениям” эмигрантской прессы не хочу, а выражение своего крайнего изумления, что большое агентство и солидная газета позволяет себе передавать клеветнические измышления эмигрантских журналистов.

Затем я позвонил Шуберту и, сославшись на просьбы Курциуса и самого Шуберта сообщать непосредственно им, если в печати появится что-либо особенно возмутительное, обратил его внимание на статью “Германии” и просил в связи с ней, во-первых, дать через Отдел печати Аусамта указание газетам не пере-

печатывать этой гнусности, а, во-вторых, выступить в бюллетене Вольфа с каким-нибудь заявлением от имени Аусамта, которое дало бы газетчикам понять, что подобного рода писания правительству нежелательны и терпимы впредь не будут.

Шуберт ответил мне, что он сам утром еще до моего звонка обратил внимание на статью в “Германии” и что на конференции печати даны уже соответствующие указания, так что дальнейшего распространения статьи “Последних новостей” в германской печати не получит. Что касается моего второго пожелания, то он обсудит, что еще можно предпринять и в какой форме.

Часов в 5 дня он позвонил ко мне и сказал, что после разговора со мной он совещался с товарищами по работе, дал новые дополнительные указания прессе и аранжировал кое-что такое, что нас, по его мнению, удовлетворит. Я спросил, будет ли это заявление ВТБ, примерно, в таком роде, как было по поводу допущенного “Форвертсом” оскорбления Хорти¹⁹? Шуберт ответил, что такого рода выступление они признали нецелесообразным, но что, в общем, мы останемся, вероятно, довольны.

Примерно через полчаса Курциус выступил на приеме иностранных журналистов с выражением сожаления по поводу резкого тона германской и советской печати и с заявлением о желании германского правительства развивать дружелюбные отношения с СССР. Об этом выступлении я в субботу утром протелеграфировал Вам и упомянул вкратце в первом пункте настоящего письма. Немного подробнее пишет, вероятно т. Штерн²⁰. Увязывая это выступление с обоими моими разговорами в тот день с Шубертом, я думаю, что инициатива этого выступления Курциуса принадлежит Шуберту. Конечно, и Курциус, и Шуберт преследовали не только цель одернуть несколько прессу. Они надеются, что этим выступлением Курциус сможет козырять в наших дальнейших разговорах считая, что он частично выполнил наше требование об открытом выступлении.

К сожалению, заявления на приемах иностранных журналистов считаются полудоверительными. Не допускается ничего записывать, нельзя также в прессе ссылаться на эти выступления. Поэтому, хотя выступление Курциуса происходило на собрании почти 100 журналистов и хотя оно получит широкий резонанс, ссылаться на него мы в печати все-таки не можем. Оно, конечно, менее секретно, чем заявление Курциуса на комиссии по иностранным делам, но использовать его в печати ни мы, ни немцы, ни другие не могут.

3. Вчера (в субботу, 5-го) приблизительно в половине шестого вечером ко мне позвонил Шуберт и сказал, что он по поручению

Курциуса хочет сговориться о нашем следующем свидании. Так как первые дни на наступающей неделе Курциус будет очень сильно занят в парламенте, то он предлагает встретиться в пятницу 11-го. Я ответил согласием, но прибавил, что в понедельник 7-го навещу в таком случае, Шуберта, чтобы передать ему предварительный список наших претензий. Шуберт просит прийти не в понедельник, а во вторник.

Таким образом, во вторник 8-го я вручу Шуберту список наших претензий, а 11-го будем говорить с Курциусом на политические темы. Использую при этом запись Вашего разговора с Дирксеном и Ваше последнее письмо.

При свидании с Шубертом переговорю об использовании дат 16 и 24 апреля. Это даже удобнее сделать с Шубертом, ибо Шуберт чрезвычайно гордится своим авторством Берлинского договора и будет, вероятно, более, чем Курциус, склонен пойти навстречу моим предложениям.

4. Выше я упомянул о наших претензиях к германскому правительству. Мы разбиваем эти наши претензии, как и немцы, на ряд категорий. Наши претензии судебно-политического характера составляли Якубович и Раппопорт. Претензии, связанные с прессой, – Штерн и Бродовский. Тов. Бродовский проработал список наших претензий, связанных с экономической деятельностью торгпредства. В этом отношении ему помогали гг. Ленгиель, Раппопорт и Твердынин²¹. Наконец, вместе с т. Лоренцом т. Бродовский извлек из наших дел еще несколько претензий различного рода, в том числе и ряд враждебных нам политических выступлений германских официальных лиц. Все эти материалы пока еще носят еще не окончательно обработанный характер, представляют из себя больше списки претензий, чем подробное изложение самых претензий. Вам мы высылаем сегодня по 2 экз. всех этих списков (1 – в Ваш адрес, другой – в адрес Штейна). Завтра мы еще подработаем эти списки, может быть, снабдим уже конкретными материалами, и во вторник я вручу их Шуберту.

Как Вы увидите из этих списков у нас здесь почти нет претензий консульско-паспортного характера. Это объясняется тем, что всякого рода отказы в визах, как в тех случаях, когда НКВД поддерживал ходатайства, так и при непосредственном обращении наших граждан или организаций в германское посольство, известны лучше НКВД, чем нам, и регистрируются в НКВД. Мы думаем поэтому, что в тех дополнениях, которые мы получили из Москвы, мы будем иметь изрядное количество нарушений немцами договора в визовых делах.

5. Передавая в прошлом письме о ряде встреч на открытии дома печати, я забыл упомянуть, что в числе гостей был президент Данцига Заам²². Он сидел там рядом со мною, очень дружелюбно говорил о СССР, передавал воспоминания о своем пребывании в Москве и Харькове, и говорил, что будет на днях принимать в качестве гостя т. Антонова-Овсеенко.

6. В своем вчерашнем разговоре с Шубертом, который происходил уже после нашего с Вами телефонного разговора, я сказал Шуберту, что Вы просили меня передать ему и Курциусу Ваше приветствие в связи с открытием телефонного сообщения Москвы и Берлина. Шуберт благодарил и обещал передать Ваш привет Курциусу.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

Помета: т. Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 95–101. Копия.

¹ Брюнинг Генрих (1885–1970) – в 1921 г. издатель газеты “Дойчланд” (“Германия”), премьер-министр Пруссии, депутат рейхстага Германии с 1924 г. и один из лидеров Немецкой партии Центра, рейхсканцлер в 1930–1932 г., в 1931 г. министр иностранных дел Германии. С 1933 г. в эмиграции.

²Тревиранус Готфрид (1891–1971) – в 1924–1933 г. депутат рейхстага Германии, в 1930 г. министр без портфеля в правительстве Германии, в 1931–1932 г. министр транспорта Германии.

³Бредт Иоганн (1879–1940) – в 1930 г. министр юстиции Германии.

⁴Шиле Мартин (1870–1939) – в 1920–1930 гг. депутат рейхстага Германии, в 1925 г. министр внутренних дел, в 1927–1928 гг. и в 1930–1932 гг. министр сельского хозяйства и продовольствия Германии.

⁵Гугенберг Альфред (1865–1951) – германский политик и промышленник, владелец нескольких газет и киномагнат (“Универсумфильм” – УФА), с 1920 г. депутат рейхстага Германии, в 1928–1933 гг. председатель Немецкой национальной народной партии. В 1933 г. министр хозяйства, министр сельского хозяйства и продовольствия Германии.

⁶Папен Франц (1879–1969) – в 1920–1928 и в 1930–1932 гг. депутат прусского ландтага, в июне–ноябре 1932 г. рейхсканцлер Германии, в январе–ноябре 1933 г. вице-канцлер, в 1933–1934 гг. уполномоченный правительства по делам Саарской области. В 1934–1938 гг. посол в Австрии, в 1939–1944 гг. посол в Турции.

⁷Ленерт Роберт (1873–1940) – в 1918–1925 гг. обер-бургомистр Ганновера, в 1921–1933 гг. депутат прусского ландтага от СДПГ.

⁸Ку Фредерик (1895-?) – американский журналист, корреспондент в Берлине, неоднократно бывал в Москве, поддерживал контакты с советским полпредом в Германии.

⁹“Немецкая дипломатико-политическая корреспонденция” (нем.) – бюллетень.

¹⁰Приложение в АП РФ отсутствует.

¹¹“Последние новости” – ежедневная эмигрантская газета издавалась в 1920–1940 гг. в Париже.

¹² Адрес советского полпредства в Берлине.

¹³ Шмойш-Бронская Бронислава Иосифовна (1899–1937) – технический секретарь полпредства СССР в Германии, затем секретарь заместителя наркома иностранных дел СССР Н.Н. Крестинского и заместителя главного секретаря НКВД СССР.

¹⁴ Бронский Мечислав Генрихович (1882–1938) – с 1924 г. член совета по государственному финансам, член коллегии Наркомата финансов СССР и Наркомторга СССР, затем научный сотрудник в Коммунистической академии и в Институте мировой экономики.

¹⁵ Имеются в виду сотрудники ОГПУ.

¹⁶ Вакар Николас (Николай Платонович) (1894–1970) – журналист из ежедневной эмигрантской газеты “Последние новости”, издававшейся в Париже в 1920–1940 гг., затем уехал в США.

¹⁷ Беседовский Григорий Зиновьевич (1896–1951) – в 1927 г. советник полпредства СССР во Франции. В 1929 г. бежал из полпредства СССР в Париже, сотрудничал в эмигрантской печати.

¹⁸ Татаринцов Владимир Евгеньевич (1892–1962) – офицер, участник белого движения, кадет, в 1920 г. эмигрировал из России, обосновался сначала в Берлине, затем в Париже.

¹⁹ Хорти де Надьбанья Миклош (1868–1957) – регент Венгрии в 1920–1944 гг.

²⁰ Штерн Давид Григорьевич (1900–1937) – в 1928–1931 гг. экономист, заведующий бюро печати полпредства СССР в Германии, в 1932–1936 гг. заведующий II Западным отделом НКВД СССР.

²¹ Твердынин С.А. – советский дипломат.

²² Заам Генрих (1887–1939) – немецкий юрист, в 1919–1920 гг. обер-бург-о-мистр Данцига, в 1920–1930 гг. президент Сената и глава Данцига.

№ 161

*Письмо Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову
о беседе с Ю. Курциусом по политическим проблемам
советско-германских отношений*

№ 12/к

11 апреля 1930 г.
Секретно

Тов. Литвинову

Многоуважаемый Максим Максимович,

Настоящее письмо я посвящаю только моему разговору с Курциусом и не буду поэтому отдельно записывать разговор с ним.

Готовясь к сегодняшнему разговору, я решил взять первое слово и в сравнительно длинной речи изложить нашу точку зрения, что германское правительство должно публично выявить свою позицию. Я продиктовал вчера проект этого своего первого устного заявления. А вечером подготовил уже в устном порядке немецкий перевод этого заявления.

Однако сегодня мне пришло в голову, что если я буду делать получасовое устное заявление, то Курциус будет меня перебивать и, может быть, лишит меня возможности довести мою речь до конца в том объеме, как я это предполагал. Поэтому я решил приготовить письменный немецкий текст заявления и его прочитать.

Придя к Курциусу я попросил его дать мне первое слово. После нашей первой беседы, сказал я, я сообщил ее содержание в Москву и получил оттуда указание, но не имел до сих пор случая изложить Вам подробно нашу точку зрения. Я набросал вчера кратко ход моих мыслей по вопросу о советско-германских отношениях и хочу их Вам изложить. Я не хочу, однако, затруднять Вас длинной речью на моем не вполне правильном немецком языке, поэтому прошу разрешения прочесть Вам мой вчерашний набросок. Это не меморандум, не какой-либо документ, это просто записанное для технического удобства изложение моей речи.

После того, как Курциус выразил согласие, я попросил тов. Бродовского прочитать вслух имевшийся у него немецкий экземпляр. Перевод последней страницы у нас не был еще готов, поэтому последнюю часть я изложил уже сам устно. Прилагаю 3 экз. этого зачитанного нами заявления. В то время, когда т. Бродовский читал, Шуберт спросил его, получит ли он потом один экземпляр. Я ответил, что это не какой-либо документ, а лишь для технического удобства записанная моя речь. Я не редактировал ее с такой строгостью, какой редактируются передаваемые документы, не просматривал в окончательном виде я и перевода. Поэтому я затруднился бы передать ему текст. После этого Шуберт продолжал делать подробные заметки по содержанию читаемого Бродовским манускрипта. Делал у себя некоторые заметки и Курциус. По окончании чтения и устного изложения мною последней части я сделал еще несколько коротких замечаний в развитие общего духа документа.

Я очень доволен, что начал разговор с этого своего подробного заявления, так как иначе, как показал дальнейший ход разговора, дело ограничилось бы малозначущими разговорами по отдельным несущественным вопросам.

Если Вы, по ознакомлению с текстом моего заявления, признаете желательным, чтобы немцы имели его в подлиннике, я, несколько обработав редакционно, могу отослать его Шуберту. Следите однако, по немецкому тексту, так как при переводе первоначального русского проекта я делал некоторые сокращения и изменения.

Когда я кончил мое слово, Курциус сказал следующее: Я хочу еще до Пасхи иметь с Вами следующий разговор из цикла наших

политических разговоров. Если Вы не возражаете, я предложил бы вторник, 16-го. К этому времени я обдумаю то, что Вы сказали, и дам Вам исчерпывающий ответ на изложенную Вашу точку зрения. Сегодня же я лишь бегло остановлюсь на некоторых затронутых Вами вопросах.

Я тоже получил сегодня телеграмму из Москвы от г. Дирксена, он сообщает, что получил ответ от г. Литвинова на ряд заявленных нами жалоб. Он не пишет подробно, какой именно ответ получил, поэтому я не могу уже сейчас присоединиться к Вашему заявлению, что эти ответы должны нас вполне удовлетворить. Я, однако, надеюсь, что на этом пути мы достигнем удовлетворения в значительной части наших претензий. Я точно также убежден, что и по заявленным Вами претензиям мы дадим Вам возможное удовлетворение. Соответствующий отдел Аусамта приступил уже к изучению представленного Вами материала, и так скоро, как только это будет возможно, мы начнем сообщать Вам наши ответы. Я думаю, Вы не будете настаивать, чтобы я непосредственно с Вами разбирал все эти жалобы. Это сделают ответственные работники Аусамта с членами Вашего посольства.

Из телеграммы г. Дирксена я знаю, что без ответа остались пока некоторые наши вопросы, относящиеся к договору о поселении и к хозяйственным делам. Я понимаю, что это вопросы наиболее трудные, ибо за это время в структуре хозяйства СССР произошли изменения, и многое в наших соглашениях не вполне соответствует этой структуре. Мне кажется, что нам придется составить небольшую объединенную комиссию, которая бы просмотрела эти соглашения с целью приспособить их к изменившейся обстановке, раз невозможно обстановку приспособить к этим соглашениям.

Теперь же позвольте мне перейти к некоторым отдельным вопросам.

А) Г-н Шуберт говорил с Вами вчера по поводу того, что в коммунистической типографии, изготовлявшей листки для солдат рейхсвера, арестованы двое немецких сотрудников торгпредства, и в связи с этим разговором я хочу коснуться общего вопроса.

Я прервал Курциуса. Не г. Шуберт говорил со мною, а я апеллировал по телефону к г. Шуберту по поводу неверных сообщений газет "Темпо" и "Фоссише Цайтунг". В этих газетах под сенсационными заголовками появились сообщения об аресте сотрудников торгпредства с намеками на участие торгпредства во всем этом деле. Я сообщил г. Шуберту, что, во-первых, сообщения газет фактически неверны, что ни один из сотрудников торгпредства не арестован, а что тот арестованный, фамилия которого

названа в газетах, как сотрудника торгпредства, в торгпредстве не работает, уволен оттуда более двух лет тому назад. Вместе с тем я обратил внимание г. Шуберта на то, что на основании существующей между нами и германским правительством договоренности мы не отвечаем за действия наших немецких сотрудников, совершенные ими вне наших служебных помещений.

Курциус продолжал: Я очень рад, если действительно сообщение окажется ложным и никто из сотрудников торгпредства не арестован. Но раз уже этот вопрос случайно встал в порядок дня нашего разговора, то я хотел бы внести в этот вопрос полную ясность. Я понимаю, что Вы вправе иметь на службе немецких коммунистов, так же, как коммунисты имеются среди немецких чиновников и среди служащих и рабочих германских фирм. Но на общественное мнение будет производить тяжелое впечатление, если изо дня в день отдельные немецкие сотрудники торгпредства будут арестовываться по обвинению в нарушении немецких законов. Поэтому необходима чрезвычайная осторожность в подборе сотрудников из числа коммунистов.

Я согласился с Вами, что на основании протокола от 3 августа 1924 г. торгпредство не несет ответственности за деятельность своих немецких сотрудников вне стен торгпредства. Но имеется еще обмен нотами от 12 октября 1925 г. В ноте советского правительства говорится об ответственности торгпредства за то, что его сотрудники не будут заниматься пропагандой и агитацией без оговорки о том, что эта ответственность не распространяется на германских граждан. Я поэтому понимаю дело так, что советские органы вправе иметь на службе коммунистов, что они не могут фактически нести ответственности за внеслужебную деятельность коммунистов, но что торгпредство принимает все меры к тому, чтобы его сотрудники немцы не занимались запрещенной политической деятельностью, и увольняет тех, которые в этой деятельности будут изобличены.

Я ответил Курциусу следующее. Я и мое правительство исходили и исходим из того, что основным документом для установления ответственности наших органов за деятельность их сотрудников является протокол от 3 августа 1924 г., которым был закончен конфликт именно по этому вопросу. Господин министр, конечно, понимает, что мы не можем обойтись в наших учреждениях без немецких сотрудников. Руководящий хозяйственный и технический персонал мы привозим из СССР. Но курьеры, уборщицы, дворники, шоферы, швейцары и т.п. работники приглашаются нами здесь на месте из немецких граждан. Господин министр, понимает, конечно, что мы не можем замещать эти должности соц-

демократами, нац-социалистами, немецкими националистами, к которым мы уже ввиду одной только их партийной враждебности к нам не можем питать полного делового доверия. Естественно, что значительное количество наших немецких сотрудников принадлежат к коммунистической партии.

Во избежание ненужных недоразумений мы, не будучи к этому обязаны никаким договором, не приглашаем к себе на службу никого из коммунистов, ведущих в общегерманском или в местном масштабе руководящую партийную работу. Точно также, если мы узнаем, что кто-либо из работающих у нас рядовых коммунистов связан хотя бы в самой незначительной степени с работой, могущей привести его к конфликту с судебными или полицейскими властями, мы расстаемся с таким сотрудником. Исходя из соображений целесообразности, не желая плодить конфликтов, не желая давать пищу недобросовестной сенсационной прессе, мы строжайшим образом подходим к подбору нашего немецкого служебного персонала. Но мы не признаем, чтобы мы в какой-либо мере были формально ответственны за то или иное действие какого бы то ни было из наших немецких сотрудников, совершенное им вне наших зданий в качестве независимого немецкого гражданина.

Курциус сказал, что он не вполне согласен с последним моим заявлением о полной нашей неответственности за какие бы то ни было действия, и он хотел бы, чтобы я при следующем свидании высказался по поводу согласования текстов протокола от 3 августа 1924 г. и ноты от 12 октября 1925 г.

На этом разговор по этому вопросу прекратился. Мы зачитали Курциусу текст опровержения, посланного торгпредством вчера в редакции "Темпо" и "Фоссише".

Чтобы не возвращаться больше к этому вопросу я, не в порядке передачи разговора, хочу сказать несколько слов по существу затронутого Курциусом вопроса. Конечно, при составлении текста ноты от 12 октября 1925 г. сделана некоторая ошибка. Но причина этой ошибки понятна. Неопубликованная нота от 12 октября 1925 г. заменила собой вовсе не протокол от 3 августа 1924 г., а ту статью договора от 6 мая 1921 г., в которой говорилось о невмешательстве наших сотрудников во внутреннюю германскую политику. В этой статье договора от 6 мая 1921 г., насколько я припоминаю (сейчас мне некогда искать текст), тоже не было проведено различие между нашими сотрудниками из советских граждан и немцами. Протокол от 3 августа 1924 г. явился дополнительным комментарием к статье договора от 1921 г. Как таковой он сохраняет свою силу и по отношению к более поздней ноте от 1925 г., заменившей соответствующую статью договора от

1921 г. Я проверю ссылку на договор от 1921 г. и, если окажусь прав, то эту точку зрения я буду защищать в разговоре с Курциусом 15 апреля.

Б) Далее, Курциус сказал: поскольку Вы затронули вопрос о вмешательстве нашей общественности в Ваши внутренние дела, позвольте мне привести Вам несколько контробвинений. Первый вопрос касается сотрудника Вашей телеграфной агентуры г. Розингера. Он был арестован в прошлом году на нелегальном собрании иностранных коммунистов. При обыске на дому у него найден был секретный циркуляр ЦК Германской компартии, полученный им, как выяснилось, на службе в агентуре ТАССа. Этот случай указывает, во-первых, на нелегальную деятельность г. Розингера, а во-вторых, на то, что Ваш ТАСС состоит в близких отношениях с немецкой коммунистической партией и получает оттуда секретные документы.

Мы с Бродовским, каждый в известной части, помнили историю с Розингером. Поэтому я тут же дал Курциусу необходимые объяснения. Розингер – венгерский гражданин. Был арестован на собрании венгерских коммунистов. Это собрание не имело никакого отношения ни к нашей, ни к Германской компартии. Арест был произведен лишь вследствие нарушения полицейских формальностей. Все арестованные предстали перед немецким судом (шнельрихтер). Последний сначала приговорил Розингера к высылке, но затем эта высылка была немецкими властями отменена. Таким образом, с Розингером все обстоит благополучно. Что же касается “связи” агентуры ТАССа с Германской компартией, то ТАСС, как всякая телеграфная агентура, должен получать свою информацию повсюду, от крайних левых, до крайних правых кругов включительно. В этом нет ничего незакономерного и ничего предосудительного.

В) Курциус вынул из своей папки следующую бумажку, предупредил, что вопрос еще интимнее, и прочитал мне две страницы, относящиеся к Гольденштейну¹. Там было написано, что Гольденштейн долгое время под различными фамилиями работал в различных наших венских учреждениях. Как там, так и в Берлине он занимался исключительно нелегальной коммунистической работой, главным образом, на Балканах. У него были различные связи с различными балканскими революционерами, в частности, с одним турком, с которым он встречался у “Вертгейма”² и передавал ему там деньги. По этому поводу имела жалоба от греческого посольства. По сообщению иностранной прессы, г. Гольденштейн является руководителем берлинского и вообще европейского отделения ГПУ. По сообщению работников Русско-

го отдела Аусамта, г. Гольденштейн никакой специальной работой в полпредстве не ведал, никогда не бывал в министерстве, даже не появлялся на обедах и других приемах, устраиваемых посольством.

Я ответил: Сообщение не соответствует действительности. Господин Гольденштейн никогда нигде под чужими фамилиями не работал. Он 2 или 3 года работал под настоящей фамилией в нашем венском посольстве, затем был переведен 2-м секретарем в наше посольство в Турции и прожил 2 года в Константинополе. Прямо из Константинополя он приехал в Берлин и около трех лет работал у нас в посольстве в качестве 2-го секретаря. Г-н Гольденштейн заведывал у нас консульским отделом, работники русского отдела и особенно паспортного отдела Аусамта должны были постоянно видеть его подписи на визах и паспортах, он вел неоднократные телефонные разговоры с работниками министерства и со многими из них был знаком, познакомившись на приемах в посольстве. Я припоминаю далее случай, как я лично познакомил г. Гольденштейна с г. министром Шмидт-Оттом³, проф. Фохтом⁴ и г. Ионасом, и он в качестве зав. консульским отделом провел всю работу по оформлению поездки двух германо-советских научных экспедиций – памирской и забайкальской. Г-н Гольденштейн человек кабинетно-научной складки. Он не особенно охотно посещает большие приемы, тем не менее со многими работниками Аусамта, и из германского общества, и из дипкорпуса он был знаком. Что касается сообщений “иностранной” печати относительно того, что г. Гольденштейн “руководитель ГПУ”, то эти сообщения идут не из серьезной иностранной печати, а из эмигрантских парижских листков. Это источник недостойный и недостоверный.

Курциус, по-видимому, удовлетворился данным ему объяснениями спросил лишь: а был ли он знаком с этим турком, Вы, вероятно, не знаете? Я ответил: г. Гольденштейн 2 года жил и работал в Константинополе, а перед тем 3 года в Вене, которая является огромным центром всякой иностранной эмиграции. Я допускаю, что у г. Гольденштейна могли быть знакомые среди турок. Не исключено, что кое с кем он встречался и в Берлине. Я не могу спросить об этом его, потому что он еще в конце прошлого года переведен на работу в Москву. Думаю, однако, что выяснение этого вопроса ни для Вас, господин министр, ни для меня не имеет серьезного интереса.

Г) Курциус вытащил из папки новую бумажку и сказал: Несколько месяцев тому назад в суде разбиралось дело инженера Людвига по обвинению в шпионаже. Там, между прочим, выяснилось, что один или двое из подсудимых встречались с сотруд-

ником полпредства по фамилии Александровский. Предполагается, впрочем, что это было вымышленное имя. Вы, вероятно, не в курсе этого дела и не знаете, был ли такой Александровский?

Мой ответ: по газетам я знаком с этим делом. У нас в полпредстве работал один г. Александровский. Он был первым секретарем посольства весной 1925 г. После этого он был назначен нашим посланником в Ковно, где пробыл более двух лет, затем свыше года был посланником в Гельсингфорсе, а теперь находится в Харькове в качестве уполномоченного НКВД при украинском правительстве. История с Людвигом относится к гораздо более позднему времени, чем 1925 г. и, естественно, что г. Александровский никакого отношения к этому делу не имеет. Это он мне подтвердил на мой вопрос при нашей встрече. Я выяснял этот вопрос и с другими сотрудниками полпредства, и пришел к выводу, что никто из них никакого отношения к делу Людвигу не имеет.

Д) В том же деле Людвиг, продолжал Курциус, один из свидетелей или обвиняемых показал, что он с 1922 по 1924 г. обучался в Москве в школе, организованной специально для немецких коммунистов, в которой проходили не только теоретические марксистские науки, но и военное дело, тактику гражданской войны и так называемые предметы, могущие иметь целью исключительно подготовку немецких коммунистов для революционной повстанческой работы в Германии.

Если бы это показание соответствовало действительности, то германское правительство, конечно, не могло бы остаться равнодушным и не заявить самого резкого протеста по поводу вмешательства в германские дела.

Я ответил, что по этому вопросу мне ничего не известно, что я должен предварительно снестись с Москвой.

Е) Далее Курциус взял новую папку и сказал: теперь перейдем к “Союзу красных фронтовиков”. Я не буду вновь говорить о приеме представителей “Союза красных фронтовиков” ген. Блюхером на Дальнем Востоке, меня сейчас интересует вопрос о предстоящем участии представителей красных фронтовиков на весенних маневрах Красной армии.

В Клаузице при обыске в помещении подгруппы нелегального “Союза красных фронтовиков” были найдены материалы, указывающие на то, что наиболее заслуженные “красные фронтовики” приглашаются на весенние маневры Красной армии.

9 февраля на собрании “Союза красных фронтовиков” в Майнгейме также говорилось о посылке 100 человек на маневры.

Если это предложение действительно имеется в виду осуществить и если на маневрах Красной армии будут присутствовать

делегаты запрещенной в Германии организации “красных фронтовиков”, в этом германское правительство усмотрит вмешательство во внутренние германские дела, и будет самым резким образом протестовать.

Можете ли Вы мне сказать, есть ли такое предположение?

Я ответил, что мне ничего подобного не известно, что я по этому вопросу должен снести с Москвой.

Ж) К этому же циклу вопросов о “красных фронтовиках” относилось сообщение Курциуса, что в хабаровской газете “Тревога” от 7 января 1930 г. напечатано приветствие “Союзу красных фронтовиков” за подписью какой-то полковой организации.

Я, естественно, ответил, что мне об этом деле ничего не известно, но что если это приветствие исходит не от командования, а от полковой организации, то вообще не может идти и речи о нашей ответственности. Я, во всяком случае, справлюсь.

З) Появилась еще одна папка, по-видимому, профсоюзовская. Из нее Курциус заимствовал указание на деятельность матросского клуба в Батуме, производящего обыски на немецких судах и контролирующего даваемую матросам пищу, а также историю о том, что в Одессе представители другого клуба снабдили некоего матроса Шлегера с немецкого парохода “Науйлия”⁵ (может быть, перевираю окончание названия судна) революционной коммунистической литературой для доставки в Болгарию. На это были жалобы со стороны болгарского правительства.

Я ответил, что обе жалобы относятся к деятельности независимых от советского правительства профорганизаций, при этом на территории Советского Союза. Никакой ответственности за действия профорганизаций мы не несем.

И) Последняя тема относилась к социалистическому соревнованию. Пусть социалистическое соревнование ограничивается рамками Советского Союза и преследует цели выполнения пятилетнего плана. Но советское правительство должно запретить договоры с иностранными организациями, в частности, в Германии.

Я ответил, что это старый вопрос, опять-таки относящийся к деятельности профорганизаций. Советское правительство за них не отвечает и не может давать им распоряжений по существу их деятельности.

Курциус возразил: Позвольте, но у вас все так тесно связано между собой – правительство, партийная организация и профсоюзы. Во главе всего стоит г. Сталин. Человек, который может себе позволить с решительностью, которой мы все удивляемся, повернуть так круто руль политики, как он это делает в вопросе

коллективизации и религии, должен быть всемогущ. Неужели он не может сделать такого маленького распоряжения, какого добиваемся мы в вопросе о социалистическом соревновании.

Я ответил: сила Сталина заключается в том, что он пользуется величайшим авторитетом широких рабочих масс. Но этот авторитет приобретается нелегко и недаром. Если бы Сталин пытался отдавать распоряжения, противоречащие классовому пониманию рабочих, если бы он запрещал им осуществлять в их профсоюзской негосударственной деятельности международные связи с рабочими других стран, он потерял бы свой авторитет и не был бы в состоянии проводить то строительство, которое осуществляется сейчас в Советском Союзе.

Я доведу до сведения Москвы Ваши пожелания по этому вопросу, но заранее могу сказать, что положительного ответа на этот вопрос мы дать не сможем.

После этого Курциус заговорил о нашем следующем свидании и предложил мне прийти к нему во вторник в 12 час. дня.

Я выразил изумление, что мы таким образом заканчиваем наш сегодняшний разговор. Я поставил во всю ширину интересующий нас основной политический вопрос об отношениях между Германией и СССР. Правда, Курциус с самого начала сказал, что мы продолжим разговор во вторник, но он тут же обещал в нескольких замечаниях ответить на мое первое слово. Я, однако, слышал перечень отдельных маловажных претензий, а по поводу моего вступительного слова не было ничего сказано.

Курциус развел руками и сказал: ну что ж делать, не успели, сделаем это во вторник.

Далее, сказал я, Вы в начале Вашей речи упомянули о необходимости приспособить существующие между нами соглашения к изменившейся обстановке хозяйственной жизни СССР. Как это я должен понять? Предполагаете ли Вы поставить вопрос о пересмотре отдельных частей торгового договора, или же речь идет о комментариях и истолкованиях к существующему договору.

Курциус ответил: в этом моем заявлении нет ничего нового. Я же, ведь, в самом начале предупредил, что третьей стадией наших разговоров будут разговоры на хозяйственные темы. Здесь придется коснуться и вопроса о торговом договоре. Я не думаю об изменении его, но мне кажется, что некоторые постановления уже устарели и нуждаются, может быть, в изменении. Нужно будет создать нам совместную комиссию, которая бы просмотрела относящиеся к этому вопросу постановления.

Мой ответ: Вряд ли имеет смысл начинать пересматривать отдельные статьи отдельных соглашений, ибо такая работа требует

много времени и может выйти за первоначально имеющиеся в виду рамки. Более правильный, по моему, путь это тот, который был применен в конце 1928 г., если вообще нужно ставить вопрос о дополнительном истолковании существующих между нами договорных отношений.

Когда Вы со мной говорили первый раз о третьей стадии наших разговоров, то я понял, и я думаю, что я не ошибся, что Вы имели в виду мероприятия к расширению хозяйственной связи между Германией и СССР в области экспорта, импорта, кредитов, займов и т.п. Сейчас же Вы говорите о другом.

Курциус: Вы поняли меня в прошлый раз совершенно правильно. Но я думаю, как мы сейчас параллельно рассматриваем общеполитический вопрос и отдельные вопросы, связанные с политикой, так и в третьей стадии наших разговоров мы будем говорить и о больших хозяйственных перспективах, и о приспособлении норм наших договоров к изменившейся обстановке.

На это я сказал, что эти разговоры могут вестись параллельно, но не должны протекать совместно. Разговоры о больших хозяйственных перспективах нам необходимо вести с ним, пересмотр же отдельных статей соглашений, если бы о таком пересмотре было достигнуто соглашение между обеими сторонами, должны вести специалисты этого дела и с их, и с нашей стороны.

После этого я выразил надежду, что во вторник я получу ответ по интересующему меня основному политическому вопросу.

Курциус ответил, что он в свою очередь рассчитывает, что я во вторник смогу дать ему разъяснения по некоторым интересующим его вопросам.

Я ответил, что необходимо письменно снестись с Москвой, и что поэтому у меня такой уверенности нет.

На этом мы расстались.

Мое впечатление таково: Курциус чувствует, что ему не удастся отказаться от требуемого нами выступления. Он боится, однако, что в кабинете будут возражать против того, чтобы он выступил прежде, чем ему удастся добиться от нас каких-либо уступок. Он поэтому хочет иметь возможность придти в кабинет с сообщением, что ему удалось урегулировать с нами большую или, по крайней мере, значительную часть спорных вопросов. Поэтому он тянет. Если он даже даст 15-го числа какое-либо согласие, то это будет уже страстная неделя, когда не будет, вероятно, заседать правительство, когда не будет рейхстага, и вообще до 1 мая вряд ли будет возможность осуществить выступление, может быть, даже он выжидает специально, чтобы прошло 1 мая, думая, что мы, не желая осложнить положения, окажем какое-либо влияние

на немецких коммунистов в смысле смягчения резкости их первомайского выступления.

Я от 1 мая не жду ничего тревожного. Во-первых, прусское правительство отменило запрет собраний под открытым небом и демонстраций, во-вторых, не исключено, что в этом году сами соц-демократы будут устраивать демонстрации. При таких условиях вряд ли произойдут brutальные столкновения.

Я вернулся с сегодняшнего разговора крайне неудовлетворенным. Я не скрыл этого своего впечатления от Курциуса и сказал ему, что такое же впечатление отчет о нашем сегодняшнем свидании произведет на Вас. Хотел бы, чтобы Вы подтвердили это Дирксену.

Единственный плюс сегодняшнего заседания, что я вначале подробно изложил Курциусу то, что, может быть, Дирксен менее детально сообщает о них Аусамту после Ваших с ним разговоров.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

П.С. Разговор с Курциусом отнял так много времени сегодня днем, что я не могу по недостатку времени написать по ряду вопросов, в частности, о хозяйственных трудностях для нас в связи с аграрной политикой Шиле. Сделаю это со следующей почтой.

Тов. Бродовский отдельно посылает Вам 3 комплекта наших претензий в том виде, как мы передали их 8 апреля Шуберту. Он прибавил и те 2 новых жалобы, которые я передал сегодня Шуберту у Курциуса.

Помета: т. Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 102–114. Копия.

¹ Гольденштейн Ефраим (Евсей) Соломонович (1882–1938) – сотрудник ИНО ОГПУ, в 1924–1925 гг. 2-й секретарь полпредства СССР в Австрии, в декабре 1925 г. – декабре 1926 г. 2-й секретарь полпредства СССР в Турции и резидент ИНО, с января 1927 г. по март 1930 г. 2-й секретарь полпредства СССР в Германии и резидент ИНО.

² Магазин в Берлине.

³ Шмидт-Отт Фридрих (1860–1956) – юрист, правовед, в 1910–1918 гг. занимал министерские посты в Пруссии, затем в Германии, в 1920–1934 гг. президент “Общества содействия немецкой науке”.

⁴ Возможно, Фехт Герман (1880–1952) – доктор права, в то время министр-директор, руководитель экономического департамента Бадена в Берлине.

⁵ Скорее всего, “Neuilly” (“Неилли”).

*Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину
об обвинениях германского правительства в нарушении СССР
некоторых советско-германских соглашений*

№ л/3512

13 апреля 1930 г.

Секретно

Экз. № 1

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину

Копии: членам Политбюро*

1. Германская печать, а также правительство пытаются оправдать антисоветскую кампанию последнего времени в Германии, между прочим, как результат нарушения духа и буквы советско-германских соглашений, имевшего якобы место со стороны советских властей. С этой целью германский посол вручил мне большой список претензий, иллюстрированных множеством конкретных случаев ущемления нами германских интересов. Нами отрицается причина и связь между этими претензиями и сдвигами, обнаружившимися за последнее время в германской внешней политике, и мы настаиваем на предварительном выяснении политических взаимоотношений и соответственном публичном выступлении германского правительства. Отказываясь от предварительного рассмотрения всей массы предъявленных претензий, мы, однако, указываем на нашу готовность к обсуждению в обычном дипломатическом порядке случаев действительного нарушения взаимных обязательств и к принятию мер для их устранения.

2. Дальнейшие переговоры были бы значительно облегчены, если бы нам удалось удовлетворить действительно обоснованные справедливые претензии германского правительства в тех случаях, когда это не требует с нашей стороны никаких материальных или иных жертв. Из числа подобных претензий НКВД считал бы желательным в первую очередь удовлетворить нижеследующие:

а) По советскому законодательству вышедшие замуж за иностранцев советские гражданки не переходят в иностранное подданство до тех пор, пока не заявят об этом желании и не оформят своего перехода в установленном законом порядке, в отличие от законодательства других стран, где на вступающих в брак женщин подданство мужа переходит автоматически. Выход из советского гражданства обставлен рядом формальностей, требующих

* Копии направлены также членам коллегии НКВД СССР.

значительного времени. Это обстоятельство, однако, не вызывает большого неудобства, пока мужа-иностранцы остаются в пределах СССР, но недоразумения начинаются, когда тот или иной иностранец желает покинуть пределы СССР. Сам он получает выездную визу без затруднений, но к жене его, пока она остается советской гражданкой, применяются все те ограничения в выдаче заграничных паспортов, которые установлены для всех граждан СССР. Иностранцы, таким образом, попадают в необходимость либо откладывать свой отъезд надолго до истечения срока действия паспорта женой, либо же уезжать за границу без своей семьи. Очень часто семьям иностранцев ГПУ совершенно отказывает в разрешении выезда. На этой почве происходят постоянные недоразумения с иностранными миссиями, вступающими за своих граждан. НКВД добивается разрешения выдачи заграничных паспортов женам иностранцев и до их выхода из советского гражданства, но наталкивается на сопротивление ОГПУ. Последнее никаких серьезных доводов в пользу его политики отказа в паспортах до сих пор не представило, если не считать соображения о возможности фиктивных браков. Эти возможности, конечно, имеются, но они чрезвычайно редки и могут быть проверяемы. НКВД полагает, что Союз ничего не потеряет и в том случае, если в течение года несколькими советскими гражданками удастся выехать за границу при помощи фиктивных браков. Независимо от претензий германского посольства, вопрос может приобрести для нас большую остроту ввиду приглашения нами иностранных специалистов и рабочих тысячами. Женитьба иностранцев на советских гражданах — явление весьма частое.

б) По советско-германскому соглашению о поселении мы обязаны выдавать постоянно проживающим в СССР немцам и врем[енно] выезжающим за границу обратные визы. Тем не менее ОГПУ в нарушение этого соглашения зачастую отказывает немцам в обратных визах и вообще обратном допущении в пределы СССР. Бывают случаи, когда немец, проживший в СССР десятки лет, уехав временно за границу, оставив здесь свою семью и не ликвидировав своих дел, неожиданно получает отказ в разрешении обратного въезда. Мы, конечно, имеем право высылки иностранцев, но это можно делать в прямой форме, не дожидаясь отъезда иностранца за границу и без нарушения международных соглашений. НКВД добивается прекращения этой практики со стороны ОГПУ.

в) По международным правилам иностранцы имеют право беспрепятственных сношений со своими консульствами и дипломатическими миссиями. Последние не могли бы, конечно, защи-

щать интересов своих граждан, если бы они были лишены возможности сношений с этими гражданами. Иначе смотрит на это дело ОГПУ, которое полагает, что письменное, а тем более устное обращение иностранца к своему консульству является тяжким преступлением, чуть ли не равносильным шпионажу, которое должно быть пресекаемо. Иностранцы часто арестовываются сейчас же после выхода из консульств на глазах сотрудников этих консульств. Послы и посланники жалуются в НКВД, который отвечает обыкновенно, что аресты их связаны не с посещением консульства, а с другими преступлениями. Наши доводы, однако, оказываются недостаточно убедительными для иностранных дипломатов, которым кажется странным то обстоятельство, что все соотечественники, обращающиеся к ним, оказываются сейчас же после посещения консульства преступниками. НКВД полагает, что этой практике должен решительно быть положен конец. Действительные шпионы найдут другие способы сношений со своими консульствами, если даже им запретят личное посещение их. Эта практика ОГПУ без всякой надобности вызывает постоянные жалобы не только германской, но и других миссий.

3. Ввиду изложенного коллегия НКВД просит проинструктировать ОГПУ в смысле вышеизложенных предложений.

М. Литвинов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 133–135. Подлинник.

№ 163

*Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину
о желательности смягчения политики
в отношении ряда конфессий в СССР*

№ л/3514

23 апреля 1930 г.

Секретно

Экз. № 1

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)

тов. Сталину*

Посылая Вам при сем копию письма тов. Крестинского за № 421, сообщаю, что автор письма Криге является крупным чиновником в отставке германского Министерства иностранных дел, известным знатоком международного права, пользующимся

*Копии направлены членам коллегии НКВД СССР.

известностью в правительственных и общественных кругах Германии. Он всегда выступал сторонником советско-германского сближения, и тов. Чичерин в свое время получал у него заключения по международно-правовым вопросам.

Я не пересылал бы Вам этого письма, если бы я сам не считал, что, независимо от ходатайства Криге, возбужденный им вопрос заслуживает серьезнейшего внимания. Если волна протестов на почве так называемой антирелигиозной политики значительно спала, то нельзя быть уверенными в том, что время от времени не будут набегать новые волны, которые будут вызываться главным образом пребыванием в заключении духовных лиц.

Криге прав, когда говорит, что меньше всего интересуются за границей судьбой православного духовенства, преследования которого там оправдывают его прежней приверженностью к царскому режиму. Неправильно, однако, то же утверждение Криге относительно римско-католического духовенства. Если к этому духовенству безучастна лютеранская часть Германии, то этого нельзя сказать про Баварию и другие католические государства. Считаюсь, однако, с огромной опасностью, которую представляют для нас католические ксендзы не только по своей религиозной пропаганде, но и по своим связям с Польшей и Ватиканом, я не могу рекомендовать ослабления в отношении их репрессивных мероприятий. Наименьшую опасность в политическом отношении для нас представляют, на мой взгляд, лютеранские, хотя бы вследствие их малочисленности, а также баптистские и еврейские духовные лица. Если можно было бы поручить какой-нибудь специальной комиссии пересмотр этих дел с целью освобождения из заключения и из ссылки наименее скомпрометированных, мы могли бы в значительной мере ослабить на будущее время возможность новой кампании в Германии, Англии, скандинавских странах, Голландии и Соединенных Штатах Америки. Судьбой баптистов особенно интересуется английская либеральная партия, так как в значительной мере финансируется квакерами и нон-конформистами. Ллойд-Джордж в беседе с тов. Сокольниковым без обиняков говорил о затруднительности для него благоприятного нам выступления вследствие преследования баптистов. Этими же баптистами интересуется Голландия, играющая большую роль в международных финансовых вопросах и влияющая на иностранные банки в Германии. Что же касается еврейских раввинов, то о заинтересованности в их судьбе (пусть бы лицемерной) финансовых тузов германских и Америки – говорить не приходится.

Повторяю: смягчением репрессий в отношении духовных лиц еврейского и лютеранского вероисповедания, и, в частности

баптистов, можно было бы значительно ослабить враждебность к нам со стороны весьма влиятельных заграничных политических и финансовых кругов.

М. Литвинов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 676. Л. 150–151. Подлинник.

Приложение

*Письмо Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову
о необходимости прекращения преследований
представителей евангелической церкви в СССР*

№ 421

5 апреля 1930 г.
Секретно

Тов. Литвинову

Многоуважаемый Максим Максимович,

Всю эту неделю ко мне просился Криге. Вчера я его принял. Криге сказал мне следующее: Вы знаете мое отношение к советско-германским отношениям. В свое время я усиленно боролся против подписания Локарнского соглашения и вступления Германии в Лигу наций. Я везде выступал, как определенный представитель советско-германской дружбы.

Я не изменяю этой позиции и теперь, когда наступил тяжелый момент советско-германских отношений. Мне приходится встречаться с враждебным отношением к Советскому Союзу в двух областях – чисто политической, как члену прусского ландтага, и в области религиозных отношений, как члену Генерального евангелического синода Евангелики в Германии, организованном следующим образом: их представительным органом, как бы религиозно-общественным парламентом, является Генеральный синод, состоящий из нескольких сот человек. Этот синод избирает сенат из 40 человек, который является одновременно и президиумом парламента, и правительством для евангелических общин. Наконец, сенат из своей среды избирает узкий президиум, так называемый Высший церковный совет, который является повседневно действующим деловым правительственным органом. Несколько недель тому назад, президиум внес в Генеральный синод предложение выступить с резким воззванием по поводу религиозных преследований в СССР. Основанием для выступления служил ряд телеграмм, большей частью из Риги, о всякого рода преследованиях. Одна из телеграмм в частности сообщала, что проживающий в

Ленинграде епископ Мальмгрэн и все подведомственные ему священники арестованы, а все евангелические церкви в Ленинграде закрыты. Зная, как много сознательной лжи и фальсифицированных телеграмм распространяют враждебные нам эмигранты, Криге снесся с Ленинградом, получил сообщение, что Мальмгрэн и большинство священников свободны и осуществляют свои функции, что все 3 церкви открыты и что арестовано 2 или 3 священника, из коих один или два допустили какие-то неосторожные поступки. С этой успокоительной информацией Криге направился в ту комиссию синода, которая обсуждала проект резолюции, добился того, что ему предоставили слово, хотя он не был членом этой комиссии, и в результате его выступлений целый ряд острых мест и враждебных утверждений были из резолюции изъяты.

После этого Криге неоднократно уже выступал и будет выступать с закрытыми докладами по вопросу о положении церкви в СССР. Он стремится доказать, во-первых, преувеличенность распространяемых за границей сообщений о преследовании церкви, и, во-вторых, то, что имеющиеся случаи преследования лежат на ответственности местных властей, а центральные власти исправляют допускаемые местными людьми ошибки и перегибы. Он ссылается при этом и на статью Сталина, и на постановление нашего ЦК. Он думает, что развиваемая им энергия идет на пользу сохранения и развития советско-германских отношений.

Но у него не хватает фактических данных для проводимой им кампании. Есть ряд вопросов из нашей церковной практики, с которыми немецкие евангелики не согласны, но с которыми они так сказать уже примирились. Это то, что мы лишаем духовенство избирательных прав, что мы не допускаем преподавания религии детям и юношеству, что мы объявили все церковные здания национализированными и сдаем их лишь в аренду религиозным обществам. Но в последнее время появились новые, очень огорчившие и волнующие немцев-евангеликов факты. Первый это тот, что из 87 имеющихся в СССР приходских священников-евангеликов 17 по проверенным уже сведениям арестованы. Второе это то, что недавно местными властями в Ленинграде закрыто общежитие теологического протестантского семинария. Так как преподавание религии взрослым не запрещается и так как необходимо готовить заместителей для нынешнего поколения евангелических пасторов в СССР, то при епископе Мальмгрэне существует теологический семинарий. Обучающиеся там молодые люди проживали вместе в интернате при этом семинарии. Недавно это помещение реквизировано, и участники семинария должны были перейти на частные квартиры, находящиеся часто

очень далеко от семинария. Это создает для функционирования семинария значительные трудности, так как многим воспитанникам приходится тратить три-четыре часа в день на передвижение. При этом германскому общественному мнению известно, что в Ленинграде нет жилищной нужды, что там достаточно всякого рода пустующих помещений, и поэтому реквизиция помещения интерната расценивается здесь не как акт необходимости, а как акт ущемления епископа Мальмгрена и вообще евангеликов в СССР.

Евангелики в Германии относятся сравнительно безучастно к преследованию православного и римско-католического духовенства в СССР. Они охотно допускают, что православное духовенство, тесно связанное со старым режимом и со старыми господствующими классами, причастно к контрреволюционной борьбе против советского правительства. Они понимают, что католическое духовенство в СССР очень тесно связано всем своим прошлым с Польшей и легко поэтому может быть замешано в шпионских организациях. Но у евангеликов в Германии есть полная уверенность в лояльности евангелического духовенства в СССР. Поэтому успокоение общественного мнения в Германии было бы легко достигнуто путем несколько более осторожного подхода лишь к евангелическому духовенству.

Позиция Криге была бы очень выигрышна, если бы он на своих последующих докладах мог сообщить, что, после вмешательства центральной советской власти из 17 арестованных пасторов столько то уже освобождено, а если несколько человек и осталось еще под арестом, то никто не может, конечно, поручиться, что эти оставленные в заключении не сделали каких-либо неосторожных шагов, не вяжущихся с советским законодательством. Еще более полное успокоение наступило бы, если бы получилось сообщение, что епископу Мальмгрена удалось добиться восстановления интерната.

И в начале, и в середине, и в конце своего сообщения Криге несколько раз повторял, что он считает нашу религиозную политику нашим внутренним делом, что я вправе его оборвать и перестать слушать и что он вовсе не хочет вмешиваться в наши внутренние дела, а как друг хочет лишь информировать меня и через меня Москву о настроении евангелической части населения Германии. Я ответил, что я понимаю его заявление именно как информацию, готов ее выслушать и передать далее в Москву.

Хотя Криге говорил о том, что ему хотелось бы получить от нас информацию о тех коррективах по отношению к евангелическим священникам в СССР, которые внесены уже центральной

властью, но ясно, конечно, что он пришел с некоторыми минимальными предложениями. Он перечислил, что германское общественное мнение (в части евангеликов) готово проглотить и с чем оно не примирится.

Немцы-евангелики не будут поднимать шума по поводу арестов и других преследований православного и католического духовенства, им хотелось бы лишь освобождения большинства арестованных пасторов и восстановления семинарского интерната в Ленинграде.

Насколько я представляю себе настроение рядового немца-евангелика, я думаю, что Криге правильно расценивает, чем можно успокоить эту главнейшую часть немецкой мелкой буржуазии, чиновничества и крестьянства. Нам важно вбить клин между различными выступающими против нас религиозными организациями, и я высказался бы за то, чтобы пойти частично навстречу пожеланиям Криге.

По окончании изложенного выше разговора я спросил Криге, известно ли ему о собрании в “Херренклубе”, имевшем место недели три-четыре тому назад, и об участии там представителя Высшего евангелического церковного управления? Криге ответил, что он слышал об этом собрании, подробно о нем не информирован и собирался уже и сам пойти к президенту Высшего церковного евангелического совета (председатель евангелического парламента и церковного правительства – одно лицо) и поговорить с ним на эту тему. Это свое намерение он исполнит в ближайшие дни.

На этом мы расстались, причем Криге, уходя, выражал надежду увидеть меня еще в этом году у себя в обычном кругу его партийных (Фолькспартай), штеттинских и прусско-правительственных друзей.

Появление Криге я отношу не только на счет его действительно твердой советско-германской позиции, но и на счет начинающегося уже некоторого успокоения и отрезвления германской общественности.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 676. Л. 152–156. Подлинник.

*Записка наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова
и заместителя председателя Совета Труда
и Обороны СССР В.В. Куйбышева в Политбюро ЦК ВКП(б)
о перевооружении Красной армии
и технической помощи германских фирм**

№ 0205/сс

23 апреля 1930 г.
Сов. секретно

В Политбюро ЦК ВКП(б)

Принятой РВС Союза системой вооружения предопределяется постановка в производстве ряда усовершенствованных систем артиллерийского вооружения, главным образом, в части противотанковой и зенитной борьбы и более совершенных систем в области минометания. Учитывая то обстоятельство, что развертывание конструкторских бюро у нас по всей системе вооружения представляет громадные трудности в установленный и желательный для Рабоче-Крестьянской Красной Армии срок из-за отсутствия у нас достаточного конструкторского и производственного опыта, военвед и промышленность считали необходимым для сокращения сроков и облегчения задачи перевооружения и получения опыта в области конструирования и производства новейших систем европейского вооружения приобрести техническую помощь от лучших европейских фирм.

В связи с этим были предприняты меры выяснения, какие из известных европейских фирм могли бы быть в этом отношении нам полезны; пока из доступных нам фирм имеют новые системы только американцы и немцы, причем последние имеют преимущество в отношении подвижности и веса систем. В течение 1929 г. велись предварительные переговоры на этот предмет как с фирмой “Крупп”, так и с фирмой “Рейнметалл”. При подробном изучении этого дела в процессе заключения договора с Круппом на техническую помощь по специальным сталям вопрос привлечения технической помощи от фирмы “Крупп” по артиллерийским системам вооружения был снят в связи с неприемлемыми для нас условиями, выдвигаемыми фирмой, о чем своевременно было доложено ПБ; после этого как военвед, так и промышленность, остановились на фирме “Рейнметалл”, являющейся в настоящее время единственной фирмой в Европе, с которой мы могли начать переговоры об оказании нужной нам технической помощи.

* Штамп: Прот[окол] ПБ № 124, п. 11.

В процессе предварительных переговоров были выявлены три желательных и необходимых направления как по части технической помощи, так и по приобретению некоторого количества систем от этой фирмы:

Первое – заключение договора на техническую помощь (включая в это понятие и необходимое для организации производства оборудование) для постановки производства уже разработанных немцами и построенных четырех систем и разработанных, но еще не построенных двух систем артиллерийского вооружения.

Эти системы следующие:

1) 3-х дюймовая (76-мм) зенитная пушка, имеющая по своим баллистическим качествам ряд больших преимуществ против находящейся в настоящее время на вооружении аналогичной нашей системы, как то: высота по зениту до 10 км и горизонтальная дальность до 16 км при 20 выстрелах в минуту; эта система не уступает соответствующим американским зениткам.

2) 15-ти сантиметровой миномет, вес снаряда до 40 кг (в настоящее время идет переконструирование в соответствии с нашими требованиями), дальность 4800 метров, вес системы 1130 кг.

3) 37 мм противотанковая пушка (система, не имеющаяся в настоящее время на вооружении РККА и лучшая из известных систем противотанковых пушек данного калибра), вес системы 310 кг.

4) 2-х сантиметровая автоматическая пушка (пулемет), предназначенная как для борьбы против танков, так и для стрельбы по зенитным целям;

Примечание: системы 1, 2, 3, 4 были осмотрены нашей комиссией и отстреляны в ее присутствии на полигоне в Германии, показав удовлетворительные результаты.

5) 2 системы – 6-ти дюймовая гаубица и 37-мм автоматическая зенитная пушка; эти системы уже сконструированы, имеются рабочие чертежи, но опытные образцы еще не изготовлены – будут производиться на наших заводах из нашего материала.

По отношению к означенным системам техническая помощь в договоре выражается в предоставлении фирмой разработанных рабочих чертежей, производственных процессов, применяемых самой фирмой в своем производстве, и в содействии в деле постановки производства на наших заводах, для чего фирмой командуются 10 человек соответствующих специалистов, в задачи которых входит составление плана производства, постановка самого производства и дача всех необходимых советов по производству в течение действия договора. Кроме того, фирма дает рабочие чертежи и оказывает техническое содействие в организации про-

изводства у нас снарядов для вышеуказанных систем и улучшенного (сверх чувствительного) взрывателя типа "Рейнметалла".

В результате осуществления этого договора предусматривается доведение производства этих систем в 1931 году (т.е. до конца календарного 1931 г.) до следующих пределов: 3-х дюймовой зенитной пушки – 58 систем, 15-ти см миномета – 168 систем, 37-мм противотанковой пушки – 390 систем и 2-х см автоматической пушки (пулемета) до 270 систем. Эта программа, по мнению немцев, может быть увеличена еще до 20%, однако, договорные гарантии на это увеличение немцы не взяли.

Стоимость этого договора о технической помощи выражается в сумме 1 125 000 американских долларов, уплачиваемых в течение 1½ лет, т.е. срока действия договора; из них 25% уплачивается фирме в течение 2-х недель по вступлении договора в силу, т.е. 7 мая с.г., следующие 25% уплачиваются в течение 2-х недель после официальной присмки первой серии всех 4-х систем (апрель 1931 г.), которые будут изготовлены на наших заводах; третьи 25% уплачиваются фирме по истечении 2-х недель после технического и механического изготовления 5-й и 6-й системы для испытания и четвертые 25% уплачиваются фирме в течение двух недель после выполнения всех взятых фирмой на себя обязательств согласно настоящего договора.

Кроме указанных здесь платежей по настоящему договору на нас ложится также обязательство по предоставлению квартир для прибывающих от фирмы специалистов, работающих над осуществлением настоящего договора и льготная организация для них всех бытовых условий.

Второе – получение от фирмы технической помощи путем организации конструкторских бюро для разработки по нашим заданиям тех систем артиллерийского вооружения, которые входят в общую систему утвержденного РВС плана перевооружения и у нас до сих пор не разработанных, т.е., главным образом, крупнокалиберных и среднекалиберных систем. По этой линии фирма обязывается прислать 20 квалифицированных специалистов-конструкторов, а также предоставить необходимые материалы из архива фирмы, дающие возможность осуществить разработку соответствующих конструкций по нашим заданиям в укороченные против наших разработок сроки, причем вместе с этими системами предусматривается также разработка по снарядам, трубкам, взрывателям и всему выстрелу в целом. В помощь вышеуказанным специалистам мы со своей стороны обязаны дать необходимое количество как своего конструкторского персонала, так и весь вспомогательный и обслуживающий штат.

Этот договор заключается с фирмой на 4 года (может быть еще продлен на 1 год) и оплачивается фирме с нашей стороны ежегодно в сумме 200 000 американских долларов в следующие сроки: 1.09.1930 г. 50 000 американских долларов, 1.12.1930 г. – 50 000 американских долларов, 1.03.1931 г. – 50 000 американских долларов и 1.04.1931 г. – 50 000 американских долларов и т.д. ежегодно и сверх этого после войсковых испытаний (давших удовлетворительные результаты первых опытных экземпляров новой артиллерийской системы, представленной по проекту разработанного бюро специалистов фирмы) предусматривается выплата премиальных вознаграждений для мелких калибров артиллерийской системы до 12 см – 20 000 американских долларов, средних калибров – от 12 до 24 см – 30 000 американских долларов за систему и за гаубицу – 40 000 американских долларов за систему; сверх этого на нас ложится также расход, связанный с предоставлением указанным специалистам квартир, средств передвижения, организация питания по удешевленным ценам и другие бытовые вопросы. По этому договору мы имеем право, помимо получения этих 20-ти специалистов, послать несколько своих специалистов в конструкторское бюро фирмы для изучения интересующих нас и разработанных фирмой непосредственно в Германии артиллерийских систем и артиллерийского дела, поскольку фирма ими занимается.

Третье – приобретение некоторого количества артиллерийских систем частью в полуфабрикатах, частью готовых и получение от фирмы для сокращения сроков развертывания производства артиллерийских систем, указанных в первом договоре, т.е. 4-х артиллерийских систем, разработанных фирмой, технологического инструмента, специального мерительного и режущего инструмента, приспособлений и штампов.

За этот третий договор мы обязаны заплатить фирме 1 168 000 американских долларов причем за инструмент, приспособление и штамп уплачивается 900 000 американских долларов, а остальные 268 000 идут на готовые и полуготовые артиллерийские системы, т.е. 4 зенитки (частью полуфабрикаты) стоимостью 87 000 американских долларов, 8 минометов (часть полуфабрикаты) 56 000 американских долларов, 12 противотанковых 37 мм пушек (частью полуфабрикатами) – 25 000 американских долларов, кроме того 30 готовых полностью 37 мм противотанковых систем – 100 000 американских долларов. Сроки уплаты: 25% 7.06.1930 г., 25 % после готовности половины каждого отдельного составляющего заказа, 25% после представления документов по погрузке и остальные 25% уплачиваются после готовности у нас на заводе первой трети систем, причем эта последняя четверть уплачивает-

ся 3-х месячными векселями с правом пролонгирования еще на 3 месяца.

Таким образом, суммируя весь вопрос о технической помощи нам от фирмы "Рейнметалл" по этим трем договорам нам предстоит всего заплатить фирме 2 493 000 американских долларов, причем в настоящем году, т.е. до октября 1930 г. придется произвести платеж в сумме 965 000 американских долларов, из них до 1 мая, если считать, что договор будет утвержден в течение ближайших дней как со стороны финансового совета фирмы, так и одобрен Советом Народных Комиссаров Союза ССР, придется произвести платеж в 625 000 американских долларов, к 1 сентября – 290 000 и к 1 октября – 50 000 (по конструкторскому бюро) и, кроме того, как гарантия для обеспечения означенного договора, как с нашей стороны, так и со стороны фирмы, должно быть выдано вексельное обязательство в размере 281 250 американских долларов, при чем правила выдачи следующие: с нашей стороны выдается гарантийное письмо через банк Гаркребо в Берлине на означенную сумму, а со стороны фирмы выдается "Дойче банк" гарантийное письмо на означенную сумму.

Кроме того необходимо отметить, что реализация этого договора потребует в этом году расходов в валюте на приобретение необходимого оборудования для перепланировки одного из оружейных заводов, который предназначается, главным образом, для этой цели (8-й завод в Мытищах) порядка 2 000 000 рублей, на оборудование и расход внутреннего порядка, на постановку производства фасонного стального литья, немедленную заготовку полуфабрикатов, нормального инструмента, как режущего, так и мерительного, подготовку и набор необходимой рабочей силы и все мероприятия, связанные с осуществлением этого договора, в этом году в сумме порядка 1 500 000 – 2 000 000 рублей.

Необходимо отметить, что принимая во внимание особую секретность означенного договора и спешность его проведения, проработка договора велась не в порядке существующих нормальных условий, т.е. привлечения к этому делу органов Концессионного комитета, а небольшой группой товарищей, которым это дело было поручено, т.е. начальником вооружений т. Уборевичем со стороны военведа и начальником ГВПУ т. Урываевым¹ с допущением к этому делу ограниченного круга доверенных специалистов как по юридической, так и по технической части.

Договор с фирмой "Рейнметалл" подписан со стороны немцев генеральными директорами фирмы Эльце² и Лютером и с нашей стороны тов. Урываевым. Договор окончательно вступает в силу по утверждении его Совнаркомом СССР и с немецкой стороны по утверждении его финансовой комиссией Наблюдательного

совета фирмы “Рейнметалл”, причем уведомления об утверждении должны быть сообщены телеграфно в ближайшие дни с последующим письменным подтверждением.

Просим подтвердить утверждение подписанного договора и разрешить производство соответствующих валютных расходов.

В. Куйбышев* К. Ворошилов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 137–141. Подлинник.

¹ Урываев Михаил Георгиевич (Егорович) (1887–1937) – в 1928–1930 гг. председатель правления Авиатреста, в 1930–1931 гг. начальник Главного военно-промышленного управления ВСНХ СССР, в 1931–1932 гг. начальник Всесоюзного снарядного треста.

² Эльце Ханц (1800 – после 1945) – немецкий инженер, военный подрядчик, в 1929–1930 гг. приезжал в Москву как представитель «Рейнметалл»

№ 165

*Из протокола № 35 заседания коллегии НКВД СССР***

24 апреля 1930 г.

Сов. секретно

Экз. № 6

Присутствуют: гг. Литвинов, Карахан и Стомоняков.

Секретарь: тов. Короткин.

Слушали:

2. Взаимоотношения с Германией.

Постановили:

2. а) Констатировать отклонение немцами наших предложений о выступлении Курциуса по вопросу о германско-советских отношениях.

б) Предложить т. Крестинскому вручить Аусамту ноту протеста по случаю повышения германским правительством таможенного тарифа для импортных товаров. Поручить отделу разослать членам коллегии проект этой ноты.

Текст ноты опубликовать в печати.

в) Инспирировать в “Известиях” статью о советско-германских отношениях на основе тезисов тов. Литвинова.

*Далее зачеркнута помета: Тов. Куйбышев по телефону дал свою подпись под этим документом. Секретарь председателя РВС М. Антонов.

**Копии направлены членам коллегии НКВД СССР, И.В. Сталину, А.И. Рыкову.

г) В переговорах с немцами о взаимных претензиях оставить открытыми выдвинутые немцами большие вопросы и приступить к рассмотрению претензий Дирксена лишь в части отдельных случаев нарушения договоров и соглашений (Штейн).

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 129. Заверенная копия.

№ 166

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О Рейнметалле"^{*}

№ П 124/11-с

25 апреля 1930 г.
Строго секретно

11. а) Утвердить подписанный т. Урываевым договор с фирмой "Рейнметалл".

б) Возложить на тт. Куйбышева и Урываева персональную ответственность за принятие всех необходимых мер для своевременного и стопроцентного использования заключенного договора.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 136. Копия.

№ 167

*Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину
о созыве советско-германской согласительной комиссии
по экономическим вопросам*^{**}

№ л/3627

27 мая 1930 г.
Секретно
Экз. № 1

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)

тов: Сталину

Копия: т. Микояну^{***}

Дирксен вчера сообщил мне об отклонении его правительством нашего контрпредложения о предварительном специаль-

^{*} Вопрос представлен К.Е. Ворошиловым и В.В. Куйбышевым. Выписка из протокола № 124 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 25 апреля 1930 г., п. 11. Направлена К.Е. Ворошилову и В.В. Куйбышеву.

^{**} *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 128, п. 26.

^{***} Копии направлены Б.С. Стомонову, Ф.А. Ротштейну, А.М. Карахану.

ном обсуждении экономических вопросов до созыва согласительной комиссии. Вопрос обсуждался германским кабинетом, который решил, что взаимные претензии экономического характера также должны быть включены в программу работ согласительной комиссии. Политбюро уже раньше решило, что в случае отклонения нашего предложения мы должны принять германское предложение о созыве согласительной комиссии в силу соглашения от 25 января 1929 г. Таким образом нам необходимо назначить наших представителей в согласительную комиссию.

На основании вышеупомянутого соглашения каждая сторона назначает по два представителя. НКИД предлагает назначить по одному представителю от обоих заинтересованных комиссариатов. От НКИД мы выдвигаем кандидатуру т. Стомонякова, а от Наркомторга, насколько мне известно, выдвигается кандидатура т. Дволайцкого¹. Эти кандидатуры прошу Политбюро утвердить путем опроса по телефону или же на ближайшем заседании 30 мая. Немцы предлагают созвать комиссию на 15 июня. Так как необходимо к ней соответственным образом подготовиться, то желательно скорейшее утверждение кандидатур.

Я вновь предложил Дирксену заранее установить, что согласительная комиссия начнет свои работы с экономических вопросов. Дирксен передаст это предложение в Берлин. Если, однако, немцы не пойдут на предварительное согласование этого вопроса, мы имеем возможность в самой комиссии ультимативно настаивать на постановке в первую очередь экономических вопросов. Поскольку при обсуждении этих вопросов не может не быть затронута тема о кредитах, нашим представителям необходимо получить от Политбюро директивы. Я просил бы этот вопрос подвергнуть обсуждению на заседании 30-го.

М. Литвинов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 157. Подлинник.

¹ Дволайцкий Шолом Моисеевич (1893–1937) – в 1925–1934 гг. член коллегии Наркомата внешней и внутренней торговли СССР и затем Наркомата внешней торговли СССР, в 1934–1936 гг. торгпред во Франции.

№ 168

*Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину о направлении ему
текста проекта советско-германского коммюнике**

№ 3629

28 мая 1930 г.
Секретно

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)
тов. Сталину

В дополнение к моему вчерашнему письму посылаю при сем контрпроект советско-германского коммюнике. Сравнив его с германским проектом, Вы увидите, что я исключил все неприемлемые для нас места. Контпроект Дирксену еще не представлен. Возможно, что в настоящем виде или с поправками, которые ПБ внесет, он будет Дирксеном отклонен, в каком-то случае необходимо предоставить мне право соглашаться с теми германскими контрпоправками, которые я сочту для нас приемлемыми. В случае невозможности согласования проекта с Дирксеном я предложу ограничиться лишь первым абзацем коммюнике.

М. Литвинов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 158. Подлинник.

Приложение

*Проект советско-германского коммюнике,
составленный советской стороной*

Не позднее 28 мая 1930 г. **

Согласно советско-германского договора от 25 января 1929 г., предусмотренная этим договором согласительная комиссия "собирается ежегодно один раз, примерно в середине года, на очередную сессию, точное время которой устанавливается каждый раз по соглашению обоих правительств" (ст. 2). В соответствии с этой статьей советское и германское правительства условились созвать очередную сессию согласительной комиссии на 15 июня с.г.

Сессия займется изучением и обсуждением причин, препятствующих должному развитию экономических взаимоотношений обеих стран и изысканием средств к их устранению, а также разрешением всех споров и разногласий по разным вопросам, возник-

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 128, п. 26.

** Датируется по основному документу.

ших со времени заключения упомянутого договора. Представители обоих правительств получают инструкции руководствоваться в своей работе духом действующих между СССР и Германией договоров и той политики, которую оба государства преследовали в отношении друг друга на основе этих договоров и существующих дружеских отношений в продолжении многих лет.

При обмене мнениями в связи с созывом согласительной комиссии оба правительства пришли к заключению, что принципиальное различие обеих государственных систем не должно явиться препятствием к дальнейшему плодотворному развитию их дружественных отношений для разрешения задач, которые могут в будущем встать перед ними, и в том случае, если эти задачи затрагивают непосредственные отношения между обеими странами или другие интересы. Оба правительства убеждены, что этим путем они будут служить как интересам их стран, так и упрочению международного мира.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 159. Подлинник.

№ 169

Обзор Отдела печати и информации СНК и СТО СССР об оценках германской печатью характера и перспектив советско-германских отношений

29 мая 1930 г.

Не подлежит оглашению

Тов. Сталину

Германо-советские отношения

(По материалам ОПИ Полпредства СССР в Германии)

“Дюссельдорфер Нахрихтен” в статье “Опасная слепота” указывает, что все надежды на экономические русские возможности оказались сказкой. В области политической Германия также пережила большие разочарования. Руководители германской политики забывали, что СССР остается очагом мировой революции. Теперь это делается ясным. До последнего времени Аусамт, проводя свою политику страуса, впал в нервное состояние, когда германская общественность пыталась давать настоящую оценку Советскому Союзу. Теперь Аусамт решил серьезно поговорить с полпредом Крестинским. Однако Москва немедленно превратила эти переговоры в безобидные разговоры, и вновь начинается попытка создания миража. До тех пор, пока Москва не откажется

от революционной деятельности, необходимо отказаться от углубления германо-советских отношений. Необходимо поставить советское правительство перед решением отказаться от революционизирования Германии при помощи советских органов, будь то политических или торговых. Трудно ожидать, чтобы предстоящие переговоры дали положительный результат. Опыт показал, что все положительные шаги Германии, в том числе кредитная акция, ничего не дали. Еще и теперь Аусамт не может решиться на серьезный шаг, и еще есть влиятельные деятели, страдающие слепотой. Надо помнить, что ответственность очень велика, так как речь идет о жизни самой Германской Республики.

Беспартийно-буржуазный орган "Оснабрюкер Тагеблатт" считает, что в момент французской активности, в связи с пан-Европой, Германия должна обратить серьезное внимание на переговоры в Москве для того, чтобы добиться выяснения существующих отношений. Несмотря на то что германский партнер в Москве проявляет добрую волю, необходимо все же стремиться к улучшению германо-советских отношений, иначе Германия неизбежно попадет в то же отношение с Москвой, как Лондон и Париж. Для улучшения отношений необходима абсолютная лояльность. Германия делает все возможное, чтобы вместе с Москвой противиться французскому империализму. Слово теперь за Россией.

"Кенигсбергер Альгемайне Цайтунг" анализирует экономические отношения между Восточной Пруссией и Советским Союзом. Газета приходит к выводу, что в отдельных отраслях имеется благоприятная картина, особенно в области операций с горохом, чечевицей, бумажным лесом и пр. Плохо обстоит дело с зернопродуктами. Газета отмечает как благоприятное явление участие в первый раз советского представителя на аукционах в Кенигсберге. Весьма положительным явлением является присылка советских студентов и агрономов для практики в Восточной Пруссии. Газета заканчивает статью, что развитие отношений с СССР лишь тогда будет иметь выгоду для Восточной Пруссии, если оно будет построено на началах равноправия и взаимности.

"Рейхсдинст дойче прессе" (Центр) помещает статью, посвященную переговорам. Указывается, что улучшение отношений с Западом уменьшает значение для Германии Советского Союза. В последнее время наблюдается ряд отрицательных явлений, особенно в области концессий. Пятилетний план также является отрицательным фактором, так как он ставит своей целью освобождение России от зависимости от мирового хозяйства. Религиозные преследования продолжаются. Вера Западной Европы и возможность сотрудничества с Россией ослабевает. Вряд ли

удастся германскому послу в Москве добиться благоприятного результата переговоров.

“Хемницер Тагеблатт” дает статью, в которой говорится о вытеснении Германии Англией и Америкой с русского рынка. Английское соглашение будет иметь вредные для Германии последствия. Советская сторона очень недовольна германской таможенной политикой, особенно в отношении сельскохозяйственных продуктов и нефти. Неблагоприятно обстоит дело в области тракторостроения, которым овладевают американцы.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 154–155. Копия.

№ 170

*Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину
с предложением новых поправок
к проекту советско-германского коммюнике**

№ л/3646

7 июня 1930 г.

Секретно

Экз. № 1

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)

тов. Сталину

1. Дирксен вчера мне сообщил, что его правительство отклоняет наш контрпроект коммюнике, главным образом, вследствие отсутствия с нем указаний на результат имевших место в Берлине и Москве дипломатических разговоров и на обязательство невмешательства во внутренние дела. Германское правительство желает этим коммюнике подвести черту под ту неприятную полосу взаимоотношений, которая нашла свое отражение в кампании германской прессы. Курциус хотел бы избежать необходимости останавливаться при его предстоящем выступлении в рейхстаге на всех тех моментах в наших взаимоотношениях, по поводу которых он жаловался недавно Крестинскому. При отсутствии коммюнике этого не избежать, причем неизбежны будут также дебаты. Согласованное коммюнике позволит ему перескочить через отрицательные моменты и перейти к положительным выводам. Коммюнике, по его мнению, будет расценено как новый положительный политический акт. Дирксену поэтому поручено разъяснить нам действительные цели и намерения германского правительства и просить нас согласиться на германский проект коммюнике.

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 128, п. 6.

2. Я оспаривал положения Курциуса и разъяснил причины неприемлемости для нас германского проекта. Я ссылаясь на директиву правительства об отказе от какого бы то ни было коммюнике в случае отклонения нашего контрпроекта и обещал Дирксену сообщить правительству о его сегодняшнем заявлении. Я отклонил также предложение Дирксена о совместной выработке поправок к германскому проекту.

3. Я опасаясь, что отказ от коммюнике действительно вызовет новую кампанию в германской прессе и нежелательные дебаты в рейхстаге. Враждебной нам прессой уже пущены слухи о нашем отказе от невмешательства во внутренние дела Германии. В нынешнем международном положении и как весьма реальной возможности новых выборов в Англии осенью этого года с возвращением к власти консерваторов и нового разрыва отношений, который т. Сокольников в таком случае считает совершенно неизбежным, мне представляется весьма нецелесообразным продление полуконфликтного состояния наших отношений с Германией. Новое подчеркивание в германской прессе и в рейхстаге моментов расхождения при соответственной обработке темы о пропаганде может только усилить милитаристские тенденции Польши, Румынии и Франции. Я считаю поэтому желательным продолжение переговоров о согласовании коммюнике.

4. В германском проекте неприемлемой для нас является вступительная часть, формально подчеркивающая наличие кризиса во взаимоотношениях, из которого оба правительства ищут выхода. Необходимо было бы также исключить упоминание о невмешательстве, из которого можно сделать вывод об обнаружении фактов нашего вмешательства, хотя этому заявлению придается характер взаимности. В прилагаемом при сем проекте поправок я попытался смягчить или даже совершенно обезвредить эти неприятные для нас места. В остальном германский проект для нас весьма приемлем и входил составной частью в наш контрпроект.

5. Прошу Политбюро разрешить мне предложить Дирксену вышеуказанные поправки и, в случае их принятия германским правительством, выпустить согласованное коммюнике. Возможно, что наши поправки не будут целиком приняты Берлином и оттуда получатся новые контрпоправки. Ставить все эти вопросы вновь на Политбюро вряд ли окажется возможным ввиду близости съезда, поэтому предложил бы разрешить мне принять те возможные контрпоправки, которые я найду по существу для нас приемлемыми.

М. Литвинов

*Поправки к тексту проекта советско-германского коммюнике,
предложенные М.М. Литвиновым*

Не позднее 7 июня 1930 г.*

Секретно

Проект германский:	Предлагаемые поправки:
<p>Во взаимоотношения между Германией и СССР с течением времени в результате фактов различного характера возник ряд политических, хозяйственных и юридических вопросов, требующих в интересах дальнейшего развития (продолжения) взаимных дружественных отношений скорого и основательного выяснения. Оба правительства решили поэтому всю совокупность этих вопросов сделать предметом обобщающих дипломатических разговоров, имевших место в течении последних недель в Берлине и Москве и доведенных в настоящее время до определенного конца.</p> <p>Часть отдельных взаимных претензий получила уже удовлетворительное разрешение в имевших место беседах; остальные должны быть подвергнуты рассмотрению в предусмотренной на этот предмет договором от 25 января 1929 г. согласительной комиссии, которая ... в ...** соберется для своего очередного заседания.</p>	<p>При существующих между Германией и СССР оживленных взаимоотношениях время от времени неизбежно возникает ряд вопросов различного рода, требующих дружественного обмена мнений между правительствами и надлежащего выяснения. Совокупность такого рода вопросов, возникших в течение последнего года, была предметом обычного дипломатического обсуждения в течение последних недель в Берлине и в Москве, причем часть отдельных взаимных претензий получила уже удовлетворительное разрешение в имевших место беседах. Остальные претензии оба правительства условились подвергнуть рассмотрению в предусмотренной на этот предмет договором от 25 января 1929 г. согласительной комиссии, которая должна собираться ежегодно, примерно в середине года, и которая в этом году соберется для своего очередного заседания 12 июня.</p>

* Датируется по основному документу.

** Так в тексте.

При обсуждении отдельных вопросов оба правительства, во взаимном согласии, исходит из желания

преодолеть возникшие затруднения	преодолеть возникающие время от времени затруднения
----------------------------------	---

в духе действующих между ними договоров и этим самым также в международном развитии продолжать политику, которую они вели на основе этих договоров в продолжении многих лет.

В откровенном обмене мнениями они снова пришли к заключению, что принципиальное различие обеих государственных систем не должно явиться препятствием к дальнейшему плодотворному развитию их дружественных отношений

если в каждой из обеих стран будут воздерживаться от попыток активного влияния на внутренние дела другой страны.	и что оба правительства так и в будущем, будут воздерживаться от попыток активного влияния на внутренние дела другой страны.
--	--

Оба правительства пришли к решению поддерживать на этой основе взаимные отношения и приступить к задачам, которые могут в будущем стать перед ними и в том случае, если эти задачи затрагивают непосредственные отношения между обеими странами или другие их интересы.

Они убеждены, что этим путем они будут служить как интересам их стран, так и упрочению международного мира.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 163-164. Копия.

№ 171

*Записка Б.С. Стомонякова И.В. Сталину
о предстоящем открытии сессии согласительной комиссии**

№ 5936/с

13 июня 1930 г.
Сов. секретно

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)
тов. Сталину**

Уважаемый товарищ,

16 июня по инициативе Германии открывается в Москве 1-я сессия согласительной комиссии, предусмотренной советско-

* Штамп: Прот[окол] ПБ № 128, п. 6.

** Копия направлена М.М. Литвинову.

германским договором 1929 г. о согласительном разбирательстве спорных вопросов. С германской и с нашей стороны будет поставлен для разрешения ряд спорных вопросов экономического и международно-правового порядка. Чисто политические вопросы не ставятся ни германской, ни нашей стороной, хотя, конечно, некоторые из поставленных международно-правовых и экономических вопросов затрагивают политические отношения между Германией и СССР. Списки вопросов, которыми мы официально обменялись с германским правительством, при сем прилагаются. Оба списка составлены умышленно в достаточно неопределенных выражениях и оставляют за сторонами известную свободу постановки тех или иных смежных вопросов уже в самой согласительной комиссии. Ввиду этого мы точно не знаем, как будут сформулированы конкретные немецкие претензии, но можем на основании имеющихся материалов наметить с большей или меньшей вероятностью содержание немецких требований. Из экономических вопросов, поставленных Германией, наиболее существенными являются:

а) вопрос о Русском комитете;

б) вопрос о транзите на Восток;

в) вопрос о падающем германском вывозе в СССР и об оказываемом нами предпочтении Америке (немцы формулируют этот вопрос, как требование "наибольшего благоприятствования в товарообороте").

Из вопросов международно-правового порядка, выдвигаемых Германией, важнейшими являются:

а) жалобы на принудительную коллективизацию в отношении колонистов, являющихся германскими подданными, и на фактическую конфискацию имущества у германских граждан в городах путем высокого налогообложения;

б) вывоз валюты;

в) вопросы, связанные с общим режимом германских граждан в СССР, в первую очередь, продовольственный вопрос, и, наконец, сравнительно мало важный по существу, но вызывающий разногласия вопрос о выезде из СССР советских гражданок, вышедших замуж за германских граждан.

1. По вопросу о Русском комитете немцы настаивают, чтобы мы признали его официальным представителем германской промышленности, чтобы тем самым сделать его, с одной стороны, ходатаем по всяким жалобам немецких промышленников и купцов, а, с другой стороны, сделать его организатором единого фронта германской промышленности против нашей монополии внешней торговли. По этому вопросу наша позиция должна быть

по-прежнему решительно отрицательной. Ничего, кроме самого серьезного вреда, от удовлетворения этого германского требования мы ожидать не можем.

2. В отношении транзита на Восток Германия жалуется на то, что мы, предоставив ей формально, как торгово-договорной стране, право транзита на Восток, фактически свели его на нет тем, что запретили транзит как раз тех категорий товаров, которые и представляет интерес для Германии, в частности, — хлопчатобумажных тканей, изделий металлообрабатывающей и электротехнической промышленности, силикатных товаров, резиновых изделий, мыла и парфюмерии. Учитывая, что Персия строит другие, обходные пути, в том числе трансперсидскую железную дорогу, которые все равно лишат нас нынешней монополии ввоза товаров в северную Персию, и имея в виду, что нынешней нашей транзитной политикой мы вызываем озлобление, с одной стороны, в Персии, а с другой стороны — в Германии, я считал бы целесообразным сделать в этом вопросе некоторые уступки Германии при условии получения солидной компенсации в виде кредитов. Наибольший интерес для Германии представляет транзит в Персию изделий металлообрабатывающей и электротехнической промышленности. В отношении этих категорий товаров можно было бы сделать немцам уступку, связав ее с разрешением большого вопроса о кредитах. Тов. Микоян согласен с моим предложением.

3. Что касается вопроса о падении германского вывоза в СССР, т.е. иначе говоря, об увеличении наших заказов в Германии, то я заявлю немцам, что еще во время декабрьских переговоров 1928 г. предупреждал их, что наш импорт из Германии неизбежно падет, если со стороны германского правительства не будут приняты соответствующие меры в отношении кредитов. Таким образом этот вопрос немцев упирается непосредственно в вопрос о предоставлении нам кредитов, на чем я остановлюсь ниже.

4. По немецким претензиям в отношении принудительной коллективизации и налогового обложения мы заявим, что нашими внутренними мероприятиями отдельные немецкие жалобы уже урегулированы. Возможное немецкое требование о гарантиях на будущее мы, конечно, отклоним категорически.

5. Одним из труднейших вопросов в переговорах будет, без сомнения, вопрос о вывозе германскими гражданами валюты за выручку от продажи своего имущества в СССР. По действующему торговому договору 1925 г. немцам предоставлено в общей форме право вывозить выручку от продажи своего имущества. Мы толкуем, однако, это право таким образом, что оно касается лишь выручки от продажи личного имущества, носящего строго

потребительский характер, но не домов, небольших промышленных предприятий, скота и т.п. Наша позиция в этом вопросе будет исключительно трудной. Некоторые уступки были бы дискуссионными лишь в том случае, если бы Германия разрешила благоприятно для нас большой вопрос о кредитах.

6. По вопросу о режиме германских граждан в СССР мы постараемся, в первую очередь, по продовольственному вопросу, использовать постановление Совнаркома о разрешении иностранным специалистам ввозить из-за границы продовольственные посылки по особой норме с оплатой пошлины в пониженном размере.

Важнейшими вопросами, выдвигаемыми с нашей стороны, являются:

а) таможенно-тарифные вопросы, т.е. наше требование заключения таможенной конвенции, по которой мы получили бы скидки с последних германских аграрных пошлин;

б) ветеринарные вопросы, сводящиеся к нашим требованиям отмены ряда ограничительных ветеринарных мероприятий, препятствующих нашему экспорту и транзиту продуктов животноводства и живых свиней, и, наконец,

в) вопрос о кредитах.

Здесь, в согласии с тов. Микояном, я предлагаю выставить те кредитные требования, которые мы выдвинули в начале 1929 г. при переговорах с Поссе, Дирксом и Шлезингером, не настаивая, однако, на займе.

Поскольку мы договорились с германским правительством о том, что переговоры в согласительной комиссии должны начаться с экономических вопросов, мы очень скоро подойдем к вопросу о кредитах и прощупаем намерения германской стороны. Если немцы пойдут на предоставление нам кредитов, тогда нам придется сделать им ряд более или менее существенных уступок по их требованиям. В противном случае нам надо будет ограничиться урегулированием ряда текущих вопросов с той и другой стороны, не делая никаких существенных уступок по важнейшим немецким вопросам (валюта, транзит, заказы и пр.).

Ввиду изложенного я прошу рассмотреть на ближайшем заседании Политбюро 15 июня лишь вопрос о тех требованиях, которые мы должны выдвинуть в отношении кредитов, и вместе с тем назначить авторитетную комиссию Политбюро для руководства переговорами, имея в виду то обстоятельство, что Политбюро, вероятно, не сможет собираться регулярно из-за съездовской работы.

С товарищеским приветом Б. Стомоняков

Посылаю 15 экземпляров на случай, если Вы найдете нужным разослать письмо членам Политбюро.

Вопросы для согласительной комиссии, поставленные немцами

1. Практическое применение коллективизации и налогового законодательства к германским гражданам.
2. Вывоз имущества и валюты.
3. Толкование национального режима.
4. Выход советских гражданок – жен германских граждан из советского гражданства.
5. Вопросы въезда и выезда.
6. Русский комитет германской промышленности.
7. Публичная дискриминация германских товаров.
8. Экономический институт для СССР и восточных стран.
9. Хозяйственная деятельность торгпредства.
10. Наибольшее благоприятствование в товарообороте.
11. Транзит почтовых посылок.
12. Ущемление германского мореплавания.
13. Нерегистрация довоенных товарных знаков.
14. Нанесение ущерба германской промышленности новым советским предписанием о сборах за патенты и товарные знаки.
15. Разные претензии.

Вопросы для согласительной комиссии, поставленные нами

- I. По соглашению о поселении.
 - 1) Национальный режим в отношении советских граждан в Германии.
 - 2) Режим советских студентов в Германии.
 - 3) Вопросы въезда и выезда.
 - 4) Вопросы судебной защиты интересов СССР в Германии.
- II. По экономическому соглашению.
 - 1) Таможенно-тарифные вопросы.
 - 2) Дискриминация советского экспорта в Германии.
 - 3) Применение наибольшего благоприятствования в товарообороте.
 - 4) Ветеринарные вопросы.
 - 5) Вопросы выполнения ст. I экономического соглашения от 12.12.1925 г. и разъяснительного к ней протокола от 21.12.1928 г.
 - 6) Затруднение деятельности советских торговых организаций в Германии.
- III. По соглашению о промышленной собственности.
 - 1) Нерегистрация товарных знаков хозяйственных организаций СССР.

2) Нарушение интересов хозяйственных организаций СССР допущением неправильного обозначения места происхождения товаров.

IV. Разрешение различных претензий.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 174-179. Подлинник.

№ 172

*Записка Б.С. Стомонякова Я.Э. Рудзутаку
о программе работы согласительной комиссии*

№ 5955

21 июня 1930 г.

Секретно

Экз. № 5

Председателю комиссии Политбюро

тов. Я.Э. Рудзутаку

Копии: тт. Куйбышеву, Микояну, Литвинову и Сталину

Уважаемый товарищ,

Посылаю Вам в приложении программу работы и справку о состоянии переговоров в советско-германской согласительной комиссии по сей день. По ряду соображений я воздерживаюсь от внесения в письменном виде наших предложений и сделаю их устно на завтрашнем заседании комиссии.

2 приложения.

С товарищеским приветом:

Б. Стомоняков

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 181. Копия.

Приложение 1

Программа работы согласительной комиссии

21 июня 1930 г.

Вопросы для согласительной комиссии, поставленные нами

I. По соглашению о поселении.

1) Национальный режим в отношении советских граждан в Германии.

2) Режим советских студентов в Германии.

3) Вопрос въезда и выезда.

4) Вопросы судебной защиты интересов СССР в Германии.

II. По экономическому соглашению.

1) Таможенно-тарифные вопросы.

- 2) Дискриминация советского экспорта в Германию.
- 3) Применение наибольшего благоприятствования в товарообороте.
- 4) Ветеринарные вопросы.
- 5) Вопросы выполнения ст. I экономического соглашения от 12.10.1925 г. и разъяснительного к ней протокола от 21.12.1928 г.
- 6) Затруднения деятельности советских торговых организаций в Германии.

III. По соглашению о промышленной собственности.

1) Нерегистрация товарных знаков хозяйственных организаций СССР.

2) Нарушение интересов хозяйственных организаций СССР допущением неправильного обозначения места происхождения товаров.

IV. Разрешение различных претензий.

Вопросы для согласительной комиссии, поставленные немцами

I. По соглашению о поселении

1. Практическое применение коллективизации и налогового законодательства к германским гражданам.

2. Вывоз имущества и валюты.

3. Толкование национального режима.

4. Выход советских гражданок – жен германских граждан из советского гражданства.

5. Вопросы въезда и выезда.

II. По экономическому соглашению

6. Русский комитет германской промышленности.

7. Публичная дискриминация германских товаров.

8. Экономический институт для СССР и восточных стран.

9. Хозяйственная деятельность торгпредства.

10. Наибольшее благоприятствование в товарообороте.

11. Транзит почтовых посылок.

III. По соглашению о мореплавании

12. Ущемление германского мореплавания.

IV. По соглашению о промышленной собственности

13. Нерегистрация довоенных товарных знаков.

14. Нанесение ущерба германской промышленности новым советским предписанием о сборах за патенты и товарные знаки.

15. Разные претензии.

*Справка о состоянии переговоров с немцами
в согласительной комиссии на 21 июня 1930 г.**

21 июня 1930 г.
Секретно

Тов. Рудзутаку, Микояну, Куйбышеву**

Советской и германской сторонами были поставлены на переговоры вопросы, содержащиеся в прилагаемых списках. Согласно предварительной договоренности переговоры начались с обсуждения экономической части взаимных претензий.

С нашей стороны подверглись обсуждению:

1. Таможенно-тарифные вопросы.
2. Дискриминация советского экспорта.
3. Применение наибольшего благоприятствования.
4. Затруднение деятельности советских торговых организаций в Германии.
5. Ветеринарные мероприятия.
6. Вопросы, связанные со ст. I экономического соглашения, т.е. мероприятий, которые должны применяться сторонами для развития товарооборота.

1. Таможенно-тарифные вопросы. Мы поставили вопрос о нарушении наших интересов в связи с последним повышением германских аграрных пошлин и указали на невыполнение немцами их обязательств относительно заключения таможенной конвенции. Мы потребовали установления на согласительной комиссии принципов будущей конвенции и взаимного предупреждения сторон о предстоящем повышении таможенных пошлин. Немцы в открытом заседании (с участием экспертов) ограничились формальным заявлением о готовности германского правительства приступить к переговорам о таможенной конвенции, одновременно подчеркнув, что согласительная комиссия не компетентна устанавливать принципы этой конвенции. В закрытом заседании (без экспертов) Раумер заявил, что перспектив заключения таможенной конвенции не имеется и что единственной возможной формой обеспечения интересов нашего экспорта является заключение длительных договоров о поставках советских товаров при участии Русского комитета и германского правительства. В ответ на дополнительные запросы Раумер разъяснил, что он не

* Заголовок документа.

** Копии направлены М.М. Литвинову и И.В. Сталину.

имеет в виду предоставление каких-либо конвенционных скидок тем нашим товарам, по которым будут заключаться длительные договоры.

2. Дискриминация советского экспорта. Этот вопрос мы связали с вопросом о затруднении деятельности наших торговых организаций в Германии. По этому пункту мы выдвинули жалобу на то, что для сбыта нашего бензина создалось неблагоприятное положение в связи с тем, что для румынского бензина предоставлены льготы по Дунайскому тарифу. В этой же связи мы жаловались на затруднение деятельности агентов торгпредства в Кёльне, Мюнхене и Бреславле, на затруднение торгпредства в отношении финансирования им сделок с германскими фирмами и на невключение советских организаций в число членов товарных бирж. Вопрос о Дунайском тарифе немцы отвели из переговоров, указывая, что это дело в дипломатическом порядке до сих пор не обсуждалось и что формально дискриминации нашего бензина не имеется, так как наши организации могут получить льготы по Дунайскому тарифу, если бензин будет направляться по Дунаю. В отношении агентств и уполномоченных торгпредства немцы заявили, что поскольку для открытия отделений требуется согласие германского правительства, очевидно, что и учреждению должностей агентов и уполномоченных должно предшествовать такое же согласие. В отношении финансирования торгпредством сделок с германскими фирмами немцы указали, что торгпредство должно заниматься внешней торговлей, но не финансированием этой торговли. По поводу участия наших организаций в товарных биржах немцы сослались на автономность этих организаций и на то, что им неизвестны случаи невключения наших организаций в состав бирж. Мы снимаем вопрос о дискриминации нашего бензина, так как наша формальная позиция в этом деле слаба. Точно также мы не сможем провести по формальным соображениям нашего предложения об агентствах и уполномоченных торгпредства. В отношении права торгпредства на финансирование сделок мы будем настаивать. По поводу бирж мы предлагаем резолюцию относительно содействия германского правительства в деле включения наших организаций в число членов бирж. По всем вопросам нашего экспорта мы предлагаем резолюцию о благожелательном отношении германских властей к нашим жалобам на затруднения, чинимые нашему экспорту.

3. Ветеринарные вопросы. Мы выставили по этому пункту в подкомиссии ряд требований, из которых часть носит технический характер, а большинство связано с нашим пожеланием получить все те льготы, которые предоставлены Германией Польше в подпи-

санном недавно польско-германском торговом договоре. Немцы не дали никакого ответа на наше предложение, указав, что вопрос очень специальный и требует консультации ветеринарных экспертов. Во время прений ими было указано, что поскольку Польше льготы предоставлены на основании компенсации, трудно рассчитывать, что нам соответственные льготы будут даны без всяких компенсаций.

4. Вопросы наибольшего благоприятствования. По этому пункту мы представили жалобы на то, что в силу формального истолкования постановлений германского тарифа мы практически лишены в ряде случаев возможности использовать наибольшее благоприятствование. Хозорганами нам сообщено шесть подобных случаев, из которых три урегулированы, по одному мы жалобы не подавали, а в отношении остальных двух немцы оспаривают правильность нашего толкования тарифа. Мы предложили вновь обратить внимание германских таможенных органов на необходимость широкого применения постановлений декабрьского протокола 1928 г., предусматривающего благожелательное толкование таможенных постановлений. Немцы это отклонили, ссылаясь на то, что для этой резолюции нет оснований.

5. По ст. I экономического соглашения мы поставили вопрос о том, что для развития товарооборота необходимо принять мероприятия с обеих сторон, стимулирующих это развитие. С немецкой стороны таким мероприятием являются кредиты. Таким образом, мы подошли к вопросу о кредитах. В закрытом заседании Раумер заявил, что немцы широко кредитуют наши закупки. Из трехсотмиллионного кредита 90 млн нами еще до сих пор не погашены. 240 млн марок немцы фактически гарантировали в последнее время. К данному моменту обещаны фирмам еще гарантии на 160 млн марок. Таким образом, гарантийный кредит в Германии для экспорта в СССР составляет 500 млн марок. Мы указали, что в предыдущих кредитных переговорах имелись ввиду не кредиты, в каждом отдельном случае зависящие от усмотрения германского правительства и которыми вследствие этого мы не можем диспонировать* в нашей торговле. Немцы заявили, что они на это в настоящее время пойти не могут.

Из немецких вопросов были обсуждены:

1. Публичная дискриминация германских товаров.
2. Наибольшее благоприятствование.
3. Хозяйственная деятельность торгпредства.
4. Транзит почтовых посылок.
5. Русский комитет.

* Распоряжаться.

1. Публичная дискриминация германских товаров. Немцы жалуются на заметки в наших газетах о скверном качестве германских товаров, подчеркивая, что эти заметки наносят ущерб “доброму имени” немецких фирм. Они требовали проверки поступающих в редакции сообщений через торгпредство и Русский комитет. Когда мы категорически отвергли, они просили помещать в наших газетах опровержения фирм, в помещении которых им до сих пор (за исключением одного случая) отказывали. Мы заявили, что в частном порядке переговорим с редакциями газет “Экономическая жизнь” и “За индустриализацию” и выясним, согласятся ли они помещать опровержения германских фирм.

2. По наибольшему благоприятствованию немцы развили аргументацию о том, что этот принцип не имеет значения при монополии внешней торговли, когда государство является единственным покупателем и продавцом. Они считают, что наибольшее благоприятствование может иметь смысл только в том случае, если оно применяется к условиям поставок и к условиям платежей. По мнению немцев, практика показала, что мы не применяем к Германии принцип наибольшего благоприятствования, так как мы покупаем в Америке на значительно более благоприятных для Америки условиях, чем в Германии. Мы доказывали, что наибольшее благоприятствование не может применяться к условиям отдельных сделок, а что общих предписаний создавать для Америки более благоприятные условия, чем для Германии, не имеется.

3. По вопросу о хозяйственной деятельности торгпредства немцы вновь выдвинули жалобу, что мы занимаемся розничной торговлей. Мы подчеркнули, что розничной торговлей не занимаемся и что сейчас после реорганизации внешней торговли меньше, чем когда-либо предполагаем ею заниматься.

Кроме того, по этому пункту немцы попытались поставить вопрос о том, что мы нашими торговыми методами дезорганизуем рынок (неравномерная продажа яиц – выбрасываются сразу большие партии, а потом долгое время товара вообще нет, продажа выделанной пушнины дешевле невыделанной, нежелание войти в резиновый картель и т.п.). Мы отвели этот вопрос, как не имеющий отношения к переговорам, и немцы его сняли.

4. Почтово-посылочный транзит. Немцы поставили остро вопрос о списке товаров, запрещенных к транзиту. Они считают, что этот список резко нарушает немецкие интересы, и заявляют, что самый факт установления списка противоречит договору. Мы доказываем, что договор не нарушен и что мы имеем формальное право устанавливать любые запрещения. По существу немцы хотят исключения из списка: хлопчатобумажных тканей, металло- электро- и резиновых изделий, силикатных товаров, мыла и парфюмерии.

5. Из немецких вопросов, по-видимому, важнейшим, является вопрос о признании Русского комитета в качестве представителя германской промышленности. Раумер в закрытом заседании даже заявил, что комитет создан правительством. Мольтке (представитель Аусамта) в этой части не поддержал его, отметив лишь, что германское правительство считает комитет полезным учреждением. Раумер заявил, что комитет согласится дать любое устраивающее нас заявление, которое покажет, что комитет имеет целью содействовать развитию отношений с СССР, а не мешать им. Раумер подчеркнул при этом, что комитет реорганизован из Русского комитета в комитет для восточных стран.

6. Немцами был поставлен также вопрос об ущемлении германского мореплавания. Они в самых общих чертах указали, что германский флаг недостаточно привлекается к перевозкам в советско-германском обороте. Как известно, на основании обещания, данного мною во время прошлых переговоров с немцами, у Совторгфлота имеется соглашение о регулярной линии с немецкими компаниями Штеттинской и Гамбургской. Немцы уверяют, что это соглашение недостаточно выполняется нами с точки зрения правильного распределения грузов. Своей позиции они подробно не развивали и предложили образовать комиссию для выяснения взаимных жалоб. Эта комиссия начнет работать после приезда специального эксперта.

7. Из других вопросов, поставленных немцами, заслуживает внимания вопрос о признании корреспондентов немецких газет постоянно проживающими в Союзе. Как известно, иностранцы в СССР делятся на постоянно проживающих, если они находились в Союзе 18 месяцев и занимались не запрещенной законом деятельностью, и на временно проживающих. Право постоянного проживания дает право на получение обратной въездной визы. Мы до сих пор не признавали корреспондентов постоянно проживающими и не выдавали им (наиболее известен случай корреспондента "Берлинер Тагеблатт" Шеффера) обратных въездных виз. Наше ограничительное толкование закона о постоянном проживании иностранцев не основано ни на каком опубликованном документе. Немцы доказывают, что это неправомерно, поскольку речь [идет] о произвольной интерпретации закона, не покоящейся ни на каком опубликованном правительственном акте. Мы доказываем, что в вопросе об определении постоянного местопребывания договор отсылает к внутреннему закону, в отношении истолкования которого мы ничем не связаны.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 184–189. Копия.

№ 173

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О Германии"

№ П 129/37-рс

27 июня 1930 г.
Строго секретно
Из "Особой папки"

22. а) Установить, как правило, по секретным вопросам никакой переписки не вести.

б) Для рассмотрения вопроса создать комиссию в составе тт. Сталина, Рыкова, Микояна, Литвинова и Стомонякова.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 190. Копия.

№ 174

*Записка А.И. Микояна И.В. Сталину о беседе с главой немецкой делегации в советско-германской согласительной комиссии по условиям предоставления СССР германского кредита***

№ М-247сс

27 июня 1930 г.
Сов. секретно
Экз. № 1

ЦК ВКП(б) – тов. Сталину

Председатель германской делегации г-н фон Раумер попросил свидания с т. Гуревичем и выразил желание поговорить по ряду других вопросов, не входящих в круг компетенции согласительной комиссии, с одним из членов правительства. Тов. Гуревич рекомендовал г-ну фон Раумеру поговорить с тт. Рудзутаком и Куйбышевым или со мной. Г-н фон Раумер попросил свидания с одним из перечисленных товарищей. Тов. Гуревич направил его к т. Стомонякову. Тов. Стомоняков поставил вопрос в комиссии, выделенной ПБ. По поручению председателя комиссии тов. Рудзутака я сегодня принял г-на фон Раумера вместе с советником германского посольства г. Гильгером, который был переводчиком в нашей беседе.

* Вопрос представлен А.И. Микояном. Выписка из протокола № 129 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 27 июня 1930 г., п. 22. Направлена А.И. Микояну, М.М. Литвинову.

** *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 129, п. 22.

Фон Раумер говорил очень долго (беседа затянулась на два часа). Фон Раумер в своей беседе почти исключительно говорил по вопросу о кредитах. С этого прямо он и начал. Он заявил, что во время обсуждения в согласительной комиссии пункта советско-германского договора о содействии товарообороту советские делегаты поставили вопрос о кредитах в качестве одной из причин, задержавших рост германо-советского товарооборота. Однако, поскольку вопрос о кредитах не входит в круг компетенции согласительной комиссии, он не счел возможным обсуждать этот вопрос в комиссии и теперь в частном порядке, (он несколько раз подчеркивал этот момент), как один из руководителей германской промышленности и сторонник развития советско-германских отношений после Рапалльского договора, хочет использовать свой приезд в Москву и взять на себя инициативу в частном порядке продвинуть вопрос о кредитах. Но для того, чтобы этого достигнуть в Германии, он хочет иметь от нас заверение, что выдвинутая им схема может послужить основой для соглашения.

При обсуждении вопроса о кредитах необходимо, по словам Раумера, исходить из финансового положения Германии с учетом интересов Советского Союза. Хотя еще не весь трехсотмиллионный кредит погашен (осталось еще 90 млн марок), они выделили до сих пор своим фирмам гарантию на сумму около 250 млн марок, обещая дать еще на 160 млн; фактически же из этой суммы будет реализовано наверное около одной трети. Фон Раумер понимает, что новая кредитная акция не должна представлять из себя простого повторения 300-миллионного кредита; он понимает, что нам нужны более длительные сроки кредитов, чем это было при трехсотмиллионном кредите. Дальше он подчеркнул и неоднократно аргументировал неудобство трехсотмиллионного кредита для немецких фирм и Советского Союза, заключающееся в том, что при условии гарантирования правительством только 60% стоимости заказа, фирмы вынуждены искать средства для остальных 40%, что, с одной стороны, создает большие затруднения для фирм, и, с другой стороны, наводняет вексельный рынок советскими векселями сверх меры, нанося тем самым ущерб советскому вексельному рынку.

Исходя из всего этого, фон Раумер считает, что размеры кредита должны составить 300 млн марок, мотивируя это, между прочим, тем, что общественное мнение Германии привыкло к цифре 300-миллионного кредита и что такую акцию легче провести. Возможность проведения кредита в больших размерах он в нынешних условиях исключает.

В отношении сроков он считает возможным вместо средних 18 месяцев при трехсотмиллионном кредите – три года.

В отношении 40% негарантированной части стоимости заказа он предлагает следующую схему: германское правительство гарантирует не 60%, а 65%; из остальных 35%—15% сами фирмы, что им не трудно; остающиеся 20% советское правительство берет на себя, платя эту часть стоимости заказа при поставке наличными или беря на себя гарантию этой части кредита (в то время, как он несколько раз подчеркнул и аргументировал необходимость уплаты 20% наличными, в отношении гарантирования, что нам будет стоить меньше средств, он упомянул вскользь). При условии, если фирмам будет гарантировано 85% стоимости заказа, фирмы легко могут принять эти кредитные заказы, а советское правительство получит возможность дешевле покупать товары и избавиться от тяжелых условий учета его векселей на рынке. Причем, во избежание того, чтобы эти векселя в большой массе не выбрасывались на рынок, надо организовать учет этих векселей в одном или нескольких крупных банках.

Изложив все это, он просил меня согласиться на эти условия как основу, после чего, хотя он вопрос поднимает в частном порядке, он уверен, что в ближайшее время удастся осуществить новый трехсотмиллионный кредит.

В своем ответе я решил держаться таким образом, чтобы проявить минимум заинтересованности в кредите и больше выявить, насколько серьезно Раумер ставит этот вопрос. Поэтому я начал с общих вопросов советско-германских экономических отношений. Я заявил, что интересы Германии и СССР, а наши отношения строятся на трезвом учете реальных интересов, диктуют необходимость укрепления и развития германо-советских отношений. Те отдельные неполадки и жалобы, которые имеются в германо-советских отношениях и которые являются предметом обсуждения согласительной комиссии, они легко устранимы при наличии доброй воли обеих сторон. При отсутствии же ее любая из сторон, если пожелает, может их раздуть, но это будет в интересах не улучшения, а ухудшения отношений. Советское правительство всегда проявляло и проявляет добрую волю к упрочению советско-германских отношений. За последнее время в Германии немало людей, работающих в сторону ухудшения советско-германских отношений. Но я понял г-на фон Раумера так, что он, как делегат германского правительства, проявляет добрую волю к устранению этих вопросов и дальнейшему развитию советско-германских экономических отношений.

Если поставить вопрос прямо, исчерпаны ли все возможности развития советско-германской торговли, — то надо ответить отрицательно. Еще много возможностей для расширения германо-

советской торговли. Вину за недостаточность роста германо-советского оборота часть германской прессы хочет взвалить на советское правительство, но это в корне неверно. Сторонники улучшения советско-германской торговли должны ставить вопрос не о виновниках, а о тех позитивных мерах, которые действительно могут развить торговлю. Но если говорить о виновности, то надо отметить, что мы всемерно содействовали развитию советско-германской торговли, а в недостаточных ее результатах виновна германская сторона. Достаточно помнить, что по советско-германскому договору еще в 1925 году обе стороны обязались немедленно приступить к заключению таможенной конвенции. Через пять лет мы еще не только, по вине германского правительства, не начали переговоров и не заключили таможенной конвенции, но за это время германское правительство резко подняло пошлины именно на те товары, которые являются главными статьями советского экспорта в Германию.

Другой факт, имеющий решающее значение в деле развития германо-советской торговли – вопрос о кредитах, поднятый еще полтора года тому назад в переговорах между г-ном Поссе и т. Стомоняковым, не был разрешен по вине германского правительства.

Здесь фон Раумер заметил, что он не сторонник того, чтобы за это взваливать вину на советское правительство, согласен, что не о виновниках надо говорить, заявил, что повышение таможенных пошлин целиком в компетенции германского правительства, хотя это повышение задевает советскую торговлю, но если бы Германия не подняла этих пошлин при низких мировых ценах на сельскохозяйственные продукты, то она оказалась бы перед фактом аграрной революции. Прошлогодние переговоры о кредитах закончились бы успешно, заявил далее фон Раумер, если бы советское правительство согласилось на наши условия и не выставило требования о займах. Германское правительство было не в состоянии дать заем.

Я заявил, что советское предложение о займе и о размерах и сроках кредита не являлось ультиматумом. При наличии германского предложения и ответного советского предложения, по уговору обеих сторон, дальнейшие переговоры должны были привести к соглашению о размерах и условиях займа и кредитов. Однако, переговоры были прерваны германским правительством. Тот факт, что германское правительство, по заявлению фон Раумера, за это время выдавало гарантии своим фирмам, не может заменить вопроса о кредитной схеме, тем более, что эти гарантии, существенного эффекта не дали в развитии германо-советской торговли. Инициатива г-на фон Раумера по вопросу о кредитах

при успешном завершении его должна дать толчок к развитию германо-советской торговли. Я полагаю, что в интересах советско-германской торговли наиболее полезным было бы возобновление ранее прерванных переговоров и обсуждение внесенных тогда предложений Советским Союзом и Германией.

На это фон Раумер заявил, что обстановка в Германии теперь иная, чем в момент тех переговоров, и поэтому он не считает возможным простое возобновление переговоров и просит меня лично сказать ему, могут ли его предложения служить основой для переговоров. В частности, прежде, чем по его возвращению в Германию двинуть этот вопрос, ему необходимо знать наше мнение по некоторым основным вопросам с тем, чтобы детально их уточнить при последующих переговорах, а именно: размер кредита – 300 млн марок, продолжительность кредита в среднем – три года; метод осуществления кредита – наше участие – 20% стоимости заказа. Причем он несколько раз подводил меня к тому, чтобы я дал прямой ответ на поставленные вопросы.

Я заявил, что предложенная г-ном фон Раумером схема не будет иметь того эффекта, который желателен в интересах серьезного расширения германо-советской торговли, и что мне кажется, исходя из интересов германо-советской торговли, необходимо примерно удвоить цифру, предложенную г-ном фон Раумером. Далее я заявил, что в то время, как в предыдущих переговорах речь шла о 500 млн марок, он теперь ставит вопрос о 300 млн, и в то время, как тогда с германской стороны речь шла о пятилетнем сроке кредита, а с нашей стороны – о десятилетнем, теперь он ставит вопрос о трехлетнем сроке.

Он заявил, что исключает возможность говорить о 500 млн марок, во-первых, потому, что заявленные в тех переговорах 500 млн марок не являются обязательством со стороны германского правительства, во-вторых, потому, что с момента тех переговоров германское правительство уже вложило гарантии по кредитам СССР на 200 млн марок, и, в-третьих, по финансовому положению Германии и по состоянию общественного мнения имеет шансы пройти кредит в 300 млн марок. Причем он полагает, что при известных условиях, через некоторое время может быть проведена другая кредитная сделка, что это не последний кредит и т.д. Он несколько раз подчеркнул, что для успеха кредитного дела надо к вопросу подойти умело и осторожно, считаясь с состоянием Германии, общественным мнением и финансовым положением ее.

Далее он выразился так: “Я предпочитаю 300 млн марок полученного кредита пятистам миллионов марок неполученным”.

Он повторил, что считает обязательным участие советского правительства в 20% вместо 25%, как об этом говорилось в предыдущих переговорах стоимости заказов по кредиту, и хочет узнать наше мнение по этому поводу.

Я заявил, что по вопросу о размерах, сроках и других условиях кредита можно будет говорить, когда будут начаты переговоры по кредиту, и я надеюсь, что при наличии доброй воли с германской стороны мы достигнем соглашения. Я хотел бы узнать, какими методами и в какой срок фон Раумер предполагает поставить и разрешить вопрос о кредитах. Он с большой неохотой и в неопределенных выражениях заявил, что если он получит с нашей стороны согласие на выставленные им условия, то он поедет в Берлин договориться с лидерами партии и еще до роспуска рейхстага, что должно иметь место в середине июля месяца, фактически закончить дело, не в смысле окончательного подписания соглашения, а в смысле фактического решения вопроса. Он затрудняется сказать, в какой форме можно и нужно записать это в протокол согласительной комиссии, но он допускает, что можно было бы найти форму и включить в протокол согласительной комиссии, если бы со стороны советского правительства было желание в этом духе. Поскольку он скоро собирается ехать в Германию, он хотел бы иметь наше мнение о том, приемлема ли его схема как основа или нет.

Я заявил, что сегодня не могу дать точного ответа по вопросу о размерах, сроке и условиях кредита, ибо к этому не подготовлен, поскольку я не предполагал, что наша беседа будет идти о кредитах, и хотел бы эти вопросы обсудить с тов. Хинчуком и другими моими коллегами. Тогда он спросил, когда и каким путем он получит ответ, буду ли я с ним говорить второй раз, или поручу кому-нибудь сообщить ему ответ. На это я ему сказал, что считаю возможным вторую встречу. Он закончил беседу тем, что он меня понимает в том смысле, что инициативу следующей встречи я беру на себя.

* * *

Накануне свидания с фон Раумером гг. Дволайцкий и Стомяков мне передали, что, по их впечатлению, у фон Раумера и у немцев нет серьезного желания ставить вопрос о кредитах и по всей вероятности, он хочет занять нас пустыми разговорами о кредитах для того, чтобы натолкнуть нас на уступки по вопросам, стоящим на повестке согласительной комиссии. Это подкреплялось ими тем, что на заседании согласительной комиссии была очень резкая стычка между немцами и нашими товарищами — немцы категорически высказались против кредитов.

Из этой беседы с фон Раумером у меня осталось впечатление другое. Фон Раумер так настойчиво, так долго говорил о креди-

тах, аргументировал различными доводами, часто повторяясь, так настойчиво требовал моего согласия на его схему, что вряд ли можно это сделать, действительно не желая решить кредитный вопрос и не имея на это предварительного согласия германского правительства. У меня сложилось впечатление, что немцы под влиянием английского соглашения, переговоров о кредитах с Италией, страха перед ростом советско-американской торговли, перед лицом тяжелого кризиса в промышленности решили идти на кредитную сделку, чтобы поднять свой экспорт.

Из всех условий, которые выдвинул фон Раумер, он настойчивее всего отстаивал размеры кредита в 300 млн марок, а также необходимость нашего участия в 20% стоимости заказов по кредиту. Его аргументация о сроках кредита не была убедительной. Он, например, говорил, что в тот момент выставляли срок кредита в 5 лет, поскольку тогда было начало пятилетки, теперь от пятилетки осталось 3 года, и средний размер кредита в 3 года целиком соответствует пятилетнему плану.

Исходя из всего этого, прошу ПБ срочно обсудить этот вопрос, причем я полагаю.

- 1) согласиться на 300 млн кредита,
- 2) потребовать вместо 3 лет – 5 лет средней продолжительности кредита;
- 3) согласиться на гарантирование с нашей стороны 15% стоимости заказа при условии гарантирования германским правительством 70% стоимости.

На данной стадии не затрагивать вопроса об остальных деталях условий кредита.

А. Микоян

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 191–200. Подлинник.

№ 175

Протокол заседания комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу о Германии

27 июня 1930 г.

Сов. секретно
“Особая папка”

Присутствовали: тт. Сталин, Рыков, Микоян, Литвинов и Стомоняков.

Слушали: О Германии.

Постановили: Поручить т. Микояну сообщить Раумеру, что в результате разговоров, имевших место в прошлом о кредитах, установилось у нас такое недоверчивое отношение к форме частных переговоров без соответствующих полномочий и что в резуль-

тате этого никто из членов нашего правительства не считает возможным обсуждать серьезно вопросы о кредитах, а также и давать ответы по этим вопросам до получения лицом, желающим вести переговоры, официальных полномочий своего правительства.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 201, 202. Подлинник.

№ 176

Протокол заседания комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) о Германии

27 июня 1930 г.

Сов. секретно
“Особая папка”

Присутствовали: тт. Сталин, Рыков, Микоян, Литвинов, Сто-
моняков.

Слушали: О Германии.

Постановили: а) Согласиться на 300 млн кредита.

б) Потребовать 5 лет средней продолжительности кредита с момента поставки товаров. Детальную схему кредитов выработать особо.

в) Поставить непременно условием, чтобы кредит носил финансовый характер, а не товарный.

г) Согласиться на гарантирование с нашей стороны 15% стоимости заказа при условии гарантирования германским правительством 70% стоимости кредита.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 203, 204. Виза А.И. Микояна.

№ 177

Справка члена коллегии

*Наркомторга СССР Ш.М. Дволайцкого о ходе переговоров
в советско-германской согласительной комиссии*

№ 5/сс

28 июня 1930 г.

Сов. секретно
Экз. № 5

Тов. Рудзутаку

Тов. Микояну

Тов. Куйбышеву

Копия: тов. Литвинову, тов. Сталину, членам коллегии НКВД

Справка о состоянии переговоров с немцами
в согласительной комиссии на 27 июня 1930 г.

В первом чтении согласительной комиссией рассмотрены почти все вопросы, поставленные на обсуждение советской и гер-

манской сторонами. Формально не обсужденным остался лишь поставленный советской стороной вопрос о судебной защите интересов СССР в Германии и разные претензии советской и германской сторон. В числе разных претензий с германской стороны имеются некоторые вопросы, носящие довольно острый характер (продолжающийся уже несколько лет спор между грузинскими марганцевыми организациями и германским кавказским товариществом относительно имущества, принадлежащего этому товариществу, которое грузинские организации считают национализированным, что оспаривается названным товариществом).

Таким образом, на сегодняшний день представляется возможным составить почти полный баланс переговоров.

Вопросы, рассмотренные комиссией, могут быть распределены на три группы.

I. Важнейшие вопросы, имеющие принципиальное значение, по которым точки зрения сторон на конференции не сблизились и по которым едва ли будут приняты согласованные решения.

II. Вопросы, менее принципиального значения, по которым компромиссные решения возможны.

III. Мелкие вопросы.

К первой группе вопросов относятся с германской стороны:

1) вопрос о Русском комитете германской промышленности;
2) вопрос о применении наибольшего благоприятствования к условиям, предлагаемым нашими организациями германским фирмам по поставкам и продажам;

3) вопрос о транзите почтовых посылок;

4) участие германских пароходных обществ в регулярных сообщениях;

5) применение коллективизации и налогового законодательства к германским гражданам;

6) вывоз валюты, представляющей выручку от проданного в СССР имущества;

7) применение национального режима к германским гражданам.

С советской стороны такими вопросами являются:

1) таможенно-тарифные вопросы;

2) ветеринарные вопросы;

3) кредитные вопросы;

4) вопросы судебной защиты интересов СССР в Германии;

5) регистрация советских товарных знаков в Германии.

1. Вопрос о Русском комитете является одним из важнейших в переговорах. Немцы добиваются признания Русского комитета в качестве представителя германской промышленности, который

совместно с торгпредством должен устранять возникающие препятствия в хозяйственном обороте между обеими странами и по соглашению с торгпредством устанавливать условия поставок и покупок товаров. Иными словами, немцами в открытой форме ставится вопрос о создании монопольного органа германской промышленности, противостоящего торгпредству в Германии.

2. По вопросу о наибольшем благоприятствовании немцы добиваются распространения этого принципа на условия поставок и на условия платежей. Они аргументируют это требование тем, что мы в Америке покупаем на значительно более благоприятных для Америки условиях, чем в Германии.

3. По вопросу о транзите почтовых посылок немцы требуют отмены списка товаров, запрещенных к транзиту. В дипломатическом порядке они настаивали на исключении из списка хлопчатобумажных тканей, электро- и металлоизделий, силикатных товаров, мыла и парфюмерии. Мы предлагаем им заключение конвенции, в которой было бы оговорено наше одностороннее право устанавливать запрещения по ввозу и вывозу. Мы готовы лишь в соответствии с постановлениями декабрьского протокола 1928 г. предупреждать их за шесть месяцев о предстоящем изменении списка, а равно обеспечить им в этом вопросе применение наибольшего благоприятствования, т.е. обязаться применять к немцам все те запрещения по транзиту, которые применяются к другим странам.

4. По вопросам мореплавания немцы добиваются установления пропорции между их судами и советскими судами. На линии Штеттин – Ленинград в соотношении 2:1, на линии Гамбург – Ленинград 1:2, на линии Бремен – Ленинград 1:1, на линии Гамбург – Бремен – Черное море 1:1. В настоящее время имеются соглашения лишь о регулярных линиях Штеттин – Ленинград и Гамбург – Ленинград. Немцы недовольны этими соглашениями, потому что, по их заявлению, мы снимаем большинство грузов с регулярной линии и направляем их на случайных судах. Они требуют, чтобы грузами снабжались в первую очередь суда регулярных линий. Мы заявляем, что вопрос о частнохозяйственных договорах Совторгфлота с германскими компаниями не может служить предметом правительственных переговоров, и по возникшим у компаний с Совторгфлотом разногласиям им необходимо договориться непосредственно.

5. В связи с вопросом о применении к германским гражданам коллективизации и налогового законодательства немцы ставят вопрос о том, что для кулаков германских граждан и для частных-немцев не имеется достаточной хозяйственной базы для дея-

тельности в СССР. Понимая, что расширение этой базы в условиях нашей системы невозможно, немцы ставят вопрос о том, чтобы им была дана возможность ликвидировать их имущество (каковой возможности они формально не лишены, но на практике эту ликвидацию осуществить не могут), перевести выручку от имущества в валюте за границу и выехать из пределов СССР. При этом немцы ссылаются на договор, который ими толкуется расширительно в части права на вывоз валюты (см. п. 6).

6. С этим вопросом тесно связан вопрос о вывозе валюты. Немцы претендуют на получение валюты для перевода за границу выручки от продажи имущества их граждан в СССР. Мы, толкуя договор ограничительно, соглашаемся предоставлять им валюту только для перевода выручки от домашнего и личного имущества, но не даем валюты для перевода выручки от продажи домов, мелких промышленных предприятий и т.д.

7. С предыдущими двумя пунктами тесно связан вопрос о применении к германским гражданам национального режима. Немцы указывают, что в современных условиях советского хозяйства граждане нетрудовых категорий лишены каких бы то ни было прав (право быть членом кооператива, право на получение заборных книжек и т.д.). Они считают, что применение национального режима к их гражданам, означающее приравнение их граждан нетрудовых категорий к нашим гражданам – не трудящимся, создает полную бесправность для их граждан; они требуют предоставления их гражданам того режима, который в СССР является наиболее льготным. Иными словами, они претендуют на приравнение их граждан нетрудовых категорий к нашим трудящимся в отношении их прав на территории СССР (речь, само собой разумеется, идет о хозяйственных, а не о политических правах).

Мы категорически отводим это требование, заявляя, что оно противоречит классовой природе нашего права.

По нашим вопросам.

1. Таможенно-тарифные вопросы. Мы указываем на нарушение наших интересов в связи с последним повышением аграрных пошлин и требуем от немцев выполнения их обязательств относительно заключения таможенной конвенции. Мы требуем установления принципов будущей конвенции и взаимного предупреждения сторон о предстоящем повышении таможенных пошлин. Немцы, формально заявляя о своей готовности немедленно приступить к переговорам о таможенной конвенции, в то же время в закрытых заседаниях прямо говорят, что перспектив на заключение таможенной конвенции нет и что одной из воз-

возможных форм обеспечения интересов нашего экспорта являются длительные договоры о поставках советских товаров при участии Русского комитета* концессионные акции предоставляться не будут. В последней стадии переговоров немцы вновь вернулись к своей позиции, сводящейся к формальному согласию приступить к переговорам о таможенной конвенции.

2. Ветеринарные вопросы. Важнейшим нашим требованием является требование о предоставлении нам после вступления в силу германо-польского договора всех тех льгот в ветеринарно-санитарной области, которые предусмотрены в этом договоре. Немцы на это не идут по той причине, что Польше льготы предоставлены на основе специальной компенсации, и они не хотят распространять на нас эти льготы без компенсации.

3. По вопросу о кредитовании. Немцы заявляют, что они фактически широко кредитуют наши покупки и что гарантийный кредит в Германии для экспорта в СССР составляет примерно 500 млн марок. На соглашение с нами о кредите, которым мы могли бы распорядиться в нашей торговле, немцы в настоящее время не идут.

4. По вопросу о судебной защите мы ссылаясь на имевшие место в последнее время процессы (дела фальшивомонетчиков, дело Орлова¹ и т.п.), указываем, что нашим интересам не обеспечена достаточная эффективная защита в германских судах, и требуем от германского правительства дачи указаний судебным органам в смысле реального обеспечения в германских судах советских интересов.

5. С предыдущим вопросом непосредственно связал вопрос о регистрации в Германии отдельных знаков советских хозяйственных организаций и о допущении в Германии к регистрации знаков эмигрантских фирм, содержащих обозначение производимых ими вне СССР товаров, как русских товаров. Здесь суд явно нарушает наши интересы, отклоняя наши жалобы на неправильное обозначение товаров в качестве русских и не удовлетворяя наши ходатайства о регистрации наших товарных знаков, соответствующих товарным знакам национализированных предприятий (дело знака Резинотреста "Треугольник"). Немцы отклоняют наше требование со ссылкой на то, что они не могут вмешиваться в деятельность независимых судов.

Ко второй категории вопросов, не имеющих столь принципиального значения и по которым возможны компромиссные решения, относятся поставленные с германской стороны:

* Далее два слова неразборчивы.

- 1) публичная дискриминация германских товаров,
 - 2) экономический институт для СССР и восточных стран,
 - 3) вопросы хозяйственной деятельности торгпредства,
 - 4) нерегистрация довоенных товарных знаков,
 - 5) признание корреспондентов германских газет домицилированными*,
 - 6) выход из советского гражданства советских гражданок — жен германских граждан,
 - 7) вопрос о патентных сборах,
 - 8) вывоз валюты временно проживающими в СССР немцами.
- С советской стороны:

1) Отдельные вопросы трактования нашего экспорта (тарификация товаров, ветеринарные вопросы).

2) Отдельные вопросы деятельности наших хозорганизаций в Германии.

1. Немцы ссылаются на заметки в наших газетах о скверном качестве германских товаров. Они требуют нашего обязательства помещать в “Экономической жизни” и “За индустриализацию” опровержения фирм. Мы заявили, что в частном порядке переговорим с редакторами этих газет и выясним, согласны ли они помещать опровержения германских фирм с критической оценкой этих опровержений.

2. По вопросу о хозяйственной деятельности торгпредства немцы жалуются, что торгпредство занимается розничной торговлей. Они требуют нашего заявления, что мы будем продавать только оптовикам. Мы предполагали ограничиться заявлением о том, что торгпредство до сих пор не занималось розничной торговлей и не предполагает ею заниматься и впредь (под розничной торговлей мы понимаем продажу мелкими партиями розничникам).

В этой же связи немцы требуют нашего заявления, что мы действиями торгпредства не будем наносить ущерба германской торговле и германской промышленности. Мы категорически отвергаем этот пункт; до сих пор он немцами в дискуссии ставился не остро.

3. По Экономическому институту для СССР и восточных стран. Немцы просят регистрации института и снятия ограничительных мероприятий, установленных для использования текущего счета этого института. Мы отказали в регистрации института на том основании, что он связан с Русским комитетом. В последнее время представители института заявляли, что они готовы снять со

* Постоянно проживающими.

своих бланков оговорки о связи с Русским комитетом. При этих условиях можно заявить немцам, что наши подлежащие органы готовы будут зарегистрировать институт, поскольку он является самостоятельным учреждением, независимым от каких-либо других организаций. В отношении текущего счета НКФ соглашается снять отдельные стеснительные мероприятия, сохранив два основных ограничения: а) снятие с текущего счета для перевода за границу запрещается; б) выписка журналов институтом может осуществляться в СССР лишь через “Международную книгу”.

4. Немцы жалуются на то, что из заявленных ими довоенных товарных знаков (80) — отклонено 36. Мы утверждаем, что эти знаки уже перестали быть товарными знаками и стали обозначением товаров (аспирин). Немцы предлагают созыв специального совещания патентных экспертов, предусмотренного в декабрьском протоколе 1928 г. для обсуждения этого вопроса. Это предложение представляет очень удобный для нас выход из этого положения, поскольку таким образом мы можем без разногласий снять вопрос с согласительной процедуры.

5. Немцы ставят остро вопрос о признании корреспондентов немецких газет постоянно проживающими в Союзе. Они указывают, что наше толкование действующего закона, по которому мы не даем постоянного проживания корреспондентам иностранных газет, не основано ни на каком опубликованном документе. Мы доказываем, что в вопросе определения постоянного места пребывания договор отсылает к внутреннему закону, в отношении толкования которого мы ничем не связаны. Тактически мы могли бы сейчас уступить, поскольку вопрос о домицилии* имеет значение лишь постольку он дает право на получение обратной въездной визы. Однако мы всегда имеем возможность в отдельных случаях не выдавать этих обратных виз и, кроме того, высылать нежелательных иностранцев. Уступать, однако, сейчас нецелесообразно, так как мы в течение года доказывали немцам, что корреспонденты не могут быть домицилированными, и поэтому изменение нашей позиции доказало бы произвольность толкования нами закона. Поэтому мы имеем в виду заявить немцам, что корреспонденты германских газет будут получать обратные въездные визы, поскольку в отдельных случаях не имеется возражений против выдачи таких виз тому или иному лицу без того, чтобы в вопросе о домицилии мы отошли от нашей принципиальной позиции.

6. Немцы просят согласия на автоматический выход из советского гражданства советских гражданок — жен германских

* Постоянное местопребывание (лат.).

граждан и о выдаче им до выхода из гражданства советских иностранных паспортов. Мы на это не соглашаемся, указывая, что это противоречит нашему внутреннему праву. Мы, однако, подтверждаем, что НКВД, как и до сих пор, будет оказывать возможное содействие к ускорению рассмотрения соответственных ходатайств жен германских граждан – советских гражданок.

7. Вопрос о патентных сборах. По нашему закону от внесения патентных сборов освобождаются трудящиеся СССР, работающие в советских предприятиях. Немцы протестуют против этого, ссылаясь на то, что они по договору имеют национальный режим, в силу которого они могут претендовать на распространение на них льгот по патентным сборам. Мы заявляем, что в новом законе иностранцы трудящиеся будут приравнены к советским трудящимся в отношении льгот по патентным сборам. Немцы в этой связи указывают, что поскольку у нас основными патентодержателями являются трудящиеся, а у них не трудящиеся, а фирмы, на практике немцы не смогут использовать льгот, предоставленных нашим гражданам. Они ставят в этой связи тот же общий вопрос, который отмечен выше, о приравнивании германских граждан нетрудовых категорий к советским гражданам трудовых категорий. В этом вопросе уступить в такой форме, конечно, невозможно. Выход возможен в форме специального соглашения о размере патентных сборов.

8. Кроме того, немцы ставят вопрос, чтобы их гражданам, временно проживающим в СССР, вне зависимости от того, ввезли ли они валюту, было предоставлено право получить валюту при выезде за границу в размере 25 руб. Это предложение не обосновывается ими никакими формальными соображениями и договорными постановлениями. Они указывают лишь, что невозможность получения даже самой мелкой суммы при выезде из СССР ставит германских граждан в очень тяжелое положение.

С нашей стороны:

1. По вопросу о благожелательном трактовании германских таможенных тарифов в применении к нашему экспорту немцы, по-видимому, пойдут на некоторые уступки. Они уже сейчас соглашаются дать нам заверение в том, что наши жалобы по этому вопросу будут рассматриваться благожелательно.

2. По отдельным вопросам режима наших советских организаций также можно рассчитывать на известные уступки с немецкой стороны. Немцы уже сейчас соглашаются по спорному до сих пор вопросу о праве торгпредства содействовать финансированию сделок, заключаемых с германскими фирмам, принять нашу точку зрения. По-видимому, так же в отдельных мелких вопросах

ветеринарно-санитарного режима нашего экспорта немцы пойдут на кое-какие уступки.

Из мелких вопросов внесены:

С немецкой стороны:

1) Установление срока для выдачи справок, являющихся основанием для выдачи выездной визы.

2) Ускорение досмотра морских судов.

3) Уплата портовых сборов германскими судами.

С нашей стороны:

1) Применение национального режима к советским гражданам в Германии.

2) Режим советских студентов в Германии.

3) Мелкие вопросы выезда.

1) Немцы просят установить срок, в течение которого выдавались бы справки, служащие основанием для выдачи выездной визы. Они предлагают установить такой срок в 14 дней. НКФ соглашается на 7–10 дней.

2) Немцы жалуются на то, что досмотр судов, заходящих в порты СССР, носит чрезвычайно обременительный характер (четыре стадии досмотра). Представлялось бы возможным пойти на некоторое упрощение режима досмотра.

3) Портовые сборы. Немцы жалуются на то, что их суда, заходящие в несколько портов подряд, вынуждены платить портовые сборы в каждом порту. По нашему закону право уплаты портовых сборов при первом заходе в советский порт имеют суда, поставленные на регулярные линии или заходящие в несколько портов на основании специального договора. Между тем, немецкие суда часто по предложению наших органов заходят в несколько портов подряд без того, чтобы с ними заключали общие договоры на заход во все эти порты. Представлялось бы целесообразным пойти немцам в этом вопросе навстречу, допустив уплату германскими судами в одном рейсе портовых сборов в первом порту захода в том случае, если они заходят в несколько портов подряд по поручениям наших органов.

С нашей стороны:

1) По национальному режиму в отношении советских граждан в Германии немцы готовы подтвердить, что наши граждане должны пользоваться правом приложения своего труда в Германии на одинаковых основаниях с местными гражданами и что требуемые германским законом специальные удостоверения для поступления на службу будут выдаваться советским гражданам без затруднений.

2) По вопросу об отдельных советских гражданах, имеющих германские аттестаты зрелости, немцы заявляют, что им неизве-

стные случаи, при которых наши граждане испытывали бы затруднения при поступлении в высшие учебные заведения. Поскольку мы в этом вопросе особо не заинтересованы и выдвинули его по тактическим соображениям, представляется возможным удовлетвориться общим заявлением немцев о том, что если на практике встретятся затруднения для наших граждан в этом отношении, то немцами будут приняты меры к устранению этих затруднений.

3) В связи с имевшими место отдельными случаями нарушения ранее данных немцами обещаний в отношении режима виз для наших граждан немцы соглашаются подтвердить своим органам необходимость строгого соблюдения договорных постановлений по этому вопросу.

Член коллегии Наркомторга Дволайцкий

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 657. Л. 205–214. Копия.

¹ Орлов Владимир Георгиевич (1882–1941) – юрист, в период Первой мировой войны служил в разведывательном отделении штаба главнокомандующего Северо-Западного фронта, при Временном правительстве следователь по делам о шпионаже и государственной измене при Ставке Верховного главнокомандующего, при советском правительстве поступил на советскую службу по фальшивым документам и в 1918 г. возглавлял Центральную следственную комиссию в Петрограде, вскоре был разоблачен и бежал в Финляндию. В 1919–1920 гг. воевал против красных в рядах белогвардейцев на юге России, был начальником контрразведки, руководителем Особого отдела в штабе генерала П.Н. Врангеля. Затем в эмиграции. В 1921–1926 гг. в Берлине вел сбор информации о деятельности большевистских вождей. В июле 1929 г. был осужден Берлинским судом на 4 месяца тюремного заключения, затем был выдворен из Германии. Другим осужденным с ним в США к четырехмесячному тюремному заключению за изготовление фальшивок являлся М.Г. Сумароков; сотрудник ЧК, был направлен в Берлин, в 1924 г., растратив казенные деньги, бежал и связался с германской полицией, выдал ей секретные сведения. Занимался фальсификацией различных политических и военных документов. В июле 1929 г. был осужден Берлинским судом к 4-месячному тюремному заключению, затем выдворен из Германии.

№ 178

*Протокол заседания комиссии Политбюро ЦК ВКП(б)
о советско-германских переговорах в согласительной комиссии*

29 июня 1930 г.

Сов. секретно

Председатель т. Рудзутак.

Присутствовали: тт. Куйбышев, Литвинов, Стомоняков,
Крестинский, Дволайцкий, Микоян.

Поручить советской делегации в согласительной комиссии
занять следующие позиции:

1) О Русском комитете.

Категорически отклонить германское предложение.

2) О гарантировании немцам условий торговли, не менее благоприятных, чем другим странам.

Категорически отклонить.

3) О не нанесении ущерба берлинским торгпредством германской промышленности и торговле.

Отклонить.

4) Об участии германского экспедиторского промысла в экспедировании грузов в советско-германском товарообороте.

Разрешить вопрос в порядке распоряжения Наркомторга торгпредству.

Вопрос о форме заявления в согласительной комиссии поручить разрешить тов. Стомонякову по согласованию с т. Микояном.

5) О продаже товаров мелкими партиями розничникам.

Заявить, что продажи мелкими партиями розничным торговцам не отвечают интересам и намерениям торгпредства. Формулировку этого заявления согласовать с т. Микояном.

6) Об опровержениях в газетах.

Поручить т. Стомонякову заявить, что им велись в частном порядке переговоры с редакторами газет “Экономическая жизнь” и “За индустриализацию” и выяснена их готовность помещать опровержения по поводу обвинений германских фирм в недоброкачественных поставках, оставляя, само собой разумеется, за собой право делать заключения.

7) О заключении таможенной конвенции.

Согласиться на созыв конференции 15 октября с.г.

8) О ветеринарных льготах.

Наставать на том, чтобы ветеринарно-санитарные льготы, предоставленные Польше, были распространены и на нас после вступления в силу германско-польского договора.

9) О почтовых посылках.

Предложение немцев отклонить.

10) О судоходстве.

Заявить, что германские предложения не могут служить предметом переговоров в согласительной комиссии.

В частном порядке заявить, что Совторгфлотом даны указания своим органам проверить жалобы и устранить в будущем поводы для законных жалоб немцев.

11) О портовых сборах. (Многочисленное взимание портовых сборов в разных портах).

Заявить немцам, что этот вопрос будет урегулирован.

Одновременно поручить Наркомпути и Наркомторгу урегулировать вопрос о портовых сборах.

12) Жалобы немцев на принудительную коллективизацию и безвозмездное отчуждение имущества.

Отвести со ссылкой на разрешение вопроса в дипломатическом порядке.

13) Жалобы на переобложение налогами германских граждан.

Заявить немцам, что в подобных случаях их граждане должны использовать все законные способы обжалования и что соответственным органам даны указания о внимательном и благожелательном рассмотрении этих жалоб.

Кроме того, Наркоминдел, как это было и до настоящего времени, будет оказывать содействие в удовлетворении справедливых жалоб.

14) По продовольственному вопросу.

Сообщить немцам в частном порядке, что льготы по продовольственным посылкам, данные германским инженерам и специалистам, будут распространены внутренним распоряжением и на германских служащих германских концессионных предприятий и германских корреспондентов.

15) О валюте.

Поручить т. Литвинову предложить германскому послу отложить до следующей сессии в виду невыясненности юридической и финансовой стороны вопроса.

16) О выезде советских жен германских граждан.

Заявить, что не будет препятствий к выезду советских жен германских граждан, за исключением случаев наличия фиктивных браков и уголовных преступлений.

17) О судебной защите.

Потребовать, чтобы германское Министерство иностранных дел через Министерство юстиции дало судебным органам комментарии, разъясняющие существующие между нами договора в целях обеспечения судебной защиты советских интересов в Германии.

18) О патентных сборах.

Согласиться на заключение специальной конвенции о размерах патентных сборов.

Председатель Рудзутак

№ 179

*Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину
с предложением направить приветственную телеграмму
правительству Германии в связи с выводом
окупационных войск с германской территории**

№ л/3691

2 июля 1930 г.

Секретно

Экз. № 1

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)

тов. Сталину

30 июня остатки французской оккупационной армии покинули так называемую 3-ю зону, после чего на германской территории не осталось больше иностранных оккупантов. Это событие празднуется соответственным образом во всей Германии. Я считал бы полезным послать по этому случаю германскому правительству поздравительную телеграмму согласно приложенного при сем текста**. Телеграмму надо послать по возможности сегодня же, ибо мы уже опоздали на пару дней.

Я поэтому просил бы Вас провести решение опросом членов Политбюро на съезде.

М. Литвинов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 690. Л. 85. Подлинник.

№ 180

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О Германии"*****

№ П 129/49-опр/с

3 июля 1930 г.

Строго секретно

52. Принять предложение НКВД о посылке следующей приветственной телеграммы немецкому правительству:

“От имени правительства Союза Советских Социалистических Республик прошу Вас, г. министр, принять и передать германскому правительству поздравление по случаю окончания

* *Штамл*: Прот[окол] ПБ № 129, п. 52.

** Приложенис в АП РФ отсутствуст.

*** Вопрос представлсн М.М. Литвиновым. Принято опросом членов Политбюро от 3 июля 1930 г. Выписка из протокола № 129 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 3 июля 1930 г., п. 52. Направлсна М.М. Литвинову.

режима оккупации иностранными войсками части германской территории и восстановления суверенитета германского народа. Правительство Союза, протестовавшее 13 января 1923 г. перед всем миром против оккупации германской территории, с особым удовлетворением отмечает восстановление прав германского народа в Рейнской области”¹.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 690. Л. 84. Копия.

¹ Текст приветственной телеграммы за подписью М.М. Литвинова опубликован в газете “Известия” 4 июля 1930 г.

№ 181

*Затиска К.Е. Ворошилова И.В. Сталину
о письмах советника германского посольства в СССР
Ф. Твардовского*

№ 0313/сс

6 июля 1930 г.
Сов. секретно

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)
Т. Сталину

Посылаю копии перевода двух интересных писем советника германского посольства в Москве Твардовского. Письма были адресованы в МИД Германии одному из приятелей Твардовского. Месяца 3–4 назад настроение Твардовского было не в пользу связи с нами, сейчас, как видно из писем он изменил свою точку зрения.

Приложение: 2 письма на 4 листах.

Ворошилов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 643. Л. 5. Подлинник.

Приложение 1

*Письмо Ф. Твардовского
в МИД Германии о положении в СССР
и советско-германских отношениях*

10 мая 1930 г.
Москва

Дорогой друг!

В пасхальные праздники было сравнительно спокойно, а сейчас в связи с возвращением посла, который должен продолжать здесь переговоры с русскими по достижению модуса вивенди

мне, наверное, опять придется чертовски много работать. Я пришел к заключению, что в отношении нашей политики к русским мы должны придерживаться следующих установок:

1) Форма правления останется здесь в дальнейшем прежняя, и всякие спекуляции на перемену власти являются неправильными; мы должны считаться с тем, что Советское государство является длительным фактором мировой политики, хотя, естественно, с течением времени эта власть должна будет пойти на некоторые изменения в смысле облегчения режима. Германия даже очень заинтересована в том, чтобы нынешняя власть осталась, ибо возвращение какой-либо демократии в западно-европейском смысле этого слова немедленно усилит французское и английское влияние, и мы останемся в хвосте. Вследствие этого существенное значение имеет то, чтобы влияние эмигрантских кругов в качестве экспертов по русским делам было сильно уменьшено, а то они до сих пор все еще слишком много действуют у нас за кулисами.

2) Для того чтобы дать нашей промышленности и сельскому хозяйству рынок сбыта в России, следует предоставлять не только кредит, давать высокого качества товары и быстро выполнять заказы (это все условия, на которые у нас не обращали до сих пор достаточного внимания, так как считали, что их можно заменить хорошими политическими отношениями) – но нужно, чтобы наши промышленные предприятия в гораздо большем масштабе, чем до сих пор, допускали русских на свои заводы для практической работы. Понятно, что после своего возвращения в Россию эти люди, изучив положение в Германии, с охотой будут давать заказы в Германию. Так же нужен возможно более широкий приток германских инженеров и квалифицированных рабочих в России. Другими словами, – мы должны совершенно сознательно пойти на то, чтобы не только не саботировать индустриализацию России, но сознательно поддерживать эту индустриализацию. Те факторы, которые тормозят русскую индустриализацию – халатность, экспериментирование, плохая организация, невежество – настолько крупного размера, что на сравнительно долгий срок нет основания ожидать опасности конкуренции России на мировом рынке. Я уже не говорю о том, что ведь мы все равно не можем задержать хода индустриализации. Впрочем, как известно, в 80-х и 90-х годах англичане также не могли воспрепятствовать индустриализации Германии. Вопрос о коммунистической пропаганде в Германии является чисто внутривнутриполитическим вопросом, который не должен мешать нашим отношениям к Советскому Союзу. Германия должна найти в себе внутренние силы для противодействия коммунистической заразе, ибо в противном случае она все

равно будет охвачена в той или иной форме коммунистической стихией. Полицией, пропагандой и т.д. этому делу не поможешь. Впрочем хорошие отношения с Советским Союзом скорее побудят русских считаться с существующим у нас режимом, чем в том случае, если отношения будут плохими.

3) Мы заинтересованы в том, чтобы Советский Союз выбрался из своего нынешнего ослабленного политического положения и в известной мере стал сильным государством. Тем самым наша дружба с Россией будет иметь в мировой политической игре больший вес. Кроме того, я уверен, что агрессивность коммунизма будет уменьшаться по мере того, как улучшатся внутривнутриполитические отношения, так как тогда не будет необходимости отвлекать внимание от плохого положения внутри страны призраком близкой мировой революции.

Чем труднее в настоящее время является внутривнутриполитическое положение (продовольственное затруднение, аграрная реформа и т.д.), тем лучше мы можем убедиться в прочности нынешнего режима, так как никто не выражает недовольства системой как таковой, а, несмотря на все затруднения, борьба идет лишь по вопросу о темпе реформы.

Я был рад, узнав от нашего эксперта по хозяйственным делам, который был во время Пасхи в Германии, что хозяйственное положение в Германии понемногу улучшается. Когда же мы, наконец, поймем как чрезвычайно важно в настоящий момент то, чтобы наши хозяйственные руководители проявляли большой оптимизм. Это постоянное рисование всего в черных красках принесит больше вреда, чем пользы.

Внутривнутриполитическое положение кажется мне опять испорченным, во всяком случае здесь в Москве ничего незаметно насчет "правительства сильной руки".

Я получаю сведения, что предполагают отозвать меня в Берлин, не столько для того, что я там более нужен, а скорее для того, что другие люди хотят получить мой пост здесь. Ну, особого сопротивления я оказывать не буду, если то, что мне предложат будет более или менее подходяще. Во всяком случае быть заведующим печати, как раньше тут намекали, я при нынешнем правительстве быть бы не хотел.

Сердечный привет

Ваш

*Письмо Ф. Твардовского в МИД Германии
о советско-германских отношениях*

16 мая 1930 г.
Москва

Милый друг!

Прежде всего это радостное известие, что я, по всей вероятности, через 8 или 14 дней на короткий срок приеду в Берлин в связи с германо-русскими переговорами, которые, может быть, заставят меня заняться немного немецкой прессой. Но это только для Вас. Я рассчитываю при этом на Вашу помощь. Направление моих мыслей Вы знаете. Сведения о проникновении американцев в русские дела становятся для нас все более угрожающими. Москва кишит от американские инженеров, и так как мы на западе теперь после предварительной ликвидации войны политически еле продвигаемся вперед, вопрос становится все более и более острым, не должна ли Германия сознательно примкнуть к русскому строительству и умеренным укреплением русской дружбы и русского государства создать известный противовес западному империализму? Одни мы слишком слабы, чтобы делать большую политику. Мы должны лавировать, и нужно серьезно взвесить, не будет ли для нас в ближайшее время более практичным, если мы наш страх от большевиков, который все-таки сильно преувеличен, отбросим в сторону. Насколько это возможно, насколько имеет смысл вообще с Россией вести политику, покажут настоящие переговоры, которые Дирксен будет вести не только с точки зрения перестирания грязного белья, а сознательно конструктивно.

Я слышу со всех сторон, что в германской хозяйственной жизни интерес для России опять просыпается. Это может быть облегчит мою задачу. Прежде всего я думаю о том, что, может быть, Россия, при своей многочисленной потребности в квалифицированных людях, значительно разгрузила бы нашу биржу труда.

В Мининделе делают самые сумасбродные планы относительно переводов (Revirement), так что я не исключаю возможности, что мое пребывание здесь не очень длительное будет. Остальное лично.

Много сердечных приветов

Ваш

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 643. Л. 9. Перевод с немецкого.

№ 182

*Записка Б.С. Стомонакова И.В. Сталину
с отчетом о работе первой сессии
советско-германской согласительной комиссии*

№ 6023

20 июля 1930 г.

Сов. секретно

Экз. № 6

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)

тов. И.В. Сталину

Уважаемый товарищ,

Посылаю Вам только что подписанный русский текст “Отчета о 1-й очередной сессии советско-германской согласительной комиссии” (немецкий текст подписан 12 июля). При рассмотрении и оценке результатов работ согласительной комиссии необходимо учесть следующие моменты:

1) Согласительная комиссия была созвана по инициативе и по настоянию германского правительства. Мы противились созыву согласительной комиссии и вынуждены были уступить только потому, что договор о согласительной процедуре от 25 января 1929 г. давал Германии бесспорное право требовать этого созыва.

2) После декабрьских переговоров 1928 г. между СССР и Германией накопился ряд разногласий политического и правового порядка (под последними я имею ввиду нарушения и различные толкования существующих договоров). Поскольку в переговорах, которые имели место весной этого года между тов. Литвиновым и Дирксеном, а также между тов. Крестинским и Курциусом, после рассмотрения политических разногласий было решено не включать их в повестку согласительной комиссии. Последняя должна была заняться исключительно разногласиями правового порядка. Правда, между тов. Литвиновым и Дирксеном было условлено, что согласительная комиссия займется также рассмотрением разногласий экономического характера, однако, и при этом имелись ввиду такие разногласия, которые возникают из нарушений или различного толкования существующих договоров и которые были уже предметом дипломатических переговоров.

3) Из изложенного выше явствует, что в согласительной комиссии германские претензии занимали больше места, чем советские. Хотя мы поставили, примерно, столько же вопросов, сколько поставило германское правительство, мы сделали это для соблюдения известной паритетности в переговорах в согла-

сительной комиссии. Некоторые из поставленных нами вопросов носили заведомо демонстративный характер. По вполне понятным причинам немцы выставили значительно больше, чем мы, жалоб на нарушения и неправильные толкования существующих договоров. При рассмотрении соответствующих пунктов порядка дня немцы могли привести гораздо больше фактов в подтверждение своих жалоб, чем могли это сделать мы при наших жалобах на неправильные действия германских властей.

4. Из чисто правовых претензий германского правительства, выдвинутых на основании так называемого Договора о поселении от 12 октября 1925 г., мы удовлетворили в основном, хотя и не во всех частях, немецкие требования о правах германских граждан, выселяемых из районов сплошной коллективизации, а также в отношении устранения перегибов при налоговом обложении живущих в СССР германских граждан. При этом мы не дали всех предусмотренных постановлением ПБ от 7-го с.м. уступок по вопросу о налогах (вместо твердых сроков платежа налогов обещано благожелательное отношение налоговых властей при установлении сроков и при рассмотрении жалоб; в определенных случаях предусмотрено право ареста имущества и по таким налоговым требованиям, срок платежа по которым еще не наступил). Оба вопроса разрешены в виде односторонних заявлений советской делегации, содержащих разъяснения наших законов и распоряжений.

5. Мы отклонили немецкое требование о выдаче валюты выезжающим из СССР германским гражданам за ликвидированное ими в СССР имущество, а также требование о приравнивании всех постоянно живущих у нас германских граждан, независимо от их социального положения, к трудящимся СССР в отношении снабжения продовольствием и предметами первой необходимости, а также в отношении посещения их детьми школ. Германская делегация выдвинула сперва требование о приглашении по вопросу о валюте, по которому немцы считают себя абсолютно правыми и проявляют совершенно исключительную настойчивость, нейтрального председателя в согласительную комиссию. Нам удалось, не давая никаких обещаний на будущее время, убедить немцев снять это требование, причем они устно заявили, что, если в ближайшие месяцы этот вопрос не будет нами разрешен в положительном для них смысле, они предложат приглашение нейтрального председателя на чрезвычайной сессии согласительной комиссии, которую они собираются на основании соглашения от 25 января 1929 г. предложить созвать уже через 4 месяца.

6. Мы отказали, далее, немцам во всех новых материальных требованиях, которые они выдвинули:

а) признание нами “Русского комитета”, как органа, с которым торгпредство обязано обсуждать решительно все вопросы советско-германских экономических отношений;

б) принятие нами на себя обязательства ненанесения ущерба деятельностью наших хозорганов германской торговле и германской продукции (сюда входит, как часть, отказ от “советского демпинга”);

в) принятие нами на себя обязательства предоставлять германским фирмам не менее благоприятные условия, чем фирмам других стран (т.е. прежде всего фирмам в Америке);

г) упразднение или, по крайней мере, значительное его сокращение в германских интересах списка предметов, запрещенных к транзиту в Персию в почтовых посылках;

д) соглашение между обоими правительствами об установлении регулярных пароходных линий между советскими и германскими портами и о квотах распределения грузов между советским и германским тоннажем (вместо этого принято ничем не связывающее нас предложение затребовать к 1 сентября у судоходных организаций обоих государств сообщение, в какой мере обеспечены регулярные рейсы между германскими и советскими портами).

Вопрос о “Русском комитете”, несомненно, был основным пунктом всей программы германских требований. Ему было посвящено несколько официальных заседаний согласительной комиссии, а также большое количество отдельных официальных, полуофициальных и совершенно частных бесед германских членов согласительной комиссии, а также представителей германского посольства с нами. Германская сторона заявляет, что не только советско-германские экономические, но также и политические отношения страдают от отсутствия должного контакта между нами и “германским хозяйством”, представительным органом которого является “Русский комитет”. Очевидно, с целью оставить за собою возможность поставить этот вопрос вновь в согласительной комиссии, германская сторона на самом последнем заседании после нашего последнего категорического отказа пойти на какие бы то ни было уступки в этом вопросе заявила о том, что она снимает вопрос о “Русском комитете” вообще с порядка дня согласительной комиссии. Несомненно, к этому вопросу нам придется еще не раз возвращаться в наших переговорах с германским правительством.

7. Из более крупных вопросов, поставленных нами, мы получили частичное удовлетворение:

а) по вопросу о заключении таможенной конвенции (решено приступить к переговорам 15 октября);

б) по транзиту продуктов животноводства через Германию (немцы обещали в секретной ноте приступить к переговорам немедленно после вступления в силу польско-германского торгового договора, – практически это означает предоставление нам транзита) и

в) по охране наших товарных марок в Германии (ввиду неблагоприятных для нас решений германских судов, допускающих, по ходатайствам оставшихся за границей владельцев национализированных у нас предприятий регистрацию дореволюционных товарных марок, вводящих в заблуждение относительно происхождения товаров, – решено 26 сентября с.г. приступить к специальным переговорам на предмет устранения подобной недобросовестной конкуренции для наших хозорганов).

Вопрос о таможенном обложении наших экспортных товаров в Германии являлся по существу наиболее крупным из выдвинутых нами в согласительной комиссии вопросов. Ввиду того, что в течение 5-ти лет Германия саботирует заключение таможенной конвенции, мы добивались не только созыва конференции, но и установления таких основных положений, которые в принципиальном отношении предопределяли бы содержание будущей таможенной конвенции, в особенности в отношении наиболее интересующих нас предметов сельскохозяйственного экспорта. Принятое решение по вопросу о созыве таможенной конференции не содержит принципов будущей конвенции, но, оставляя вопрос открытым, дает нам возможность выдвинуть наши требования в полном объеме на предстоящей таможенной конференции. Главное же значение принятого решения заключается в том, что немцы отступают от своей традиционной позиции обусловливания заключения таможенной конвенции предоставлением им соответствующих материальных компенсаций в других областях. Учитывая все это, можно ожидать на основе принятого решения заключения с Германией такой таможенной конвенции, которая, хотя и не даст нам скидок по основным статьям нашего сельскохозяйственного экспорта (рожь, ячмень, пшеница), предоставит нам некоторые скидки по ряду других предметов и при том без специальных компенсаций с нашей стороны в каких-нибудь других областях, помимо таможенной. Независимо от этого во время октябрьских переговоров в Берлине нашей стороной должен быть поставлен вопрос о компенсации нас в отношении тех предметов нашего экспорта, для которых Германия не может дать нам скидок со своих таможенных пошлин. Возможности таких компенсаций

наместились в переговорах в согласительной комиссии, хотя немцы и не соглашались (да и не могли) принять по этим вопросам конкретных решений.

8. По другим, поставленным нами крупным требованиям, мы не добились никакого результата:

- а) по ветеринарным вопросам и
- б) по кредитам.

7 июля Раумер предложил мне в личной беседе включить в доклад согласительной комиссии совместную рекомендацию обоим правительствам вступить в переговоры о продолжении кредитной акции ввиду ее особенного значения для развития товарооборота между обеими странами. Он мотивировал свое предложение тем, что собирается поставить в Берлине вопрос о кредитах и надеется на положительное отношение германского правительства, которое, однако, должно иметь формальное основание для внесения вопроса в рейхстаг. Раумер говорил, что рассчитывает, что до конца сессии рейхстага, т.е. до конца июля, получить согласие всех инстанций в Германии на новую кредитную акцию. На официальном заседании согласительной комиссии Раумер изменил, однако, свое предложение, предложив рекомендовать обоим правительствам приступить 15 октября к хозяйственным переговорам, последним пунктом порядка дня которых должны были быть кредиты. 8-го утром Раумер снял и это свое предложение, сославшись в личной беседе со мною в пояснение этой новой перемены на свои переговоры с Дирксеном, который-де раньше официально сообщил тов. Литвинову, что кредиты не могут быть предметом рассмотрения согласительной комиссии. Тут же Раумер заверил меня в доверительном порядке, что немедленно по приезде в Берлин он примется энергично за проведение новой кредитной акции. Внезапный роспуск рейхстага, в лучшем случае, откладывает разрешение кредитного вопроса до октября с.г.

9. Что касается других, помимо перечисленных выше вопросов, поставленных одной и другой стороной, то по ряду этих мелких вопросов удовлетворение получили немцы, а по другим – мы. Целая категория вопросов осталась неразрешенной.

10. Работа согласительной комиссии проходила исключительно трудно не только и не столько вследствие обилия трудных вопросов в порядке дня, сколько вследствие чрезвычайной неуступчивости немцев. В согласии с той позицией, которую германское правительство заняло еще в предшествующих переговорах, германская сторона явно стояла на той позиции, что для восстановления прежних советско-германских отношений необходимо удовлетворение германских претензий против нарушений и не-

правильных толкований с нашей стороны существующих договоров, а что советские требования занимают в работе согласительной комиссии лишь второстепенное место и выдвинуты нами, главным образом, демонстративно. Немцы явно считали, что мы чрезвычайно нуждаемся в положительном исходе переговоров в согласительной комиссии и что вследствие этого мы пойдем на удовлетворение их претензий. Только во второй половине переговоров, когда последние зашли в тупик, немцы получили из Берлина директиву избежать разрыва, и тогда они стали несколько более уступчивыми.

11. Баланс постановлений согласительной комиссии является в общем и целом для нас пассивным, ибо процент удовлетворения жалоб более значителен для Германии, чем для нас. Этого мы ожидали заранее, и иначе быть не могло, поскольку немцы предъявили большее количество и более обоснованных жалоб на нарушения договоров, чем могли это сделать мы. Политический баланс переговоров представляется, однако, значительно более благоприятным, чем баланс постановлений согласительной комиссии. Удовлетворительное завершение переговоров в согласительной комиссии сыграет серьезную роль в улучшении наших отношений с Германией. Еще более важное политическое значение закончившихся переговоров заключается в успехе первого опыта согласительной комиссии между СССР и капиталистическим государством. После этого успешного опыта нам несравненно легче будет отклонять требования арбитража со стороны капиталистических государств и настаивать на том, что конфликты с нами могут с успехом разрешаться в согласительных комиссиях. Поскольку капиталистический мир в своих отношениях с СССР очень часто берет пример с Германии, можно, таким образом, несмотря на скудные для нас материальные результаты работ согласительной комиссии, констатировать несомненную положительную роль, которую она сыграет в отношении нашего международного положения вообще.

С товарищеским приветом Б. Стомоняков

4 приложения: 1) Отчет согласительной комиссии на 23 листах.
2) 3 копии нот.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 6–12. Подлинник.

*Отчет о первой очередной сессии
советско-германской согласительной комиссии*

12 июля 1930 г.
Москва

Первая очередная сессия согласительной комиссии, предусмотренной советско-германской конвенцией о согласительной процедуре от 25 января 1929 г., имела место в Москве с 16 июня по 8 июля 1930 г.

Членами согласительной комиссии были назначены:

Советским правительством:

Б.С. Стомоняков,
Ш.М. Дволайцкий;

Германским правительством:

г. Ганс фон Раумер,
г. Ганс Адольф фон Мольтке.

В качестве экспертов были привлечены:

Советской стороной:

Б.Е. Штейн,
М.Я. Кауфман,

Б.Д. Розенблюм (последний одновременно в качестве секретаря) и В.Л. Левин¹ и Х.С. Вейнберг² в качестве заместителей секретаря;

Германской стороной:

г. Мориц Шлезингер,
г. Фриц Фейт,

г. Андор Хенке³ (последний одновременно в качестве секретаря).

Согласительной комиссии были предложены следующие вопросы для внесения в порядок дня:

А. Советские предложения:

I. Из соглашения о поселении:

1. Национальный режим в отношении советских граждан в Германии.

2. Режим, применяемый к советским студентам в Германии.

3. Вопросы правовой защиты интересов СССР в Германии.

II. Из экономического соглашения:

1. Таможенно-тарифные вопросы.

2. Дискриминация советского экспорта в Германию.

3. Применение наибольшего благоприятствования в торговых сношениях.

4. Ветеринарные вопросы.

5. Ст. I экономического соглашения от 12.10.1925 г. и разъяснительный к ней протокол от 21.12.1928 г.

6. Затруднения в деятельности советских торговых организаций в Германии.

III. Из соглашения об охране промышленной собственности:

1. Нерегистрация товарных знаков хозяйственных организаций СССР.

2. Нарушение интересов хозяйственных организаций СССР, вследствие допущения неправильного обозначения места происхождения товаров.

IV. Рассмотрение различных рекламаций.

Б. Германские предложения:

I. Из соглашения о поселении:

1. Практическое применение коллективизации и налогового законодательства к германским гражданам в СССР.

2. Вывоз имущества и валюты из СССР.

3. Толкование национального режима в СССР.

4. Выход советских гражданок – жен германских граждан из советского гражданства.

5. Вопросы въезда и выезда.

II. Из экономического соглашения:

1. “Русский комитет”.

2. Публичная дискриминация германских товаров в СССР.

3. Экономический институт для России и восточных стран.

4. Хозяйственная деятельность торгового представительства в Германии.

5. Наибольшее благоприятствование в товарообмене.

6. Транзит почтовых писем.

III. Из соглашения о мореплавании:

Нанесение ущерба германскому судоходству.

IV. Из соглашения об охране промышленной собственности:

1. Нерегистрация довоенных товарных знаков.

2. Нанесение ущерба германской промышленности новым советским положением о сборах за патенты и товарные знаки.

V. Рассмотрение неразрешенных рекламаций:

Переговоры согласительной комиссии привели к следующим результатам:

I. Вопросы соглашения о поселении:

А. Из советских предложений к порядку дня:

1. Национальный режим советских граждан в Германии.

На запрос советских делегатов в согласительной комиссии по поводу упомянутой в ст. 2-й соглашения о поселении профессио-

нальной деятельности советских граждан в Германии, германские делегаты в согласительной комиссии заявили следующее:

«Министерство иностранных дел заявило полномочному представительству СССР в Берлине вербальной нотой от 10 февраля с.г., что подлежащим германским властям незадолго перед этим были даны специальные указания о точном соблюдении постановлений ст. 2 соглашения о поселении от 12.10.1925 г. Далее в этой ноте было указано, что советскому гражданину в Германии предоставляется свобода принимать любую работу на территории Германии, причем работодатели должны лишь ходатайствовать формальное разрешение на предоставление работы данному работнику. Это, однако, является – как указано в ноте – лишь формальностью, так как, согласно категорической инструкции, указанное разрешение должно выдаваться всегда, независимо от состояния рынка труда; с другой же стороны, сохранение формальной процедуры является необходимым во избежание злоупотреблений. Эта процедура отпадает лишь в том случае, если работник имеет удостоверение, носящее по-немецки название “Бэфрейунгсшейн”^{*}. Такое удостоверение выдается советским гражданам по их заявлению беспрепятственно».

Германские делегаты в согласительной комиссии заявили далее на основании имеющихся у них сведений, что если германскому правительству станут известны случаи несоблюдения этого порядка подлежащими властями, оно позаботится об устранении этих препятствий.

Советские делегаты в согласительной комиссии приняли это заявление к сведению.

2. Режим, применяемый к советским студентам в Германии.

Советские делегаты в согласительной комиссии сняли этот пункт с порядка дня.

3. Вопросы въезда и выезда (отметка “шперрфермерк”)^{**}.

Германские делегаты в согласительной комиссии сообщили, что германские паспортные бюро за границей получили, согласно советским пожеланиям, указания о соблюдении постановления п. 1-го протокола заключительного заседания к протоколу от 21.12.1928 г. к ст. 1-й соглашения о поселении от 12.10.1925 г.

Советские делегаты в согласительной комиссии приняли это сообщение к сведению.

4. Вопросы правовой защиты интересов СССР в Германии.

^{*} Свидетельство об освобождении (нем.).

^{**} Запретительная отметка (нем.).

Советские делегаты в согласительной комиссии сделали следующее предложение:

“Согласительная комиссия рекомендует германскому правительству принять эффективные меры к тому, чтобы обеспечить Советскому Союзу в рамках германского законодательства действительную судебную защиту в Германии как в тех случаях, в коих СССР выступает как истец или ответчик, так и по тем делам, которые непосредственно затрагивают интересы СССР”.

Германские делегаты в согласительной комиссии отклонили это предложение, так как советское правительство пользуется судебной защитой, предоставленной ему в рамках действующих законов и договоров, и поэтому нет нужды в мероприятиях, выходящих за эти рамки.

Б. Из германских предложений к порядку дня:

1. а) Практическое применение коллективизации к германским гражданам в СССР.

В ответ на запрос германских делегатов в согласительной комиссии советские делегаты сообщили, что на основании конституций союзных республик вся земля принадлежит государству и не может составлять собственности отдельных граждан. На основании ст. 7-й “Общих начал землепользования и землеустройства” от 15.12.1928 г. и ст. 9 Земельного кодекса РСФСР и соответственных статей земельных кодексов союзных республик – земля предоставляется крестьянам в безвозмездное пользование. Эти законы предусматривают, в частности, право земельных обществ на периодический передел земли, при котором может быть изменено как местоположение участков земли, обрабатываемых данным хозяйством, так и размеры этих участков в зависимости от изменения количества едоков в хозяйстве и земельном обществе. В тех районах, где большинство крестьян решило перейти к коллективному хозяйству, а меньшинство желает сохранить единоличное хозяйство, и где, в связи с этим, на основании “Общих начал землепользования и землеустройства” от 15.12.1928 г., постановления ЦИК и СНК СССР от 1.02.1930 г. и постановления ЦИК и СНК СССР от 12.04.1930 г., производится землеустройство, германским гражданам, не вошедшим в коллективное хозяйство, предоставляются равноценные по возможности участки в том же земельном обществе, а если это по местным условиям невозможно, то в других земельных обществах. Если при этом германские граждане, не желающие войти в колхоз, передают свое право землепользования, то им в согласии с законами и правительственными распоряжениями выплачивается стоимость домов и других построек, садов и огородов, также

компенсация за произведенную в последнем году обработку земли и за вложенные в этом году средства (озимые посевы, искусственное удобрение и т.д.).

Оценка имущества, подлежащего компенсации, производится местными земельными и финансовыми органами на основе предоставления соразмерной компенсации. Эта оценка может быть обжалована в вышестоящие земельные органы.

Во всех прочих местностях СССР, на которые не распространяется содержание первого абзаца, германские граждане, на основании существующих в союзных республиках земельных кодексов и правительственных распоряжений имеют полную возможность вести единоличное хозяйство, в частности, пользоваться мельницами.

Германские делегаты в согласительной комиссии приняли это сообщение к сведению.

1. б) Практическое применение налогового законодательства к германским гражданам в СССР.

В ответ на запрос германских делегатов в согласительной комиссии советские делегаты сделали следующее сообщение о действующих в СССР законах и постановлениях в отношении налогового обложения:

“1. Определение размера налога. Налогоплательщику доставляется письменное извещение о размере налога. Письменным извещением считается, в частности, отметка финансового инспектора на заявлении налогоплательщика. По просьбе налогоплательщика подлежащие финансовые органы выдают ему или его доверенному лицу справку о тех данных, на основании которых был определен размер его обложения.

2. Принудительное исполнение. При осуществлении принудительного исполнения вследствие неплатежа налога стоимость арестованного у налогоплательщика имущества не должна превышать суммы налога. Налогоплательщик имеет право опротестовать произведенную подлежащими властями оценку арестованных предметов. По налоговым требованиям, срок платежа по которым еще не наступил, арест имущества не должен иметь места, за исключением тех случаев, когда налогоплательщик принимает меры к ликвидации своего вещного имущества с целью уклониться от уплаты налоговой задолженности, которая уже возникла, но срок платежа по которой еще не наступил”.

Давая вышеизложенные разъяснения о существующем в СССР порядке обложения налогами, подлежащем применению также и к германским гражданам, советские делегаты в согласительной комиссии подтвердили, в соответствии с заявлением, сделанным

Народным комиссариатом по иностранным делам германскому посольству, что в тех случаях, когда обложение германских граждан представляется последним несоразмерным, им следует использовать все установленные законом способы обжалования. Кроме того, советские делегаты заявили, что, по имеющимся у них сведениям, соответствующим органам даны указания о благожелательном отношении к германским гражданам, имеющим налоговую задолженность как при установлении сроков, так и при рассмотрении жалоб, поскольку таковые жалобы являются обоснованными с точки зрения существующих законов. По полученной информации Народный комиссариат по иностранным делам в случае обращения к нему германского посольства по подобным делам, когда по этим делам использованы предусмотренные законом способы обжалования или в случае чрезвычайной срочности дела, будет по-прежнему оказывать возможное содействие ускорению и благожелательному рассмотрению таких жалоб.

Германские делегаты в согласительной комиссии приняли это сообщение и заявление к сведению.

2. Вывоз имущества и валюты из СССР.

Германские делегаты в согласительной комиссии сделали следующее предложение:

“Согласительная комиссия рекомендует германскому правительству и правительству СССР ликвидировать возникшие между обоими правительствами разногласия относительно применения ст. 5 соглашения о поселении путем следующего заявления:

“Стороны согласны в том, что под имуществом в смысле ст. 5 абзаца 2 и п. 2 заключительного протокола к ст. 5 соглашения о поселении должно пониматься все имущество без ограничений, т.е. как денежное имущество, так и вещное имущество всякого рода, будь то движимое или недвижимое, а равно и выручка от реализации этого имущества”.

Советские делегаты в согласительной комиссии отклонили это предложение, так как они не согласны с германским толкованием ст. 5 соглашения о поселении.

3. Толкование национального режима в СССР.

Германские делегаты в согласительной комиссии сделали следующее предложение:

“Согласительная комиссия рекомендует правительству СССР сделать следующее заявление:

Поскольку в отдельных случаях не заключено или не будет заключено далее идущих соглашений, германские граждане в СССР имеют право:

1) На получение продовольственных продуктов и предметов широкого потребления, включая дефицитные товары, на тех же условиях и в том же размере, как и трудящиеся члены кооперативов;

2) на лечение в больницах в тех случаях, в коих требуется немедленная врачебная помощь;

3) на посещение всякого рода школ.

Поскольку в прочем существующими договорами предусмотрено право наибольшего благоприятствования, оно не затрагивается настоящим заявлением”.

После данных советскими делегатами в согласительной комиссии разъяснений существующих в СССР постановлений относительно продовольственного снабжения, больничного лечения и посещения школ на территории СССР; законов, основанных на конституциях союзных республик и регулирующих этот вопрос, и распоряжений подлежащих властей и организаций, германские делегаты в согласительной комиссии сняли свое предложение, сохраняя при этом свою принципиальную точку зрения по вопросу о национальном режиме.

4. Выход советских гражданок – жен германских граждан из советского гражданства.

Ввиду сделанного дипломатическим путем в последнее время сообщения по этому вопросу германские делегаты в согласительной комиссии сняли свое предложение по этому пункту порядка дня.

5. Вопросы въезда и выезда.

а) Визы на обратный въезд для представителей прессы. Советские делегаты в согласительной комиссии сообщили, что подлежащие органы готовы давать представителям германской прессы при выезде визы на обратный въезд. Постановления последней части пятой фразы первого абзаца заключительного протокола к ст. 1 соглашения о поселении от 12.10.1925 г. остаются при этом незатронутыми.

Германские делегаты в согласительной комиссии приняли к сведению вышеизложенное сообщение.

б) Выдача документов, требующихся для получения выездной визы.

Согласительная комиссия рекомендует правительству СССР принять меры к тому, чтобы в дополнение к приложению 1-му к протоколу от 21.12.1928 г. п. 4 подлежащим властям было вменено в обязанность выносить решения по поводу заявлений германских граждан о выдаче требующихся для получения выездной визы документов в течение двух недель по получении заявления,

а в случае отказа письменно сообщать о таком с указанием причин в течение двух недель по поступлении заявления.

II. Вопросы экономического соглашения.

А. Из советских предложений к порядку дня:

1. Таможенно-тарифные вопросы:

а) Таможенно-тарифный договор. Советские делегаты в согласительной комиссии предложили, чтобы согласительная комиссия порекомендовала правительству СССР и германскому правительству во исполнение обязательств, вытекающих из ст. 32 Экономического соглашения от 12.10.1925 г. и соответствующего постановления протокола от 21.12.1928 г., немедленно вступить в переговоры о заключении таможенно-тарифного договора на основе принципов, которые установит согласительная комиссия с целью устранения существующих препятствий для развития взаимного товарооборота.

Германские делегаты заявили, что они не могут принять этого предложения.

После детального обсуждения стороны пришли к соглашению рекомендовать следующее:

“Согласительная комиссия рекомендует правительству СССР и германскому правительству, согласно ст. 32 Экономического соглашения от 12.10.1925 г. и соответствующих постановлений протокола от 21.12.1928 г., приступить 15.10.1930 г. в Берлине к переговорам о заключении таможенно-тарифного договора”.

б) Предупреждение о предполагающихся изменениях таможенных тарифов. Советские делегаты в согласительной комиссии сделали следующее предложение:

“Согласительная комиссия рекомендует правительству СССР и германскому правительству принять на себя обязательство предупреждать другое правительство о предполагающихся изменениях таможенных ставок за 6 месяцев до их вступления в силу, а также своевременно информировать друг друга о ведущихся с третьими государствами переговорах относительно возможной отмены действующих договорных ставок”.

Германские делегаты в согласительной комиссии отклонили это предложение, так как подобная рекомендация противоречила бы действующим германским законам.

2. Дискриминация советского экспорта в Германии.

Советские делегаты в согласительной комиссии сделали следующее предложение:

“Согласительная комиссия рекомендует германскому правительству дать указания подлежащим органом о благожелательном

рассмотрении вносимых советскими органами обоснованных жалоб на нанесение ущерба интересам советского экспорта”.

Германские делегаты в согласительной комиссии заявили, что они не могут принять этого предложения, так как не видят повода для дачи подобных указаний германским властям, более того, министерство иностранных дел благожелательно поддерживало соответствующие пожелания советского правительства и, по мнению германских делегатов, будет готово и впредь оказывать такое содействие.

3. Применение наибольшего благоприятствования в торговых сношениях.

а) Тарификация товаров. Согласительная комиссия рекомендует правительству СССР и германскому правительству в интересах развития взаимных экономических отношений снова обратить внимание своих таможенных властей на постановление протокола заключительного заседания к протоколу от 21.12.1928 г. применительно к ст. 26 Экономического соглашения от 12.10.1925 г. с тем, чтобы возникающие жалобы по поводу тарификации товаров рассматривались с полным вниманием и разрешались в возможно ускоренном порядке.

б) Ограничение наибольшего благоприятствования на основе международных соглашений.

Советские делегаты в согласительной комиссии сделали следующее предложение: “Ввиду участия Германии в Женевском международном торговом соглашении от 24.III.1930 г., согласительная комиссия, на основании ст. 5 конвенции о согласительной процедуре от 25.I.1929 г., считает необходимым обратить внимание германского правительства на то, что ограничительное толкование наибольшего благоприятствования в смысле исключения из этого принципа тех льгот, которые будут предоставлены на основании вышеназванного соглашения, находятся в противоречии с Рапальским договором и с договором от 12.X.1925 г.”.

Советские делегаты в согласительной комиссии сняли свое предложение, ввиду заявления германских делегатов, что, по их мнению, женевские переговоры не затрагивают права наибольшего благоприятствования, предоставленного СССР на основании вышеназванных договоров.

4. Ветеринарные вопросы.

Советские делегаты в согласительной комиссии сделали следующее предложение:

“а) Допущение советских боен. Согласительная комиссия констатирует, что согласно смыслу и буквы постановлений приложения 3 (абзац 2) к протоколу от 21.12.1928 г. (к приложению IV

п. 2 дополнения к ст. 12 абзаца 2 Экономического соглашения от 12.10.1925 г.) исключение определенных боен из представленного правительством СССР списка может производиться германским правительством лишь на основании ветеринарно-санитарных соображений, касающихся состояния данных боен.

б) Изъятия из наибольшего благоприятствования по ветеринарно-санитарным соображениям. Согласительная комиссия констатирует, что ст. 12 Экономического соглашения от 12.10.1925 г. и мотивированное ветеринарно-санитарными соображениями изъятие из наибольшего благоприятствования может применяться лишь в тех случаях, когда имеются достаточно обоснованные данные для суждения о неблагоприятном ветеринарно-санитарном положении на территории другой стороны. Подобное изъятие должно быть в каждом отдельном случае обосновано подлежащей стороной конкретными данными, доказывающими неблагоприятное ветеринарно-санитарное положение другой стороны. Согласительная комиссия считает, что установленный ст. 12 Экономического соглашения от 12.10.1925 г. принцип наибольшего благоприятствования должен применяться в полной мере к ввозу животных и частей животных, а равно ко всем относящимся к этому ввозу запрещенным и ограничениям. Дополнение к ст. 12 рассматривается согласительной комиссией как минимум предоставленных Германией СССР прав в отношении этих категорий ввоза, чем, однако, не ограничивается расширение этих прав по принципу наибольшего благоприятствования в тех случаях, когда подобные права будут предоставлены третьим странам, находящимся в ветеринарно-санитарном отношении не в лучшем состоянии, чем СССР”.

Германские делегаты в согласительной комиссии отклонили предложения “а” и “б”, так как они не согласны с советским толкованием упомянутых договорных постановлений.

в) Транзит животных и частей животных. Советские делегаты в согласительной комиссии сняли свое предложение по этому пункту ввиду сделанного в последнее время дипломатическим путем сообщения по этому вопросу.

5. Ст. I Экономического соглашения от 12.10.1925 г. и соответствующего разъяснительного протокола от 21.12.1928 г.

Советские делегаты в согласительной комиссии сняли этот пункт с порядка дня.

6. Затруднения в деятельности советских торговых организаций в Германии.

а) Участие торгового представительства в финансировании совершаемых торговым представительством с германскими

фирмами сделок на поставку товаров. Согласительная комиссия рекомендует германскому правительству обратить внимание соответствующих правительственных органов на то, что участие торгового представительства в финансировании совершаемых торговым представительством с германскими фирмами сделок на поставку товаров не противоречит компетенции торгового представительства, установленной в ст. 2 Экономического соглашения от 12.10.1925 г.

б) Допущение советских хозяйственных организаций на германские товарные биржи. Советские делегаты в согласительной комиссии сделали следующее предложение:

“Согласительная комиссия рекомендует германскому правительству оказывать содействие привлечению представителей советских хозяйственных организаций ко вступлению в члены товарных бирж в тех германских городах, в которых до сих пор в этом отношении имелись затруднения”.

Германские делегаты в согласительной комиссии отклонили это предложение, так как этот вопрос не может быть предметом межгосударственных соглашений и мог бы быть урегулирован лишь путем непосредственного соглашения с этими автономными органами германского хозяйства.

в) Уполномоченные торгового представительства в отдельных германских городах. Советские делегаты в согласительной комиссии сделали следующее предложение:

“Согласительная комиссия рекомендует германскому правительству устранить препятствия в отношении назначения необходимых для торгового представительства агентов или уполномоченных в отдельных германских городах, поскольку, ввиду наличия подобных препятствий, затрудняется нормальная деятельность торгового представительства”.

Германские делегаты в согласительной комиссии отклонили это предложение ввиду того, что подобная рекомендация не находилась бы в соответствии с п. 2 заключительного протокола к ст. 2 Экономического соглашения от 12.10.1925 г.

Б. Из германских предложений к порядку дня.

1. “Русский комитет”.

Германские делегаты в согласительной комиссии сняли свои предложения, касавшиеся “Русского комитета”.

2. Публичная дискриминация германских товаров в СССР.

В ответ на предложение германских делегатов в согласительной комиссии создать возможность публикации в определенных советских органах прессы (“Экономическая жизнь” и “За индустриализацию”) германских опровержений, вызванных не-

благоприятными заметками в этих органах печати относительно поставок и деятельности германского хозяйства в сношениях с СССР, советские делегаты в согласительной комиссии сделали следующее сообщение:

“Советские делегаты в согласительной комиссии заявляют, что они не видят никакой возможности урегулировать в международно-правовом порядке вопрос о публикации германских опровержений появившихся в советской прессе заметок о качестве германских товаров”.

Одновременно Б.С. Стомоняков лично сообщил, что главные редакторы газет “Экономическая жизнь” и “За индустриализацию” изъявили готовность публиковать в своих газетах опровержения заинтересованных германских фирм, причем они считают само собой разумеющимся, что редакции сохраняют за собой право критической оценки публикуемых опровержений.

Германские делегаты в согласительной комиссии приняли это сообщение к сведению.

3. “Экономический институт для России и восточных стран”.

Ввиду сделанного в последнее время дипломатическим путем сообщения по этому вопросу германские делегаты в согласительной комиссии сняли свое предложение относительно распространения издаваемых “Экономическим институтом для России и восточных стран” журналов.

4. Коммерческая деятельность торгового представительства.

Германские делегаты в согласительной комиссии сделали следующие предложения:

“Согласительная комиссия рекомендует правительству СССР дать своим хозяйственным органам, допущенным к внешней торговле, указания о том, чтобы они

а) совершали продажу советских экспортных товаров прямо или косвенно лишь оптовым покупателям,

б) осуществляли свою хозяйственную деятельность в Германии и свой ввоз в Германию таким образом, чтобы не наносилось ущерба германской торговле и германской продукции,

в) не создавали для германских поставляющих фирм таких общих условий поставки и покупки, которые являются менее благоприятными чем те, которые фактически применяются этими хозяйственными органами в сношениях с фирмами других стран”.

К “а”. Советские делегаты в согласительной комиссии заявили, что торговое представительство, как таковое, не вело в Германии никакой розничной торговли при реализации советских экспортных товаров, и что, по имеющимся у них сведениям, сбыт подобных товаров в небольших количествах розничным торгов-

цам не соответствует ни интересам, ни намерениям торгового представительства.

Согласительная комиссия не пришла к соглашению по этому пункту вследствие разногласий по вопросу о продаже советских экспортных товаров при посредстве комиссионеров торгового представительства.

К “б”. Советские делегаты в согласительной комиссии заявили, что они не могут признать наличия подобного нанесения ущерба и поэтому не могут принять этого предложения.

К “в”. Советские делегаты в согласительной комиссии заявили, что они отклоняют германское предложение уже потому, что оно находится в прямом противоречии с постановлениями Заключительного протокола к ст. 12 Экономического соглашения от 12.10.1925 г.

Германские делегаты в согласительной комиссии стояли на той точке зрения, что вопрос этот не находится ни в какой связи с постановлениями Заключительного протокола к ст. 12 Экономического соглашения.

5. Наибольшее благоприятствование в товарообмене.

Этот вопрос учтен в германских предложениях по поводу коммерческой деятельности торгового представительства (п. 4-в).

6. Транзит почтовых посылок.

Германские делегаты в согласительной комиссии сделали следующее предложение:

“Согласительная комиссия рекомендует правительству СССР и германскому правительству не устанавливать для предусмотренного ст. 18 Экономического соглашения от 12.10.1925 г. свободного транзита почтовых посылок бóльших ограничений, чем те, которые приняты в международном обмене почтовыми посылками”.

Ввиду того, что советские делегаты не согласились с этим толкованием ст. 18, они сделали следующее контрпредложение:

“Ввиду того, что по вопросам транзитных ставок, транзита посылок в открытых мешках и отмены свидетельств о происхождении при транзитных посылках достигнуто согласование точек зрения обеих сторон, согласительная комиссия рекомендует обоим правительствам приступить 15.10.1930 г. к переговорам о заключении соглашения об обмене и транзите почтовых посылок”.

На это контрпредложение германские делегаты в согласительной комиссии ответили следующим вторым предложением:

“Ввиду того, что в согласительной комиссии не могло быть достигнуто согласия по вопросу о принципе, положенном в основу ст. 18 Экономического соглашения от 12.10.1925 г., согласитель-

ная комиссия рекомендует правительству СССР и германскому правительству приступить 15.10.1930 г. к переговорам о заключении соглашения об обмене и транзите почтовых посылок, а также о списке запрещенных к транзиту посылок товаров, с учетом предпосылок, изложенных в ноте Министерства иностранных дел полномочному представителю СССР в Берлине от 3 марта с.г. (№ IV Ру 433 Анг. I)".

Советские делегаты в согласительной комиссии отклонили это предложение, оставаясь при своем контрпредложении.

III. Вопросы соглашения о мореплавании.

А. Из германских предложений к порядку дня:

Нанесение ущерба германскому судоходству.

а) Участие в регулярном рейсовом судоходстве. Германские делегаты в согласительной комиссии сделали следующее предложение:

"Согласительная комиссия рекомендует правительству СССР и германскому правительству затребовать у заинтересованных пароходных организаций своих стран к 1 сентября с.г. сообщение о том, обеспечены ли и в какой мере регулярные рейсы между германскими и советскими портами".

Советские делегаты в согласительной комиссии приняли это предложение, сохраняя свою правовую позицию по этому вопросу.

б) Досмотр германских судов и их экипажей в советских портах.

Советские делегаты в согласительной комиссии сообщили, что по сообщению подлежащих властей, при досмотре приходящих в советские порты германских судов и экипажа этих судов будет, как правило, избегаться многократный досмотр, поскольку это совместимо с необходимостью борьбы с контрабандой.

Германские делегаты в согласительной комиссии приняли это сообщение к сведению.

в) Портовые сборы. Советские делегаты в согласительной комиссии сообщили, что подлежащим портовым властям СССР будут даны указания о том, чтобы с германских судов, принимающих груз в одном из портов СССР и входящих в другие порты для принятия дальнейших грузов, хотя бы даже в первоначальной чартерпартии был предусмотрен только один порт захода, корабельный сбор взимался лишь в первом порту СССР, который данное судно посетит в течение данного рейса, поскольку в остальные порты оно заходит на основании дополнительных соглашений с грузоотправителями.

Германские делегаты в согласительной комиссии приняли это сообщение к сведению.

IV. Вопросы соглашения об охране промышленной собственности.

А. Из советских предложений к порядку дня:

1. Нерегистрация товарных знаков хозяйственных организаций СССР.

Советские делегаты в согласительной комиссии сделали следующее предложение:

“Согласительная комиссия рекомендует германскому правительству принять действительные меры к тому, чтобы обеспечить интересы Всесоюзного объединения “Союзрезина” (бывший Резинотрест) в смысле регистрации принадлежащих ему и до сих пор еще незарегистрированных товарных знаков”.

Германские делегаты в согласительной комиссии заявили, что ввиду наличия приговора Рейхсгерихта* они вынуждены отклонить это предложение.

2. Нарушение интересов хозяйственных организаций СССР допущением неправильного обозначения места происхождения товаров.

Советские делегаты в согласительной комиссии сделали следующее предложение:

“Согласительная комиссия рекомендует правительству СССР и германскому правительству заключить в ближайшее время соглашение о толковании заключительного протокола к ст. I Соглашения об охране промышленной собственности от 12.10.1925 г. в том смысле, что недобросовестной конкуренцией будет, в частности, считаться использование фирмами и предприятиями, производящими товары вне пределов одной из обеих договаривающихся сторон, таких товарных знаков, которые содержат географическое обозначение места производства этих товаров, расположенного на территории другой стороны. Недобросовестной конкуренцией будет также считаться использование товарных знаков, принадлежащих предприятиям, расположенным на территории одной из сторон, предприятиями и фирмами, производящими соответственные товары вне пределов территории этой стороны”.

После детального обсуждения стороны согласились рекомендовать следующее:

«Согласительная комиссия рекомендует правительству СССР и германскому правительству ввиду того, что вследствие сложности этого комплекса вопросов не было возможности подвергнуть его в полной мере подробному рассмотрению, приступить 26.09.1930 г. в Берлине к переговорам о толковании понятия “не-

* Имперский верховный суд (нем.).

добросовестных действий” в смысле заключительного протокола к ст. I Соглашения об охране промышленной собственности от 12.10.1925 г.».

Б. Из германских предложений к порядку дня.

1. Нерегистрация довоенных товарных знаков.

Согласительная комиссия рекомендует правительству СССР и германскому правительству осуществить 26.09.1930 г. в Берлине предусмотренный протоколом заключительного заседания к протоколу от 21.XII.1925 г. (к Соглашению об охране промышленной собственности от 12.10.1925 г. п. 1-б) контакт между экспертами по вопросу о незарегистрированных вновь в Советском Союзе довоенных товарных знаках.

2. Нанесение ущерба германской промышленности новым советским Положением о сборах за патенты и товарные знаки.

Советские делегаты в согласительной комиссии сообщили, что по имеющимся у них сведениям, германские граждане, в соответствии со ст. I Соглашения об охране промышленной собственности от 12.10.1925 г., будут в отношении размера патентных сборов полностью приравнены к соответствующим советским гражданам, независимо от того, проживают ли эти лица в СССР или в Германии.

Германские делегаты в согласительной комиссии приняли это сообщение к сведению и сняли в связи с этим свое предложение к этому пункту порядка дня.

V. Различные вопросы.

А. Из советских предложений к порядку дня:

Рассмотрение различных рекламаций.

Б. Из германских предложений к порядку дня:

Рассмотрение неразрешенных рекламаций.

К “А” и “Б”.

Ввиду того, что имеющееся в распоряжении согласительной комиссии время истекло, комиссия не имела возможности приступить к рассмотрению отдельных вопросов. Поэтому же не могло быть достигнуто и соглашения по поводу того, какие из отдельных рекламаций подлежат компетенции согласительной комиссии.

Германские делегаты в согласительной комиссии сообщили, что они будут рекомендовать своему правительству сделать отдельные срочные случаи предметом обсуждения чрезвычайной сессии согласительной комиссии.

Отчет составлен в двух экземплярах на русском и немецком языках и представляется на утверждение правительству СССР и германскому правительству.

Приложение 2

Нота НКВД СССР в посольство Германии в Москве о содействии выходу из советского гражданства жен германских подданных

12 июля 1930 г.
Москва

В ответ на устный запрос германского правительства Народный комиссариат по иностранным делам имеет честь сообщить, что он готов, в случаях обращения к нему германского посольства, оказывать благожелательное содействие рассмотрению ходатайств советских гражданок — жен германских граждан о выходе из советского гражданства. Народный комиссариат по иностранным делам будет также содействовать возможному ускорению разрешения этих ходатайств.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 36. Копия.

Приложение 3

Нота НКВД СССР в посольство Германии в Москве о разрешении подписки на германские научные журналы на территории СССР

12 июля 1930 г.
Москва

В связи с запросом германского посольства Народный комиссариат по иностранным делам имеет честь сообщить: подлежащие органы готовы разрешить Экономическому институту для СССР и восточных стран прием подписки на его журналы “Германская техника” и “Восточно-европейская сельскохозяйственная газета” через посредство “Международной книги”. Рассылка абонированных через “Международную книгу” журналов будет производиться непосредственно издательством института абонентам по почте. Суммы, получаемые за эти журналы, распространенные упомянутым выше путем, поступают на счет института в Госбанке СССР. Институт имеет право свободно распоряжаться этими суммами для покрытия расходов, возникающих у него в результате его деятельности в СССР.

По вопросу о переводе неистраченных в течение года сумм этого года должны иметь место переговоры в каждом отдельном случае между институтом и подлежащими органами СССР.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 37. Копия.

*Письмо германского посла в Москве Г. Дирксена
М.М. Литвинову о готовности начать транзит животных
и продуктов животноводства из СССР через Германию*

12 июля 1930 г.
Москва

Господин заместитель народного комиссара,

На запрос народного комиссариата по иностранным делам я имею честь сообщить Вам, г-н заместитель народного комиссара, что германское правительство готово начать предусмотренные в секретном дополнительном протоколе к протоколу от 21.12.1928 г. переговоры о транзите животных и продуктов животноводства из СССР через Германию в третьи страны немедленно после вступления в силу торгового соглашения между Германией и Польшей от 17 марта 1930 г.

Примите, г-н заместитель народного комиссара, выражение моего высокого к Вам уважения.

Дирксен

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 38. Перевод с немецкого.

¹ Левин Владимир Львович – помощник заведующего II Западным отделом НКВД СССР.

² Вейнберг Хаим Семенович (1903–1972) – сотрудник II Западного отдела НКВД СССР, в 1932 г. помощник, временно исполняющий обязанности заведующего 2-м Западным отделом НКВД СССР, с 1934 г. помощник заведующего 3-м Западным отделом НКВД, в 1937–1938 гг. временно исполнял обязанности заведующего 3-м Западным отделом НКВД СССР, в 1938 г. заведующий этим отделом.

³ Хенке Андор (1895–1984) – в 1928–1933 гг. сотрудник МИД Германии, в 1933–1935 гг. консул в Киеве.

№ 183

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б)
“О внешней торговой политике”**

№ П 2/33-рс

20 июля 1930 г.
Строго секретно
Из “Особой папки”

52. Для обеспечения платежей по заказам поручить НКТоргу при торговых и кредитных переговорах и при даче заказов добить-

*Вопрос представлен А.И. Микояном. Выписка из протокола № 2 заседания Политбюро ЦК ВКП 20 июля 1930 г., п. 52.

ся от европейских правительств обязательства обеспечить продажу нами определенных количеств советского хлеба, леса и нефти, учтя этот момент в переговорах с Италией, Германией и Англией.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 39. Копия.

№ 184

*Телеграмма торгпреда СССР в Германии И.Е. Любимова
А.И. Микояну и В.В. Куйбышеву о предложении совместной
американо-немецкой промышленной группы кредита
на закупку оборудования металлургических заводов**

№ 11317, 11318, 11319

15 августа 1930 г.

Берлин

Строго секретно

Срочная

Микояну, Куйбышеву**

Видел два раза Отто Вольфа, который сделал три предложения:

1) Чикагская промышленная группа Вейт согласна совместно с немцами в лице Круппа, “Демага”, “Гутехоффнунгсхютте”, “Ферейнигте Штальверке” и Отто Вольфа предоставить кредит на оборудование исключительно металлургических заводов 30 млн долларов пополам с немцами, согласие коих, по-видимому, обеспечено. Имеются ввиду только поставки оборудования, как немецкого так и американского. Составление проектов, получения технической консультации относится к нашей обязанности. Срок кредита по мнению Отто Вольфа 5–7 лет. Запросил Богданова выдать характеристику группе Вейт мне в Берлин, Вам в Москву.

2) Банк “Диллон, Рид и К°” в Нью-Йорке предлагает организовать американо-немецкое финансовое предприятие, возьмет на себя финансирование биржевых товаров – цветных металлов, хлопка в краткосрочном порядке на сумму 10 млн марок. Оба вопроса будут окончательно разрешены во время поездки Обродского в октябре в Америку.

3) Мы за подписью Ленгиеля обратились в Министерство хозяйства о необходимости удлинения сроков кредита при обя-

* Штамл: Прот[окол] ПБ № 5, п. 4/12.

** Копии направлены Л.М. Хинчуку и в ЦК ВКП(б).

зательном условии – судов и тяжелого оборудования до 3–3,5 лет в среднем, указав сумму возможных текущих заказов, что стало предметом суждения предварительно в хозяйственных кругах. Отто Вольф советует в ближайшее время сделать заявку на кредитование наших заказов в предстоящем году – 500 млн марок с указанием удлиненных сроков кредита. Отто Вольф, также очевидно и другие хозяйственники считаются с возможностью неработоспособности нового рейхстага и желают разрешить эти вопросы до выборов.

Прошу по этому вопросу дать срочные директивы в связи с предстоящей встречей 19.08 с Раумером, не задерживая вопроса до 20.08. Отто Вольф после выборов едет в Москву, где также перед Вами несомненно поставит первые два вопроса. После Москвы поедет в Америку. Выражает желание видеть Вас, а также дать возможность видеть Сталина. Считаюсь с возможностью активности Отто Вольфа в хозяйственных правительственных кругах, прошу принять меры по содействию его поездке и личного приема руководящими товарищами. Необходимо выделить также энергичного хозяйственника-партийца для сопровождения и показа, возможно Смоленского¹ из “Металлоимпорта”.

Любимов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 42–42 об. Заверенный дешифрант.

¹ Смоленский Абрам Семенович – директор Всесоюзного объединения Наркомвнешторга СССР “Металлоимпорт”, в 1936 г. начальник Импортного управления НКВТ СССР.

№ 185

*Телеграмма И.Е. Любимова А.И. Микояну
относительно американо-немецкого предложения о кредите*

№ 11482

20 августа 1930 г.
Берлин
Строго секретно
Срочная

Микояну

Разъяснение Вашей 711/м от 19.08. Банк “Диллон, Рид” предполагает организацию кредита в 10 млн долларов, а не марок, как помечено в Вашей. Разъяснение Ваше о переговорах Вольфа–Раумер понимаем так: не вести конкретных переговоров и не вносить предложений до официального предложения германского пра-

вительства официальным путем. Мы в общем держимся той же линии. Заявление Ленгиеля поймете точнее, прочитав его копию письма, посланную диппочтой.

Любимов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 43. Заверенный дешифрант.

№ 186

*Письмо группы советских
инженеров-практикантов завода Крупна
И.В. Сталину, Г.К. Орджоникидзе, В.В. Куйбышеву
о неудовлетворительном выполнении договора
о технической помощи германской стороной*

№ ВСНХ/3435

26 августа 1930 г.
Сов. секретно

ЦК ВКП(б) тов. Сталину
ЦКК ВКП(б) тов. Орджоникидзе
Председателю ВСНХ СССР тов. Куйбышеву

Уважаемые товарищи!

Использование договора с фирмой “Крупп” о технической помощи находится в таком состоянии, что мы вынуждены обратиться непосредственно к Вам.

Обращение к ряду руководящих работников ВСНХ, по своей работе непосредственно заинтересованных в договоре (Косиор, Толоконцев, Курицин¹, Урываев) не дало пока никаких результатов.

Три обстоятельства требуют Вашего срочного вмешательства в это дело:

Первое – значительный разрыв между темпом использования договора и нашими возможностями. Организация перекачки на наши заводы крупновских методов производства поставлена безобразно.

Второе – отсутствие фактического “хозяина” договора. Между главными управлениями ВСНХ (“Сталь”, “Машинообъединение”, “Военная промышленность”) идет глухая борьба за договор. Эта организационная неразбериха еще более осложнилась последней разбивкой главных управлений на ряд самостоятельных объединений.

Третье – пока мы у себя раскачиваемся и реорганизуемся, Крупп может поставить нас перед фактом ухудшения условий

использования договора. Договор заключен сроком на 10 лет, но сроки платежей установлены таким образом, что значительная часть суммы, причитающейся Круппу за договор, должна быть внесена в первые два года. Это может привести к тому, что Крупп по истечении указанного срока, когда он материально не будет заинтересован, может под каким-либо предлогом без всякого ущерба для себя расторгнуть договор. Что мы можем предстать перед таким фактом, говорит: во-первых, практика взаимоотношений за истекший год, когда Крупп каждое незначительное нарушение нашими практикантами правил внутреннего распорядка фиксировал письменно, тем самым собирая документы на случай возможных разговоров о разрыве; во-вторых, среди руководящих работников Круппа имеется группа фашистски настроенных, недовольных договором, которые сейчас пока не играют руководящей роли в директорате, но со временем при благоприятной обстановке смогут спровоцировать и настоять на разрыве договора. Пока же они делают все возможное для того, чтобы помешать продуктивной работе наших практикантов. Так, например, начальник новейшего у Круппа (и в Германии) мартеновского цеха № 7 инженер Гофман создал у себя совершенно невозможные условия для работы наших практикантов: отказ в выдаче материалов, на получение которых мы имеем право по договору и которым пользуемся в других цехах, безобразное обращение с нами и т.д. Этот гофмановский режим вынуждает наших инженеров проводить свою практику в других мартеновских цехах, где имеется более или менее благоприятная обстановка.

Это последнее обстоятельство ставит перед нами задачу на скорость: в тот кратчайший срок, пока Крупп материально заинтересован в договоре, взять у него максимально возможное. Кроме того, чем быстрее мы изучим и перенесем на наши заводы крупповские методы производства, тем скорее разрешим задачу повышения качества, значительного сокращения брака и большей экономии металла. Для всей нашей металлопромышленности, особенно для заводов, производящих качественную сталь, завод Круппа является школой первостепенного значения.

Как же фактически за истекший год был использован нами договор? Отмечая два положительных фактора: 1) посылка на наши заводы крупповских специалистов и 2) посылка наших инженеров к Круппу (о степени продуктивности их пребывания у Круппа будет сказано ниже), в общем организация использования договора поставлена безобразно.

1. Совершенно отсутствует какой бы то ни было план нашей работы у Круппа.

2. Актуальные большие вопросы нашей металлопромышленности еще не поставлены перед Круппом во всей широте, и мы еще до сих пор не имеем их официального мнения по ряду важнейших вопросов. Вопросы ставятся от случая к случаю самотеком без всякого плана и проработки с нашей стороны.

3. Поступающие от наших заводов запросы уполномоченный “Металлобюро” на заводе Круппа проф. Григорович² достаточно углубленно не прорабатывает. Посылаемые им в Москву ответы являются в большинстве случаев не официальным мнением Круппа. Они являются результатом его личных поверхностных наблюдений и разговоров в цехах. Проф. Григорович категорически отказывается принять неоднократно предлагаемый нашими инженерами, работающими у Круппа, следующий метод проработки: 1) запрос официального мнения Круппа, 2) проверка их ответа нашими инженерами в цехах, 3) обсуждение с немцами возникших при проверке вопросов и 4) посылка таким образом отшлифованного и проверенного материала в Москву, как руководящий материал для наших заводов.

4. Со стороны проф. Григоровича совершенно отсутствует руководство наших инженеров-практикантов. Все попытки привлечь его к руководству их работой успехом не увенчались. Практиканты предоставлены самим себе. Без помощи со стороны руководства значительная часть командировки проходит зачастую нерационально. Представляемые им отчеты о пребывании в том или ином цеху не подвергаются надлежащей проверке. Описываемые методы и приемы работы не являются часто официальным крупповским мнением, а сообщаются так, как понимает и усваивает тот или иной инженер. Поэтому не все материалы практикантов могут служить руководящим материалом.

5. Несмотря на то что по договору мы имеем право на посылку к Круппу одновременно 30 практикантов, норма эта, как правило, нами редко заполняется. В первый период это число колебалось от 5 до 10 человек, а в последнее время 20–25 человек в среднем.

6. Распределение инженеров по цехам производится без надлежащего плана. Благодаря этому часто получается скопление практикантов в сталелитейных цехах и отсутствие их в таких важнейших цехах, как кузнечный и прессовый. Долгое время на все три прокатных цеха мы имели одного практиканта. В цехе огнеупорных материалов мы до последнего времени не имели своего человека. По недосмотру ли проф. Григоровича, или может быть сознательно, мы еще до сих пор не совали своего носа и не имеем никого в таком важнейшем участке завода, как ис-

следовательская лаборатория при управлении металлургическими цехами, где сосредоточены контроль и наблюдение за браком всего производства Круппа, люди направляются только в научно-исследовательский институт Круппа, где производятся преимущественно теоретические работы.

7. Работа инженеров, находящихся в различных цехах, не увязана между собой. Благодаря этому мы не получаем полной картины изготовления изделий от плавки до готового продукта.

8. Проф. Григорович ведет линию на замазывание имевших место нарушений договора Круппом: имеется ряд фактов по мартеновскому цеху № 7 (отказ инженеру Лехнеру в выдаче журнала плавок, отказ инженерам Равделю и Мездрикову в проведении исследовательской работы и т.д.), по чугунолитейному цеху (сообщение неправильной шихты для плавки чугуна) и т.д. Не фиксируя все имевшие место нарушения со стороны Круппа, мы тем самым теряем юридическую базу для соответствующего воздействия и ограждения наших интересов.

9. Наши инженеры не привлекаются к ознакомлению со всеми материалами, получаемыми проф. Григоровичем от Круппа. Отсутствие правильной организации аппарата уполномоченного лишает возможности соответствующего контроля его деятельности. Поэтому у нас имеется сомнение в том, что не все материалы, получаемые от Круппа, попадают в “Металлобюро”.

10. Наконец, необходимо отметить, что существующий в Москве специальный аппарат по использованию договора является, главным образом, техническим аппаратом по пересылке материалов по заводам и запросов заводов к нам.

Наши предложения.

Мы предлагаем коренным образом реорганизовать дело использования договора на следующих основах:

1. Определить одного авторитетного “хозяина” договора.

2. Собрать и сформулировать в Москве все большие вопросы металлопромышленности. Составить план последовательной проработки их у “Круппа”.

3. Установить следующий основной метод проработки: 1) запрос официального письменного мнения Круппа, 2) проработка и проверка их ответа нашими инженерами в цехах, 3) организация собеседований с немецкими специалистами на предмет выяснения возникших при проверке вопросов, 4) отсылка в Москву крупповского ответа с дополнением и примечаниями наших инженеров.

4. Признать, что цель пребывания наших инженеров у Круппа является не только повышение своей квалификации, а наряду с

этим, в первую очередь, они должны представлять из себя ударный отряд, задача которого должна являться в основном систематическая перекачка всех достижений и методов Круппа на наши заводы. На этом мы настаиваем, потому что нет уверенности в длительном существовании договора. Нужно выжать все лучшее, что имеется у Круппа в возможно кратчайший срок – в период наибольшей материальной заинтересованности Круппа в договоре.

5. Работу нашего инженерного отряда нужно распределить таким образом, чтобы на всех основных участках завода Круппа иметь своих людей. Это обстоятельство нужно учитывать при посылке практикантов из Москвы и назначении им сроков командировки. Работа их должна быть увязана между собой руководящим центром в лице уполномоченного и его заместителя. Одной из главных задач этого руководства должна заключаться в том, чтобы получить полную картину процесса производства основных изделий от плавки до готовых продуктов (проследить прохождение болванки по всем цехам) и получения окончательного авторитетного мнения Круппа по отдельным вопросам с проработкой их на месте.

6. Фиксировать все случаи нарушения Круппом договора.

7. Организовать охрану наших материалов и держать в секрете их от Круппа. До сих пор все отчеты инженеров, копии донесений в Москву и прочая переписка находится открыто в здании конторы Круппа. Крупп имеет возможность полного контроля всех наших материалов.

8. Организация при Эссенском бюро базы для разрешения вопросов, связанных с проектированием горячих цехов новых заводов. Эссенское бюро должно являться секцией Техбюро “Машинообъединения” при разрешении металлургических вопросов (плавка, термическо-механическая обработка).

9. В целях ликвидации организационных неувязок и обеспечения надлежащего оперативного контроля подчинить руководство уполномоченным при Круппе существующему в Берлине Техбюро “Машинообъединения”.

Во главе дела использования договора в качестве уполномоченного при Круппе должен стоять партиец, хороший хозяйственник-организатор типа нашего красного директора. И при нем в качестве заместителя технический директор – достаточно квалифицированный инженер.

По поручению собрания партийцев-инженеров, работающих у Круппа

И. Тевосян³

Присутствовали на собрании:

Виткус⁴ – член ВКП(б) с 1918 г. Мотовилихинский завод.

Леве⁵ – член ВКП(б) с 1918 г. Институт металла в Харькове.

Антонов – член ВКП(б) с 1920 г. Завод “Большевик” в Ленинграде.

Знаменский – член ВКП(б) с 1920 г. Завод “Большевик” в Ленинграде.

Равдель – член ВКП(б) с 1917 г. Днепровский завод им. Дзержинского.

Тер-Терьян⁶ – член ВКП(б) с 1922 г. Ижевский завод.

Емельянов – член ВКП(б) с 1919 г. Институт металла в Москве.

Тевосян – член ВКП(б) с 1918 г. Завод “Электросталь”.

К настоящему постановлению присоединяемся:

Заместитель уполномоченного ВСНХ А. Трепалов⁷

Заведующий техбюро “Машинообъединения” Левин⁸

Примечание:

На собрании тов. Равделем было внесено особое мнение по п. 4 наших предложений (см. ст. 4), заключающееся в том, что он считает формулировку этого пункта политически неверной и предлагает упор делать не на использование инженеров-практикантов для перекачки крупновских методов к нам, а для повышения их квалификации.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 44–48. Подлинник.

¹ Курицин (Курицын) Василий Иванович (1892–1937) – член коллегии Наркомата путей сообщения, в 1931 г. управляющий Локомотивным объединением ВСНХ СССР, в 1932 г. директор Сормовского завода.

² Григорович Константин Петрович (1886–1943) – профессор, один из основателей советской школы электрометаллургов.

³ Тевосян Ивли Федорович (1902–1958) – с 1927 г. инженер, затем главный инженер завода “Электросталь” в Московской области, в 1931–1936 гг. управляющий объединением заводов качественных сталей и ферросплавов “Спецсталь”, в 1937–1939 гг. начальник главка, заместитель наркома оборонной промышленности СССР, в 1939–1940 гг. нарком судостроительной промышленности.

⁴ Виткус Теодор Янович – инженер.

⁵ Леве Н.Ф. (1895–?) – инженер-химик.

⁶ Тер-Терьян (Тертерян) Ашот Борисович – инженер-химик.

⁷ Трепалов Александр Максимович (1887–1937) – в 1922 г. заместитель начальника Экономического управления ГПУ при НКВД РСФСР.

⁸ Левин-Каган Давид Яковлевич – в то время сотрудник Всесоюзного объединения тяжелого машиностроения (“Машинообъединение”).

*Записка заместителя председателя
ВСНХ СССР И.С. Уншлихта в Политбюро ЦК ВКП(б)
о необходимости внесения платежей германской фирме
“Рейнметалл”**

28 августа 1930 г.
Сов. секретно

В Политбюро ЦК ВКП(б)

Согласно утвержденного РЗ СТО 30 июля с.г. договора с фирмой “Рейнметалл”, который будет подписан т. Будняком¹ сего числа в Берлине, необходимо к 10 сентября текущего года внести первый платеж в сумме 281 250 американских долларов, а также взамен гарантии наличными деньгами или банковским письмом (аваль)** выдать от имени берлинского торгпредства фирме вексель сроком по 15 февраля 1932 г. в обеспечение последней четверти платежа по договору, то есть на сумму 281 250 американских долларов. Этот вексель раньше указанного срока учету не подлежит и, в случае внесения нами в срок последней четверти платежа, возвращается нам обратно. Вексель хранится в виде гарантии в немецком банке “Рейхскредитгезельшафт”.

До сих пор платеж в 281 250 американских долларов, подлежащий внесению к 10 сентября, еще не обеспечен, не выдан также вексель взамен гарантии по договору. Это грозит срывом всего договора и отсрочивает начало работ на наших заводах.

Ввиду этого прошу поставить данный вопрос на рассмотрение ПБ и принять соответствующее решение об отпуске необходимых средств, а также о выдаче векселя взамен гарантии по договору.

Зам. пред. ВСНХ СССР Уншлихт

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 50. Подлинник.

¹ Будняк Даниил Филиппович (1886–1937) – в 1927–1928 гг. уполномоченный ВСНХ СССР в Берлине, в 1929–1930 гг. заместитель начальника объединения военных заводов, в 1930–1933 гг. начальник Орудийно-оружейного объединения.

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 6, п. 3/9.

** Письменное финансовое поручительство, вексельное поручительство (*фр.*).

№ 188

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б)
“О валюте (Заявление т. Уншлихта от 28.08)”**

№ П 6/9-рс

30 августа 1930 г.
Строго секретно

3/9. Передать на разрешение Валютной комиссии.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д.658. Л. 49. Копия.

№ 189

*Записка Б.С. Стомонякова В.М. Молотову
в связи с назначением полпредов СССР
в Германии Я.З. Сурица и в Турции В.П. Потемкина¹*

№ 6272

31 августа 1930 г.
Секретно
Экз. № 1

Секретарю ЦК ВКП(б)
тов. В.М. Молотову**

Уважаемый товарищ,

Постановлением Политбюро от 21 июля с.г. (протокол № 2) было предрешено назначение тов. Сурица полпредом в Берлин, а тов. Потемкина полпредом в Ангору, с отложением оформления этих назначений “до осени”.

В связи с приездом в Москву 24 сентября турецкого министра иностранных дел Рушди-бея представляется необходимым немедленно приступить к оформлению упомянутых назначений. Дело в том, что по международным традициям при официальных визитах министра иностранных дел или вышестоящего представителя иностранного государства обычно присутствует также аккредитованный в соответствующей стране посол или посланник. Ввиду долголетнего пребывания тов. Сурица в Ангоре и особого положения, которое он там занимает, его приезд в Москву вместе с Рушди-беем является необходимым и неизбежным. Во избежа-

* Выписка из протокола № 6 заседания Политбюро ВКП(б) 30 августа 1930 г., п. 9. Направлена Я.Э. Рудзутаку, И.С. Уншлихту.

** Копии направлены М.М. Литвинову, Л.М. Карахану, И.В. Сталину.

ние потери времени и валюты и, в особенности, для того, чтобы не оставлять долго незамещенным пост берлинского полпреда, тов. Литвинов письмом на мое имя предлагает просить Политбюро утвердить назначения гг. Сурица и Потемкина с тем, чтобы мы могли немедленно сообщить об этом германскому и турецкому правительствам, и тов. Суриц мог до отъезда в Москву вместе с Рушди-беем ликвидировать дела и “распрощаться” в Ангоре, а после посещения Рушди-бея из Москвы направиться непосредственно в Берлин. Последнее представляется важным в настоящее время ввиду предстоящих выборов в Германии и возможной смены правительства и особенно вследствие возможности постановки этой осенью в Берлине больших вопросов, затрагивающих внешнеполитическую ориентацию Германии. Кроме того, в октябре в Берлине начинаются важные для нас переговоры о заключении таможенной конвенции.

Тов. Карахан выражает сомнения в целесообразности отозвания тов. Сурица из Ангоры в связи с образованием там новой франкофильской партии. Поскольку, однако, тов. Сурица заменит такой опытный в турецких делах работник, как тов. Потемкин, к которому турки относятся очень хорошо, нет никакой опасности в переводе тов. Сурица из Ангоры в Берлин, тем более, что, как это видно из последней телеграммы тов. Сурица, вопреки газетной шумихе новая партия далеко не так влиятельна, и во всяком случае в течение продолжительного срока не может быть речи об изменении турецкой политики.

По изложенным соображениям я прошу Вас поставить вне повестки на заседании Политбюро 5 сентября вопрос об утверждении назначений тов. Сурица и тов. Потемкина.

С товарищеским приветом Б. Стомоняков

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 638. Л. 71–72. Подлинник.

¹ Потемкин Владимир Петрович (1874–1946) – в 1922–1923 гг. член советской репатриационной комиссии во Франции и Турции, в 1924–1926 гг. генеральный консул СССР в Стамбуле (Турция), в 1926–1929 гг. советник полпредства СССР в Турции, в 1929–1932 гг. полпред СССР в Греции, в 1932–1934 гг. в Италии, в 1934–1937 гг. во Франции, в 1937–1940 гг. заместитель наркома иностранных дел СССР.

№ 190

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О полпреде в Германию и Турцию”**

№ П 8/7рс

10 сентября 1930 г.
Строго секретно

Утвердить полпредом в Германии т. Сурица и полпредом в Турции т. Потемкина.

Секретарь Цека

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 638. Л. 70. Копия.

№ 191

*Записка Н.Н. Крестинского В.М. Молотову в связи с назначением Я.З. Сурица полпредом СССР в Германии***

№ 1133

13 сентября 1930 г.
Лично
Секретно
Срочно

Тов. Молотову

Копии: тт. Кагановичу, Карахану, Стомонякову

Многоуважаемый Вячеслав Михайлович,

Тов. Карахан сообщает, что 15-го в заседании ПБ вновь стоит вопрос о Сурице и что постановление о его назначении в Берлин, может быть, будет перерешено.

Я хочу, чтобы при решении вопроса ПБ было знакомо с моими соображениями, и поэтому пишу по этому поводу непосредственно Вам, так как, если бы я послал, как обычно, только в адрес НКВД, то письмо могло бы на один день запоздать. Письмо придет утром в день заседания, и я прошу Дипкурьерский отдел переслать его Вам прямо в заседание. На случай, если Вы уже уехали в отпуск, я посылаю копию и т. Кагановичу.

Позвольте сначала изложить Вам историю и теперешнее формальное положение вопроса, чтобы Вы видели, что нельзя менять

* Вопрос представлен Б.С. Стомоняковым. Выписка из протокола № 8 заседания Политбюро ЦК 10 сентября 1930 г., п. 7. Направлена Б.С. Стомонякову, И.И. Мирошникову.

** *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 8, п. 7.

решение о Сурице без того, чтобы не скомпрометировать серьезно нашего правительства в глазах германского правительства.

21 июля после разговора т. Сталина с Литвиновым и мною ПБ постановило предрешисть назначение Сурица в Берлин и Потемкина в Анкару, отложив оформление этих перемещений до осени. Под оформлением понимается испрошение у соответствующих правительств согласия на назначение к ним Сурица и Потемкина и проведение новых назначений в советском порядке. Я лично считал и считаю, что постановление от 21 июля давало НКВД право и обязывало его с наступлением осени без всякого нового постановления ПБ запросить у германского правительства агреман для Сурица, а по получении положительного ответа от немцев обратиться с аналогичным запросом по поводу Потемкина к туркам.

Мои товарищи по коллегии – Карахан и Стомоняков (Литвинов находился в отпуску) были осторожнее меня и полагают, что для приступа к оформлению мы должны получить дополнительную санкцию ПБ. Я не спорил, и т. Стомоняков, кажется, 1 сентября написал в ПБ письмо, просил поставить вопрос в заседании 5 сентября. Основной мотив т. Стомонякова так же, как и т. Литвинова, с которым он по этому поводу сносился, был тот, что Суриц должен совершить все формальности перед своим отъездом из Анкары вместе с Рушди-беем, чтобы больше в Турцию не возвращаться. Говоря с Вами по телефону 3 сентября накануне моего отъезда в Берлин, я привел Вам другое соображение, именно: что мне будет неудобно, если я, прощаясь с Курциусом и особенно с Гинденбургом, не смогу назвать фамилии своего преемника. Вы обещали мне поставить вопрос 10 сентября.

11 сентября утром я получил от НКВД телеграмму, написанную, очевидно, накануне, в которой сообщалось, что в этот день постановлено перевести Сурица в Берлин, и предлагалось мне просить у немцев для него агреман. Зная, что дело очень срочное (Суриц писал, что он должен знать окончательное решение о себе за 10 дней до отъезда из Анкары), я немедленно созвонился со статс-секретарем Бюловым, замещающим находящегося в Женеве Курциуса, и условился, что буду у него в половине седьмого вечера. В установленный час я был у Бюлова, сообщил ему, что имею от своего правительства телеграфное поручение испросить агреман для Сурица, и просил о возможно более скором ответе, так как Суриц через неделю выезжает из Анкары, и создается неудобное положение, если он еще перед своим отъездом не сможет предупредить турок о предстоящем в ближайшем будущем окончательном своем отъезде. Я должен сослаться на то, что я

получил телеграфное поручение из Москвы, потому что только накануне я был у Бюлова, говорил на самые различные темы и ни словом не упомянул о Сурице. Бюлов ответил мне, что Суриц хорошо известен Министерству иностранных дел, по сообщениям германского посла в Анкаре Надольного, что агреман Сурицу, конечно, будет дан, но что он не может дать мне сейчас же официального ответа, а сделает это лишь через несколько дней, так как он должен снестись с отсутствующим из Берлина Курциусом.

Через 2 часа после возвращения от Бюлова я был вызван по телефону из Москвы, и заведующий шифротделом НКВД сообщил мне, что нужно задержать исполнение телеграммы за таким-то номером. Утром пришла шифровка о том же.

Как Вы видите из изложенного, и телефонный разговор, и шифровка запоздали и пришли уже после того, как я запросил агреман. Я успел даже отправить уже в Москву зашифрованное сообщение о своем свидании с Бюловым до получения телефонного предупреждения.

Если бы сообщения НКВД не запоздали, я отложил бы свой разговор с Бюловым, и никакого неудобства от того, что мы назвали бы немцам нашего кандидата и просили бы для него агреман пятью днями позже, не произошло бы. Иначе обстоит дело сейчас. В самом деле. Со времени моего назначения в НКВД прошло почти 2 месяца. Предполагается, что за это время и НКВД, и правительство внимательно обдумали вопрос о кандидатах и только после этого обращаются к иностранному правительству за агреманом для кандидата, назначение которого решено окончательно. И вдруг на другой день после обращения мы прибегаем и просим подождать и считать наше обращение пока еще не имевшим место. Одно из двух: или за этот день произошло какое-либо чрезвычайное непредвиденное нами событие, которое коренным образом заставило нас пересмотреть свое решение, или ничего такого не произошло. В первом случае нам следует не просить немцев подождать с агреманом, о чем телеграфирует мне т. Каракан, а прямо сказать: "Произошло новое событие, мы не можем взять Сурица из Турции, мы просим Вас считать вчерашний разговор аннулированным, Сурица мы к Вам не посылаем, назовем через некоторое время другого кандидата". Положение было бы неприятным, но политически понятным. Сказать же: "Подождите, пожалуйста, еще несколько дней, мы подумаем, может быть, мы пришлем к Вам Сурица, а может не пришлем, мы вчера приняли решение, недостаточно обдумавши" — невозможно без того, чтобы не сделать себя и все правительство смешным в глазах чужого правительства.

Поэтому я пойду вторично к Бюлову, когда получу из Москвы сообщение об окончательном решении по поводу Сурица. Предупреждаю Вас, что и в этом случае положение будет неудобным, потому что образование новой партии в Турции и возможность некоторого изменения турецкой внешней политики есть вопросы, которые возникли не в ночь с 10 на 11 сентября, а месяцем раньше, и не могут поэтому послужить основанием, по крайней мере, понятным для германского правительства основанием для изменения принятого 10 сентября решения.

Теперь я оставляю эту внешнюю сторону и перехожу к вопросу по существу. В Берлин нужно послать серьезного, опытного дипломата как ввиду важности для нас отношений с Германией, так и в виду серьезности происходящих внутри Германии политических перегруппировок. Послать свежего человека, не знающего заграницы, не знающего языков, не занимавшегося до сих пор вопросами внешней политики, было бы неосторожно. Из наших же дипломатов Суриц является единственным подходящим для берлинского поста человеком.

Можно ли его снять из Анкары? На место Сурица едет Потемкин, с 1923 или 1924 г. по начало 1930 г. работавший в Турции сначала в качестве генерального консула в Константинополе, потом в качестве советника в Анкаре. За 6 с лишком лет своей работы в Турции совместно с Сурицем он прекрасно ознакомился с турецкими проблемами и приобрел прочные личные связи. Последние месяцы он живет в Афинах и по существу своей работы сохраняет теснейший контакт с вопросами турецкой политики и советско-турецких отношений. Он не заменит Сурица в первое время на 100%, но сразу заменит на 80%, а через некоторое время будет пользоваться таким же влиянием.

Далее, то, что происходит сейчас в Турции, представляет из себя политический маневр господствующей партии с заранее распределенными ролями, предпринятый после предварительного совместного обсуждения его с Кемалем¹, Исметом², Федхи³, Рушди и некоторыми ближайшими единомышленниками, в том числе и здешним турецким послом генералом Кемаледдином, который мне об этом и рассказывал. Конечно, этот маневр таит в себе некоторые опасности и может привести к большим сдвигам, чем этого хотят инициаторы маневров, в первую голову Кемаль и Исмет. Но это решится в ближайшие недели на сессии парламента, которая собирается 1 октября. Пребывание Сурица в Анкаре во время этой сессии желательно, ибо он сможет и влиять на некоторых депутатов, и информироваться от них. По окончании сессии, если премьером останется Исмет, что обеспечено на 80%,

присутствие Сурица становится уже не необходимым. Если же придет Федхи, то, может быть, даже лучше, если отношения с ним завязывать и поддерживать будет новый человек, менее ангажированный своей дружбой с Исметом, чем Суриц. Вот почему я считаю, что Сурицу нужно пробыть в Анкаре октябрь и незачем оставаться дольше. Я мыслю себе формальную сторону дела так: Суриц уже теперь заявляет, что он переводится в Берлин и просит агреман для Потемкина. По вопросу о времени своего отъезда из Турции Суриц тут же говорит, что он проводит Рушди в Москву, пробудет там с ним вместе и вернется к 1 октября обратно. Затем он пробудет в Турции весь октябрь, дождется приезда Потемкина, передаст ему дела, распрощается, не торопясь, с турецкими друзьями, вручит свои отзывные грамоты и уедет через Москву в Берлин. Если бы даже Сурицу пришлось задержаться не до 1 ноября, а провести в Турции нашу октябрьскую годовщину, то в этом ничего плохого и необычного не было бы. В Западной Европе от момента, когда испрашивается агреман для нового посла, до момента его фактического приезда проходит обычно несколько месяцев, причем старый посол в это время выполняет свои функции, не вручая еще отзывной грамоты.

Задержка Сурица в Турции не будет ни в коей мере обозначать удлинения моего пребывания в Берлине. Междуцарствие от моего отъезда и до приезда Сурица протянется полтора—два месяца. Это время во главе нашего полпредства в Берлине будет стоять т. Бродовский. Он настолько опытный, осторожный и политически выдержанный человек, что на него можно вполне положиться.

По изложенным соображениям убедительно прошу ПБ подтвердить постановление от 21 июля и 10 сентября и немедленно после получения соответствующих агреманов оформить новые назначения в советском порядке.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 638. Л. 74–78. Подлинник.

¹ Кемаль Мустафа (1881–1938) – в 1923–1938 гг. президент Турецкой республики.

² Инёню Исмет (1884–1973) – в 1923–1937 гг. (с перерывом) премьер-министр, в 1938–1950 гг. президент Турецкой республики.

³ Точнее Фетхи (современное написание Окьяр Али Фетхи) (1880–1943) – турецкий дипломат, в 1923 г. премьер-министр Турции.

*Записка В.В. Куйбышева в Политбюро ЦК ВКП(б)
о строительстве консорциумом немецких фирм
металлургического завода в Нижнем Тагиле*

13 сентября 1930 г.

В Политбюро ЦК ВКП(б)

На основании решения совещания заместителей председателя Совнаркома и СТО мы вступили в переговоры с д-ром Пуппе¹ – консультантом Гипромеца по поводу его предложения, переданного от имени ряда фирм, взять на себя строительство и поставку в кредит оборудования для одного из новых заводов – по нашему предложению Нижнетагильского завода на Урале.

Сущность этого предложения заключалась в том, что образуемый немецкими фирмами консорциум строит в Нижнем Тагиле завод по последнему слову немецкой техники, обеспечивает получение высоких технических коэффициентов, оказывает техническое содействие при пуске в ход завода, поставляет все необходимое оборудование, за исключением той части, которую мы будем производить в СССР, и предоставляет нам кредиты на приобретаемое оборудование на длительный срок, который нами назывался, как срок от 5 до 7 лет.

После предварительных переговоров, во время которых мы потребовали уточнения вопроса о кредитах и гарантии успешной работы завода в целом, независимо от фирменных гарантий по каждому отдельному агрегату, Пуппе выехал обратно в Германию, попросив нас изложить некоторые соображения в письменном виде. Это и было сделано письмом заведующего Иностранным управлением “Стали” тов. Замеля² от 27 июля сего года. На это письмо ответ от Пуппе мы получили в форме его письма от 29.08.1930 г. (русский перевод которого при сем прилагается).

Из этого письма явствует, что:

1. Достигнута организация консорциума в составе:
 - 1) “Ферейнигте Штальверке”, Дюссельдорф.
 - 2) Акционерное общество “Фридрих Крупп”, Эссен.
 - 3) Акционерное общество “Гутехоффнунгсхютте”, Оберхаузен.
 - 4) Акционерное общество “Дойче машиненфабрик”, Дуйсбург.
 - 5) Фирма “Отто Вольф”, Кёльн.

2. Этот консорциум готов в отношении сроков кредита по собственным поставкам и работам в известной мере пойти нам

навстречу. Равным образом может быть достигнуто соглашение по вопросу требуемых нами гарантий.

Пуппе просит прислать нашего уполномоченного в Берлин для окончательных переговоров.

Как видно из текста письма, Пуппе совершенно не упоминает о тех отвергнутых в свое время комбинациях, предлагавшихся Отто Вольфом, немецкого и американского капитала, о которых сообщает в своей телеграмме тов. Любимов. Мы считаем, что нам следует остаться на нашей прежней позиции недопущения посредничества немцев в отношениях между американцами и нами и что в соответствии с этим необходимо ориентироваться на чисто германское оборудование. Это вытекает и из предложений, сделанных Пуппе первоначально от имени консорциума, поскольку он заявлял о желании построить чисто немецкий завод, который явился бы показательным для достижений немецкой техники и убедил бы нас в том, что немецкая техника имеет целый ряд преимуществ по сравнению с американской.

Вместе с тем, ввиду того, что:

а) Все поименованные выше фирмы являются в достаточной мере солидными.

б) Строительство Нижнетагильского завода является делом первостепенной важности, и возможность ускорения его вполне целесообразна и необходима.

в) Оборудование для этого завода должно быть закуплено не менее, чем по пятилетнему кредиту.

г) Покупка оборудования в Германии на условиях длительного кредита будет иметь значение не только в Европе, но и в САСШ.

д) Сопряженное со строительством оказание техпомощи по производству металла целиком немецким способом позволит применить этот опыт целому ряду реконструируемых заводов наряду с получением американского опыта.

Президиум ВСНХ СССР считает целесообразным приступить к дальнейшим переговорам на основе следующего решения:

1. Признать нецелесообразным создание американско-немецкого консорциума, который по существу является повторением попытки со стороны немцев предложить свое посредничество между нами и американцами.

2. Приступить к дальнейшим переговорам с чисто немецкой группой фирм, предложив ВСНХ СССР и НКТоргу в 3-х дневный срок составить подробную директиву для ведения переговоров.

3. Уполномочить ведение этих переговоров т. Любимову.

Председатель ВСНХ СССР В.В. Куйбышев

*Письмо члена правления
Всесоюзного объединения "Сталь" Л. Замеля
немецкому консультанту "Гипромега" И. Пуппе
о гарантиях и ответственности германской стороны
за постройку Нижнетагильского завода*

27 июля 1930 г.

Многоуважаемый д-р Пуппе,

В предпоследнем нашем свидании в Москве Вы выразили желание выяснить наше принципиальное мнение по некоторым вопросам предложения, сделанного Вами нам от имени немецкой группы.

Первый вопрос касался гарантии и ответственности немецкой группы за проектирование, постройку, пуск в ход и успешные работы завода после пуска. Мы исходим [из того], что завод, который будет построен под руководством и непосредственном участии немецкой группы, должен, как Вы справедливо указали, представлять собой все последние достижения немецкой техники в металлургическом производстве. И поэтому необходимо, чтобы немецкие фирмы и технические силы, которые желают принять участие в этом деле, должны дать нам гарантию и нести ответственность за весь завод в целом. При осуществлении этой гарантии и ответственности возможны разные варианты. Одним из таковых является, что немецкая группа выделяет одно лицо, которое руководит всем делом проектирования, постройки и пуска в ход завода и несет ответственность от имени фирм, входящих в группу. При этом все фирмы вместе гарантируют успешность дела.

Второй вопрос касался того, как определить затраты немецкой группы в деле постройки завода и как определить сроки погашения нами этих затрат. Мы мыслим себе, что при определении сумм, подлежащих оплате с нашей стороны, придется обсуждать и устанавливать размер каждого элемента расходов. Так, например, придется особо установить стоимость проектирования, технического руководства, стоимость каждого агрегата, поставляемого немецкой группой, и других расходов, ими производимых.

Что же касается сроков погашения нами затрат немецкой группы, то можно принять или 7 лет с начала фактического развертывания постройки, или 5 лет после пуска в ход каждого агрегата. При этом полагаем, что при определении суммы платежей на каждый данный год нельзя будет прибегнуть к простому делению

всей суммы платежей по данному заводу на число лет кредита, а придется принять во внимание размер затрат, которые немецкая группа должна будет делать каждый год постройки завода. Таким образом, размер платежей каждый год будет различен. Долю ежегодного платежа можно будет установить лишь при определении, в каком порядке и в каком размере будут делаться затраты немецкой группы, и поэтому определить распределение этих платежей по годам в данный момент нельзя.

Я пока ограничусь этими предварительными замечаниями, и Вы несомненно понимаете, что наиболее целесообразный метод переговоров, это не выделять один или два вопроса из общей суммы всех тем, подлежащих обсуждению, а обсудить весь вопрос в целом, так как каждый из отдельных вопросов является органической частью всего целого. Поэтому мои замечания являются предварительными и подлежат дальнейшему обсуждению, когда мы приступим к переговорам по всем вопросам.

В ожидании Ваших скорых известий, пребываю в полном к Вам уважении.

Член правления Объединения “Сталь” Л. Замель

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 53. Заверенная копия.

Приложение 2

*Письмо И. Пуппе председателю Всесоюзного
объединения “Сталь” В.И. Межлауку
о создании немецкого консорциума
для строительства Нижнетагильского завода*

29 августа 1930 г.
Дюссельдорф

Председателю треста “Сталь” г-ну Межлауку
Москва, Кузнецкий мост, 16

Уважаемый г-н Межлаук,

После продолжительных переговоров мне, наконец, удалось собрать немецкий консорциум для проекта и строительства железодельного завода в Нижнем Тагиле. Консорциум вчера установлен здесь в Дюссельдорфе и состоит из следующих фирм:

Объединение стальных заводов, Дюссельдорф
“Фридрих Крупп”, акционерное общество, Эссен

Гутехоффнунгсхютте, акционерное общество, Обергау
Немецкая машинная фабрика, Дуйсбург
Фирма “Отто Вольф”, Кёльн.

Я ознакомил консорциум с содержанием Вашего любезного письма на 27.07 с.г., и господа готовы в отношении сроков кредита на собственные поставки и работы в известной мере пойти навстречу. Также в отношении важного вопроса требуемых Вами гарантий может быть достигнуто соглашение.

Я рад, что предпринятые мною весной 1929 г. в интересах русского правительства шаги для осуществления этой большой работы так успешны, и я приветствовал бы приезд Вашего уполномоченного представителя в Берлин для окончательных переговоров.

Жду Вашего скорого ответа по этому вопросу и остаюсь с искренним приветом

Уважающий Вас Пуппе

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 54. Перевод с немецкого.

¹ Пуппе Иоганн (1882–?) – в 1919–1925 гг. директор сталелитейного завода в Бреслау, директор Высшей технической школы в Берлине и Эссене.

² Точнее Заммель Лев Густавович (1892–1941) – юрист, сотрудник ВСНХ СССР.

№ 193

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О полпреде в Берлине”**

№ П 8/17с

15 сентября 1930 г.
Строго секретно

17. Во изменение прежнего решения Политбюро от 10.09.1930 г. назначить полпредом в Берлине тов. Хинчука.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 638. Л. 73. Копия.

* Вопрос поставлен В.М. Молотовым, Л.М. Караханом. Выписка из протокола № 8 заседания Политбюро ЦК 15 сентября 1930 г., п. 17. Направлена Б.С. Стомякову, И.И. Мирошникову.

№ 194

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О Вольфе"

№ П 8/20-с

15 сентября 1930 г.
Строго секретно
Из "Особой папки"

20. Признать целесообразным ведение переговоров о технической помощи только с отдельными немецкими фирмами, не допуская какого-либо объединения для этого немецких и американских фирм.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 51. Копия.

№ 195

4 Записка Н.Н. Крестинского в Политбюро ЦК ВКП(б)
о подготовке к переговорам с немцами по таможенной
конвенции с Германией**

№ К/29061

12 октября 1930 г.
Сов. секретно
Экз. № 1

В Политбюро ЦК ВКП(б)***

Делегация СССР в советско-германской согласительной комиссии, согласно решению Политбюро от ...,**** наметила срок переговоров по таможенной конвенции на 15.10 с.г. Этот срок и был зафиксирован в отчете согласительной комиссии, утвержденном сейчас немцами и нами. Формально переговоры должны начаться в этот срок, потому что со стороны немцев не поступило предложения об отсрочке переговоров. Едва ли, однако, в первой стадии переговоры будут особенно содержательными, принимая во внимание неопределенную внутривнутриполитическую конъюнк-

* Вопрос представлен В.И. Межлауком, М.И. Хлопьянкиным, А.М. Фушманом, Б.С. Стомонаковым. Выписка из протокола № 8 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 15 сентября 1930 г., п. 20. Направлена В.В. Куйбышеву, М.И. Хлопьянkinу.

** Штамп: Прот[окол] ПБ № 12, п. 7.

*** Копии направлены И.В. Сталину, А.И. Рыкову, К.Е. Ворошилову, В.М. Молотову, М.И. Калинину, Я.Э. Рудзутаку, В.В. Куйбышеву, Е.М. Ярославскому, В.Р. Менжинскому, С.И. Сырцову, П.П. Постышеву и членам коллегии НКВД СССР М.М. Литвинову и Л.М. Карахану.

**** Отточис текста.

туру и неустойчивость положения существующего германского правительства.

Поскольку, однако, мы заинтересованы в таможенном соглашении, которое при большом росте таможенных пошлин в Германии может облегчить продвижение нашего экспорта в Германию, нам необходимо уже сейчас быть готовыми к началу переговоров и придерживаться того срока, который предусмотрен в отчете согласительной комиссии. НКИД и Наркомторг рассматривали основные положения предстоящего соглашения и согласованно наметили прилагаемые при сем тезисы по этому делу.

Основным моментом в упомянутых тезисах является п. 3, касающийся формы урегулирования таможенно-тарифного вопроса во взаимоотношениях с Германией. Последнее развитие германской торговой политики направлено в сторону обхода наибольшего благоприятствования и разрешения таможенно-тарифных вопросов в порядке специальных соглашений с отдельными странами, условия которых не распространяются по наибольшему благоприятствованию на другие страны. Обычно эти соглашения принимают характер частно-хозяйственных соглашений. Намеченные в тезисе 3-м варианты разрешения таможенно-тарифных вопросов основаны на учете германской практики последних лет. Каждый из этих вариантов в отдельности уже был применен немцами в их соглашениях с Францией, Румынией, Финляндией, Литвой, Польшей и т.д.

НКИД и Наркомторг считали целесообразным в качестве наших требований выдвинуть основные сельскохозяйственные продукты: пшеницу (в учете большой роли, которую мы должны сыграть в германском импорте этого продукта в предстоящем году), овес, масла и яйца (хотя последние продукты не предполагается вывозить в ближайшем году, однако, поскольку конвенция заключается не на один год, целесообразно соответствующее требование выставить); рожь мы считали необходимым выпустить, учитывая, что Германия является сама экспортером этого продукта.

Компенсационные объекты намечены в духе решений Политбюро в связи с переговорами в согласительной комиссии. Если нам будут предоставлены серьезные скидки, способствующие продвижению нашего экспорта, представлялось бы целесообразным пойти на известное сокращение нашего списка запрещенных к транзиту на Восток товаров. Этот вопрос в его конкретной форме, однако, может быть решен лишь после выяснения конкретных перспектив таможенной конвенции.

Срок конвенции намечается на 2 года. В учете возможного изменения структуры нашего экспорта в Германию нецелесообразно заключать конвенцию на более длительный срок.

Делегация для переговоров НКВД совместно с Наркомторгом намечена в составе: т. Бродовский – председатель и члены – заместитель торгпреда т. Килевич и член совета торгпредства т. Ленгиель.

Заместитель народного комиссара Н. Крестинский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 56–57. Подлинник.

Приложение

*Тезисы к переговорам о таможенной конвенции**

Не позднее 12 октября 1930 г.**

Сов. секретно

Экз. № 1

а) Считать целесообразным с точки зрения политической и экономической начать в установленный срок переговоры с Германией по таможенной конвенции.

б) Считать целесообразным выставить в качестве наших предложений по таможенной конвенции в числе других ряд важнейших сельскохозяйственных продуктов (ячмень, пшеницу, масло и яйца), не выставляя требований на рожь.

в) Считать возможным урегулирование наших таможенных взаимоотношений с Германией в зависимости от предложений немцев, как путем:

1) предоставления нам определенного контингента интересующих нас товаров, по которому нам будут предоставлены скидки;

2) соглашения с германским правительством о возвращении нам разницы в пошлине между общей и льготной ставкой (формально не фиксируемой в конвенции) по определенному контингенту интересующих нас товаров в случаях продажи в Германии;

3) считать возможным разрешение таможенных вопросов в наших взаимоотношениях с Германией по наиболее важным сельскохозяйственным продуктам – в форме частно-хозяйственных соглашений между нашими организациями и германскими импортерами, по каковым соглашениям последние обязуются либо покупать у нас товары по повышенным ценам с учетом необходимости компенсации нас по пошлине, либо при покупке возвращать нам разницу между обычной и конвенционной пошлиной.

В отношении последнего варианта (3) предоставить инициативу немцам, однако, решительно отвергать попытку немцев связывать этот вариант с вопросом об импортных контингентах.

* Заголовок документа.

** Датируется по основному документу.

г) В качестве компенсационных объектов наметить в первую очередь скидки с нашего тарифа. В случае, если нам будут предоставлены немцами скидки, представляющие интерес для советского экспорта, считать в принципе возможным, без формальной увязки с таможенной конвенцией, предоставить немцам известные льготы (объем коих будет зависеть от объема льгот, получаемых нами от немцев) по вопросу о сокращении списка товаров, запрещенных как по грузовому, так и по посылочному транзиту.

д) Считать возможным выставить, помимо чисто таможенных требований, дополнительные требования, облегчающие сбыт соответствующих товаров в Германии: по продуктам животноводства, на которые мы просим скидки, ветеринарному облегчению, по бензину, льготы по железнодорожному тарифу и т.д.

е) Скидки выразить в процентном отношении к существующему тарифу.

ж) Наметить нашу делегацию в составе трех человек: председатель т. Бродовский, члены делегации: т. Ленгиель и один из заместителей торгпреда по усмотрению Наркомторга. Вопрос о составе делегации согласовать с т. Микояном.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 58. Копия.

№ 196

*Записка заместителя наркома внешней
и внутренней торговли СССР А.П. Розенгольца
в Политбюро ЦК ВКП(б) о составе советской делегации для
переговоров по таможенной конвенции с Германией*

№ М-47/сс

15 октября 1930 г.

Сов. секретно

Срочно

В Политбюро ЦК ВКП(б)
копия: НКВД – т. Крестинскому.

Наркомторг СССР просит утвердить делегацию для переговоров с немцами по заключению таможенной конвенции в составе:

Председатель т. Бродовский

Члены делегации: т. Килевиц

т. Бессонов¹

Замнаркомторг СССР А. Розенголец

Помета: Литвинов сообщил, что НКВД согласен на этот состав.
Б. Двинский².

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 72. Подлинник.

¹ Бессонов Сергей Алексеевич (1892–1941) – в 1930–1933 гг. член совета Торгпредства СССР в Германии, в 1933–1937 гг. советник полпредства СССР в Германии.

² Двинский Борис Александрович (1894–1973) – в 1925–1928 гг. зав. подотделом информационного отдела ЦК ВКП(б), в 1928–1930 гг. помощник Генерального секретаря ЦК ВКП(б), 1930–1934 гг. зам. зав. секретным отделом ЦК ВКП(б), в 1934–1937 гг. зам. зав. особым сектором ЦК ВКП(б).

№ 197

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О таможенной конвенции с Германией”**

№ П 12/7-с

15 октября 1930 г.
Строго секретно
Из “Особой папки”

7. Разрешить НКВД вести переговоры о таможенной конвенции с Германией, согласовав основные положения с НКТоргом.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 55. Копия.

№ 198

Записка Н.Н. Крестинского И.В. Сталину о порядке опубликования отчета советско-германской согласительной комиссии

№ К/29077

21 октября 1930 г.
Секретно
Экз. № 2

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)
тов. Сталину**

Конвенция о согласительной процедуре между СССР и Германией предусматривает возможность опубликования отчетов согласительной комиссии по согласованию между сторонами. Немцы, утвердив отчет первой сессии, заседавшей, как Вы знаете, в Москве в июне–июле текущего года, поставили перед нами

* Вопрос представлен Н.Н. Крестинским, А.П. Розенгольцем, М.М. Литвиновым. Выписка из протокола № 12 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 15 октября 1930 г., п. 7. Направлена М.М. Литвинову, А.П. Розенгольцу.

** Копии направлены М.М. Литвинову, II Западный отдел НКВД СССР.

вопрос об опубликовании отчета. Они считают необходимым кое-что опубликовать по существу содержания отчета, однако, соглашаются на то, чтобы был опубликован не отчет, как таковой, а лишь изложение его позитивной части, а равно соглашаются на то, чтобы первоначально отчет был опубликован не в газетах, а в журналах. Это, конечно, не лишает немецкие газеты права перепечатывать отчет, который будет опубликован в журнале. Однако это дает нам право самим подобной публикации в газетах не делать. В результате этого мы получаем возможность не распубликовать широко содержание отчета, особенно в тех его частях (например, постановления о коллективизации), которые по внутривнутриполитическим соображениям широко распространять в СССР было бы нецелесообразно.

Сообщая изложенное и представляя при сем разработанный в НКВД проект резюме отчета первой очередной сессии советско-германской согласительной комиссии*, прошу сообщить, не встречается ли с Вашей стороны препятствий к распубликованию этого отчета в каком-либо из толстых журналов, например в органе Наркомторга "Вопросы торговли".

Н. Крестинский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 60. Копия.

№ 199

*Записка А.П. Розенгольца в Политбюро ЦК ВКП(б)
о германском гарантийном кредите***

№ М-489/с

24 октября 1930 г.
Сов. секретно
Экз. № 1

В Политбюро ЦК ВКП(б)

Тов. Крестинский в своем письме в ПБ предлагает принять к сведению сообщение советника германского посольства Твардовского об открытии германским правительством гарантийных экспортных кредитов для наших закупок в Германии, не входя по этому вопросу ни в какие переговоры с германским правительством.

Я считаю предложение т. Крестинского в такой форме неприемлемым. Самый способ предоставления гарантий промышлен-

* В АП РФ отсутствов.

** *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 13, п. 9.

никам дал возможность германскому правительству осуществить свое давнишнее намерение о создании специального органа, который противостоит нашему торгпредству в Германии. На самом деле, порядок, введенный германским правительством для выдачи гарантий, заключается в следующем: фирма до подписания договора с нами должна заручиться согласием германского правительства на предоставление ей гарантий на часть нашего обязательства; кроме того, имперское правительство должно, “обсудив конкретные обстоятельства дела”, поставить перед правительством соответствующей страны (Пруссии, Саксонии, Баварии и т.д.) вопрос о предоставлении фирме гарантии на другую часть нашего обязательства; далее, немцы своей кредитной акцией не обязываются перед нами ни фиксацией определенных сроков кредита, ни определенным размером процента. Все это вместе взятое обозначает, что германское правительство фактически создало против нас единый монопольный центр. Именно в “гарантийном комитете”, который работает в тесном сотрудничестве с Русским комитетом, решаются вопросы о ценах, о сроках поставки, о сроках кредита, о размерах процента и т.д. Вникая в каждую отдельную сделку, гарантийный комитет своей повседневной работой фактически регулирует наши импортные заказы в Германии.

С другой стороны, одностороннее решение германского правительства о гарантиях по нашим закупкам не может создать сколько-нибудь заметного политического эффекта за пределами Германии, ибо частичные гарантии по отдельным экспортным сделкам стали в последнее время настолько обычным явлением в практике целого ряда стран (Англия, Норвегия, Польша и др.), что они даже не обращают на себя внимания. Последствия были бы совершенно другие, если бы нам удалось в переговорах с германским правительством добиться соглашения насчет кредитной акции в 500–600 млн марок, предусматривающей определенные сроки кредитов, процентную ставку и т.п. Заключение такого соглашения при теперешних условиях могло бы повлечь за собой изменение в наших экономических взаимоотношениях с целым рядом капиталистических стран. Промышленники Соединенных Штатов и Англии, которые ставят нам в настоящее время чрезвычайно тяжелые условия расчета, поняли бы наше соглашение с Германией в том смысле, что из их рук ускользают крупные суммы заказов. Не приходится уже говорить о том, что осуществление крупной кредитной акции было бы сильнейшим ударом как по известному решению французского и бельгийского правительств, так и по попыткам Франции организовать единый фронт

против нашей внешней торговли. Следует подчеркнуть и то обстоятельство, что Германия рассматривается в Западной Европе и в особенности в Америке, как эксперт по советским делам, к голосу которого надо прислушиваться.

Все это говорит о том, что заключение кредитного соглашения с Германией особенно в настоящее время имеет для нас столь важное значение, что если потребуется, мы должны были бы пойти на известные жертвы, чтобы добиться его осуществления. Мы можем предложить при переговорах два обязательства с нашей стороны: во-первых, разместить в течение определенного срока при подходящих ценах определенную сумму заказов и, во-вторых, принять участие в финансировании всей операции в определенном проценте.

Первое обязательство при значительных размерах наших заказов не возлагает на нас особых тягот, тем более, что мы и сейчас размещаем в Германии большие заказы. Что же касается нашего участия в финансировании, которого немцы настойчиво добивались в начале прошлого года, то мы при всей напряженности валютного плана 1931 г. могли бы пойти на известные взносы наличными или на залог части наших товаров, находящихся за границей. Фактически мы и сейчас платим в Германии известную часть наличными (например, при заказах электрооборудования, оборудования для химической промышленности и т.д.). Если бы мы согласились в качестве первой позиции вносить наличными 10%, то при выдаче в 1931 году заказов на 250 млн рублей нам пришлось бы внести максимум 25 млн рублей, так как изготовление части этих заказов неизбежно перешло бы на 1932 год. Я полагаю, что в случае требования со стороны немцев мы могли бы несколько повысить нашу долю участия в финансировании.

При переговорах с германским правительством мы должны поставить себе целью свести роль гарантийного комитета к функциям, определяемым его названием, и лишить его возможности регулировать наши заказы. Для этого мы, помимо установления общей суммы гарантийного кредита, должны добиться от германского правительства установления сроков гарантии не от случая к случаю, не по отдельным сделкам, а в зависимости от характера оборудования, например, 3-х лет среднего кредита для оборудования металлургических заводов, для судов и крупных котельных и турбинных установок, 2-х лет для станков, компрессоров, горного и подъемно-транспортного оборудования и 1 года для прочего оборудования, считая срок кредита с момента поставки.

Далее, мы должны поставить себе целью повышение гарантии правительства до 85%, так как установленные в настоящее время

60% правительственной гарантии ставят многие фирмы перед необходимостью обращаться за учетом остальной части векселей к черной бирже и, следовательно, включать соответствующие процентные ставки в калькуляцию.

Наконец, мы должны добиваться такой организации всей кредитной акции, которая заменила бы товарный кредит финансовым, — условие, на которое немцы соглашались при переговорах в начале 1929 г. Такой порядок позволил бы нам расплачиваться с поставщиком наличными и лишил бы немцев возможности при заключении договоров давить на нас по линии цен и прочих условий поставок.

Я должен подчеркнуть, что достижение указанных условий, помимо общих результатов, на которые я указываю, имело бы своим последствием как снижение цен, так и общее оздоровление нашего вексельного оборота за границей.

Таким образом, для нас было бы совершенно невыгодно отнестись пассивно к решению германского правительства о гарантиях по нашим заказам. Напротив, мы должны проявить в этом деле активность и вступить с немцами в переговоры*.

Ввиду изложенного считаю необходимым вступить в переговоры с германским правительством на основе изложенных выше положений.

А. Розенгольц

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 65–68. Подлинник.

№ 200

*Записка А.П. Розенгольца в Политбюро ЦК ВКП(б)
с проектом постановления Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу
о германском гарантийном кредите***

24 октября 1930 г.
Сов. секретно
Экз. № 1

В Политбюро ЦК ВКП(б)

В дополнение к направленной мною записке в ПБ (п. 1 повестки 25 октября) посылаю проект постановления.

А. Розенгольц

* Абзац вписан А.П. Розенгольцем от руки.

** *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 13, п. 9.

*Проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б)
о германском гарантийном кредите**

24 октября 1930 г.
Сов. секретно

1. Предложить Наркоминделу довести до сведения германского правительства, что мы принимаем к сведению сообщение, сделанное Твардовским т. Крестинскому, но не можем рассматривать это сообщение, как завершение тех переговоров о кредитах, которые по инициативе самих же немцев велись в течение последних полутора лет.

2. Поручить т. Любимову вступить в переговоры с германским правительством о заключении с нами двустороннего кредитного соглашения на основе следующих положений:

а) германское правительство выдает гарантии по нашим обязательствам, не входя в рассмотрение каждой отдельной сделки;

б) германское правительство по соглашению с нами устанавливает дифференцированные сроки гарантий в зависимости от характера заказываемого оборудования (примерно, средний кредит в три года для оборудования металлургических заводов, для крупных котельных и турбинных установок, для судов и т.п.; два года для станков, погрузочно-транспортного, строительного оборудования и т.п.; год для химического лабораторного оборудования), считая во всех случаях начало течения кредита с момента поставки;

в) размер гарантии германского правительства повышается до 85%;

г) мы со своей стороны принимаем на себя обязательство при подходящих ценах заказать в Германии до 1 января 1932 г. оборудования на 400 млн марок;

3. При переговорах сделать попытку добиться такой организации всей кредитной акции, чтобы заменить товарный кредит финансовым, чтобы мы имели возможность расплачиваться с поставщиками наличными; при этом условии признать возможным внести в согласованные сроки 10% от гарантируемой суммы в депозит.

Виза А.П. Розенгольца.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 69–70. Подлинник.

* Штамм: Прот[окол] ПБ № 13, п. 9.

№ 201

*Выписка из протокола заседания комиссии
Политбюро ЦК ВКП(б)
по вопросу экспортно-импортного плана на 1931 г.*

18 ноября 1930 г.

Сов. секретно

6. Поручить гг. Розенгольцу и Акулову¹ составить письмо т. Беленькому² по вопросу о проверке бухгалтерии берлинского торгпредства и выяснении причин представления неправильных сведений о наших платежах (на 9 млн руб.).

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 639. Л. 98. Заверенная копия.

¹ Акулов Иван Алексеевич (1888–1938) – в то время член президиума ЦКК ВКП(б).

² Беленький Захар Моисеевич (1888–1940) – с 1929 г. член коллегии Наркомата РКИ СССР, заведующий инспекцией РКИ в Европе, с 1934 г. заместитель наркома внешней торговли СССР, затем заместитель председателя Комиссии советского контроля СССР.

№ 202

*Запись беседы Ш.М. Дволайцкого
с советником германского посольства в СССР Г. Гильгером*

Сек. часть № 850/6/100-17/ХІ

22 ноября 1930 г.

Секретно

Экз. № 1

Замнаркомторга т. Розенгольцу
Замнаркоминделу т. Крестинскому
ЦК ВКП(б) т. Сталину*

Выписка беседы

1

Общие вопросы

Сегодня в половине двенадцатого меня посетил советник германского посольства Гильгер. Он недавно вернулся из отпуска. В соответствии с установившимися в Мининделе обычаями, он последнюю половину своего отпуска потратил на объезд промышленных районов Германии и на беседы с фирмами. Гильгер

* Копии направлены также В.М. Молотову, В.В. Куйбышеву, Г.К. Орджоникидзе.

сообщил, что германские промышленники в общем и целом знакомы как с нашим рынком, так и с общим положением в СССР. В некоторых кругах, по его словам, существует известная настороженность. Кое-где промышленники его спрашивали о нашей кредитоспособности и о перспективах погашения платежей.

В ответ на выраженное мною удивление по поводу возможности постановки такого рода вопросов, Гильгер заявил, что он, само собой разумеется, заверил наших поставщиков, что они могут сидеть абсолютно спокойно. Гильгер указал на то обстоятельство, что наши организации чрезвычайно медлят с выдачей фирмам векселей. Правда, выписка тратт¹ производится на сроки, обусловленные договорами, но задержки с передачей тратт фирмам лишают возможности своевременно эти тратты учитывать. Торгпредство, по словам Гильгера, выдает векселя своевременно, и в задержке, по его сведениям, виноваты наши объединения.

Я обещал ему ознакомиться с этим вопросом и сделать все необходимое для устранения этого технического недочета, но вместе с тем подчеркнул, что, если бы мы обращались к германскому правительству с жалобами на неаккуратность германских фирм, то пришлось бы говорить очень много.

Член коллегии НКТорга Дволайцкий

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 77. Заверенная копия.

¹ Тратта (*итал.*) – переводной вексель, используется главным образом в расчетах во внешней торговле.

№ 203

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б)
«О запросах “Чейз банка”¹, Египта и Германии»**

№ П 16/1-с

25 ноября 1930 г.
Строго секретно
Из “Особой папки”

Для рассмотрения вопросов по запросам “Чейз банка”, Египта и Германии создать комиссию в составе тт. Молотова, Сталина, Крестинского, Розенгольца и Калмановича².

Созыв комиссии за т. Молотовым.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 80. Копия.

* Вопрос представлен И.В. Сталиным. Выписка из протокола № 16 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 25 ноября 1930 г., п. 1. Направлена В.М. Молотову, И.В. Сталину, Н.Н. Крестинскому, А.П. Розенгольцу, М.И. Калмановичу.

¹ “Чейз нэшнл бэнк” – нью-йоркский банк, основан в 1877 г., охватывал своим контролем и влиянием десятки промышленных, транспортных и других предприятий.

² Калманович Моисей Иосифович (1877–1937) – в 1924 г. нарком земледелия РСФСР, затем заместитель наркома финансов и председатель правления Госбанка СССР, с 1934 г. нарком совхозов СССР.

№ 204

*Записка Н.Н. Крестинского И.В. Сталину
о поручении экономических переговоров с Германией Л.М. Хинчуку*

№ К/29187

25 ноября 1930 г.
Секретно
Экз. № 1

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)

тов. Сталину

Уважаемый товарищ,

От тов. Литвинова получена вчера телеграмма, в которой он предлагает ускорить начало наших переговоров с Германией по всему комплексу экономических отношений (наш экспорт, германские кредиты, наш импорт из Германии) и высказывает сомнение, чтобы берлинские товарищи одни справились с этими переговорами и предлагает поручить их т. Стомонякову, задержав его в Берлине на пути из отпуска в Москву.

Я вполне согласен с предложением т. Литвинова о необходимости приступить как можно скорее к экономическим переговорам с Германией во всем их объеме.

Но я высказываюсь против его предложения поручить эти переговоры т. Стомонякову.

Ведь, т. Стомоняков находится уже полтора месяца за границей и не принимал участия в том обмене мнениями, который происходил в Политбюро по вопросу о наших экономических отношениях с Англией, Германией и Италией. Его пришлось бы вызывать сюда или посылать ему письменные директивы, которые не могут быть достаточно полны или достаточно определенны.

Кроме того, если бы мы одновременно с назначением в Берлин нового полпреда поручили бы экономические переговоры не ему, а специально присланному из Москвы т. Стомонякову, то мы этим самым с самого начала подорвали бы престиж т. Хинчука перед немцами и лишили бы его возможности продуктивно вести работу полпреда.

Тов. Хинчук находится сейчас здесь. ПБ в заседании 15 ноября поручило тт. Хинчуку и Любимову разработать план экономических переговоров с Германией. Тов. Хинчук виделся в Берлине с т. Любимовым, обменялся с ним мнениями по этому вопросу, в полпредстве и торгпредстве ведется подготовительная работа, и я думаю, что мы могли бы здесь при участии т. Хинчука наметить и утвердить план переговоров.

Поэтому я предлагаю:

1) ускорить начало переговоров с Германией, не останавливаясь перед тем, чтобы взять на себя инициативу этих переговоров;

2) поручить ведение этих переговоров т. Хинчуку с участием т. Любимова, для чего ускорить выезд т. Хинчука в Берлин;

3) для выработки инструкции т. Хинчуку избрать комиссию в состав тт. Сталина, Розенгольца, Хинчука, Калмановича и Крестинского.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 78-79. Подлинник.

№ 205

*Записка А.П. Розенгольца И.В. Сталину
о проекте директив для переговоров с Германией
по торгово-экономическим отношениям*

7 декабря 1930 г.
Сов. секретно

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)

тов. И.В. Сталину

Направляю Вам для сведения черновой проект директив по переговорам с германским правительством, выработанный комиссией под моим председательством в составе тт. Крестинского, Хинчука и Аркуса.

Этот проект 7-го сего декабря послан мною в Берлин тт. Хинчуку и Любимову на предварительное согласование с тем, чтобы свое согласие с проектом или возможные замечания тт. Хинчук и Любимов сообщили бы телеграфно.

По получении ответа из Берлина проект будет мною внесен на утверждение Политбюро.

Комиссия признала нецелесообразным на данной стадии решать вопрос о возможности при определенных условиях нашего участия в том или ином проценте в гарантии германским правительством кредитов по нашим заказам.

Этот вопрос, если он в процессе переговоров по инициативе немецкой стороны возникнет, будет поставлен на обсуждение дополнительно.

А. Розенгольц

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 116. Подлинник.

Приложение

*Проект директив
для переговоров с германским правительством**

7 декабря 1930 г.
Сов. секретно

1. Довести до сведения германского правительства, что товарооборот между СССР и Германией протекает на недостаточно высоком уровне, неудовлетворяющем ни одну из сторон, и что сложившаяся в Германии обстановка как в части размещения советских товаров на германском рынке, так и в части размещения заказов СССР в Германии угрожает сокращением в дальнейшем нашего товарооборота с Германией. В связи с этим поставить вопрос о расширении товарооборота как по линии экспорта, так и по линии импорта.

Если немцы при этом, как это уже имело место и в прошлом, выступят с заявлением, что наша торговля с Германией дает активное сальдо в нашу пользу, указать им прежде всего на то обстоятельство, что голые цифровые данные таможенной статистики не могут быть приняты в расчет и подлежат экономическому анализу. При этом отметить:

а) что из нашего ввоза в Германию часть реэкспортируется (из импортируемой пушнины остается в Германии лишь 20%, из импортируемой платины остается в Германии ничтожная часть);

б) что мы выплачиваем большие суммы по фрахту, железнодорожному транспорту, за техническую помощь, по процентам по кредитам и т.д., что составляет примерно 80 млн марок в год.

2. Довести до сведения германского правительства о чрезвычайной неудовлетворенности нашей условиями размещения

* Заголовок документа.

заказов в Германии и практикой работы Гарантийного комитета. Препятствия, встречаемые нами при размещении заказов как в отношении получения гарантии и кредитов, так и в отношении коммерческих условий (цен) затрудняют размещение наших заказов в Германии. Еще более усугубляет это положение проводимая германскими банками политика сокращения кредитов Госбанку (“Рейхскредитгезельшафт”).

3. Довести до сведения германского правительства о нашей неудовлетворенности чрезмерно медленным ходом переговоров по таможенной конвенции, которую немцы должны заключить с нами на основе торгового договора 1924 г.*

4. Указать немцам, что целый ряд предпринятых германским правительством мер, формально хотя и не направленных специально против СССР, отражается прежде всего на советском экспорте. В качестве примера сослаться на:

а) введение в Германии спичечной монополии, повлекшее за собой прекращение экспорта спичек из СССР в Германию;

б) издание закона о примеси к импортируемому бензину спирта и передача контрольного пакета акций спиртовой монополии мировым нефтяным концернам, что уменьшает нашу конкурентоспособность на германском рынке;

в) принятие ряда мер, создающих исключительные затруднения для нашего хлебного экспорта в Германию (введение запретительных пошлин, установление примеси иностранной пшеницы в размере не свыше 20%, отмена кенигсбергской льготы о беспошлинном ввозе иностранного, фактически советского хлеба и т.п.).

5. Указать германскому правительству, что наличие отмеченных выше фактов может вызвать сокращение наших заказов в Германии несмотря на то, что расширение советско-германского товарооборота соответствует возможностям и интересам обеих сторон и нашим желаниям.

6. Обратить внимание германского правительства, что дальнейшее увеличение наших заказов в Германии возможно лишь при создании германским правительством надлежащих условий для увеличения нашего экспорта в Германию и облегчения условий размещения наших заказов.

7. Мероприятия германского правительства для увеличения нашего экспорта должны идти по следующим путям:

а) непосредственное увеличение закупок у нас экспортной продукции государственными органами или теми или иными органи-

* Так в тексте. Следует: 1925 г.

зациями, зависящими в своей экономической деятельности от государства (муниципалитета), в частности, закупка нефтепродуктов;

б) установление таможенных контингентов с пониженными пошлинами для ввоза из СССР определенных количеств пшеницы, кормового ячменя, бобовых, масла, яиц;

в) срочное завершение переговоров по таможенной конвенции и предоставление скидок по списку “а”;

г) установление импортного контингента для советского антрацита;

д) приравнение наших организаций (“Деропа”¹ и “Дерунафта”) при отпуске спирта как по регламентированным нормам и ценам, так и по коммерческим условиям и ценам к пайщикам “Рейхскрафтспирта”; уступка нам германским правительством акций “Рейхскрафтспирта” в количестве, пропорциональном удельному весу нашего ввоза бензина в Германию (по сравнению со “Стандарт Ойлем”, “Шеллом”, “Англопершен”, “Бензолфербанд”);

е) оказание воздействия на “Бензолфербанд” в сторону предоставления годовой квоты на ввоз советских бензинов в Германию в размере 300 тыс. тонн;

ж) облегчение ветеринарно-санитарных норм, установленных для ввоза из СССР свиней, мяса и отходов животноводства;

з) установление льготных ставок железнодорожного тарифа для леса, следующего по советско-литовско-германскому направлению;

и) восстановление льгот для Кенигсберга в отношении беспошлинного ввоза хлебных продуктов.

8. Для облегчения условий размещения наших заказов в Германии добиваться гарантии германским правительством кредитов по советским заказам по следующей схеме:

Германское правительство выдает гарантии по нашим обязательствам, не входя в рассмотрение каждой отдельной сделки.

Германское правительство по соглашению с нами устанавливает дифференцированные сроки гарантий в зависимости от характера заказываемого оборудования, примерно, для оборудования металлургических заводов, для крупных котельных и турбинных установок, для судов и т.п. средний кредит в 3 года с конечным платежом через 5–6 лет; для станков, погрузочно-транспортного, строительного оборудования и т.п. – два года с конечным платежом через 3–4 года; для химического, лабораторного оборудования – год с конечным платежом через 2–3 года, считая во всех случаях начало течения кредита с момента поставки.

Размер гарантии германского правительства повышается до 85%.

9. При переговорах сделать попытку добиться такой организации всей кредитной акции, чтобы заменить товарный кредит финансовым, чтобы мы имели возможность расплачиваться с поставщиками наличными.

10. В начальной стадии переговоров не фиксировать наших конкретных обязательств по увеличению заказов, имея в виду возможность при благоприятном завершении переговоров довести и размер наших заказов до 1 января 1932 г. до 400 млн марок.

11. Параллельно переговорам с германским правительством вести также переговоры с заинтересованными промышленными кругами Германии с тем, чтобы промышленники оказали соответствующее давление на германское правительство. Вслед за переговорами с правительством считать целесообразным повести переговоры с банками для облегчения и ускорения кредитной акции.

Вопросы содействия нашему нефтяному экспорту в Германию (п. 7, лит. "д", "е") ввиду их срочности выдвинуть на первую очередь и не связывать с ходом общих переговоров.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 117-120. Заверенная копия.

¹ "Дероп" – советско-германское акционерное общество торговли нефтяными продуктами, занималось сбытом советских нефтепродуктов в Германии. В ходе антисоветской кампании 1930 г. торгпредство СССР в Германии и общество "Дероп" подвергались газетным нападкам и обвинениям в том, что они являются "специальными учреждениями по подготовке революции". Полпредство СССР в Германии предприняло шаги по опровержению нападок, торгпредство и общество "Дероп" направили письма по этому вопросу в германские газеты.

№ 206

*Записка А.П. Розенгольца И.В. Сталину
об условиях экспорта советских нефтепродуктов
в Германию**

16 декабря 1930 г.
Сов. секретно
Весьма срочно

В Политбюро ЦК ВКП(б)

Тов. Сталину

В соответствии с решением Политбюро от 15.12 с.г. о выделении вопросов, касающихся облегчения экспорта наших нефтепродуктов в Германию ввиду их срочности из общего числа

* *Штамп: Прот[окол] ПБ № 21, п. 2/30.*

вопросов, намеченных проектом директив по переговорам с германским правительством, посылаю на утверждение Политбюро проект постановления, который прошу провести опросом.

А. Розенгольц

Проект постановления

Поручить тт. Хинчуку и Любимову добиться от германского правительства:

1. Приравнения наших нефтеторгующих организаций в Германии (“Дероп”, “Дерунафт”) при отпуске спирта как по регламентированным нормам и ценам, так и по коммерческим условиям и ценам к пайщикам “Рейхскрафтспирта”.

2. Уступки нам германским правительством акций “Рейхскрафтспирта” в количестве, пропорциональном удельному весу нашего ввоза бензина в Германию.

3. Оказания воздействия на “Бензолфербанд” в сторону предоставления квоты на ввоз в 1931 г. советских бензинов в Германию в размере 300 000 тонн.

Виза А.П. Розенгольца.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 107. Подлинник.

№ 207

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О нефтеэкспорте в Германию”**

№ П 21/30-рс

23 декабря 1930 г.

Строго секретно
Из “Особой папки”

2/30. а) Вопрос о плане производства и экспорта нефтяных продуктов и, в частности, о квоте на ввоз в Германию в 1931 году передать на решение СТО.

б) Поручить т. Молотову окончательное решение остальных поднятых в записке т. Розенгольца вопросов.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 106. Копия.

* Вопрос представлен А.П. Розенгольцем, Н.Н. Крестинским, Г.И. Ломовым, И.Е. Любимовым. Выписка из протокола № 21 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 23 декабря 1930 г., п. 30. Направлена Г.К. Орджоникидзе, Г.И. Ломову, В.М. Молотову, А.П. Розенгольцу.

№ 208

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б)
“О торговле с Германией”**

№ П 21/7-с

25 декабря 1930 г.
Строго секретно
Из “Особой папки”

7. а) Вопрос отложить.

б) Создать для выработки плана переговоров с немцами комиссию в составе гг. Молотова, Сталина, Рудзутака, Орджоникидзе, Розенгольца, Литвинова и Калмановича.

Созыв комиссии за т. Молотовым.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 108. Копия.

* Вопрос представлен А.П. Розенгольцем, И.Е. Любимовым, Н.Н. Крестинским. Выписка из протокола № 21 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 25 декабря 1930 г., п. 7. Направлена В.М. Молотову, И.В. Сталину, Я.Э. Рудзутaku, Г.К. Орджоникидзе, А.П. Розенгольцу, М.М. Литвинову, М.И. Калмановичу.

1931 год

№ 209

*Телеграмма Л.М. Хинчука М.М. Литвинову
об организации поездки германских промышленников
в Москву*

№ 374

11 января 1931 г.

Берлин

Секретно

Немедленно

Литвинову, копия Сталину

Во исполнение полученной директивы произвел зондаж, сообщая результаты: весьма трудно организовать быстро поездку промышленников, которые заняты многими заседаниями наблюдательных советов, озабочены снижением зарплаты, работой рейхстага в той же области в начале февраля, так что раньше апреля вряд ли возможна поездка капитанов промышленности. Подготовка правительства относительно контингентов нашего экспорта и также расширения гарантии по нашим сведениям закончена. Таким образом принципиально правительство решило идти нам навстречу, откладывание поэтому переговоров мешает всему делу. Также обращаю Ваше внимание, что вопрос нашего экспорта, в разрешении которого мы заинтересованы, также будет отложен. По всем этим мотивам моя телеграмма от 9 января № 42, направленная до получения диппочтой директивы, остается в силе.

Хинчук

Штамп: Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 122. Копия.

№ 210

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О договоре Иоффе с немцами”**

№ П24/10/17 рс

20 января 1931 г.
Сов. секретно
“Особая папка”

Отменить постановление совещания замов и договора с немцами не возобновлять.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 123. Копия.

№ 211

Запись беседы председателя ВСНХ СССР Г.К. Орджоникидзе с Г. Дирксом относительно приглашения в СССР германских промышленников для переговоров о советских заказах в Германии¹

23 января 1931 г.

Посол явился в сопровождении советника посольства г. Гильгера. При беседе присутствовал тов. Гуревич М.Г.

Фон Дирксен: Я очень благодарен за предоставленную возможность познакомиться с руководителем Высшего Совета Народного Хозяйства.

Я имел в виду побеседовать с Вами относительно Вашего приглашения германским промышленникам приехать в Москву. Со своей стороны я хотел бы предупредить Вас, что это приглашение застало как германских хозяйственников, так и правительственные круги несколько врасплах. Начиная с ноября месяца, я вел переговоры с гг. Литвиновым, Крестинским и Розенгольцем относительно расширения кредитов, предоставляемых Советскому Союзу, а также относительно экспорта Советского Союза в Германию. Тогда такой приезд германских промышленников не имелся в виду. Само собой разумеется, что германские промышленники чрезвычайно заинтересованы в советских заказах. Вы должны, однако, учесть, что в настоящий момент наиболее ответственные руководители германского хозяйства заняты целым рядом пере-

* Вопрос представлен В.М. Молотовым. Выписка из протокола № 24 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 января 1931 г.

говоров и конфликтов как по вопросам заработной платы, так и по целому ряду парламентских вопросов. Возможно, что это несколько затруднит принятие быстрого решения. Я со своей стороны хотел бы всячески поспособствовать этому визиту, имея в виду, что он поведет к дальнейшему укреплению хозяйственной связи между обеими странами. Я не имею в виду принять участие в непосредственных переговорах между советскими и германскими хозяйственниками, но, будучи заинтересован в успешном развитии экономических отношений между обеими странами, я хотел бы информироваться из первоисточника относительно целей приглашения и характера предполагаемых переговоров.

Я всецело в отношении использования данной мне информации готов следовать желаниям председателя ВСНХ: если вы пожелаете, я эту информацию, которую вы мне дадите, не буду передавать дальше, если же захотите, я ее сообщу в Министерство иностранных дел.

Орджоникидзе: Наше приглашение германских промышленников ни в коей мере не исключает переговоров между нашим и германским правительствами, которые велись до сих пор. Перед тем как заключить генеральное соглашение между обоими правительствами, нашей промышленности необходимо знать, в каких размерах и в какие сроки германская промышленность может обеспечить наши заказы. Для этого мы считали целесообразным предварительно встретиться с руководящими германскими хозяйственными кругами и поговорить с ними относительно наших предстоящих заказов, сроках доставки, качестве поставляемого оборудования, ценах и других условиях. Мы имеем в виду говорить не только о заказах этого года, но и о заказах 1932 и 1933 гг. Таким образом мы предлагаем вам плановое участие в поставках в течение трех лет на много сотен миллионов. Это, по-моему, выгодно обеим странам.

Фон Дирксен: Нельзя ли узнать о каком объеме заказов идет речь, имеется ли в виду говорить только об отдельных заказах или о поставках для целых объектов?

Орджоникидзе: И о том, и о другом, по-нашему, должна идти речь. Я не дипломат, и поэтому разрешите мне с вами говорить откровенно. В беседе, которую ваши советники имели с тов. Гуревичем, они ставили вопрос о том, не имеем ли мы в виду использовать нынешнее кризисное положение и не предлагаем ли использовать предстоящий приезд германских промышленников с целью надавить на другие страны и использовать экономический кризис Германии. Я не совсем понимаю этой настороженности и некоторой подозрительности, которую вы проявляете в отношении нашего приглашения. Мы имеем в виду обеспечить инте-

ресы нашего крупного строительства путем установления более длительных и постоянных отношений с нашими поставщиками. Мне рассказывал один из наших представителей в Германии, что сами немецкие хозяйственники жалуются на некоторый случайный характер наших заказов. Мы, например, приходим к вам с заказом на металл, который обеспечивает работу домны только на 2–3 месяца. Неуверенный в дальнейших заказах, немецкий заводчик сомневается в выгодности пуска домны на короткий срок. Между тем мы могли бы дать заказ на металл не только на 1931 г., но и 1932 г. Мы не имеем здесь никакой игры, а имеем в виду договориться с германскими промышленниками.

Что касается кризиса, то мы, как вам прекрасно известно, не являемся его виновниками. Но согласитесь, что, приходя к вам в период кризиса с большими заказами и при этом не одногодичными, мы как будто бы помогаем и германскому хозяйству.

Что касается размера заказов, то нам придется ввезти на сотни миллионов. Вопрос о доле германских поставок будет зависеть как от условий цен, так и от условий кредитов.

Фон Дирксен: Разрешите мне с той же откровенностью ответить Вам, что действительно в Германии и в германских хозяйственных кругах имеется некоторое чувство ревности в отношении целого ряда заказов, которые могли бы быть размещены в Германии и были, однако, отданы по тем или другим причинам Соединенным Штатам и другим странам. Это чувство ревности отразилось в том вопросе, который г-н Твардовский поставил вашему г-ну Гуревичу. Вы сами понимаете, что идя на такую акцию, мы должны учитывать и то впечатление, которое она произведет в других странах. С этой точки зрения неудачный исход переговоров с германскими промышленниками мог бы сыграть отрицательную роль, ибо в связи с этим пошли бы разговоры о том, что между Германией и СССР есть какие-то крупные разногласия.

Я выявляю некоторую осторожность в этом деле именно потому, что всячески хочу ему помочь и никоим образом не хотел бы допустить до неудачного исхода этих переговоров. Спрашивая Вас о примерной цифре заказов, я понимаю, что германская промышленность заинтересована в возможно больших заказах и производственная мощность германской промышленности позволяет сильно расширить количество заказов.

Трудности начинаются с момента финансирования и правительственной гарантии. Вот почему я хотел бы, если это можно, знать, примерно о каком количестве заказов идет речь.

Орджоникидзе: Насколько мне известно, мы в этом году выдали Германии заказов на оборудование, примерно, около

300 млн марок. Мы имеем во всяком случае в виду удвоение этого заказа за 1931 год и предполагаем соответственно говорить о значительных заказах для 1932 и 1933 гг. Что касается возможности финансирования, то это уже ваше дело определить, на какую сумму вы можете пойти.

Фон Дирксен: Имеется ли в виду, что означенный заказ пойдет сверх обычных заказов, выдаваемых торгпредством в Германии?

Орджоникидзе: Поскольку речь идет об оборудовании, мы имеем в виду те поставки, в которых мы нуждаемся в 1931, 1932 и 1933 гг. Само собой разумеется, что эти заказы не обнимают обычных покупок сырья в Германии.

Конкретно: нам нужно, например, оборудование для первой, второй и третьей очереди Магнитогорского завода. Вместо того, чтобы давать этот заказ отдельно, мы предпочитаем сразу же договориться относительно поставок на все три очереди.

Фон Дирксен: Таким образом, характерными чертами этих переговоров, насколько я вас понимаю, являются величина предстоящих заказов с одной стороны и распределение их на несколько лет – с другой.

Орджоникидзе: Да, совершенно правильно. Речь идет с одной стороны о том, что мы думаем договориться о предстоящих заказах на ближайшие три года, а с другой стороны, размер предполагаемых заказов больше того, который мы имели до сих пор.

Фон Дирксен: Я очень благодарен вам за полученную информацию и со своей стороны постараюсь сделать все возможное для того, чтобы ваше приглашение было принято, хотя я еще раз обращаю ваше внимание на те трудности, которые имеются и которые могут послужить помехой приезду тех или иных ответственных представителей германской промышленности.

Орджоникидзе: Приедут ответственные представители – тогда, конечно, можно будет с ними и ответственно говорить и намечать соответствующие решения. Если же приедут малоответственные представители, то, конечно, о серьезных переговорах и решениях трудно будет говорить.

Фон Дирксен: Используя случай, я хотел бы еще указать на то, что крайне желательно было бы, чтобы в этой делегации участвовали не только представители фирм, но и представители “Германского союза промышленников”, также как и представители германских банков. В отношении первых этот вопрос как будто сейчас уже отпал, ибо, насколько мне известно, г-н Хинчук передал приглашение и представителям “Германского союза промышленников”.

Орджоникидзе: Мы имеем в виду говорить с лицами, возглавляющими наиболее крупные германские фирмы. Само собой

разумеется, что если Вы считаете необходимым участие германских банков в этом деле, то с нашей стороны против этого никаких возражений нет.

Фон Дирксен: В заключение я хотел бы спросить Вас, как Вы расцениваете работу немецких специалистов в СССР, довольны ли вы их работой?

Орджоникидзе: Я в ВСНХ сравнительно недавно и поэтому затрудняюсь Вам дать окончательный ответ на ваш вопрос. В качестве наркома РКИ я сталкивался с целым рядом германских специалистов и видел, что большинство из них работало честно и вполне добросовестно. Насколько я информирован, это относится и к большинству специалистов, работающих в системе ВСНХ. Само собой разумеется, что никто не гарантирован от тех или иных авантюристов.

На этом беседа закончилась.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 127–132. Копия.

¹ По поручению Г.К. Орджоникидзе запись беседы была направлена И.В. Сталину.

- № 212

*Запись беседы В.М. Молотова с Г. Дирксеном о советско-германских политических и экономических отношениях**

№ П 3/17117

7 февраля 1931 г.

Секретно

Экз. № 3

Разговор предсовнаркома тов. Молотова
с германским послом Дирксеном

Разговор происходил 7.02 между 12 и 12 час. 45 мин. дня (1931 г.). При разговоре присутствовали: советник германского посольства Гильгер и зав. 2-м Западным отделом тов. Штейн.

Посол начал разговор (первые две фразы произнес по-русски) с выражения своей радости по поводу возможности познакомиться с новым председателем Совета народных комиссаров.

* Копии направлены И.В. Сталину, М.М. Литвинову, Л.М. Карахану, Б.С. Стомонякову, в Полпредство СССР в Германии, во II Западный отдел НКВД СССР.

Он надеется, что сможет поддерживать с тов. Молотовым такой же личный контакт, какой он поддерживал с его предшественником. Этот контакт особенно необходим в тех случаях, когда речь идет об основных моментах взаимоотношений между обеими странами.

Далее посол перешел к изложению своего взгляда на нынешнюю стадию советско-германских отношений. Он является послом в СССР в течение двух лет и рад констатировать, что за это время, а, в особенности за последние полгода, советско-германские отношения значительно улучшились. Это улучшение он видит как в совместной работе, так и в позиции обоих государств на международной арене. Он рад отметить, что, поскольку это касается последнего вопроса, позиции СССР и Германии во многом совпадали на последней сессии подготовительной комиссии к конференции по разоружению. Точно также он отмечает факт приглашения СССР войти в европейский комитет. Это приглашение явилось результатом усилий Германии и Италии. Вчера он получил возможность ознакомиться с ответом советского правительства по этому вопросу. Он должен довести до сведения тов. Молотова, что этот ответ произведет прекрасное впечатление в Германии и, в частности очень обрадует министра иностранных дел Курциуса, который, таким образом, увидит, что его усилия по привлечению СССР в состав европейского комитета увенчались успехом.

Переходя далее к экономической стороне советско-германских взаимоотношений, посол отметил, что эти отношения также все время улучшаются. Признаками этого улучшения могут служить как увеличение ввоза германских товаров в СССР, так и увеличение советского ввоза в Германию. Как раз сейчас мы находимся накануне приезда германской промышленной делегации в Москву. Посол придает большое значение этой поездке и надеется на ее хорошие результаты. В этом вопросе он является оптимистом. Он хотел бы, однако, обратить внимание тов. Молотова на то обстоятельство, что в вопросе о финансировании советских заказов существуют известные трудности. Дело заключается не в правительственной гарантии кредита – в этой гарантии можно не сомневаться. Вопрос идет о трудностях, коренящихся в самих источниках финансирования, и это обстоятельство, по мнению посла, следовало бы учитывать и считаться с ним.

В конце своего первого монолога посол обратил внимание тов. Молотова на единственное, по его мнению, облако, которое затемняет в данный момент советско-германские отношения. Это облако заключается в отказе НКВД разрешить германским благотворительным организациям посылать посылки или денежные

переводы советским гражданам немецкого происхождения, находящимся в тяжелых условиях (речь идет о кулаках немецкого происхождения, находящихся в отдаленных местностях Союза). НКВД объяснил послу, что советское правительство не может делать различий между определенными группами советских граждан немецкого и не немецкого происхождения. Он понимает эти трудности. Однако он считает своим долгом обратиться к т. Молотову ввиду того, что общественное мнение Германии очень встревожено этим вопросом и что отрицательный ответ советского правительства дает новое оружие в руки врагов СССР как в Германии, так и вне ее. Он просит т. Молотова найти какой-нибудь выход из создавшегося положения. Быть может, посылки могли бы направляться непосредственно в адрес советского правительства, и последнее бы распределяло между различными гражданами немецкого и не немецкого происхождения, или же этим делом заведывали бы представители обоих Красных Крестов, или, наконец, что-либо в этом роде.

На этом Дирксен закончил свое первое выступление.

Тов. Молотов отвечал послу в том же порядке вопросов, какие затронул Дирксен.

Тов. Молотов приветствовал установление личного контакта между послом и им и выразил готовность беседовать с послом от случая к случаю, когда в этом будет необходимость, особенно с точки зрения укрепления наших взаимоотношений. Он выразил уверенность, что этот контакт будет таким же, как и при его предшественнике.

Тов. Молотов вполне присоединился к оценке посла относительно улучшения советско-германских политических и экономических отношений за последнее время. Он признает общность позиций обоих правительств по ряду вопросов международного характера. Что касается предстоящей работы в европейском комитете, то посол уже из текста ответа правительства СССР мог узнать, что советское правительство не удовлетворено той формой и обстановкой, в которой было принято приглашение СССР европейским комитетом. Это приглашение сопровождалось такими оговорками и такими враждебными выступлениями представителей ряда других стран, что мы не можем, конечно, быть им довольны. Однако мы решили принять это предложение, дабы в самом комитете на месте выявить нашу точку зрения. Мы не являемся оптимистами в отношении работы европейского комитета, но и не хотим быть заранее пессимистами, будем судить по результатам его работы. Тов. Молотов надеется, что и там, как и в других местах, можно будет оказывать друг другу взаимную поддержку.

Тов. Молотов придает большое значение предстоящей поездке германской промышленной делегации. Он признает, что советско-германские экономические отношения за последнее время развивались, но должен все же отметить, что за последние два года они развивались недостаточно хорошо. Необходимо усилить темп этого развития. Сейчас идет речь о непосредственном контакте ВСНХ, как основного заказчика с фирмами и объединениями, которые либо уже выполняют советские заказы, либо могут получить новые заказы. До сих пор этими делами ведал Наркомвнешторг. Однако, последний, ведь, не занимается непосредственно промышленностью. Нисколько не снижая роли и задач Наркомвнешторга, мы тем не менее хотим установить непосредственный контакт между заказчиками и поставщиками, что несомненно может принести пользу обеим сторонам.

Что касается указания посла на трудности, испытываемые в Германии при финансировании советских заказов, т. Молотов отмечает, что мы не добиваемся каких-либо исключительных привилегий в этой области. Однако, в Германии должны понять, что условия должны быть лучше, чем раньше. Ведь дело идет не только о заказах для этого текущего года. И в этом случае речь идет о больших цифрах. Кроме заказов этого года следует поставить в этих переговорах вопрос о заказах на ближайшие 2—3 года, и это обстоятельство нужно учесть, обеспечив нормальные, обычные в таких случаях, условия финансирования.

Переходя к последнему вопросу, возбужденному Дирксеном, т. Молотов сказал, что по существу этого вопроса он не может ничего прибавить к тому, что было уже сказано НКВД. Германское правительство, конечно, считается со своим общественным мнением, как и правительство СССР должно считаться со своим общественным мнением. Тов. Молотов понимает, что оба правительства должны считаться также и взаимно со своими общественными мнениями, но он не видит в данный момент путей для удовлетворения просьбы посла. Тем не менее, самый факт нового обращения посла побудит его дать известные указания внутренним органам для принятия возможных мер в отношении тех граждан, о которых говорит посол.

Посол вторично взял слово. Он благодарил т. Молотова как за прием, так и за отдельные сообщения, сделанные им, и очень ценные для посла. Он констатировал, что между т. Молотовым и им существует полное совпадение взглядов на проблему советско-германских отношений. В частности, посол отметил еще раз свое удовлетворение по поводу принятия нами приглашения участвовать в европейском комитете. Он боялся, что мы отклю-

ним это приглашение, и тогда, согласно французской поговорке, “отсутствующие всегда виноваты”. Теперь этого не случится. Тов. Молотов ответил репликой, что в отсутствие СССР до сих пор мы не виноваты, и это нам не трудно будет показать на самой комиссии.

Тов. Молотов спросил у посла, имеет ли он последние новости по вопросу о подготовке поездки промышленников? Посол ответил, что ему известен факт рассылки “рейхсфербандом” приглашений, полученных от полпреда СССР т. Хинчука. По его сведениям, самая поездка состоится в начале марта.

Заканчивая беседу, т. Молотов еще раз обратил внимание посла на необходимость усиления темпов в деле развития советско-германских отношений (эта фраза в данном контексте относилась к поездке делегации) и сказал, что по нашему мнению “темпы решают дело”.

Посол особо благодарил т. Молотова за обещание что-либо сделать по отношению к советским гражданам немецкого происхождения.

Зав. 2-м Западным отделом НКВД Б. Штейн

Помета: Вместо ранее посланного.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 686. Л. 71–74. Заверенная копия.

№ 213

*Стенограмма беседы Г.К. Орджоникидзе
с делегацией германских промышленников*

1 марта 1931 г.

Клэкнер¹: После того, как делегации удалось ознакомиться в письменном виде со вчерашней речью г-на председателя, я, во-первых, от имени делегации хочу выразить нашу общую благодарность за ясное и открытое содержание речи г-на председателя и высказать, что мы в основном разделяем положение, представленное г-ном председателем, и в равной степени заинтересованы в том, чтобы устранить те шероховатости, которые, как указывается в речи г-на председателя, имели место в деловых взаимоотношениях наших хозяйственников с вашими. Мы также задаемся целью изыскать пути и способы как достигнуть улучшений в этом отношении и как повернуть те большие заказы, о которых говорил г-н председатель.

Прежде всего разрешим себе остановиться на тех жалобах, которые имеются с обеих сторон, так как этот пункт был затронут в речи г-на председателя. Одновременно мы бы хотели выяснить вопрос о том, почему переговоры по одним и тем же объектам ведутся и в Берлине советским торгпредством, и в Москве центральными органами. В последнее время наблюдаются такие случаи, когда переговоры, начатые в Москве, заканчиваются в Берлине, а именно торгпредство еще раз пересматривает условия, цены, сроки. Бывают случаи, когда заключенные в Москве с каким-нибудь хозяйственным органом сделки опять пересматриваются в торгпредстве, которое, очевидно, с целью оправдания своего существования начинает торговаться и нажимать на фирму в смысле понижения цен и улучшения условий. При этом мы хотим выяснить, в какой мере импортные общества, как “Электроимпорт”, “Металлоимпорт”, отвечают за свои сделки, за свои обязательства, кто гарантирует за них. Капитал этих обществ не соответствует тем крупным заказам, которые они в последнее время передали, и следовало бы установить предел их кредитоспособности. Кроме того, мы хотим выяснить, кто отвечает за заключенные сделки – торгпредство или правительство СССР?

Орджоникидзе: За все сделки отвечает правительство СССР.

Клэкер: Будет ли председатель так добр и скажет нам, будут ли в дальнейшем тоже иметь место эти двойные (двойные) переговоры, как это имело место до сих пор или, во избежание этих неприятностей, которые при таком методе переговоров возникают, они будут вестись в одном месте. Ваше правительство должно этот вопрос разрешить, и мы готовы согласовать наши действия в соответствии с решением вашего правительства, причем, главным образом, мы заинтересованы в том, чтобы устранить всякие затруднения.

Орджоникидзе: По поводу первого вопроса я в своей речи говорил, что те недоразумения, которые имели место, большей частью происходили благодаря отсутствию непосредственной связи заказчика с поставщиками. Я в настоящее время думаю вести дело непосредственно, без посредников. При непосредственных заказах, очевидно, не понадобится, чтобы десятки раз и в Москве, и в Берлине согласовывались одни и те же вопросы. Однако мы должны заранее сказать, что не можем принять на себя обязательства заключать сделки только в Москве или только в Берлине. По одним заказам переговоры будут вестись в Германии, по другим заказам будут вестись переговоры в Москве, и здесь будет заключен договор, – так я себе представляю. Теперь, кто отвечает за сделки импортных обществ. Я думаю, что это

вопрос праздный. Пока что не было ни одного примера, чтобы мы за свои обязательства не отвечали. Не было случая в наших отношениях с германской промышленностью, чтобы хотя бы по одному векселю не уплатили. Можете ли вы найти другого такого заказчика во всем мире?

Розенгольц считает, что то, что было до сих пор, что договор, заключенный в Москве, пересматривался в Берлине, неправильно...

Член делегации: Согласно торгового договора между СССР и Германией всякие обязательства должны быть подписаны торгпредством, в противном случае возникла бы необходимость внести изменения в договор.

Клэкнер: В последнее время между торгпредством и импортными обществами делались различные попытки заключить крупные сделки через импортные общества, за которые торгпредство не дает своей гарантии, в то время как капитал этих импортных обществ не соответствует таким крупным суммам заказов. Поэтому здесь возникает вопрос, кто должен гарантировать такие сделки: торгпредство или советское правительство. Кроме того, мы хотели бы знать, как в будущих договорах будет разрешен вопрос о судебном разбирательстве: останется ли по-прежнему Берлин, так как мы считаем, что это должно и впредь оставаться в Берлине.

Орджоникидзе: Передайте им, что по всем сделкам, которые будут заключаться с импортными обществами, торгпредством и отдельными фирмами нашей страны, конечно, будут гарантии советского правительства.

Что касается другого вопроса, который он поднимает, мы здесь ничего не думаем менять. За те заказы, которые гарантирует торгпредство, за те заказы отвечает советское правительство, за все заказы, кем бы они не были сделаны – импортными обществами или другими органами, целиком отвечает советское правительство.

Член делегации: Позволю себе довести до вашего сведения, что один крупный договор, заключенный недавно с Химимпортным обществом, до сих пор не акцептирован торгпредством, потому что торгпредство еще не утвердило цен, установленных в этом договоре.

Орджоникидзе: Передайте ему пожалуйста, что этот факт мне не известен, я его выясню с тов. Розенгольцем и приму необходимые меры.

*Здесь и далее отточие текста.

Клэкнер: Было бы хорошо рассмотреть вопрос о затяжке с платежами. Поставщики жалуются на несвоевременную выдачу акцептов. Хотя они договариваются о тех или других сроках, фактически выдача акцептов оттягивается и ставит фирмы в очень тяжелое положение.

Другой вопрос – вопрос о процентах. Дело в том, что расчеты следуемых процентов производятся через каждые 3/4 года, причем следуемые по расчету суммы выплачиваются векселями, между тем как раньше они выплачивались наличными деньгами, что, по их мнению, должно иметь место в настоящее время. Кроме того, для поставщика было бы легче и лучше, если бы эти расчеты процентов производились не через каждые 3/4 года, а через каждую четверть года, значит, они желают производить расчеты процентов каждую 1/4 года и получать только наличными.

Орджоникидзе: Значит они хотят ухудшить то положение, которое сейчас имеется?

Переводчик: Очевидно. Это им более выгодно, вместо 9 месяцев они будут получать расчеты каждые 3 месяца. Акцепты, которые выдаются при заключении договоров, выдаются несвоевременно, с большими затяжками.

Член делегации: Как будет угодно г-ну председателю: говорить об отдельных случаях. Я мог бы, например, привести такой случай, какой имел место с пароходом “Микоян”, который мы вам продали и расчет, по которому должен был быть произведен в октябре прошлого года, но до сих пор еще нет акцепта.

Орджоникидзе: Скажите им пожалуйста: пускай они дадут нам факты нарушения с нашей стороны, мы готовы их устранить. Если в платежах с нашей стороны есть затяжка, пускай они нам дадут такие факты, и мы их устраним.

Когда будет идти речь об отдельных заказах, тогда мы будем говорить и о процентах. Если германские промышленники хотят ухудшить положение наших кредитных взаимоотношений, то это, конечно, для нас будет неприемлемо, а на той основе, которая сейчас имеется и чего мы достигнем в настоящих наших переговорах, мы будем выполнять все наши обязательства в точности.

Борзиг: Как вы желаете, чтобы они сейчас сообщили о несвоевременной выдаче акцептов или потом представили справки? Сейчас может быть представлена справка о том, что расчеты, которые должны были иметь место в октябре по товарам парохода “Микоян”, до настоящего времени не урегулированы.

Орджоникидзе: Как угодно – они могут это теперь или после. Очевидно, и мы можем представить сведения о несвоевременных поставках со стороны германских промышленников. Но я считаю,

что это не основное. Я не думаю, что мы в этих мелких вопросах должны утопать.

Я вчера ставил ряд вопросов и хотел бы получить на них ответ.

Клёкнер: Мы совершенно согласны с той установкой, которую вы даете на сегодняшнем заседании. Если мы остановились на подробностях, то только потому, что они были указаны в вашем сообщении. Мы обращаем ваше внимание, что если в дальнейшем договора будут заключаться в Москве, то нужно соответствующим образом изменить условия поставки. Как вы найдете нужным – можно будет пересмотреть эти условия и на настоящем совещании, или путем назначения комиссии, или же впоследствии пришлем своих экспертов для того, чтобы они совместно с вашими экспертами пересмотрели этот вопрос.

Орджоникидзе: Я думаю, что можно и так, и этак. Можно и здесь это проделать после того, как мы договоримся на общих основаниях. Можно и потом. Я повторяю, что договора будут заключаться и в Москве, и в Берлине.

Клёкнер: Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса, который поставлен перед нами, мы имеем еще два небольших заявления: во-первых, мы попросили бы, чтобы были приняты все меры к снабжению работающих в СССР инженеров и монтеров немецких фирм продуктами в достаточном количестве и чтобы им был разрешен беспрошленный ввоз недостающих предметов. Чтобы облегчить пребывание этих людей в СССР, чтобы они не отказывались туда ездить, надо этот вопрос урегулировать в обоюдных интересах.

Другое заявление по поводу “Русского комитета” германской промышленности. Здесь имеется предубеждение против этого комитета. Это неправильно, так как комитет в одинаковой степени старается для германских и советских хозяйственников. Он старается всеми силами помочь тем и другим. Мы и впредь будем относиться к “Русскому комитету” с полным доверием. Мы обещали своим друзьям в Берлине поговорить с Вами об этом и по возможности рассеять те предрассудки, которые существуют по этому поводу.

Орджоникидзе: По первому вопросу – мы больше всех заинтересованы в том, чтобы они были снабжены всем необходимым. В этом отношении нами будет сделано все что нужно.

По второму вопросу – вопрос очень деликатный. Насколько я знаю, этот “Русский комитет” не очень является сторонником развития наших добрососедских отношений и расширения торговых отношений. Так что заверение, которое было здесь сделано, как будто не совсем совпадает с нашей информацией.

Я должен заявить, что мы будем иметь дело с отдельными германскими фирмами, а не с комитетом.

Господин Кремер, член президиума “Союза германской промышленности”, выступивший на днях в Руре, заявил о том, что Германия вместе с Францией должны разделить сферы влияния на Советский Союз и другие восточные страны. Мы должны заявить самым решительным образом, что мы хотим развивать с вами самые широкие торговые отношения, но никакого деления на сферы влияния мы не допускаем.

Рейтер²: Как раз наоборот.

Орджоникидзе: И мы хотим, чтобы это было наоборот.

Клэкнер: Мы считаем этот вопрос исчерпанным. Что касается заявления г-на Кремера, то он член президиума “Союза промышленников”, он наш друг и он в свое время делал все что возможно для того, чтобы улучшить отношения германских промышленников с заграницей, в том числе и с СССР.

Разрешите считать первый пункт вашего вчерашнего заявления исчерпанным.

Теперь переходим ко второму пункту, затронутому вами – к вопросу о стабильности загрузки наших поставщиков вашими заказами. Этот вопрос нас очень занимает и мы очень подробно занимались его рассмотрением. И, конечно, для нас было бы желательным иметь уверенность в стабильности наших отношений, а для этого желательно было бы, чтобы мы могли ориентироваться на ваши заказы на период 1–2 лет, чтобы мы могли знать, что вам потребуется, какие агрегаты, машины, оборудование. Вы в своем заявлении сказали, что вы в состоянии увеличить свои заказы на ближайшие 3 года приблизительно с 300 до 600 млн марок. Это самый важный пункт для нас. В вопросе этих заказов главную роль будут играть условия расчета. Разместить эти заказы среди германской промышленности вполне возможно, но условия расчета имеют решающее значение. Положение германской промышленности известно вам в СССР не хуже, чем нам. В настоящее время наша промышленность не может манипулировать своими средствами так свободно, как до войны. До войны ваши заказы в таком объеме, как здесь было указано, не представляли бы для нас такого затруднения в смысле кредитов, потому что мы в финансовом отношении стояли очень крепко и пользовались большими кредитами во всем мире. Теперь положение иное, и я не должен вам этого объяснять, вы, по меньшей мере, также хорошо знаете об этом, как и мы. Поэтому как ни охотно мы взяли бы у вас ваши заказы, вопрос сводится к тому, можем ли мы финансировать такую сделку. Практически мы могли бы

передать нашим заводам и предприятиям на 600 млн марок заказов в год, мы в достаточной мере для этого подготовлены, мы могли бы пунктуально и полностью их реализовать, но мы должны хорошо подумать – можем ли мы финансировать эти заказы. Поэтому мы должны с вами обсудить условия платежей, так как свыше определенного предела мы идти не можем.

Орджоникидзе: Я уже сказал, какие заказы мы можем дать германской промышленности, размеры заказов. Что делается в Германии нам, конечно, известно, но лучше нас им это известно. Я сказал, что, связывая себя на продолжительные заказы на 2–3 года, я хочу знать, на какие условия могут пойти германцы. В настоящее время мы имеем металл около 18 месяцев кредита, мелкое оборудование – около 12 месяцев, станки – 18 месяцев. Я должен сказать, что эти сроки для таких больших заказов, конечно, малы. Я хотел бы знать, как они сами думают и на что они могут пойти.

Клэкнер: Поскольку я могу информировать об условиях немецкой промышленности, я скажу следующее не только от имени присутствующих здесь членов делегации и друзей, но, я думаю, и от имени всей германской промышленности, что навряд ли мы сможем разместить заказы на более крайних условиях кредита, чем это практиковалось до сих пор. Если вы увеличите свои заказы, то нам будет очень трудно даже по прежним условиям разместить таковые среди наших поставщиков. Каждая фабрика и каждый завод может себе уяснить, как далеко они могут идти, они должны руководствоваться размерами своего акционерного капитала. Но даже фирма с крупнейшим акционерным капиталом не может принять на себя таких больших заказов на условиях длительного кредита, так как они при финансировании нуждаются в помощи банков, не только своих, но и иностранных. Я не хочу умолчать о том, что иностранные банки очень сдержанны. Мы видим большую сдержанность как со стороны англичан, так и со стороны американцев, и поэтому нам трудно рассчитывать на финансирование в большом размере. Мы хотим сделать все от нас зависящее, если русское правительство хочет это двойное количество заказов в Германии разместить, но мы не можем подойти к этому так, как вы подходите, чтобы на это удвоенное количество заказов дать кредиты с более длительными сроками на 1–2 года. Это бы опрокинуло (поставило бы на голову) все наше хозяйство. Мы были бы согласны лучше оставить объем заказов в сумме 300 млн или даже уменьшить эту сумму, если предлагаемый вами объем заказов ведет к тому, чтобы добиться других условий платежа.

Орджоникидзе: Я сказал в своей речи, что объем заказа зависит от условий расчета. Если останутся те условия, которые сегодня имеются — о большом заказе не может быть речи. Когда я говорил о большом заказе, я указывал, что условия расчета должны быть соответственно изменены и, если они не могут пойти на это, этим самым вопрос о большом заказе снимается.

Мы им предложили, что мы можем дать вам такой-то заказ, обеспечить работу вашей промышленности регулярной дачей заказа в течение 1—2—3 лет. Мы им сказали, что если в прошлом году было заказано 87 тыс. тонн металла, в этом году велись переговоры со “Штальверком” на 50 тыс., переговоры продолжаются, то в настоящее время я могу предложить увеличить заказ до 500—600—700 тыс. тонн для 1931 г. Само собой понятно, при существующих условиях расчета такой заказ мы не можем дать, тогда мы тоже откажемся от таких больших заказов.

Мы пригласили германских промышленников для того, чтобы нашему сотрудничеству придать более систематический характер, чем было до сих пор. Мы полагаем, что это выгодно для обеих сторон. Само собой понятно, что если они не в состоянии этого поднять, мы тут ничем им помочь не можем, это их дело.

Я прошу поставить вопрос, на какую сумму заказа, исходя из их финансовых возможностей, они могут пойти.

Переводчик: Клёкнер говорит, что размещение такого большого заказа очень затруднительно и, конечно, от лица здесь присутствующих он окончательного ответа дать не может. Он мог бы подойти к этому вопросу только тогда, когда они имели бы точный список тех материалов и товаров, поставка которых была бы возможна. Тогда после переговоров с соответствующими учреждениями, можно было бы установить, насколько возможно размещение этих повышенных заказов, можно было бы переговорить с отдельными фабриками, с вагонными мастерскими, с поставщиками машин, компрессоров и т.д. и т.д., так как здесь все будет зависеть от тех финансовых возможностей, которые имеет каждая отдельная группа.

Но во всяком случае он сейчас от лица присутствующих может сказать только одно, что увеличенные заказы могут быть сделаны только при сохранении тех условий, которые существуют в настоящее время.

Пятаков: Он говорит, что даже при существующих платежных условиях затруднительно разместить такой объем заказа.

Орджоникидзе: Тогда трудно будет вести переговоры. Если они считают размещение предлагаемых заказов для себя неприемлемым, тогда пускай скажут, какой размер заказов они могут взять, если им угодно вообще брать заказы.

Я поставил вопрос о металле в 500 тыс. тонн. Считают ли они возможным взять такой заказ? Я поставил вопрос об электрооборудовании в пределах 70–80 млн марок, сколько они могут взять?

Я ставлю вопрос о станках на 50–60–70 млн марок. Сколько они могут взять?

Я ставлю вопрос относительно оборудования для металлургических заводов, вновь строящихся наших заводов – Магнитогорска, Кузнецка. Мы могли бы разместить заказы для этих заводов в сумме 60–80 млн марок. На какую сумму они могут взять? Вот на эти вопросы я хотел бы получить ответ.

Этот вопрос нам необходимо выяснить теперь же для того, чтобы мы знали, на какую сумму заказов мы сможем разместить в Германии и на какую сумму нам придется размещать в других странах.

Клёкнер: Я только могу повторить, что более длительных сроков мы не можем вам дать даже и при меньшем объеме заказов.

Вам известно, что существует государственная гарантия в размере 70% заказа. Представьте себе, что мы заключили договора на ваших условиях расчета на 2–3 года и мы должны были бы поставлять ежегодно на сумму 50 млн марок. Тогда по истечении трех лет на рынке оборачивалось бы векселей на 1½ млрд марок, 70% каковой суммы должно быть гарантировано государством. Представьте себе, что по истечении этих 3-х лет возникает война, например, у вас с Польшей или Японией или с другим государством. Вы не сможете уплатить по своим векселям, но и Германия не сумеет выполнить своей гарантии, так как в военное время получение денег очень затруднено. Тогда получится, что промышленности самой придется переварить эти 1½ млрд марок. Мы хотим мира и очень длительного мира, но кто нам может гарантировать? Мы – деловые люди и не хотим на русских заказах рисковать потерей всего своего состояния.

Орджоникидзе: Если говорить о войне, то мы с таким же успехом можем сказать, что у Германии может возникнуть война с Польшей. Ведь, насколько нам известно, у Германии с Польшей отношения не лучшие, чем у Польши с нами, и мы, связывая себя с германской промышленностью, в случае войны Германии с Польшей можем не получить наших заказов. Если рассуждать так, трудно будет вообще установить более или менее длительное сотрудничество. Мы никакой войны не хотим. В случае войны Германии с Польшей мы потеряем все оборудование, которое заказали вам, – тем не менее мы не отказываемся от длительного соглашения.

Чем прочнее будут отношения между Германией и Союзом, тем дальше отодвинется возможность войны и Германии с Польшей и Польши с Союзом.

Клэкнер: Мы все это понимаем, но просим не забывать, что в данном случае большое государство имеет дело с частными лицами. Эти лица во время войны отвечают и должны выполнить свои обязательства, как частные лица и как акционерные общества, и мы должны поэтому обдумать, как далеко мы можем идти и какой риск можем на себя взять. Мы ведь работаем также и для других стран, и об этом надо подумать и подумать также о том, как получить кредиты от мировых банков. Если они услышат, что мы вам дали кредиты на 2–3 года, что риск слишком велик, то это может привести к очень большим затруднениям наших финансовых концернов. После длительных раздумий в Германии, еще до поездки в СССР, и длительных обсуждений по приезде сюда мы пришли к заключению, что мы нашего риска не должны и не можем увеличивать против прежнего.

Орджоникидзе: Тогда остается в силе мое вчерашнее заявление, что при тех условиях, которые сейчас имеются, мы кое-какие заказы в Германии разместим, но говорить о больших заказах и о длительных заказах – к сожалению, не придется.

Клэкнер: Ничего не можем сделать.

Член делегации: Если даже не думать о войне, то и в мирное время мы не можем работать долгосрочными векселями. Если бы нам пришлось финансировать 1½ млрд марок, то как могли бы мы платить рабочим, служащим и поставщикам за материалы наличными, так как наши поставщики не могут давать нам кредитов. Это должно идти через банки. Банки тоже не могут пойти на это. Мы должны иметь краткосрочные векселя.

Рейтер: С нашей стороны имеется добрая воля и эта добрая воля сказалась в том, что мы в течение последнего года давали все более длительные кредиты, но мы убедились, какие трудности возникали в связи с этим. Мы показали свою добрую волю до тех пределов, до каких могли идти.

Орджоникидзе: Во время 300-миллионного кредита мы имели сроки гораздо большие, чем сейчас.

Член делегации: Более двух лет не было.

Орджоникидзе: Тогда я попрошу тов. Биткера пояснить этот вопрос, что был кредит в 2 и 4 года.

Биткер: Относительно 300-миллионного кредита был договор с правительством. Одна половина на 2 года, а другая половина на 4 года... Время чистого кредита было бы больше, чем 3 года. Заказы 1926 г. до 1 апреля 1927 г. были помещены в Германии

сроком (платежей) до 31.11.1930 г., т.е. сроком 4-х летнего кредита... г-н Петер от "АЭГ" может подтвердить, что срок на 4 года был дан.

Клэкнер: Тогда были другие условия. Тогда Германия была в финансовом отношении сильнее, чем сейчас. Кроме того, это были меньшие заказы. Теперь мы говорим о больших заказах, от 300 до 600 млн марок, а мы находимся в худшем финансовом положении. Кроме того финансовое положение всего мира тоже значительно хуже. Это большая разница.

Орджоникидзе: Я должен заявить, что если условия расчета не будут более выгодны, мы тогда таких больших заказов дать не можем. Согласитесь с тем, что если мы берем у вас оборудование металлургического завода, то кредиты на 10–20–24 месяцев – это такой непродолжительный срок, что о нем серьезно не приходится говорить. Если мы думаем заказать, например, суда на 300 тыс. тонн, то при 2–3-летних условиях кредита нам совершенно невыгодно. При этих условиях ничего другого не останется, как не считать, что, очевидно, нам не удастся большие заказы разместить в Германии, если это твердое мнение здесь присутствующих германских промышленников.

Добавьте еще: им лучше, конечно, знать, но, насколько нам известно, положение в Германии сейчас во всех отношениях лучше, чем было 5 лет тому назад.

Клэкнер: К сожалению, в настоящее время хуже.

Орджоникидзе: Вам лучше знать.

Кому еще будет угодно высказываться? Тогда давайте на этом закончим, а вечером я попрошу вас к себе.

Клэкнер: Большое спасибо от имени всех присутствующих. В котором часу?

Орджоникидзе: В 9 часов. Если выйдет большое дело – хорошо, не выйдет – ничего не поделаешь. Останемся по-старому друзьями.

Пометы: Читал И. Сталин

Передать Молотову. Ст[алин].

В. Мол[отов].

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 140–151. Копия.

¹ Клэкнер Петер (1863–1940) – германский промышленник и финансист, председатель наблюдательных советов горнодобывающих и металлургических предприятий.

² Рейтер Вольфганг (1866–1947) – германский промышленник, в 1923–1934 гг. председатель, затем почетный председатель Союза немецкой машиностроительной промышленности.

№ 214

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О переговорах с немцами”**

№ П 29/опр. 4-с

9 марта 1931 г.
Строго секретно.
Из “Особой папки”

43/4. Предложить комиссии в составе тт. Молотова, Сталина, Орджоникидзе и Пятакова окончательно разрешить вопрос с немцами.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 152. Копия.

№ 215

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “Сообщение т. Орджоникидзе о переговорах с немцами”***

№ П 29/36-рс

11 марта 1931 г.
Строго секретно.
Из “Особой папки”

17/36 а) Поручить тт. Орджоникидзе, Розенгольцу и Крестинскому подробно информировать тт. Любимова, Хинчука, Брона, Богданова о достигнутых в переговоре с немцами условиях кредита.

б) Воспретить дачу заказов на Германию на старых условиях – до реализации того договора, который заключен приезжавшими в Москву германскими промышленниками с комиссией т. Орджоникидзе, добываясь скорейшего урегулирования ими вопроса с германским правительством.

в) Вопрос о расширении нашего экспорта в Германию обсудить по получении ответа от немцев.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 154. Л. 154. Копия.

* Принято опросом членов Политбюро ЦК ВКП(б) от 9 марта 1931 г. Выписка из протокола № 29 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 9 марта 1931 г., п. 4. Направлена В.М. Молотову, И.В. Сталину, Г.К. Орджоникидзе, Г.Л. Пятакову.

** Вопрос представлен Г.К. Орджоникидзе. Выписка из протокола № 29 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 марта 1931 г., п. 36. Направлена Г.К. Орджоникидзе, А.П. Розенгольцу (все), Н.Н. Крестинскому (п. “а”).

№ 216

*Записка Н.Н. Крестинского Г.К. Орджоникидзе
и А.П. Розенгольцу в связи с подготовкой
и рассылкой советским полпредам информации
о результатах переговоров с германскими промышленниками
в Москве*

№ К/22695

16 марта 1931 г.
Секретно

Тов. тов. Орджоникидзе и
Розенгольцу
Копия т. Поскребышеву¹

Уважаемые товарищи,

11 марта Политбюро постановило поручить тт. Орджоникидзе, Розенгольцу и мне информировать тт. Любимова, Хинчука, Брона и Богданова о достигнутых в переговорах с германскими промышленниками результатах.

Я условился с т. Орджоникидзе, что составлю проект совместного письма и разошлю его для согласования Вам обоим. 14-го числа я свой проект разослал. Сегодня т. Серго* по телефону сообщил мне свои замечания, а т. Розенголец не успел еще дать свои предложения. Поэтому я договорился с т. Розенгольцем, что совместное письмо мы отправим не с сегодняшним, а со следующим дипкурьерским рейсом.

Эта отсрочка посылки совместного информационного письма для Берлина не имеет никакого практического значения, потому что еще 10 марта, на другой день после отъезда промышленников, я написал т. Хинчуку подробно о результатах переговоров и переслал копии писем, которыми обменялись т. Серго и промышленники. Кроме того, в Берлин выехал уже т. Биткер, который принимал участие во всех последних совместных с немцами заседаниях.

Что касается Лондона, который не знает еще о результатах переговоров, то ввиду отсрочки посылки совместного письма я пишу сегодня по своей линии нашему полпреду, который знакомит с моим письмом и т. Брона. Таким образом, Лондон также будет информирован.

Что касается т. Богданова, то так как у НКВД нет никакой дипкурьерской связи с Нью-Йорком, то отсылку письма т. Бог-

* Г.К. Орджоникидзе.

данову должен был взять на себя Наркомвнешторг. Может быть, было бы рационально известить т. Богданова о результатах переговоров после того, как они будут окончательно утверждены немцами, шифрованной телеграммой.

Направляю копию этого письма т. Поскребышеву, так как меня сегодня запрашивали из контроля Политбюро и просили послать т. Поскребышеву копию нашего совместного письма. Поскольку посылка этого письма отсрочивается, я извещаю его об этом этим письмом.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 26. Д. 658. Л. 157–158. Подлинник.

¹ Поскребышев Александр Николаевич (1891–1965) – в 1924–1929 гг. помощник Генерального секретаря ЦК ВКП(б), в 1929–1952 гг. заведующий Особым сектором Секретариата ЦК (фактически заведующий секретариатом И.В. Сталина и его личный секретарь).

№ 217

*Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину
об условиях продления советско-германского договора
о нейтралитете**

№ Л/21592

23 марта 1931 г.

Секретно

Экз. № 1

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину

Копии: Членам Политбюро**

29 июня истекает срок Берлинского договора о нейтралитете, заключенного в 1926 году. Автоматическое продление договором не предусмотрено, и он поэтому потеряет свою силу, если не будет достигнуто специального соглашения о продлении его.

Вряд ли могут быть сомнения в целесообразности продления этого договора, но НКВД не хотел преждевременной постановкой вопроса вызвать полемику в печати. Однако помимо воли НКВД вопрос в германской и мировой прессе уже дискутируется, причем одни органы печати высказываются против продления договора, а другие настаивают на получении от СССР какой-либо компенсации за продление договора. Не обходится, конечно, без

* *Штамп*: Прот[окол] ПБ № 30, п. 3.

** Копии направлены также членам коллегии НКВД СССР.

давления на германское правительство со стороны французской прессы, а, возможно, и правительственных кругов.

Можно было бы придумать какие-нибудь пункты, дополняющие Берлинский договор, но это вызвало бы необходимость специальных переговоров и новую полемику в печати с возможным требованием компенсации, по крайней мере, за предлагаемые нами дополнительные пункты, которые, однако, для нас существенного значения иметь не могут. НКИД поэтому полагает ограничиться продлением ныне существующего договора без изменений. Дирксен мне сегодня сообщил, что на такое продление германское правительство согласно, но оно предлагает не назначать срока, а установить, что договор расторгается по предупреждению одной из сторон за полгода или за год. По сообщению Дирксена, Германия в свое время предлагала бессрочный договор, и на пятилетнем сроке будто бы настаивал Чичерин. Наркоминдел полагает, что нет необходимости настаивать на ограничении договора о нейтралитете каким-либо сроком.

В связи с Берлинским договором мы обязались заключить специальное соглашение об арбитраже или ином способе разрешения возникающих между обеими странами конфликтов. Во исполнение этого обязательства мы заключили трехлетнее соглашение об образовании согласительной комиссии. Немцы предлагают, чтобы действие согласительной комиссии было также продлено бессрочно, как и Берлинский договор. НКИД полагает, что на это можно согласиться, поставив требование, чтобы в особом протоколе было указано, что этим соглашением исчерпан соответственный пункт Берлинского договора. Таким образом, мы навсегда избавляемся от возможных требований со стороны Германии касательно арбитража.

Дирксен просит скорейшего ответа, и поэтому я просил бы поставить вопрос на разрешение Политбюро на заседании 25-го или путем опроса по телефону¹.

Литвинов

Проект постановления:

1) Продлить Берлинский договор бессрочно с предупреждением о расторжении за год.

2) Действие соглашения о согласительной комиссии также продлить бессрочно с предупреждением за год или же на срок действия Берлинского договора.

М. Литвинов

П.С. Из сегодняшней беседы с Дирксеном я вынес впечатление, что в случае согласования вышеотмеченных вопросов германское правительство готово было бы подписать договор о продлении теперь же, не дожидаясь истечения срока договора. Дело только в том, что протокол нуждается в ратификации рейхстага, который будет распущен перед Пасхой, вероятно, до осени, в каком-то случае между июнем месяцем и осенью договор о нейтралитете между нами и Германией не будет действовать. Если решение будет вынесено 25-го, то мы предложим германскому правительству попытаться провести ратификацию еще до пасхальных каникул².

М. Литвинов

Резолюция: Поставить на обсуждение ПБ. И. Ст[алин]

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 671. Л. 106-107. Подлинник.

¹ Советский проект протокола о продлении действия договора между СССР и Германией был вручен наркомом иностранных дел М.М. Литвиновым германскому послу в СССР Г. Дирксену 25 марта 1931 г.

² Протокол о продлении договора 1926 г. и конвенции о согласительной процедуре 1929 г. были подписаны 24 июня 1931 г. Н.Н. Крестинским и Г. Дирксеном в Москве, а ратифицирован в 1933 г.

№ 218

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О Германии"^{*}

№ П 30/3-с

25 марта 1931 г.
Строго секретно
Из "Особой папки"

3. Согласиться с предложением НКВД.

б) Обязать ОГПУ принять меры к извещению оставшихся в СССР членов семей немцев-эмигрантов о том, что они могут получить разрешение на выезд из СССР.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 671. Л. 105. Копия.

^{*} Вопрос представлен М.М. Литвиновым. Выписка из протокола № 30 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 марта 1931 г., п. 3. Направлена М.М. Литвинову – всс, В.Р. Менжинскому – п. "б".

№ 219

*Записка Н.Н. Крестинского
помощнику И.В. Сталина А.Н. Поскребышеву
с копией письма полпреду СССР в Англии Г.Я. Сокольникову
о результатах переговоров с германскими промышленниками
в Москве*

№ К/22742

28 марта 1931 г.
Секретно
Лично

Тов. Поскребышеву

Тов. Поскребышев,

По просьбе контроля ПБ посылаю Вам копию моего письма от 16 марта на имя т. Сокольникова, которое в копии было послано и в Берлин тов. Хинчуку.

Я считаю, что посылкой этого письма можно считать выполненным постановление Политбюро в той части, которая касается поручения тов. Орджоникидзе т. Розенгольцу и мне известить о результатах переговоров с немецкими промышленниками Берлин и Лондон.

Что же касается информирования тов. Богданова (Амторг), то, как я писал еще 16-го, это должно быть сделано через Наркомвнешторг, так как у НКИД никакой связи с Амторгом нет.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

АП РФ. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 178. Подлинник.

Приложение

*Письмо Н.Н. Крестинского Г.Я. Сокольникову
о заключенных с германскими промышленниками
условиях кредитов на поставку в СССР оборудования*

№ К/22700

16 марта 1931 г.
Секретно
Лично

Тов. Сокольникову

Многоуважаемый Григорий Яковлевич,

Считаю необходимым информировать Вас, а через Вас и т. Брона о результатах поездки германских промышленников в Москву. Моя информация является пока предварительной, а со

следующей почтой мы, вероятно, направим согласованное между ВСНХ, Наркомвнешторгом и НКВД письмо. Я пишу пока в ведомственном порядке, потому что согласованное письмо еще не готово, а оставлять Вас без информации еще 10 дней мне не хочется. Сообщение это мое предназначено, конечно, лишь для Вас и т. Брона, и ни в коем случае не может быть использовано в печати и в разговорах.

В самом начале разговоров между т. Серго и германскими промышленниками было констатировано, что в советско-германской торговой практике установились следующие обычные сроки кредитов: для мелкого оборудования 12-месячный срок со дня поставки готового товара, для металла – 18-месячный срок, а для тяжелого оборудования – 24-месячный срок тоже со дня поставки. Советская сторона высказывала пожелание внести элемент стабильности в наши отношения как с точки зрения наших заказов (были согласны говорить о заказах не только на 1931, но и на 1932 и 1933 гг.) при условии, если немецкая сторона сумеет осилить наши заказы с точки зрения их размера и сроков выполнения, а также, если она предоставит более крупные и более долгосрочные кредиты. Германская сторона заявила, что она может принять на себя выполнение всех наших заказов. Не смутил немцев и вопрос об увеличении размеров кредита. Но на вопрос об удлинении сроков они сначала ответили категорически отказом. После нескольких дней пребывания в Москве и осмотра нескольких наших заводов, а особенно после поездки в Ленинград и ознакомления с ленинградской промышленностью, немецкие промышленники сошли со своей первоначальной позиции и предложили лучшие, чем раньше, кредитные условия. 9 марта, в день отъезда промышленников, было достигнуто соглашение, закрепленное обменом писем между пятью представителями германской делегации (Клэкнер, Рейтер от “Демага”, Кёттген¹ от “Сименса”, Клотцбах² от Круппа и Пёнсен³ от “Объединенных сталелитейных заводов”) и т. Серго.

Сущность этого соглашения сводится к следующему.

1. Для текущих выдаваемых нами заказов остаются прежние условия кредита. Немецкая сторона считает, что эти наши текущие заказы могут быть обеспечены прежними кредитными условиями в размере, примерно, 300 млн марок в течение 1931 г. Никакого обязательства непременно использовать эти 300 млн марок и выдать текущие заказы непременно в этом размере на нашей стороне не лежит.

2. Для дополнительных заказов в сумме 300 млн марок германская сторона предоставляет нам более длинные сроки кре-

дитов, именно: вместо 12-месячного кредита устанавливается 14-месячный, вместо 18-месячного – 21-месячный, и вместо 24-месячного – 28,8 месяца.

3. При сделках с 14-месячным кредитом векселя выдаются нами следующим образом. На 20% суммы заказов векселя выдаются одновременно с выдачей заказов. Срок этих векселей – 13 месяцев плюс время, предусмотренное по договору для выполнения заказа. На 55% суммы заказов векселя выписываются на 13 месяцев и выдаются после поставки. Таким образом, платеж как по задаточным векселям, так и по векселям на 55%, а всего, значит, платеж 75% суммы заказов производится через 13 месяцев после получения нами готового оборудования. Остальные 25% суммы заказов выдаются векселями сроком на 15 месяцев со дня выполнения заказа.

4. При сделках с кредитом на 21 месяц платежи производятся следующим образом: при выдаче заказа ВСНХ выдает авансовые векселя на 20% стоимости заказа, сроком в 20 месяцев плюс обусловленное в договоре время выполнения заказа. 55% заказа оплачиваются векселями по изготовлению заказа, причем векселя выписываются на 20 месяцев. Таким образом, первые 20 месяцев по сдаче нам оборудования мы не платим ничего, а через 20 месяцев уплачиваем 75% стоимости заказа. Остальные 25% стоимости заказа оплачиваются векселями сроком в 24 месяцев со дня поставки готового металла.

5. При сделках с кредитным сроком на 28,8 месяцев платеж производится следующим образом: как и в первых двух случаях при выдаче заказов ВСНХ дает авансовые векселя на 20% стоимости заказа, причем срок этих векселей 27 месяцев плюс время изготовления заказа. По сдаче готового уже оборудования ВСНХ платит 50% стоимости заказов 27-месячными векселями и 30% стоимости 33-месячными векселями. Таким образом, первый платеж в 70% цены заказов делается нами через 27 месяцев после получения готового оборудования, а второй платеж в 30% – 33 месяцев после получения оборудования.

6. Проценты по открытому нам кредиту уплачиваются через каждые 3 месяцев или наличными деньгами или по нашему усмотрению – 6-месячными векселями.

7. Процентная ставка по кредиту еще не согласована. Немецкая сторона требует, чтобы эта ставка была на 2% выше, чем учетный процент Рейхсбанка. Это требование немцев, представляющее собой максимум того, что нам придется платить, несколько ниже того, что мы платили по 300-миллионному кредиту 1926 г.

8. Для заказов на суда, по которым кредитные сроки в настоящее время превышают 24 месяца, остаются прежние сроки кредита.

9. Немецкая сторона предлагает, чтобы ВСНХ после того, как предварительное соглашение от 9 марта будет окончательно оформлено, немедленно приступил к выдаче дополнительных заказов и закончил их выдачу 1 июля этого года.

10. После этого немецкая сторона готова приступить к переговорам об условиях кредита и о размерах кредита по заказам для 1932 и 1933 г.

11. Если бы оказалось, что тот или другой заказ будет выполнен с некоторым опозданием, чем это предусматривалось при выдаче задаточных векселей, эти задаточные векселя подлежат пролонгированию на срок запоздания.

Не все то, что перечислено у меня в этих 11-ти пунктах, содержится в обмене писем. Так, в этом обмене нет указания на сумму кредита по текущим заказам. Точно также в них не говорится о приступе к переговорам о заказах на 1932 и 1933 г. Но об этом говорилось во время переговоров и это молчаливо принималось как нечто, само собой разумеющееся.

В отличие от соглашения о 300-миллионном кредите, в котором было предусмотрено, какая часть кредита может быть употреблена для заказов тяжелого оборудования с более долгим сроком кредита и какая часть на легкое оборудование с более коротким сроком кредита, в новом, теперешнем соглашении такого процентного разграничения нет. Но немцы были поставлены в известность о том, что именно мы предполагаем заказывать. Поэтому можно с уверенностью сказать, что не менее 200 млн, а вернее несколько больше, будет употреблено на тяжелое оборудование со сроком кредита в 28,8 месяцев. Из остальной суммы миллионов 60 марок пойдет на закупку металла с кредитом в 21 месяц, и лишь миллионов 30–40 составят кредиты с 14-месячным сроком.

Состоявшееся в Москве соглашение является лишь предварительным соглашением, которое нуждается в дополнительном подтверждении с обеих сторон. Немцы по возвращении в Берлин должны были заручиться согласием правительства гарантировать в размере 70% дополнительные кредиты в 300 млн марок и согласием банков финансировать эти дополнительные гарантированные заказы. Когда оба эти условия будут налицо, соглашение с германской стороны будет подписано не пятью частными промышленниками, а германским правительством или каким-либо, могущим говорить от имени всей промышленности

и банков, консорциумом. Немцы обещали провести оформление необходимых им условий в течение приблизительно 10 дней. Мы знаем, что сегодня, через 5 дней после возвращения немецкой делегации в Берлин, вопрос о кредитах решается в заседании германского совета министров. К следующей почте, когда мы будем писать Вам наше согласованное письмо, вся сделка будет, вероятно, уже подтверждена германской стороной, а, может быть, и уже оформлена окончательным соглашением между немецкой и нашей стороной.

Перед отъездом немецкой делегации договорились, что или немцы пришлют своего уполномоченного для подписания окончательного соглашения в Москве, или (это вероятнее) мы командидуем в Берлин г. Пятакова, который закончит переговоры совместно с берлинским торгпредством в лице г. Биткера.

На Пятакова же будет возложено и размещение самих заказов, конечно, через аппарат берлинского торгпредства.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 178–180 об. Копия.

¹ Кёттген Карл (1871–1951) – промышленник, в то время генеральный директор германского электротехнического концерна “Сименс”.

² Клотцбах Артур (1877–1938) – промышленник, в то время член правления концерна Круппа.

³ Пёнсенг Эрнст (1871–1949) – промышленник, в то время генеральный директор “Объединенных сталелитейных заводов”.

№ 220

*Телеграмма советника полпредства СССР в Германии
С.И. Бродовского в НКВД СССР об инспирированной заметке
в германской печати о дополнительной
правительственной гарантии советских заказов*

№ 4084

3 апреля 1931 г.
Берлин
Сов. секретно

Москва, НКВД

Переданная ТАССом заметка по Германии о 300 млн инспирирована на конференции печати. Сегодня не удалось получить объяснения из Аусамта, ибо все разъехались. Полагаю, что смысл инспирации в том, что правительство не оформило новых гаран-

тий в рейхстаге, а просто решило осенним нотферорднунгом* для увеличения суммы гарантий, что формально не в порядке. Возможно также, что по разного рода политическим и деловым соображениям не хотят раздувать факты увеличения суммы гарантий.

Бродовский
Полпред

Штамп: Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 182. Дешифрант.

№ 221

*Записка заместителя председателя СНК
и СТО Я.Э. Рудзутака в Политбюро ЦК ВКП(б)
относительно размещения заказов НКПС СССР
в Германии*

5 мая 1931 г.**
Сов. секретно

В Политбюро ЦК ВКП(б)

Валютная комиссия признала необходимым разместить заказы на рельсы, трубы и погрузочные механизмы в сумме 10 млн руб. против испрашиваемых НКПСом 13 600 тыс. руб. Данный заказ не должен увеличить общий импортный контингент по всему плану 1931 г. По источникам покрытия контингентов голоса Валютной комиссии разделились:

Были внесены предложения,

1) чтобы расход покрыть 5 млн руб. по контингенту ВСНХ и 5 млн руб. по контингенту НКПС;

2) 4 млн руб. за счет ВСНХ, 4 млн за счет НКПС и 2 за счет НКЗема.

Ни одно из этих предложений не собрало большинства и переносится на решение ПБ.

Я. Рудзук

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 193. Подлинник.

* Внепарламентское чрезвычайное постановление, декрет (*нем.*).

** Дата рассылки.

№ 222

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б)
“Об импортном контингенте НКПС
в счет германских кредитов”**

П 36/35-с

5 мая 1931 г.
Строго секретно
Из “Особой папки”

35. Удовлетворить просьбу НКПС об увеличении импортного контингента НКПС на 13 600 тыс. рублей.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 192. Копия.

№ 223

*Записка К.Е. Ворошилова И.В. Сталину
о возможном приезде в СССР
начальника Войскового управления рейхсвера
генерал-майора В. Адама¹*

№ 04118/сс

26 мая 1931 г.
Сов. секретно

В Политбюро ЦК ВКП(б)

тов. Сталину

Командование германского рейхсвера поставило перед нами вопрос о возможности приезда в Москву в начале июня месяца (7–8 июня) на пару недель в качестве гостя начальника штаба рейхсвера генерала Адама.

Основная цель его приезда, по заявлению представителей рейхсвера и самого Адама нашему военному атташе в Берлине – установление личного знакомства с руководящим составом РККА и обмен мнений по ряду злободневных, с германской точки зрения, вопросов. Письменного обращения и точной формулировки вопросов, по которым командование рейхсвера хотело бы обменяться с нами мнением, мы не получили, но из имевших место устных обращений вытекает, что немцы хотят поставить

* Вопрос представлен М.Л. Рухимовичем, Я.Э. Рудзутаком, Г.К. Орджоникидзе, А.П. Розенгольцем. Выписка из протокола № 36 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 мая 1931 г., п. 35. Направлена М.Л. Рухимовичу, Я.Э. Рудзутaku.

на обсуждение: 1) возможность согласования действий РККА и рейхсвера (оперативных вариантов) на случай выступления Польши против нас и Германии одновременно или против каждого в отдельности; 2) вопрос унификации калибров пехотного оружия и артиллерии; 3) выработку единой точки зрения и единой позиции к конференции по разоружению в 1932 г.

Попутно с этим Адам просит дать ему возможность посмотреть какую-либо часть РККА, пару заводов и достопримечательности Москвы и Ленинграда.

Не возражая против приезда Адама в качестве гостя в Москву, я в то же время предупредил командование рейхсвера, что мы никакого обязательства обсуждать те или иные вопросы оперативного или политического характера на себя не берем.

Вопрос относительно теоретического обмена мнений по оперативным вариантам и “выработке” единых с рейхсвером взглядов ставился представителями рейхсвера и раньше. Но так как мы к подобного рода предложениям относились холодно, то немцы дальше зондажа не шли.

Приезд Адама нужно рассматривать как попытку рейхсвера поставить эти вопросы более конкретно и заручиться нашим обещанием поддержать Германию в случае столкновения ее с Польшей.

Из разговоров Адама с т. Путна на ужине, устроенном Адамом по случаю ухода последнего с поста военного атташе, видно, что немцы сильно беспокоятся за судьбу Восточной Пруссии, которая в случае выступления Польши первая будет подвергнута удару со стороны поляков, что заставит Германию немедленно мобилизоваться. Это – якобы вытекает из имеющихся в распоряжении рейхсвера данных о плане оперативного развертывания польской армии.

Нет сомнений в том, что командование рейхсвера, идя по стопам старого германского генерального штаба, стремится влиять на внешнюю политику Германии, а подчас вести и самостоятельную политику. Имевшие место в течение последних месяцев прошлого и в начале текущего года неофициальные переговоры германского правительства с Францией происходили при согласии и поддержке командования рейхсвера.

Неудачный исход этих переговоров, очевидно, толкнул командование рейхсвера и Министерство иностранных дел на мысль вновь вернуться к “русскому козырю”, т.е. к демонстрации перед Западной Европой тесных, “дружеских” отношений с нами. С этой целью был прислан сюда в качестве официального военного атташе полковник Кёстринг², с этой же целью демонст-

рации предполагается приезд Адама именно через Польшу. Ставя на обсуждение вопросы оперативного и политического характера, командование рейхсвера, очевидно, стремится обеспечить себе возможность начала более серьезных переговоров. В то же время рассматривая нас как врага в перспективе (“выход Красной армии за линию Варшавы – означает революцию в Германии и неизбежное столкновение с рейхсвером” – мнение Штюльпнагеля³ и ряда других немецких генералов), немцы стремятся узнать наши оперативные намерения на случай, если им удастся договориться с Францией и необходимо будет активно участвовать в интервенции.

Рассматривая приезд Адама в основном как демонстрацию против Франции, направленную к обострению отношений между нами и Францией – я считаю, что приезд ген. Адама в данный момент, когда тов. Литвинов в Женеве, т. Любимов в Лондоне в своих выступлениях подчеркивают мирную политику и максимальное стремление советского правительства к сохранению мира, со стороны советского правительства, мог бы дать повод для новых нападков на нас и обвинений в двурушничестве. Возможность антисоветской кампании в связи с приездом Адама весьма вероятна, тем более, что немцы сами могут этот приезд рекламировать в своей прессе.

Полагаю, что было бы целесообразно, не заявляя прямого отказа в приеме Адама, предложить немцам перенести этот приезд на осень (примерно октябрь), когда более четко определится политическая ситуация.

Ворошилов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 658. Л. 197–199. Заверенная копия.

¹ Адам Вильгельм (1877–1949) – в то время начальник Войскового управления (фактически генштаба) рейхсвера, побывал в СССР в октябре–ноябре 1931 г.

² Кёстринг Эрнст (1876–1953) – в 1931–1933 гг. и 1935–1941 гг. германский военный атташе в СССР.

³ Штюльпнагель Карл-Генрих фон (1866–1944) – немецкий генерал, в 1938–1940 гг. оберквартирмейстер генштаба сухопутных войск, председатель германо-французской комиссии по перемирию.

*Записка А.П. Розенгольца И.В. Сталину
о переговорах с германским правительством
об экспорте СССР в Германию**

№ 197

28 мая 1931 г.
Сов. секретно
Экз. № 1

Политбюро ЦК ВКП(б) – тов. Сталину

При заключении в 1925 г. СССР с Германией торгового договора обе стороны взяли на себя обязательство всячески содействовать развитию взаимных торговых отношений и довести их до довоенного уровня.

Приводимая ниже таблица характеризует по данным германской таможенной статистики динамику товарооборота между СССР и Германией за последние годы по сравнению с довоенным.

Годы	Ввоз из Германии		Вывоз в Германию	
	В млн марок	В %% к 1909–1913 гг.	В млн марок	В %% к 1909–1913 гг.
1909–1913	635	100	1468	100
1927	329,6	51,9	433,2	29,5
1928	403,4	63,5	378,5	25,8
1929	353,9	55,7	425,7	29,0
1930	430,6	67,8	436,3	29,7

В текущем 1931 г. ввоз из Германии в СССР, очевидно, достигнет, а, возможно, и превысит довоенный, в то же время как вывоз из СССР в Германию вряд ли составит больше 500–520 млн марок, т. е. 34–35% довоенного экспорта в Германию.

Основываясь на заключенном в 1925 г. торговом договоре с Германией, мы из года в год развивали наши закупки в Германии, в то же время германское правительство не принимало действительных мер к созданию на германском рынке достаточно благоприятных условий для нашего экспорта в Германию. Мало того, ряд мероприятий германского правительства, частично направленных непосредственно против нашего экспорта, крайне затруднил, а в отдельных случаях сделал невозможным сбыт наших товаров в Германию.

* Штамп: Прот[окол] ПБ № 46, п. 11/27.

Проводимая германским правительством политика аграрного протекционизма, формально направленная против всех стран, ввозящих в Германию сельскохозяйственные товары, в силу структуры нашего экспорта с особенной силой задевает наши интересы. В конце 1929 г. германским правительством был издан закон “о скользящей шкале пошлины”, в соответствии с которым пошлины на основные хлебные товары были повышены: на рожь до 200 марок, на пшеницу до 250 марок, на ячмень до 180 марок, на овес до 160 марок, на горох пищевой до 200 марок, на кормовой горох до 80 марок за тонну и т.д. К мировым ценам эти ставки пошлины составляют для ржи около 240%, для пшеницы около 210%, для ячменя около 190%, для овса около 200%, для пищевого гороха около 140%, для кормового гороха около 70%.

Помимо этого на сокращение ввоза хлебных культур влияет также закон об обязательной примеси при помоле пшеницы внутреннего производства. В 1929 г. процент обязательной примеси германской пшеницы составлял 50%, а в 1930 г. он повышен до 80%. В мае 1930 г. вступил в Германии в силу закон об обязательной примеси к импортируемым нефтепродуктам германского спирта. Этот закон, почти не затрагивая интересов конкурирующих с нами на германском рынке мировых нефтяных концернов, резко задевает интересы нашего нефтяного экспорта в Германию. В то время как наши конкуренты имеют специально оборудованные инсталляции для хранения и отпуска нефтепродуктов в смеси со спиртом, нам приходится вкладывать дополнительные средства в переоборудование наших инсталляций. Помимо этого германским правительством переданы мировым концернам акции германской спиртовой монополии “Рейхскрафтшпирта” и таким образом эти концерны не только участвуют в прибылях от продажи спирта, идущего на примесь к нефтепродуктам, но имеют сверх того возможность за счет установленной разницы в отпускных и приемных ценах на спирт снижать свои убытки от примеси спирта, в силу чего наши конкуренты получили мощное орудие для борьбы с советским нефтеэкспортом.

Равным образом явно против нас направлен закон о создании в Германии спичечной монополии, совершенно закрывший для наших спичек германский рынок, на котором до того времени мы занимали весьма значительное место.

Имеются и другие более мелкие мероприятия германского правительства, направленные непосредственно против нашего экспорта, как например, отдельные ветеринарно-санитарные ограничения по ввозу птицы, которые не распространяются на другие конкурирующие с нами страны.

Несмотря на обязательство, заключающееся в торговом договоре, германское правительство все время уклоняется от заключения с нами таможенной конвенции.

Все это вместе взятое дает нам полное основание поставить перед германским правительством вопрос о нелояльном выполнении им ст. 1 Экономического соглашения советско-германского торгового договора о развитии взаимных торговых отношений и о доведении их до довоенного уровня и предъявить ему требования о проведении таких мероприятий, которые позволили бы нам расширить наш экспорт в Германию, тем более, что в отношении импорта из Германии мы в этом году уже достигаем довоенных размеров.

Требования наши к германскому правительству должны идти по трем направлениям: предоставление нам конвенционных скидок с таможенного тарифа по отдельным статьям нашего вывоза в Германию, предоставление нам пониженного тарифа или беспошлинного ввоза для определенных годовых количеств отдельных наших товаров (таможенные контингенты) и, наконец, обязательство германского правительства закупать для государственных и подконтрольных государству организаций, а равно обязательство содействовать закупке частно-хозяйственными организациями определенных количеств наших товаров (закупочные контингенты).

В переговорах с германским правительством мы не можем выдвигать в первую очередь вопросов ни о таможенных контингентах, ни о конвенционных скидках. Германское правительство не может предоставить нам таможенных контингентов по тем товарам, по которым мы являемся в Германии основными импортерами, ибо* в этом случае предоставленные такими контингентами льготы по принципу наибольшего благоприятствования распространятся и на все прочие страны на те же количества, на которые они предоставлены и нам. Следовательно, мы можем рассчитывать лишь на получение небольших контингентов по товарам, по которым в общем импорте Германии мы занимаем незначительное место. Что касается конвенционных скидок, то нецелесообразно требовать их по тем статьям нашего экспорта, по которым мы имеем небольшой удельный вес в германском импорте, ибо тогда, по принципу наибольшего благоприятствования, основной выигрыш падает не на нас, а на наших конку-

* В этом случае... нам *вписано вместо зачеркнутого*: весь смысл предоставления таможенных контингентов за странами наименьшего экспорта данного товара в Германию, чтобы таким образом максимально парализовать действие принципа наибольшего благоприятствования.

рентов. Следовательно, единственно целесообразным является распространение такого рода требований на товары, по которым мы являемся теперь или в ближайшее время будем являться для Германии основными импортерами. Однако надо всегда иметь в виду, что по товарам, находящимся в центре германской протекционистской политики и одновременно являющимся основными статьями нашего вывоза в Германию, нам не удастся получить ни конвенционных скидок, ни таможенных контингентов. Здесь речь может идти только о закупочных контингентах, по возможности, со скрытой компенсацией. На этих-то последних и необходимо сосредоточить главное внимание.

Соглашения по закупочным контингентам могут быть заключены в двойной форме: либо непосредственно с германским правительством, либо при его содействии — с частно-хозяйственными организациями. К первым относятся некоторые контингенты по нефтепродуктам, по лесу (шпалам), — ко вторым — частно-хозяйственные соглашения опять-таки по линии названных товаров и по зерну (пшеница, ячмень, кукуруза).

Переходя к требованиям по таможенным контингентам мы имеем основания добиваться закрепления их за следующими товарами: масло, по которому наш удельный вес в общем германском импорте составляет несколько больше 2%, автопневматика — удельный вес в германском ввозе несколько больше 3%, некоторые виды лесоматериалов и т.д. Хотя эти контингенты по наибольшему благоприятствованию распространятся на другие страны, однако, наши основные конкуренты, вывозящие в Германию значительно большие количества, от такого контингента получают лишь незначительный выигрыш.

Конвенционных скидок необходимо добиваться по таким товарам, как икра, по которой СССР занимает 95% в мировом производстве, резиновая обувь, в импорте которой в Германию мы занимаем свыше 18%, битая птица, по импорту которой в Германию наш удельный вес превышает 40%, яйца и т.д. В отношении яиц следует указать, что хотя в настоящее время по ввозу их мы занимаем в Германии весьма скромное место (немного больше 6%), но необходимо считаться с бурным ростом в СССР птицеводства, в связи с чем надо настойчиво добиваться снижения или закрепления по яйцу ныне существующей ставки, как основного условия, обеспечивающего развертывание нашего экспорта по этой статье.

В последние дни немцы выдвинули требование об увеличении доли участия германского тоннажа в перевозках советских товаров. Это требование мы можем в переговорах использовать,

как уступку немцам взамен получения от них соответствующих льгот по экспорту советских товаров в Германию.

Основным орудием давления на германское правительство являются в наших руках размещаемые нами в Германии заказы. Поэтому если германское правительство проявит в переговорах упорство и не пойдет навстречу нашим требованиям по облегчению и расширению экспорта из СССР в Германию, я считаю необходимым замедлить и даже на время прекратить размещение в Германии заказов.

Прошу утвердить прилагаемый проект постановления.

А. Розенгольц

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 659. Л. 67-72. Подлинник.

Приложение

*Проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б)
об условиях размещения советских товаров в Германии*

28 мая 1931 г.
Сов. секретно
Экз. № 1

1. Поручить НКВТ и НКИД вступить с германским правительством в переговоры по созданию благоприятных условий для размещения в Германии советских товаров.

2. При этих переговорах добиваться:

а) предоставления германским правительством Советскому Союзу закупочных контингентов по зерновым продуктам, шпалам и нефтепродуктам;

б) предоставления таможенных контингентов по маслу, автопневматике и некоторым видам лесоматериалов;

в) предоставления конвенционных скидок, а также закрепления существующих ставок по лесоматериалам, резиновой обуви, икре, битой птице, яйцам, бобовым культурам.

3. В случае затяжки переговоров германским правительством и проявления им неуступчивости в виде контрмеры Наркомвнешторгу замедлить размещение в Германии заказов.

4. Ведение переговоров поручить тов. Стомонякову и т. Бессонову.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 659. Л. 73. Подлинник. Виза А.П. Розенгольца.

№ 225

*Записка А.П. Розенгольца И.В. Сталину
о прекращении дальнейших закупок черных металлов
в Германии*

№ 201

29 мая 1931 г.
Сов. секретно
Экз. № 1

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину

Копия председателю СНК СССР тов. Молотову

В связи с телеграммой тов. Пятакова от 27.05 сего года в отношении дальнейшей закупки черных металлов в связи с распоряжением заместителя наркомвнешторга тов. Озерского¹ о прекращении дальнейших закупок черных металлов сообщаем следующее:

1) Импортный контингент по черным металлам на весь 1931 г. был установлен правительством в количестве 870 тыс. тонн и покрыт следующим образом:

Переходящие остатки особого квартала 1930 г.	86 575 тонн
Заказы 1931 г. в счет договоров 1930 г.	37 614 тонн
Сделки I квартала 1931 г.	— 564 781 тонн
Сделки II квартала 1931 г.	— 113 500 тонн
Всего	— 802 470 тонн

2) Кроме того, комиссией тов. Пятакова в мае месяце куплено 100 тыс. тонн чугуна с отгрузкой в мае—июле, включаемые в общий контингент по черным металлам.

Таким образом, на сегодняшний день уже закуплено 902 470 тонн черных металлов и, следовательно, весь годовой контингент 1931 г. покрыт с излишком в 32 470 тонн.

Распоряжение о прекращении дальнейших закупок черных металлов было дано Наркомвнешторгом СССР, имея ввиду, что контрольная цифра по ввозу черных металлов на 1931 год после постановления СНК о ее значительном увеличении была установлена правительством, как указано выше, в 870 тыс. тонн.

При этом необходимо отметить, что распоряжение о прекращении закупок отнюдь не означает прекращения ведения переговоров и уторгования условий; последнее может и должно продолжаться, однако, всякие новые покупки могут иметь место лишь при наличии решения Политбюро или правительства об

увеличении контингента сверх ранее установленного количества в 870 тыс. тонн.

А. Розенгольц

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 659. Л. 12–13. Подлинник.

¹ Озерский Александр Владимирович (1891–1938) – в 1930–1931 гг. заместитель наркома внешней торговли СССР, с 1932 г. торгпред СССР в Англии.

№ 226

Записка руководителя комиссии по размещению советских заказов в Германии Г.Л. Пятакова Г.К. Орджоникидзе о лимитировании финансирования германскими банками советских заказов

1 июня 1931 г.

Секретно

Тов. Орджоникидзе

Копия: Госбанк т. Калмановичу и
т. Аркусу

Сегодня 30 мая в 10½ час. утра меня принял председатель Рейхсбанка Лютер. Встреча эта произошла следующим образом:

Я просил тов. Кагана¹ (представителя Государственного банка) выяснить, не согласится ли Лютер переговорить со мной в ближайшее время ввиду невыясненности вопроса финансирования наших заказов. Каган позавчера, т.е. 28 мая, сообщил мне, что Лютер охотно меня примет, и секретарь Лютера просил уговориться относительно времени встречи. Мы условились встретиться 29 мая в 10 час. утра. Утром секретарь Лютера сообщил, что у Лютера срочное заседание и что он просил перенести разговор на субботу в 10 час. 30 мин.

Сегодня я заехал в Рейхсбанк и был немедленно принят Лютером. Я ему сказал следующее:

Вы знаете, что я приехал в Германию для руководства со стороны нашей промышленности размещением заказов на основе соглашения от 14 апреля с германскими промышленниками, состоявшегося в результате поездки германских промышленников в Москву.

В общем и целом работа по размещению заказов протекает нормально. Работа с германскими промышленниками идет в очень дружественных тонах, несмотря на те деловые споры, которые возникают в каждом отдельном случае. Проведение этой операции, однако, зависит от трех факторов:

1. Германская промышленность
2. Германское правительство
3. Германские банки

В отношении первых двух факторов вопрос в основном надо считать урегулированным. Что касается третьего фактора – финансов – то в этом отношении у меня нет полной ясности. В газетах появлялись неоднократно разного рода заметки о том, что вопрос о финансировании до сих пор не разрешен. Некоторые весьма видные промышленники (например, могу сказать Вам совершенно конфиденциально, г. Клэкер) точно также говорили мне о том, что вопрос финансирования не разрешен еще. Правда, это было еще до моего отъезда в Москву, так примерно в начале мая. Затем мы уже практически по некоторым сделкам наткнулись на трудности финансового характера. Я знаю несколько сделок с крупнейшими немецкими фирмами, которые протекают ненормально. Мы были бы готовы этим фирмам сдать значительно большие заказы. Эти фирмы в состоянии принять от нас более крупные заказы, но не принимают, объясняя это тем, что банки ставят соответствующие ограничения. Из опыта работы с германскими промышленниками я вынес впечатление, что в случае возникновения каких-либо затруднений, лучше всего поставить вопрос прямо для того, чтобы выяснить все обстоятельства дела.

Если г. Лютер будет так любезен, то я просил бы его разъяснить мне, как обстоит дело с финансированием наших заказов в Германии в счет заключенного соглашения.

На это Лютер попытался сначала уклониться от ответа.

Между нами произошел нижеследующий диалог:

Лютер: Вы знаете, что вопрос финансирования есть вопрос частных соглашений отдельных промышленных фирм с отдельными частными банками, и я в этот вопрос не вмешиваюсь.

Я: Я это очень хорошо знаю, но имею также некоторое представление о роли Государственного банка и полагаю, что господин председатель Государственного банка имеет известное представление об условиях финансирования.

Лютер: Я не знаю, как дело обстоит у Вас, но у нас Рейхсбанк учитывает только трехмесячные векселя, а в данном случае речь идет о долгосрочном финансировании.

Я: У нас Госбанк точно также ведет только краткосрочные операции, но ведь именно поэтому у Вас создан специальный банк “Голддисконт-банк”.

Лютер: “Голддисконт-банк” оперирует специальным капиталом, для этого ему выделенным, и может работать только в пределах этого капитала. В настоящее время, насколько мне известно, соответствующие суммы у него уже в русских делах zaangażированы. Впрочем, я за последнюю пару недель не имел возможности заниматься русскими делами и не знаю, как обстоит дело в настоящий момент.

Я: Речь идет не только о последних неделях, но и о последних месяцах и я именно позволил себе придти к Вам, господин председатель, потому, что знаю, что Вы ставили вопрос о переучете наших векселей в “Репарационном банке” и поэтому по всей вероятности изучали этот вопрос.

Лютер: Я ставил этот вопрос не в связи с 300-миллионным кредитом, а в связи с текущими делами постольку, поскольку от старых операций у нас накопилось значительное количество русских векселей.

Я: Могу ли я, таким образом, из этого разговора сделать вывод, что действительно вопрос о финансировании размещения наших заказов в Германии не урегулирован и картина финансирования неопределенная?

Лютер: Отнюдь нет. Наоборот, я должен Вам заявить, что я впервые слышу от Вас, что в этом отношении имеются какие-либо затруднения. Я слышал до сих пор со всех сторон, что дело идет нормально. Никаких жалоб в этом отношении до разговора с Вами я не слышал.

Я: Следовательно, г. председатель, я могу считать, что Вы не видите этих затруднений. Так как я в ближайшие дни должен буду встретиться снова с руководящими людьми германской промышленности, то я хотел бы иметь именно эту уверенность.

Лютер: Я не совсем в курсе этих дел в настоящее время, так как последнюю пару недель, – повторяю, – этими делами не занимался.

После этого мы разошлись, причем Лютер заявил, что он всегда будет рад со мною встретиться, если у меня будут возникать какие-либо вопросы к нему.

Во вторник 2 июня мы будем иметь встречу по черным металлам с Клёкнером и Клотцбахом (а также, может быть, с Пёнсгеном).

4 июня мы будем иметь встречу с Кремером и Кёттгеном (а может быть и Рейтером) по вопросу о претензиях немецких промышленников к нам, в отношении конкретных случаев нарушения нами общего соглашения (речь идет о разного рода мелочных делах). При этом мы собираемся поставить принципиальный вопрос о нарушении немцами соглашения в части стеснения нас в выборе фирм путем лимитирования финансирования.

Только после этого, я думаю, нам удастся подвести некоторые итоги и сделать общие выводы.

П/п уполномоченный ВСНХ Пятаков

Помета: В архив. Ст[алин].

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 659. Л. 3–4. Заверенная копия.

¹ Каган Моисей Александрович – член правления Государственного банка СССР, представитель Госбанка в Берлине.

*Записка Г.Л. Пятакова И.В. Сталину
о предложении германского промышленника О. Вольфа
относительно строительства нефтепровода в СССР*

1 июня 1931 г.

Дорогой т. Сталин!

Сегодня к т. Биткеру и ко мне пришел Отто Вольф и спросил, интересует ли нас его предложение насчет нефтепровода Кавказ–Москва. Мы ответили, что интересует, но другое направление (Эмба–Орск, например); на это он сказал, что направление для него совершенно безразлично. После этого мы с ним поговорили; в результате разговора выяснилось совершенно серьезное соединенное предложение Вольфа и “Дрезднер банк”, основные черты которого сводятся к следующему:

1. Мы выпускаем специальный облигационный заем для постройки такого-то нефтепровода.

2. Этот заем начинаем погашать через год после выпуска и погашаем в течение 7 лет.

3. Деньги от займа идут на покупку труб и оборудования для нефтепровода (заранее фиксируем количество покупаемых труб и цену). Вольф исходит из 200 000 труб.

4. В обеспечение этого займа поступают:

Либо а) 1 миллион тонн нефти и нефтепродуктов внутри СССР на складах в Баку и Грозном

либо б) запродаваемые Вольфу 1 миллион тонн, которые он продает за границей с тем, что все имеющиеся наши договора (в Испании, Франции и т.д.) мы исполняем сами. При этом все наши нефтесклады и насосные станции в Германии мы ему продаем и имеем право по той же цене купить обратно после погашения займа.

Вольф говорил также как о возможном обеспечении – лесоматериалом внутри СССР. Хотя он сам выражал опасение, что с лесом будет труднее, так как это неоднородный товар, подвергается порче и т.п.

5. Операцию проводит какой-либо банк (по-видимому, “Дрезднер банк”).

Вольф обещал во вторник 9 июня сделать нам письменное предложение. При этом он очень просил держать все это в большом секрете, ибо, по его словам, если вокруг этого дела пойдут разговоры, то дело сорвется.

Я просил бы дать нам по этому вопросу директиву, чего нам держаться.

Я: Это меня удивляет. Лишь в субботу утром (30 мая) я был у председателя Рейхсбанка г-на Лютера и говорил с ним по вопросу о финансировании всей нашей операции. При этом он мне заявил, что не знает о таких затруднениях.

(В этот момент Клёкнер и Клотцбах весьма выразительно и удивленно переглянулись друг с другом.)

Клёкнер: Это он Вам действительно сказал?

Биткер: Г-н Пятаков пошел к Лютеру именно потому, что для нас создалось весьма неприятное положение. Мы договариваемся с фирмами, заканчиваем с ними, и затем проходят недели, пока фирма подтвердит заказ. Это фирмы обычно объясняют трудностями учета векселей. Ведь действительно получается странная картина: мало того, что речь идет об обязательствах советского правительства, эти обязательства, кроме того, гарантируются германским правительством и, тем не менее, создаются такого рода трудности. Именно поэтому Пятаков был у г-на Лютера и, как Вы слушали, г-н Лютер не подтвердил наличия таких трудностей.

Клёкнер: Это очень странно, ибо г-ну Лютеру было об этом сказано в присутствии рейхсканцлера г-на Брюнинга.

Я: Мне об этом ничего неизвестно. Во всяком случае я взял на себя смелость и позволил себе сослаться на слова г-на Клёкнера, который во время моей первой поездки в Рейнскую область говорил мне о наличии таких трудностей. Тем не менее г-н Лютер сказал мне, что я – первый человек, из уст которого он слышит, что вообще имеются какие-либо трудности финансирования нашей операции.

Клёкнер: Но ведь он нам говорил, что “Голддисконт-банк” совершенно полон и не может больше учитывать русские векселя, а “Репарационный банк” не берет их к переучету.

Клотцбах: А Рейхсбанк сам как будто бы не учитывает долгосрочные векселя.

Я: Да, Рейхсбанк учитывает и переучитывает лишь 3-месячные векселя. Насчет “Голддисконт-банка” г-н Лютер и мне сказал, что его средства, предназначенные для эмиссии, в данный момент в значительной мере уже ангажированы, и все же, несмотря на это, он никаких жалоб не слышал и от меня первого слышит, что имеются какие-то трудности.

Биткер: Относительно “Голддисконт-банка” мне также говорил г-н Кремер, что этот банк располагает для наших операций 100 млн марок и что в настоящее время 94 млн марок уже заняты нашими прежними операциями. В мае, например, торгпредство вообще купило в Германии на 70 млн марок, из них на долю

г-на Пятакова приходится около 20 млн марок. Остальные – это в значительной мере оформление прежних сделок.

Клотцбах: Да об этом нам тоже говорили.

Я: Не надо забывать, что наряду с этим имеет место также и другой процесс: ведь постоянно мы не только получаем кредит, но и выплачиваем на значительные суммы векселя истекших сроков по старым операциям, так что в большом масштабе имеет место также возврат денег и высвобождение занятых ранее средств.

Клотцбах: Ну разумеется. Ведь без этого вообще всю операцию нельзя было бы провести.

Клэкнер: Во всяком случае, если Вы еще раз встретитесь с г-ном Лютером, Вы можете сослаться на нас всех.

Пятаков

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 659. Л. 5–5 об. Заверенная копия.

№ 229

*Записка Н.Н. Крестинского И.В. Сталину
с замечаниями к проекту А.П. Розенгольца
о создании благоприятных условий
для размещения в Германии советских товаров**

№ 22863/к

3 июня 1931 г.
Секретно

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)
тов. Сталину**

Уважаемый товарищ,

Соглашаясь вполне с т. Розенгольцем о том, что необходимо как можно скорее вступить с германским правительством в переговоры о создании благоприятных условий для размещения в Германии советских товаров, я, тем не менее, считаю необходимым сделать некоторые оговорки и возражения к предлагаемому им проекту постановления.

1. Тов. Розенголец считает, что основным средством давления на германское правительство является размещение наших заказов, и поэтому он предлагает в п. 3-м постановления в случае проявления германским правительством неуступчивости или

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 46, п. 11/27.

** Копии направлены А.П. Розенгольцу, Л.М. Карахану, Б.С. Стомонякову.

затягивания им переговоров замедлить размещение в Германии наших заказов.

Я же считаю, что поскольку мы заключили уже с немцами соглашение о размещении наших заказов на базе определенных кредитных условий, мы выпустили уже из своих рук размещение наших заказов, как способ давления на германское правительство при предстоящих экспортных переговорах.

Но у нас есть другой, помогающий нам, момент. Германское правительство заинтересовано в том, чтобы с рядом государств заключить договоры, предоставляющие этим государствам таможенные скидки на определенные товарные контингенты. Германия заключила уже подобный договор с Финляндией о масле, хочет договориться с Румынией о кукурузе, имеет и другие подобные договорные планы. Для того, чтобы эти соглашения могли вступить в силу и чтобы их не оспаривали другие заинтересованные государства, пользующиеся правом наибольшего благоприятствования, германское правительство готово будет дать известные преимущества и компенсации этим последним странам. СССР по торговому договору с Германией пользуется правом наибольшего благоприятствования. Германия нуждается в нашей санкции для своих соглашений с теми странами, которым она предоставляет привилегированные таможенные контингенты. Она готова за это заплатить нам некоторыми льготами по нашему экспорту. Об этом говорил Курциус Литвинову в ноябре месяце, об этом нашему берлинскому полпредству говорили работники германского МИДа.

Наша тактика должна заключаться в том, что мы не выставляем сами тех требований, которые содержатся в п. 2-м предлагаемого т. Розенгольцем проекта постановления ПБ, а предлагаем приступить к обсуждению предложенного нами проекта таможенной конвенции. Поскольку немцы заявят нам сразу, что наш проект для них неприемлем, мы предложим им выдвинуть их контрпредложения. Эти контрпредложения будут содержать в себе таможенные и закупочные контингенты по некоторым товарам. Тогда мы начнем спорить по существу, стремясь выговорить себе те уступки, которые упомянуты во 2-м пункте предлагаемого т. Розенгольцем постановления.

Таким образом, я предлагаю исключить из предлагаемого т. Розенгольцем постановления п. 3-й, говорящий о замедлении размещения наших заказов в случае, если германское правительство будет затягивать экспортные переговоры.

2. Я не согласен также с предложением т. Розенгольца о поручении ведения переговоров гг. Стомонякову и Бессонову.

Предлагаемые переговоры явятся не новыми переговорами, а продолжением тех переговоров, которые были в декабре месяце прошлого года поручены т. Хинчуку и берлинскому торгпредству. Тов. Хинчук предупредил тогда МИД, что он после Нового года приступит к этим переговорам, но затем ПБ приняло решение отложить переговоры о нашем экспорте до приезда в Москву германской промышленной делегации и до урегулирования всего вопроса о наших заказах в Германии.

Германская сторона ждет, что теперь мы возобновим начатые уже Хинчуком и берлинским торгпредством переговоры. Если мы теперь вдруг пошлем для этих переговоров из Москвы специального переговорщика, члена коллегии НКВД т. Стомонякова, то это будет означать известное дезавуирование перед германским правительством нашего полпреда.

Я поэтому предлагаю поручить ведение переговоров не Стомонякову и Бессонову, а берлинскому полпредству и торгпредству. Это будет означать, что переговоры будут вестись Хинчуком и тем же Бессоновым, если торгпредство в ведомственном порядке поручит ему помогать в этих переговорах Хинчуку. Хинчук, кроме того, привлечет к этим переговорам кого-либо из своих ближайших помощников по полпредству.

Таким образом, я предлагаю следующим образом изменить проект т. Розенгольца:

1-й пункт формулировать так: Поручить НКВД и НКВТ вступить с германским правительством в переговоры о заключении таможенной конвенции, согласно врученному нами немцам осенью проекту, с тем, чтобы после отклонения немцами этого нашего проекта перейти к обсуждению немецких контрпредложений о частичных льготах для нашего экспорта.

Пункт 2-й проекта т. Розенгольца остается без изменений.

Пункт 3-й исключается, и

Пункт 4-й формулировать следующим образом: ведение переговоров поручить берлинскому полпредству и торгпредству.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

*Протокол заседания Совета Торгпредства СССР
в Германии о прохождении заказов
по 300-миллионному германскому кредиту*

3 июня 1931 г.

Секретно

Председатель – т. Любимов

Присутствуют: гг. Любимов, Килевиц, Генкин¹, Попов², Карпов³, Каган, Кучин⁴, Печерский⁵, Вольфсон⁶, Машкевич⁷, Матч, Герцберг⁸, Заборов, Петров⁹, Курицкий, Михайлов¹⁰, Савцов¹¹, Борисов¹², Румянцев¹³, Гойзман¹⁴, Рошаль¹⁵, Киселев¹⁶, Шабловский¹⁷, Розов¹⁸, Амброжис¹⁹, Пратенек²⁰, Гончарова²¹, Горский, Левин, Надежин²², Горев²³, Старожихин, Векшин²⁴, Аликин²⁵, Козелев²⁶, Стефанов²⁷.

Вопросы и постановления:

1. Об обследовании “Экспортхлеба” за границей. Докладчик т. Курицкий.

Постановили:

1. С выводами и предложениями инспекции в основном согласиться.

2. Поручить гг. Любимову, Генкину, Килевицу и Попову в двухдневный срок на основе обмена мнениями по докладу т. Курицкого составить замечания и поправки к предложениям инспекции.

2. Сообщение инспекции и орготдела о прохождении заказов по 300-миллионному кредиту. Докладчик т. Гойзман.

Заслушав сообщение представителя инспекции о произведенном представителями инспекции и орготдела обследовании прохождения заказов по 300-миллионному кредиту, совет берлинского торгпредства констатирует:

1. Темпы социалистического строительства и темпы индустриализации настоятельно требуют принятия решительных мер к установлению полностью в работе берлинского торгпредства темпов работы, соответствующих темпам Советского Союза.

2. Размещение заказов по 300-миллионному кредиту до настоящего времени не приняло еще той напряженности, которая необходима для выполнения в срок этой огромнейшей важности для нашей индустриализации и социалистического строительства задачи.

3. До настоящего времени отделы берлинского торгпредства не установили в работе необходимой плановости и размаха, которые необходимы для осуществления этого дела.

4. Указать заведующим импортными отделами и всем оперативным работникам, а также всем управлениям и отделам, связанным с осуществлением проведения заказов по 300-миллионному кредиту, что еще до настоящего времени не взяты необходимые темпы в развертывании работы и не мобилизован в должной мере рабочий аппарат торгпредства.

5. Попытки некоторых заведующих отделами объяснить недостаточное развитие работы объективными причинами или переложить недостаточно успешное прохождение заказов на другие организации не оправдываются обстоятельствами, ибо во всех отделах имеется некоторое количество заказов, задержавшихся выходом вследствие недочетов технического их прохождения и вследствие недостаточной бдительности как заведующих отделами, так и аппарата импортных отделов.

6. В целях мобилизации всех сил и проведения всех необходимых мероприятий признать совершенно необходимым широкое привлечение общественности к проведению этой работы.

7. Ввиду особой важности предлагается заказы Кузнецкстроя и Магнитостроя проводить вне всяких очередей.

Снова напоминает о необходимости особо внимательного отношения к заказам ударных строек, перечисленных в приказе.

8. Совет торгпредства считает необходимым принять решительные репрессивные меры против тех руководителей и работников аппарата, кои окажутся в недостаточной мере настойчивыми в проведении этой задачи и явятся виновниками срыва тех или иных намеченных мероприятий и планов.

Учитывая конкретные доложенные на совете недочеты, совет считает необходимым на первый раз принять как легкую меру взыскания – поставить на вид на невнимательное проведение заказов: гг. Добнеру, И.А. Попову, Шеверневу и сотруднице “Станкоимпорта” Грац.

9. Принять к сведению, что на основе выявленных на совете торгпредства недочетов в проведении работы по размещению заказов торгпредством в однодневный срок разработаны будут соответствующие мероприятия по устранению всех недочетов как плано-оперативного, так и технического порядка.

Председатель Любимов

¹ Генкин Яков Михайлович (1888–1970) – в 1931–1932 гг. сотрудник Экономического отдела ОГПУ при СНК СССР, в 1932–1933 гг. помощник начальника Главной инспекции Главного управления рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ при СНК СССР.

² Попов Николай Васильевич (1889–?) – в 1929–1930 гг. советский торгпред в Польше, в 1930–1932 гг. член совета Торгпредства СССР в Германии.

³ Карпов Виктор Зиновьевич (1895–1937) – в 1927–1934 гг. член Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б).

⁴ Возможно, Кучин Витольд Владиславович – в 1927 г. сотрудник “Экспорт-хлеба”; или Дмитрий Иванович – в 1928 г. сотрудник “Госпродцветмета”.

⁵ Печерский Лев Филиппович – сотрудник Наркомторга СССР.

⁶ Возможно, Вольфсон Арон Соломонович – сотрудник Нефтеиндиката; или Сергей Владимирович – сотрудник Машиностреста.

⁷ Возможно, Машкевич А.Г. – в 1936 г. начальник планово-технической инспекции Главного управления металлургической промышленности НКТП СССР.

⁸ Возможно, Герцберг Владимир Александрович – в 1930 г. сотрудник Рувасторга.

⁹ Петров Ф.С. – в 1927–1930 гг. член ЦКК ВКП(б).

¹⁰ Михайлов Иван Константинович – в то время председатель правления Авиатреста.

¹¹ Савцов Яков Григорьевич – в 1929 г. член ЦК Всероссийского союза рабочих-металлистов.

¹² Борисов А.А.

¹³ Румянцев Георгий Кузьмич (1893–1933) – в 1930–1933 гг. член Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б).

¹⁴ Гойзман Абрам Самуилович – в 1929–1930 гг. сотрудник НКРКИ СССР.

¹⁵ Возможно, Рошаль У.Б. – в 1931 г. начальник управления Всесоюзного объединения по экспорту животного сырья и отходов (“Разноэкспорт”).

¹⁶ Киселев Федор Георгиевич (1894–1938) – в 1929 г. возглавлял “Днепрострой”, в 1930-х годах председатель Всесоюзного объединения “Технопромпорт” Наркомата внешней торговли СССР.

¹⁷ Возможно, Шабловский Федор Иванович – в 1929 г. сотрудник “Маслоцентра”.

¹⁸ Розов Николай Иванович – в 1930 г. сотрудник “Эмбанефть”.

¹⁹ Амброжис Болеслав Викентьевич – в 1936 г. председатель Всесоюзного объединения по фрахтованию иностранных судов “Совфрахт”.

²⁰ Точнее Пратнек Карл Эдуардович – в 1929–1930 гг. сотрудник Всесоюзного текстильного синдиката.

²¹ Гончарова Евгения Александровна – в 1929 г. сотрудник Всесоюзного синдиката “Соль”.

²² Возможно, Надежин Алексей Алексеевич (1889–?) – профессор, сотрудник Института народного хозяйства.

²³ Горев Александр Александрович (1884–1953) – в 1920-е годы председатель Военного бюро Госплана СССР, член президиума Госплана СССР.

²⁴ Возможно, Векшин Иван Григорьевич.

²⁵ Возможно, Аликин П.Г.

²⁶ Козелев Борис Григорьевич (1891–1936) – с 1929 г. руководитель строительства ряда промышленных предприятий.

²⁷ Стефанов Н.В. – в 1936 г. сотрудник Наркомвнешторга СССР.

№ 231

*Постановление ЦК ВКП(б) “О черных металлах”**

П 41/8-с

5 июня 1931 г.
Строго секретно
Из “Особой папки”

8. Увеличить импортный контингент ВСНХ на 1931 г. на 500 000 тонн черных металлов.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 659. Л. 15. Копия.

№ 232

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О письме т. Пятакова”****

№ П 42/7-рс

8 июня 1931 г.
Строго секретно
Из “Особой папки”

1/7. Послать т. Пятакову следующую телеграмму:

“Письмо получили. Ответ сможем дать лишь по получении письменного предложения Вольфа”.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 659. Л. 24. Копия.

№ 233

*Справка заместителя торгпреда СССР в Германии Г.С. Биткера о ходе размещения советских заказов, приемке и транспортировке грузов из Германии в СССР*****

15 июня 1931 г.
Секретно
Экз. № 1

Справка****

1. Темп размещения заказов по комиссии т. Пятакова

Жалобы некоторых товарищей на недостаточный темп размещения заказов по так называемому 300-миллионному кредиту

* Вопрос представлен А.П. Розенгольцем. Выписка из протокола № 41 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 июня 1931 г., п. 8. Направлена А.П. Розенгольцу.

** Вопрос представлен И.В. Сталиным. Выписка из протокола № 42 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 8 июня 1931 г., п. 7. Направлена Г.Л. Пятакову.

*** *Штампы:* Прот[окол] ИБ № 44, п. 1/10.

**** Копии направлены И.В. Сталину, А.П. Розенгольцу, Г.К. Орджоникидзе, А.В. Озерскому, Г.Л. Пятакову.

мало обоснованы. Я считаю необходимым привести некоторые данные о ходе реализации 1931 г. без сельскохозяйственного импорта, кино и т.п. (в миллионах рублей).

Январь	– 22,2	
Февраль	– 28,3	
Март	– 26,6	
Апрель	– 18,9	
Май	– 35,0	131,0
10 дней июня	16,5	

Если будет сохранен темп заказов, взятый в первую декаду июня, то сумма заказов в июне на оборудование достигнет минимум 50 млн руб.

Я считаю, что темп заказов усилится и достигнет в июне 60,0 млн руб.

К этому надо добавить сделку на железо, которая будет оформлена во 2-й половине июня (300 тыс. тонн по 75 руб. в среднем с % и транспортными расходами) и составит сумму в 22,5 млн руб.

1. Таким образом июнь даст 82,5 млн руб.

2. В мае реализовано в Германии 8,5 млн руб.

3. Реализовано из портфеля Пятакова в других странах около 5 млн руб.

Итого на 1.07 будет реализовано около 95,0 млн руб.

При подобном и даже несколько более слабом темпе реализации будет заказано в июле и августе еще на сумму не менее 100 млн, и таким образом портфель Пятакова по 300-миллионному кредиту (170 млн руб.) будет выполнен к середине августа.

Всего на 1 сентября сумма выданных заказов в Германии (без сельхоз. и кино) составит (минимально)

с января по май	– 131 млн руб.
июнь	– 80 млн руб.
июль	– 50 млн руб.
август	– 50 млн руб.
сентябрь–декабрь	– 80 млн руб.
	<u>390 млн руб.</u>

Считая, что с 1.09 выдача заказов значительно сократится и упадет (минимально) до 20 млн руб. в месяц, получим годовую сумму реализации заказов в 1931 г.

в 390 млн руб.
 против 235 млн руб. в 1930 г.
 Прирост в 155 млн руб. = 335 млн марок

Это минимальный вариант.

Стремление т. Пятакова еще более усилить темп реализации повлечет за собой ухудшение качества работы и может повлечь за собой:

- 1) недостаточную проработку заказов с технической точки зрения,
- 2) преждевременное скопление оборудования зимой с угрозой порчи,
- 3) транспортные затруднения.

Надо еще иметь в виду, что уровень цен сейчас на 10–12% в среднем ниже тех цен, по которым мы покупали полгода тому назад (за исключением железа и труб).

Таким образом, 300 млн марок, равных 140 млн руб., комиссия Пятакова фактически купит за 120–125 млн.

Необходимо предложить т. Пятакову не слишком форсировать выдачу заказов и 300-миллионную операцию закончить к 20–25 августа.

Я опасаюсь, однако, что в июле мы встретимся в Германии с финансовыми затруднениями у фирм и допускаю возможность невыполнения 300-миллионного соглашения по вине немецких фирм.

2. Кадры импортных отделов торгпредства.

Всего 250 человек. Если исключить сельхозотдел, кино, текстильимпорт и кожимпорт, а также 45 машинисток, то окажется, что в импортных отделах торгпредства работает около 175 сотрудников, а в комиссии Пятакова 230 (исключительно инженеры-хозяйственники).

Вот краткая характеристика:

1) Директоров и зав. отделами:

Герцберг бывший председатель “Электротока” ¹	с 1927 г.
в Ленинграде	
Абель ² бывший член ЦКК	с января 1930 г.
Савцов бывший член ЦК металлистов	февраля 1930 г.
Киселев с Днепроostroя	март 1930 г.
Михайлов с “Авиатреста”	октябрь 1930 г.
Рыменов ³	март 1930 г.
Аликин (из ВЭО)	май 1930 г.

Из них только первые два говорят по-немецки.

Все члены партии. Никто из них не мог пропитаться таким духом, чтобы пропускать в первую очередь заказы импортных объединений, а не ВСНХ.

Это обвинение основано на очень поверхностных и поспешных суждениях. Действительная причина реализации в мае 28 млн вне комиссии Пятакова и 8 по комиссии Пятакова объясняется исключительно двумя причинами:

а) знание инженером торгпредства прорабатываемых им спецификаций,

б) непроработанностью материалов комиссии Пятакова.

2) Инженерного состава и заведующих группами:

Беру 5 основных отделов.

Прибывших и работающих

	До 1929 г. включительно	В 1930 г.	В 1930 г.	Всего
“Металлоимпорта”	3	10	2	15
“Электроимпорта”	4	5	2	11
“Станкоимпорта”	4	3	—	7
“Химимпорта”	3	4	—	7
“Технопроимпорта”	4	10	3	17
	18	32	7	57
	32%	56%	12%	

Из этих 57 инженеров и заведующих группами:

Членов ВКП(б) 36 или 63%

Членов Германской компартии 6 11%

Беспартийных 15 26%

Мне кажется, что “прослойка” в 74% коммунистов гарантирует безоговорочное и полное выполнение активом берлинских импортных отделов директив партии.

3. Наблюдение за выполнением заказов

Комиссия и торгпредство заказы выдадут. Не обеспечено наблюдение за выполнением заказов. Наведение справок о ходе исполнения заказов, времени сдачи и приемки, отправки и т.п. вопросы нельзя возложить на инженеров торгпредства. Это делали корреспонденты, которые все из берлинского торгпредства переведены в импортные объединения.

Расчеты за поставленное оборудование тоже должны идти через импортные объединения.

Решение в этом смысле необходимо вынести немедленно, ибо доставка оборудования начнется в ближайшие недели, и ни берлинскому торгпредству, ни промышленным объединениям в такой короткий срок создать нового аппарата не удастся.

Весь архив комиссии ВСНХ по выданным заказам должен быть оставлен в отделах торгпредства.

4. Приемка оборудования

ВСНХ должно немедленно дать берлинскому торгпредству не менее 75 приемщиков для приемки оборудования. Если немцы почувствуют, что мы приемки не производим, то они могут ухудшать качество материала.

ВСНХ и НКВнешторг вместе с импортными объединениями должны дать распределение приемщиков по специальностям, а ВСНХ в 10-дневный срок выделить их с заводов и объединений и оформить их выезд за границу:

20 человек	для станков
2 человека	для кранов
2 человека	для экскаваторов
5 человек	для компрессоров
2 человека	для насосов
3 человека	для дизелей
5 человек	для химического оборудования
3 человека	для строительного оборудования
5 человек	для металлургического оборудования
10 человек	для электропромышленности
10 человек	для железа
8 человек	для разных

Указанные приемщики должны быть командированы на 6 месяцев вместе с женами.

5. Транспортные вопросы

Я подчеркиваю только два вопроса – перевозку железа, рельс и труб и перевозку огнеупорного материала.

В 3-м квартале мы, кроме купленного в Польше и Чехословакии железа, идущего железнодорожным путем, должны из Роттердама и немецких портов провезти:

	300 тысяч тонн железа
	100 тысяч тонн рельс для НКПС
	100 тысяч тонн рельс для ВСНХ
	100 тысяч тонн труб (НКПС и ВСНХ)
не менее	150 тысяч тонн огнеупоров

Всего 750 тыс. тонн или по 250 тыс. тонн в месяц, что даст (при 20 тыс. загрузки на вагон)

$$250\ 000 : 20 : 30 = 415 \text{ вагонов ежедневно.}$$

Может быть, следует сейчас же обсудить вопрос о направлении части грузов на Ревель и Ригу.

Необходимо немедленно назначить уполномоченных Внешторга, НКПС или ОТО за наблюдением за перегрузкой импортных грузов в портах, максимум которой совпадает с началом хлебного экспорта.

Надо обеспечить эту работу не только вагонами, но и грузчиками.

На таких станциях, как Негорелое, надо проложить немедленно дополнительные пути и поставить 3–4 подвижных магнитных крана (чтобы не перевязывать железо).

Самая выдача заказов не должна быть форсирована, если немедленно не будут разрешены вопросы, связанные с предварительным освоением заказываемого оборудования (приемка, доставка, расчеты).

Биткер

Помета: т. И. Сталину.

Резолюция И.В. Сталина на приложенной записке Г.С. Биткера с просьбой о приеме для личного доклада: Поставить в ПБ. Имеется в виду конец записки (транспорт). И. Ст[алин].

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 659. Л. 47–49 об. Подлинник.

¹ Речь идет о Ленинградской электростанции “Электроток”.

² Абель Ян Карлович (1895–?) – в 1924–1927 гг. член ЦКК ВКП(б), в 1928–1929 гг. секретарь, член президиума, заместитель председателя МОПР, в 1930–1932 гг. сотрудник Торгпредства СССР в Германии.

³ Возможно, Рыманов Томас Григорьевич – в середине 1930-х гг. начальник Волжского управления Гражданского воздушного флота.

№ 234

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О записке т. Биткера”**

№ П 44/10-рс

20 июня 1931 г.
Строго секретно
Из “Особой папки”

1/10. Поручить ВСНХ СССР и Наркомвнешторгу в декадный срок доложить в Политбюро о том, как они предполагают организовать прием, транспортировку и сдачу грузов, идущих из Германии по нашим заказам.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 659. Л. 46. Копия.

* Вопрос представлен И.В. Сталиным. Выписка из протокола № 44 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 июня 1931 г., п. 10. Направлена Г.К. Орджоникидзе, А.П. Розенгольцу.

№ 235

*Телеграмма члена коллегии
Наркомвнешторга СССР А.А. Киссина в НКВД СССР
о заключении преференциального торгового договора
между Германией и Румынией*

№ 6620

26 июня 1931 г.
Женева
Сов. секретно

Москва, НКВД

Копия Сталину, Розенгольцу, [в] Берлин.

Германский делегат Поссе в беседе с нами сообщил содержание согласованного с румынами преференциального торгового договора. Румыны получают скидку с германских тарифов на ячмень в 50, на кукурузу в 60. Префрежимом пользуются в количестве, соответствующем среднему румынскому ввозу в прошлом году. Поссе отмечает, что для этого потребуют согласия стран, пользующихся в Германии наибольшим благоприятствованием. Мы сказали Поссе, что договор наносит ущерб советскому ввозу в Германию, что особенно недопустимо в момент расширения советских закупок в Германии. При слагающейся на хлебном рынке обстановке потеря значительной части хлебного рынка Германии является для нас очень чувствительной. Полагаем необходимым заявить в Берлине протест против заключения договора, добившись в крайнем случае получения от Германии преференций в области ввоза нашего зерна.

Киссин
Преображенский¹

Штамп: Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 659. Л. 60. Заверенный дешифрант.

¹ Преображенский Евгений Алексеевич (1886–1937) – в 1924–1927 гг. заместитель председателя ГКК при СНК СССР, затем в системе Госплана СССР, на дипломатической работе, в 1932–1936 гг. член коллегии Наркомлегпрома СССР.

№ 236

*Записка Н.Н. Крестинского И.В. Сталину
с просьбой обсудить на заседании Политбюро ЦК ВКП(б)
вопрос об экспортных переговорах с Германией*

№ К/22935

27 июня 1931 г.

Секретно

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)

Тов. Сталину*

Уважаемый товарищ,

В телеграмме из Женевы, адресованной в Москву и Берлин, тов. Киссин сообщает со слов германского делегата Поссе содержание германо-румынского соглашения о преференциальных таможенных тарифах и предлагает нам обратиться к германскому правительству с требованием распространить и на нас льготы, предоставленные Румынии.

О том же телеграфирует из Берлина тов. Хинчук, причем его телеграмма является, по-видимому, откликом на телеграмму Киссина.

Я обращаю Ваше внимание на то, что поставленный тов. Киссиным вопрос является одним из основных вопросов содержания наших переговоров с Германией об улучшении условий нашего экспорта. Нельзя вопрос о германо-румынском соглашении выделить из общего вопроса, но в то же время невозможно больше откладывать наших экспортных переговоров с Германией.

Ввиду этого я прошу вопрос об экспортных переговорах, давно уже стоящий на повестке Политбюро, непременно заслушать на ближайшем заседании.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

Резолюция И.В. Сталина: Поставить в ПБ.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 659. Л. 76. Подлинник.

* Копии направлены А.П. Розенгольцу, Л.М. Карахану, Б.С. Стомонякову.

*Записка А.П. Розенгольца И.В. Сталину
о необходимости добиваться от Германии
заключения соглашения по преференциальным
таможенным тарифам для советских товаров*

№ 262

28 июня 1931 г.

Секретно

Экз. № 1

Политбюро ЦК ВКП(б)

Генеральному секретарю – тов. Сталину

СНК СССР – тов. Молотову

Из полученных из Женева и Берлина сведений видны некоторые подробности соглашения по преференциальным тарифам, заключенного между Германией и Румынией. Румыния получила скидку с таможенных пошлин в 50% на ячмень и в 60% на кукурузу. По преференциальному режиму будет пропущено количество, соответствующее румынскому ввозу в прошлом году.

В связи с существующим торговым договором между нами и Германией, предоставляющим нам наибольшее благоприятствование, Германии придется вступить с нами в переговоры по поводу нашего согласия на установление преференциальных тарифов в отношении Румынии. Обычно в таких случаях Германия выдвигает предложение распространить на соответствующую страну, пользующуюся наибольшим благоприятствованием, преференциальные тарифы на такое же количество, на какое преференциальный режим представлен стране, с которой заключен преференциальный договор.

В 1930 г. по данным немецкой статистики Румыния завезла в Германию кукурузы 132 тыс. тонн против нашего ввоза в 3,5 тыс. тонн, ячменя – 774 тыс. тонн, против нашего ввоза в 409 тыс. тонн (в отношении кукурузы следует отметить, что количество ее ввоза в Германию определяется не столько размером таможенной пошлины, сколько тем, что в Германии имеется государственная монополия по импорту кукурузы. Поэтому нам необходимо ставить вопрос не только об уравнивании пошлины на ввозимую нами кукурузу с пошлиной на румынскую кукурузу, но и о закреплении за нами соответствующего контингента ввоза).

Добиться серьезных позиций для нашего хлебного экспорта мы сможем только в процессе генеральных переговоров с германским правительством по поводу нашего экспорта в Германию.

Ранес нами был представлен проект предложений по переговорам с германским правительством по вопросам экспорта СССР в Германию. Необходимо на ближайшем заседании ПБ утвердить представленный нами проект с тем небольшим изменением, которое нами вносится, согласно приложения. Это даст нам возможность добиться в переговорах с немцами тех мероприятий, которые обеспечили бы за нами ту долю германского хлебного рынка, которая нам необходима для выполнения нашего экспортного плана.

А. Розенгольд

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 659. Л. 64–65. Подлинник.

Приложение

Проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о переговорах по вопросам экспорта товаров СССР в Германию

28 июня 1931 г.

Сов. секретно

Экз. № 1

1. Поручить НКВТ и НКИД вступить с германским правительством в переговоры по созданию благоприятных условий для размещения в Германии советских товаров.

2. При этих переговорах добиваться:

а) предоставления германским правительством Советскому Союзу закупочных контингентов по зерновым продуктам, шпалам и нефтепродуктам;

б) распространения на ввозимые из Советского Союза кукурузу и ячмень тех же таможенных скидок на те же количества, какие предоставлены Германией Румынии по преференциальному договору с последней, с компенсацией в последующие годы невыполненного контингента 1931 г.;

в) предоставления таможенных контингентов по маслу, автопневматике и некоторым видам лесоматериалов;

г) предоставления конвенционных скидок, а также закрепления существующих ставок по лесоматериалам, резиновой обуви, икре, битой птице, яйцам, бобовым культурам.

3. В случае затяжки переговоров германским правительством и проявления им неуступчивости в виде контрмеры Наркомвнешторгу замедлить размещение в Германии заказов.

4. Ведение переговоров поручить гг. Стомонякову и Бессонову.

Виза А.П. Розенгольца.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 659. Л. 66. Подлинник.

№ 238

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О заводе АМО"**

№ П 46/13-29-с

30 июня 1931 г.
Строго секретно

Принять представленный комиссией т. Андреева проект постановления ЦК о реконструкции завода "АМО" (см. приложение).

Секретарь ЦК

Приложение

О реконструкции завода "АМО" (Предложения комиссии т. Андреева, утвержденные Политбюро ЦК 30. VI. 1931 г.)

7. – Решение – особая папка.

8. – Решение – особая папка.

9. – Обязать "Шарснаб"¹ под личной ответственностью т. Жука² обеспечить своевременную доставку на завод "АМО" шариковых и роликовых подшипников, в пределах отпущенных контингентов и в сроки, установленные в договоре.

17. Считать необходимым постановку производства на "АМО" трехосных машин. Предложить ВСНХ и НКВоенмору внести свои окончательные предложения в ПБ в декадный срок, установив программу выпуска в 1931/32 г. и потребное количество средств для приобретения импортного оборудования.

19. На примере "АМО" ЦК констатирует неудовлетворительность приемки оборудования за границей, в результате чего целый ряд предметов импортного оборудования приходится по прибытии на заводы переделывать, ЦК обязывает:

а) НКВвнешторг организовать при Амторге и берлинском торгпредстве технически грамотные аппараты по приемке иностранного оборудования из числа наиболее проверенных и посланных из Союза работников, возложив на эти аппараты наблюдение за выбором заказываемого оборудования, изготовлением и предварительным испытанием его на заграничных заводах-поставщиках. ВСНХ СССР обеспечить приемочные аппараты заграничных торгпредств необходимыми работниками.

* Вопрос представлен А.А. Андреевым. Выписка из протокола № 46 заседания Политбюро ЦК 30 июня 1931 г., п. 29.

б) Считать необходимым привлечение заводов СССР, для которых заказывается импортное оборудование, к участию в наблюдении за изготовлением оборудования и его приемкой путем посылки за границу квалифицированных работников самих заводов.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 639. Л. 104 об. Копия.

¹ Техношарснаб – Контора по техническому обслуживанию и снабжению народного хозяйства СССР шарико- и роликотодшипниками, трансмиссиями и буксами.

² Жук Александр Васильевич – в то время возглавлял Техношарснаб.

№ 239

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б)

*“О переговорах с немцами по вопросам экспорта в Германию”**

№ П 46/27-рс

30 июня 1931 г.

Строго секретно
Из “Особой папки”

11/27 Принять с поправкой предложения Наркомвнешторга (см. приложение).

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 659. Л. 62. Копия.

Приложение

Предложение Наркомвнешторга СССР

“О переговорах с немцами по вопросам экспорта в Германию”

30 июня 1931 г.**

1. Поручить НКВТ и НКИД вступить с германским правительством в переговоры по созданию благоприятных условий для размещения в Германии советских товаров.

2. При этих переговорах добиваться:

а) предоставления германским правительством Советскому Союзу закупочных контингентов по зерновым продуктам, шпалам и нефтепродуктам;

* Вопрос представлен А.П. Розенгольцем, Н.Н. Крестинским. Выписка из протокола № 46 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 июня 1931 г., п. 27. Направлена А.П. Розенгольцу, Н.Н. Крестинскому.

** Дата утверждения.

б) распространения на ввозимые из Советского Союза кукурузу и ячмень тех же таможенных скидок на те же количества, какие предоставлены Германией Румынии по преференциальному договору с последней, с компенсацией в последующие годы невыполненного контингента 1931 г.;

в) предоставления таможенных контингентов по маслу, автопневматике и некоторым видам лесоматериалов;

г) предоставления конвенционных скидок, а также закрепления существующих ставок по лесоматериалам, резиновой обуви, икре, битой птице, яйцам, бобовым культурам.

3. В случае затяжки переговоров германским правительством и проявления ими неуступчивости в виде контрмеры Наркомвнешторгу замедлить размещение в Германии заказов.

4. Ведение переговоров поручить гг. Хинчуку и Любимову.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 659. Л. 63. Копия.

№ 240

Записка И.Е. Любимова

*в ЦК ВКП(б), ВСНХ СССР, НК РКИ СССР, НКВТ СССР
"О финансовом положении в Германии и о наших заказах"*

№ 51/2467

12 июля 1931 г.

Секретно

Секретарю ЦК ВКП(б)

т. Сталину

Председателю ВСНХ СССР

т. Орджоникидзе

НК РКИ – ЦК ВКП(б)

т. Андрееву

НКВТ СССР

т. Розенгольцу

1. Положение Рейхсбанка. За последнее время утечка золота из Германии приняла катастрофические размеры. За июнь месяц германский Рейхсбанк потерял девиз на сумму 1,4 млрд марок. За первую неделю июля 200 млн марок. За текущую неделю по 10 июля включительно 150 млн марок. Всего с начала июня 1,7 млрд марок. В результате последний баланс Рейхсбанка на 7 июля вынужден рядом искусственных мер скрывать ясный даже для социал-демократической прессы факт снижения золотого покрытия ниже установленной законом нормы. Рейхсбанк исчерпал целиком предоставленный ему в конце июня кредит 4-х заграничных банков в 100 млн долларов. Он вынужден был далее затронуть неприкосновенный кредит Голддисконт-банка в Америке в 50 млн долларов. 6 июля, когда утечка девиз достиг-

ла 80 млн марок за день, Совет Рейхсбанка обсуждал вопрос об официальном переходе за установленное законом золотое покрытие в 40%. Если сейчас Лютер не привезет с собой из-за границы нового краткосрочного займа, Рейхсбанк будет вынужден либо понизить золотое покрытие, либо провести жесточайшую рестрикцию* всех кредитов и уменьшить обращение банкнот. Первый путь тождественен с началом инфляции, о которой совершенно откровенно начинают говорить в Германии. Второй путь ведет к окончательному свертыванию и без того уже из рук вон плохо работающей немецкой промышленности со всеми вытекающими отсюда последствиями. Из прессы Вы уже знаете, что перспективы получения краткосрочного займа не особенно положительны. Франция требует за заем целого ряда неприятных компенсаций.

2. Положение частных банков. По подсчетам частные банки потеряли за июнь месяц около 0,5 млрд девиз, не считая сокращения счетов ностро** немецких банков в других странах. В результате целый ряд немецких крупнейших банков оказывается в чрезвычайно тяжелом положении. Все газеты сообщают о пошатнувшемся положении “Данат-банка” (“Дармштедтер и Националбанк”), значительные средства которого (говорят) около 80 млн были вложены в крахнувший на этой неделе крупнейший шерстяной концерн Германии “Нордволле” с его чудовищным дефицитом в 200 млн марок. Последние сведения говорят, что государство пытается через “Рейхскредитгезельшафт” спасти “Нордволле”, опасаясь, по-видимому, что за ним последует крах целой серии банков и фирм. Даже гиганты немецкой кредитной системы – “Дедибанк” и “Дрезднер банк” вынуждены накануне ультимо*** обращаться за помощью даже к нашим скромным финансовым институтам в Германии Гаркребо и представительству Госбанка. О том, что частные банки ведут жесточайшую рестрикцию кредитов, в особенности по отношению к мелким фирмам, видно будет из дальнейшего изложения.

3. Положение бюджета: у государства, у общин, у городов.

В основу июльских нотферорднунгенов Брюнинга был положен следующий расчет дефицитов. Дефицит госбюджета 574 млн марок. Дефицит по поддержке безработных 785 млн марок. Дефицит провинций и общин 1 040 млн марок. Всего бюджетных дефицитов 2 399 млн марок. Нотферорднунги Брюнинга должны дать по расчетам правительства 1 661 млн марок. Таким образом, даже

* Ограничение (лат.).

** Ностро-контто (итал.) – наш счет, банковские корреспондентские счета.

*** Последний день месяца (в банковской терминологии) (итал.).

при условии 100% проведения программы Брюнинга остается дефицит в 738 млн марок, который всей своей тяжестью падает, главным образом, на провинции и общины. Чтобы завершить картину нужно отметить, что германские железные дороги предполагают окончить этот год с фактическим дефицитом в 400 млн марок.

Кроме текущих дефицитов над всеми упомянутыми институтами тяготеет громадная краткосрочная задолженность. На 1 апреля краткосрочная задолженность госбюджета по иностранным займам составляла 525 млн марок, по внутренним займам 1 165 млн марок. Прямая краткосрочная задолженность провинций составляла 201 млн марок. Краткосрочная задолженность крупных городов на тоже число 1 674,9 млн марок.

Германское Министерство финансов делает вид, что у него все в порядке. Так, вчера оно громогласно заявило, что оно не собирается пролонгировать занятые в конце июня у германских банков на срок до 16 июля 184 млн марок, а уплатит их. Однако, не исключена возможность, что эта декларация останется без реализации, так как никто еще не в состоянии сейчас сказать, как пойдет выполнение нотферорднунгов Брюнинга. Все говорит за то, что при продолжающемся ухудшении дел в германской промышленности база для реального осуществления налоговых и прочих мероприятий, предусмотренных в нотферорднунгах, с каждым днем сокращается.

Совершенно катастрофично положение германских общин. Выше мы видели, что на них падает вся тяжесть дефицита. А между тем, согласно нотферорднунгам, общины должны взять на себя дополнительную поддержку безработных, снимаемых с госпособий. В результате целый ряд общин уже объявил себя банкротами (Мангейм) и прекратил вообще всякие платежи.

Последние дни обнаружили, что берлинские финансы стоят также накануне краха. Берлин оказался почти не в состоянии покрыть очередные платежи по краткосрочным долгам в 140 млн марок. Вся печать с напряжением следила, удастся ли Берлину найти до субботы (11 июля) последние 8 млн марок.

При таких условиях неудивительно, что французы, прежде чем разговаривать с Лютером о кредитах, потребовали некоторого приведения в порядок внутренних финансов Германии*.

4. Положение германской промышленности и наши заказы

Финансовое положение германской промышленности не поддается столь ясному анализу, как положение банков и бюджета.

*Сегодняшние (12.07) газеты принесли известие о нсудаче поездки Лютера. Биржа катастрофически пошла вниз. Отлив девиз 50 млн марок за 11.07. (Примеч. док.).

Приходится основываться на косвенных показателях, прежде всего на курсе акций германской промышленности. Групповой индекс германской машиностроительной промышленности, который еще в 1929 г. стоял на уровне 107% (номинальная стоимость акций принимается за 100) – падает до 95% в 1930 г. (высшая котировка) и до 67% (высшая котировка) в 1931 г. 1 июля 1931 г. этот индекс составлял 54%, 8 июля – 52%.

Финансовые затруднения немецкой промышленности лучше всего прощупываются на затруднениях с финансированием наших заказов. Едва ли подлежит хотя малейшему сомнению тот факт, что мы сейчас являемся крупнейшим заказчиком для германской тяжелой промышленности, для германского машиностроения и электростроения. Из множества признаний этого факта, мы отметим лишь следующее суждение: “Берлинер Тагеблат” в конъюнктурном обзоре за июнь месяц т.г.: “С мирохозяйственной точки зрения Советский Союз представляется единственным еще оставшимся клапаном для совершенно застопорившегося сейчас экспорта индустриальных стран” (12 июня 1931 г.). В еще большей степени вырастает значение советского экспорта сейчас, когда угрожают прекращением заказов Франции в счет репараций.

И тем не менее, при всей важности и жизненной необходимости советских заказов для германской промышленности, последняя в ряде своих существенных звеньев оказывается не в состоянии взять на себя наши заказы в связи с трудностями финансирования. Здесь находит себе одно из наиболее ярких выражений кризис всей германской кредитной системы, поскольку она опиралась на частные связи германских банков и германских фирм с заграничными более сильными финансовыми учреждениями.

5. Трудности финансирования наших заказов в Германии

При заключении соглашения от 14.04.1931 г. вопрос о финансировании наших заказов не был предметом обсуждения. Молчаливо предполагалось, что проблема финансирования есть внутреннее дело германской промышленности, поскольку последняя берет на себя дополнительные заказы. При всем том Кремер, однако, официально информировал нас о том, что для обеспечения финансирования наших заказов “Голддисконт-банк” выделил в дополнение к уже ранее задолженным в советских векселях 94 млн марок еще 100 млн марок специально на финансирование наших новых заказов, более конкретно на редисконт*

* Редисконт – пересчет векселей банками с вычетом процентов за истекшее до срока время.

наших векселей. Тем не менее, очень скоро обнаружилось, что уже в конце мая ГДБ отказывался принимать к переучету наши векселя вследствие полного исчерпания дополнительной суммы в 100 млн марок. Оказалось, что эту сумму расхватили еще до начала наших дополнительных заказов немецкие банки и крупнейшие фирмы для переучета на льготных условиях наших старых векселей. Тем самым, для новых векселей наших не осталось уже места. Все дальнейшие попытки организовать новый консорциум для финансирования наших заказов наталкивались на невозможность организовать редисконт в ГДБ. Одно время ГДБ как будто бы согласился выделить для редисконта некоторую часть имевшегося у него американского кредита в 50 млн долларов. Однако наступивший вслед за этим кризис в Рейхсбанке заставил ГДБ употребить американские кредиты в первую очередь на поддержку Рейхсбанка. Таким образом, концерн не состоялся, и финансирование наших заказов было предоставлено исключительно связям отдельных фирм. Легко понять, что при этом крупные фирмы оказались в относительно благоприятном положении, и под удар попали, главным образом, мелкие и средние фирмы, прежде всего, в области станкостроения и технопромимпорта.

Чтобы дать представление о положении средних фирм, приведем одно типичное письмо фирмы "Эбергардт Геш" от 3 июля 1931 г. Фирма пишет: «Согласно полученных нами в свое время информации делу финансирования русских заказов ничто не стояло на пути. С тех пор, однако, условия изменились самым резким и катастрофическим образом. Ни "Голддисконт-банк", ни другие частные банки не в состоянии дать нам новые кредиты. Это уже не единичный случай, но, к сожалению, общая печальная картина всей германской промышленности. Если даже подоспел американская помощь, то, по нашему мнению, едва ли можно ожидать устранения кредитных затруднений, так как финансовое положение государства и банков чрезвычайно плохо».

Торгпредство располагает сейчас целым рядом писем аналогичного порядка. Какие выводы делают отсюда фирмы? Прежде всего они затягивают подтверждение наших заказов. На 1 июля 1931 г. было выдано комиссиями ВСНХ заказов в Германии на сумму в 133 млн марок. На то же число было подтверждено фирмами заказов на сумму в 72 млн марок, т.е. 54%. Конечно, мы должны иметь в виду, что для подтверждения заказов нужен известный срок, мы считаем около 7 дней. Если учесть это обстоятельство, то окажется, что процент подтверждения заказов поднимается до 80%, так как в последние дни июня выдача заказов достигла громадных размеров, и подтверждение этим

заказам было уже в июле месяце. Тем не менее известная часть заказов, грубо говоря, около 20% затягивается подтверждением, причем основной причиной задержки фирмы выставляют поиски кредитных возможностей. Самый высокий процент подтверждения заказов дает “Химимпорт” (86%), затем “Цветметимпорт” (77,5%), наименьший – дает “Технопромимпорт” (17%) и “Машиноимпорт” (45%).

В поисках кредита фирмы вынуждены идти на более высокие учетные ставки. Целый ряд фирм сообщает, что банки принимают к учету даже гарантированные наши векселя по 12–14%. Ставка негарантированных векселей на черной бирже поднимается до 30%. Даже крупные фирмы вынуждены пользоваться услугами этого дорогого кредита. Так, по имеющимся у нас сведениям, “Борзиг” выбросил на рынок все наши векселя на очень большую сумму со средней учетной ставкой в 30%. Полностью проверить эти сведения нам не удалось.

Ряд фирм и притом наиболее серьезных и добросовестных – “Демаг”, “Шиз-Дефриз”, “Вайнгартен”, “Вальден” и др. лимитируют наши заказы определенной суммой, заявляя, что за пределы этой суммы они не имеют права выйти, если не желают вообще рисковать. “Вайнгартен” заявил, что он ограничивает приемку наших заказов суммой в 2 млн марок. То же самое “Вальден”. “Демаг” недавно предложил нам из всей суммы предназначенных ему еще заказов выбрать любую часть с одним только условием, чтобы она не была больше 1 млн марок. За эти пределы он не имеет права выходить. Хотя всего у “Демага” имеется уже наших векселей на 30 млн марок.

Некоторые фирмы вообще отказываются от принятия наших заказов за отсутствием возможности финансирования. Так, например, мы не можем по этим причинам разместить заказ на двери для коксовых печей. “Вольф” отказался от этого заказа в 2 млн марок, “Вильгельм” от такого же заказа в 600 тыс. марок.

Подавляющее большинство фирм пытается использовать затруднения с финансированием наших заказов для того, чтобы добиться от нас улучшения условий заказа в свою пользу. Под предлогом трудностей финансирования фирмы требуют либо повышения цен (некоторые фирмы до 30–44% – фирма “Вайнгартен”), либо сокращения срока кредита против установленных (“Бенц”, “Эггерт” и др.), либо отказываются от сделанных ранее скидок (“Оронштам” и “Коппель” и др.), либо вообще предлагают поставлять товар за наличные или трехмесячными векселями. Некоторые фирмы требуют возвращения к старой форме краткосрочных векселей с пролонгацией.

Часть фирм заявляет о том, что она начнет исполнение договоренного заказа лишь после того, как ей удастся добиться учета наших векселей. Некоторые фирмы, подтверждая заказ, заявляют, что срок поставки они будут считать с момента получения ими кредита. Разумеется, мы считаем все такие оговорки за неподтверждение заказа.

Почти все фирмы, за исключением 3—4 фирм, отказываются давать нам банковское обеспечение по выдаваемым нами авансовым векселям. По заявлениям фирмы немецкие банки и, прежде всего, “Дедибанк”, отказываются принципиально от предоставления для нас гарантии по авансовым векселям для отдельных фирм. В связи с этим фирмы предлагают нам либо соло векселя*, которые в случае краха фирмы ничего не значат, либо передачи нам права собственности на закупленное ими для наших заказов сырье, либо, наконец, предлагают нам в качестве обеспечения всякого рода денежные документы.

подавляющее большинство фирм требует выставления векселей не в марках, а в долларах или, в крайнем случае, в фунтах и притом с домицилированием** не в Берлине, а непосредственно в Нью-Йорке или в Лондоне. В этом требовании может быть наиболее ярко сказывается абсолютное недоверие немецких фирм к немецкой валюте.

6. Чего можно ожидать в ближайшее время?

Никакого серьезного улучшения финансового положения Германии в ближайшее время ожидать не приходится. Краткосрочные кредиты, которые может получить Германия, уйдут на латание образовавшихся в результате последнего кризиса дыр. Кредиты, которые Германия может получить на основе коллективной ответственности 1060 немецких фирм, согласно последнего нотферорднунга, будут означать не расширение кредитных возможностей Германии, а превращение частной формы иностранного кредита Германии в “коллективную” с полугосударственной ответственностью ГДБ. Огосударствление частного кредита — вот как оценивает наиболее серьезная немецкая пресса эту попытку германской буржуазии. Тем не менее, не исключена возможность, что крупные фирмы, являющиеся хозяевами во вновь образованном гарантийном синдикате, используют часть получаемых кредитов (предполагая, что кредиты действительно будут получены) на финансирование также и наших заказов, поскольку эти заказы даются этим крупным фирмам. Таким образом, этот синдикат, не

* Вексель с подписью одного лица.

** Вексель с обозначением иного места платежа, а не местожительства векселедателя.

означая расширения финансовой базы под нашими заказами, будет означать дальнейшее обострение процесса вытеснения и средних фирм с работы с нами, который давно уже начался в Германии и который особенно обострился в связи с финансовым кризисом. Трезво взвешивая перспективы нашей работы с Германией, мы должны ожидать, таким образом, дальнейшего ухудшения условий нашей работы здесь.

Не исключена возможность, что по достижении нами цифры в 300 млн заказов (а это случится уже к 1 августа) германские промышленники придут к нам и скажут, что они считают соглашение выполненным. Намеки на такую перспективу довольно ясно проскальзывают в передовой статье официальной “Индустри и Хандельсцайтунг” от 6 июля, которая написана, очевидно, Мосдорфом¹ из Миннархоза. Копию этой статьи мы послали в свое время т. Орджоникидзе.

Однако еще до этого и притом во все возрастающем размере германские фирмы в розницу будут пытаться использовать финансовые затруднения для улучшения своих позиций в смысле цен, сроков кредита и условий расчета.

7. К вопросу о нашей позиции

После всестороннего обсуждения вопроса мы пришли здесь к следующей системе мероприятий, которые необходимо произвести в самое ближайшее время:

а) Дать еще раз инструкцию всем отделам, управлениям и комиссиям ВСНХ о категорическом отклонении каких бы то ни было попыток германских фирм по использованию финансовых затруднений в целях нажима на нас по линии цен, сроков кредита, условий платежа и расчета. Не допускать отклонений от договоренных 14 апреля условий, кроме особо исключительных случаев по специальному разрешению торгпреда.

б) Решительно усилить работу по передаче заказов в другие страны в интересах использования международной конкуренции для нажима на немецкие фирмы и в интересах обеспечения размещения заказов. В ближайшие 3 дня закончить составление плана использования зарубежных рынков для размещения заказов.

в) Ни в какой степени не сокращая достигнутого к настоящему времени темпа размещения заказов в Германии, произвести, однако, анализ оставшегося портфеля заказов на предмет выяснения той части, которая должна быть размещена в первую очередь как в Германии, так и в других странах.

г) Произвести немедленную проверку всех фирм, не подтвердивших заказы, в целях окончательного выяснения подтверждения части заказов.

д) Провести в ближайшие дни путем встреч с руководящими хозяйственными и финансовыми деятелями Германии всестороннее выяснение как финансового положения Германии, так и перспектив финансирования наших заказов, в частности и в особенности.

О ходе работы по размещению заказов

Для характеристики темпов размещения наших заказов в Германии приводим нижеследующие данные:

	Выдано заказов по 1.07 в марках	Выдано заказов с 1 по 10.07 включительно в марках	Итого выдано заказов по 10.07 в марках	Переведено и размещено заказов в других странах	Итого реализовано заказов по комиссиям ВСНХ по 10.07. включительно
“Машиноимпорт”	28 464	17 034	45 498		
“Станкоимпорт”	37 556	9 570	47 126		
“Цветмет”	25 454	14 870	40 324		
“Электроимпорт”	19 436	4 954	24 390		
“Химимпорт”	9 280	1 832	11 130		
“Текстильимпорт”	13 646	2 040	15 686		
“Сельхозимпорт”	10	–	10		
“Инторгкино”	2	–	2		
“Судоимпорт”	852	–	852		
Итого:	134 718	50 300	185 018	36 900	221 918
В том числе:					
оборудования	109 264	35 430	144 649		
металлов	25 454	14 870	40 324		
Кроме того, выдано заказов по лицензиям импортных объединений		12 094			
Итого за 10 дней июля		62 394			

Данные, приведенные выше, свидетельствуют о выполнении намеченного нами плана, и к 1 августа размещение заказов в счет 300-миллионного кредита, по-видимому, будет выполнено.

И. Любимов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 659. Л. 78–84. Подлинник.

¹ Мосдорф Хайнц (1886–?) – в то время чиновник Министерства народного хозяйства Германии.

№ 241

*Записка И.Е. Любимова
в ЦК ВКП(б), НКВТ СССР, ВСНХ СССР, НК РКИ СССР
“О финансово-кредитном положении Германии
и влиянии его на нашу импортно-экспортную работу”*

№ 51/2559

18 июля 1931 г.
Секретно

ЦК ВКП(б) т. Сталину
НКВТ СССР т. Розенгольцу
ВСНХ СССР т. Орджоникидзе
НК РКИ СССР т. Андрееву

І. О финансовом положении

Положение Рейхсбанка. Опубликованный 17 июля баланс Рейхсбанка на 15 июля, т.е. еще до закона о понижении золотого покрытия, показывает дальнейшее ухудшение резервов Рейхсбанка. Золотое покрытие уменьшилось в течение недели между 7 и 15 июля на 300 млн марок. Число обращающихся банкнот увеличилось на 51 млн марок. Таким образом, граница золотого покрытия опустилась уже 15 июля до 35,8%. Если присоединить сюда выпущенные в течение 16 и 17 июля в обращение новые 600 млн марок, то окажется, что к настоящему дню золотое покрытие Рейхсбанка составляет не более 31%.

О состоянии дела в частных банках. Сейчас нельзя составить ясного представления вследствие прекращения и затем ограничения их работы. Не подлежит, однако, сомнению, что положение частных банков всех без исключения очень тяжелое. Достаточно отметить, что накануне краха германская биржа отметила состояние частных банков резким понижением их курса. За две недели – от 24 июня до 11 июля курс “Берлинер Хандельс” упал со 106 до 102. Курс “Коммерц банка” со 103 до 100,5, “Данат-банка” – со 112,5 до 100, “Дрезднер банка” – 101 $\frac{3}{4}$ – 100, Рейхсбанк – 138 $\frac{1}{8}$ – 125 $\frac{1}{4}$. Последние дни определенно говорят о крахе вслед за “Данат-банком” также и “Дрезднер банка”. Мы уже сообщали, что он кюндиговал* нам все наши кредиты.

Положение бюджетных органов исключительно тяжелое. Государственный бюджет закончил, по последнему отчету, май месяц с дефицитом в 121 млн марок. Прусское правительство при составлении сметы на 32-й год обнаружило на днях, что его

* Объявил о расторжении (нем.).

дефицит в текущем году составит 511 млн марок, который ничем нельзя покрыть.

Саксонское правительство имеет за собой 200 млн марок текущих долгов, не говоря уже о бюджетном дефиците и т.п.

Положение общин особенно тяжелое, в особенности в эти дни, когда банки и сберегательные кассы не работают. Общины резко ставят перед правительством вопрос о разрешении им получать кредиты по ломбардным операциям (следует заметить, что ломбардный процент Рейхсбанка повышен до 15%).

Положение германской промышленности по данным за июнь представляется очень тяжелым. Из опубликованного отчета “Ферейнигте Штальверке” видно, что производство всех без исключения продуктов во 2-м квартале 1931 г. понизилось по сравнению с 1-м кварталом (уголь, кокс, железо, сталь), и равным образом уменьшилось число занятых рабочих. Последний отчет ФДМА говорит о том, что даже в наилучше занятой машиностроительной промышленности июнь не принес никакого облегчения. По данным государственной статистики, число безработных во второй половине июня и в первые дни июля возросло.

Для характеристики положения немецкой промышленности важно отметить не только резкое падение курса акций всех без исключения немецких промышленных предприятий на германской бирже накануне краха на 20–30 и даже 40% в течение двух недель, но, что в особенности важно, резкое падение курса немецких бумаг на иностранных биржах, прежде всего и раньше всего на американской.

С 10 по 15 июля курс 6 ½%-ного Сименсовского займа на бирже в Нью-Йорке упал с 90,5 до 73; 6%-ный “АЭГ” – с 80 ¼ до 60; 6 ½%-ный “Штальферейна” – с 70 до 49 ¼. В Голландии 7 ½%-ный “Штальферейна” упал за то же время с 70 ½ до 55. В Лондоне 7%-ный калийный заем упал с 97 ½ до 87.

Цены основных биржевых товаров – за последнее время вновь обнаружили резкую тенденцию к падению. Так, за период с 11 по 15 июля, т.е. последние 5 дней, цены на медь в Лондоне упали с 35 до 33 ¼ фунтов за тонну локо. Цены на цинк в Лондоне с 12 7/8 до 12 3/8 за тонну локо*. Олово в Лондоне – с 114 1/16 до 107 3/4 фунтов стерлингов за тонну локо. Цены на свинец в Лондоне – с 12 11/16 до 12 ¼ фунтов за тонну локо. Хлопок в Нью-Йорке – с 9,25 до 9,05 центнеров за фунт локо. Пшеница в Чикаго – с 52 3/8 до 51 5/8 центнеров за бушель.

* Термин, означающий, что товар продается по ценам того пункта, где он находился в момент заключения сделки.

Финансовые перспективы. Волна необоснованного оптимизма, прокатившаяся по биржам Европы в связи с надеждами на новый заем в 2 млрд марок для Германии, начинает проходить. Тяжелые экономические и политические требования, поставленные Францией в качестве условия для нового займа, делают исход переговоров по займу весьма проблематичным. Сверх того, по-видимому, заем предполагается сначала краткосрочный с последующим превращением в долгосрочный. Министр Тревиранус в своей речи 17.07 определенно заявил, что новый заем не представляет из себя расширения кредитных возможностей Германии, но есть лишь метод превращения краткосрочных обязательств в долгосрочные. Таким образом, совершенно ясно, что новый заем ни в какой степени не разрешает финансового положения Германии, а только затягивает начавшуюся катастрофу.

Общая утечка девиз из Германии до настоящего времени оценивается уже более, чем в 4 млрд марок, считая с начала года. Во вчерашней речи Неймана¹ фигурировала цифра 6 млрд марок. Продолжение начатой инфляции есть поэтому единственный путь для германской буржуазии.

II. О влиянии кризиса на наши импортные заказы

1. В связи с кризисом увеличилось неподтверждение фирмами выданных нами заказов. Если в июне месяце процент подтвержденных заказов колебался около 80%, то за первые 10 дней июля он упал до 64%. Таким образом более 1/3 фирм не подтвердили выданных им еще в июне месяце заказов. Основной мотив неподтверждения – затруднения с финансированием заказов и общая неопределенность положения. Наиболее плохо дело обстоит у “Технопромимпорта”, где подтверждено всего 22% всех заказов, что отчасти объясняется сложностью технических условий. Наилучшее положение у “Химимпорта”, где подтвержден 91% заказов, и у “Цветметимпорта” – 89%. Политика большинства фирм в настоящее время сводится к затягиванию переговоров. Ввиду того, что будущая неделя едва ли принесет ясность в финансовое положение Германии, следует ожидать и впредь такой же тактики со стороны фирм. Все без исключения отделы констатируют некоторую вялость, наступившую в развертывании заказов по вине самих фирм.

2. Почти все фирмы, за ничтожными исключениями, обнаруживают резкое недоверие к марке, как к платежному средству. Хотя официальные котировки расценивают марку по золотому паритету, тем не менее общеизвестно, что на английской бирже марка котируется на 25% ниже паритета, а в небольших сделках

соседних с Германией странах даже на 50% ниже паритета. Поэтому некоторые из фирм просто отказываются от каких бы то ни было разговоров, когда им предлагают оформить сделку в марках. Подавляющее большинство фирм требует сделки в долларах или, в крайнем случае, в фунтах. Некоторые фирмы требуют резкого повышения цен (до 20%) при сделках в марках.

3. Серьезное осложнение в работу внесло повышение учетного процента Рейхбанка до 10%. Хотя первая выписка процентных векселей должна начаться, согласно договора от 14 апреля, лишь через 6 месяцев после выдачи авансовых векселей и лишь через 3 месяца после выдачи основных векселей, тем не менее нет никаких оснований ожидать сколько-нибудь значительного понижения учетного процента к осени. В связи с этим требования фирм об оформлении сделок в долларах и фунтах ставят вплотную вопрос о том, какой учетный процент будет брать за основу при исчислении процентов по кредиту: немецкий, английский или американский. Мы взяли линию на то, чтобы за основу брался процент той страны, в валюте которой оформляется сделка. Однако, так как векселя учитываются фирмами, главным образом, в немецких банках, это требование встречает сильное противодействие со стороны последних. Мы надеемся достигать в этих вопросах компромиссного решения.

4. В связи с сильным сокращением оборотных средств Германии в результате кризиса сузились несколько возможности размещения заказов вообще. Крупные фирмы, располагающие возможностью финансирования наших заказов, до некоторой степени уже перегружены нашими поручениями и с большой разборчивостью относятся к дальнейшей загрузке. Что касается мелких и средних фирм, располагающих значительной пропускной способностью, то они сильнее всего страдают от кризиса и не располагают возможностями финансирования. Кроме того, совершенно естественно, что при размещении заказов в первую очередь были размещены те заказы, по которым полностью были проработаны все технические условия. Вполне понятно, что в число этих заказов попали относительно легкие с технической стороны заказы. Остающаяся для размещения часть по некоторым отделам ("Технопромимпорт") технически более сложна и, естественно, будет встречать более затруднений в размещении.

5. Наши выводы из сложившегося положения в общем сводятся к следующему:

а) Непрерывная проверка фирм, не подтвердивших заказы.

б) Проверка по заводам фактического хода выполнения заказов.

в) Усиление работы по переносу заказов в другие страны.
г) Решительный отпор фирмам по линии цен и сроков кредитов.

д) Обязательное требование обеспечения по авансовым векселям.

е) Требования уступок в ценах или в уровне процента при заключении сделок в долларах или фунтах.

6. Фактическое положение дела с заказами в Германии представляется в следующем виде:

1) За первые 16 дней июля выдано заказов комиссиями ВСНХ на 74 млн марок, т.е. по 5 млн марок в день по среднему расчету.

2) Всего комиссиями ВСНХ с начала реализации выдано заказов на 209 млн марок, т.е. более $\frac{2}{3}$ 300-миллионной акции.

3) За те же 16 дней июля выдано прочих заказов на 21 млн марок, или в среднем по $1\frac{1}{2}$ млн марок в день по среднему расчету.

4) За первые 16 дней июля передано было заказов в другие страны на 19,2 млн марок, т.е. на $1\frac{1}{4}$ млн марок в день по среднему расчету.

5) Всего с начала работы комиссий ВСНХ передано в другие страны 43,3 млн марок.

Быстрое размещение заказов в данное время вполне обеспечено теми темпами работы, которые развернуты и отделами торгпредства, и комиссиями ВСНХ.

Темпы дальнейшей работы упираются в финансовый кризис Германии и затруднительное финансово-кредитное положение фирм.

Не ослабляя нажима в отношении работы по Германии в тех пределах, в каких это при существующих условиях и положении фирм возможно, принимаем все меры к возможно большей передаче заказов на другие страны. Но, к сожалению, английские кредитные условия и возможности размещения заказов в Англии все еще не ясны вследствие полной противоречивости сообщений английского торгпредства.

Возможность переброски заказов во Францию пока еще отсутствует ввиду незаконченности переговоров; здесь необходимо принять меры к возможно скорому окончанию переговоров во Франции.

Возможности других мелких стран несколько ограничены, в особенности по линии разнообразия номенклатуры.

Одним из основных препятствий к быстрому развертыванию работы на другие страны – является отсутствие специалистов в наших торгпредствах.

В отношении специалистов-инженеров особенно срочно необходимо укомплектовать Англию, Францию и Италию. Принимаем меры к посылке в эти страны подкрепления из специалистов наших отделов и работников-специалистов комиссий ВСНХ.

III. О влиянии кризиса на наши экспортные операции

1) Уже в июне месяце условия сбыта некоторых из наших товаров существенно ухудшились. По большинству товаров (кожсырье, рыба, льно-пенька, лектехсырье, ковры, резиноизделия, антиквариат и др.) резко упали цены на 10, 15, 30%. В особенности тяжело сложилось дело по рыбным товарам, где “цены дошли до такого предела, какого не знала история рыбного рынка Германии за все последние годы. Тем не менее даже по этим ценам сбыта для всей завозимой рыбы нет, и громадное количество ее идет в утиль” (из отчета Рыбоотдела). В результате сдача товаров номенклатуры “Рыбоэкспорта” составила в июне всего 3% против плана. Также тяжело дело обстояло со спичками, с резиной, с лектехсырьем. Общая сдача товаров в июне составила 61,3% против плана.

2) Обострение финансового кризиса в первой половине июля вызвало ряд дальнейших затруднений. Ряд фирм оказался не в состоянии выкупать товар, в особенности, если расплата должна была производиться в иностранной валюте. Некоторые фирмы вообще подняли вопрос о расторжении заключенных сделок. Брокерская фирма “Гратенау” отказалась выкупить два прибывших с лесом парохода и предлагает складировать лес за наш счет. Фирма “Кац и Клумп” предлагает за лес вместо наличных трехмесячные векселя. “Бисмаркхютте” сообщил “Рудоэкспорту” о том, что не может производить следуемые платежи. Две крупнейших рыбных фирмы заявили о невозможности уплаты по законченным сделкам.

3) Наши мероприятия. В связи с обнаружившимися затруднениями нами усилена реализация экспортных товаров по другим странам. Нами предложено реализовать в Англии различных товаров на сумму 3,2 млн руб., во Франции на сумму 1,3 млн руб., в Италии на 425 тыс. руб., в Дании на 548 тыс. руб., в Чехословакии на 163 тыс. руб., в Швеции на 114 тыс. руб. и т.д. Таким образом в дополнение к июльскому плану нами передано другим торгпредствам товаров на 6 млн руб. В связи с этим мы произвели некоторую перегруппировку работников, усилив соответственно торгпредства других стран. Тем не менее вопрос об усилении состава работников по другим странам представляет сейчас одно из важнейших условий выполнения намеченного плана переноса экспорта в другие страны. Кроме того, мы решили ускорить реа-

лизацию товаров, в особенности заложенных в самой Германии, имея в виду прекращение банками ломбардных операций с нашими товарами и кюндиговки имевшихся кредитов. Само собою разумеется, что при этом мы не можем останавливаться перед продажей товаров в марках и иногда с известными потерями. Политика быстрой реализации имеющихся остатков и уменьшения залогов диктуется всей обстановкой. Независимо от этого по некоторым товарам мы вообще просили Москву прекратить отгрузку товаров под залог, а по лесу даже в счет некоторых договоров.

IV. О влиянии кризиса на наши финансовые дела

1) Основная опасность, стоящая перед нами в июле, августе и сентябре, это возможность отказа со стороны фирм в продлонгации выданных нами по старым заказам краткосрочных векселей. Таких векселей на эти 3 месяца у нас имеется 25 млн руб., в том числе 6 ½ млн руб., подлежащих продлонгации во второй половине июля. Пока мы имеем два мелких случая невыкупа фирмами своих векселей. Как дело сложится в дальнейшем – будет целиком зависеть от общего развертывания кризиса в Германии и от положения отдельных фирм. Имея в виду, что в числе векселей, подлежащих продлонгации в июле месяце имеется 0,5 млн руб., гарантированных крахнувшим “Донатбанком”, а также, имея в виду возможность некоторого прорыва по линии фирм, мы считаем целесообразным усилить Гаркребо на конец июля дополнительной суммой по возможным прорывам продлонгации общей суммой до 1 млн руб.

2. В связи с кризисом ряд германских банков кюндиговал* имевшиеся у них наши кредиты по экспортным операциям. 16 июля было кюндиговано “Коммерц унд Приват банком” 30 тыс. фунт., “Хандельсгезельшафт” – 15 тыс. фунт., “Рейхскредитгезельшафт” – 25 тыс. фунт. Всего 205 тыс. фунт. На 17 июля “Дрезднер банк” кюндиговал по Гаркребо кредитов по лесу на 1 ½ млн руб., по пушнине – 330 тыс. руб., по Гамбургу – на 100 тыс. руб. Всего на сумму около 2 млн руб. Таким образом формально кюндиговано к настоящему времени свыше 4 млн руб. Не подлежит сомнению, что до конца месяца число кюндиговок возрастет. По расчетам, согласованным с Финуправлением Наркомвнешторга, общая сумма, потребная для покрытия упомянутых выше прорывов в продлонгации и для покрытия кюндигованных банками кредитов может достигнуть в июле месяце 12 млн руб., если не сумеем перенести залог экспорта на другие страны**.

* Расторгнул соглашение о кредите (нем.).

** “Если... страны” вписано И.Е. Любимовым карандашом.

3) Наши мероприятия. В связи с изложенным нами принят ряд мер, с одной стороны, предупредительного характера, с другой стороны, по мобилизации средств:

а) По линии экспорта. Нами взята твердая линия на уменьшение залоговых операций в банках и на возможно более быструю реализацию имеющихся остатков за наличные средства, не останавливаясь в необходимых случаях перед потерями в ценах. Кроме того, мы начали решительную подчистку дебиторской задолженности с инкассированием получаемых денег через Сокрабанк² и Моснарбанк в Лондоне.

б) По линии импорта. Мы сократили до минимума выдачу пролонгационных векселей, требуя при этом солидной гарантии. По авансовым векселям вместо соло-векселей фирм, представляющих в условиях кризиса совершенно недостаточную гарантию, мы требуем сейчас документы фирм, которыми она передает в нашу собственность сырье и материалы, находящиеся на ее предприятиях в размере 150% полученного аванса.

И. Любимов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 659. Л. 85–90. Подлинник.

¹ Нейман Феликс (1889–после 1943) – немецкий политик, в 1930–1933 гг. пропагандист НСДПА.

² Sokrabank – Банк для русской торговли.

№ 242

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б)

*“Мероприятия в связи с финансовым кризисом в Германии”**

№ П 50/3-опр.

18 июля 1931 г.

Строго секретно

Из “Особой папки”

1. Утвердить распоряжения, отданные НКВТ, согласно прилагаемой телеграммы¹, со следующим дополнением:

“Временно приостановить в Германии запродажи с расчетом дольше одного месяца в германских марках. Продажи за наличный расчет в германских марках продолжать”.

2. Правлению Госбанка немедленно опубликовать распоряжение о приеме немецких марок.

* Выписка из протокола № 50 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 июля 1931 г., п. 22/3. Принято опросом членов ПБ 18 июля 1931 г. Направлена А.П. Розенгольцу, М.И. Калмановичу, В.М. Молотову.

3. Предложить НКВТ и Госбанку в случае отказа фирм от пролонгации векселей, получаемых по импортным поставкам, добиваться обязательной пролонгации, в случае необходимости, также и путем соответствующих переговоров и вмешательства германского правительства.

4. В случае поступления требований о погашении кредитов, полученных в качестве ссуд под залог товаров, воздержаться от платежей, мотивируя тем, что, в связи с финансовым кризисом в Германии мы несем потери по поступлениям по экспорту и, кроме того, эти кредиты являются совершенно обеспеченными наличием товаров.

5. На время моратория платежей, объявленного германским правительством торгпредству, хозорганам и Госбанку, приостановить производство платежей в Германии по обязательствам наравне с германскими фирмами.

6. В случае попытки германских банков использовать текущие счета Госбанка для покрытия задолженности Госбанка по ссудам под товар, категорически против этого протестовать, настаивая на неприкосновенности текущих счетов и на покрытие подтоварных ссуд из выручки от реализации заложенных товаров.

7. Сообщить тт. Любимову и Хинчуку о нецелесообразности в данный момент каких-либо общих переговоров с германским правительством по вопросу, связанному с нашими платежами в Германии.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 659. Л. 93–93 об. Копия.

¹ В АП РФ отсутствует.

№ 243

*Записка И.Е. Любимова в ЦК ВКП(б),
СНК СССР, ВСНХ СССР, НКВТ СССР*

*“О финансовом положении Германии и о влиянии кризиса
на нашу внешнюю торговлю”*

№ 51/2637

24 июля 1931 г.

Секретно

Секретарю ЦК ВКП(б)

т. Сталину

Председателю Совнаркома СССР

т. Молотову

Председателю ВСНХ СССР

т. Орджоникидзе

Наркому внешней торговли

т. Розенгольцу

1. Финансовое положение Германии

Как известно, Лондонская конференция не только не дала Германии никаких новых кредитов, но поставила под сомнение

даже судьбу тех кредитов, которые были кюндигованы в период действия нотферорднунгов. Общую сумму кюндиговок за это время считают 500 млн – 1 млрд марок. Несмотря на то что германское правительство продолжает успокаивать общественное мнение, перспективы дальнейших переговоров с англичанами и французами и реальные шансы на получение кредитов за границей ничтожны. Позиция Англии за последнее время целиком определяется не прекращающимся отливом золота во Францию и другие страны, достигающим в последние дни громадной суммы в 5 млн фунтов ежедневно. При таких условиях участие Англии в Stillhalkonsortium (в соглашении о некюндиговке германских кредитов) представляется мало вероятным. Необходимо отметить общее дальнейшее напряжение денежного и капитального рынка Европы за последнее время, что находит себе выражение в увеличении учетного процента в Англии – с 2,5–3,5, в Австрии – с 7–10, в Венгрии – с 7–8.

Германские правительственные круги занимаются сейчас разработкой программы Selbsthilfe (самопомощи), в состав которой входят, по сообщению газет, следующие три пункта:

1) Расширение чекового обращения по английскому образцу в целях уменьшения потребности рынка в платежных средствах.

2) Жесткое сокращение и, по возможности, полное воспрещение импорта продовольствия в Германию.

3) Резкое и быстрое увеличение экспорта, в частности, сбыт по бросовым ценам на английских рынках имеющихся значительных угольных запасов.

Эта программа, авторами которой являются Тренделенбург, Шеффер, Тревиранус, неизбежно связана с дальнейшим усилением государственного вмешательства в частно-хозяйственную жизнь. Против этого решительно высказывается пресса тяжелой индустрии – “Бергверкс Цайтунг”, “Франкфуртер Цайтунг”, связанная с “И.Г. Фарбениндустри”. Пресса тяжелой индустрии требует решительной отмены всех нотферорднунгов и перехода к регулированию хозяйства исключительно методами повышения или соответственно понижения учетного процента. Вопрос о новом повышении учетного процента, в самом деле, можно считать уже предрешенным. Некоторые газеты говорят о возможном повышении процента до 25. Другие – более осторожные – называют цифру 15%.

Состояние государственной кассы исключительно плохое. Денег для выплаты жалования чиновникам 1 августа нет, несмотря на то что правительство в срочном порядке произвело расширение государственных доходов путем закона об увеличении обращающейся разменной монеты на 800–900 млн марок.

При всей неопределенности положения можно не сомневаться, что после некоторых попыток жесточайшего сокращения расходов и рестрикции по отношению к промышленности германское правительство все же будет вынуждено пойти по единственно возможному для него пути – развертывания инфляции. Другого выхода германская буржуазия не имеет.

2. Вопросы импорта

За последние шесть дней июля месяца (17–23 включительно) размещено заказов ВСНХ на 15,7 млн марок или по 2,5 млн марок в среднем в день. За то же самое время не-ВСНХ-овских заказов было выдано на 7,9 млн марок или по 1,3 млн марок в день. В другие страны передано за эти же шесть дней заказов на 1,7 млн марок или грубо по 600 тыс. марок в среднем в день.

Из этого видно, что темп размещения заказов как в счет 300-миллионного соглашения, так и по другим линиям за последнее время заметно снизился. Основной причиной этого снижения темпа является, конечно, германский кризис. Официальный орган Министерства народного хозяйства “Индустри унд Хандель” следующим образом характеризует положение фирм-поставщиков (в номере от 21 июля):

“Возможность нахождения средств для финансирования германских заказов была существенно ограничена закупкой кредитных источников, происшедшей еще до того, как вошли в жизнь драконовские мероприятия правительства в истекшую неделю. Фирмы оказались перед фактом необходимости либо отказываться от уже принятых заказов, либо пытаться отодвинуть срок окончательного ответа. В некоторых случаях им удалось добиться этой отсрочки, в других случаях русское торгпредство пыталось разместить соответственные заказы за границей...”. “Вопрос о том, удастся ли добыть средства для финансирования русских заказов после того, как будет устранена теперешняя финансовая нужда Германии, озабочивает в чрезвычайно сильной степени все заинтересованные в русских заказах фирмы”.

При встрече с тов. Пятаковым Кремер, Раумер, Кастьль в один голос заявили, что в ближайшие три-четыре недели неизбежен рост затруднений с размещением заказов, однако, германская промышленность просит торгпредство не перебрасывать заказы в другие страны, рассчитывая, что через некоторое время ей удастся справиться с проблемой финансирования.

Как бы то ни было, затруднения в финансировании продолжают оказывать влияние на ход размещения заказов в том смысле, что фирмы, с одной стороны, вообще не особенно охотно идут на

переговоры с нами, а, с другой стороны, продолжают старую политику замедления в подтверждении заказов или полного отказа от них. Само собой разумеется, что все без исключения фирмы предъявляют в настоящее время требование заключения сделок не в марках, а в долларах или, по крайней мере, в фунтах. В связи с этим мы постановили и пытаемся жестко проводить понижение процента по нашим заказам, ориентируя этот процент на учетный процент той страны, в валюте которой выписывается вексель. Вышеупомянутая статья в “Индустри унд Хандель”, между прочим, заявляет, что этой нашей тактике будет оказано решительное противодействие и с нас будут официально требовать установления процента по всем без исключения сделкам на уровне немецкого дисконтного процента.

В настоящее время можно считать в грубых чертах законченным план передачи заказов на другие страны. Согласно этого плана, Англия должна получить заказов на 26 млн рублей, Франция – на 9 млн, Италия – на 4,5 млн, Дания – на 6,3 млн, Австрия – на 3,4 млн, Чехословакия – на 2 млн, Швейцария – на 1,5 млн, Швеция – на 2,9 млн. Всего, таким образом, – на 55 млн руб.

Таким образом, мы приняли меры к разгрузке портфеля германских заказов. Что касается немецких фирм, то мы решили в самое ближайшее время наряду с проверкой на месте хода выполнения заказов произвести также сверку о выданных нами заказах с данными Гарантийного комитета по выдаче гарантий.

3. Вопросы экспорта

Четвертая пятидневка июля дала по Германии резкое невыполнение плана*. Это заметное ухудшение целиком связано с финансовым кризисом в Германии. Немецкие фирмы вместо платежей наличными предлагают нам платежи векселями на 1–3 и даже 6 месяцев; некоторые фирмы предлагают зачет в уплату данные ими нам в свое время авансы. Вместо долларов и фунтов предлагают марки, в то время, как некоторые платежи, например, по фрахтам в марках, вообще произведены быть не могут. Ряд фирм предлагают нам на основе нотферорднунгов платить по векселям вместо всей суммы по 3 тыс. (а теперь 5 тыс.) марок в день. Фирмы, связанные с “Данат-банком”, вообще отказывают в платежах.

В последние дни прекращены кредиты, которыми мы пользовались в Таможенном управлении и которые мы частными согла-

* Из вырученных 1 100 тыс. руб. мы вынуждены были покрывать истребованные от нас кредиты, и чистая выручка составила 260 тыс. рублей (*Примеч. док.*).

шениями с отдельными цольамтами* оттягивали после узаконенной трехмесячной отсрочки еще на 4–6 недель. В настоящее время таких кредитов нам кюндиговано на 3 ½ млн марок с платежом в июле месяце, причем не следует забывать, что торгпредство является поручителем по этим кредитам, и в случае невозможности для “Дерутры” уплатить должно будет платить само.

По этому вопросу мы вели переговоры с Министерством финансов, которое обещало нам немедленно поставить этот вопрос перед министром Дитрихом¹ и в самый короткий срок дать нам ответ. Мы просим рассрочить платеж этих 3 ½ млн марок на август–сентябрь–октябрь равными долями с уплатой установленных за просрочку процентов.

О судьбе нашего ходатайства по этому важному пункту мы сообщим немедленно.

В последние дни у нас кюндиговали также небольшие кредиты по экспорту, которые мы имели в Данциге и Кенигсберге.

Из сообщенного в прошлом письме плана переброски экспортных товаров в другие страны реально переброшено товаров на 3 млн руб., а на остальные 3 млн руб. дано другим странам право распоряжения товарами на германских складах.

Что касается реализации экспортных товаров в самой Германии, то она протекает по-прежнему в замедленном темпе, кроме пушнины, по которой наблюдается некоторое оживление отчасти в связи с тем, что германское население стремится превращать марку в ценные вещи.

4. Вопросы финансов

Разносторонние воздействия кризиса все перекрещиваются в сфере финансов. Не следует забывать, что Германия, как кредитный рынок, покрывала нашу потребность в кредитах по экспорту не только по нашим операциям с самой Германией, но в значительной степени также и по нашим операциям с другими странами. Естественно поэтому, что в этой сфере влияние германской финансовой катастрофы сказывается наиболее резко.

В прошлых письмах мы определили общий размер возможного сокращения наших кредитов по Германии в июле месяце в 5 млн долларов. В настоящее время наши кредиты в Германии реально уменьшились на 3 млн долларов, причем больше половины этой суммы – срочные кредиты, кюндигованные нам на основе обычных банковских норм. Правда, мы находимся сейчас в споре с немецкими банками по вопросу о том, как нужно понимать кюндиговку. Мы понимаем кюндиговку кредита в том

* Таможенные службы (нем.).

смысле, что нам закрывается дальнейшая возможность ссудно-залоговых операций по этому кредиту. Германские банки понимают кюндиговку как требование о возврате всех ссуд, выданных под уже заложенные товары. Мы надеемся, что банки примут наше понимание.

Мы вступили в оживленные разговоры с банками относительно методов выхода из создавшегося положения. Наилучшие отношения сложились в результате с “Дойче банком”, который вчера и сегодня совершенно аккуратно и безотказно выполнял наши поручения. Значительно хуже обстоит дело с другими банками, которые ограничивают операции с нами исключительно своими собственными счетами и отказываются от транзакции с другими банками за границей.

Вопрос о получении нами ссудо-залоговых кредитов в других странах разворачивается очень медленно: во Франции мы получаем ничтожные кредиты под икру, в Англии несколько большие кредиты под пушнину. Во всяком случае быстрый перенос нашей кредитной базы из Германии в другие страны крайне затруднителен и связан вообще с некоторым изменением в направлении товарных масс. Не исключена возможность, что в связи с проектируемыми жесткими ограничениями импорта продовольствия в Германию нам вообще придется в большей степени, чем это имело место раньше, использовать другие рынки с переносом туда вслед за товарами также и кредитных операций.

Декрет об обязательной декларации о наличной валюте по мнению юристов не затрагивает торгпредство и касается лишь наших подконтрольных организаций, в первую очередь “Манган-экспорта”, операции которого в значительной степени связаны с другими странами и совершаются большей частью не в марках. Мы решили поставить перед немецким правительством вопрос об освобождении наших подконтрольных организаций от обязательной декларации, имея в виду их особый характер и бесспорное хозяйственное назначение получаемых ими в чужой валюте средств.

Особняком стоит вопрос о пролонгационных векселях по импорту. Таких векселей на весь июль месяц мы имели на 9 млн марок. До сих пор нам официально заявили о затруднениях с пролонгацией следующие фирмы: “Копель”, “Адлер”, “Гарбек”. Эти фирмы просят нас выкупить эти векселя с тем, что они потом снова внесут причитающуюся с них сумму. Большинство этих векселей должны, однако, пролонгироваться в конце июля месяца. Мы предпринимаем сейчас все меры к тому, чтобы с каждой конкретной фирмой установить порядок пролонгации. Кроме

того, мы думаем затронуть этот вопрос также в очередной беседе т. Хинчука с Дитрихом. Вообще же мы ведем твердую политику отказа платежей по пролонгационным векселям.

И. Любимов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 659. Л. 108–112. Подлинник.

¹ Дитрих Герман (1879–1954) – в 1930–1932 гг. министр финансов Германии.

№ 244

*Письмо Г.С. Биткера М.М. Литвинову о беседе с Г. Кремером
в связи с кампанией против предоставления кредитов
для СССР**

№ 8069

4 августа 1931 г.
Секретно

В Наркоминдел, т. Литвинову
Копия – Тов. Сталину
Копия – Тов. Орджоникидзе

Накануне моего отъезда из Берлина я беседовал с Кремером, который среди прочих разговоров затронул следующие три вопроса:

1. До поездки Брюнинга в Париж два видных представителя французского правительства приезжали инкогнито для переговоров в Берлин. Переговоры велись членами германского правительства с участием представителей промышленности, в том числе и Кремера. Кремер утверждает, что французы ни разу не выдвинули требования прекращения или сокращения операций с нами и не ставили условием открытия кредитов в Германии, непредоставление этих кредитов нам.

2. Кремер указал, что на деловые правительственные круги в Германии оказывает очень скверное впечатление “алармистская”^{**} информация, даваемая Кайт¹ в Москве. Телеграммы Кайт носят характер сгущения красок, который не соответствует действительности.

3. В связи с пунктом 2-м Кремер указал, что наибольшими противниками предоставления сейчас кредитов нам являются социал-демократы, которые в лице Пруссии возражают против правительственных мероприятий в этой области, несмотря на

^{*} Штамп: Прот[окол] ПБ № 54, п. 5.

^{**} Тревожная (с франц. l’alarme – тревога).

то что на Пруссию приходится около 70% размещаемых заказов. Министр внутренних дел Северинг рассылает выдержки из коммунистической печати и переводы телеграмм Кайт целому ряду правительственных органов. Такие же выписки получил Кремер с тремя восклицательными знаками и с намеком на то, что нельзя оказывать кредит советскому правительству, когда близкая ему печать печатает такие материалы.

Начальник иносектора ВСНХ СССР Биткер

Помета: В ПБ, Кайт.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 659. Л. 119. Подлинник.

¹ Кайт Л.М. (1889–1981) – в то время корреспондент газеты “Известия” в Берлине, в 1933 г. освещала Лейпцигский процесс, позднее сотрудник ИККИ.

№ 245

*Записка М.М. Литвинова
секретарю ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичу о подготовке к сессии
советско-германской согласительной комиссии
и назначении советских представителей*

№ Л/21690

12 августа 1931 г.

Секретно

Экз. № 1

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Кагановичу.

Копия: членам Политбюро*

По существующему советско-германскому соглашению согласительная комиссия для разрешения возникающих между обоими государствами конфликтов должна автоматически собираться раз в году, а именно в середине лета. Кроме того, каждая сторона имеет право требовать созыва чрезвычайных сессий комиссии.

Еще осенью прошлого года от германского правительства поступило требование о созыве чрезвычайной сессии согласительной комиссии. Так как мы в созыве сессии заинтересованы не были, то нам удалось убедить германское правительство отказаться от своего требования и добиться перенесения его претензий на очередную сессию, которую условлено было созвать не позже июня этого года. У нас, однако, не было желания обсуждать германские претензии в июне, и нам опять удалось добиться отсроч-

* Копии направлены также членам коллегии НКВД СССР.

ки сессии до 12–15 сентября. На дальнейшие отсрочки немцы не соглашаются. Нам необходимо, таким образом, назначить своих уполномоченных в эту комиссию. До сих пор нашим уполномоченным в комиссии состоял тов. Стомоняков, который лучше всех знаком с вопросами, подлежащими обсуждению. НКВД предлагает одним из уполномоченных назначить тов. Стомонякова и на предстоящую сессию. Каждая сторона должна быть представлена двумя представителями, и НКВД предлагает вторым представителем назначить тов. Аркуса, считаясь с тем, что одна из главных германских претензий – запрещение вывоза валюты за ликвидированные германские имущества и мнимое налоговое переобложение германских граждан.

По соглашению комиссия собирается поочередно в Москве и Берлине. Так как последняя сессия имела место в Москве, то следующая должна быть созвана в Берлине. Прошу о скорейшем утверждении гг. Стомонякова и Аркуса, так как до сессии осталось не больше месяца, а им необходимо вовремя подготовиться и изучить вопрос.

М. Литвинов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 659. Л. 151–152. Подлинник.

№ 246

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О заказах в Германии”**

№ П 57/17-рс

20 августа 1931 г.
Строго секретно
Из “Особой папки”

12/17 а) Принять к сведению сообщение т. Пятакова и одобрить принятые им меры по выполнению постановления Политбюро об установлении твердой максимальной процентной ставки.

б) Поставить 25.08. с.г. на повестку Политбюро доклад гг. Пятакова и Розенгольца о мероприятиях по борьбе с злоупотреблениями фирм при выполнении заказов, согласно решению Политбюро от 10.08. с.г.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 659. Л. 153. Копия.

* Вопрос представлен Г.Л. Пятаковым, А.П. Розенгольцем. Выписка из протокола № 51 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 августа 1931 г., п. 17. Направлена Г.Л. Пятакову, А.П. Розенгольцу.

№ 247

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б)
“О мероприятиях по борьбе с злоупотреблениями фирм
при выполнении заказов”**

№ П 58/21-с

25 августа 1931 г.
Строго секретно
Из “Особой папки”

21. а) Принять предложения т. Пятакова, изменив п. 4 предложений (см. приложение).

б) Пункт 4-й предложений т. Пятакова принять в следующей редакции:

“4. Обязать т. Любимова о каждом установленном случае явно недобросовестного злостного отношения со стороны той или иной немецкой фирмы к выполнению заказов составлять акты и представлять через НКВнешторг и ВСНХ в ПБ для принятия в каждом отдельном случае необходимых мер вплоть до бойкотирования злоупотребляющей фирмы.

Вопрос об установлении постоянного штата приемщиков оборудования в Германии, а также выдвинутый т. Ройзенманом¹ вопрос о посылке ВСНХ отдельных приемочных комиссий передать на рассмотрение Оргбюро”.

Поручить ВСНХ уточнить технические условия на заказываемое за границей оборудование под углом усиления наших запросов на качество покупаемого оборудования.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 659. Л. 158. Копия.

Приложение

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б)
“О мероприятиях по борьбе с злоупотреблениями фирм
при выполнении заказов”*

25 августа 1931 г.
“Особая папка”

1. Констатировать наличие недобросовестного отношения некоторых немецких фирм к исполнению выданных им заказов,

* Вопрос представлен Г.Л. Пятаковым, А.П. Розенгольцем. Выписка из протокола № 58 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 августа 1931 г., п. 21. Направлена Г.К. Орджоникидзе, А.П. Розенгольцу.

выразившись как в нарушении сроков поставки оборудования, так и недоброкачественного его изготовления.

2. Предложить т. Любимову во всех случаях установления неточного или не вполне добросовестного отношения фирм к выполнению заказов реагировать^{*} письмами торгпреда, дабы фиксировать эти случаи.

3. Время от времени т. Любимову давать в бюллетене торгпредства сведения о характере выполнения заказов.

4. Обязать т. Любимова о каждом установленном случае явно недобросовестного злостного отношения со стороны той или иной немецкой фирмы к выполнению заказов составлять акты и представлять через НКВнешторг и ВСНХ в ПБ для принятия в каждом отдельном случае необходимых мер вплоть до бойкотирования злоупотребляющей фирмы.

Вопрос об установлении постоянного штата приемщиков оборудования в Германии, а также выдвинутый т. Ройзенманом вопрос о посылке ВСНХ отдельных приемочных комиссий передать на рассмотрение Оргбюро.

5. Обязать ВСНХ для повторяющихся из года в год заказов создать монтажно-приемочные аппараты при промобъединениях и уполномоченных ВСНХ в Германии и Англии, добиваясь максимального сокращения расходов на приглашение иностранных монтеров.

6. Обязать ВСНХ, НКПС, НКВод в декадный срок установить жесткие правила для перегрузки и перевозки импортных грузов.

а) Мобилизовать внимание партийной, профсоюзной и комсомольской организаций за более бережное отношение к транспортировке импортных грузов.

б) Обязать предприятия ВСНХ своевременно составлять акты приема грузов, оборудования согласно предложения НК РКИ.

7. Предложить РКИ проследить за выполнением настоящих решений.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 659. Л. 159. Заверенная копия.

¹ Ройзенман Борис Анисимович – заведующий сектором контроля и член коллегии Наркомата РКИ СССР, член президиума ЦКК ВКП(б) и коллегии ГПУ (1924–1934 гг.).

^{*} Так в тексте.

*Записка Б.С. Стомонякова Л.М. Кагановичу
о подготовке к сессии советско-германской
согласительной комиссии и ее повестке дня**

№ 30307

2 сентября 1931 г.

Сов. секретно

Секретарю ЦК ВКП(б)
тов. Кагановичу**

Уважаемый товарищ,

12–14 сентября открывается в Берлине 2-я сессия советско-германской согласительной комиссии. Германское правительство поставило со своей стороны в порядок дня комиссии 22 вопроса, из которых некоторые в свою очередь подразделяются на несколько подчиненных вопросов. Все эти вопросы, представляющие формально претензии по поводу нарушений нашими органами существующих советско-германских договоров, можно разделить на следующие 3 категории:

Первая категория обнимает ряд мелких претензий, вытекающих из нарушений договоров и иных наших обязательств и могущих быть удовлетворенными нами без материальных жертв путем обещания принятия мер к исправлению допущенных ошибок и недопущению их в будущем. К этой категории относятся жалобы в нарушении договоров путем отказа в разрешении выезда, въезда и обратного въезда германским гражданам в СССР, невыполнения обязательства сообщать германским консулам в 3-х и 7-мидневные сроки об арестах их граждан, затруднений, чинимых германским гражданам по вопросам налогов и повинностей, неразрешения выезда и выхода из советского гражданства жен германских граждан, неудовлетворительность сношений германских консульств с советскими властями, которые не отвечают по несколько месяцев на обращения к ним по делам германских граждан. По всем этим вопросам нами велись и ведутся переговоры с соответствующими нашими ведомствами, которые дадут советской делегации возможность либо оспаривать германские претензии, либо дать обещание о принятии мер к исправлению допущенных ошибок и неповторению их в будущем. По всем

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 61, п. 4/16.

** Копии направлены И.В. Сталину, Н.Н. Крестинскому.

этим вопросам пока никаких директив не требуется, поскольку мы надеемся договориться с соответствующими ведомствами.

Ко второй категории относятся германские претензии по поводу нарушений договоров, удовлетворение каких-либо претензий потребует от нас более или менее значительных жертв. Сюда относится прежде всего большой вопрос о вывозе валюты выселяющимися из СССР германскими гражданами, распродающими свое имущество, который был уже одним из основных вопросов на 1-й сессии согласительной комиссии и который привел тогда к значительному обострению и требованию с германской стороны приглашения в согласительную комиссию, на основании секретного протокола, приложенного к согласительной конвенции 1929 г., нейтрального председателя в роли фактического арбитра. К этой же категории вопросов относится поставленный немцами новый вопрос о переводе в валюте компенсации (выплачиваемой нами на основании обязательства, данного в результате прошлогодней сессии согласительной комиссии), немецким колонистам – германским гражданам, имущество которых перешло или переходит в колхозы. Кроме этих двух крупных вопросов, сюда же входят претензии по поводу валютных затруднений при поездках германских граждан, по поводу невозможности для работающих в СССР германских рабочих переводить в Германию свои взносы в германские учреждения социального страхования и, наконец, германское требование о материальной ответственности советского правительства за неправомерные действия советских должностных лиц (при нарушении свободы передвижения, неправильных арестах и т.п.). По этой группе вопросов коллегия НКВД предполагает ограничиться защитой позиций, которые мы занимали на 1-й сессии согласительной комиссии, разъяснением и защитой наших валютных мероприятий и уклониться от всяких обязательств, которые могли бы повлечь материальные жертвы с нашей стороны, тем более, что мы не ожидаем никаких компенсаций с германской стороны в рамках переговоров во время предстоящей сессии согласительной комиссии. Необходимо, однако, считаться с вероятностью проявления германской стороной еще большей настойчивости, чем в прошлом году, по валютному вопросу. Не исключена возможность заострения вопроса о приглашении нейтрального председателя в согласительную комиссию и вынесения этого вопроса в широкую прессу.

Исключение из перечисленной категории валютных вопросов составляет нижеследующий вопрос, требующий материального урегулирования и санкции Политбюро. В дипломатических пе-

реговорах последних лет, вплоть до прошлогодней сессии согласительной комиссии и во время этой сессии мы отклоняли энергично германское требование о разрешении перевода в валюту за границу выручки за всякое имущество, в том числе и недвижимое, распродаваемое выселяющимися за границу германскими гражданами, заявляя, что ст. 5 советско-германского Соглашения о поселении 1925 г. обязывает нас к разрешению перевода в валюту выручки от продажи одного лишь личного движимого имущества. После прошлогодней сессии согласительной комиссии наши финансовые органы вразрез с нашей прежней практикой и в противоречие с нашим толкованием указанной ст. 5 Соглашения о поселении, стали, однако, массовым образом задерживать перевод за границу даже и сумм, вырученных выселяющимися за границу германскими гражданами от продажи их личного движимого имущества. Эта новая практика НКФ и его органов вызвала, конечно, еще большее обострение и протесты со стороны германского правительства. В результате переговоров между НКИД и НКФ СССР часть этих сумм (все заявки за последний год составляют 1 022 610 руб.) была переведена, а другая часть переводится в настоящее время. Если бы, однако, даже все германские заявки были удовлетворены до начала согласительной комиссии, германская сторона, без сомнения, потребует от нас формального обязательства, что в будущем наши финорганы будут уж во всяком случае аккуратнее выполнять ст. 5 в нашем толковании. Принимая во внимание, что вопрос о переводе валюты за имущество выселяющихся германских граждан постепенно приобрел большое значение в наших отношениях с Германией и, несомненно, в дальнейшем приведет к еще большему обострению, мы полагаем необходимым удовлетворить это германское требование в форме заявления советской делегации, что суммы, вырученные выселяющимися за границу германскими гражданами за проданное ими личное движимое имущество будут в будущем переводиться в валюту незамедлительно. В этом смысле необходима директива Политбюро для советской делегации и НКФ СССР.

Третью категорию представляют претензии, формально мотивируемые нарушениями договоров с нашей стороны, а в действительности являющиеся самостоятельными требованиями, — как из числа обсуждавшихся ранее между обоими правительствами, так и совершенно новыми. К возобновляемым теперь старым требованиям принадлежат: упразднение или крайнее сокращение списка запрещенных к транзиту через СССР в восточные страны германских товаров, облегчение регистрации и расширение дея-

тельности германских фирм в СССР, уменьшение сборов с германских судов в наших портах и уплата вознаграждения германской фирме “Каруто”, владевшей ранее марганцовыми рудами в Закавказье. К новым вопросам относятся: требование об урегулировании найма германских рабочих нашими органами и об урегулировании положения этих рабочих в СССР (в частности, перевод ими валюты в Германию), принятие советским правительством ответственности за хозорганы, заключающие договора с германскими фирмами путем предоставления Берлинским торгпредством этим фирмам гарантии за наши хозорганы и признание нами подсудности германским судам сделок, заключенных представителем германских фирм с нашими хозорганами в Москве. Поскольку, как сказано выше, мы в рамках предстоящих переговоров согласительной комиссии не можем ожидать никаких для себя компенсаций, представляется нецелесообразным идти на материальные уступки по этой группе вопросов. Положение может измениться лишь в том случае, если ведущиеся в настоящее время в Берлине переговоры о таможенной конвенции и облегчении нашего экспорта в Германию продвинулись в ближайшем будущем вперед. В этом случае придется обратиться в Политбюро за новыми директивами. Из этой группы вопросов составляет исключение вопрос о претензии “Каруто”, по которой ведутся переговоры с Германией в течение почти 10 лет. Поскольку в переговорах с Гарриманом в Нью-Йорке и Берлине наш уполномоченный тов. Вашадзе¹ урегулировал также вопрос об основной части претензии фирмы “Каруто” и поскольку уклониться от обсуждения этой старой германской претензии невозможно, представляется целесообразным ускорить ратификацию этого соглашения союзным Совнаркомом с тем, чтобы наша делегация во время переговоров имела возможность сообщить об этой ратификации и потребовать снятия с повестки дня вопроса о “Каруто”, на что, по сообщению здешнего германского посольства, можно рассчитывать.

Перечисленному множеству мелких и более крупных германских претензий мы предполагаем с нашей стороны противопоставить в основном одну крупную претензию о невыполнении германской стороной принятого ею на себя в договоре 1925 г. обязательства заключить с нами таможенную конвенцию, т.е. предоставить облегчения для нашего экспорта в Германию. Конкретные переговоры по таможенной конвенции и облегчениям для нашего экспорта не будут, конечно, вестись на согласительной комиссии, но предъявлением указанной нами претензии мы

будем стремиться оказать давление на переговоры, которые уже ведутся в Берлине по этим вопросам. Кроме того, мы предполагаем также, как и на первой сессии согласительной комиссии, поставить вопрос о практике германских судов, своими скандальными приговорами по советским делам фактически лишаящих наши органы той судебной защиты, которая им обеспечена по торговому договору 1925 г. Независимо от этого в повестку дня с нашей стороны могут быть включены и некоторые более мелкие вопросы из текущей практики. По предъявляемым нами вопросам в данной стадии директив Политбюро не требуется.

По поручению коллегии НКВД прошу поставить вопрос на ближайшем заседании Политбюро, 5 сентября, поскольку наша делегация должна выехать уже числа 7–8-го. Проект постановления Политбюро при сем прилагается.

Проект постановления Политбюро:

1. Одобрить предложенную НКВД линию поведения советской делегации на второй сессии советско-германской согласительной комиссии.

2. Разрешить советской делегации обещать немцам своевременный перевод в будущем валюты за выручку от личного движимого имущества выселяющихся за границу германских граждан.

3. Предложить НКФ немедленно перевести до начала работ согласительной комиссии оставшиеся суммы за имущество, упомянутое в п. 2, и принять меры к своевременному переводу подобных сумм в будущем.

4. Предложить союзному Совнаркому подтвердить заключенное тов. Вашадзе соглашение с таким расчетом, чтобы советская делегация в советско-германской согласительной комиссии могла на этом основании потребовать снять германскую претензию по делу “Каруто”.

С товарищеским приветом Б. Стомоняков

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 7–12. Подлинник.

¹ Вашадзе Галактион Сачинович – в то время сотрудник Концессионного комитета ЗСФСР, уполномоченный по Чиатурской марганцевой концессии.

*Записка И.Е. Любимова в ЦК ВКП(б),
СНК СССР, ВСНХ СССР, НКВД СССР
“О некоторых новых явлениях в области нашей
внешней торговли”*

№ 51/3113

4 сентября 1931 г.
Секретно

ЦК ВКП(б) – т. Сталину
– т. Кагановичу ВСНХ – т. Орджоникидзе
Совнарком СССР – т. Молотову НКВД – т. Розенгольцу

За последнее время в практике нашей внешней торговли наметился целый ряд явлений, заслуживающих самого пристального внимания.

Задержка в развитии германского финансового кризиса, вызванная разносторонним вмешательством государства в хозяйственную жизнь Германии, ни в какой степени не повлияла на ход и развитие общего кризиса германского хозяйства. Первые попытки освобождения хозяйства от государственной опеки (открытие биржи) сопровождались новыми глубокими потрясениями в капиталистическом организме Германии. Падение ценностей на германской бирже в первый день ее открытия (3 сентября) достигло катастрофических размеров и, по подсчетам, за один только день оценивается в 3 ½ млрд марок. С другой стороны, снижение учетного процента Рейхсбанка до 8% не привело к ожидаемому расширению банковского кредита ввиду полного отсутствия доброкачественных коммерческих векселей для учета. Воззвание Рейхсбанка о предъявлении к учету векселей не вызвало заметного отклика ввиду того, что реальная хозяйственная жизнь и хозяйственный оборот колоссально сократились. Не подлежит сомнению, что за отсутствием доброкачественных коммерческих векселей германские фирмы и промышленные предприятия вынуждены будут предъявлять к учету дружеские векселя, раскрывая тем самым реальный путь для неизбежной инфляции.

Эта ситуация не могла не отразиться и на нашей торговле с Германией. По линии экспорта мы имеем попытки свести в той или иной форме торговый оборот Германии с СССР на расчет исключительно в марках. Это обстоятельство с особенной резкостью было подчеркнуто Шлезингером при начале экспортных переговоров. Оно выступает, далее, в практике нашей торговой работы по экспорту, где нам все чаще и чаще приходится сталкиваться с предложениями уплаты только в марках (хлопок). Из-

вестный проект Шлезингера организации расчетной палаты для торговли с СССР имеет тот же смысл. Он пытается разгрузить и без того уже скромный валютный резерв Германии от уплаты в иностранной валюте по сделкам с СССР.

Тенденция к государственному вмешательству в нашу торговлю с Германией очень ярко выступает на начавшихся экспортных переговорах. Мы заняли в переговорах вполне ясную позицию требований от германского правительства содействия нашему экспорту в следующих трех направлениях: 1) снижение таможенных ставок; 2) покупки государственными и полугосударственными предприятиями и органами наших продуктов и 3) государственное содействие финансированию нашего экспорта. Вместо этого германская сторона предложила нам свое посредничество в деле организации импортных немецких фирм для закупки наших товаров и для регулирования наших расчетов с ними. Таким образом, от прямого и ясного пути содействия нашему экспорту по той линии, где германское правительство больше всего могло бы сделать само непосредственно, нас пытаются свернуть на путь организованных сделок с фирмами под контролем правительства.

Описанное выше положение германского хозяйства отразилось также и на нашем импорте. Недостаток вексельного портфеля у страны, вследствие свертывания производства и оборота, привел к тому, что Рейхсбанк впервые в его истории согласился брать к учету гарантированную часть наших долгосрочных векселей со сроком до 3 июня 1933 г., не исключена возможность, что этот срок будет удлинён еще далее. Одновременно с этим, однако, оказался исчерпанным весь тот фонд в 700 млн марок, который декретами Гинденбурга был в свое время предназначен для гарантии наших заказов. По сведениям, полученным нами из Министерства хозяйства, дальнейшая выдача гарантий будет производиться лишь в меру поступления наших платежей, каковые на ближайшие 3 месяца составляют всего 36 млн руб. Между тем неразмещенный портфель заказов одного только ВСНХ составляет к 1 сентября 140 млн руб. Расширение гарантийного фонда трудно ожидать в ближайшее время, так как Германии, по-видимому, предъявили в Базеле требование не увеличивать советского облиго*. Кроме того, немцы уже сейчас выставляют условием дальнейшего расширения гарантийного фонда сокращение кредитных сроков.

Создающаяся ситуация внушает самое серьезное опасение, так как предназначенные на Германию заказы мы едва ли в со-

* Сумма общей задолженности по векселям.

стоянии перебросить в другие страны. Несмотря на большие успехи, которые сделало английское торгпредство в размещении заказов за последнее время, оно все же до сих пор сумело использовать предоставленную ему правительственную гарантию в 60 млн руб. лишь на одну треть. Франция едва ли может серьезно приниматься во внимание в смысле размещения заказов до возобновления переговоров. В Италии начинает ощущаться тенденция боязни принять наши заказы “сверх кредитоспособности СССР”. Вообще “утка” о нашей предстоящей неплатежеспособности, пущенная 1 ½ месяца тому назад английской и американской прессой, не осталась без влияния на отношение к нашим заказам в других странах. Таким образом, практически мы оказываемся перед необходимостью так или иначе обеспечить возможность дальнейшего размещения наших заказов именно в Германии.

По линии экспорта в другие страны у нас наметилось за последнее время следующее явление. Швейцария при переговорах о продаже ей значительной партии пшеницы предъявила требование о том, чтобы не менее 5% всей вырученной суммы было израсходовано в самой Швейцарии на покупку швейцарского скота. Австрия, которая намеренно задерживает заключение с нами торгового договора, за последнее время повела с нами переговоры о покупке у нас большой партии табаков с неременным условием заказа нами на такую же сумму у австрийской промышленности.

Тенденция к требованию твердых импортных компенсаций за всякое расширение нашего экспорта выступает в этих примерах с чрезвычайной отчетливостью. Между тем наше положение в этом отношении сейчас значительно труднее, чем весной, когда мы стояли еще в самом начале нашей импортной работы. Если бы мы тогда, т.е. весной, при крупных импортных разговорах с Германией и с Италией поставили одновременно ряд экспортных требований, то их реализация была бы, вероятно, значительно более легкой, чем теперь, когда и в Германии, и в Италии мы уже разместили значительную часть наших заказов.

Безусловно правильная линия, намеченная в Москве по расширению нашего экспорта во второстепенные европейские страны, до известной степени уже приняла у нас осязаемые формы по Голландии и Швейцарии, а также по балканским странам. Мы проработали уже основные линии экспорта в эти страны и начали практическую работу по его развертыванию. Тем не менее вопрос наших экспортных взаимоотношений с Англией, где надвигается угроза установления в недалеком будущем таможенных пошлин на интересующие нас товары, и в Германии, обстановка для экспорта в которой продолжает оставаться очень напряженной, этот вопрос, повторяем, является для нас по-прежнему одним из важнейших.

Подводя итоги, мы должны сказать, что мы, по-видимому, вступаем в новую полосу наших взаимоотношений с капиталистическим миром, характеризующуюся обостренной борьбой не только за наш экспорт, но, как показывают приведенные выше факты, также и за наш импорт. Эта полоса характеризуется далее попытками в той или иной форме фиксировать наши импортные обязательства за каждое расширение экспорта и вообще попытками государственного регулирования, правда пока еще в смягченных формах, торговли с СССР.

Из сказанного следует также, что по всей совокупности обстоятельств Германия, по крайней мере, на ближайшее время остается основным рынком Европы по размещению наших заказов, в связи с чем необходимо так или иначе побудить германское правительство к дальнейшему расширению гарантий по нашим заказам и к облегчению их финансирования. Рядом с этим мы должны попытаться добиться у германского правительства для предстоящих заказов кредитных условий не худших, чем мы получили по соглашению 14 апреля.

Что касается экспорта, то наряду с твердой линией в экспортных переговорах с Германией нам нужно, по-видимому, совершенно реально увеличить экспортные фонды, которые мы могли бы направить на второстепенные европейские рынки, планомерное продвижение на которые нами уже начато.

Торгпред СССР в Германии И. Любимов
Член совета торгпредства Бессонов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 659. Л. 164-166. Подлинник.

№ 250

*Телеграмма А.П. Розенгольца и Н.Н. Крестинского полпреду
и торгпреду СССР в Германии о постановке
на согласительной комиссии вопроса
о советском экспорте в Германию**

№ 1683/шш

7 сентября 1931 г.
Сов. секретно
Немедленно

Берлин, полпреду, торгпреду

Мы считаем совершенно необходимым поставить на согласительной комиссии вопрос о нашем экспорте. Это необходимо не только для того, чтобы противопоставить вопрос об экспорте

* Копии направлены Л.М. Кагановичу, Я.Э. Рудзутаку.

множеству немецких претензий, но и для того, чтобы оказать давление на германское правительство и протолкнуть экспортные переговоры. Однако при создавшемся положении немцы будут возражать против постановки экспортного вопроса на согласительной комиссии, ссылаясь на то, что между Вами и Шлезингером ведутся переговоры в дипломатическом порядке и что теперь слово за Вами, а не за немецкой стороной. Поэтому Вы должны, не идя ни в коем случае на разрыв переговоров, предпринять такие шаги, которые выбили бы у немцев из рук указанные выше аргументы. Вам на месте виднее, что для этого нужно предпринять. Одним из способов могло бы быть такое формулирование протокола заседания от 3.09, из которого вытекало бы, что немцы в основном отвергли наше предложение о таможенной конвенции и о закупке наших товаров государственными и муниципальными предприятиями, а также отказались принять на себя конкретное обязательство в отношении закупочных контингентов через частные фирмы. Другой путь – это созыв нового заседания с немцами, которое выяснило бы всю ситуацию, т.е. либо привело бы к зафиксированию существенных обязательств со стороны немцев, либо дало бы нам беспорные основания поставить и заострить вопрос на согласительной комиссии.

Для Вашего личного сведения сообщаем, что мы считаем предложение немцев о заключении частных договоров с германскими фирмами при посредстве германского правительства подлежащим обсуждению, но не вместо наших основных требований, а параллельно с ними, т.е. с сохранением наших основных позиций. К переговорам по этому вопросу не приступайте, но выработайте предварительно список товаров и пришлите его срочно на наше утверждение. Что касается специфической характеристики наших экспортных товаров, подлежащих включению в конвенцию, то мы эту работу уже ведем. Необходимо, однако, чтобы Вы вели параллельную подготовку у себя.

А. Розенгольц, Крестинский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 4 об. Заверенный отпуск.

№ 251

*Телеграмма И.В. Сталина Л.М. Кагановичу
о порядке выдачи валюты выезжающим из СССР немцам*

№ 1085/ш

8 сентября 1931 г.
Сочи
Строго секретно

Москва, ЦК ВКП(б), тов. Кагановичу

Читал проект НКВД насчет советско-германской согласительной комиссии. Мы не можем обещать немцам перевод валюты за выручку от личного движимого имущества и не можем также перевести остаток суммы в валюте по этой линии. Я против 2-го и 3-го пунктов НКВД. В противном случае немцы будут сосать из нас миллионы валюты. Немцам надо сказать, что по советским законам эмиграция не может поощряться, а злоупотребление правом эмиграции в целях высасывания валюты из СССР тем более не поощряется. Только в крайнем случае и то лишь в отношении немцев можно согласиться на выдачу валюты в размере одной десятой части выручки от продажи личного движимого имущества.

Сталин

АП РФ. Ф 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 5. Заверенный дешифрант.

№ 252

*Записка Б.С. Стомонякова Л.М. Кагановичу
о порядке перевода в Германию валюты
выезжающим из СССР германским гражданам**

№ 30310

9 сентября 1931 г.
Сов. секретно
Экз. № 3

Секретарю ЦК ВКП(б)
тов. Л.М. Кагановичу

Уважаемый товарищ,

В дополнение к моему письму от 2-го с.м. за № 3030** по поводу предстоящей сессии советско-германской согласительной комиссии довожу до Вашего сведения, что вопрос о переводе в

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 61, п. 4/16.

** См. док. 248.

Германию выручки от личного движимого имущества выселяющихся за границу германских граждан можно считать урегулированным в результате рассмотрения германских заявок Наркомфином СССР и договоренности по этому вопросу между НКВД и НКФ. Таким образом из п. 3 предложенного мною проекта постановления Политбюро надо оставить лишь слова: “Предложить НКФ принять меры к своевременному переводу в будущем сумм за имущество, упомянутое в п. 2”.

Кроме того, во избежание недоразумений сообщаю, что упомянутая мной на стр. 3 моего письма сумма в 1 022 610 руб. представляет лишь запрос немцев, включающий их претензии за оставляемое ими в СССР недвижимое имущество (строения и пр.). После проверки этой цифры она была снижена НКФ до 300 тыс. руб.

С товарищеским приветом Б. Стомоняков

Помета: т. Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 13. Копия.

№ 253

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б)

*“Директивы уполномоченным на согласительную комиссию по торговому договору с Германией”**

№ П 61/16-р

10 сентября 1931 г.

Строго секретно
Из “Особой папки”

Поручить комиссии в составе тт. Кагановича, Рудзутака, Стомонякова и Розенгольца составить проект директив уполномоченным на согласительную комиссию, учтя обмен мнений.

Созыв комиссии за т. Рудзутаком.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 6. Копия.

* Вопрос представлен Б.С. Стомоняковым, Н.Н. Крестинским. Выписка из протокола № 61 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 сентября 1931 г., п. 16. Направлена Л.М. Кагановичу, Я.Э. Рудзутаку, Б.С. Стомонякову, А.П. Розенгольцу.

*Записка Б.С. Стомонякова Л.М. Кагановичу
о разногласиях с немцами по ст. 5 Соглашения о поселении,
входящего в советско-германский торговый договор 1925 г.*

№ 30312

11 сентября 1931 г.

Сов. секретно

Экз. № 1

Секретарю ЦК ВКП(б)
тов. Л.М. Кагановичу*

Уважаемый товарищ,

История старого разногласия по ст. 5. Вопрос о толковании прилагаемой в копии ст. 5-й Соглашения о поселении (см. прил. № 1), составляющего часть советско-германского торгового договора 1925 г., приобрел остроту в 1927–1928 гг., когда, в результате сокращения частного сектора началось движение части постоянно проживающих у нас германских граждан из СССР в Германию. До того времени ст. 5-я применялась сравнительно редко.

В первый период спор шел по вопросу о том, дает ли право ст. 5-я на вывоз в валюте наличных сбережений. На декабрьской конференции 1928 г. в Москве мы отвергли расширительное толкование германской делегации, в силу которого под “имуществом” в смысле ст. 5-й и Заключительного протокола к этой статье (см. приложение № 1) надлежит понимать имущество всякого рода, т.е. как вещное, так и денежное имущество (текущие счета, наличные сбережения и т.п.). В результате этого выселяющиеся за границу германские граждане, вместо того, чтобы, как прежде, постепенно и заблаговременно ликвидировать свое имущество и требовать при выезде перевода в валюте их денежного капитала, перешли к практике ликвидации своего имущества перед самым отъездом за границу и требованиями перевода в валюте, полученной от этой ликвидации выручки. Эта практика к 1929 году значительно обострила между обоими правительствами вопрос о толковании понятия “выручка от имущества”. Германская сторона, сохраняя свою позицию по вопросу о денежном имуществе, настаивала в особенности на том, что под имуществом во всяком случае надлежит понимать не только движимое, но также и недвижимое имущество. В ноте от 23 ноября 1929 г. (см. приложение № 2)

* Копии направлены членам и кандидатам Политбюро ЦК ВКП(б), секретарю ЦК ВКП(б) П.П. Постышеву, а также Н.Н. Крестинскому, А.П. Розенгольцу.

НКИД подвел итоги дипломатической дискуссии и в ответе на ноту германского правительства в исчерпывающей форме сообщил нашу точку зрения по этому вопросу (нота 23 ноября была результатом продолжительного и тщательного изучения в НКИД и НКФ и обсуждения на ряде междудеятельственных совещаний и была послана по соглашению обоих наркоматов). Тогда германское правительство поставило вопрос на первую сессию советско-германской согласительной комиссии, которая состоялась в Москве в июне-июле 1930 г.

Этот вопрос занял центральное место в работах комиссии и привел к необычайно бурным дискуссиям. Германская делегация в настолько резкой форме манифестировала свое возмущение нашим нежеланием признать единственно возможное, по ее мнению, толкование ст. 5-й, что мне, как председателю комиссии, пришлось закрыть заседание, заявив, что в такой атмосфере невозможно с пользой продолжать обсуждение вопроса. На одном из последующих заседаний председатель германской делегации предложил передать вопрос на "международный арбитраж", а затем германская делегация внесла официальное предложение о приглашении пятого члена в согласительную комиссию в роли нейтрального председателя, предусмотренного секретным "Протоколом подписания" к согласительной конвенции 25 января 1925 г. Ввиду того, что вопрос сильно осложнился, наша делегация и коллегия НКИД доложили его комиссии Политбюро, руководившей под председательством тов. Рудзутака работой согласительной комиссии во время 16 съезда, и комиссия в заседании 29 июня поручила тов. Литвинову воздействовать на германскую делегацию через германского посла, добиваясь "отложения вопроса до следующей сессии ввиду невыясненности юридической и финансовой стороны вопроса". В результате переговоров тов. Литвинова с фон Дирксеном удалось добиться невнесения в протокол германского предложения о приглашении нейтрального председателя, которое нами было, конечно, отвергнуто, поскольку упомянутое секретное соглашение предусматривает для введения пятого нейтрального члена в согласительную комиссию согласие обеих сторон. Равным образом удалось закончить обсуждение этого вопроса в согласительной комиссии сравнительно безобидной для нас записью в протоколе (см. приложение № 3). Немцы нам, однако, прямо заявили, что они так вопрос не оставят и будут добиваться признания нами единственно возможного по их мнению толкования ст. 5-й. Поскольку ст. 5-я согласительной конвенции предусматривает в случае недостижения соглашения на очередной сессии согласительной комиссии по какому-нибудь вопросу созыв через

4 месяца экстренной сессии, германское правительство вскоре по окончании прошлогодней сессии согласительной комиссии предложило нам созвать осенью 1930 г. экстренную сессию для обсуждения некоторых вопросов и в первую очередь вопроса о толковании ст. 5-й Соглашения о поселении. Нам удалось добиться отказа германского правительства от этого требования при условии, что вторая очередная сессия согласительной комиссии будет созвана раньше срока – в апреле 1931 г., – и во всех отношениях заменит предусмотренную конвенцией экстренную сессию, т.е. займется предварительным рассмотрением вопроса о применении ст. 5-й. (Это, впрочем, соответствовало упомянутому выше предложению тов. Литвинова фон Дирксену.) Таким образом мы заранее и неоднократно были предупреждены германским правительством, что рассмотрению вопроса о толковании ст. 5-й на предстоящей сессии согласительной комиссии германское правительство придает особо важное значение.

По этому старому, продолжающемуся уже несколько лет спору о толковании ст. 5-й коллегия НКИД не испрашивала директив у Политбюро, полагая, что, несмотря на весь ожидаемый напор и обострение этого вопроса со стороны немцев, наша делегация должна ответить спокойным и непоколебимым повторением тех заявлений, которые нами делались прежде в нотной переписке и на конференциях.

Новая претензия Германии по ст. 5-й. К старому спорному вопросу о толковании ст. 5-й за последний год прибавился новый вопрос о практике применения этой статьи в рамках нашего толкования.

В то время, как после заключения торгового договора 1925 г. и вплоть до прошлогодней сессии согласительной комиссии НКФ регулярно и аккуратно переводил валюту за выручку от продажи имущества выселяющихся германских граждан в рамках нашего толкования ст. 5-й, – вскоре после прошлогодней сессии согласительной комиссии он стал массовым образом затягивать эти переводы, и это вызвало ряд протестов со стороны германского правительства и упреков по поводу несоблюдения нами ст. 5-й даже в нашем толковании. Таким образом, мы ожидаем на предстоящей сессии согласительной комиссии, помимо старого требования о признании нами германского толкования ст. 5-й, также и предъявления нового требования – об аккуратном переводе валюты по заявкам, основанным на нашем толковании ст. 5-й. Коллегия НКИД считала и считает необходимым в этом втором вопросе пойти навстречу Германии, обещав в согласительной комиссии, что в будущем перевод валюты за выручку от продажи личного движимого имущества будет производиться своевременно.

Наше толкование ст. 5-й. По мнению коллегии НКВД, ст. 5-я и Заключительной протокол к этой статье устанавливают бесспорное право каждого германского гражданина, выезжающего из СССР, а также советского при выезде из Германии, либо вывозить в натуре свое личное движимое имущество, либо перевести в валюте деньги, вырученные от продажи этого имущества. Как видно из вышеизложенного и из анализа ст. 5-й и заключительного к ней протокола, это толкование является ограничительным, выдвигалось НКВД в процессе непрерывной борьбы с немцами по этому вопросу и, несомненно, вызовет вновь энергичную борьбу в согласительной комиссии. Сопоставление первого и третьего абзацев ст. 5-й с п. 2-м Заключительного протокола к этой статье не дают нам возможности отрицать, что выезжающие за границу германские граждане имеют право по своему выбору либо вывозить свое домашнее и личное имущество, либо получать валюту за выручку от продажи этого имущества без применения к этим переводам наших валютных ограничений. Последнее прямо сказано в Заключительном протоколе к ст. 5. Пункт 2-й этого Заключительного протокола не имел бы никакого смысла, если бы договор не предоставлял выезжающим за границу германским гражданам права перевода выручки за проданное ими у нас личное имущество.

Выдвинутое на вчерашнем заседании Политбюро толкование ст. 5-й в том смысле, что она предоставляет нам право выбора между вывозом в натуре имущества германских граждан и переводом в валюте выручки от ликвидации этого имущества в СССР, не находит обоснования в тексте ст. 5-й и заключительного к ней протокола. Если бы в самом деле при заключении договора договаривающиеся стороны оставляли за собою право такого выбора, то это было бы сказано в ст. 5-й, и тогда, кроме того, совершенно непонятным было бы наличие Заключительного протокола к ст. 5-й Соглашения о поселении. Постановление о неприменении валютных ограничений к вывозу выручки от личного имущества ясно показывает, что выезжающие по своему выбору не только могут вывозить в натуре свое личное имущество, но также могут вывозить в валюте выручку от продажи этого имущества. Если бы имелось в виду оставить право выбора за нами, то тогда не было бы Заключительного протокола и не было бы речи о применении валютных ограничений, а за нами было бы предусмотрено право либо предоставлять возможность вывозить их имущество в натуре, либо определять, какую часть имущества выезжающий может вывозить в валюте.

Предложение о переводе за границу лишь одной десятой части выручки от ликвидированного имущества, по-видимому,

относится к эмигрирующим за границу немецким колонистам, являющимся бесспорными советскими гражданами или получившим для выезда германские паспорта, но не признаваемым нами в качестве германских граждан. Этим немцам мы никакой валюты не обязаны давать, не даем и ничего обещать не должны.

Мы не можем, далее, запрещать или затруднять выселение из СССР тех немцев, которые признавались и признаются нами, как бесспорные германские граждане. Ст. 1 того же Соглашения о поселении прямо говорит, что “граждане каждой из договаривающихся сторон должны иметь возможность вступать на территорию другой, покидать ее” и т.д.

Помимо всех приведенных выше соображений правового порядка, мы не можем, однако, защищать на предстоящей сессии согласительной комиссии иные толкования ст. 5-й, чем наше прежнее толкование, и по бесспорным причинам формального порядка. Германская делегация в согласительной комиссии легко отведет все новые толкования со ссылкой на неоставляющее никаких сомнений заключительное заявление, содержащееся в ноте от 23 ноября 1923 г. и гласящее:

“Исходя из изложенного, надлежит прийти к заключению, что германские граждане могут свободно вывозить из СССР в силу ст. 5-й Соглашения о поселении денежную выручку от ликвидации лишь того имущества, которое точно указано в 1 абзаце ст. 5. В отношении всего прочего имущества остается в силе действующая в Советском Союзе разрешительная система”.

Германская делегация сошлется затем, конечно, на многолетние дипломатические переговоры по этому вопросу, в течение которых мы многократно высказывали точку зрения, зафиксированную в ноте от 23 ноября, а также на обсуждение вопроса, имевшее место на первой сессии согласительной комиссии. При этом германская делегация сошлется на те заявления, которые я делал на прошлогодней сессии согласительной комиссии, и мне будет очень трудно и прямо невозможно в присутствии ряда свидетелей, участвовавших в прошлогодних переговорах, отрицать, что в прошлом году я от имени советского правительства давал то самое толкование ст. 5-й, которое мы в этом году должны отрицать.

Материальная сторона вопроса. По справке германского посольства в Москве, германских граждан в СССР имеется не более 10 000. Это, главным образом, городские ремесленники и крестьяне, с давних пор живущие в СССР и уезжающие в результате финансового обложения и т.п. Ввиду этого в каждом отдельном случае речь идет о переводе в валюту сравнительно небольших сумм. За год до последней сессии согласительной комиссии было всего

переведено в валюту на основании ст. 5-й около 100 000 рублей. За 14 месяцев после прошлогодней сессии согласительной комиссии выезжающими за границу германскими гражданами было подано всего заявок на сумму в 1 022 000 руб., как это указано в моем письме от 2-го с.м. за № 3037. Эти заявки поданы на основании германского толкования ст. 5-й, т.е. обнимают также выручку за проданное недвижимое имущество (строения и т.п.). После тщательной проверки эта сумма сокращена НКФ до 300 000 рублей и в значительной степени уже переведена в валюту. В настоящее время по приблизительным подсчетам переводу подлежит сумма всего около 100 000 рублей. Надо полагать, что истекшие 14 месяцев в смысле выселения германских граждан являются наиболее неблагоприятными и что в будущем придется переводить валюты меньше, чем до настоящего времени.

Предложение НКИД: В согласии с изложенным выше, коллегия НКИД предлагает дать следующие директивы нашей делегации на 2-й сессии согласительной комиссии по ст. 5-й соглашения о поселении:

1) По старому спору о толковании ст. 5-й подтвердить нашу прежнюю позицию и отклонить всякие уступки.

2) По новой претензии немцев в связи со ст. 5-й в случае невозможности уклониться от каких бы то ни было обещаний по этому вопросу заявить в протоколе, что советская делегация будет рекомендовать своему правительству дать указание о своевременном переводе в будущем в валюту выручки от продажи личного движимого имущества выселяющихся за границу германских граждан.

3) Предложить НКФ принять меры к своевременному переводу за границу в будущем выручки, упомянутой в п. 2.

3 приложения.

С товарищеским приветом Б. Стомоняков

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 18-24. Подлинник.

Приложение 1

Статья 5-я Соглашения о поселении, входящего в торговый договор 1925 г.

Граждане каждой из договаривающихся сторон, которые в соответствии со статьей 1-й выезжают для осуществления своей профессии или промысла на территорию другой стороны, там пребывают или поселяются, имеют право без предварительного разрешения на ввоз и вывоз, ввозить и вывозить инструменты,

орудия, утварь и т.п., нужные им для осуществления их профессии или промысла, а также предметы, предназначенные исключительно для домашнего или личного пользования или потребления.

При вывозе своего имущества (в том числе и наследственно-го) граждане каждой из договаривающихся сторон не обязаны в качестве иностранцев платить иные или более высокие сборы, налоги или пошлины, чем те, которые при равных условиях должны были бы уплачиваться собственными гражданами или гражданами наиболее благоприятствуемой нации.

В отношении денег, платежных средств, благородных металлов и драгоценных камней остаются в силе действующие по законам страны ограничения, изданные в отношении владения или вывоза определенных видов денег, платежных средств, благородных металлов и драгоценных камней.

Заключительный протокол к статье 5-й

1. В отношении предметов, которые по роду своему или по количеству выходят за рамки постановления абзаца 1 статьи 5-й о назначении их, не может предъявляться требования о предусмотренной в этом абзаце льготе.

2. Ограничения указанного в абзаце 3 статьи 5-й рода, касающиеся денежного оборота, не будут иметь последствием невозможность вообще вывоза при выезде сумм, составляющих, как то доказано, выручку от имущества. То же имеет место в отношении выручки от наследственного имущества, если имеющие право на наследство лица покидают страну или проживают за границей.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 25. Заверенная копия.

Приложение 2

*Нота НКВД СССР посольству Германии в Москве
о порядке вывоза денежных средств выезжающими из СССР
германскими гражданами*

23 ноября 1931 г.

В германское посольство в Москве

На ноту посольства № Ц/452/29 от 13 августа 1929 г. Народный комиссариат по иностранным делам имеет честь сообщить нижеследующее:

Народный комиссариат подверг новому тщательному изучению ст. 5-ю Соглашения о поселении между СССР и Германией от 12 октября 1925 г.

Результаты этого изучения приводят к тому, что толкование, которое было дано Народным комиссариатом ст. 5-й Соглашения о поселении в ноте от 28 мая 1925 г., сохраняет в полной мере свою силу и не может быть поколеблено теми аргументами, которые посольство привело в своей ноте от 13 августа 1929 г.

Народный комиссариат согласен с мнением посольства о том, что ст. 5-ая Соглашения о поселении трактует вопросы о разных категориях имущества.

Абзац 1-й ст. 5-й имеет в виду категорию имущества отъезжающих, предназначенного исключительно для целей и профессий, или промысла, или для домашнего, или личного пользования или потребления.

Абзац же 3-й той же статьи касается определенного вида имущества "... денег, платежных средств, благородных металлов и камней".

Для этого имущества сохраняют силу "действующие по законам страны ограничения, изданные в отношении владения или вывоза". ...

Что же касается абзаца 2-го ст. 5-й то, хотя он и действительно говорит об имуществе вообще и, в частности, о наследственном имуществе, однако, в совершенно другом разрезе, вне всякой связи с вопросами свободы ввоза или вывоза. Этот абзац посвящен налоговому вопросу и не связан с вопросом о разрешительном порядке вывоза имущества.

Переходя к Заключительному протоколу ст. 5-й Соглашения о поселении, следует отметить, что п. 1-й протокола не оставляет никакого сомнения в том, что безлицензионный порядок ввоза и вывоза имеет применение только в отношении имущества, перечисленного в абзаце 1-м ст. 5-й, так как "в отношении предметов, которые по роду своему или по количеству выходят за рамки постановлений абзаца 1-го ст. 5-й о назначении их, не может предъявляться требование о предусмотренной в этом абзаце льготе".

Пункт 2-й Заключительного протокола относится к абзацу 3-му ст. 5-й, т.е. к денежным средствам. Поскольку денежное имущество может явиться в результате ликвидации вещного имущества, указанного в абзаце 1-м ст. 5-й, постольку запрещение вывоза денежного имущества, предусмотренное в абзаце 3-м ст. 5-й, могло бы аннулировать ту свободу вывоза имущества, которая предоставляется в силу абзаца 1-го ст. 5-й. Во избежание этого пункт 2-й Заключительного протокола предусматривает, что ограничения, указанные в абзаце 3-м ст. 5-й не будут иметь последствием невозможность вообще при выезде сумм, составляющих, как то доказано, выручку от этого именно имущества.

Только такое толкование, по мнению Народного комиссариата, является единственно правильным. Допущение противного означало бы, что Заключительный протокол к статье 5-й устанавливает правила, не имеющие отношения к содержанию ст. 5-й, т.е. по существу не являлся бы Заключительным протоколом, а новым самостоятельным правилом Соглашения о поселении.

Исходя из изложенного, надлежит прийти к заключению, что германские граждане могут свободно вывозить из СССР в силу ст. 5-й Соглашения о поселении денежную выручку от ликвидации лишь того имущества, которое точно указано в первом абзаце ст. 5-й. В отношении всего прочего имущества остается в полной силе действующая в Союзе разрешительная система.

Что касается ссылки посольства на дискуссию во время советско-германских переговоров в декабре 1928 г., то Народный комиссариат имеет честь напомнить посольству, что тогда дискуссия имела место в связи с вопросом о вывозе денежного имущества как такового, и что другие проблемы в этой дискуссии не затрагивались. Употребляя термин “вещное имущество”, делегация СССР имела в виду вещное имущество в смысле абзаца 1-го ст. 5-й Соглашения о поселении.

В силу изложенных соображений Народный комиссариат не видит, к сожалению, возможности отказаться от своей точки зрения по вопросу о вывозе сумм, вырученных от продажи имущества торговых-промышленных предприятий и т.п.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 26-28. Заверенная копия.

Приложение 3

*Выписка из протокола
советско-германской согласительной комиссии
от 8 июля 1930 г.*

Секретно
Экз. № 1

2. Вывоз имущества и валюты из СССР.

Германские делегаты в согласительной комиссии сделали следующее предложение:

“Согласительная комиссия рекомендует германскому правительству и правительству СССР ликвидировать возникшие между обоими правительствами разногласия относительно применения ст. 5-й Соглашения о поселении путем следующего заявления:

Стороны согласны, что под имуществом в смысле ст. 5-й абзаца 2 и пункта 2-го Заключительного протокола к ст. 5-й Со-

глашения о поселении должно пониматься все имущество без ограничений, т.е. как денежное имущество, так и вещное имущество всякого рода, будь то движимое или недвижимое, а равно и выручка от реализации этого имущества”.

Советские делегаты в согласительной комиссии отклонили это предложение, так как они не согласны с германским толкованием ст. 5-й Соглашения о поселении.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 29. Заверенная копия.

№ 255

*Телеграмма И.В. Сталина Л.М. Кагановичу
о нежелательности выселения немцев из СССР
ввиду недостатка рабочих рук и потери валюты*

№ 1109/ш

12 сентября 1931 г.

Сочи

Строго секретно

Москва, ЦК ВКП(б), тов. Кагановичу

От статьи 5-й соглашения мы уже отошли, поскольку выручку за недвижимое исключили. Почему нельзя отойти дальше, сославшись на недостаток валюты и нежелание поощрять выселение ввиду недостатка рабочих рук и отсутствия безработицы в СССР? Дело не в 10-ти тысяч граждан, а в том, что приходится платить ежегодно миллионы валюты. Нам важна потеря миллионов валюты, а не общее количество немецких граждан. К тому же цифра 10 тысяч явно преуменьшена и произвольна. Конфликт на таком вопросе нам ни чуть не опасен, особенно после размещения наших заказов в Германии. Надо бороться за каждый рубль валюты. Настаиваю на своем, а там решайте, как знаете. Не возражаю против использования переселенцев и услуговцев¹ на Мурманской и Северной железных дорогах.

Сталин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 15. Копия.

¹ Имеется в виду УСЛАГ – Управление Соловецких и Карело-Мурманских исправительных лагерей ОГПУ.

№ 256

Постановление ЦК ВКП(б) "О Германии"^{*}

№ П 62/опр. 15-с

14 сентября 1931 г.
Строго секретно
Из "Особой папки"

Предложить НКВД в согласительной комиссии решительно отклонить всякие претензии на перевод валюты за выручку от личного движимого имущества выселяющихся за границу германских граждан.

Только в крайнем случае и то лишь строго в отношении германских граждан (не специально принявших гражданство перед выездом) можно согласиться на выдачу валюты в размере 1/10 части выручки от продажи личного движимого имущества.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 14. Копия.

№ 257

Записка Г.С. Биткера Г.К. Орджоникидзе о беседах с германскими промышленниками¹

№ 8991

18 сентября 1931 г.
Сов. секретно

Председателю ВСНХ СССР тов. Орджоникидзе

В бытность мою в Германии с 8 по 12 сентября я встретился с Кремером, Клёкнером, Отто Вольфом и Шлезингером, в разговорах с которыми, кроме конкретных дел, были затронуты и общие вопросы.

1) По импорту.

В связи с исчерпанием гарантийных фондов, установленных предыдущим решением германского правительства в размере 700 млн марок, Комитет, ведающий распределением гарантий при Министерстве хозяйства, сообщил циркулярным письмом всем промышленникам об исчерпании гарантийного фонда с ука-

^{*} Принято опросом членов Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 сентября 1931 г. Выписка из протокола № 62 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 сентября 1931 г., п. 15. Направлена М.М. Литвинову.

занием на то, что даже по уже заключенным сделкам, возможно, гарантии не будут предоставлены.

Кремер и Клёкнер мне заявили, что на приеме у канцлера промышленникам был дан очень холодный ответ, который они объяснили тем, что при поездке Брюнинга в Италию будто бы со стороны папы² было указание, что наши закупки носят, главным образом, военный характер.

Вторым объяснением сокращения выдачи гарантии является требование кредиторов о стабилизации размеров кредитов, предоставляемых Германией за границею.

В беседе со мной Клёкнер сообщил, что он увидится в этот же день с ответственным представителем правительства и надеется на то, что на известную сумму гарантии вновь будут увеличены. Однако надо считаться, что объем заказов в Германии в будущем году не сможет выйти за предел уплачиваемых нами сумм в погашение задолженности, т.е. – около 400 млн марок.

Я указал Клёкнеру, что в 1929 г. мы разместили в Германии заказы на сумму 450 млн марок, в 1930 г. – на 550 млн марок, в 1931 г. за 8 месяцев – на 750 млн марок и до конца года мы сможем, очевидно, разместить еще около 100–150 млн марок. Таким образом, объем операций будущего года будет в два раза меньше объема операций этого года.

На это мне Клёкнер возразил, что увеличение гарантийного фонда, очевидно, невозможно в ближайшее время, однако промышленники сейчас думают о мобилизации собственных ресурсов. Об этом мне говорил также Кремер, который сослался на указание Брюнинга, что если правительство через Рейхсбанк представляет промышленности для редисконта 150 млн марок, то промышленность и банки должны также со своей стороны мобилизовать не меньше 100 млн марок.

Эту “самопомощь” (Selbsthilfe) промышленники сейчас и организуют и, очевидно, для операций 1932 г. имеют в виду создание какого-то банковско-промышленного консорциума.

Клёкнер весьма интересовался заказом на железо и чугун и 11 сентября прислал мне письмо, в котором сообщил, что переговоры его с правительством по поводу заказов на железо и чугун – сверх ожидания, приняли благоприятный характер и он рассчитывает через 2 недели добиться также обеспечения и финансирования этой сделки.

В личной беседе с ним я заявил ему, что ничего реального по этому вопросу я сейчас заявить не могу.

Во всех этих переговорах особенно бросается в глаза резкий перелом настроения у представителей тяжелой индустрии в нашу пользу.

Клэкнер указал на факт банкротства “Нордволле” (“Северная шерсть”), где пассив достиг 250 млн марок, где обнаружены значительные злоупотребления, и говорит: насколько более здоровым было бы обращение потерянных средств на финансирование операции с Вами.

Очень метко охарактеризовал нынешнее положение Германии Отто Вольф, который сравнил нынешний разброд, как проигранный второй войны, объявленной немцами 28 марта этого года (день заключения соглашения с Австрией о таможенной унии). Первая попытка Германии перейти к активной внешней политике кончилась крахом, и виной этому Курциус, который должен быть заменен дипломатом (очевидно Ф. Бюловым). То же говорил мне и Клэкнер.

Условия мира – условия, предложенные Германии в Базеле Комитетом банкиров³, – по мнению Вольфа, являются такими же похабными, как и условия Версальского договора.

По мнению Клэкнера, зимой ожидается до 6–6,5 млн безработных, которых надо обязательно снабдить углем. Отто Вольфу канцлер Брюнинг передал (источник мне неизвестен), что русские хотят для Ленинграда купить 1–2 млн тонн угля с длительным кредитом (запас угля в Германии 12 млн тонн).

В день моего отъезда Шлезингер мне сообщил, что вопрос о гарантиях для дальнейших сделок разрешен в положительном смысле (даны новые гарантии на 130 млн марок).

II) По экспорту.

Особенно напирал на необходимость обратить особое внимание на наш экспорт Шлезингер.

Немецкое правительство якобы сейчас главным образом озабочено именно этим – возможностью создать благоприятные условия для размещения нашего экспорта, как единственное обеспечение покрытия закупаемые в Германии машины.

Шлезингер заявил, что мы хотим, чтобы большевики платили и, подсчитывая Ваши экспортные ресурсы и возможную конъюнктуру 1932 г., он приходит к цифре нашего экспорта в будущем году в 750 млн руб., “и если” – он говорит – “Вы для закупки машин прислали такую видную фигуру, как Пятаков, то для более трудной работы – для продажи ваших экспортных товаров – вы должны прислать группу таких же видных людей.

В правительстве хотят сейчас – желание промышленников принять от вас заказы – использовать для того, чтобы заставить этих же промышленников производить у вас необходимые закупки.

При нынешней конъюнктуре экспортные возможности зависят также от возможности предоставления хотя бы краткосрочных кредитов.

Мы могли бы обсудить возможность по продаваемым вами в кредит – скажем, в 6 месяцев – товарам предоставить вам возможность уплаты и учета. Необходимо только, чтобы переговоры велись крупными хозяйственниками”.

Шлезингер говорит, что в то время, когда Литвинов в Женеве выступал против преференциальных тарифов, Любимов в Берлине предлагает немецкому правительству издать декрет о том, чтобы немецкие промышленники оказывали предпочтение советским товарам. Между тем надо помнить, что основным рынком сбыта для Германии является Англия, куда идет 60% германского экспорта. Необходимо вопросы Вашего экспорта проводить более гибким методом, чем методы г-на Любимова.

Отто Вольф снова поднял нефтяной вопрос. Он повторил свое предложение, сделанное в июне мне и Пятакову, которое заключается в следующем:

Организуемая им группа (за которой, по моему мнению, стоит Детердинг) получает от нас монополию на экспорт нефти на 5 лет и перенимает на себя все существующие обязательства по нефти, выкупает все находящиеся за границей организации по распределению нефти и наши инсталляции. Цена устанавливается на 5% ниже цены Мексиканского гольфа⁴. Группа готова выдать нам аванс, кроме того, предлагает купить 200 тыс. тонн нефтепроводных труб и гарантирует сбыт нефти на 1 млн тонн больше существующего. По истечении договора – все организации и инсталляции снова передаются нам.

Никакого письменного предложения О. Вольф не хочет нам делать до получения от нас принципиального согласия вести переговоры на этой базе.

Общее впечатление: Германия получила сейчас снова щелчок на Западе; в деловых кругах полное разочарование непримиримостью французских политиков и банкиров. Как говорит Клёкнер, вся установка Германии со времен ухода Бисмарка от активной политики – на разрыв с Россией была неправильной.

Как у тяжелой, так и у машиностроительной промышленности стремление продолжать работу с нами на уровне взятых в 1931 г. темпов.

Биткер

Встреча с поляками

Кроме этих встреч с немцами, у меня была одна встреча с “поляками”, т.е. с теми же немцами – Фликом⁵ – хозяином “Бисмаркхютте” (и основным акционером) и генеральным директором предприятия Шерфом.

Наша задолженность “Бисмаркхютте” составляет на сегодня 3.000.000 фунтов, т.е. подходит к 30 млн рублей. В связи с переговорами об обсадных трубах для нефтяной промышленности и текущими поставками наша задолженность им может к 1 января достигнуть 35 млн руб. 50% этой суммы гарантированы польским правительством.

Требование на расширение кредитования наших сделок встретило следующие контртребования со стороны польского правительства:

1) предоставление польскому правительству опциона* на покупку пакета акций, который польское правительство, очевидно, желает перепродать французским группам;

2) залог заводских построек, что Флик отклонил, – дает согласие на залог только жилых домов;

3) полонизация управления.

14 сентября в Варшаве начались эти переговоры.

В отношении нас “Бисмаркхютте” предлагает:

1) взять заказ на 10 тыс. тонн обсадных труб для нефти по 24 фунта. Я полагаю, что они дойдут до 22 фунтов. Последняя цена, по которой мы покупали обсадные трубы, – 32 фунта;

2) прислать в октябре или ноябре месяце делегацию для заключения сделки на 1932 г. на поставку 300 тыс. тонн железа и труб в составе:

Флика и Шерфа и кн. Радзивилла⁶ (председатель Наблюдательного совета) и кн. Любомирского⁷ – от Союза промышленников.

Биткер

Резолюция Г.К. Орджоникидзе: Тов. Кагановичу. Посылаю записку тов. Биткера для информации, прошу разослать членам ПБ. С. Орджоникидзе. 18.09.1931 г.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 37–42. Копия.

¹ Копии направлены членам и кандидатам Политбюро ЦК ВКП(б), членам президиума ЦКК, секретарям ЦК. На препроводительной записке экземпляра, направленного И.В. Сталину 18.09.1931 г., его резолюция: “Т. Кагановичу.

*Предварительное соглашение о заключении договора в будущем в согласованные сроки (*лат.*).

Не мешает прочесть эту штучку, она интересна. И. Ст[алин]" (АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 36).

² Имеется в виду Пий XI (А.Д.А. Раги) (1857–1939) – на папском престоле в 1922–1939 гг.

³ Имеется в виду высший орган Банка международных расчетов.

⁴ От golfo – залив (исп.).

⁵ Флик Фридрих (1883–1972) – промышленник, генеральный директор, председатель и член наблюдательных советов различных промышленных предприятий, член наблюдательного совета Дрезденского банка.

⁶ Радзивилл Януш (1880–1967) – польский помещик, в 1928–1935 гг. депутат сейма Польши, сенатор, председатель комиссии по иностранным делам.

⁷ Любомирский Станислав (1875–1932) – князь, польский промышленник, финансист, государственный деятель.

№ 258

*Записка Н.Н. Крестинского Л.М. Кагановичу
о советском демарше германскому правительству
по поводу расширения советского экспорта в Германию**

№ 23045

24 сентября 1931 г.
Сов. секретно

В Политбюро ЦК ВКП(б)

тов. Кагановичу

Копия: тов. Молотову**

Многоуважаемый Лазарь Моисеевич,

От тов. Стомонякова получено письмо, в котором он, по соглашению с берлинскими товарищами, констатирует, что наш экспорт в Германию находится в очень тяжелом положении, что ведущиеся сейчас в Берлине экспортные переговоры не дали до сих пор никаких результатов и что необходимо сделать германскому правительству серьезное, но в то же время вполне конкретное представление по вопросу о создании более благоприятных условий для размещения на германском рынке наших экспортных товаров.

Обсудив вчера предложение т. Стомонякова, коллегия НКВД пришла к убеждению, что предлагаемый т. Стомоняковым демарш должен быть сделан. Мы должны письменно в ноте со всей серьезностью указать германскому правительству на то, что с его стороны не только не принимается никаких мер к тому, чтобы

* Штамл: Прот[окол] ПБ № 64, п. 2.

** Копии направлены также М.М. Литвинову, Л.М. Карахану, А.П. Розенгольцу.

наш экспорт достиг довоенного уровня или превысил бы его, но что общая сумма германских таможенных мероприятий затрудняет доступ на германский рынок нашим главнейшим товарам и что это не может не повлечь за собой уменьшение наших заказов в Германии.

Так как наш импорт из Германии достиг чрезвычайно высокого уровня, значительно превышающего довоенный, и так как повсеместный кризис, затрудняющий сбыт наших экспортных товаров на других не германских рынках создает, по мнению германских правительственных кругов, известную опасность того, что мы не в состоянии будем покрывать нашу задолженность Германии по все увеличивающимся заказам, то германское правительство и германские промышленники теперь до известной степени сами заинтересованы в увеличении наших продаж на германском рынке. Поэтому мы можем рассчитывать на положительный эффект от нашего демарша.

Правда, германское правительство не может пойти на удовлетворение нашего основного требования, именно не может дать нам таможенные скидки по зерновым продуктам, так как эти скидки автоматически распространились бы на заокеанский хлеб, а это ударило бы по интересам германского сельского хозяйства. Но зато германское правительство может помочь нам расширить наш экспорт другим путем, а именно путем преимущественных закупок наших товаров для государственных и полугосударственных организаций, для коммунальных учреждений и даже для тех или других зависящих от правительства частных промышленных и иных предприятий. По отношению к товарам, могущим выдерживать существующие ввозные пошлины, эти закупки могут носить совершенно легальный характер обыкновенных коммерческих сделок. По отношению же к зерновым продуктам германское правительство может через те или иные подставные частные организации покупать у нас эти продукты в определенном контингентированном количестве по повышенным, по сравнению с рыночными, ценам с тем, что потом правительство будет неофициально возвращать покупателю разницу между заплаченной им и рыночной ценой. Путем таких закупочных сделок может быть фактически предоставлено нам снижение ввозной пошлины для определенного количества некоторых наших товаров.

При нашем демарше мы не можем ограничиваться разговорами общего характера, а мы должны перечислить несколько определенных наиболее важных для нас экспортных товаров и предъявить по ним строго взвешенные и притом вполне реальные количественные требования. В списке наших требований не

должно быть таких товаров, которые мы можем легко разместить без содействия германского правительства. С другой стороны, не должно быть таких статей экспорта, которых мы не сможем предъявить совсем или не сможем предложить в том количестве, для которого будем требовать льготных условий.

Только при условии такой внимательной проработки списка наших требований можно рассчитывать на реальный успех этого нашего демарша перед германским Министерством иностранных дел и для дальнейших переговоров.

НКВД просит Политбюро разрешить ему сделать германскому правительству вышеуказанное представление, а выработку списка требований возложить в трехдневный срок совместно на НКВД и НКВТ.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 45 об.—46. Подлинник.

№ 259

*Записка Н.Н. Крестинского Л.М. Кагановичу
о целесообразности переговоров с германской стороной
по вербовке немецких рабочих для работы в СССР*

№ 23046

24 сентября 1931 г.
Сов. секретно

В Политбюро ЦК ВКП(б),

тов. Кагановичу

Копия: тов. Молотову*

Многоуважаемый Лазарь Моисеевич,

В числе вопросов, поставленных немецкой стороной в порядок дня согласительной комиссии, имеется вопрос о найме нами в Германии рабочих с нарушением существующих по этому поводу в Германии законов.

Мы предполагали возражать против постановки этого вопроса со ссылкой на то, что согласительная комиссия может обсуждать только такие вопросы, по которым не удалось достигнуть соглашения в дипломатическом порядке, а по вопросу о порядке найма рабочих переговоры между нашим берлинским полпредством и

* Копии направлены членам и кандидатам Политбюро ЦК ВКП(б), членам президиума ЦКК, секретарю ЦК ВКП(б) П.П. Постышеву, а также М.М. Литвинову, Л.М. Карахану, Г.Л. Пятакову.

Министерством иностранных дел еще не закончены. Совершенно неожиданно выяснилось, что ВСНХ против дальнейшего ведения переговоров о порядке найма рабочих и что тов. Серго не знал даже, что такого рода переговоры ведутся.

В письме на имя т. Серго и т. Биткера от 19 сентября я напомнил товарищам, что ВСНХ, в письмах от 11.10.1930 г. и 16.01.1931 г. (последнее за подписью т. Гуревича) не только дал свое согласие на ведение переговоров, но торопил НКВД со скорейшим оформлением всего вопроса. Таким образом, переговоры велись не без ведома и не против согласия ВСНХ, а в полном контакте с ВСНХ и по его настоянию.

Но это дело прошлого. Сейчас же надо решить, как быть по этому вопросу в будущем. Если мы считаем, что по вопросу о найме немецких рабочих для работы в СССР мы с германским правительством разговаривать не должны, тогда, конечно, нам не следует в согласительной комиссии ссылаться на ведущиеся и еще незаконченные переговоры, а надо принять бой по принципиальному вопросу и заявить, что это дело германского правительства не касается.

Если же по обсуждении вопроса мы придем к обратному выводу, а именно к тому, что без урегулирования вопроса с германским правительством нам рабочих из Германии не получить, тогда нам нужно будет после согласительной комиссии продолжить незаконченные еще переговоры, а с повестки согласительной комиссии этот вопрос снять как обсуждающийся еще в другом порядке.

Вчера я говорил с т. Пятаковым, он колеблется, считает, что этот вопрос не ведомственный, а общеполитический, и предложил поставить его в Политбюро.

Существо дела состоит в том, что в Германии с 1923 г. существует закон, который запрещает производить в Германии вербовку рабочих для заграницы, а также посредничество в такой вербовке без получения предварительного разрешения Министерства труда на такую вербовку. Установлен этот закон для защиты рабочих от кабальной эксплуатации их вербовщиками в отдаленных колониальных местах. Под вербовкой, по смыслу этого немецкого закона, разумеется приглашение в год одним и тем же лицом или учреждением более чем трех рабочих.

Наши органы (представительство ВСНХ, "Союзугля", "Оргметалла", НКПС) производили в Германии вербовку рабочих в большом количестве. Министерство иностранных дел и Министерство труда протестовали и протестуют против того, что наши органы производят вербовку, не получив предварительно разре-

шения Министерства труда на вербовку. В последние месяцы, кроме органов Министерства труда, в это дело начинает вмешиваться уже и прокурорский надзор, угрожающий привлечением к ответственности незаконно вербующих лиц.

Переговоры, которые велись по этому вопросу в Берлине, начиная с июля 1930 г., имели целью получить разрешение германского правительства на производство нашими государственными органами вербовки – без того, чтобы эта вербовка производилась через германские биржи труда и без того, чтобы германские правительственные органы принимали какое-либо участие в выработке условий найма. Мы стремились получить легализацию нашей самостоятельной вербовки, не возражая против того, чтобы по определенным срокам, ежемесячно или поквартально, сообщать органам Министерства труда о количестве нанятых нами уже рабочих по категориям. Подробные указания были даны нашему полпредству на основании указанного выше письма ВСНХ.

Немецкая сторона вначале склонна была пойти нам навстречу и дать огульное разрешение на вербовку. Впоследствии, однако, в связи с тем, что мы перестали включать в наши договора с рабочими условие об уплате части заработной платы в иновалюте, а также в связи с массовым возвращением из СССР рабочих из первых на вербованных групп, органы Министерства труда пытаются в настоящее время добиться своего некоторого контроля и над содержанием наших договоров с рабочими.

На это последнее требование мы пойти, конечно, не можем. Но я не вижу принципиальных возражений против того, чтобы узаконить путем соглашения с германским правительством нашу вербовку.

Живя и работая на территории Германии, мы подчиняемся очень многим законам, с которыми мы по существу не согласны и которые нам неприятны и невыгодны. Нам приходится считаться с подсудностью наших сделок немецким судам, с тем, что даже наши споры с приглашенными на месте сотрудниками нашего торгпредства разбираются немецкими трудовыми судами, с тем, что для немецких сотрудников в торгпредстве должен существовать местком не по нашим, а по немецким законам. К такой же категории законов относится и закон о порядке найма на территории Германии рабочих для выезда за границу. Мы не можем заявить, что этого закона мы исполнять не будем. Мы можем лишь или отказаться от вербовки рабочих в Германии, или пытаться обходить этот закон, производя наем непосредственно из СССР. Отказаться от найма немецких рабочих мы не можем, вербовка непосредственно из СССР письменным путем без устных переговоров с

рабочими – есть вещь явно нереальная. Если же какой-либо из наших органов будет вести переговоры с рабочими, выдавать им деньги на дорогу, то это, конечно, будет воспринято, как нарушение нами закона.

НКВД, поэтому, высказывается за то, чтобы попытаться договориться с германским правительством о легализации нашей вербовки, для чего продолжить ведущиеся в Берлине и неоконченные еще переговоры.

Прилагаю проект постановления.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

Проект постановления

1. Не возражать против того, чтобы НКВД совместно с ВСНХ продолжил переговоры с германским правительством о порядке вербовки нашими хозорганами немецких рабочих для работы в СССР.

2. Разрешить нашим делегатам на согласительной комиссии, возражая против постановки вопроса о найме рабочих в порядок дня согласительной комиссии, сослаться на ведущиеся по этому поводу в Берлине между полпредством и германским правительством переговоры.

Виза: Н. Крестинский.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 48–50. Подлинник.

№ 260

*Записка Н.Н. Крестинского Л.М. Кагановичу
о расчете по немецким претензиям за пароход “Петр Берг”**

№ 23062

29 сентября 1931 г.
Секретно

Политбюро ЦК ВКП(б),

тов. Кагановичу

Копия: тов. Молотову

Многоуважаемый Лазарь Моисеевич,

В числе немецких претензий, рассматриваемых на берлинской сессии согласительной комиссии, имеется претензия, связанная с пароходом “Меркур”.

Дело заключается в следующем. В 1923 году в Архангельск зашел под немецким флагом коммерческий пароход “Меркур”.

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 67, п. 11-6.

Так как нашими портовыми властями было установлено, что этот пароход тождественен с пароходом “Петр Берг”, входившим в состав дореволюционного торгового флота и ускользнувшим от национализации, то пароход был нами задержан, объявлен нашей собственностью и под именем “Лозовского” включен в состав советского торгового флота. Архангельский губсуд подтвердил правильность национализации “Меркура”, и немцы, в конце концов, подчинились этому решению. Однако последний владелец “Меркура” немецкая фирма “Генрих Шмидт” через германское посольство в Москве обратилась к нам с просьбой возместить ей те затраты, которые были ею сделаны по переустройке и улучшению парохода и по снабжению его современной радиоаппаратурой и другими техническими принадлежностями, каковые затраты она оценивала в более чем 5 тысяч фунтов, т.е. свыше 50 тысяч рублей. После продолжительных переговоров Совторгфлот согласился уплатить фирме в окончательный расчет по всем ее претензиям 10 тысяч рублей с тем, чтобы германское правительство со своей стороны гарантировало, что фирма не будет делать никаких попыток наложить арест на пароход “Лозовский” в заграничных портах. Это свое согласие Совторгфлот подтвердил письмом на имя НКВД от 14 января 1926 г., прося указать, когда и кому должны быть выплачены деньги. На основании этого письма НКВД письменно же нотой от 25.01.1926 г. сообщил германскому посольству о нашей готовности внести 10 тысяч рублей по получении от германской стороны указанных в ноте заявлений.

На этом переписка между нами и немецкой стороной прекратилась. Немцы утверждают, что устно они возвращались к этому вопросу и заявляли о своем согласии с поставленными Совторгфлотом условиями, однако, следов этих обещаний в делах НКВД нет и выплата денег, во всяком случае, до сих пор не произведена. Сейчас в Берлине немецкие представители на согласительной комиссии заявляли, что и фирма “Генрих Шмидт” и германское правительство готовы дать нам просимые заявления и гарантии и просят подтвердить, что мы остаемся при нашем прежнем предложении.

Отказаться от признанного в свое время Совторгфлотом долга юридически и политически крайне неудобно. Это особенно неудобно теперь на данной сессии согласительной комиссии, когда мы отклоняем почти все германские претензии, а по некоторым существенным для немцев вопросам идем даже назад по сравнению с нашей прежней позицией. Поэтому НКВД, по предложению наших представителей в согласительной комиссии, обратился к

НКВоду с просьбой подтвердить свое согласие выполнить свое обязательство по отношению к фирме “Генрих Шмидт”.

Тов. Зоф ответил мне, что дело “Меркура” ему совершенно неизвестно, что смета этого года и валютный лимит НКВода не предусматривают платежа по этому делу и что он поэтому не может принять на НКВод этого обязательства.

Ввиду этого НКИД просит Политбюро подтвердить необходимость уплаты фирме “Генрих Шмидт” 10 тысяч рублей и разрешить НКИД сделать немецкой стороне соответствующее заявление. Должен добавить, что наш положительный ответ немцам не обозначает, что мы должны будем внести деньги завтра же. Нам очень легко объяснить немцам, что ввиду многолетнего перерыва в переговорах по этому вопросу наш Совторгфлот не учитывал вовсе необходимости произвести в этом году платеж и что поэтому требуемая сумма будет внесена лишь в течение первого квартала будущего года.

Прилагаю копию письма от 14 января и ноты от 25 января 1926 г.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 62–64. Копия.

Приложение 1

*Письмо правления акционерного общества “Совторгфлот”
в экономическо-правовой отдел НКИД СССР
о расчете с фирмой “Генрих Шмидт”*

№ 36/с

14 января 1926 г.

Секретно

На № 15624

Подтверждая получение Вашего письма от 31.12.1925 г. за № 15624, правление Совторгфлота сообщает, что оно выражает свое согласие уплатить в окончательный расчет по претензиям фирмы “Генрих Шмидт” 10 000 рублей, но при том условии, что НКИД истребует от фирмы “Генрих Шмидт” и передаст правлению Совторгфлота письменную гарантию в том, что с означенной выплатой фирма “Генрих Шмидт” никаких претензий по пароходу “Петр Берг”, ныне “Лозовский”, не имеет и не будет иметь в будущем ни к бывшему Госторгфлоту, ни к Совторгфлоту.

Затем правлению Совторгфлота с ликвидацией расчетов с фирмой “Генрих Шмидт” по пароходу “Петр Берг” – ныне “Лозовский”, по уплате упомянутых 10 000 рублей, чрезвычайно важно

было бы иметь заверение НКВД в том, что пароход “Лозовский” может совершать плавание во все заграничные порты, в какие по условиям эксплуатации необходимо ему будет иметь заходы, без опасения за возможность наложения на пароход арест по претензиям к нему до момента поступления парохода в распоряжение бывшего Госторгфлота.

По получении от Вас благоприятного ответа на вышеизложенное и по указании Вами, кому и каким порядком следует произвести выплату фирме “Генрих Шмидт” упомянутых 10 000 рублей, правление Совторгфлота не замедлит исполнением по оплате.

Председатель правления Ленцман¹
Главный бухгалтер Савин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 65. Заверенная копия.

Приложение 2

*Нота НКВД СССР
о готовности уплатить фирме “Генрих Шмидт”
расходы по переустройству и техническому оборудованию
парохода “Лозовский”*

25 января 1926 г.

На ноту от 17 декабря 1925 г. за № 1325/25 Народный комиссариат по иностранным делам имеет честь подтвердить германскому посольству готовность правительства СССР уплатить германской стороне в окончательный расчет по ее претензиям, вытекающим из факта временного плавания парохода “Лозовский” (бывший “Петр Берг”) под германским флагом, 10 000 рублей.

Принимая во внимание, что урегулирование этого дела в указанном смысле явится результатом соглашения, в силу которого германская сторона соглашается принять указанную выше сумму в окончательный расчет по всем своим претензиям, Народный комиссариат полагал бы желательным получить от германской стороны официальное заверение, подтвержденное германским правительством, о том, что, имеющим быть произведенным расчетом, германская сторона считает себя окончательно удовлетворенной по всем претензиям, предъявленным к союзным органам в связи с возвращением парохода к правительству СССР и что поэтому с ее стороны не будут предприняты в связи с этим в дальнейшем в отношении парохода “Лозовский” (бывший “Петр Берг”) какие-либо мероприятия, могущие нарушить интересы союзной стороны

в лице ответственных мореходных органов, в ведении коих этот пароход ныне находится.

По получении такого заверения Народный комиссариат не замедлит препроводить в посольство указанную сумму с просьбой о передаче ее по назначению.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 66. Заверенная копия.

¹ Ленцманис Ян Давыдович (1881–1939) – в 1921–1924 гг. начальник Петроградского торгового порта, в 1925–1926 гг. председатель правления Совторгфлота, в 1926–1928 гг. директор Кузнецкстроя.

№ 261

*Телеграмма уполномоченных СССР на 2-й сессии
советско-германской согласительной комиссии¹*

*Г.М. Аркуса и Б.С. Стомонакова в НКВД СССР относительно
немецкого предложения о вывозе валюты**

№ 11094

3 октября 1931 г.

Берлин

Сов. секретно

Немедленно

Москва, НКВД

В результате частных и официальных переговоров по вопросу о вывозе валюты немцы сделали в конце концов следующее предложение: не предвешая правовых позиций обеих сторон, оба правительства соглашаются установить максимальный ежегодный контингент вывоза валюты. Мы заявили немцам, что Наркомфин отказывается переводить валюту по-прежнему и оставляет за собой право принимать решение в каждом отдельном случае по своему усмотрению. Наше предложение о снятии вопроса отклонено со ссылкой на то, что отклонение политически невыгодно обеим сторонам: германскому правительству потому, что его будут обвинять в том, что оно не сумело защитить даже таких ясно вытекающих из договора прав своих граждан, а нам – потому, что им придется оправдываться тем, что мы из-за нашего тяжелого валютного положения не можем выполнить свое договорное обязательство. Считаем, что последнее немецкое предложение следует принять при условии, что размеры ежегодных контингентов, в том числе первый, будут определяться не в согласительной комиссии, а в дипломатических переговорах

* *Штамп:* Сталину.

в Москве. При этом необходимо будет еще раз предупредить о нашем намерении максимально сократить валютные расходы по статье 5.

Телеграфируйте директивы.

Аркус, Стомоняков

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 53–54. Заверенный дешифрант.

¹ 17 сентября – 6 октября 1931 г. в Берлине проходила 2-я сессия согласительной комиссии.

№ 262

*Записка Н.Н. Крестинского Л.М. Кагановичу
о предложении германской стороны
в советско-германской согласительной комиссии
нового порядка вывоза валюты уезжающими из СССР
немецкими гражданами**

№ 23066

4 октября 1931 г.
Секретно

Политбюро ЦК ВКП(б),
тов. Кагановичу**

Многоуважаемый Лазарь Моисеевич,

От гг. Стомонякова и Аркуса получена телеграмма, в которой они просят дополнительную директиву по вопросу о вывозе валюты уезжающими из СССР германскими гражданами.

Положение вопроса на сессии согласительной комиссии в настоящее время таково. Мы заявили, что Наркомфин по-прежнему будет удовлетворять ходатайства выезжающих по своему усмотрению, не принимая по этому поводу никаких обязательств перед немцами. Мы предлагаем поэтому снять вопрос с порядка дня сессии. Немцы внесли контрпредложение, заключающееся в том, что на каждый год устанавливается определенный валютный контингент, выше которого немецкие граждане не могут требовать разрешения на вывоз валюты, сколько бы их не выезжало и какие бы суммы в советских рублях они фактически не выручили бы.

Немецкая сторона заявляет, что отсутствие соглашения по этому вопросу будет политически невыгодно и для немецкой и для нашей стороны.

* Штамл: Прот[окол] ПБ № 67, п. 11.

** Копии направлены М.М. Литвинову, Л.М. Карахану.

Германская пресса будет ругать немецких представителей в согласительной комиссии за то, что им не удалось добиться от нас выполнения такого бесспорного, по их мнению, нашего обязательства.

Со своей стороны, защищаясь от этого упрека, немцы будут объяснять, что наше валютное положение настолько ухудшилось, что мы в этом году пошли назад от своей прошлогодней позиции и отказываемся принять на себя по этому вопросу какие-нибудь твердые обязательства.

Чтобы избежать таких неприятных для обеих сторон заявлений и столкновений, немцы предлагают принять их предложение, имеющее видимость какой-то договоренности, но не устанавливающее твердой суммы нашего обязательства.

Тов. тов. Стомоняков и Аркус высказываются за принятие немецкого предложения с тем добавлением, что размер ежегодного контингента будет устанавливаться не на сессии согласительной комиссии, а путем дипломатических переговоров в Москве. Эта оговорка должна относиться и к нынешнему году.

Если мы согласимся с предложением немцев, а они с нашей оговоркой, то вопрос в согласительной комиссии будет считаться благополучно разрешенным, а разговоры об установлении контингента начнутся потом в Москве, причем мы будем предлагать контингент в таком размере, чтобы он соответствовал принятой 14 сентября комиссией Политбюро директиве.

Просьба поставить этот вопрос на заседании 5 октября, чтобы иметь возможность завтра же дать телеграфные директивы. Окончание сессии задерживается, главным образом, из-за вопроса о "Меркуре" и этого вопроса.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 61-62. Подлинник.

*Телеграмма Б.С. Стомонякова в НКВД СССР
с предложением нового порядка выплаты валюты
уезжающим из СССР немецким гражданам*

№ 11169
Спец 11163

4 октября 1931 г.
Берлин
Сов. секретно
Вне очереди

Москва, НКВД*

[На] Ваш № 1060. Как Вы увидите из посланной с Хинчуком записи моей беседы с Раумером, нами был произведен максималь-но возможный нажим, чтобы заставить немцев снять свои матери-альные претензии с повестки. Нам это удалось лишь в отношении договоров о найме рабочей силы. Что касается валюты, то они по-сле долгих обсуждений у себя этого вопроса через 5 дней заяви-ли, что снятие невозможно, поскольку вопрос ставится вторично, и сделали предложение о контингенте и об обсуждении в буду-щих дипломатических переговорах вопроса о его размере. Если мы отклоним и это предложение, то немцы решат, что дело не в том, что платежи по 5-й статье приняли недопустимый размер, а в том, что мы отказываемся от всяких платежей вообще. Тогда, вероятно, они будут настаивать, чтобы мы записали в протоколе свое устное заявление, что не будем платить. Таким заявлением в протоколе немцы могли бы нас потом шантажировать, ибо, буду-чи опубликовано, оно было бы истолковано нашими врагами как признание нами своей неплатежеспособности. Обещание платить одну десятую часть заявки, которого я впрочем не давал, было бы в этом смысле еще больше опасно, ибо истолковывалось бы как заявление об уплате по обязательству десять копеек за 1 рубль. В создавшейся ситуации наиболее выгодный для нас выход, счи-таю, пойти на переговоры в дипломатическом порядке о размерах ежегодных контингентов. Это нас ни к чему не обязывает, и Вы не будете связаны никакими цифрами в переговорах. Раз мы готовы платить одну десятую, то материал для переговоров уже есть, а прекратить их, если нужно, можно будет во всякое время.

Прошу непременно обсудить завтра наше предложение и телеграфировать директиву. Если оно будет отклонено, то дайте точные директивы, что записать в протоколе. Учтите при этом, что немцы имеют право после нашего заявления записать контр-

* Штамп: Сталину.

заявление и что вообще вопрос о том, что мы запишем в протоколе в случае отклонения немецкого предложения, и есть центральный вопрос во всем этом деле.

Предполагаем закончить переговоры 6 октября. Они затянулись несколько дольше предположенного вследствие большого обилия отдельных немецких претензий и фактического расширения немцами сообщенной нам в Москву повестки. Наши непрерывные усилия сократить прения наталкиваются на требования немцев о все новом обсуждении, при том и в закрытых заседаниях, их материальных претензий. Так как почти все вопросы поставлены ими и председатель от них, то бороться трудно. Я предупредил в первый день Бюлова и Раумера, что имею инструкции закончить в две недели, но они указали обилие вопросов и на то, что в прошлом году у нас сессия длилась больше трех недель. Ввиду того, что отклонение нами почти всех немецких претензий и сверх ожидания приличного поведения немцев я не считал целесообразным обострять отношений из-за этого вопроса.

Стомоняков

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 56–58. Заверенный дешифрант.

№ 264

*Записка Н.Н. Крестинского Л.М. Кагановичу
о забастовке немецких судовых команд
в советских портах**

№ 23074

9 октября 1931 г.
Секретно

В Политбюро ЦК ВКП(б)
тов. Кагановичу**

Многоуважаемый Лазарь Моисеевич,

Коллегия НКВД просит Вас внести в дополнительную повестку заседания 10 октября вопросы, связанные с забастовкой немецких судовых команд в наших портах.

Вопрос ставится в связи:

а) с обращением германского консула в Ленинграде к нашему агенту в Ленинграде, и

б) в связи с избиванием бастующими матросами германского консула в Одессе.

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 68, п. 20.

** Копии направлены М.М. Литвинову, Л.М. Карахану.

Так как НКВД ожидает получения дополнительных сведений из Ленинграда и Одессы, то вопрос будет доложен мною устно.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 677. Л. 9. Подлинник.

№ 265

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О забастовке немецких моряков в наших портах”**

№ П 68/20-с

10 октября 1931 г.
Строго секретно
Из “Особой папки”

20. а) Отказать германскому консулу в Ленинграде в его требовании о выдаче оставшихся на берегу матросов с ушедших немецких пароходов со ссылкой на соответствующие статьи консульской конвенции.

б) Вопрос об избииении бастующими матросами германского консула в Одессе с обсуждения снять.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 677. Л. 8. Копия.

№ 266

*Запись беседы М.М. Литвинова с временным поверенным в делах Германии в СССР Ф. Твардовским о забастовке германских моряков в советских портах***

11 октября 1931 г.
Секретно
Экз. № 5

Дневник
М.М. Литвинова

Прием Твардовского 11 октября 1931 г.

Сославшись на свой вчерашний и сегодняшний разговоры со Штерном, Твардовский заявил, что решил обратиться ко мне лично, чтобы обратить внимание на всю серьезность создавшие-

* Вопрос представлен Н.Н. Крестинским, М.М. Литвиновым. Выписка из протокола № 68 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 октября 1931 г., п. 20. Направлена М.М. Литвинову, Н.Н. Крестинскому.

** Копии направлены Н.Н. Крестинскому, Л.М. Карахану, Б.С. Стомонякову, И.В. Сталину, Д.Г. Штерну.

гося положения в связи с забастовкой германских моряков. Ему звонили вчера и сегодня несколько раз из Берлина, где царит чрезвычайное возмущение и возбуждение. Пароходные общества даже возбудили ходатайство о принятии репрессивных мер против советских судов в германских портах. Неизбежна кампания в прессе, которой правительство воспрепятствовать не сможет. Мы должны знать, что это дело может иметь чрезвычайные экономические и политические последствия. Он не имеет поручения от своего правительства делать это заявление, но, как искренний сторонник дружественных отношений, он счел своим долгом меня предупредить.

Германским законом стачка на судах не признается, рассматривается как мятеж и уголовно наказуема. Согласно консульской конвенции и международной практике, консулы в портах имеют право в таких случаях требовать от местных властей содействия и принятия необходимых мер. Требование германского консула в Ленинграде нашими властями не выполняется. Разрешаются совершенно свободно сношения на наших катерах между судами, несмотря на то, что обычно наши власти не разрешают доступа на иностранные суда посторонним лицам. На судах имеются моряки, готовые уйти в море, но на них оказывается давление со стороны представителей стачечного комитета с берега. Твардовский настаивает на оказании нашими властями германскому консулу необходимого содействия. В Одессе был избит германский консул в присутствии двух часовых, которые пальцем о палец не ударили, чтобы прийти консулу на помощь. Он еще не имеет полного доклада из Одессы и поэтому не хочет касаться сейчас специально этого инцидента.

Я сказал, что с этим вопросом не совсем знаком, так как им занимаются тов. Крестинский и т. Штерн, но что из заявления Твардовского мне непонятно, чего он от нас добивается. Как бы германский закон ни трактовал забастовку, мы не можем вмешиваться в спор между моряками и пароходным обществом и правительством. Это внутреннее германское дело, и мы не можем помогать ни одной, ни другой стороне. От нас можно требовать, чтобы на нашей территории не допускалось насилия или чтобы силой не препятствовали уходу судов. Но об этом речи не может быть. Мы не можем заставить моряков прекратить забастовку, не можем оказывать на них никакого воздействия, но также не препятствуем возвращению их на работу и уходу судов в море. Содействие, о котором говорит Твардовский, может быть, толкуется консулом слишком расширительно. Я не знаком с соответствующими статьями консульского договора и не могу высказаться по этому

поводу. Во всяком случае, от нас нельзя ждать больше того, что мы обязаны делать по договору, а не просто выполнять все требования консула. Я чрезвычайно поражен заявлением Твардовского о возможных репрессиях или о каких-либо политических последствиях. Не наша вина, если в германском государстве вспыхнула забастовка и если моряки отказываются добровольно уйти в море.

Твардовский ответил, что забастовка, вызванная коммунистической частью профсоюзов, входящих в Профинтерн¹, в германских портах уже прекратилась. Морякам было указано, в чем мы заинтересованы, и они немедленно стали выгружать и грузить интересующие нас товары. Он этим намекал на возможность нашего другого воздействия на моряков. Я возразил, что если моряки, сочувствуя нашему строительству вопреки забастовке, решили выгрузить наши товары, то смешно было бы с нашей стороны препятствовать им в этом. Это было бы как раз вмешательством. Но таким же вмешательством было бы указание с нашей стороны морякам на необходимость полного прекращения забастовки. Вопреки предупреждению Твардовского, я все-таки хочу думать, что это дело не может иметь никаких политических последствий и не должно отразиться на наших отношениях. Если суда могут уйти, пускай уходят, мы отнюдь не заинтересованы в их оставлении у себя. Если кто-либо силой захочет воспрепятствовать уходу судов, наши власти примут необходимые меры. Что касается другого содействия, на основании якобы договора, я в детали входить не могу.

Помета: т. Сталину.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 677. Л. 10–12. Копия.

¹ “Красный интернационал профсоюзов” – международное объединение революционных профсоюзов (1921–1937 гг.).

№ 267

*Записка Н.Н. Крестинского И.В. Сталину
в связи с забастовкой немецких моряков
в советских портах*

№ 23076

11 октября 1931 г.

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)
тов. Сталину

Уважаемый товарищ,

Вчера я ставил на Политбюро вопросы, связанные с происходящей в наших портах забастовкой немецких матросов.

За истекший день появились следующие новые моменты.

1. Германское посольство, пытавшееся до сих пор в неофициальном порядке повлиять на нас в смысле оказания ему содействия в деле ухода немецких пароходов из наших портов, перешло к официальным шагам. Сегодня у т. Литвинова был немецкий поверенный в делах и вручил ему официальный меморандум с просьбой о всемерном содействии со ссылкой на обязательства, вытекающие из консульской конвенции. Содержание разговора между т. Литвиновым и Твардовским в прилагаемой записи т. Литвинова.

2. Германский вице-консул в Ленинграде был в нашем ленинградском агентстве и заявил, что из Гамбурга вышло правительственное судно, имеющее задание зайти в Ленинградский порт и увести на буксире находящиеся там немецкие суда. Прибытие судна ожидается в среду или четверг. Одновременно с этим заявлением вице-консул вручил письменный документ, в котором заявляется, что по смыслу немецкого закона забастовка на торговом судне в иностранном порту рассматривается, как мятеж.

Наш агент дал вице-консулу ответ, что мы рассматриваем забастовку, как забастовку, которая по нашим законам не наказуема, и поэтому вмешаться в дело и оказать просимое консулом содействие мы не можем.

Хотя и т. Литвинов, и наш ленинградский агент отклонили обращение германского посольства и консульства, тем не менее мы должны считаться с тем, что каждый день в связи с забастовкой будут возникать вопросы, требующие разрешения и не могущие быть разрешенными одним НКВД в ведомственном порядке.

Было бы поэтому целесообразно образовать для этой цели небольшую комиссию Политбюро с привлечением в нее представителей НКВД, Коминтерна, ЦК водников.

С товарищеским приветом Н. Крестинский
Копии членам коллегии.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 677. Л. 13-14. Подлинник.

*Записка Н.Н. Крестинского И.В. Сталину о принятии мер
против вмешательства советских местных органов
в пользу бастующих немецких моряков*

№ 23079

12 октября 1931 г.
Секретно

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)
тов. Сталину*

Во вчерашнем письме я предлагал организовать комиссию ПБ, которая разрешала бы вопросы, возникающие в связи с происходящей сейчас в наших портах забастовкой немецких моряков.

Поскольку такой комиссии еще нет, а некоторые вопросы требуют уже разрешения, я просил бы Вас срочно дать указания по следующим вопросам:

1) Германское посольство жалуется на то, что в Ленинградском порту бастующим матросам разрешают пользоваться принадлежащими управлению порта катерами и буксирами для связи с пароходами.

Агент НКВД в Ленинграде договорился с товарищами из обкома о том, чтобы впредь этого не было.

Однако, не исключено, что в Одессе или в других портах (есть сообщение, что немецкие пароходы находятся в Потти и что туда послана телеграмма с призывом к забастовке) портовая администрация будет предоставлять катера бастующим. Поэтому необходимо общее указание, воспреещающее такое вмешательство наших официальных органов в пользу бастующих.

2) Германское посольство и консул в Ленинграде просят поставить на берегу около пароходов нашу стражу, чтобы не допустить поджога или порчи судов.

Не исключено, что на самом деле немцы, предъявляя это требование, хотят в действительности создать впечатление, что наша портовая охрана вмешивается в течение забастовки против бастующих матросов.

Но если бы мы отказались начисто в установке какой-либо охраны, то в случае, если бы действительно произошли какие-либо эксцессы, на нас полностью легла бы ответственность ввиду непринятия нами мер предосторожности.

* Копии направлены членам коллегии НКВД СССР, Д.Г. Штерну.

Поэтому мне кажется, что нужно было бы, не ставя стражи около входа на каждое судно, усилить общую охрану в порту, в районе расположения бастующих судов и дать указания, чтобы никакие эксцессы не были допущены.

3) Наконец, встает вопрос о том, как быть с теми судами, которые захотят уйти из наших портов, оставив на берегу бастующую часть команды.

НКВД считает, что в этих случаях мы не должны чинить никаких препятствий и предоставить этим судам возможность выйти в море.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 677. Л. 15–16. Копия.

№ 269

*Записка А.П. Розенгольца И.В. Сталину
с проектом директив к переговорам с Германией
о расширении советского экспорта**

№ НКВТ 464

14 октября 1931 г.

Секретно

Экз. № 1

В Политбюро ЦК ВКП(б)

тов. Сталину

В соответствии с решением Политбюро от 10.10 с.г. направляю составленный комиссией проект директив к переговорам с Германией о расширении советского экспорта.

А. Розенголец

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 85. Подлинник.

Приложение

*Проект директив к переговорам с Германией
о расширении советского экспорта***

№ НКВТ 464

14 октября 1931 г.

Секретно

Экз. № 1

1. Для ведения переговоров с немецкими фирмами по размещению экспортных контингентов на 1932 г. в помощь т. Вейцеру¹ командировать в Германию:

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 69, п. 1.

** *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 69, п. 1.

- 1) Председателя “Экспортхлеба” т. Киссина,
- 2) Председателя “Союзнефтеэкспорта” т. Рябовола,
- 3) Председателя “Промэкспорта” т. Калмановского²,
- 4) Председателя “Продозэкспорта” т. Шостака³,
- 5) Председателя “Рудозэкспорта” т. Салтанова⁴,
- 6) Из “Экспортлеса” тт. Попова⁵ и Пора⁶.

2. Тов. Пятакову вступить в переговоры с наиболее влиятельными группами немецких промышленников об активном содействии с их стороны при переговорах с правительством в отношении осуществления нашей экспортной программы на 1932 г.

При переговорах заявить, что продолжение размещения заказов в Германии зависит от создания возможностей для реализации нашего экспорта в Германии.

При переговорах с промышленниками не развешивать конкретной программы импорта в 1932 г., но, в случае интереса самих промышленников к этим заказам, считать возможным заявить представителям германской металлургической промышленности (Круппу, Клейнеру⁷, Пензгену) о размещении заказов на 500 тыс. тонн прокатного металла с поставкой равными частями в 1932 г. Представителям электротехнической промышленности сообщить о возможности заказа у “Сименса” на 20 млн марок, у “АЭГ” – на 15 млн марок.

Представителям машиностроительной промышленности (“Демаг”, “Шиз-Дефриз”) заявить о возможности заказа на 20 млн марок.

3. Начать переговоры с группой германских верфей (“Дешимаг”, “Шихау”, “Крупп”, “Блюм и Фосс”) о предоставлении им заказа на суда на сумму до 100 млн марок на условиях цен, качества и кредита не хуже, чем итальянские.

Переговоры о предоставлении заказа на суда использовать, как компенсационный объект и средство давления на германское правительство в переговорах по экспорту.

До удовлетворения наших требований по экспорту заказов на суда не размещать.

Командировать в Германию для переговоров о заказе судов комиссию в составе тт. Сорокина, Розенталя⁸ и Дм. Полуяна⁹.

4. Предметом переговоров по расширению советского экспорта в Германию должно быть:

а) требование от германского правительства прямых таможенных скидок для советских товаров, косвенных льгот фирмам, покупающим наши товары, и тарифных скидок при провозе наших товаров по германским железным дорогам и внутренним водным путям;

б) заключение договоров с правительственными и под контролем правительства стоящими продовольственными органами (Министерство продовольствия, Рейхсгетрейдештелле, Маисовая монополия, Индустри-Гетрейде-Гезельшафт) на непосредственную закупку ими основных масс наших хлебопродуктов;

в) заключение договоров с правительственными или под контролем правительства стоящими органами (Министерство сообщений, Военное и Морское министерство, Министерство народного хозяйства, прусское Министерство внутренних дел, государственные железные дороги, государственная почта, Люфтганза, общины крупных городов и др.) на непосредственную закупку ими части наших нефтепродуктов и лесоматериалов для нужд их производственных предприятий, в том числе мазута, бензина (до 100 тыс. тонн), шпал до 1 млн штук.

5. Повести непосредственные переговоры с крупнейшими германскими фирмами, поставляющими нам промышленное оборудование (“Сименс”, “АЭГ”, “Крупп”, “Ферейнигте Штальверке”, Клёкнер и др.), о закупке ими через своих поставщиков или непосредственно наших нефтепродуктов, железной и марганцевой руды, лесоматериалов, ставя в дальнейшем при размещении заказов германским фирмам требование закупки наших экспортных товаров для нужд их предприятий.

6. Тов. Вейцеру совместно с гг. Хинчуком и Любимовым при переговорах предъявить германскому правительству требование обеспечить размещение в Германии в 1932 г. наших товаров на сумму до 750 млн марок. В том числе по основным товарам предъявить, примерно, следующие контингенты:

Зерновые продукты.

А. Из урожая 1931/1932 сельскохозяйственного года: пшеницы 300 тыс. тонн, ячменя 200 тыс. тонн, кукурузы 150 тыс. тонн, жмыхов 150 тыс. тонн.

Б. Из урожая 1932/1933 сельскохозяйственного года со сдачей до 1.01.1933 г.: пшеницы 400 тыс. тонн, ячменя 600 тыс. тонн, кукурузы 200 тыс. тонн, жмыхов 200 тыс. тонн, бобовых 60 тыс. тонн, соя-бобы 40 тыс. тонн, рожь 150 тыс. тонн, овес 50 тыс. тонн.

Лесоматериалы.

Пиломатериалы 180 тыс. стволов, балансы 310 тыс. ркс, осина 1 млн к/ф., фанера 8 тыс. к/м., шпалы 1 млн шт. и др.

Нефтяные продукты.

Бензина 500 тыс. тонн, смазочных масел 125 тыс. тонн, газойля 150 тыс. тонн, керосина 75 тыс. тонн, мазута 200 тыс. тонн.

Продовольственные продукты.

Яйца 6 тыс. вагонов, масла 30 тыс. тонн, битой птицы 2,5 тыс. вагонов.

Руда и уголь.

Марганцевой руды 120 тыс. тонн, железной руды 1 млн тонн, антрацита 60 тыс. тонн.

Предоставить НКВТ право производить запородажу указанных контингентов экспорта на 1932 г.

А. Розенгольц

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 86–88. Подлинник.

¹ Вейсер Израиль Яковлевич (1889–1938) – в 1929–1930 гг. нарком торговли СССР, в 1930–1931 гг. заместитель наркома внешней и внутренней торговли, в 1931–1934 гг. торгпред в Германии и одновременно заместитель наркома внешней торговли СССР.

² Точнее Колмановский Давид Маркович (1896–1937) – начальник отдела Наркомата тяжелой промышленности.

³ Шостак Михаил Львович (1892–1937) – в то время председатель правления “Продозэкспорта”, в 1932–1936 гг. торгпред СССР в Иране.

⁴ Салтанов Иосиф Моисеевич – в то время председатель правления “Рудозэкспорта”.

⁵ Попов Н.А. – в то время член правления Всесоюзного лесозэкспортного акционерного общества (“Экспортлес”).

⁶ Пор Эрнест Яковлевич (1889–?) – в то время заместитель председателя правления “Экспортлеса”.

⁷ Точнее Клайнер Эрнст (1871–1951) – специалист по германской экономике.

⁸ Розенталь Яков Давидович – член коллегии Наркомата тяжелой промышленности СССР с 1932 г.

⁹ Полуян Дмитрий Васильевич – член коллегии Наркомата путей сообщения СССР.

№ 270

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О Германии”**

№ П 69/1-с

15 октября 1931 г.

Строго секретно
Из “Особой папки”

1. а) Предложения НКВнешторга с внесенными поправками и дополнениями утвердить (см. приложение).

б) Установить время выезда т. Пятакова в Германию не позже 28 октября.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 82. Копия.

* Вопрос представлен А.П. Розенгольцем, М.М. Литвиновым, Г.Л. Пятаковым, Г.М. Аркусом. Выписка из протокола № 69 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 октября 1931 г., п. 1. Направлена А.П. Розенгольцу, Г.Л. Пятакову, Г.К. Орджоникидзе, М.М. Литвинову, И.Я. Вейсеру.

*Директивы к переговорам с Германией
о расширении советского экспорта,
утвержденные Политбюро ЦК ВКП(б) 15.10.1931 г.*

1. Для ведения переговоров с немецкими фирмами по размещению экспортных контингентов на 1932 г. в помощь т. Вейцеру командировать в Германию:

1) Председателя “Экспортхлеба”	т. Киссина,
2) Председателя “Союзнефтеэкспорта”	т. Рябовола,
3) Председателя “Промэкспорта”	т. Калмановского,
4) Председателя “Продозэкспорта”	т. Шостака,
5) Председателя “Рудозэкспорта”	т. Салтанова,
6) из “Экспортлеса”	тт. Попова и Пора.

2. Тов. Пятакову вступить в переговоры с наиболее влиятельными группами немецких промышленников об активном содействии с их стороны при переговорах с правительством в отношении осуществления нашей экспортной программы на 1932 год.

При переговорах заявить:

а) что продолжение размещения заказов в Германии зависит от создания возможностей для реализации нашего экспорта в Германии;

б) что наши заказы в 1932 году будут не меньше, а может быть и больше прошлогодних заказов, при условии обеспечения нашего экспорта, категорически отклонив всякие попытки конкретных переговоров о заказах на 1932 год;

в) при переговорах указать, что наши платежи Германии не будут достаточно обеспечены в 1932 г., если Германия не даст СССР возможности расширения экспорта;

г) указать, что расчетный баланс платежей Германии и СССР получается в пользу Германии;

д) включить пункт о предоставлении по отдельным категориям товаров кредита сроком от 3 до 6 месяцев;

е) дать анализ торговых отношений Германии с Румынией и с нами; в частности, обратить внимание на увеличивающийся экспорт зерна из Румынии в Германию.

3. Предметом переговоров по расширению советского экспорта в Германию должно быть:

а) требование от германского правительства прямых таможенных скидок для советских товаров, косвенных льгот фирмам, покупающим наши товары, и тарифных скидок при провозе наших товаров по германским железным дорогам и внутренним водным путям;

б) заключение договоров с правительственными и под контролем правительства стоящими продовольственными органами (Министерство продовольствия, Рейхсгетрейдештелле, Маисовая монополия, Индустри-Гетрейде-Гезельшафт) на непосредственную закупку ими основных масс наших хлебопродуктов;

в) заключение договоров с правительственными или под контролем правительства стоящими органами (Министерство сообщений, Военное и Морское министерство, Министерство народного хозяйства, прусское Министерство внутренних дел, государственные железные дороги, государственная почта, Люфтваганза, общины крупных городов и др.) на непосредственную закупку ими части наших нефтепродуктов и лесоматериалов для нужд их производственных предприятий, в том числе мазута, бензина (до 100 тыс. тонн), шпал до 1 млн штук.

4. Повести непосредственные переговоры с крупнейшими германскими фирмами, поставляющими нам промышленное оборудование ("Сименс", "АЭГ", "Крупп", "Ферейнигте Штальверке", Клёкнер и др.), о закупке ими через своих поставщиков или непосредственно наших нефтепродуктов, железной и марганцевой руды, лесоматериалов, ставя в дальнейшем при размещении заказов германским фирмам требование закупки наших экспортных товаров для нужд их предприятий.

5. Тов. Вейцеру совместно с тт. Хинчуком и Любимовым при переговорах предъявить германскому правительству требование обеспечить размещение в Германии в 1932 г. наших товаров на сумму до 750 млн марок. В том числе по основным товарам предъявить, примерно, следующие контингенты:

Зерновые продукты.

А. Из урожая 1931/1932 сельскохозяйственного года: пшеницы 300 тыс. тонн, ячменя 200 тыс. тонн, кукурузы 150 тыс. тонн, жмыхов 150 тыс. тонн.

Б. Из урожая 1932/33 сельскохозяйственного года со сдачей до 1.01.1933 г.: пшеницы 400 тыс. тонн, ячменя 600 тыс. тонн, кукурузы 200 тыс. тонн, жмыхов 200 тыс. тонн, бобовых 60 тыс. тонн, соя-бобы 40 тыс. тонн, рожь 150 тыс. тонн, овес 50 тыс. тонн.

Лесоматериалы.

Пиломатериалы 180 тыс. стволов, балансы 310 тыс. ркс, осина 1 млн к/ф., фанера 8 тыс. к/м., шпалы 1 млн штук и др.

Нефтяные продукты.

Бензина 500 тыс. тонн, смазочных масел 125 тыс. тонн, газойля 150 тыс. тонн, керосина 75 тыс. тонн, мазута 200 тыс. тонн.

Продовольственные продукты.

Яйца 6 тыс. вагонов, масла 30 тыс. тонн, битой птицы 2,5 тыс. вагонов.

Руды и уголь.

Марганцевой руды 120 тыс. тонн, железной руды 1 млн тонн, антрацита 60 тыс. тонн.

Предоставить НКВТ право производить запродажу указанных выше контингентов экспорта на 1932 г.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 83–84. Заверенная копия.

№ 271

*Записка Н.Н. Крестинского И.В. Сталину
о несогласии НКВД СССР
на таможенные преференции Германии по зерну
для Румынии и Венгрии**

№ Г601-23107

29 октября 1931 г.

Секретно

Экз. № 2

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)

тов. Сталину**

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович,

26 октября у меня был Дирксен и от имени германского правительства просил дать наше согласие на введение в действие торговых договоров Германии с Румынией и Венгрией, в которых предусмотрены таможенные преференции для этих стран по пшенице, кукурузе и ячменю – для Румынии и по пшенице – для Венгрии. В своих устных добавлениях к врученной мне ноте Дирксен просил, чтобы мы, если мы не сможем ответить прямым согласием, не давали по крайней мере категорического окончательного ответа, а оставили бы за собой право высказаться по этому вопросу потом. Дирксен не скрывал, что если мы дадим такой ответ, то преференции будут введены в действие, а за нами лишь останется право впоследствии путем отрицательного ответа добиваться прекращения этих преференций.

Я сказал Дирксену, что могу высказать ему пока лишь мое мнение и притом предварительное, а что официальный ответ дам после обсуждения вопроса с правительством.

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 72, п. 16.

** Копии направлены членам коллегии НКВД СССР.

Мое личное мнение заключается в том, что мы не можем ответить иначе, как отрицательно, на просьбу германского правительства.

Договоры Германии с Румынией и Венгрией были заключены в конце июня месяца 1931 г. В июле т. Хинчук по поручению НКИД заявил Министерству иностранных дел протест против этих договоров ввиду нарушения ими предоставленных нам по Рапалльскому и торговому договорам прав наибольшего благоприятствования. Далее, когда Дирксен вручил нам германский меморандум, в котором германская сторона старалась доказать нам, что предоставленные Румынии и Венгрии временные преференции не нарушают наших прав, мы ответили меморандумом же, в котором было заявлено, что СССР не может дать согласия на предоставление Румынии и Венгрии преференций.

Коллегия НКИД считает, что и теперь мы не можем дать никакого другого ответа, так как иначе мы узаконили бы таможенные преимущества для наших конкурентов по интересующим нас сортам зерна без какой бы то ни было компенсации.

Если мы дадим отрицательный ответ, немцы, желающие осуществления своих договоров с Румынией и Венгрией, сделают нам компенсационные предложения, и тогда, если компенсации будут достаточными, мы сможем пересмотреть свое решение.

Кроме нас, немцам нужно получить согласие от Аргентины, Соединенных Штатов, Польши, Чехословакии и некоторых других стран. От САСШ, Польши и Чехословакии они рассчитывают получить неопределенный ответ, который даст им возможность ввести договоры в жизнь. Основной вопрос в нас и Аргентине. Аргентина не дала еще ответа, причем, вероятно, даст ответ отрицательный. Нам было бы выгоднее дать ответ после Аргентины, чтобы не на нас, а на Аргентину падал главный одиум* за неосуществление этих интересующих Германию преференциальных договоров. Поэтому нам было бы выгоднее оттянуть на несколько дней ответ и попытаться за это время узнать, ответило ли уже и что именно ответило аргентинское правительство. Но нельзя и слишком оттягивать нашего ответа. Немцы предполагают ввести договоры в действие с 15 ноября, и нас просили дать ответ к 1 ноября. Если мы очень затянем наш ответ, то не исключено, что германское правительство введет в действие договоры, а потом будет говорить, что неполучение от нас ответа оно рассматривало как отсутствие возражений.

* Ненависть, обвинение (лат.).

Поэтому коллегия решила отложить сообщение немцам нашего отрицательного ответа до 8 ноября, пока же я должен при встрече сказать Дирксену, что он знает из наших прежних сообщений и из последнего разговора со мной мнение НКИД, но так как он хочет сейчас получить официальный ответ от нашего правительства, то НКИД поставил вопрос перед правительством. Ответ будет примерно через 7–10 дней.

Таким путем мы, с одной стороны, отсрочиваем ответ до 8-го числа и этим, может быть, добиваемся того, что Аргентина даст отрицательный ответ раньше нас, а, с другой стороны, у немцев не будет возможности ссылаться, что они считали неполучение ответа до 1 ноября отсутствием возражений с нашей стороны, так как я определенно скажу ему, что НКИД стоит на отрицательной по отношению к договорам точке зрения и это свое мнение представил на утверждение правительства.

НКИД просит Политбюро одобрить решение коллегии и разрешить дать германскому правительству отрицательный ответ на его запрос¹.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 108–110. Копия.

¹ 1 ноября 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло предложение Н.Н. Крестинского (*АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 107*).

№ 272

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О наших торговых операциях за границей”**

№ П 74/7-с

10 ноября 1931 г.
Строго секретно
Из “Особой папки”

7. а) Поручить НКВнешторгу дать к 20 ноября свое заключение по вопросам, возбужденным т. Любимовым.

б) Запросить тт. Любимова и Вейцера, могут ли они обойтись в данный момент без тов. Пятакова.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 111. Копия.

* Вопрос представлен Ш.З. Элиавой. Выписка из протокола № 74 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 ноября 1931 г., п. 7. Направлена Ш.З. Элиаве.

*Записка Н.Н. Крестинского И.В. Сталину
о необходимости урегулирования последствий забастовки
немецких моряков в советских портах**

№ 23153

18 ноября 1931 г.
Секретно

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину**

Уважаемый товарищ,

Забастовка немецких моряков в наших портах кончилась уже месяц тому назад, но до сих пор не урегулированы возникшие в связи с этой забастовкой инциденты.

Инциденты эти сводятся, во-первых, к тому, что наши портовые власти в Ленинграде, по утверждению немцев, попустительствовали забастовщикам, не мешали им учинять насилия над командным составом парохода и предоставляли в их распоряжение принадлежащие порту и Совторгфлоту катеры и буксиры, и, во-вторых, к тому, что в Одессе во время попытки германского консула войти на пароход, на котором забастовка еще не началась, стоявшие на трапе матросы с другого уже забастовавшего парохода избили его.

Что касается забастовки в Ленинграде, то мы вручаем немцам ноту, в которой отрицаем как приводимые в немецкой ноте факты, так и нарушение нашими ленинградскими органами каких-либо параграфов нашего консульского договора с Германией.

Сложнее обстоит дело с Одессой. Консул там действительно был побит, и хотя участвовавшие в избиении 3 немецких матроса и некоторые другие свидетели утверждают, что он срывал забастовочные плакаты и первый бросился на матросов, мешавших ему пройти на пароход, но, насколько я знаю этого консула по его службе в Берлине в МИД, я не считаю его таким героем, чтобы допустить, что он бросился сам в драку с численно превосходящим его противником. Кроме того, если бы это даже было так, остается неопровергнутым то обстоятельство, что стоявший недалеко от этого места часовой отнесся равнодушно к избиению консула и не оказал ему помощи.

Немедленно после избиения, как только от консульства поступил протест, наш агент в Одессе сообщил, что против виновников избиения возбуждается судебное преследование. Так как

* Штамл: Прот[окол] ПБ № 76, п. 9.

** Копии направлены М.М. Лытвинову, Л.М. Карахану, Б.С. Стомонякову.

избившие остались на свободе и через несколько дней (уже после окончания забастовки в Ленинграде) приняли активное участие в нападении бастовавших на вновь пришедший в Одессу пароход “Аскания”, то генконсульство вновь запросило нашего агента. Тот ответил, что следственные власти оставили матросов на свободе, получив с них залог.

Немцы временно успокоились. Но вот прошло уже 5 недель. Матросы, виновные в избиении, не уехавшие на своем пароходе, продолжают разгуливать по Одессе, и германское посольство прислало нам по этому поводу уже вторую ноту.

В устных представлениях немцы, с одной стороны, обращали наше внимание на то, что когда недавно капитан немецкого парохода в Одессе совершил какое-то небольшое правонарушение, то одесский суд разобрал дело и вынес в отношении его приговор в течение нескольких дней, пока пароход стоял в Одесском порту, а в данном случае дело тянется уже больше месяца (Дирксен) и, кроме того, высказали уверенность, что мы не были бы так терпеливы, как они, если бы русские белогвардейцы избили в Германии советского консула (Твардовский).

НКВД считает, что одесский инцидент нужно ликвидировать и не допускать, чтобы он превратился в постоянную, отравляющую советско-германские отношения болячку, а это будет неизбежно, если избившие не будут наказаны и если главный виновник избиения останется – как это проектируется – в качестве профессионала на работе в одесской парторганизации, очевидно, для проведения агитационной работы среди команд, приходящих в Одессу иностранных, в первую голову, немецких судов.

Мы не должны санкционировать прецедента избиения на нашей территории иностранных консулов.

Вот почему НКВД предлагает: 1) предложить одесским товарищам устроить суд над тремя виновниками избиения консула и, признав всякие смягчающие вину обстоятельства, все-таки приговорить их к некоторому сроку лишения свободы, например – главного виновника к 3 месяцам, остальных к 1 месяцу.

2) Предложить одесским товарищам не оставлять главного виновника избиения на партийной или профессиональной работе в Одессе или каком-либо другом нашем порту, а использовать его по специальности на работе в нашем торговом флоте, при этом на судах, не делающих рейсов в иностранные порты, так как там его могли бы задержать по требованию германских властей.

3) Предложить начальнику Одесского порта или соответствующему военному командованию подвергнуть дисциплинар-

ному взысканию часового, присутствовавшего при избении и не принявшего своевременных мер к его прекращению.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 677. Л. 18–20. Подлинник.

№ 274

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О немцах”**

№ П 76/9-с

20 ноября 1931 г.

Строго секретно
Из “Особой папки”

9. а) Принять предложения т. Крестинского с тем, чтобы главный виновник был приговорен к двум неделям заключения и штрафу, другие – только к штрафу.

б) Предложить т. Крестинскому составить проект телеграммы ТАСС из Одессы.

Проект директивы в Одессу и наблюдение за процессом возложить на т. Крестинского.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 677. Л. 17. Копия.

№ 275

*Записка А.П. Розенгольца И.В. Сталину
с предложением об окончании экспортных переговоров
с германским правительством***

№ НКВТ 583

5 декабря 1931 г.

Секретно
Экз. № 1

В Политбюро ЦК ВКП(б)

тов. Сталину***

Прилагая при сем записку и два проекта постановления по вопросам, связанным с переговорами с Германией, прошу поставить эти вопросы на обсуждение ПБ.

А. Розенгольц

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 126. Подлинник.

*Вопрос представлен М.М. Литвиновым, Н.Н. Крестинским. Выписка из протокола № 76 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 ноября 1931 г., п. 9. Направлена Н.Н. Крестинскому.

***Штамп:* Прот[окол] ПБ № 79, п. 20.

***Копии направлены В.М. Молотову, М.М. Литвинову.

*Записка А.П. Розенгольца И.В. Сталину
о переговорах с германским правительством
относительно условий платежей по советским поставкам*

Не позднее 5 декабря 1931 г.¹

Секретно

Экз. № 1

Политбюро ЦК ВКП(б) тов. Сталину

Копия т. Молотову

В переговорах гг. Вейцера и Любимова с германским правительством последнее подчеркивает свое согласие на содействие нам в расширении нашего экспорта лишь при том условии, что платежи немецких фирм по нашим поставкам будут производиться в германских марках. Германское правительство уже сейчас в ряде случаев отказывает ряду немецких фирм в предоставлении им фунтов и долларов для расчета с нами по тем запородам, которые были произведены в указанных валютах.

Если мы согласимся на требование немцев продавать наши товары в марках, то они предлагают рассчитываться за вывозимые нами и продаваемые в валютах третьих стран товары нашими фунтовыми и долларовыми векселями, выданными по размещенным в Германии заказам. Чтобы оценить это предложение немцев, необходимо дать краткий анализ наших платежей в Германии в 1932 году.

Если учесть платежи по нашим импортным заказам, а также накладные и торговые расходы, связанные как с завозом заказанного оборудования, так и с реализацией намечаемого нами на Германию большого экспортного плана, то общая сумма наших платежей по Германии составит по приблизительным подсчетам Берлинского торгпредства 370 млн руб. Из этой суммы на платежи в марках приходится всего 214 млн руб., в долларах – 95 млн руб., в фунтах – около 58 млн и в других валютах – 3 млн руб., итого – 157 млн руб. не в германских марках. Принимая, однако, во внимание, что из этих 157 млн руб., подлежащих погашению в валюте третьих стран, 37 млн руб. домицилированы (т.е. должны быть оплачены) в самой Германии и при нажиме на немцев могли бы быть покрыты нами марками, надо считать, что на платежи в марках приходится около 250 млн руб., а на платежи в долларах и фунтах – около 120 млн руб.

Это положение объясняется, главным образом, тем, что т. Пятаков в дополнительном соглашении с немцами согласился на установление домициля в той стране, в валюте которой выставлены наши тратты.

Предложение немцев о предъявлении нам для оплаты за наши экспортные товары наших же векселей, выставленных в валюте третьих стран (в долларах и фунтах), я считаю неприемлемым по следующим соображениям:

1) Оплата нам по экспортным договорам нашими фунтовыми и долларowymi обязательствами неизбежно приведет к тому, что немцы будут предлагать нам для зачета векселя, срок по которым еще не наступил. Таким образом, даже при максимальном согласовании сроков поставки и сроков векселей известная часть наших средств всегда будет на определенное время увязана.

2) Германское предложение по существу ничем не отличается от схемы Ванжера², предложенной нам во Франции, ибо мировая печать истолкует эту меру в том смысле, что мы согласились на обеспечение наших платежей в Германии выручкой от наших же экспортных товаров.

3) Осуществление этой системы неизбежно приведет к учреждению расчетной палаты для наших платежных взаимоотношений с Германией и к созданию органа, регулирующего нашу внешнюю торговлю с этой страной. Покупатель нашего товара за получением нашего импортного векселя должен будет обратиться в какую-нибудь германскую инстанцию, возможно в Рейхсбанк, которая сконцентрирует у себя распоряжение всеми нашими траттами. При этих условиях указанная организация будет иметь возможность отказывать нашим покупателям в выдаче им наших векселей в тех случаях, когда она сочтет данную сделку невыгодной с точки зрения германского хозяйства.

Ввиду неприемлемости предложений германского правительства я вместе с тов. Любимовым выдвигаю следующее контрпредложение:

Мы соглашаемся на продажу всех наших экспортных товаров в Германии на марки, если немцы примут следующие условия:

а) Рейхсбанк соглашается принять от нас в марках платежи по всем нашим долларowym и фунтовым траттам, независимо от того, домицилированы ли эти тратты в Германии или в Соединенных Штатах и Англии.

б) Германское правительство и в дальнейшем соглашается на уплату нами по импортным заказам, равно как и по морским фрахтам германскими марками;

в) Германское правительство не будет претендовать на продажу нами в марках тех наших товаров, которые фактически предназначены для реэкспорта;

г) Хотя вследствие пассивности нашего платежного баланса с Германией мы в годовом разрезе все равно должны будем переводить в эту страну валюту из третьих стран, мы в целях сохранения за нами известного валютного маневрирования все же должны потребовать от германского правительства предоставления нам возможности временного перевода части нашей выручки за границу. Это требование может быть осуществлено в одной из следующих трех форм:

1) Германское правительство предоставляет нам безусловное право в течение года перевести за границу нашу выручку за те товары, которые по установившемуся в международной торговле обычаю оплачиваются в долларах, гульденах и т.д. (пушнина, табак, часть леса, платина, лен и т.д.) – всего на сумму до 50 млн руб. в год, или

2) Рейхсбанк обязуется при наличии требования с нашей стороны переводить за границу 15% нашей ежемесячной выручки, или

3) Рейхсбанк обязуется при наличии требования с нашей стороны продавать нам иностранную валюту на срок в 2–3 месяца с последующим возвратом нами этой валюты (обычная в валютном обороте срочная сделка).

Таковы положения, которые мы предлагаем выдвинуть в переговорах с немцами в качестве первой позиции.

В качестве крайней уступки мы могли бы пойти на продажу наших товаров в марках без оговорок, указанных в п.п. “в” и “г”, и ограничиться требованием, чтобы Рейхсбанк принимал платежи в марках, по крайней мере, по нашим векселям, выставленным в долларах (на сумму около 100 млн руб.) и независимо от места домициля.

А. Розенгольц

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 127–130. Подлинник.

*Проект предложений
об окончании экспортных переговоров
с германским правительством**

4 декабря 1931 г.
Сов. секретно
Экз. № 1

Закончить переговоры одновременным подписанием ниже-
следующих документов:

1. Протокол (секретный), включающий следующие предложе-
ния:

а) 1-я позиция – немецкая сторона изъявляет готовность при-
нять все возможные и зависящие от нее меры для расширения и
развития советского экспорта до 750 (650) млн марок.

2-я позиция – обе стороны признают необходимым принять
все возможные и зависящие от них меры для расширения и раз-
вития советского экспорта до 750 (650) млн марок.

3-я позиция – согласиться исключить цифру с тем, что она
переносится в нашу одностороннюю декларацию (см. ниже).

б) 1-я позиция – с этой целью немецкая сторона будет со-
действовать успешности непосредственных переговоров между
немецкими и советскими организациями о заключении сделок и
будет, по возможности, устранять все трудности общего характе-
ра, которые будут возникать в этих переговорах.

2-я позиция – обе стороны заявляют о том, что они будут со-
действовать успешности непосредственных переговоров между
немецкими и советскими организациями о заключении сделок и
будут, по возможности, устранять все трудности общего характе-
ра, которые будут возникать в этих переговорах.

в) Для установления эффективности принятых для развития
советского экспорта мероприятий стороны соглашаются вступить
через 3 месяца в специальный контакт по вопросам советского
экспорта.

г) Протокол вступает в силу в момент подписания и не нужда-
ется в ратификации.

2. Наше одностороннее (не публикуемое) заявление о том,
что, если по истечении 3-х месячного срока после заключения со-
глашения советский сбыт не достигнет необходимого для обеспе-
чения упомянутой в протоколе цифры годового объема, советская

* Заголовок документа.

сторона оставляет за собой право снова поставить всю проблему содействия советскому экспорту в Германию.

3. Малая таможенная конвенция, включающая те скидки, на которые идет германская сторона (икра, рыбные консервы, бобы, неочищенная чечевица и т.д.).

4. Наша односторонняя декларация, в которой мы заявляем, что не считаем погашенной нашу претензию на заключение полной таможенной конвенции фактом подписания малой таможенной конвенции.

5. Протокол о железнодорожных льготах, на которые идет германская сторона (понижение железнодорожного тарифа на жмыхи, выравнивание для нас железнодорожного тарифа на ячмень и кукурузу по сравнению с тарифами, которыми пользуются дунайские страны и т.д.).

Примечание: По валютным вопросам см. специальный проект постановления.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 131–132. Подлинник. Виза А.П. Розенгольца.

Приложение 3

*Проект постановления по вопросу о валютных расчетах с Германией**

5 декабря 1931 г.

Сов. секретно

Экз. № 1

I. В качестве первой позиции дать гг. Любимову, Вейцеру и Хинчуку следующую директиву:

Согласиться на продажу наших экспортных товаров в Германии на марки, если немцы примут следующие условия:

1) Рейхсбанк соглашается принять от нас в марках платежи по всем нашим долларovým и фунтовым траттам**, независимо от того, домицилированы эти тратты в самой Германии или в третьих странах.

2) Германское правительство в дальнейшем соглашается на уплату нами по импортным заказам, равно как и по морским фрахтам, германскими марками.

3) Германское правительство не будет претендовать на продажу нами в марках тех наших товаров, которые фактически идут на реэкспорт.

* Заголовок документа.

** Переводные векселя.

4) Германское правительство соглашается на предоставление нам известного права маневрирования выручкой в марках в одной из следующих трех форм:

а) Германское правительство предоставляет нам безусловное право в течение года конвертировать и переводить за границу нашу выручку за те товары, которые по установившимся в международной торговле обычаям оплачиваются в долларах, голландских гульденах и фунтах (пушнина, табак, часть леса, платина, лен и т.д.) – всего на сумму до 50 млн руб. в год.

б) Рейхсбанк обязуется при наличии требования с нашей стороны переводить за границу 15% нашей ежемесячной выручки.

в) Рейхсбанк обязуется при наличии требования с нашей стороны продавать нам доллары на срок в 2–3 месяца с последующим возвратом нами этой валюты.

II. В качестве крайней уступки согласиться на продажу наших товаров в марках, отказавшись от оговорок, указанных в п.п. 3 и 4, и ограничившись в требовании приема немцами от нас марок в оплату наших обязательств, выставленных в валюте третьих стран, только в отношении долларовых обязательств, независимо от места их домициля* (всего на сумму около 100 млн руб.)**.

А. Розенгольд

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 133–134. Подлинник.

¹ Датируется по основному документу.

² Правильно: Ван-дер-Вивере Алоиз (1871–1961) – бельгийский политик и промышленник, министр экономики (1920–1924 гг.), министр сельского хозяйства (1924–1926 гг.), премьер-министр (1925–1926 гг.) Бельгии, затем руководил бельгийской нефтяной компанией *Compagnie Financière Belge de Pétroles* (Петрофина).

*Место, в котором должен быть оплачен вексель.

***Далее зачеркнуто*: III. Независимо от исхода переговоров с германским правительством предложить берлинскому торгпредству впредь не выдавать векселей платжом вне Германии.

*Записка Н.Н. Крестинского И.В. Сталину
с поправками к предложениям А.П. Розенгольца
относительно способов расчетов
в советско-германской торговле**

№ Г205-23191

7 декабря 1931 г.

Секретно

Экз. № 1

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)
тов. Сталину**

Уважаемый товарищ,

К предложениям, которые тов. Розенголец вносит в Политбюро в связи с ведущимися в Германии экспортными переговорами (письмо тов. Розенгольца от 5 декабря № 583), НКВД вносит следующие поправки:

1. В пункте а) предложений тов. Розенгольца говорится, что мы будем продавать все наши экспортные товары в Германии за германские марки при условии, если Рейхсбанк будет принимать от нас платежи в марках же по всем векселям, которые выданы нами по размещенным в Германии заказам независимо от того, в какой валюте эти наши векселя выписаны и в какой стране они домицилированы.

В этом пункте предложений тов. Розенгольца обойден очень существенный вопрос о том, по какому курсу будут пересчитываться на марки наши валютные векселя.

Этот вопрос не представляет никаких затруднений сейчас, когда марка стоит твердо и разменивается на доллар по золотому паритету, именно по 4,2 марки за один доллар.

Но дело коренным образом изменится, если соглашение между Германией и ее кредиторами о дальнейшем продлении краткосрочных долгов не состоится, если к Германии будут предъявлены в феврале месяце многомиллиардные требования, если она прекратит платежи и ее валюта или вовсе перестанет котироваться на международных рынках или начнет сильно падать.

Если наше соглашение с немцами не будет предусматривать этого вопроса и будет сформулировано так, как это предлагает т. Розенголец, тогда в случае падения марки Рейхсбанк будет

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 79, п. 20.

** Копии направлены М.М. Литвинову, Л.М. Карахану, Б.С. Стомонякову.

требовать от нашего торгпредства внесения за каждый доллар не 4,2 марки, а столько марок, сколько доллар будет стоить по курсу, а падение марки, если оно начнется, пойдет, вероятно, гораздо быстрее, чем идет падение фунта.

Тов. Хинчук вместе с т. Вейцером считает, что в нашем соглашении с немцами может быть сказано, что оно имеет силу лишь до тех пор, пока марка сохраняет свой паритет с долларом.

Не говоря уже о неудобстве такой формулировки в договоре, я считаю, что эта оговорка нисколько не защищает наших интересов. Ведь основные продажи наших товаров будут произведены в декабре и январе. Таким образом, наше обязательство продавать товары за марки мы выполним еще до того, как марка начнет падать; обязательство же немцев – принимать от нас все платежи в марках – при предлагаемой из Берлина оговорке – отпадет. Эта оговорка придает соглашению односторонний, невыгодный для нас характер.

По-моему, в пункте а) должно быть просто сказано, что Рейхсбанк принимает от нас платежи по нашим долларovým векселям в марках по курсу 4,2 марки за доллар.

Если бы германское правительство не гарантировало наших платежей в размере 70%, оно ни в коем случае не пошло бы на предлагаемое мною добавление. При наличии же гарантии, когда германскому правительству все равно придется платить 70% в инвалюте, если мы окажемся неаккуратными плательщиками, я считаю неисключенным, что германская сторона примет это наше добавление.

Если бы германское правительство приняло это наше добавление, сразу можно было бы отказаться от малосущественных для нас п.п. в) и г) предложений т. Розенгольца.

2. НКВД не может согласиться с мнением т. Розенгольца о неприемлемости для нас предложенной немцами платежной схемы.

Предложение немцев сводится к тому, что мы будем принимать в уплату за наши экспортные товары не только наличные марки, но и наши выданные за импортное оборудование векселя. Мы, например, продаем какой-нибудь товар 1 января, мы должны были бы получить за него полмиллиона марок. Вместо того, чтобы внести нам эти 500 000 марок наличными, покупатель выкупает в Рейхсбанке наши векселя на ту же сумму, срок которым наступает того же 1 января. Этим покупатель освобождает нас от необходимости выкупать этот вексель. Это делает за нас он.

Поскольку из переписки с берлинскими товарищами выяснилось, что немцы имеют в виду оплату наших экспортных товаров

векселями, только совпадающими по сроку, а отнюдь не теми, срок платежа по которым еще не наступил, предлагаемая немцами комбинация имеет для нас ряд положительных сторон.

а) Первый плюс в немецкой схеме заключается в том, что мы будем таким образом получать платежи не только в марках, но частично и в иностранной валюте, поскольку в виде платежей нам будут возвращаться векселя, выписанные в долларах, гульденах или фунтах.

б) Второй плюс заключается в следующем: при выкупе в Рейхсбанке нашего векселя срочного 1 января покупатель будет получать отсрочку платежа на 3 месяца до 1 апреля. Таким образом, покупатель нашего экспортного товара, прибегающий к платежу нам нашими векселями, получает от германского государственного банка трехмесячный кредит. Это не есть кредит нам. Но если вспомнить, что многие сделки по продажам наших экспортных товаров срывались из-за того, что покупатели требовали от нас предоставления им краткосрочного кредита и что в последнее время Наркомвнешторгу была дана директива идти иногда на предоставление этого кредита, то немецкое предложение, по которому этот кредит будет предоставляться не нами, а немецкой стороной, — конечно, выгодно для нас.

в) Наконец, самый существенный момент это то, что наше согласие принимать в платеж за наши экспортные товары наши векселя — придает этим векселям дополнительную ценность. До сих пор промышленник, принимавший от нас в уплату за оборудование долгосрочные векселя, или банк, в котором промышленник эти векселя учитывал, с беспокойством думали о том, оплатим мы их в срок или нет, ибо в случае неоплаты эти векселя не имели бы для них никакой ценности. Теперь же они будут знать, что эти векселя могут быть использованы для оплаты наших экспортных товаров.

Ценность наших векселей поднимется и учет их облегчится.

Тов. Розенгольц, возражая против предложенной немцами схемы, ссылается главным образом на то, что эта схема приведет к тому, что немцы начнут учитывать все импортные и экспортные сделки с СССР и, таким образом, легче смогут объединенно выступать против нашего торгпредства.

Тов. Розенгольц забывает, что сейчас во время кризиса все без исключения капиталистические страны вводят у себя точнейший учет всех валютных сделок и всех внешнеторговых операций. Независимо от того, пойдём мы или не пойдём на предлагаемую немецкой стороной схему, все операции с таким крупным контрагентом, как СССР, Германией будут взяты на учет.

Тов. Розенгольц приводит еще то соображение, что предлагаемая немцами схема напоминает схему Ванжера, который стремился обеспечить выручкой от нашего экспорта во Франции платежи по нашим импортным обязательствам Франции.

Вопреки мнению т. Розенгольца аналогии здесь нет. Во-первых, Ванжер хотел, чтобы мы выручкой от экспорта в 1931–1932 г. обеспечивали платежи заказов, выдаваемых в том же году, что для нас было неприемлемо, так как мы продаем за наличные, а заказы выдаем на условиях более или менее долгого кредита. В немецкой же схеме речь идет о том, чтобы выручкой за экспорт 1932 г. покрывать те наши платежи, сроки которых падают на этот же год и на те же даты.

Во-вторых, во Франции мы сравнительно больше продаем, чем покупаем, а в Германии у нас большой пассивный баланс. Поэтому то, на что мы не можем пойти во Франции, приемлемо для наших расчетов с Германией в 1932 году. А речь идет именно об этом годе.

Ввиду изложенного НКВД считает приемлемой немецкую схему оплаты наших экспортных товаров нашими импортными векселями, причем полагает, что немецкая схема не должна противопоставляться нашему предложению, а может быть принята, как добавление к ней.

Тогда дело будет обстоять следующим образом: мы продаем товары за марки, мы выдаем заказы на условия расчета в марках, мы покрываем все наши обязательства в 1932 г. через Рейхсбанк в марках же, а покупателям наших экспортных товаров в Германии предоставляется право платить за покупаемые ими товары или наличными марками, или же импортными векселями.

Таким образом, предложение НКВД сводится к тому, чтобы принять предложения т. Розенгольца с указанной в начале этого письма добавкой к п. а) и чтобы в то же время принять в качестве дополнительного предложения немецкую схему платежей.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

Помета: т. Молотову. Ст[алин].

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 135–139. Подлинник.

*Запись беседы М.М. Литвинова с Г. Дирксеном
об опасениях в Германии в связи с советско-
польскими переговорами по заключению договора
о ненападении**

21 декабря 1931 г.
Секретно

Дневник
М.М. Литвинова

Экз. № 7

Прием Дирксена 21.12.1931 г.

Дирксен, справляясь в бумажках, сделал длинное заявление, очевидно, заранее им заученное. Он имел возможность в Берлине говорить со всеми руководящими лицами, в том числе и Гинденбургом, Брюнингом, Гаммерштейном¹, Бюловым и другими, и нашел у них всех единодушное настроение в отношении наших переговоров с Польшей. Все они убеждены, в особенности после моих и т. Ворошилова заявлений Дирксену, а также беседы тов. Сталина с Людвигом², в отсутствии у нас намерений менять нашу политику. В то же время они с величайшим интересом и беспокойством следят за нашими переговорами с Польшей, опасаясь, что, вопреки нашей доброй воле, заключение пакта с Польшей будет воспринято как изменение нашей политики. В германской общественности уже теперь заметно большое волнение, но правительству удастся пока сдерживать прессу. С целью задержания кампании германское правительство просило Теодора Вольфа задержать опубликование отрывка из интервью тов. Сталина с Людвигом о советско-польских переговорах. Долго, однако, правительство не сможет сдерживать прессу, а наши переговоры будут использованы для атаки на правительство Брюнинга и на всю его внешнюю политику. Во всех партиях найдутся люди, враждебные СССР, которые используют эти переговоры для нападок как на СССР, так и на прежнюю внешнюю политику германского правительства. Особенную пользу из этого могут извлечь национал-социалисты. В Берлине рассматривают наши переговоры с Польшей, Румынией и прибалтами, как широко задуманный план Франции, преследующей цель полного изолирования и окружения Германии как раз перед конференцией по разоружению. Франция попытается указать на свою пасификаторскую³ роль на

* Копии направлены Н.Н. Крестинскому, Л.М. Карахану, Б.С. Стомонякову, Д.Г. Штерну, И.В. Сталину, в Полпредство СССР в Германии.

Востоке Европы и в то же время указывает на Германию, как на единственную угрозу всеобщему миру вследствие ее требований пересмотра границ и изменения Версальской системы. Наши пакты будут истолкованы, как признание всех существующих границ и полное подчинение гегемонии Франции. Наше согласие на одновременные переговоры с Румынией и прибалтами также будет истолковано, как триумф французской политики. Германия очутится в тактически невыгодном положении, если она попробует выступать против франко-польских интерпретаций наших переговоров и пакта, ибо в этом случае ее обвинят в желании противодействовать упрочению мира. Брюнинг, однако, думает, что суть состоит в том, что Франция хочет изолировать и унижить Германию, а затем ослабить взаимоотношения между Германией и СССР. Бюлов также считает, что наши пакты уменьшат маневренную способность советского правительства. Франция давит на Польшу, чтобы ускорить переговоры еще вследствие предстоящего ухудшения экономического положения Франции и падения франка. Что касается Германии, то при всех своих внешнеполитических маневрах она никогда не сходила с намеченной ею линии в отношении СССР. При происходящих ныне переговорах об экспорте германское правительство и сам Брюнинг готовы всячески идти нам навстречу для поднятия экспорта. Правительство, однако, не является покупателем товаров и может лишь давить на общественные организации и частные фирмы. Это давление может давать, однако, результаты только при политической ясности взаимоотношений между обеими странами.

В заключение Дирксен сказал в лирическом тоне, что вот он уже три года у нас и никогда не пытался оказывать какое-либо давление на нас своими выступлениями, но на этот раз он должен заверить меня, что все им сказанное соответствует настроениям руководителей германской политики, и обратить мое внимание самым серьезным образом на необходимость учесть германские пожелания.

На мой вопрос, в чем эти пожелания теперь состоят, Дирксен ответил: Заключение пакта с Польшей, при наличии Келлогговского пакта о ненападении, само по себе является обстоятельством, обременяющим советско-германские отношения. Германскому правительству приходится, однако, с этим мириться, если этот пакт действительно сведется только к обязательству ненападения. Немцам, однако, известно, что в пакте имеется пункт о нейтралитете, который позволит Польше напасть на Германию в уверенности, что мы не сможем оказывать Германии никакой помощи. Правда, я ему объяснял раньше, что в пакте предусмот-

рена возможность денонсации его без предупреждения в случае нападения одной из сторон на третье государство. Но в случае нападения Польши на Германию СССР может быть поставлен в затруднительное положение, если ему придется демонстративно заявить о денонсации договора о нейтралитете, что будет равносильно почти враждебному акту по отношению к Польше. Дирксен не договорил, но, очевидно, хотел сказать, что Германия сомневается в возможности такой демонстрации с нашей стороны. Но еще более тяжелым для Германии условием Дирксен считает определение в пакте ненападения, как нарушение целостности территории. Такого определения нет также в советско-французском пакте, и в отношении Польши оно не может быть понято иначе, как признание нами интегритета* нынешней Польши и Версальской границы. Дирксен вручил мне при этом заключение юрисконсульта германского МИДа с юридическим анализом соответственных пунктов советско-польского пакта.

В этом документе отмечается, что в то время, как Келлогвский пакт автоматически прекращает свое действие в отношении любого государства, позволившего себе агрессию, советское правительство будет связано им в отношении Польши даже тогда, когда она нападет на Германию. Политически это означает, что Польша обеспечивает себе тыл для агрессивной политики на Западе, благодаря чему все соотношение сил в Восточной Европе радикально меняется в пользу Польши. В то же время обязательства Польши в отношении СССР ограничиваются соответственными статьями устава Лиги наций. Если мы не потребуем от Польши какого-либо заявления в отношении Лиги наций, какое мы в свое время получили от Германии, также от Литвы и других членов лиги, то польские обязательства по пакту будут отставать от советских обязательств. Это будет еще более подчеркнуто, если в пакте Польша оговорит сохранность ранее заключенных ею международных договоров, под которые подходят также и секретные соглашения неизвестного нам содержания. Ни в каких других пактах о ненападении не говорится о последствиях нарушения целостности территории, ибо это входит уже в понятие ненападения. Для определения ненападения существуют другие формулы, ничего общего с территорией не имеющие. Упоминание в советско-польском пакте целостности не может быть иначе интерпретировано, как в смысле признания прав Польши на все ее владения. Такая формулировка не позволит германскому правительству разъяснить германской общественности, что политика

*Целостность.

советского правительства в отношении Германии не затрагивается польско-советским пактом.

Я повторил Дирксену еще раз аргументацию, которую я приводил при моих предыдущих разговорах на эту тему, указав на неправильности в заключении Гаусса. В нашем проекте пакта совершенно точно сказано, что нейтралитет обязателен только в случае нападения на одну из сторон. Уже из этого одного следует, что наш нейтралитет необязателен в случае нападения Польши на третье государство, например, на Германию, даже без второго абзаца соответственной статьи. Этот второй абзац, однако, является еще дополнительной гарантией, дающей нам возможность в случае нападения Польши на Германию освободиться не только от нейтралитета, но и прочих обязательств по пакту. Конечно, денонсация договора в случае войны Польши с третьим государством будет политической демонстрацией с нашей стороны, но она уже сама по себе явится значительной поддержкой государству, подвергшемуся нападению. Формально Лига наций не может применять санкций к государству, подвергшемуся нападению. Возможны, однако, злоупотребления и неправильное определение нападения со стороны лиги так же, как и со стороны Польши, но против этого, конечно, никакие пакты помочь не могут. Во всяком случае, в пункте о нейтралитете наши формулировки вполне отвечают германским пожеланиям. Не могу я также согласиться с мнением, будто в нашем проекте пакта имеется какое бы то ни было признание версальских границ. Ненападение на границы не означает признания их. Немцам хорошо известно, что мы ни в коем случае не признаем и не будем признавать нынешней восточной границы Румынии, тем не менее по пакту Келлога и Московскому протоколу мы обязались не нападать на Румынию и готовы заключить с нею даже особый пакт. Возможно, что это определение понятия ненападения излишне, но оно не нами предлагалось, а Польшей. Отвергнуть это польское предложение означало бы, что мы как будто обязуемся абстрактно на Польшу не нападать, но резервируем за собой право насильственного нарушения целостности Польши. Такой шаг с нашей стороны мог бы быть использован агитационно Польшей против нас. В советско-французском пакте соответственное место, хотя нас устраивает, было бы еще более неприемлемым для Германии в нашем пакте с Польшей. Я не думаю, чтобы Германия имела основания возражать против этого пункта. Конечно, польская пресса может интерпретировать пакт, как ей угодно, и писать о признании нами Версаля, но и германская пресса, и наша также не наложили на себя обет молчания и могут поэтому полемизировать против польской интерпретации

и давать свою интерпретацию. Во всяком случае, соответственные статьи пакта с Польшей уже согласованы, и сделать их вновь предметом дискуссии мы не сможем. Я доложу, конечно, заявление посла своему правительству, но я не вижу, каким образом оно при всем своем желании считаться с германскими пожеланиями сможет их удовлетворить.

Дирксен как будто был удовлетворен моими объяснениями по пункту о нейтралитете, но был обескуражен моим ответом относительно интегритета. На его вопрос о состоянии переговоров я ему сообщил об отъезде Патека в Варшаву для получения дальнейших директив по остающимся разногласиям и о предложении Эстонии и Финляндии⁴.

На мой вопрос о положении в Германии Дирксен сказал, что благодаря принятым мерам, в особенности, последнему приказу правительства, не предвидится дальнейшего ухудшения положения, но не ожидается также и улучшения. До ближайшей сессии рейхстага Брюнинг продержится, но в мае может встать вопрос об изменении состава правительства, но отнюдь не о передаче всей власти национал-социалистам. Конференция по разоружению состоится в срок, и Германия никаких предложений об отсрочке не получала.

Литвинов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 671. Л. 110–115. Копия.

¹ Гаммерштейн-Экворд Курт фон (1878–1943) – немецкий генерал, в 1930–1934 г. главнокомандующий рейхсвера.

² См.: Сталин И.В. Соч. Т. XIII. С. 104–123.

³ Т.е. миротворческую.

⁴ Советско-польский договор о ненападении был подписан 25 июля 1932 г. в Москве и вступил в силу 23 декабря 1932 г.

1932 год

№ 278

*Записка Н.Н. Крестинского И.В. Сталину
о возможности предоставления таможенных преференций
Румынии и Венгрии на зерновые закупки**

№ 5026

14 января 1932 г.
Секретно

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)

тов. Сталину

Копия – тов. Розенгольцу**

Уважаемый товарищ,

Летом 1931 г. германское правительство заключило с Румынией и Венгрией торговые договора, по которым этим странам были предоставлены таможенные преференции по ввозу пшеницы, кукурузы и ячменя. Так как по Рапальскому договору и по торговому договору с Германией СССР пользуется правом наибольшего благоприятствования, то германское правительство обратилось к нам с просьбой дать наше согласие на предоставление Румынии и Венгрии предусмотренных договорами преференций. Письмом от 29 октября я от имени НКВД предложил Политбюро дать немцам отрицательный ответ***. Я при этом предусматривал, что если германское правительство повторно обратится к нам и предложит так или иначе компенсировать нас за наше согласие на преференции, то мы пересмотрим этот вопрос.

Политбюро приняло предложение НКВД, и 10 ноября 1931 г. я сообщил Дирксену, что правительство СССР не согласно на предоставление Румынии и Венгрии преференций.

В декабре 1931 г., в последней стадии происходивших в Берлине экспортных переговоров между СССР и Германией, герман-

* *Штамп*: Прот[окол] ПБ № 84, п. 35/13.

** Копии направлены также членам коллегии НКВД СССР.

*** См. док. 271.

ский министр народного хозяйства Вармбольд¹, руководивший с немецкой стороны переговорами, вторично поставил перед нами вопрос о нашем согласии на предоставление Румынии и Венгрии преференций. При этом он предложил компенсировать нас за это согласие обязательством закупить определенное количество ржи, пшеницы, ячменя и кукурузы из урожая 1932 г.

НКВД считает целесообразным разрешить германскому правительству предоставить Румынии и Венгрии преференции пока лишь на один 1932 г., если германское правительство обязуется закупить у нас из урожая 1932 г. удовлетворяющее нас количество перечисленных выше 4-х хлебов.

Размер наших закупочных требований к немцам определен по соглашению НКВД и НКВТ в 75% валового германского импорта ржи, 30% валового импорта пшеницы, 40% валового импорта ячменя и 20% валового импорта кукурузы.

Так как ПБ 1 ноября, по предложению НКВД, постановило дать немцам отрицательный ответ, то в настоящее время для того, чтобы договориться с немцами о разрешении им преференций в обмен на их зерновые закупки у нас, необходимо, чтобы ПБ во изменение своего постановления от 1 ноября разрешило указанное выше соглашение.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

АП РФ. Ф.3. Оп. 64. Д. 660. Л. 151–152. Подлинник.

¹ Вармбольд Герман (1876–1976) – в 1931–1933 гг. министр народного хозяйства Германии.

№ 279

Записка начальника

*IV Управления Штаба РККА Я.К. Берзина К.Е. Ворошилову
о составе групп для командирования в Германию в 1932 г.*

№ Г-7013сс

20 января 1932 г.
Сов. секретно

Наркомвоенмор и пред РВС СССР

Тов. Ворошилову

Представляю список групп, намеченных согласно Ваших указаний к командированию в зимний период 1932 г. в Германию:

1. Общевойсковых начальников на III курс Военной академии сроком на 6–12 месяцев в составе:

- 1) Левандовский¹ – комвойск СибВО.
- 2) Дубовой² – помощник комвойск УВО.
- 3) Федько – комвойск ККА.
- 4) Примаков³ – комкор XIII.

Кроме того о командировке на учебу ходатайствуют:

- 1) Гарькавый⁴ – помощник комвойск ЛВО.
- 2) Грязнов⁵ – заместитель начальника УММ.
- 3) Тимошенко⁶ – комкор III кав.

2. Группа из III Управления Штаба РККА в составе 10 человек (канд[идатуры] III Управления на срок от 3 до 6 месяцев):

1) Грунде К.М.⁷ – заместитель начальника ВОСО Белорусского ВО.

2) Шпомберг Г.К. – помощник начальника сект[ора] III Управления Штаба РККА.

3) Обыдин М.В. – начальник Военно-транспортной службы Октябрьской железной дороги.

4) Родионов В.Н. – начальник Военно-транспортной службы Юго-Западной железной дороги.

5) Воробей Н.А. – начальник Военно-транспортной службы.

6) Дмитриев – помощник начальника сект[ора] III Управления Штаба РККА.

7) Бернер – заместитель начальника Центр[ального] мобилизационного управления НКПС.

8) Пашковский – ЦМУ НКПС.

9) Суранов А.С. – заместитель начальника III Управления Штаба РККА.

Сроком на

10) Колтунов И.С.⁸ – помощник начальника III Управления Штаба РККА.

1½–2 месяца.

3. Группа преподавателей Военной Академии РККА сроком на 6 месяцев (канд[идатуры] выставлены т. Эйдеманом)

1) Микулин⁹ – преподаватель тактики конницы.

2) Беляев – адъютант по тактике.

3) Мордвинов¹⁰ – преподаватель по тактике артиллерии.

4) Мозалевский – преподаватель по тактике и устройству тыла.

5) Газукин¹¹ – состоящий в распоряжении зампред РВС т. Тухачевского¹².

Задача: Ознакомление и изучение системы и методов подготовки по родам оружия, а также организации службы тыла и снабжения.

4. Группа вооруженцев на мобкурсы, сроком на 2 месяца

1) Мовчин – начальник V Управления Штаба РККА.

2) Петренко – заместитель начальника Техштаба.

3) Елисеев – ст[арший] военный представитель
АУ.

Находятся

4) Каюков – ст[арший] инспектор приемок АУ.

в Германии.

5) Руднев – член НТК АУ.

Задача: Изучение вопросов мобилизации промышленности.

5. Стрелковая группа пулеметчиков и артиллеристов сроком на 2 месяца.

В эту группу целесообразно включить: специалиста по пулеметному делу, артиллериста-тактика и артиллериста-баллиста.

Группа имеет задачу: изучить методику подготовки и методы стрельбы пулеметных и артиллерийских частей рейхсвера.

Так как летом 1931 г. посылка этой группы не имелась в виду, то при составлении сметы на 1932 г. она не была предусмотрена, но за счет экономии полагал бы возможным без дополнительных ассигнований командировать группу до 5 человек.

Докладывая об изложенном, прошу Ваших указаний.

Начальник IV Управления Штаба РККА

Берзин

Резолюция: Решить в пятерке¹³. В[орошилов].

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 143–144. Подлинник.

¹ Левандовский Михаил Карлович (1890–1938) – в 1930–1937 гг. командующий войсками Сибирского и Закавказского военных округов.

² Дубовой Иван Наумович (1896–1938) – в 1929–1935 гг. заместитель командующего войсками Украинского военного округа, в 1935–1937 гг. командующий войсками Харьковского военного округа.

³ Примаков Виталий Маркович (1897–1937) – в то время командующий 13-м корпусом Приволжского военного округа.

⁴ Гарькавый Илья Иванович (1888–1937) – в 1928–1930 гг. начальник Командного управления Главного управления РККА, в 1930–1931 гг. командовал корпусом, в 1931–1935 гг. помощник, затем заместитель командующего Ленинградским военным округом.

⁵ Грязнов Иван Ксенофонтович (Женсоринович) (1897–1938) – в 1930–1931 гг. помощник командующего Среднеазиатским военным округом, в 1931–1933 гг. заместитель начальника Управления механизации и моторизации РККА.

⁶ Тимошенко Семен Константинович (1895–1970) – в то время командующий 3-м кавалерийским корпусом, в 1933–1935 гг. заместитель командующего Белорусским, затем Киевским военными округами, в 1937–1940 гг. командующий Северо-Кавказским, Харьковским, Киевским военными округами, в 1940–1941 гг. нарком обороны СССР.

⁷ Грунде Карл Мартынович (1897–1937).

⁸ Колтунов Илья Семенович (1896–1938).

⁹ Микулин Владимир Иосифович (?–1961) – в 1924–1926 гг. начальник штаба 3-го кавалерийского корпуса, затем адъютант по кафедре конницы, преподаватель и заместитель начальника штаба академии по учебной части Военной академии им. М.В. Фрунзе.

¹⁰ Мордвинов Василий Константинович.

¹¹ Газукин – военный химик, в 1930 г. преподаватель тактики Ленинградской школы переподготовки командиров запаса им. В.И. Ленина.

¹² Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937) – в 1928–1931 гг. командующий войсками Ленинградского военного округа, в 1931–1934 гг. заместитель наркома по военным и морским делам СССР и председателя РВС СССР, в 1934–1936 гг. заместитель наркома, в 1936–1937 гг. первый заместитель наркома обороны СССР.

¹³ Имеются в виду пять членов Политбюро ЦК ВКП(б).

№ 280

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О переговорах с Германией”**

№ П 86/15-с

28 января 1932 г.
Строго секретно
Из “Особой папки”

15. Принять следующие предложения НКВнешторга:

а) утвердить подписанный 22.12.1931 г. протокол об окончании экспортных переговоров с Германией с прилагаемыми к нему документами;

б) предложить т. Вейцеру в срочном порядке закончить переговоры с Рейхсбанком относительно финансового соглашения и с железнодорожным обществом Германии относительно тарифного соглашения.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 166. Копия.

№ 281

*Письмо Л.М. Хинчука Н.Н. Крестинскому
о публикации в “Берлинер Тагеблатт” материалов
об участии СССР в международной торговой неделе в Германии***

№ 189

1 марта 1932 г.
Берлин

Многоуважаемый Николай Николаевич!

На днях я послал телеграмму Вам и тов. Розенгольцу за своей и Вейцера подписью, сегодня телеграфировал тов. Сталину по

* Вопрос представлен А.П. Розенгольцем, Н.Н. Крестинским. Выписка из протокола № 86 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 28 января 1932 г., п. 15. Направлена А.П. Розенгольцу.

** Копия направлена И.В. Сталину.

поводу издания специального номера “Берлинер Тагеблатт” и вообще нашего участия в международной торговой неделе и, стало быть, в конгрессе по вопросам торговой и таможенной политики. Тов. Виноградов¹ давно уже послал в Отдел печати все необходимые материалы и, таким образом, время решать этот вопрос. Коротко я повторю основные моменты. Издание специальных номеров “Берлинер Тагеблатт”, посвященных отдельным странам и в том числе нам, неразрывно связано с международным конгрессом. Из этого следует, что наряду с подготовкой номера газеты нам нужно немедленно наметить делегатов на конгресс, которые смогли бы своевременно подготовиться. До середины апреля времени осталось очень мало, и следовало бы теперь же вырешить персональные вопросы и, в частности, наметить товарища, который отвечал бы за подготовку номера. Для нас издание специального номера и участие в конгрессе к тому же связано еще с ликвидацией конфликта с “Берлинер Тагеблатт” в связи с высылкой Шеффера. Формальной связи здесь нет, но по существу дело обстоит так, что если мы согласимся на издание специального номера и на участие в конгрессе, “Берлинер Тагеблатт” посылает нам корреспондента, который будет жить на деньги, вырученные от издания русского номера.

Сегодня у нас состоялся завтрак, данный мною редакции “Берлинер Тагеблатт” во главе с Теодором Вольфом. Мы беседовали с ним по ряду вопросов, о которых я кратко сообщаю в дневнике своем, и в частности он мне сообщил, что корреспондентом намечается Гюнтер Штейн. Хотя Штейн и вернулся из Москвы несколько разочарованным, но кандидатура его все же для нас является приемлемой. Его статьи о московских впечатлениях, в частности о нашей внешней торговле, были вполне приемлемы. Помимо тех 16 страниц, за которые мы должны будем расплатиться в червонной валюте и которые будут стоить нам приблизительно 26 тысяч рублей, остальная часть “Берлинер Тагеблатт” за тот же день будет предоставлена в наше распоряжение совершенно бесплатно, и мы сможем ее заполнить нашим материалом и статьями дружественных нам германских политиков, хозяйственников и инженеров, в частности тех, которые работают у нас. Распространяться перед Вами о важности этого начинания не приходится. Тираж специального номера составит 400 тысяч экземпляров, распространяемых не только в Германии, но и во всем мире. По существу это будет целая книга о советском строительстве, изданная почти с полумиллионным тиражом буржуазным издательством Моссе. Таковую трибуну для пропаганды буржуазная печать предоставляет нам, право, не так уж часто.

К тому же в валюте мы не заплатим ни одного пфеннига, и расчет, как Вам известно, будет произведен в червонцах. Зная печальный опыт подготовки материала для германского коммунального журнала и ряда других начинаний за границей, провалившихся из-за неповоротливости и медлительности наших канцелярий, я прошу Вас, Николай Николаевич, лично взять шефство над этим делом, так как время, повторяю осталось очень немного.

С товарищеским приветом Л. Хинчук

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 677. Л. 35–35 об. Подлинник.

¹ Виноградов Борис Дмитриевич (1903–1938) – в 1930–1933 гг. 1-й секретарь, зав. отделом печати и информации полпредства СССР в Германии, в 1934 г. советник полпредства в Румынии, в 1936 г. советник полпредства СССР в Польше.

№ 282

*Записка А.П. Розенгольца И.В. Сталину
о советско-германских переговорах по экспорту в Германию
зернопродуктов из СССР**

Не позднее 8 марта 1932 г.¹

В ПБ ЦК ВКП(б)

тов. Сталину

В переговорах т. Хинчука с Вармбольдом (министром народного хозяйства в Германии), последний сообщил, что 8 марта в Совете Министров будет обсуждаться протокол экспортных переговоров. Он рассчитывает, что протокол будет утвержден, если у нас будет предварительно достигнуто соглашение по вопросу об обязательствах, принимаемых Германией на себя по линии наших зернопродуктов. Вармбольд при этом указал, что может гарантировать прохождение в кабинете министров обязательства закупить у нас 75% всего ввоза ржи. По пшенице он может провести обязательство на 25% всего ввоза с обещанием закупить сверх этого процента или 30% без обещания дальнейших закупок. По ячменю обещает дать возможность сбыть 40%, но без гарантии. О кукурузе в сообщении т. Хинчука нет указаний.

По ржи и пшенице мы, таким образом, добились принятия наших предложений, установленных ПБ.

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 91, п. 40/8.

По ячменю директива ПБ была: добиваться гарантии 40%, при невозможности – добиваться получения тех преференций, которые предоставлены румынам, т.е. скидки в 25 марок с тонны с пошлины. При невозможности добиться этой скидки – пойти на получение скидки в 12,5 марок с тонны. При отказе немцев предоставить нам эти льготы, добиваться повышения размера закупаемой пшеницы до 40%.

Считаю необходимым дать директивы т. Хинчуку добиваться выставленных нами требований, но в крайнем случае согласиться на предложение Вармбольда.

Ввиду отсутствия сообщений по кукурузе считаю нужным указать т. Хинчуку, чтобы он добивался удовлетворения нашего требования, т.е. обеспечения за нами 20% германского ввоза. В крайнем случае, договориться на меньшем проценте.

Прошу разрешения дать директиву в Берлин для переговоров согласно прилагаемого проекта телеграммы².

А. Розенгольц

Ввиду срочности прошу утверждения опросом членов Политбюро.

А. Розенгольц

Подписи: За – Ст[алин], за – Молотов, за – В. Куйбышев, А. Микоян. Орджоникидзе – за, Ворошилов – за.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 225, 227–227 об. Автограф.

¹ Датируется по док. 311.

² Приложение не публикуется, так как повторяет содержание док. 311.

№ 283

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О переговорах с немцами по вопросам экспорта”**

8 марта 1932 г.

Строго секретно

Из “Особой папки”

40/8. Послать от имени НКВТорга следующую телеграмму тт. Килевицу, Хинчуку:

“При переговорах с Вармбольдом придерживайтесь позиций директив инстанции: в отношении ржи и пшеницы предложения

* Принято опросом члснов Политбюро ЦК ВКП(б) от 7 марта 1932 г. Выписка из протокола № 91 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 8 марта 1932 г., п. 8. Направлена А.П. Розенгольцу.

приемлемы. В отношении ячменя требуйте гарантии 40%, при невозможности добиться гарантии 40% добивайтесь преференции, представленной румынам, – 25 марок скидки с тонны, в крайнем случае половину этой скидки. Последней позицией считайте при отказе от гарантии 40% по ячменю покупку 40% пшеницы вместо обусловленных 30%. В случае полной невозможности договориться на одной из этих позиций разрешаем пойти на предложение Вармбольда. В Вашем сообщении упущена кукуруза, напоминаем, мы требовали 20% по кукурузе. Разрешаем торговаться на меньшем проценте”.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 224. Копия.

№ 284

*Записка А.П. Розенгольца председателю комиссии
Политбюро ЦК ВКП(б) В.М. Молотову
о закупке черных металлов в Германии*

НКВТ № 139

10 марта 1932 г.
Секретно

Председателю комиссии Политбюро – тов. Молотову
Копия – тов. Сталину
Копия – тов. Орджоникидзе
Копия – тов. Куйбышеву

Согласно решения комиссии Политбюро от 5 марта мы дали директиву тт. Жуковскому и Биткеру добиваться снижения цен против предложений немецкой группы на 10% по сравнению с прошлым годом и одновременно настаивать на покупке у нас железной руды в количестве не менее 300 тыс. тонн.

Из телеграммы за подписью тт. Жуковского, Биткера и Хазанова¹, видно, что немецкая группа не только не соглашается пойти на снижение цен против первоначального предложения, но требует снижения кредита – вместо 21 месяца, до 15 месяцев. Причем на этих ухудшенных условиях они согласны взять заказ только лишь на 100 000 тонн, ставя вопрос о дальнейших заказах по черным металлам в прямую зависимость от разрешения общего вопроса о финансировании заказов в Германии на 1932 год. Со времени прошлогодних закупок (июнь 1931 г. и конец февраля 1932 г.) цены Брюссельской биржи на черные металлы упали на 22–25%. Поэтому требование немецкой группы сохранения прошлогодних

цен, выраженных в золотом паритете, фактически сводится к повышению цен по сравнению с прошлым годом в размере указанного выше падения мировых цен (22–25%). При сравнении с ценами Брюссельской биржи настоящего времени при покупке за наличные предложение немецкой группы дает повышение, в зависимости от отдельных сортов черных металлов, от 70 до 80%.

Совершенно очевидно, что предложение немцев о снижении кредита до 15 месяцев и то при условии лишь принятия заказов к размещению в количестве 100 000 тонн неприемлемо.

При таком положении считаю более целесообразным срочно разместить первый заказ в количестве до 200 000 тонн в Англии на условиях 12-месячного кредита. Английские цены ниже немецких от 8 1/2 до 16% (в зависимости от сорта). Мы полагаем, что размещение заказов в Англии заставит немцев быть более уступчивыми при размещении последующих заказов.

Ввиду того, что необходимо ответ по этому вопросу дать в самом срочном порядке, прошу Вас принять прилагаемый при сем проект постановления.

А. Розенгольц

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 229–230. Подлинник

Приложение

*Проект постановления комиссии Политбюро ЦК ВКП(б)
о размещении заказов на черные металлы в Англии*

10 марта 1932 г.

Секретно

Во изменение постановления комиссии Политбюро от 5 марта 1932 г. предложить Наркомвнешторгу:

1. Переговоры с немецкой группой о размещении заказов по черным металлам на предложенных ими условиях по старым ценам при 15-месячном кредите временно прекратить;

2. Немедленно разместить заказы на черные металлы в Англии в количестве 200 000 тонн при 12-месячном кредите.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 231. Подлинник. Виза А.П. Розенгольца.

¹ Хазанов Самуил Абрамович – заместитель начальника управления Наркомвнешторга СССР.

*Запись беседы Н.Н. Крестинского с Г. Дирксеном
о покушении на советника германского посольства в Москве
Ф. Твардовского**

10 марта 1932 г.

Секретно

Экз. № 2

Дневник

Н.Н. Крестинского

Прием германского посла Дирксена 10 марта 1932 г.

1) Дирксен перешел к покушению на Твардовского. Он сказал, что посольство опросило двух сотрудников, именно шофера, управлявшего автомобилем, в котором ехал Твардовский, и сторожа того дома, в котором живет Дирксен, случайно накануне происшествия бывшего на Леонтьевском пер. и обратившего внимание на двух подозрительных молодых людей, внимательно наблюдавших за всеми, выходявшими из посольства. Дирксен вручил мне копии показаний этих двух служащих.

Я сказал, что передам показания следственным властям, и спросил, согласны ли они дать следственным властям показания, чтобы придать формальную силу переданным мне неформальным документам. Дирксен сказал, что они, конечно, всегда к услугам следственных властей.

Тогда я спросил Дирксена, согласен ли будет также Твардовский дать свои показания, ибо это, вероятно, потребуется для полноты следствия. Дирксен ответил, что Твардовский также всегда будет готов принять следователя и дать ему свои показания.

Дирксен поинтересовался ходом следствия. Я ответил ему, как это было мною предварительно согласовано с т. Балицким¹, что арестован и изблещен уже и второй участник преступления. Дирксен слышал о том, что было арестовано трое (а может быть, однако, такое впечатление осталось у него от сообщения "о группе террористов").

Я ответил Дирксену, что в ходе следствия арестовывалось, вероятно, довольно много людей, из которых некоторые освобождались, некоторые продолжают еще, может быть, находиться под арестом. Я же говорю ему не о числе арестованных, а о числе изблещенных преступников.

* Копии направлены И.В. Сталину, А.Х. Артузову, В.А. Балицкому.

Дирксен интересовался, будут ли арестованные преступники преданы публичному суду. Я ответил, что, хотя официальное решение следственных властей мне еще не известно, но я лично полагаю, что дело будет разбираться в публичном судебном заседании.

Я прибавил, что по информации, полученной мною от следственных властей, следствие ведется ускоренным темпом и будет закончено на днях.

Дирксен спросил, нельзя ли уже узнать, с какой иностранной державой были связаны преступники.

Я ответил ему, что по ходу следствия признается невозможным сказать уже, с какими иностранными гражданами связаны непосредственные исполнители преступления.

2. Затем Дирксен перешел к вопросу о Владивостокском генконсульстве. Генконсул² допросил всех сотрудников консульства об их знакомствах и связях и пришел к убеждению, что ни один из сотрудников ни в каких близких отношениях ни с кем из сотрудников японского генконсульства, ни вообще с какими-либо японцами не состоит. Он поэтому сам не может ничего больше установить и будет ждать от меня дополнительных указаний.

Я спросил Дирксена, был ли прежде на военной службе Кайзер?

Дирксен ответил, что Кайзер ни в германской, ни в русской армии не служил. Военным был сам генеральный консул и секретарь Вольный. Отношение последнего к военной службе довольно небольшое, потому что он в начале войны поступил вольноопределяющимся в германскую армию и очень скоро после этого попал в плен в Россию.

Я сказал Дирксену, что в ближайшие дни вернусь к этому вопросу и назову ему, вероятно, фамилию сотрудника, который должен быть отозван.

Н. Крестинский

P.S. Дополнительно припоминаю, что Дирксен спросил, не могли бы заведующий их консульским отделом секретарь посольства Пфайфер³ ознакомиться со следственным материалом? Я обещал справиться, допускается ли по УПК ознакомление кого бы то ни было с материалами законченного уже следствия. Что же касается настоящего момента, когда следствие еще производится, я и без наведения какой-либо справки могу дать категорически отрицательный ответ.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 681. Л. 8-9. Копия.

¹ Балицкий Всеволод Анатольевич (1892–1937) – в 1923–1931 гг. председатель ОГПУ УССР, одновременно нарком внутренних дел в 1924–1930 гг., в 1931–1934 гг. заместитель председателя ОГПУ СССР, в 1934–1937 гг. нарком внутренних дел УССР.

² Имеется в виду Бальцер Карл (1887–1957) – в 1928–1933 гг. генеральный консул Германии во Владивостоке.

³ Пфайфер Петер (1895–1978) – в 1930–1934 гг. сотрудник посольства Германии в Москве.

№ 286

*Записка председателя правления Госбанка СССР,
заместителя наркома финансов СССР
М.И. Калмановича И.В. Сталину и В.М. Молотову
о переговорах заместителя правления Госбанка СССР
Г.М. Аркуса с германскими банками*

№ 395/2

19 марта 1932 г.
Секретно

Тов. Сталину

Тов. Молотову

Направляя Вам письмо, полученное из Берлина от т. Аркуса о его переговорах с немецкими банками по кредитным операциям, сообщаю, что

- 1) мероприятия, проводимые т. Аркусом, нами одобрены,
- 2) от “Дойче банка” мы уже получили подтверждение о предоставлении нам кредита в 3 млн марок под лес,
- 3) Мы запросили подробные условия покупки нашего золота в Италии. До получения этих данных мы воздерживаемся от решения этого вопроса.

М. Калманович

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 233. Подлинник.

Приложение

*Выписка из письма Г.М. Аркуса
о переговорах с германскими банками
о кредитах и гарантиях и о возможном соглашении
с английскими банками по лесному экспорту*

12 марта 1932 г.
Берлин

1. О н[аших] делах в Германии.
 - а) Дело с английскими банками как будто удастся довести до конца. Оно очень сложно.

1) Необходимо разрешение Рейхсбанка. Я поставил вопрос перед Рейхсбанком о сумме в 6 млн марок с тем, чтобы по использовании этой суммы можно было бы просить увеличения. Разрешение на эти 6 млн мы, вероятно, на днях получим.

Для того, чтобы не создать прецедента, Рейхсбанк может дать разрешение только в пределах подписанного Stillhalte Abkommen (соглашение об отсрочке платежей). Поэтому пришлось поставить вопрос о проведении этой операции по п. 10 Stillhalte Abkommen. По этому пункту иностранные банки имеют право известные суммы (текущие счета и ссуды наличными) инвестировать на срок не менее 5 лет. Поэтому мы поставили этот вопрос перед Рейхсбанком в следующей форме:

Инобанки покупают долгосрочные обязательства “Деропа” – наша нефтяная организация в Германии (хотя и указали, что эта операция связана с товарными операциями на другие страны).

Естественно, что наряду с соглашением о проведении этой операции в форме покупки англобанками этих долгосрочных обязательств и депонирования этих обязательств в Рейхсбанке за счет соответствующего английского банка у нас будет соглашение с английскими банками по лесному экспорту (залог леса в Ленинграде и Архангельске) с тем, что после погашения этой ссуды за счет сумм по выручке от экспорта они отказываются от своих прав по долгосрочным обязательствам “Деропа”, выписанным в их пользу.

Так как это дело связано с выдачей “Деропом” долгосрочных обязательств, нужно будет провести по этому вопросу постановление собрания акционеров (оно будет на днях. В связи с этим сговорились с “Союзнефтеэкспортом” о даче директивы “Деропу” о проведении по указанию т. Кагана¹, нашего представителя в Берлине, необходимого постановления).

Так как вся эта операция несколько необычного типа, переговорите с Рудзутаком Я.Э. и проведите секретное постановление Валютной комиссии по этому вопросу.

Я во всяком случае буду доводить это дело здесь до конца, так как не сомневаюсь в приемлемости этой схемы и ее утверждении.

2) После получения разрешения Рейхсбанка английские банки должны будут сговориться с фирмами и банками о размерах сумм, которые они смогут у них получить. Это тоже весьма сложное дело.

У меня здесь три раза был Линденберг от “Джафета” (английский банк). Я настоял, чтобы он тоже поставил перед Рейхсбанком этот вопрос (так как, как у нас часто бывает, я опасался, что мы

здесь доведем дело до конца, а потом “Джафет” поставит новые неприемлемые условия и мы окажемся в неудобном положении перед Рейхсбанком).

Он был в Рейхсбанке по этому делу. По его данным, он сможет мобилизовать для этого дела в течение ближайшего времени около 4 млн марок. Судя по редакции п. 10 Stillhalte Abkommen это в достаточной степени сложная операция. Но по получении согласия Рейхсбанка, я полагаю, что мобилизовать 6 млн марок за счет английских банков будет нетрудно, так как и другие, по всей вероятности, на эту операцию пойдут (есть уже предварительное согласие “Гиннес Магон” – английский банк – на это дело).

С “Чейз банком” операцию по всей вероятности провести не удастся, так как поскольку Вигинс² был председателем конференции по Stillhalte и представлял все американские банки, ему неудобно за спиной других американских банков провести эту операцию, да и общая позиция американских банков к советским делам тебе известна.

Я во всяком случае считаю, что нам интереснее втянуть английские банки в эту операцию, так как это укрепляет наши позиции на английском лесном рынке.

3) Наряду с проведением этой операции через английские банки, я имел разговор:

а) с Шлиппером³ (“Дойче банк”). Он лично согласен провести через свое правление (надо думать, что если не будет особых политических осложнений в связи с перевыборами президента) кредит под лес в Ленинграде и Архангельске на сумму около 3 млн марок. Надо полагать, что через пару дней мы будем иметь решение правления “Дойче банка” по этому вопросу.

б) идут переговоры с “Дрезднер банком” по вопросу о кредите в 10 млн марок по этой же операции.

Если провести все эти операции, у нас, по всей вероятности, не будет достаточного обеспечения.

Для обеспечения этих дел я здесь начал переговоры о предоставлении немецким банкам правительственной гарантии по этому делу. Это бы значительно облегчило проведение через банки этих операций.

От “Дрезднер банка” ответ, по всей вероятности, будет на будущей неделе.

3) С “Дрезднер банком” с моего согласия ведет переговоры “Промэкспорт” об авансе под цинковые концентраты в сумме $1\frac{1}{2}$ – 2 млн марок.

4) Я тебе уже говорил по телефону о согласии Рейхсбанка на выдачу под платину еще 4 млн марок, при условии оставления

у него золота на 1 млн рублей. При других условиях я бы на эту операцию не пошел, но так как положение на платиновом рынке тебе известно и марковый дефицит тебе тоже известен, я полагаю, что нужно будет временно на это дело пойти. Я не разрешил пока подтвердить это дело. Посмотрим, в конце месяца решим.

5) Операцию по продаже золота в Италии нужно задержать, так как итальянцы предъявили смехотворные требования в отношении наших депозитов. Об этом я говорил с Пятаковым по телефону. Поэтому для н[ашей] кассовой позиции в течение ближайшего времени итальянскую операцию можно не считать.

Г. Аркус

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 234–235 об. Заверенная копия.

¹ Каган Моисей Александрович – член правления Госбанка СССР, представитель Госбанка СССР в Германии.

² Точнее Уиггин Альберт (1868–1951) – в 1911–1930 гг. президент “Чейз нэшнл бэнк”.

³ Шлиппер Густав (1880–1937) – банкир, в 1914–1937 гг. член правления “Дисконто-Гезельшафт”, затем “Дойче банк”.

№ 287

*Записка А.П. Розенгольца И.В. Сталину о квотах Германии
по советским зернопродуктам*

НКВТ № 156

20 марта 1932 г.

Секретно

Экз. № 1

Политбюро ЦК ВКП(б)

тов. Сталину

Копия: т. Молотову

Германское правительство согласилось в основном со всеми нашими требованиями относительно гарантирования нам определенных квот по ввозу в Германию пшеницы, ячменя и ржи на 1932 г. взамен нашего согласия на заключение им преференциальных соглашений с Румынией и Венгрией.

В настоящее время германское правительство требует нашего согласия на заключение преференциальных соглашений не на один год, а до 1934 г. В директивах Политбюро этот момент не предусматривался.

Я полагаю необходимым в качестве контртребования выдвинуть предоставление нам квот в установленных Политбюро на 1932 год размерах на все время действия преференциальных соглашений, т.е. также на 1933 и 1934 г. Германское правительство отказывается пойти на это, ссылаясь на то, что оно сейчас не может предусмотреть размера будущих урожаев и возможности для его организаций производить закупки зерна в таком большом размере, какой установлен для 1932 г.

Я считаю необходимым категорически настаивать на предоставлении нам вышеуказанных квот на все время действия соглашений, так как в противном случае мы, начиная с 1933 г., совершенно лишимся германского рынка по зернопродуктам.

Прошу поэтому утвердить прилагаемый при сем проект соответствующих директив т. Килевицу в Берлин.

Ввиду срочности прошу провести его опросом.

А. Розенгольц

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 660. Л. 236–237. Подлинник.

№ 288

*Записка А.П. Розенгольца в Политбюро ЦК ВКП(б) о переговорах с Германией в связи с квотами по зернопродуктам и о требовании германской стороной выплаты долгов в валюте**

НКВТ № 207

7 апреля 1932 г.

Секретно

Экз. № 1

В Политбюро ЦК ВКП(б) т. Сталину

Копия: тов. Молотову**

1. По сообщению т. Вейцера, немцы готовы предоставить нам на 1932 г. квоты по зерновым продуктам в размерах, установленных постановлением Политбюро. На 1933 г. и последующие годы действия преференциальных договоров между немцами, румынами и венграми они нам этих квот не дают и категорически настаивают на нашем согласии ограничиться 30% нетто-импорта, т.е. не всего импорта Германии соответствующих зернопродуктов, а только разницы между их ввозом и вывозом.

* Штамп: Прот[окол] ПБ № 95, п. 2.

** Копия направлена также в НКВД СССР.

При этом немцы обещают содействовать нам в получении определенного участия в операциях по пшенице по так называемым обменным свидетельствам. Немцы также подчеркивают, что заключаемое нами соглашение не предвещает результатов переговоров относительно 1933 г. и последующих лет. Они допускают, что при будущих переговорах мы сможем получить и более высокие квоты, однако, гарантировать заранее результаты будущих переговоров в большем проценте они отказываются.

Тов. Вейцер указывает, что если мы не согласимся на предложение немцев, они будут считать себя свободными также от соглашения о сбыте урожая 1932 г. Причем т. Вейцер считает, что если мы не дадим согласия, Германия в соглашениях с другими державами даст преференции дунайским странам независимо от нашего согласия.

Требование немцев является крайне тяжелым для нас в отношении 33-го и последующих годов. Учитывая все увеличивающуюся посевную площадь Германии под пшеницей, можно предполагать, что при хорошем урожае нетто-ввоз в Германию будет составлять небольшую величину в общем ввозе пшеницы, по которой мы квоты не получаем. Вместе с тем, в связи с предоставлением преференций румынам и венграм по ячменю и отказом Германии предоставить нам квоту по этому товару мы можем быть в значительной степени вытеснены с рынка ячменя.

Тем не менее, полагаю, что надо дать т. Вейцеру право закончить с немцами и принять эти условия.

Общая обстановка такова, что заключение соглашения по экспорту с немцами может несколько улучшить наше общее положение при других переговорах. К тому же заключение с нами соглашения по преференциям облегчит немцам борьбу против дунайской федерации.

2. Полагаю необходимым пойти на уступки немцам и по валютному вопросу. По постановлению Политбюро мы должны были требовать от немцев в качестве нашей последней позиции обмена всех наших долларовых обязательств, независимо от места платежа, и права оплаты всех наших эффективных инвалютных обязательств в марках.

Немцы согласны принять в платеж марки по эффективным инвалютным векселям на сумму не свыше 10 млн долларов и допустить обмен марок на доллары для оплаты долларовых векселей, домицилированных за границей, на сумму от 10 до 15 млн долларов.

Полагаю необходимым принять эти условия для того, чтобы скорее закончить и без того слишком затянувшиеся переговоры.

Принимая во внимание, что мы не можем рассчитывать на размещение в Германии нашего экспорта на сумму, большую, чем в 150 млн руб. в течение 1932 г., при нашей задолженности в 230 млн руб. и при довольно крупных расходах в марках внутри страны, мы все равно в течение 1932 г. не будем иметь излишней выручки в марках даже для использования тех лимитов, которые нам немцы предоставляют.

3. Немцы предлагают в соглашение с Рейхсбанком включить формулу: “Рейхсбанк заявляет, что он будет по возможности поддерживать мероприятия Рейхсфербанда¹ по заключению договоров по импорту исключительно в рейхсмарках. Способ и характер валоризации² марочных акцептов предоставляются соглашению сторона, причем торгпредство заявляет, что оно в принципе готово валоризировать марочные акцепты по требованию фирм с момента подписания соглашения”.

Вышеуказанная формула сводится к тому, что немцы будут иметь возможность требовать от нас, не считаясь с рекомендацией Рейхсбанка, выставления векселей в долларах с платежом за границей. Мы же берем на себя обязательство по требованию фирм всегда страховать немцев от возможного падения курса марки.

Это обязательство является односторонним и исключительно во вред нам. Полагаю, что на это пойти нельзя. Нам предпочтительно оставаться при нынешнем положении, когда мы выдаем приблизительно половину векселей в марках, чем принять на себя те обязательства, которые нам предлагает Рейхсбанк.

В качестве нашего контрпредложения полагаем необходимым выдвинуть нижеследующее:

“Рейхсбанк заявляет, что он будет полностью поддерживать мероприятия Рейхсфербанда по заключению договоров по импорту в рейхсмарках. Вопрос о валоризации марочных обязательств предоставляется согласованию торгпредства с фирмами”. Так как необходимо немцам дать срочно ответ, прошу срочного решения вопроса.

А. Розенгольц

*Проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б)
о переговорах с Германией*

7 апреля 1932 г.

Секретно

Экз. № 1

1. Разрешить тов. Вейцеру подписать соглашение с немцами о предоставлении нам квоты на 1933-й и последующие годы действия преференций, предоставляемых Германией Румынии и Венгрии, в размере 30% от нетто импорта.

Вместе с тем добиться запротоколирования нашего права вернуться к вопросу о пересмотре размеров квоты на эти годы при обязательстве германского правительства предоставить нам определенное участие в импорте пшеницы и других зернопродуктов по обменным свидетельствам.

2. Разрешить тов. Вейцеру подписать соглашение с Рейхсбанком об обмене валюты на 10 млн долларов для оплаты инвалютных эффективных обязательств и на 10–15 млн долларов на оплату домицилированных за границей долларовых обязательств.

3. По вопросу о валюте будущих векселей предложить тов. Вейцеру добиваться следующей формулировки: “Рейхсбанк заявляет, что он будет полностью поддерживать мероприятия Рейхсфербанда по заключению договоров по импорту в рейхсмарках. Вопрос о валоризации марочных обязательств предоставляется торгпредству согласовывать с фирмами”^{*}.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 661. Л. 20. Подлинник. Виза А.П. Розенгольца.

¹ Имперское объединение промышленности (нем.).

² Страхование немецкой марки в долларах или другой валюте на случай инфляции.

^{*} Приложение в АП РФ отсутствует.

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б)
“О переговорах с Германией”**

№ П 95/2-с

8 апреля 1932 г.
Строго секретно
Из “Особой папки”

2. Принять предложения Наркомвнешторга (См. приложение).
Секретарь ЦК

Приложение

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 8.04.1932 г.
о переговорах с Германией*

1. Разрешить т. Вейцеру подписать соглашение с немцами о предоставлении нам квоты на 1933-й и последующие годы действия преференций, предоставленных Германией Румынии и Венгрии, в размере 30% от нетто импорта.

Вместе с тем добиться запротоколирования нашего права вернуться к вопросу о пересмотре размеров квоты на эти годы при обязательстве германского правительства предоставить нам определенное участие в импорте пшеницы и других зернопродуктов по обменным свидетельствам.

2. Разрешить т. Вейцеру подписать соглашение с Рейхсбанком об обмене валюты на 10 млн долларов для оплаты иновалютных эффективных обязательств и на 10–15 млн долларов на оплату домицилированных за границей долларовых обязательств.

3. Отклонить предложение Рейхсбанка о нашем обязательстве валоризировать (страховать в другой валюте) все векселя, выдаваемые нами немецким фирмам в марках. Настаивать на нашем праве договариваться по этому вопросу в каждом отдельном случае с немецкими фирмами.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 661. Л. 14–15. Заверенная копия.

* Вопрос представлен А.П. Розенгольцем. Выписка из протокола № 95 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 8 апреля 1932 г., п. 2. Направлена А.П. Розенгольцу, Н.Н. Крестинскому.

№ 290

*Записка А.П. Розенгольца И.В. Сталину
о завершении экспортных переговоров с Германией
и о валоризации немецкой марки**

НКВТ № 257

26 апреля 1932 г.
Секретно

В Политбюро ЦК ВКП(б)
тов. Сталину

Ввиду срочности вопроса прошу, если это не представляет затруднений, провести решение по моей записке от 22.04 за № 246 (о валютизации марки) опросом.

А. Розенгольц

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 661. Л. 22. Подлинник.

Приложение 1

*Записка А.П. Розенгольца И.В. Сталину
о необходимости согласия на валоризацию марки*

НКВТ № 246

22 апреля 1932 г.
Секретно
Экз. № 1

В Политбюро ЦК ВКП(б)
тов. Сталину

Копия тов. Молотову

Согласно протокола от 22 декабря 1931 г., заключенного нами с немцами, подлежало подписанию два основных конкретных соглашения: 1) о хлебе, 2) о валюте наших платежей и продаж. По обоим указанным соглашениям достигнута принципиальная договоренность с немцами, но немцы отказываются от введения в действие валютного соглашения, требуя, чтобы мы в соглашении с промышленниками на счет заказов на 1932 г. включили пункт о полной валоризации марки в долларах (т.е. о платеже в марках по курсу доллара на случай инфляции в Германии).

Тов. Вейцеру борьба за неполную валоризацию марки в переговорах с промышленниками представляется на данном этапе совершенно безнадежной, так как немцы ожидают инфляции в бли-

* Штамп: Прот[окол] ПБ № 98, п. 32/8.

жайшее время. По мнению т. Вейцера, нажим на немцев по этому вопросу был бы возможен лишь в том случае, если бы мы решили по крайней мере в течение 1 ½ – 2 месяца не выдавать заказов. Поскольку мы не имеем возможности сейчас размещать заказы ни в Англии, ни в Австрии, ни в Италии, ни в Чехо-Словакии, я полагаю, что настаивать дальше на нашей прежней позиции отказа от валоризации марки невозможно, тем более, что немецкие промышленники получили предупреждение, что Гарантийный комитет не будет гарантировать, а Рейхсбанк не будет учитывать наших марочных векселей, не валоризированных в долларе.

Независимо от хода переговоров с германскими промышленниками о заказах на 1932 г., необходимо уже сейчас заявить Рейхсбанку (устно, а если это будет необходимо – письменно), что мы в соглашение с промышленниками о заказах, если оно будет достигнуто, включим пункт о полной валоризации марки.

Только этим путем мы достигнем ратификации протокола от 22 декабря 1931 г. и подписания вытекающих из него соглашений.

Валютное соглашение с Германией имеет для нас то значение, что немцы не распространяют на покупателей советских товаров существующие в Германии валютные ограничения и, кроме того, это соглашение дает нам возможность обращать часть нашей выручки в Германии не только на покрытие марочных векселей, но и на оплату наших обязательств, выставленных в эффективной долларовой валюте.

Срочное вступление в силу валютного соглашения диктуется еще тем, что созываемая в июне месяце Лозаннская конференция может привести к установлению такого контроля над Рейхсбанком, который лишит его возможности заключать подобные соглашения¹.

А. Розенгольц

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 661. Л. 23–24. Подлинник.

¹ Лозаннская конференция состоялась 16 июня – 9 июля 1932 г.

Приложение 2

*Проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б)
о согласии СССР на полную валоризацию марки в долларах
по новым заказам*

22 апреля 1932 г.
Секретно

Разрешить при подписании соглашения с Рейхсбанком заявить устно (а если это будет необходимо и письменно) о нашем

согласии включить в соглашение с промышленниками о заказах на 1932 г. (если таковое соглашение будет подписано) пункт о нашем согласии на полную валоризацию марки в долларах по новым заказам (т.е. о платеже в марках по курсу доллара).

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 661. Л. 25. Подлинник. Виза А.П. Розенгольца.

№ 291

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О переговорах с немцами”**

№ П 98/опр.8-с

28 апреля 1932 г.
Строго секретно
Из “Особой папки”

32/8. Разрешить при подписании соглашения с Рейхсбанком заявить устно (а если это будет необходимо и письменно) о нашем согласии включить в соглашение с промышленниками о заказах на 1932 г. (если таковое соглашение будет подписано) пункт о нашем согласии на полную валоризацию марки в долларах по новым заказам (т.е. о платеже в марках по курсу доллара).

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 661. Л. 21. Копия.

№ 292

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О соглашении с германскими промышленниками о заказах и кредитах”***

№ П 100/16-с

16 мая 1932 г.
Строго секретно
Из “Особой папки”

16. Принять проект постановления, внесенный комиссией Политбюро, с поправкой Наркомвнешторга (см. приложение).

Секретарь ЦК

* Принято опросом членов Политбюро от 28 апреля 1932 г. Выписка из протокола № 98 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 4 мая 1932 г., п. 8. Направлена А.П. Розенгольцу, М.М. Литвинову.

** Вопрос представлен Я.Э. Рудзутаком, А.П. Розенгольцем, Г.Л. Пятаковым, И.Я. Вейцером, М.И. Калмановичем, Г.Ф. Гринько, Н.Н. Крестинским, Б.С. Белевским. Принято опросом членов Политбюро 16 мая 1932 г. Выписка из протокола № 100 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 16 мая 1932 г., п. 16. Направлена А.П. Розенгольцу, И.Я. Вейцеру, Я.Э. Рудзутаку.

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 мая 1932 г.
о соглашении с германскими промышленниками*

1. Считать желательным заключение соглашения с немецкими промышленниками на один год, т.е. до 1.05.1933 г.; в случае возражения со стороны немцев согласиться на срок действия соглашения по 31 декабря 1932 г.

2. Считать возможным пойти на следующие уступки в отношении сроков кредита по сравнению с пятаковским соглашением:

а) не настаивать на сохранении группы заказов со средним сроком кредита в 28,8 месяца с установлением среднего срока кредитования по группе заказов с наиболее длинным сроком кредита в 24–26 месяцев; стремиться при этом сохранить в соглашении пункт о том, что по наиболее крупным объектам за нами в каждом отдельном случае остается право договариваться с фирмами о более длительных сроках кредита;

б) в отношении половины заказов, которые по пятаковскому соглашению выдавались на 21 месяц, согласиться на срок в 18 месяцев с тем, чтобы другая половина этой группы была выдана на 21 месяц;

в) средний 14-месячный срок для соответствующей группы заказов сохранить.

3. При переговорах с немцами добиться таких условий платежа (проценты и авансовые векселя), при которых общая сумма платежей немцами в 1933 г. по новым заказам ни в коем случае не превышала бы 14,5 млн руб. при общей сумме заказов в 120 млн руб. при 10% учетной ставке.

4. Рекомендовать т. Вейцеру при переговорах с немцами добиваться, чтобы 4–4,5 млн руб., на которые увеличиваются платежи 1933 г. по сравнению с пятаковским соглашением, были обращены на процентные платежи, и лишь при невозможности добиться соглашения на этой базе в самом крайнем случае пойти на уступки в отношении платежей по авансовым векселям. На эти уступки не идти до специального разрешения НКВТ.

Срок авансового векселя должен исчисляться с момента поставки.

5. При выдаче авансовых векселей иметь в виду необходимость установления таких сроков, при которых платежи дополнительных (сверх пятаковского соглашения) 4–4,5 млн руб. не падали на первое полугодие 1933 г.

6. Векселя должны выставляться таким образом, чтобы платежи по ним могли производиться в германских марках.

Разрешить, однако, т. Вейцеру сообщить “Сименсу” и “АЭГ”, что в отношении этих фирм при размещении заказов будет допускаться частичное изъятие из этого правила.

7. Согласиться с требованием немцев о сохранении прошлогоднего порядка расчетов и выдачи векселей по заказам.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 661. Л. 32–33. Заверенная копия.

№ 293

*Записка члена коллегии Наркомата
внешней торговли СССР М.Л. Сорокина А.П. Розенгольцу
с предложением скорейшего размещения заказов в Германии*

НКВТ № 295

19 мая 1932 г.

Секретно

Экз. № 4

Наркому т. Розенгольцу А.П.

Копии: т. Вейцеру, т. Боеву¹, т. Сталину И.В.

В связи с германскими переговорами об импорте я считаю нужным сделать следующие замечания.

За четыре с половиной месяца этого года реализовано заказов на оборудование (включая МПС) во всех странах по примерным подсчетам на 90 млн руб. Остается, таким образом, свободный контингент до конца года в размере 148 млн руб. Из 90 млн руб. реализации на Германию приходится 72%, а на Англию меньше 10%.

Эти цифры показывают, до какой степени мы находимся в монопольной зависимости в данное время по импорту от Германии и насколько незначительны наши возможности маневрирования по линии технической и коммерческой в выборе фирм.

Поэтому, как ни одиозны предложения немцев об авансовых платежах, таковые, по-моему, должны быть в основном приняты, и тов. Вейцеру предоставлено право на этой базе договориться с немцами по возможности скорее.

Я считаю, что базой для соглашения должны быть: наш опцион на размещение заказов – 100–110 млн руб. до конца года и сумма платежей, падающих в 1933 году в 17–18 млн руб.

Расчет такой: из размещенных в Германии заказов на 63 млн руб., миллионов 20, вероятно, подпадут под аннулирова-

ние, если фирмам не будет предоставлено финансирование; миллионов 65 представляют собой портфель, который целесообразно по ценам и техническим моментам разместить в Германии до конца года; остальные 15–25 млн руб. должны представить резерв для переброски из других стран, для создания конкуренции и маневренности при распределении портфеля между странами. Из этой суммы около 15–20 млн руб. платежи по авансовым векселям перейдут на 1934 г. На остающиеся 85–95 млн руб. требуется 17–18 млн руб. платежей в 1933 г.

На это надо пойти и как можно скорее с немцами договориться, ибо всякая задержка в переговорах с немцами вынуждает нас к размещению заказов со значительными переплатами в цене (вероятно, 10%).

Но, помимо этого, задержка в урегулировании вопроса с немцами затягивает благоприятное решение вопроса с кредитами в Англии.

Из годового плана на Англию в 55,5 млн руб. мы разместили на 15.05 всего 9 млн руб. В то же время на 10.05 выручка от нашего экспорта в Англию составила 43,5 млн руб.

Хотя в Германии за это же время выручено больше (почти 56 млн руб.), тем не менее при нынешней позиции англичан, выжидающих удобного момента для поднятия кампании против нашего экспорта, мы должны форсировать предпосылки для возможности договориться с англичанами по импорту до Оттавской конференции.

Остаток контингента на оборудование до конца года составляет примерно 148 млн руб. (на 15.05).

Будучи в Англии и Германии, из переговоров с фирмами я имел возможность убедиться в каких ненормальных условиях при отсутствии гарантийного кредита нам приходится размещать заказы. Цены предлагаются фирмами явно вздутые из-за дороговизны стоимости кредитов. По 1-му кварталу мы имели весьма ничтожное снижение цен против прошлого года, главным образом, по этой причине.

Ввиду изложенного я настоятельно рекомендую утвердить платежи в 1933 году в 17–18 млн руб., при закупках в 100–110 млн руб., и предложить тов. Вейцеру на этой базе закончить переговоры с немцами в течение двухнедельного срока.

С товарищеским приветом М. Сорокин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 661. Л. 37–39. Подлинник.

¹ Боев Иван Васильевич (1892–1938) – в 1932–1934 гг. зам. наркома внешней торговли СССР, в 1934–1936 гг. председатель правления Амторга.

№ 294

*Записка А.П. Розенгольца И.В. Сталину
о невыгодности для СССР предлагаемых
германскими промышленниками условий кредитов**

НКВТ № 324

31 мая 1932 г.

Сов. секретно

Экз. № 1

В Политбюро ЦК ВКП(б)

Тов. Сталину

Копия т. Молотову

По последнему сообщению тов. Вейцера представляется возможным договориться с германскими промышленниками на условиях, которые предполагают следующие отступления от директив Политбюро, принятых 13 мая:

Средние сроки кредита, предлагаемые немцами, составляют

Для I гр. 13,7 месяца, против 14 месяцев по директиве и 14 месяцев по пятаковскому соглашению.

Для II гр. 18,9 месяца, против 19,5 месяца по директиве и 21 месяцев по пятаковскому соглашению.

Для III гр. 22,3 месяца, против 24 месяцев по директиве и 28,8 месяца по пятаковскому соглашению.

При этом средний срок в 28,8 месяца совершенно исключается.

Исчисленная для заказов в 120 млн руб. сумма платежей, падающая на 1933 г. (при равномерной выдаче заказов до конца 1933 г. и при распределении заказов по группам в пропорции 15:70:15), составляет около 9,5 млн против 10 млн по директиве (14,5 минус 4,5 млн на %% = 10 млн руб.). Это на 4 млн руб. больше, чем нам пришлось бы заплатить в 1933 г. по пятаковской схеме.

В действительности в 1933 г. перерасход валюты будет намного больше этих 4 млн руб. в силу неравномерной выдачи заказов и возможной передвижки заказов.

Немецкие предложения резко ухудшают завоеванные нами позиции. Во-первых, они вводят авансовые векселя с сильно сокращенными сроками кредита: вместо сроков в 13, 20 и 27 месяцев немцы предлагают сроки в 9–12 месяцев после поставки для авансовых векселей, охватывающих 20% стоимости заказа. Во-вторых, средний срок кредита также сокращается против пя-

* *Штамп:* Прот[окол] ПБ № 102, п. 55.

таковского соглашения. Кроме того, дополнительно загружается и без того сильно обремененный платежами 1933 год.

При этом условии есть два выхода из положения:

1) Или мы отклоняем предложения немцев и прекращаем месяца на полтора выдачу заказов в Германии с тем, чтобы добиться уступок.

Подчеркиваю, что без прекращения выдачи на этот срок срочных заказов не имеет смысла отклонять предложения немцев, так как в противном случае мы на большом количестве срочных заказов вынуждены будем идти на худшие условия.

Подчеркиваю, что оба предложения взаимно связаны. Немцы уже в настоящее время встали на путь отказа от гарантии по заключаемым договорам в целях давления на нас. Нельзя отклонить предложения немцев и в то же время размещать заказы.

На всякий случай оговариваю, что в связи с возможными изменениями в составе правительства Германии не исключена задержка в разрешении вопроса о гарантии.

2) Или мы принимаем последние предложения немцев. Я высказываюсь за первое. Прошу решить вопрос.

А. Розенгольц

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 661. Л. 45-46. Подлинник.

№ 295

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б)

“О переговорах с Германией по импортным кредитам”

№ П 102/55-с

1 июня 1932 г.
Строго секретно
Из “Особой папки”

55. а) Предложить т. Пятакову не позже 4 июня выехать в Берлин и добиваться улучшения условий соглашения.

б) До окончания переговоров т. Пятакова с промышленниками придержать оформление заказов в Германии.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 661. Л. 44. Копия.

№ 296

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О Германии"^{*}

№ П 104/опр. 7-с

10 июня 1932 г.
Строго секретно
Из "Особой папки"

65/7. По вопросу о кредитах принять предложения т. Пятакова и т. Вейцера (см. приложение).

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 661. Л. 51. Копия.

Приложение 1

*Телеграмма И.Я. Вейцера и Г.Л. Пятакова
А.П. Розенгольцу и Г.К. Орджоникидзе о возможном согласии
на выдвинутые немцами условия предоставления кредитов*

№ 7141

8 июня 1932 г.
Берлин

Тт. Розенгольцу, Орджоникидзе

Немцы сегодня после разговора с руководящими чиновниками сообщили, что принятые вчера кредитные сроки правительство не пропустит. Немцы сообщили, что соглашение можно провести лишь при следующих изменениях:

1) Кредитные сроки первой группы остаются, как сообщено в нашей телеграмме.

2) По второй группе у 48% векселей вместо сообщенных 27 месяцев установить 24 месяца.

3) По третьей группе зато согласны у 48% векселей вместо сообщенных 27 месяцев установить 30 месяцев.

Мы эти условия не приняли, пытались всячески улучшить, однако, ничего не добились, [немцы], по-видимому, имеют твердые указания. Учитывая общую обстановку, также возможные дальнейшие ухудшения и невозможности больше выжать, считаем необходимым согласиться на предложение немцев. Просим ответ 10 июня, ибо 11 июня утром встреча с немцами.

Вейцер, Пятаков

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 661. Л. 52. Заверенная копия.

^{*} Принято опросом членов Политбюро от 10 июня 1932 г. Выписка из протокола № 104 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 16 июня 1932 г., п. 7. Направлена А.П. Розенгольцу, Н.Н. Крестинскому.

*Телеграмма И.Я. Вейцера и Г.Л. Пятакова
А.П. Розенгольцу и Г.К. Орджоникидзе об уступках немцев
в деле предоставления кредитов*

8 июня 1932 г.
Берлин

Розенгольцу, Орджоникидзе

Немцы согласились с следующим: 1) авансовые векселя выдаются при выдаче заказа в размере 20%, сроки авансовых векселей исчисляются с момента выдачи векселя; 2) векселя выдаются в следующем порядке: выдаются два авансовых векселя на 8 и 12% суммы заказа. На остальные 80% выдаются два векселя на 48 и 32%, сроки по этим векселям исчисляются с момента поставки; 3) кредитные сроки следующие: по первой группе 8% авансовых – 12 месяцев, 12% авансовых – 15 месяцев, сроки авансовых с момента выдачи заказа, 48% – 16 месяцев и 38% – 14 месяцев с момента поставки. По второй группе соответственно – 8% – 15 месяцев, 12% – 18 месяцев, 48% – 27 месяцев, 32% – 18 месяцев. По третьей группе – 8% – 18 месяцев, 12% – 18 месяцев, 48% – 27 месяцев и 32% – 24 месяца. Эта последняя уступка немцев. Мы сказали немцам, что согласия нашего правительства на достигнутый компромисс мы не имеем, однако мы оба будем рекомендовать на эти условия согласиться, дадим письменный ответ 10-го. Дальнейших уступок добиться нельзя. Считаем необходимым безусловно согласиться, что сейчас в Германии важно для нас и политически.

Ваш ответ просим выслать к 10-му.

Вейцер
Пятаков

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 661. Л. 53. Заверенная копия.

*Запись беседы Н.Н. Крестинского с Г. Дирксеном
об итогах Лозаннской международной конференции**

21 июля 1932 г.

Секретно

Экз. № 1

Дневник

Н.Н. Крестинского

Прием германского посла фон Дирксена 21 июля 1932 г.

Дирксен пришел, чтобы по поручению правительства информировать меня о последней стадии переговоров Германии с державами Антанты.

Перед самым началом Лозаннской конференции¹ английское правительство предложило германскому правительству заключить долгосрочное политическое перемирие, суть которого заключалась бы в том, что обе стороны отказываются на все время действия этого перемирия от каких-либо шагов по разрешению старых спорных вопросов. Другими словами, немцам было предложено согласиться на сохранение нынешнего политического и территориального статус-кво.

Вместе с тем немцам было предложено заключить консультативный пакт, который сводился бы к регулярному периодическому обмену мнениями по всем политическим вопросам.

Конечно, это предложение, сводившееся к отказу Германии от постановки вопросов о равноправии в вооружениях, о виновности в мировой войне и о восточных границах, было немцами отвергнуто.

В свою очередь немцы во время Лозаннской конференции предложили англичанам и французам заключить консультативный пакт. Этим они хотели взять инициативу в свои руки и не дать возможности связывать идею консультативного пакта с политическим статус-кво. Однако Эррио отклонил немецкое предложение о консультативном пакте, сказав, что это предложение противоречит принципам Лиги наций.

Переговоры между Францией и Англией, которые привели к заключению так называемого Договора о доверии, велись в Лозанне без участия и ведома германской делегации.

* Копии направлены членам коллегии НКВД СССР, полпредствам в Берлин, Париж и Лондон, а также И.В. Сталину и Я.Г. Доллецову.

Немцы узнали лишь о результатах этих переговоров, т.е. о заключении договора о доверии уже после подписания лозаннского репарационного соглашения и даже уже после отъезда делегации из Лозанны.

Насколько немцы знают, договор о доверии был подписан не в Лозанне, а уже после Лозанны в Париже с французской стороны Эррио и с английской стороны – Тирреллом².

Германское правительство предполагает, что англичане согласились на подписание договора, фактически восстанавливающего англо-французскую Антанту, в качестве компенсации Эррио за его уступки в репарационном вопросе.

Английское правительство предложило германскому правительству присоединиться к договору о доверии, заявляя, что это создало бы возможность дальнейшего обсуждения политических вопросов, не разрешенных в Лозанне (виновность в войне, польский коридор, Данциг и т.д.). Германское правительство не приняло еще решения, присоединиться ли к этому соглашению или нет.

Германское правительство через своих представителей в Лондоне и Париже дало понять, что оно недоволено и считает себя оскорбленным тем, что переговоры о заключении договора о доверии велись в Лозанне без ведома и участия германской делегации.

Дирксен добавляет, что такое поведение со стороны Англии и Франции политически затрудняет Германии присоединение к этому соглашению.

Но, с другой стороны, германское правительство не может не учитывать, что англичане и французы различно относятся к договору о доверии.

Франция хочет, чтобы этот договор воссоздал англо-французскую Антанту в ее прежнем виде, т.е. с заострением против Германии.

Англия не очень хочет придавать договору такой характер и стремится, чтобы к договору присоединились другие государства, в том числе и Германия.

Если Германия откажется присоединиться к договору о доверии, то она сыграет этим на руку Франции.

Вот почему германское правительство не торопится с решением и через своего поверенного в делах в Лондоне обратилось к английскому правительству с просьбой разъяснить несколько моментов. Во-первых, германское правительство интересуется значением этого договора и его перспективами (*Bedeutung und*

Tragweite*). Во-вторых, германское правительство интересуется, считают ли Англия и Франция желательным присоединение к договору о доверии всех европейских стран и в особенности Советского Союза. В-третьих, германское правительство интересуется, в чем заключается противоречие предложенного в Лозанне германской делегацией консультативного пакта и основных принципов Лиги наций. И, наконец, в-четвертых, какие именно вопросы подходят под действие консультативного пакта, предусмотренного договором о доверии.

До сих пор ответа на эти вопросы и разъяснений по этим вопросам германское правительство от английского правительства не получило.

На мой вопрос, исходит ли предложение о присоединении Германии к договору о доверии только от Англии или с таким же предложением обратилось к немцам и французское правительство? Дирксен ответил, что французский поверенный в делах в Берлине во время разговора в Министерстве иностранных дел сказал, что все европейские государства получают приглашение присоединиться к пакту. Однако детали этого разговора Дирксену неизвестны.

Я спросил далее Дирксена, что он мне может сказать о джентльменском соглашении между кредиторами Германии.

Дирксен ответил, что суть джентльменского соглашения заключается в том, что Англия, Франция и другие кредиторы Германии обязались, во-первых, ратифицировать Лозаннское репарационное соглашение одновременно и, во-вторых, держать друг друга в курсе своих финансовых переговоров с Соединенными Штатами и не подписывать отдельно друг от друга никаких новых соглашений с САСШ о долгах.

Об этом джентльменском соглашении немцы узнали также лишь после его заключения и притом после подписания репарационного соглашения.

Окончив свое изложение, Дирксен спросил меня, имеется ли уже у нас определенное отношение к лозаннскому и послелозаннским соглашениям.

Я ответил, что у нас не было до сих пор повода подвергать обсуждению эти не относящиеся к нам соглашения. Поскольку германское правительство интересуется нашим отношением к договору о доверии, т.е. присоединимся ли мы к нему, если нам будет сделано такое предложение, я переговорю с товарищами, но

*Значение и важность (нем.).

я сомневаюсь, чтобы мы стали принимать решение о присоединении или неприсоединении к договору, когда нам никто этого не предлагает.

Н. Крестинский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 686. Л. 75–78. Копия.

¹ На Лозаннской международной конференции, состоявшейся в июне–июле 1932 г., обсуждался вопрос о германских репарациях, было подписано соглашение о выкупе Германией репарационных обязательств за 3 млрд золотых марок с погашением выкупных облигаций в течение 15 лет.

² Тиррелл Уильям (1866–1947) – в 1928–1934 гг. посол Англии во Франции.

№ 298

*Записка Н.Н. Крестинского Л.М. Кагановичу
о возможной встрече М.М. Литвинова
с германским политиком Э. Ревентловом^{1*}*

№ 5511

5 августа 1932 г.
Секретно

Политбюро ЦК ВКП(б)
тов. Кагановичу

Многоуважаемый Лазарь Моисеевич,

В своем последнем письме из Женевы, копию которого я Вам послал, тов. Литвинов ставит, между прочим, вопрос о том, видеться ли ему в Берлине с графом Ревентловом или нет. Он пишет, что согласится встретиться с Ревентловом лишь в том случае, если по этому поводу будут указания из Москвы, в противном случае он уклонится.

Так как тов. Литвинов будет проездом в Берлине через три, самое большее, четыре дня, то надо дать ему по телеграфу ответ на этот вопрос.

Я думаю, что если Ревентлов захочет посетить тов. Литвинова в помещении нашего посольства, то против приема его тов. Литвиновым возражений быть не может.

Граф Ревентлов – не новый человек на германском политическом горизонте. Это – старый политический журналист и политический деятель, работавший в молодости в либеральной прессе,

* Штамп: Прот[окол] ПБ № 111, п. 81/32.

но затем скоро перешедший в правый лагерь. После германской революции он все время является членом рейхстага, принадлежал прежде к фракции “Дойч Фолькише”², находившейся на крайнем правом фланге. Затем “Фолькише” разбилась на несколько группировок, из которых группировка Ревентлова являлась менее хулиганской, чем группировки немецких Пуришкевичей³ – Дреффа⁴ и Вуле⁵. Кроме того, эта группировка уделяла в своей программе несколько больше внимания социальным требованиям рабочих, чем другие группировки.

В связи с расколом “Фолькише” влияние и значение Ревентлова сильно упало, и только рост национал-социалистической партии, членом которой он является с самого начала ее основания, вернул ему известное влияние, а сейчас влияние его в партии, а стало быть, и за пределами ее растет.

Наше посольство установило связь с Ревентловом по его инициативе в 1923 г. В промежуток с 1923 г. по 1927 или 1928 г. он несколько раз бывал у меня, и только в последние годы, очевидно, считаясь с настроениями Гитлера, он не искал больше встреч. Но он непрерывно до самого моего отъезда из Берлина присылал нам в посольство издаваемую им не ежедневную газету “Рейхсварт”, подчеркивая этим, что он остается по-прежнему сторонником восточной ориентации и желает, чтобы мы читали его статьи по вопросам внешней политики, на которые без этого, возможно, мы не обратили бы внимания.

Появление Ревентлова в нашем посольстве не явится новостью и не может вызвать ни с чьей стороны никаких возражений.

Если же Ревентлов захочет встретиться с тов. Литвиновым на нейтральной почве, в этом ему нужно отказать.

С товарищеским приветом Н. Крестинский

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 677. Л. 48–48 об. Подлинник.

¹ Ревентлов Эрнст фон (1869–1943) – депутат рейхстага Германии с 1924 г., сотрудник газеты “Дойче Тагесцайтунг”, с 1927 г. член НСДАП.

² Немецкая народная партия.

³ Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) – русский политический деятель, монархист, один из лидеров правых организаций “Союза русского народа”, “Союза Михаила Архангела”, член Государственной думы. После Октябрьской революции 1917 г. в эмиграции.

⁴ Дрефф (Treff) Герберт (1898–1934) – в 1919–1924 гг. член Немецкой национальной народной партии, с 1926 г. член НСДАП, партийный функционер.

⁵ Вуле Рейнгольд (1882–1950) – немецкий писатель, политик, в 1920–1924 гг. депутат рейхстага от Немецкой национальной народной партии, затем от Немецкой демократической партии свободы.

№ 299

*Телеграмма И.В. Сталина Л.М. Кагановичу и В.М. Молотову
о согласии на встречу М.М. Литвинова в Берлине
с Э. Ревентловом**

№ 1294/ш

6 августа 1932 г.
Сочи
Строго секретно
Немедленно

Москва, ЦК ВКП(б), тт. Кагановичу, Молотову

На № 1427/ш. Если Ревентлов добивается свидания с Литвиновым, надо дать согласие на свидание.

Сталин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 677. Л. 47. Заверенный дешифрант.

№ 300

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О Германии”***

№ П 116/15-с

16 сентября 1932 г.
Строго секретно
Из “Особой папки”

15. а) Предложить т. Хинчуку совместно с т. Вейцером решительно заявить германскому правительству, что произведенное повышение пошлин на сельскохозяйственные продукты и подготавливаемое контингентирование идут вразрез с протоколом от 22.12.1931 г., и потребовать, чтобы германское правительство при установлении контингентов и повышении пошлин по нашим экспортным товарам полностью обеспечило наши интересы в соответствии с протоколом 22.12.1931 г.

б) Предложить т. Вейцеру добиться, чтобы германское правительство предоставило нам полную возможность получать от иностранных фирм в кредит или в оплату за товары, продаваемые нами в других странах, денежные средства этих фирм, лежащие на их счетах в Германии и “замороженные” в силу соглашения о моратории.

* *Штамм:* Прот[окол] ПБ № 111, п. 81/32.

** Вопрос представлен А.П. Розенгольцем, Л.М. Караханом, Б.С. Стомоняковым. Выписка из протокола № 116 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 16 сентября 1932 г., п. 15. Направлена Б.С. Стомонякову, А.П. Розенгольцу.

в) Уклониться в настоящее время от частичных переговоров о хозяйственном соглашении с Восточной Пруссией.

г) Предложить т. Литвинову переговорить на основе настоящего постановления с представителем германского правительства.

д) Поручить тт. Стомонякову и Розенгольцу составить т. Литвинову соответствующую телеграмму.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 661. Л. 77. Копия.

№ 301

*Письмо торгпреда СССР в Германии И.Я. Вейцера
И.В. Сталину и А.П. Розенгольцу о переговорах
с германским промышленником О. Вольфом
по заключению сделок на металлы
и машинное оборудование*

№ 51/4582

12 октября 1932 г.

Секретно

Экз. № 1

тов. Сталину

тов. Розенгольцу

Копия:

тов. Орджоникидзе

Получил Ваши директивы по переговорам с Отто Вольфом и прошу разъяснить следующее:

Отто Вольф может заключить сделку на следующие товары:

а) трубы на сумму	65 млн марок
б) качественные стали на сумму	8 млн марок
в) белую жечь на сумму	12 млн марок
г) машинное оборудование на сумму	15 млн марок
Всего.....	100 млн марок.

Проката (черные металлы) никакого он не дает, как я Вам писал об этом в своей телеграмме.

Прошу ответить:

Первое: удовлетворяет ли указанное распределение товаров, причем прошу иметь в виду, что меньше, чем на 60–65 млн марок труб, он ни в коем случае не пойдет, так как Вольф, собственно,

хочет проводить и заинтересован только в трубах; остальные же товары для него являются вроде принудительного ассортимента?

Что касается проката (черных металлов), это он категорически отвергает, ибо у него нет и не может быть по этому вопросу договоренности с основными рурскими промышленниками.

Точно так же для него невозможно увеличение количества качественных сталей, так как он это количество качественных сталей может дать только с своего завода в Нойкирхене, с рурскими же промышленниками он не войдет в соглашение.

Второе: идти ли сейчас на заключение соглашения с одним Отто Вольфом, не связывая этот вопрос с заключением соглашения с Клёкнером и Клотцбахом по прокату и качественным сталям?

Клёкнер и Клотцбах прислали мне сообщение, что пока они от правительства никаких положительных результатов не добились. По их словам правительство выдвигает следующее предложение:

Первое: чтобы непременно были бы заказаны локомотивы и вагоны на сумму, равную заказам по черным металлам и качественным сталям.

В цифрах правительство выдвигает следующее предложение: на 60 млн марок черных металлов и качественных сталей, на 60 млн марок локомотивов и вагонов.

Второе: кредит на 36½ месяцев, что означает кредит на годы 1935 и 1936. При этом правительство, по их словам, мотивирует следующим образом:

а) что по прокату и по машинному оборудованию эта сделка не даст никакого нового дополнительного увеличения рабочей силы (только даст возможность достичь большего количества рабочих дней в неделю).

б) по вагонам же и локомотивам сделка на 60 млн марок означает увеличение количества рабочей силы на 30—40 тыс. чел., а весь смысл сделки заключается для немцев в том, чтобы достичь увеличения рабочей силы.

Отто Вольф еще у меня не был. Он, вероятно, будет у меня сегодня или завтра, причем, по имеющимся у меня сведениям, его сделка на 100—125 млн марок стоит на повестке дня кабинета в пятницу 14 октября с.г.

Согласно Ваших директив я ему заявлю категорический отказ от выдачи нами бон нефтетрестов. Однако должен Вам указать, что я ему уже при первых переговорах сказал, что мы не сможем выдать ему бонны нефтетрестов, а, что, может быть, в Москве согласятся на выдачу бон других трестов, указав ему, в частности,

на лесные тресты и Чиатурский марганцевый трест, сказав ему, что и по этим даже трестам и объединениям я сомневаюсь – пойдут ли в Москве на это.

На это он мне указал, что лес, марганцевая и железная руда и другие товары мало подходящи для того, чтобы иметь возможность когда-нибудь продвинуть (скажем в 1934 г.) на бирже нашу облигацию, как ценную бумагу: ввоз леса везде контингентирован, марганцевая же и железная руда, всем известно сейчас, что не имеют сбыта и т.п., да и, кроме того, всем известно, что количества экспорта (по сумме) марганца и т.п. невелики.

При этом он мне заявил, что, если мы имеем какие-либо опасения, то он готов дать обязательство в том, что эти бонусы он не выпустит на рынок раньше, чем через год.

Ввиду изложенного прошу, если, вообще, что-либо у нас с Вольфом выйдет:

Первое: разрешить заключить сделку с Отто Вольфом, не дожидаясь результатов переговоров с Клёкнером и Клотцбахом.

Я полагаю, что у Клёкнера и Клотцбаха дело очень сильно затянется и, как я уже писал, я думаю, что если мы заключим сделку с Отто Вольфом, то ускорится заключение сделки и с Клёкнером и Клотцбахом (но не уверен в этом).

Второе: утвердить вышеизложенную мною номенклатуру товаров в основном (для заключения сделки с Отто Вольфом).

Заместитель наркомвнешторга Вейцер

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 661. Л. 87–88. Подлинник.

№ 302

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О техпомощи по строительству морских судов”**

№ П 122/14 опр.

4 ноября 1932 г.

Строго секретно

Из “Особой папки”

38/14. 1. Считать необходимым привлечение иностранной технической помощи по проектированию и постройке на наших заводах больших и средних быстроходных подводных лодок (600–700 и 1000–1200 тонн водоизмещения), эсминцев-лидеров

* Принято опросом членов Политбюро 4 ноября 1932 г. Выпнска из протокола № 122 Политбюро ЦК ВКП(б) 4 ноября 1932 г., п. 14. Направлена К.Е. Ворошилову, Г.К. Орджоникидзе – все, А.Х. Аргузову – п. 2.

(3000 тонн водоизмещения) и средних крейсеров (5000–6000–7000 тонн водоизмещения).

2. Немедленно командировать в Германию гг. Сивкова¹, Ораса и Перегудова от НКВМ и т. Никитина от НКТП для переговоров с фирмой JVS с целью выяснения конкретных условий получения техпомощи по проектированию и постройке подлодок на заводах СССР.

3. Поручить этой же группе ознакомиться с германскими заводами, производящими мощные дизели, электрооборудование и другие механизмы для подлодок, выяснить все условия получения техпомощи по постановке производства в СССР тех агрегатов и механизмов, которые являются особо важными и наиболее трудными для нашего подводного судостроения, связав эти переговоры с заключением договора о техпомощи и по строительству судов.

4. Руководство группой возложить на т. Сивкова. Предложить гг. Хинчуку и Вейцеру оказать т. Сивкову и его группе полное содействие.

5. Одновременно пригласить в Москву представителей итальянских судостроительных фирм (“Монфальконе”, “Франко-Този”, “Ансальдо”, “Адриатические верфи”) с целью окончательных переговоров о приобретении проектов и техпомощи для постройки на заводах СССР эсминцев-лидеров и средних крейсеров, а также – в случае неудачи переговоров в Германии – и подлодок различного тоннажа. Поручить т. Сивкову из Берлина предварительно согласовать с указанными итальянскими фирмами все вопросы, которые должны быть с ними рассмотрены в Москве.

6. Тов. Сивкову возможно чаще информировать НКВМ о ходе переговоров.

Секретарь ЦК И. Сталин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 661. Л. 99–99 об. Подлинник. Печать ЦК ВКП(б).

¹ Сивков Александр Кузьмич (1892–1938) – в 1932–1933 гг. начальник Управления военно-морских сил РККА, в 1933–1935 гг. начальник Главного управления кадров ВМС, в 1935–1937 гг. начальник штаба ВМС, в 1937 г. командующий Балтийским флотом.

№ 303

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О денежных кредитах замороженными марками”*

№ П 125/9-опр

4 декабря 1932 г.
Строго секретно
Из “Особой папки”

15/9. Разрешить НКВТ при ведении переговоров о получении денежных кредитов замороженными марками соглашаться на следующие условия:

1. На предоставление банкам в качестве обеспечения:

а) леса и марганца в портах СССР,
б) облигаций промышленных и торговых предприятий с обязательством принимать как облигации, так и купоны по процентам после истечения их платежа в уплату за экспортные товары данной отрасли (за исключением нефти);

в) делегировать поступления по нашему экспорту в пользу фирм, предоставивших нам кредиты, с месяца наступления срока платежа по этим кредитам.

2. При получении кредитов на срок не меньше 18 месяцев идти на обязательство закупки на сумму в размере до 50% полученных кредитов товаров (цветные металлы, сахар, хлопок, шерсть, суровье, товары для Торгсина¹ и другие товары по утверждении каждый раз НКВТ).

3. Признать необходимым договориться с немцами об общей сумме замороженных марок и шперконто². Разрешить НКВТ переговоры вести на базе 100–120 млн марок в год (с 1 ноября); если не удастся добиться этой суммы, согласиться на снижение ее до 60–70 млн марок.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 661. Л. 126. Копия.

¹ Торгсин – торговля с иностранцами, магазины в СССР, принимавшие в оплату за товары иностранную валюту, драгоценные металлы.

² Блокированный счет (нем.).

* Принято опросом члснов Политбюро 4 декабря 1932 г. Выписка из протокола № 125 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 10 декабря 1932 г., п. 9. Направлена А.П. Розенгольцу.

Список сокращений

- Авиатрест – Трест авиационной промышленности ВСНХ СССР
Азнефть – Государственное объединение азербайджанской нефтяной промышленности
АМО – 1-й завод Автотреста (Москва)
Амторг – Акционерное общество по торговле между СССР и США
А.О. – Акционерное общество
Аркас – Всероссийское кооперативное акционерное общество
Артком – Артиллерийский комитет
АУ – Артиллерийское управление
Аусамт – МИД Германии
АЭГ (АГК, АГК) – Всеобщая компания электричества
БВО – Белорусский военный округ
БМР – Банк международных расчетов
БАКТ – Всесоюзный аккумуляторный трест
ВАСХНИЛ – Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. Ленина
ВВС – военно-воздушные силы
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВМС – военно-морские силы
ВМФ – военно-морской флот
ВНО – Военно-научное общество
ВО – военный округ
ВОКС – Всероссийское (Всесоюзное) общество культурных связей с заграницей
ВОСО – Управление военных сообщений
ВПУ – Военно-промышленное управление
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
ВСРМ – Всероссийский союз рабочих металлистов
ВТБ – Военно-техническое бюро
ВУАН – Всеукраинская академия наук
ВЦИК – Всероссийский (Всесоюзный) центральный исполнительный комитет
ВЦСПС – Всероссийский (Всесоюзный) центральный совет профессиональных союзов
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия
ВЭО – Всесоюзное электротехническое объединение
Г.м. – германская марка
ГАЗ – Горьковский автомобильный завод

Гаркребо – Garantie- und Kreditbank für den Osten (Гарантийный и кредитный банк для Востока)
ГАУ – Главное артиллерийское управление
ГВПУ – Главное военно-промышленное управление
ГДБ – Golddiscontobank (Золото-дисконтный банк)
Генштаб – Генеральный штаб
ГКК, Главконцесском – Главный концессионный комитет
Главазот – Главное управление азотной промышленности
Главвоздухфлот – Главное управление гражданского воздушного флота
Главгаз – Главное управление газовой промышленности
Главзолото – Главное управление золотоплатиновой промышленности
Главметалл – Главное управление металлургических заводов
Главоргхим – Главное управление органической химической промышленности
Главсевморпуть – Главное управление Северного морского пути
Госбанк – Государственный банк СССР
Госмедторгпром – Акционерное общество производства и торговли химико-фармацевтическими препаратами и медицинским имуществом
Госплан – Государственная общеплановая комиссия при СТО
Госторг СССР – Государственная импортно-экспортная торговая контора
ГПУ – Главное политическое управление
ГУАП – Главное управление авиационной промышленности
Губком – губернский комитет
Губсуд – губернский суд
ГУВП – Главное управление военной промышленности
ГЭП, Главэспром – Главное управление электрослаботочной промышленности
ГЭУ – Главное экономическое управление

Дероп – Немецко-русское общество по продаже нефтепродуктов
Дерулюфт – Немецко-русское общество воздушных сообщений
Дерутра – Немецко-русское складское и транспортное общество
Донуголь – Донецкий государственный угольный трест
ЗИС – Завод имени Сталина
ЗСФСР – Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика

ИККИ – Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала
ИНО – иностранный отдел
Исполком – Исполнительный комитет

кав. – кавалерийский
КК – контрольная комиссия
КК РСФСР – Концессионный комитет РСФСР
Командарм – командующий армией
Комвойск – командующий войсками
Коминтерн – Коммунистический Интернационал
Комкор – командир корпуса
Комхоз – коммунальное хозяйство
КПГ (ГКП) – Коммунистическая партия Германии, Германская коммунистическая партия

КПК – Комитет партийного контроля
Крайисполком -- краевой исполнительный комитет
Крайком – краевой комитет
Кузнецкстрой – Управление строительства Кузнецкого металлургического завода
Культпроп – отдел культуры и пропаганды
Лесозэкспорт – Всесоюзное лесозэкспортное акционерное общество
Лечсанупру – Лечебно-санитарное управление
Машиноимпорт – Всесоюзное объединение по импорту машин и машинного оборудования
МВО – Московский военный округ
МГК – Московский городской комитет
Миннархоз – Министерство народного хозяйства
МК – Московский комитет
МОПР – Международная организация помощи борцам революции
Моснарбанк – Московский народный банк
Моссовет – Московский государственный совет депутатов трудящихся
Мосторг – Московское торговое товарищество на паях
Наркомавиапром – Наркомат авиационной промышленности
Наркомвод – Народный комиссариат водного транспорта
Наркомвооружения – Наркомат вооружения
Наркомзем (НКЗ) – Народный комиссариат земледелия
Наркомлес – Наркомат лесной промышленности
Наркомпрод – Народный комиссариат продовольствия
Наркомсудпром – Наркомат судостроительной промышленности
Наркомторг (НКТ) – Народный комиссариат торговли
Наркомтяжмаш – Наркомат тяжелого машиностроения
Наркомцветмет – Наркомат цветных металлов
Нефтесиндикат – Государственный нефтяной торговый синдикат
НИИ – научно-исследовательский институт
НК РКИ – Наркомат рабоче-крестьянской инспекции
НКВВТ, НКВиВТ, Наркомторг – Народный комиссариат внешней и внутренней торговли СССР
НКВД, Наркомвнудел – Народный комиссариат внутренних дел
НКВМ, Наркомвоенмор – Народный комиссариат по военным и морским делам
НКВОД – Наркомат водного транспорта
НКВТ, Наркомвнешторг – Народный комиссариат внешней торговли
НКЗдрав, Наркомздрав – Народный комиссариат здравоохранения
НКИД, Наркоминдел – Народный комиссариат иностранных дел
НКМФ – Наркомат морского флота
НКО – Народный комиссариат обороны
НКПиТ, Наркомпочтель – Народный комиссариат почт и телеграфов
НКПищепром – Наркомат пищевой промышленности
НКпрос, Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения
НКПС, Наркомпуть – Народный комиссариат путей сообщения

НКРечфлот (НКРФ) – Наркомат речного флота
НКТП, Наркомтяжпром – Народный комиссариат тяжелой промышленности
НКТруд, Наркомтруд – Народный комиссариат по труду
НКФ, Наркомфин – Народный комиссариат финансов
НСДАП – Национал-социалистическая немецкая рабочая партия
НСДПГ – Независимая социал-демократическая партия Германии

ОГИЗ – Объединение государственных книжно-журнальных издательств
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
Оргбюро – Организационное бюро
Осоавиахим – общество содействия обороне, авиации и химическому сотрудничеству

ПБ, Политбюро – Политическое бюро
ПВО – противовоздушная оборона
Полпред – полномочный представитель
Полпредство – Полномочное представительство
Профинтерн – Красный интернационал профсоюзов, международное объединение революционных профсоюзов

Р.В. – рейхсвер
РВМ (Р.В., RW) – Министерство рейхсвера, военное министерство Германии
РВСР, РВС, Реввоенсовет – Революционный военный совет СССР
РКИ – Рабоче-крестьянская инспекция
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
Ркс – русская кубическая сажень
РМ – рейхсмарка
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

СДПГ – Социал-демократическая партия Германии
Сибво – Сибирский военный округ
СКВО – Северо-Кавказский военный округ
СНК, Совнарком – Совет Народных Комиссаров
Совмин – Совет министров
Совторгфлот – Советский торговый флот
Союзнефтеэкспорт – Государственное объединение по экспорту нефти и нефтепродуктов
Союзуголь – Всесоюзное объединение угольной промышленности
Станкоимпорт – Всесоюзное государственное объединение по импорту станков
СТО – Совет Труда и Обороны

ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза
Текстильимпорт – Государственное акционерное общество для закупки за границей и ввозу в СССР хлопка, шерсти и кардоленты
Технопромимпорт – Всесоюзное объединение по импорту оборудования и запчастей
ТОГПУ – Транспортный отдел ГПУ
Торгпред – торговый представитель
Торгпредство – торговое представительство

Торгсин – Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами
ТОФ – Тихоокеанский флот

УВВС – Управление Военно-воздушных сил

УВО – Уральский военный округ

УГР – Управление государственных резервов

УИНО – Управление иностранного отдела

УММ – Управления механизации и моторизации РККА

Финуправление – финансовое управление

Центросоюз – Центральный союз потребительских обществ СССР

ЦИК – Центральный исполнительный комитет

ЦК – Центральный Комитет

ЦКК – Центральная контрольная комиссия

ЦМУ – Центральное мобилизационное управление

ЦНИИ – центральный научно-исследовательский институт

Цумервес – Центральное управление мер и весов

Эксправотдел, ЭПО – экономическо-правовой отдел

Экспортлес – Всесоюзное объединение для продажи леса за границей, лесозэк-
портное акционерное общество

Экспортхлеб – Всесоюзное объединение для продажи хлебопродуктов и фуража
за границей

Югосталь – Всесоюзное объединение металлургической и железорудной про-
мышленности южной части СССР

Южамторг – Акционерное общество по торговле СССР со странами Южной
Америки

Указатель имен

- Абель Я.К. 562, 565
Абрикосов А.И. 48, 49
Адам В. 539–541
Акулов И.А. 498
Александровский С.С. 213, 380
Аликин П.Г. 557, 559, 562
Амброжис Б.В. 557, 559
Андреев А.А. 70, 77, 94, 106, 123, 242, 249, 570, 572, 581
Ансари Али Голи-хан 86
Антонов-Овсеенко М. 372, 398, 474
Аппога Э.Ф. 183, 184
Аралов 198
Аренс 365
Аркус Г.М. 66, 67, 69, 103–105, 501, 548, 597, 636–638, 685
Аросев А.Я. 96, 99, 126
Артузов А.Х. 683, 712
Аухаген О. 90, 93, 360
Ашман Б. 365, 366
- Бабкин И.П. 260, 264
Балицкий В.А. 683, 685
Бальцер К. 685
Бароян Г.Г. 65, 66
Бауман К.Я. 344
Беге К.М. 15, 44, 51, 66, 68, 83, 92, 103, 119, 122, 125, 136, 138, 139, 143, 154, 157, 179, 226, 262, 349, 351
Белаковский А.И. 260, 264
Беленький З.М. 498, 696
Беляев 675
Бенинг А.Л. 48, 49
Берендт 280
Беренс Г. 55, 57
Берзин Я.К. 7, 36, 674, 676
- Бернер 675
Бертело Ф. 98, 99
Беседовский Г.З. 369, 373
Бессонов С.А. 491, 492, 546, 555, 556, 569, 608
Биткер Г.С. 529, 537, 551–553, 560, 565, 595, 596, 622, 630, 681
Бломберг В. 196, 197
Блюхер В.К. 359, 363, 380
Бобров Б.И. 196, 197
Бобров Н.М. 196–198
Богданов 528–530, 533
Богомолов 97, 99
Боев И.В. 698, 699
Бомарше М. 86, 87
Борзиг 520
Борисов А.А. 557, 559
Борисяк А.А. 48, 49
Ботнер С.О. 51, 54
Братштейд 32, 88
Браун О. 367
Браунс Г. 137
Бредт И. 367, 372
Бриан 70, 71, 74, 75, 82, 98
Бродовский С.И. 15, 25, 87, 119, 122, 123, 125, 126, 136, 137, 143, 189, 200–203, 225, 226, 228, 232, 307, 366, 369, 371, 374, 378, 384, 482, 490, 491, 537, 538
Брокдорф-Ранцау У. 9, 10, 26, 48, 70, 71–75, 77–87, 95–101, 107–112, 185, 186, 191, 254
Брон 528, 529, 533, 534
Бронский М.Г. 369, 373
Брюнинг 553, 573, 574, 623, 624, 668, 669, 672

- Брюнинг Г. 367, 368, 372
 Брюханов 102, 103, 112
 Будённый С.М. 108, 112
 Будняк Д.Ф. 475
 Бухарин 9, 10, 59, 63, 66, 70, 77,
 94, 106, 123, 213
 Бюлов Ф. 479–481, 624, 640, 668,
 669
 Бюхер 55, 57, 352
- Вавилов Н.И.** 48, 50
Вакар Н. 369, 373
Вальрот 88–90, 97, 99, 121–123,
 126, 136–138, 140, 147, 148,
 155, 177, 179, 193, 277
Ван-дер-Вивере А. 659, 663, 667
Вармбольд Г. 674, 679, 680
Вассерман 55–57, 151, 159
Вашадзе Г.С. 603, 604
Вейнберг Х.С. 449, 466
Вейцер И.Я. 646, 649–651, 654,
 658, 662, 665, 677, 689, 690,
 692–700, 702, 703, 709, 710,
 712, 713
Векшин И.Г. 357, 559
Вельс О. 35
Вернадский В.И. 48, 50
Вессинг М. 280, 281
Виноградов Б.Д. 678, 679
Винокур А.П. 260, 262, 264
Вирт 28, 32–34, 88, 90, 91, 127,
 159, 192
Виткус Т.Я. 474
Витте С.Ю. 20, 25
Войков П.Л. 57, 62, 67, 69
Вольдемарас А. 86, 87, 95, 96, 126,
 204–206, 212
Вольный 684
Вольф Отто 92, 93, 467, 468, 484,
 551, 560, 622, 624, 625, 710–
 712
Вольф Т. 64, 229, 370, 668, 678
Вольфсон А.С. 557, 559
Воробей Н.А. 675
Ворошилов К.Е. 5, 14, 58, 59, 62,
 63, 70, 77, 94, 95, 106, 123,
 183, 196, 210, 213, 330–332,
- 344, 359, 360, 393, 399, 439,
 488, 539, 541, 668, 674, 676,
 680, 712
Врангель П.Н. 435
Вуле Р. 708
- Гавас Ш.** 77
Газукин 675, 677
Гай 125, 127
Галоп А.Г. 280, 281
Гамм Э. 55, 57
Гаммерштейн-Экворд К. 668, 672
Ганн Б. 18, 21, 23, 25, 89, 90, 192,
 194
Ганецкий Я.С. 138, 140, 144, 150,
 211, 260, 365
Гарькавый И.И. 675, 676
Гаусс 96, 671
Гвинн Ф. 99, 102
Гей 225
Гельц М. 94, 95, 97, 98, 100, 101,
 107, 108, 210, 359
Генке А. 186, 251, 254
Генкин Я.М. 557, 559
Герард Т. 126–128, 130
Герле Я. 217, 222
Герцберг В.А. 557, 558, 562
Гершун Л. 89, 92, 93
Гесслер О. 15, 25–28, 31, 32, 127
Гётч 367
Геш А. 71, 77, 78, 98
Гильгер 251, 357, 419, 498–500,
 513
Гильфердинг 32, 33, 35
Гинденбург П. 70, 107, 127, 145,
 156, 606, 668
Гитлер 708
Гойзман А.С. 557, 559
Гольденштейн Е.С. 378, 379, 384
Гольдфарб И.Д. 66, 69
Гольдштейн 195
Гончарова Е.А. 557, 559
Горбунов Н.П. 44, 50
Горев А.А. 557, 559
Горский 557
Гото С. 111, 112
Гранди Д. 86, 87

- Грау 558
 Грегори Дж. 85, 87, 98
 Грёнер В. 127, 130
 Григорович К.П. 471, 472, 474
 Гринько Г.Ф. 696
 Грунде К.М. 675, 676
 Грязнов И.К. 675, 676
 Гугенберг А. 367, 368, 372
 Гуммель Г. 352, 354
 Гурвич А.Г. 48, 49
 Гуревич М.Г. 355, 419, 509–511, 630
- Давтян Я.Х. 87
 Даус Ч. 32, 154, 235, 333
 Двинский Б.А. 491, 492
 Дволайцкий Ш.М. 400, 424, 426,
 435, 449, 498, 499
 Дейч Ф. 10, 55, 56
 Депрано 112
 Детердинг Г. 340, 341, 625
 Дикхоф Г. 98, 99
 Дирксен Г. 89, 201, 306, 313, 314,
 319, 322, 330, 331, 338, 343,
 358–360, 362, 371, 375, 384,
 399–401, 404, 410, 442, 443,
 447, 466, 509, 510–513, 515,
 516, 531, 532, 613, 614, 652–
 654, 656, 668–670, 672, 673,
 683, 684, 704–706
- Дидрих Г. 593, 595
 Дмитриев И.Г. 675
 Добнев 558
 Довгалецкий В.С. 86, 87, 157
 Догадов А.И. 308
 Долецкий Я.Г. 77, 704
 Дрейзе Ф. 55, 57
 Дрефф Г. 708
 Дубовой И.Н. 675, 676
 Дюбуа Л. 68, 69
- Евеловский Ю. 60, 61
 Егоров А.И. 7, 8
 Егоров Д.Я. 51, 54
 Егоров Л. 54
 Егоров П.И. 54
 Елин Г.М. 280, 281
 Елисеев 676
 Емельянов 474
- Жук А.В. 570, 571
 Жуковский С.Б. 15, 25, 681
- Заам Г. 372, 373
 Заборов 557
 Залесский А. 109
 Заммель Л.Г. 483, 485, 486
 Зауниус Д. 204, 210
 Заупе Х. 35, 36
 Зеебольде 206, 210
 Зиновьев Г.Е. 10
 Знаменский 474
 Зоберггейм В. 223, 227
 Зольман 35
 Зольф 111
 Зорге В. 365, 366
 Зорин (Гомбарг) С.С. 280
 Зоф (Шанович) В.И. 280, 281
 Зубков 369
- Имбуш Г. 126, 130
 Именитов Г.И. 260, 264
 Инёню И. 364, 366, 481, 482
 Ионас Г. 135, 352, 379
 Иоффе А.Ф. 21, 48, 49, 509
 Ипатьев В.Н. 48
 Ирье-Коскинен А. 365, 366
- Каган М.А. 548, 550, 557, 686,
 688
 Каганович Л.М. 355, 478, 596,
 600, 605, 608, 610–612, 621,
 626, 627, 629, 632, 637, 640,
 707, 709
- Кайзер 684
 Кайт Л.М. 595, 596
 Калинин М.И. 59, 62, 63, 70, 76,
 77, 94, 106, 111, 123, 344, 488
 Калманович М.И. 499, 500, 501,
 507, 548, 588, 685, 696
- Каменев Л. 333
 Кантор И.Д. 186
 Карахан Л.М. 54, 198, 213, 228, 277,
 301, 308, 330, 332, 363, 398, 399,
 476–480, 487, 488, 513, 554,
 567, 627, 629, 637, 640, 641,
 655, 664, 668, 708

- Карпов В.З. 557, 559
 Карский М.А. 365, 366
 Касть Л. 151, 591
 Кауфман М.Я. 124, 134, 137, 140,
 143, 230, 360, 449
 Каюков 676
 Квау Р. 368
 Кёллер Г. 127, 130, 137, 158
 Келлог Ф. 212, 358, 671
 Кемалледин 481
 Кемаль М. 481, 482
 Кёпке Г. 223–225, 227
 Керенский А.Ф. 359, 363
 Кёрнер П. 277
 Кёстринг Э. 540, 541
 Кёттген К. 534, 537, 550
 Килевиц Ф.Ф. 355, 490, 491, 557,
 680, 689
 Киселев Ф.Г. 557, 559, 562
 Киссин А.А. 280, 281, 566, 567,
 647, 650
 Клайнер Э. 647, 649
 Клёкнер П. 517–527, 534, 549, 550,
 552–554, 622–625, 710, 712
 Клотцбах А. 534, 537, 550, 552–
 554, 711, 712
 Кноль Р. 212
 Кнопинский К.И. 270, 273, 333
 Кобецкий М.В. 189
 Козелев Б.Г. 557, 559
 Колмановский Д.М. 647, 649, 650
 Колтунов И.С. 675, 676
 Кольцов Н.К. 48, 49
 Копп В.Л. 34
 Корасташевский И.Е. 280
 Коринец И.Г. 270, 273
 Корк А.И. 210, 211
 Короткин Б. 363, 365, 366, 398
 Корфанты В. 31, 35
 Косиор Ст. В. 123, 124, 198, 469
 Кох-Везер Э. 159, 162
 Краснов Т.С. 280, 281
 Кремер Г. 90, 123, 125, 127, 148,
 160, 225, 226, 353, 354, 550,
 553, 575, 591, 596, 622, 623
 Крестинский Н.Н. 5, 8, 15, 25,
 27, 47, 58, 64–66, 69, 70, 83,
 84, 87, 95–98, 102, 106–108,
 112–115, 117, 119, 123, 125,
 128, 136–138, 143, 147, 154,
 156, 158, 177, 179, 181, 182,
 184–187, 189, 191, 194, 195,
 198, 200, 202, 204, 209–212,
 215, 223, 226, 227, 229, 250,
 256, 258, 265, 267, 277, 281,
 282, 294, 296, 303, 304, 307,
 344, 347, 348, 351, 362, 366,
 372, 384, 387, 389, 392, 398,
 402, 404, 435, 443, 478, 482,
 488, 490–493, 497–501, 506,
 507, 509, 528–530, 532, 533,
 537, 554, 556, 567, 571, 600,
 608, 609, 611, 612, 627, 629,
 632, 634, 637, 638, 640–646,
 652, 654, 655, 657, 664, 667,
 668, 673, 674, 677, 683, 684,
 693, 696, 702, 704, 707, 708
 Кретов Ф.Д. 80
 Криге И. 387–392
 Криницкий А.И. 139
 Круп Б.Г. 21, 470–473, 534, 647
 Ксандров 270, 273, 308
 Ку Ф. 368, 369, 372
 Куйбышев В.В. 51, 59, 123, 158,
 213, 242, 249, 255, 256, 258,
 265, 267, 281, 282, 355, 393,
 398, 399, 412, 414, 426, 435,
 467, 469, 483, 484, 488, 498,
 680, 681
 Кун Бела 208
 Куригин В.И. 469, 474
 Курицкий 557
 Курциус 122, 125, 136, 137, 138, 298,
 351–354, 359, 361, 368–384,
 398, 404, 405, 443, 479, 480,
 514, 555, 624
 Кухара Ф. 110–112
 Кучин Д.И. 557, 559
 Кюнстлер Ф. 35, 36
 Лазарев П.П. 48, 49
 Ланда М.М. 66
 Лебе П. 35, 85
 Левановский М.К. 675, 676

- Леве Н.Ф. 474
 Левин А.М. 262, 264, 557
 Левин В.Л. 449, 466
 Левин-Каган Д.Я. 474
 Левитин Л.М. 351
 Ленгильд Ю.О. 15, 16, 18–25, 51,
 68, 92, 123, 125, 136, 137, 143,
 155, 226, 230, 260, 268, 337,
 371, 467, 469, 490, 491
 Ленерт Р. 367, 372
 Ленин В.И. 94
 Ленцманис Я.Д. 635, 636
 Лехнер 472
 Ли Айви 335, 340
 Линденберг 686
 Липпет Г. 114, 115
 Литвинов М.М. 5–7, 9, 11, 14,
 15, 48, 50, 54, 55, 58, 59, 72,
 83, 84, 87, 97, 98, 100–103,
 107–109, 112, 119, 125, 131,
 136, 139, 140, 143, 144, 150,
 165, 166, 177, 180, 185–188,
 191, 194, 211, 213, 215, 222,
 223, 227, 228, 230–232, 250,
 251, 254–256, 258, 265, 267,
 277, 279, 281, 282, 284,
 285, 301–303, 305–309, 312,
 313, 329, 341, 344, 347, 351,
 357, 358, 362–364, 366, 373,
 375, 385, 387, 389, 398–401,
 404–407, 412, 414, 425, 426,
 435, 437–439, 443, 447, 466,
 476, 477, 479, 488, 491, 492,
 500, 507–509, 513, 530–532,
 541, 555, 595–597, 613, 614,
 622, 625, 627, 629, 637, 640,
 641, 644, 649, 655, 657, 664,
 668, 672, 696, 707–710
 Лит-Томзен Г. 15, 18, 36, 54, 58,
 59
 Ллойд-Джордж 388
 Логинов А.В. 351
 Ломов Г.И. 506
 Лоренц В.Л. 97, 125, 136, 165,
 189, 190, 371
 Луначарский А.В. 48, 49, 135, 165
 Любимов Н.Н. 69, 355, 467–469,
 484, 497, 501, 506, 507, 528,
 529, 541, 557, 558, 572, 580,
 581, 588, 595, 598, 599, 605,
 608, 625, 648, 651, 654, 658,
 659, 662
 Любомирский С. 626, 627
 Людвиг 379, 380, 668
 Людендорф Э. 127
 Люллей 90
 Лютер Г. 367, 397, 548–550, 553,
 554, 573, 574
 Люткенс Г. 89, 93
 Майский 365
 Маковский А.Л. 15, 25, 51, 92,
 157, 260
 Максимов К.Г. 45, 47, 51
 Мальмгрен 99, 390, 391
 Манцони Г. 98, 99
 Маркс В. 28, 61, 126, 127, 137,
 367
 Марциус Г. 140, 208, 211, 225, 250,
 251, 253, 254, 277, 278
 Марьясин Л.Е. 196
 Матч 557
 Машкевич А.Г. 557, 559
 Мевис 280
 Межлаук В.И. 486, 488
 Мездриков 472
 Мендельсон Ф. 181, 224, 228, 295
 Менжинский В.Р. 50, 59, 62, 70,
 77, 94, 106, 123, 213, 488, 532
 Менкес Г. 72, 77
 Мессинг С.А. 357, 358
 Микоян А.И. 14, 25, 29, 38, 42,
 59, 62, 63, 68, 70, 77, 93, 94,
 102, 106, 107, 111, 116, 118,
 122–125, 131, 134, 136, 138,
 140, 143, 144, 150, 152, 154,
 157, 158, 165, 166, 177, 179,
 184, 186–189, 198, 213, 215,
 221, 227, 232, 233, 236, 242,
 249, 250, 255, 256, 258, 260,
 262, 265, 267, 281, 282, 297,
 300, 302, 310–313, 316, 328,
 329, 333, 341, 344, 347, 350,

- 351, 355, 399, 409, 410, 412,
414, 419, 425, 426, 435, 436,
466–468, 491, 680
- Микулин В.И. 675, 676
- Милюков П.Н. 359, 363
- Минкин А.Е. 260
- Мирошников И.Н. 478, 487
- Миттельбергер Р. 183
- Михайлов И.К. 557, 559, 562
- Мовчин 675
- Мозалевский 675
- Молотов В.М. 54, 58, 63, 70, 77,
94, 106, 123, 177, 198, 213,
227, 344, 476, 478, 487–489,
506, 507, 509, 513–517, 527,
528, 547, 568, 588, 589, 605,
627, 629, 632, 657, 658, 667,
680, 681, 685, 688, 689, 694,
700, 709
- Мольтке Г. 225, 227, 418, 449
- Монзи А. 70
- Морат Г. 95, 96, 99, 126, 204, 205,
212
- Мордвинов В.К. 675, 677
- Морозов Г.С. 355
- Мортан Ж. 82, 83
- Мортиков И.Ф. 260, 264
- Мосдорф Х. 579, 580
- Моссе 678
- Мрочковский С.И. 7
- Мунтян В.М. 260, 262, 264
- Мушкевич Д.И. 48, 49
- Мюлен 352
- Мюллер Г. 32, 34, 35, 127, 280
- Надеждин А.А.** 557, 559
- Надольный Р. 480
- Нейман Ф. 583, 588
- Никитин 713
- Никифоров П.М. 48, 49
- Никонов А.М. 196
- Новицкий А.А. (Коган И.А.) 66,
69
- Обрегон А. 212
- Обыдин М.В. 675
- Одинцов С.С. 280, 281
- Озёрский А.В. 547, 548, 560
- Орас П.Ю. 713
- Орбанехам М. 83
- Орджоникидзе Г.К. 59, 62, 63, 70,
77, 94, 106, 123, 242, 249, 355,
469, 498, 506, 507, 509–513,
517–529, 534, 539, 548, 552,
560, 565, 572, 579, 581, 589,
595, 598, 605, 622, 626, 630,
649, 680, 681, 702, 703, 710,
712
- Орлов В.Г. 430, 435
- Осадчий П.С. 222, 223
- Павлов И.П.** 48, 50
- Палладин А.В. 48, 50
- Панкратов И.И. 260, 264
- Папен Ф. 367, 372
- Паркер Г. 223
- Патек Ст. 81, 83, 682
- Пашковский 675
- Пёнсенг Э. 534, 537, 550, 552, 647
- Перегудов 713
- Петренко-Лунев С.И. 8, 89, 93,
675
- Петров 369
- Петров Ф.С. 537, 559
- Печёрский Л.Ф. 557, 559
- Пилсудский Ю. 99
- Пиппер И.А. 126
- Плавник Б.И. 280, 281
- Платонов А.А. 355
- Покровский М.Н. 134, 135, 139
- Полуян Д.В. 647, 649
- Понинский А. 86, 87
- Попов И.А. 558
- Попов Н.А. 647, 649, 650
- Попов Н.В. 557, 559
- Пор Э.Я. 647, 649, 650
- Поскребышев А.Н. 529, 530
- Поссе Г. 136, 225, 226, 235, 251–
254, 278, 279, 296–304, 311–
314, 317–319, 410, 422, 566,
567
- Постышев П.П. 488, 612, 629
- Потёмкин В.П. 476, 477, 478, 479,
481, 482

- Пратнек К.Э. 557, 559
 Преображенский Е.А. 566
 Примаков В.М. 675, 676
 Пристер Е. 89, 92, 93
 Пришниников Д.Н. 48, 50
 Пупе И. 483–487
 Пуришкевич В.М. 708
 Путна В.К. 540
 Пфайфер П. 684, 685
 Пятаков Л. 92, 93, 328, 341, 344, 347, 350, 351, 524, 528, 537, 547, 548, 550–554, 560, 561, 563, 591, 597, 598, 624, 625, 629, 630, 647, 649, 650, 654, 688, 696, 701–703
 Равдель 472, 474
 Радзивилл Я. 626, 627
 Райвид Н.Я. 65, 66, 336–338, 340, 344
 Раковский Х.Г. 70, 73, 76, 77, 86
 Раппопорт А.Ю. 125, 137, 140, 371
 Ратенау В. 148
 Раумер Г. 352, 414, 416, 418–420, 424, 425, 447, 449, 468, 591, 639, 640
 Рементлов Э. 707–709
 Рей Марсель 109, 112
 Рейнбабен В. 34, 35
 Рейтер В. 522, 526, 527, 534, 550
 Рейнхель М.И. 270, 273, 330
 Рейхс 55
 Рейхвер 210
 Реммеле Г. 66
 Рендторф Ф. 99, 101
 Ривер Примо де 82, 83
 Ритчер С. 55
 Ритгер К. 140, 414, 206–208
 Родионов В.Н. 675
 Розенберг М.И. 33, 35
 Розенблюм Б.Д. 137, 230, 232, 251, 260, 270, 365, 449
 Розенгольц А.П. 491–493, 496–499, 501, 502, 505–507, 509, 519, 529, 533, 539, 542, 546–548, 554–556, 560, 565–569, 571, 572, 581, 589, 597, 598, 605, 608, 609, 611, 612, 627, 646, 649, 657, 658, 660, 662, 664–667, 673, 677, 679–682, 688, 689, 691–696, 698, 700, 702, 703, 709, 710, 714
 Ройзенман Б.А. 355, 598, 599
 Розенталь Я.Д. 647, 649
 Розенфельд К. 64–66
 Розенгер 378
 Розов Н.И. 557, 559
 Рокфеллер Д. 335, 341
 Ротштейн Ф.А. 213, 228, 277, 301, 308, 363, 365, 399
 Рoshаль У.Б. 557, 559
 Рубинин Е.В. 365, 366
 Рудзитака Я.Е. 26, 29, 59, 62, 63, 70, 77, 94, 106, 123, 130, 131, 136–138, 147, 157, 158, 185, 189, 198, 213, 316, 341, 344, 347, 348, 350, 351, 412, 414, 419, 426, 435, 437, 476, 488, 507, 538, 539, 608, 611, 613, 686, 696
 Руднев 676
 Румянцев Г.К. 557, 559
 Рухимович М.Л. 51, 53, 230, 539
 Рушди-бей Т. 476, 477, 479, 481
 Рыков А.И. 14, 29, 54, 59, 62, 63, 70, 76, 77, 84, 85, 94, 102, 103, 106, 111, 112, 123, 138, 157, 158, 177, 198, 213, 227, 255, 256, 258, 265, 267, 277, 281, 294, 296, 297, 302, 305, 308, 309, 312, 313, 329, 344, 356, 363, 398, 419, 425, 426, 488
 Рыманов Т.Г. 562, 565
 Рябовол К.С. 280, 281, 647, 650
 Сабанин А.В. 165, 364, 365
 Савин 635
 Савцов Я.Г. 557, 559, 562
 Салтанов И.М. 647, 649, 650
 Самойлов А.Ф. 48, 50
 Сванидзе А.С. 66, 103–105, 114, 355
 Северинг К. 127, 596

- Семашко Н.А. 48, 49
Сергеев И.П. 54
Серебровский А.П. 42, 43
Серпокрылов М.С. 196–198
Сивков А.К. 713
Сидзикаускас В. 97, 126, 212
Симсен Г. 55, 57, 90, 91
Синявский С.М. 51, 54
Скворцов-Степанов И.И. 9, 10
Скобелев 270, 365
Скобелевский П.А. 65
Смоленский А.С. 468
Совернгейм В. 55, 57
Сокольников Г.Я. 124, 130, 131, 388, 405, 533
Сорокин М.Л. 647, 698, 699
Сталин И.В. 5, 6, 9, 10, 14, 36, 48, 57, 59, 62–64, 66, 70, 77, 84, 93, 94, 106, 110, 112, 123, 128, 134, 138, 143, 158, 177, 179, 183, 185–187, 189, 194, 195, 198, 201, 203, 213, 215, 222, 226, 228, 230–233, 242, 250, 254–256, 258, 262, 265, 267, 273, 277, 280–282, 284, 285, 288, 294, 296, 297, 301–303, 305, 307–309, 312, 313, 329, 330, 332, 334, 344, 357, 362, 363, 381, 384, 387, 390, 398, 399, 401, 402, 404, 407, 412, 414, 419, 425, 426, 438, 439, 443, 468, 469, 476, 479, 488, 491, 498–501, 505, 507, 508, 513, 527, 528, 532, 533, 538, 539, 542, 547, 550, 551, 554, 560, 565–568, 572, 581, 589, 595, 600, 605, 610, 611, 621, 626, 639, 641, 643, 645, 646, 652, 655, 657, 658, 664, 667, 668, 673, 677, 679, 680, 681, 683, 685, 689, 694, 698, 700, 704, 709, 710, 713
Старожихин 557
Стефанов Н.В. 557, 559
Стиннес Г. 55
Стомоняков Б.С. 126, 204, 205, 212, 227, 228, 230, 232, 233, 242, 249, 250, 254–256, 258–260, 265, 267, 268, 273, 276, 277, 280–282, 284–286, 294, 296, 297, 301–305, 307–310, 312–314, 317–319, 322, 324, 327–330, 333, 334, 338, 341, 344, 346, 347, 350, 351, 363–365, 368, 398–400, 407, 410, 412, 419, 422, 424–426, 435, 436, 443, 448, 449, 460, 476, 477–479, 487, 488, 500, 513, 546, 554–567, 569, 597, 600, 604, 610–612, 617, 636–641, 655, 664, 668, 708, 710
Судаков П.И. 52–54
Сумароков М.Г. 435
Суранов А.С. 675
Суриц Я.З. 634, 635, 476–482
Сырцов С.И. 344, 488
Сьеберг Ф. 16, 18, 19, 21, 22, 24
Тамарин А.М. 260, 264
Тарасевич Л.А. 48, 50
Татаринов В.Е. 369, 373
Твардовский Ф. 336–341, 343, 350, 357, 362, 439, 442, 493, 497, 511, 641, 642, 644, 656, 683
Твердынин С.А. 371, 373
Тевосян И.Ф. 473, 474
Тейль 365
Тельман Э. 95, 363
Тер-Терьян (Тертерян) А.Б. 474
Тимошенко С.К. 675, 676
Тиррелл У. 705, 706
Тодорский А.И. 196, 197
Толоконцев А.Ф. 469
Томский М.П. 59, 62, 63, 70, 77, 94, 106, 123, 213, 242, 249, 250, 308, 344
Тревиранус 367, 583
Трепалов А. 474
Троцкий Л.Д. 86
Тухачевский М.Н. 675, 677
Уборевич И.П. 183, 184, 196, 198, 210, 397

- Угланов Н.А. 70, 77, 94, 106, 123, 242, 249
 Уиггин А. 687, 688
 Ульянова М.И. 9, 10
 Уншлихт И.С. 5–7, 10, 12, 14, 36, 475, 476
 Урбих Ф. 55, 57
 Урываев 397–399, 469
- Фаркухар П.** 83
Фёдоров С.П. 48, 49
Федько И.Ф. 196–198, 675
Фейт Ф. 449
Ференбах К. 28, 127
Ферман 55, 235
Ферсман А.Е. 48, 49
Фетхи 481, 482
Фехт Г. 379, 384
Флик Ф. 626, 627
Фонштейн И.В. 333
Форст Г. 90
Франк 212
Френкель Д.Б. 365, 366
Фрумкин М.И. 69, 131
Фушман А.М. 355, 488
Фюрстенберг Г. 55, 104, 105, 114
Фюсли 82
- Хазанов С.А.** 681, 682
Хайе 54, 183
Хаксель А. 365, 366
Хлопьянкин М.И. 488
Холодовский М.М. 260, 264
Хорти де Надьбанья М. 370, 373
Хикс Дж. 126, 130
Хенке А. 449, 466
Хинчук Л.М. 123, 124, 138, 140, 144, 150, 198, 230–233, 260, 280, 310, 312, 355, 424, 487, 500, 501, 506, 508, 517, 528, 529, 533, 556, 567, 572, 589, 595, 639, 648, 651, 653, 662, 665, 677, 679, 680, 709, 713
- Цагарелли Я.И.** 51, 52, 54
Цергибель К. 331, 332
Цеткин К. 66
- Циеленс Ф.** 80
Цюрупа А.Д. 70, 77, 94, 106, 123
- Чемберлен** 55, 82, 85, 98
Черняк С.С. 31
Черрути В. 98, 99
Чичерин Г.В. 55, 57, 59–66, 70, 71, 75–78, 80, 81, 83, 94, 95, 98, 99, 101, 102, 106–108, 111, 112, 116, 118, 119, 123, 124, 136, 138–140, 143, 144, 150, 177, 181, 187, 191, 195, 198, 199, 201–203, 210, 211, 213, 223, 228, 250, 256, 277, 301, 308, 316, 362, 363, 388, 530
Чичибабин А.Е. 48, 50
- Шабловский Ф.И.** 557, 559
Шаров Я.В. 31
Шатхан А.С. 230, 231, 260
Шахт Я. 55, 121, 123, 208
Швейковский 199, 280
Шевернев 558
Шейдеман Ф. 26
Шейнман А.А. 102, 103, 105, 106, 112, 115, 118, 122–125, 131, 134, 136, 137, 147, 152, 154–158, 161, 177, 179, 181, 182, 184, 185, 198, 316
- Шерф** 626
Шеффер Г. 16–25, 39, 89, 123, 125, 136, 150, 181, 182, 185, 214, 226, 303, 311
Шеффер П. 99, 102, 360, 418, 678
Шиле М. 367, 372, 384
Шлезингер М. 90, 125, 126, 199, 201, 211, 213, 225, 268, 278, 311, 314, 322, 327–330, 349–351, 410, 449, 605, 606, 609, 622, 624, 625
- Шлейфер И.О.** 13–17, 20, 25, 31, 42, 44, 45, 47, 51, 69, 134, 136–140, 142–144, 149, 150, 153, 154, 156–158, 162–164, 167, 177, 179, 182, 184, 186, 187, 193–195, 202,

- 214, 226, 328, 344, 350,
355
- Шлегер 381
- Шлиппер Г. 687, 688
- Шляпников А.Г. 280
- Шмальгаузен И.И. 48, 50
- Шмидт-Отт Ф. 379, 384
- Шмойш-Бронская Б.И. 369, 373
- Шостакович М.Л. 647, 649, 650
- Шпитальский Е.И. 52, 54
- Шпомберг Г.К. 675
- Штадтлер Э. 32, 35
- Штаусс Э. 159
- Штегервальд А. 126, 127, 130, 145
- Штейман 17, 34, 84
- Штейн Б.Е. 5, 58, 84, 139, 201,
212, 232, 233, 250, 251, 260,
277, 308, 352, 363, 364, 371,
399, 449, 513, 517
- Штейн Г. 678
- Штёкер В. 33, 35, 88
- Штерн Д.Г. 370, 371, 373, 641,
642, 645, 668
- Штреземан Г. 5, 6, 10, 54, 55, 58,
59, 64, 71–75, 78, 79, 87–89,
95, 97, 98, 100, 101, 107–110,
121–123, 125, 136–138, 156,
195, 215, 225, 279, 296, 298,
304, 307, 343
- Шуберт К. 25–28, 33, 34, 95, 96,
125, 126, 136–138, 148, 158,
169, 204–206, 208, 209, 211,
212, 215, 343, 362, 369–372,
374–376, 384
- Шурман 209
- Штюльпнагель Э. 541
- Эберт Ф. 28
- Эйдман Р.П. 183, 184, 196, 197,
675
- Эйсмунд Н.Б. 260, 264
- Эклунд 83
- Элиав Ш.З. 654
- Эльце 397, 398
- Эрбетт 80, 98
- Эррио Э. 76, 704, 705
- Юнг О. 330, 338–340, 359
- Юст А. 352, 354
- Ягода Г.Г. 7
- Якир И.Э. 196, 197
- Якубович И.С. 15, 16, 23, 125,
204, 371
- Ярославский Е.М. 63, 70, 77, 94,
106, 123, 213, 488
- Яроховский 55
- Яцковский Т. 96, 99

Содержание

Документы

1927 год

- № 1
Письмо заместителя наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова заместителю наркома по военным и морским делам СССР, заместителю председателя Реввоенсовета СССР И.С. Уншлихту в связи с возможным участием министра иностранных дел Г. Штреземана в кампании против советско-германского военного сотрудничества. 6 января 1927 г. 5
- № 2
Записка И.С. Уншлихта И.В. Сталину об отношении Г. Штреземана к освещению в западной прессе советско-германского военного сотрудничества. 12 января 1927 г. 6
- № 3
Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину о беседе с У. Брокдорфом-Ранцау. 21 января 1927 г. 9
- № 4
Записка И.С. Уншлихта И.В. Сталину об условиях расторжения учредительного договора с немцами по заводу "Берсоль". 4 февраля 1927 г. 11
- № 5
Выписка из письма начальника Управления заграничных операций НКВиВТ СССР И.О. Шлейфера о реализации германских кредитов. 12 февраля 1927 г. 13
- № 6
Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину о целесообразности постепенной ликвидации сотрудничества с немецкими кругами, финансировавшими завод "Берсоль". 15 февраля 1927 г. 14
- № 7
Телеграмма полпреда СССР в Германии Н.Н. Крестинского в НКВД СССР о выступлении в комиссии рейхстага германского военного министра О. Гесслера в связи с советскими военными поставками в Германию. 16 февраля 1927 г. 15

№ 8	
Записка члена совета при торгпредстве СССР в Германии Ю.О. Ленгиеля торгпреду СССР в Германии К.М. Бегге о гарантиях германской стороной советских заказов. 18 февраля 1927 г.....	15
№ 9	
Телеграмма Н.Н. Крестинского в НКВД СССР о беседе со статс-секретарем МИД Германии К. Шубертом по поводу предстоящего выступления О. Гесслера в комиссии рейхстага о советско-германских военных связях. 19 февраля 1927 г.	25
№ 10	
Постановление СТО СССР “О порядке получения и обеспечения платежей по германскому кредиту”. 23 февраля 1927 г.....	26
№ 11	
Телеграмма Н.Н. Крестинского в НКВД СССР о ситуации в рейхстаге в связи с предстоящим выступлением О. Гесслера о советско-германском военном сотрудничестве. 23 февраля 1927 г.	27
№ 12	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О немецких кредитах”. 24 февраля 1927 г.	29
№ 13	
Справка НКВВТ СССР о ходе реализации германских кредитов на 1 февраля 1927 г. Не позднее 28 февраля 1927 г.	29
№ 14	
Сообщение ТАСС об обсуждении советско-германских отношений в комиссии рейхстага по иностранным делам. 3 марта 1927 г.	31
№ 15	
Записка И.С. Уншлихта И.В. Сталину о мерах по ликвидации секретных советско-германских военных предприятий в СССР. 4 марта 1927 г.	36
№ 16	
Письмо НКВВТ СССР в ЦК ВКП(б) о реализации лицензий, выданных в счет долгосрочных германских кредитов. Не позднее 7 марта 1927 г.	37
№ 17	
Записка А.И. Микояна в Политбюро ВКП(б) о заказе коксовых печей и обсадных труб в Германии. 8 марта 1927 г.....	38
№ 18	
Записка заместителя председателя ВСНХ СССР А.П. Серебровского в Политбюро ЦК ВКП(б) о заказах коксовых печей в Германии и Франции. 14 марта 1927 г.	42
№ 19	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О заказах в Германии”. 17 марта 1927 г.....	44

№ 20	
Телеграмма К.М. Бегге И.О. Шлейферу о реализации заказов в Германии. 22 марта 1927 г.	44
№ 21	
Справка заместителя наркома внешней и внутренней торговли СССР К.Г. Максимова в Политбюро ЦК ВКП(б) об использовании немецких кредитов. 28 марта 1927 г.	45
№ 22	
Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину о “Неделе встречи” советских и германских ученых в Берлине. 28 марта 1927 г.	48
№ 23	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О “неделе встречи” русских ученых в Берлине». 31 марта 1927 г.	50
№ 24	
Телеграмма Торгпредства СССР в Германии в НКВиВТ СССР и ВСНХ СССР о размещении заказов по германскому кредиту. 4 апреля 1927 г.	51
№ 25	
Записка заместителя председателя ВСНХ СССР М.Л. Рухимовича в Политбюро ЦК ВКП(б) о результатах обследования комиссией президиума ВСНХ СССР состояния завода “Берсоль”. 6 апреля 1927 г.	51
№ 26	
Записка М.М. Литвинова В.М. Молотову о приглашении представителей Красной армии на маневры рейхсвера. 10 июня 1927 г.	54
№ 27	
Запись беседы Г.В. Чичерина с представителями деловых кругов Германии об экономическом сотрудничестве с СССР. 12 июня 1927 г.	55
№ 28	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О Германии”. 16 июня 1927 г.	58
№ 29	
Письмо М.М. Литвинова Н.Н. Крестинскому о целесообразности участия представителей Красной армии в маневрах рейхсвера. 17 июня 1927 г.	58
№ 30	
Письмо Г.В. Чичерина А.И. Микояну о предстоящем приезде в СССР данцигской экономической делегации. 21 июня 1927 г.	59
№ 31	
Запись беседы Г.В. Чичерина с рейхсканцлером Германии В. Марксом о международной обстановке и советско-германских отношениях. 22 июня 1927 г.	61
№ 32	
Письмо Г.В. Чичерина А.И. Микояну о беседе с данцигской экономической делегацией по вопросам торговли. 24 июня 1927 г.	62

№ 33	Письмо Г.В. Чичерина председателю СНК СССР и СТО СССР А.И. Рыкову о недостоверных сообщениях немецкой газеты "Цайтнотицен" в связи с Женевским соглашением относительно германских вооружений. 8 июля 1927 г.....	63
№ 34	Телеграмма Н.Н. Крестинского в НКВД СССР о предложениях депутата рейхстага К. Розенфельда относительно поездки группы депутатов рейхстага в СССР. 9 июля 1927 г.....	64
№ 35	Письмо Н.Н. Крестинского Г.В. Чичерину в связи с предстоящей поездкой в СССР группы депутатов социал-демократической фракции рейхстага. 10 июля 1927 г.....	65
№ 36	Письмо Н.Н. Крестинского Г.В. Чичерину о финансовом положении Германии и советско-германских отношениях в финансовой области. 10 июля 1927 г.....	66
№ 37	Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О юбилее Гинденбурга". 18 августа 1927 г.....	70
№ 38	Письмо Г.В. Чичерина И.В. Сталину с приложением резюме своей беседы с У. Брокдорфом-Ранцау о политике Франции в отношении СССР. 20 сентября 1927 г.....	70
№ 39	Записка Г.В. Чичерина И.В. Сталину с поправкой к своей записке от 20 сентября 1927 г. о беседе с У. Брокдорфом-Ранцау. 21 сентября 1927 г.....	77
№ 40	Резюме беседы Г.В. Чичерина с У. Брокдорфом-Ранцау о характере советско-французских и советско-польских отношений. 30 сентября 1927 г.....	78
№ 41	Резюме беседы Г.В. Чичерина с У. Брокдорфом-Ранцау о политической обстановке в Европе. 6 октября 1927 г.....	81
№ 42	Письмо Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову о нежелательности распространения в Германии советских выигранных займов. 18 октября 1927 г.....	83
№ 43	Запись М.М. Литвинова о беседе с У. Брокдорфом-Ранцау о польско-литовских взаимоотношениях. 20 октября 1927 г.....	84
№ 44	Выписка из доклада Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову о состоянии советско-германских экономических отношений. 30 октября 1927 г.....	87

№ 45	
Записка Г.В. Чичерина И.В. Сталину по поводу награждения советским орденом немецкого солдата М. Гельца. 14 ноября 1927 г.	94
№ 46	
Запись беседы Г.В. Чичерина с У. Брокдорфом-Ранцау о попытках СССР ликвидировать польско-литовский конфликт при содействии Германии. 25 ноября 1927 г.	95
№ 47	
Запись беседы Г.В. Чичерина с У. Брокдорфом-Ранцау о позиции германского правительства в связи с награждением орденом Красного Знамени М. Гельца. 29 ноября 1927 г.	99
№ 48	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О Германии". 30 ноября 1927 г.	102
№ 49	
Письмо Н.Н. Крестинского Г.В. Чичерину относительно попыток размещения в Германии советских внутренних займов. 2 декабря 1927 г.	102
№ 50	
Записка Г.В. Чичерина И.В. Сталину о подготовке к советско-германскому экономическому совещанию в Берлине. 3 декабря 1927 г.	106
№ 51	
Запись беседы Г.В. Чичерина с У. Брокдорфом-Ранцау о деле М. Гельца, польско-литовском конфликте и улучшении советско-французских отношений. 8 декабря 1927 г.	107
№ 52	
Письмо председателя правления Госбанка СССР А.Л. Шейнмана Г.В. Чичерину в связи с намерением разместить советские внутренние займы в Германии. 10 декабря 1927 г.	112
№ 53	
Записка А.И. Микояна и Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК ВКП(б) о программе и тактике переговоров на советско-германском экономическом совещании в Берлине. 14 декабря 1927 г.	116
№ 54	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О Германии". 22 декабря 1927 г.	118

1928 год

№ 55	
Письмо Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову о подготовке советско-германского экономического совещания в Берлине. 2 января 1928 г.	119
№ 56	
Записка Г.В. Чичерина В.М. Молотову о подготовке программы советско-германских экономических переговоров. 21 января 1928 г.	123

№ 57

Письмо Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову о сроках и программе предстоящего советско-германского экономического совещания и о внутриполитической обстановке в Германии. 23 января 1928 г. 125

№ 58

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "Об экономических переговорах с Германией". 26 января 1928 г. 130

№ 59

Записка А.И. Микояна в Политбюро ЦК ВКП(б) о советской программе на советско-германских экономических переговорах. 29 января 1928 г. 131

№ 60

Записка заместителя наркома просвещения РСФСР М.Н. Покровского в Оргбюро ЦК ВКП(б) об организации в Берлине выставки достижений исторической науки СССР за 10 лет. 3 февраля 1928 г. 134

№ 61

Письмо Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову о начале советско-германских экономических переговоров. 7 февраля 1928 г. 136

№ 62

Телеграмма председателя советской комиссии по советско-германским экономическим переговорам И.О. Шлейфера А.И. Микояну о порядке и планах работы. 9 февраля 1928 г. 138

№ 63

Записка М.М. Литвинова заведующему Агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б) А.И. Криницкому об организации в Берлине "Советской исторической недели". 13 февраля 1928 г. 139

№ 64

Письмо И.О. Шлейфера А.И. Микояну об обсуждении с германской стороной вопроса о таможенной конвенции. 18 февраля 1928 г. 140

№ 65

Телеграмма Н.Н. Крестинского И.В. Сталину о составе советской комиссии на советско-германских экономических переговорах. 18 февраля 1928 г. 143

№ 66

Письмо И.О. Шлейфера М.М. Литвинову о порядке ведения переговоров по заключению таможенной и других конвенций. 20 февраля 1928 г. 143

№ 67

Письмо И.О. Шлейфера А.И. Микояну о политическом и экономическом положении Германии и о перспективах переговоров. 20 февраля 1928 г. 144

№ 68

Письмо И.О. Шлейфера А.И. Микояну о переговорах с германской стороной относительно предоставления кредитов и о тактике реализации "малой программы". 20 февраля 1928 г. 150

№ 69

Письмо К.М. Бегге А.И. Микояну о перспективах советско-германских экономических переговоров. 20 февраля 1928 г. 154

№ 70

Телеграмма заместителя председателя СНК СССР Я.Э. Рудзутака и полпреда СССР во Франции В.С. Довгалевского председателю СНК СССР А.И. Рыкову о необходимости приезда в Париж А.Л. Шейнмана. 21 февраля 1928 г. 157

№ 71

Письмо И.О. Шлейфера А.И. Микояну о беседах с представителями деловых кругов Германии относительно предоставления кредитов для СССР. 21 февраля 1928 г. 158

№ 72

Выписка из протокола № 24 заседания коллегии НКВД СССР с директивами по ведению переговоров в Берлине. 24 февраля 1928 г. 162

№ 73

Письмо И.О. Шлейфера А.И. Микояну и М.М. Литвинову в связи с обсуждением вопроса об охране промышленной собственности и о товарных знаках в правовой комиссии. 25 февраля 1928 г. 166

№ 74

Материалы по экономическому совещанию в Берлине, направленные НКВиВТ СССР в ЦК ВКП(б). 25 февраля 1928 г. 168

№ 75

Письмо Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову о желательности скорейшего завершения советско-германских экономических переговоров. 27 февраля 1928 г. 177

№ 76

Письмо И.О. Шлейфера А.И. Микояну о ходе экономических переговоров в Берлине и о проблеме возмещения довоенных долгов. 27 февраля 1928 г. 179

№ 77

Записка наркома по военным и морским делам СССР и председателя Реввоенсовета СССР К.Е. Ворошилова И.В. Сталину о предполагаемом приезде в СССР полковника рейхсвера Р. Миттельбергера и взаимном участии командиров РККА и рейхсвера в полевых занятиях и маневрах. 28 февраля 1928 г. 183

№ 78

Телеграмма И.О. Шлейфера А.И. Микояну о ходе экономических переговоров в Берлине. 28 февраля 1928 г. 184

№ 79

Телеграмма М.М. Литвинова Н.Н. Крестинскому о причинах перерыва советско-германских экономических переговоров в Берлине. 1 марта 1928 г. 185

№ 80	Телеграмма М.М. Литвинова Н.Н. Крестинскому о разглашении в германской прессе конфиденциальных бесед советских представителей на экономических переговорах в Берлине. 1 марта 1928 г.	185
№ 81	Телеграмма Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову относительно директивы Политбюро ЦК ВКП(б) о прекращении советско-германских экономических переговоров. 2 марта 1928 г.	186
№ 82	Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "Об экономических переговорах с Германией". 9 марта 1928 г.	187
№ 83	Письмо Н.Н. Крестинского Г.В. Чичерину с разъяснением позиции советской делегации на советско-германских экономических переговорах. 10 марта 1928 г.	187
№ 84	Письмо заведующего отделом Центральной Европы НКВД СССР В.Л. Лоренца советнику полпредства СССР в Германии С.И. Бродовскому о проблеме экономического шпионажа. 10 марта 1928 г.	189
№ 85	Письмо Н.Н. Крестинского Г.В. Чичерину с оценкой хода советско-германских экономических переговоров и причин их перерыва. 19 марта 1928 г.	191
№ 86	Письмо И.В. Сталина Н.Н. Крестинскому о действительных причинах перерыва советско-германских экономических переговоров в Берлине. 21 марта 1928 г.	195
№ 87	Записка помощника начальника Разведывательного управления штаба РККА А.М. Никонова в ЦК ВКП(б) о поездке в Германию группы командиров высшего начальствующего состава РККА на маневры рейхсвера. 21 июня 1928 г.	196
№ 88	Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о командировании группы командиров РККА на германские войсковые маневры. 2 июля 1928 г.	197
№ 89	Записка Г.В. Чичерина А.И. Микояну об условиях транзита германских товаров через СССР. 6 июля 1928 г.	198
№ 90	Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК ВКП(б) о преждевременности экономических переговоров с Германией. 14 июля 1928 г.	199
№ 91	Докладная записка С.И. Бродовского Н.Н. Крестинскому по поводу возобновления экономических переговоров с Германией. 16 июля 1928 г.	200

№ 92	
Письмо Г.В. Чичерина Н.Н. Крестинскому о подготовительной работе к возможному возобновлению советско-германских экономических переговоров. 19 июля 1928 г.....	202
№ 93	
Запись беседы Н.Н. Крестинского со статс-секретарем МИД Германии К. Шубертом о польско-литовском конфликте, румынских займах и об отношении СССР к пакту Бриана–Келлога. 21 июля 1928 г.	204
№ 94	
Письмо Н.Н. Крестинского Г.В. Чичерину о приезде М. Гельца в Москву. 22 июля 1928 г.	210
№ 95	
Письмо Н.Н. Крестинского Г.В. Чичерину о возможном возобновлении экономических переговоров с Германией. 23 июля 1928 г.....	211
№ 96	
Постановление СНК СССР “О соглашениях между СССР и Германией о социальном обеспечении граждан названных сторон”. 21 августа 1928 г.	213
№ 97	
Записка М.М. Литвинова В.М. Молотову об условиях возобновления советско-германских экономических переговоров. 23 августа 1928 г.	213
№ 98	
Записка А.И. Микояна в Политбюро ЦК ВКП(б) о “Русском комитете для урегулирования торговли Германии с Советским Союзом”. 26 сентября 1928 г.....	215
№ 99	
Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину о нецелесообразности организации доклада первого заместителя председателя Госплана СССР П.С. Осадчего о Волго-Донском канале в Берлине. 25 октября 1928 г.	222
№ 100	
Письмо Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову о позиции МИД Германии в отношении довоенных российских долгов и о подготовке немцев к экономическим переговорам в Москве. 29 октября 1928 г.....	223
№ 101	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О переговорах с немцами”. 30 октября 1928 г.....	227
№ 102	
Телеграмма Н.Н. Крестинского в НКВД СССР о протесте германского правительства в связи со вступлением немецких банков в международное объединение кредиторов России. 31 октября 1928 г.....	227
№ 103	
Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину с предложением о ноте правительству Германии относительно присоединения немецких банков к международной ассоциации кредиторов России. 3 ноября 1928 г.....	228

№ 104	Записка заместителя наркома внешней и внутренней торговли СССР Л.М. Хинчука в Политбюро ЦК ВКП(б) о составе советской делегации на экономических переговорах в Берлине. 12 ноября 1928 г.	230
№ 105	Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину о дополнении состава делегации на экономических переговорах с Германией. 14 ноября 1928 г.	231
№ 106	Записка Л.М. Хинчука в Политбюро ЦК ВКП(б) о включении в состав советской делегации по советско-германским экономическим переговорам заведующего отделом Центральной Европы НКВД СССР Б.Е. Штейна. 14 ноября 1928 г.	232
№ 107	Записка председателя советской делегации по экономическим переговорам с Германией Б.С. Стомонякова И.В. Сталину о тактике и программе предстоящих советско-германских экономических переговоров. 19 ноября 1928 г.	233
№ 108	Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину с просьбой обсудить на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) записку Б.С. Стомонякова. 21 ноября 1928 г.	250
№ 109	Запись беседы Б.С. Стомонякова с руководителями германской делегации по организационным вопросам. 26 ноября 1928 г.	250
№ 110	Записка М.М. Литвинова и Б.С. Стомонякова И.В. Сталину с предложением о создании постоянной комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) для ознакомления с ходом переговоров. Не ранее 26 ноября 1928 г.	254
№ 111	Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О переговорах с немцами". 26 ноября 1928 г.	255
№ 112	Бюллетень № 2 советско-германских экономических переговоров. 28 ноября 1928 г.	255
№ 113	Бюллетень № 3 советско-германских экономических переговоров. 29 ноября 1928 г.	256
№ 114	Бюллетень № 4 советско-германских экономических переговоров. 30 ноября 1928 г.	258
№ 115	Протокол заседания коллегии НКВит СССР по вопросам советско-германских переговоров. 30 ноября 1928 г.	260
		739

№ 116	
Бюллетень № 5 советско-германских экономических переговоров. 1 декабря 1928 г.....	264
№ 117	
Бюллетень № 6 советско-германских экономических переговоров. 3 декабря 1928 г.....	265
№ 118	
Бюллетень № 7 советско-германских экономических переговоров. 4 декабря 1928 г.....	267
№ 119	
Бюллетень № 8 советско-германских экономических переговоров. 5 декабря 1928 г.....	269
№ 120	
Протокол № 87 заседания пленума Главного концессионного комитета при СНК СССР. 5 декабря 1928 г.....	270
№ 121	
Записка Б.С. Стомонякова И.В. Сталину об условиях деятельности в СССР германских фирм-концессионеров. 5 декабря 1928 г.....	273
№ 122	
Письмо Б.С. Стомонякова Н.Н. Крестинскому о ходе переговоров и об отказе советской делегации идти на уступки требованиям германской стороны. 8 декабря 1928 г.....	277
№ 123	
Записка Л.М. Хинчука в ЦК ВКП(б) о создании германской секции при Всесоюзно-Западной торговой палате. 8 декабря 1928 г.....	280
№ 124	
Бюллетень № 11 советско-германских экономических переговоров. 8 декабря 1928 г.....	281
№ 125	
Бюллетень № 12 советско-германских экономических переговоров. 10 декабря 1928 г.....	282
№ 126	
Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину в связи с согласием германской стороны об урегулировании спорных вопросов согласительной комис- сией. 15 декабря 1928 г.....	284
№ 127	
Записка Б.С. Стомонякова И.В. Сталину об основных вопросах, выдви- нутых на переговорах германской и советской делегациями. 17 декабря 1928 г.....	285
№ 128	
Записка Б.С. Стомонякова И.В. Сталину о несогласии с линией Полит- бюро ЦК ВКП(б) на завершающем этапе советско-германских эконо-	

мических переговоров и с просьбой перевести его на другую работу. 21 декабря 1928 г.....	294
№ 129	
Записка Б.С. Стомонякова И.В. Сталину в связи с прекращением советско-германских экономических переговоров. 22 декабря 1928 г.....	296
№ 130	
Записка Б.С. Стомонякова А.И. Микояну об условиях предоставления СССР германских кредитов. 22 декабря 1928 г.....	297
№ 131	
Записка Б.С. Стомонякова членам коллегии НКВД СССР с протестом против публикации в СССР резолюции об экономическом шпионаже. 23 декабря 1928 г.....	301
№ 132	
Записка Б.С. Стомонякова А.И. Микояну о возможном месте ведения переговоров с Германией о кредите. 27 декабря 1928 г.....	302
№ 133	
Записка М.М. Литвинова членам Политбюро ЦК ВКП(б) о преднамеренном срыве немецкой делегацией советско-германских переговоров. 27 декабря 1928 г.....	303
№ 134	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “Заявление тов. Стомонякова”. 27 декабря 1928 г.....	305
№ 135	
Записка Б.С. Стомонякова членам Политбюро ЦК ВКП(б) с аргументами в подтверждение своей прежней позиции на переговорах. 1 декабря 1928 г.....	305

1929 год

№ 136	
Письмо Б.С. Стомонякова секретарю ВЦСПС А.И. Догадову о положении советских профсоюзов на иностранных концессиях в СССР. 2 января 1929 г.....	308
№ 137	
Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину с просьбой обсудить на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) конвенцию о согласительной процедуре между СССР и Германией. 19 января 1929 г.....	309
№ 138	
Записка Б.С. Стомонякова Л.М. Хинчуку об условиях предоставления германских кредитов на закупку готовых товаров. 23 января 1929 г.....	310
№ 139	
Записка Б.С. Стомонякова А.И. Микояну о беседе с германским послом в СССР Г. Дирксеном по вопросам таможенной конвенции и предоставления кредитов. 14 февраля 1929 г.....	313

№ 140	
Постановление № 8-295 объединенного заседания СНК и СТО СССР “О заключении таможенной конвенции с Германией”. 19 марта 1929 г.	314
№ 141	
Записка А.И. Микояна в Политбюро ЦК ВКП(б) о переговорах с Германией по предоставлению новых кредитов для СССР. 13 апреля 1929 г.	316
№ 142	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О Германии”. 16 апреля 1929 г.	328
№ 143	
Записка Б.С. Стомонякова А.И. Микояну о предстоящих переговорах с Германией по предоставлению кредитов. 29 апреля 1929 г.	329
№ 144	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О Германии”. 30 апреля 1929 г.	330
№ 145	
Запись беседы заместителя наркома иностранных дел СССР Л.М. Карахана с Г. Дирксеном по поводу выступления К.Е. Ворошилова на параде 1 мая 1929 г. в Москве. 3 мая 1929 г.	330
№ 146	
Выписка из протокола № 52 заседания пленума Главконцесскома при СНК СССР о пересмотре концессионных договоров германских концессионеров. 13 июня 1929 г.	333
№ 147	
Записка Б.С. Стомонякова И.В. Сталину о создаваемом Банке международных расчетов. 20 июня 1929 г.	334
№ 148	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О Банке международных расчетов”. 27 июня 1929 г.	341
№ 149	
Письмо М.М. Литвинова Б.С. Стомонякову о создании Банка международных расчетов. 4 июля 1929 г.	341
№ 150	
Записка Б.С. Стомонякова И.В. Сталину относительно намерения германского посольства создать в Москве Объединение германских граждан. 15 июля 1929 г.	344
№ 151	
Протокол № 1 заседания комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу о Международном репарационном банке. 17 июля 1929 г.	347
№ 152	
Записка председателя комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) Я.Э. Рудзутака в Политбюро ЦК ВКП(б) о Банке международных расчетов. 9 августа 1929 г.	348

№ 153	Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О германских кредитах”. 15 августа 1929 г.	351
№ 154	Из письма Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову о беседе с министром иностранных дел Германии Ю. Курциусом относительно поездки в СССР немецкой промышленно-финансовой делегации. 28 октября 1929 г.	351
№ 155	Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О реорганизации заграничного аппарата Наркомторга и торгово-промышленных организаций”. 15 декабря 1929 г.	355

1930 год

№ 156	Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О привлечении иностранной технической помощи в черной металлургии”. 10 января 1930 г.	356
№ 157	Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину о жалобах иностранных дипломатических миссий в СССР в связи с ограничением их контактов с представителями советских официальных кругов и общественности. 26 января 1930 г.	357
№ 158	Запись беседы М.М. Литвинова с Г. Дирксеном об осложнениях советско-германских отношений. 20 февраля 1930 г.	358
№ 159	Протокол № 27 заседания коллегии НКВД СССР. 28 марта 1930 г.	363
№ 160	Письмо Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову о новом правительстве Германии и о позиции германской прессы в отношении СССР. 6 апреля 1930 г.	366
№ 161	Письмо Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову о беседе с Ю. Курциусом по политическим проблемам советско-германских отношений. 11 апреля 1930 г.	373
№ 162	Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину об обвинениях германского правительства в нарушении СССР некоторых советско-германских соглашений. 13 апреля 1930 г.	385
№ 163	Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину о желательности смягчения политики в отношении ряда конфессий в СССР. 23 апреля 1930 г.	387
№ 164	Записка наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова и заместителя председателя Совета Труда и Обороны СССР В.В. Куйбышева в Политбюро ЦК	

ВКП(б) о перевооружении Красной армии и технической помощи германских фирм. 23 апреля 1930 г.	393
№ 165	
Из протокола № 35 заседания коллегии НКВД СССР. 24 апреля 1930 г.	398
№ 166	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О Рейнметалле". 25 апреля 1930 г.	399
№ 167	
Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину о созыве советско-германской согласительной комиссии по экономическим вопросам. 27 мая 1930 г.	399
№ 168	
Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину о направлении ему текста проекта советско-германского коммюнике. 28 мая 1930 г.	401
№ 169	
Обзор Отдела печати и информации СНК и СТО СССР об оценках германской печатью характера и перспектив советско-германских отношений. 29 мая 1930 г.	402
№ 170	
Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину с предложением новых поправок к проекту советско-германского коммюнике. 7 июня 1930 г.	404
№ 171	
Записка Б.С. Стомонякова И.В. Сталину о предстоящем открытии сессии согласительной комиссии. 13 июня 1930 г.	407
№ 172	
Записка Б.С. Стомонякова Я.Э. Рудзутаку о программе работы согласительной комиссии. 21 июня 1930 г.	412
№ 173	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О Германии". 27 июня 1930 г.	419
№ 174	
Записка А.И. Микояна И.В. Сталину о беседе с главой немецкой делегации в советско-германской согласительной комиссии по условиям предоставления СССР германского кредита. 27 июня 1930 г.	419
№ 175	
Протокол заседания комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу о Германии. 27 июня 1930 г.	425
№ 176	
Протокол заседания комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) о Германии. 27 июня 1930 г.	426
№ 177	
Справка члена коллегии Наркомторга СССР Ш.М. Дволайцкого о ходе переговоров в советско-германской согласительной комиссии. 28 июня 1930 г.	426

№ 178	Протокол заседания комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) о советско-германских переговорах в согласительной комиссии. 29 июня 1930 г.	435
№ 179	Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину с предложением направить приветственную телеграмму правительству Германии в связи с выводом оккупационных войск с германской территории. 2 июля 1930 г.	438
№ 180	Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О Германии". 3 июля 1930 г.	438
№ 181	Записка К.Е. Ворошилова И.В. Сталину о письмах советника германского посольства в СССР Ф. Твардовского. 6 июля 1930 г.	439
№ 182	Записка Б.С. Стомонякова И.В. Сталину с отчетом о работе первой сессии советско-германской согласительной комиссии. 20 июля 1930 г.	443
№ 183	Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О внешней торговой политике". 20 июля 1930 г.	466
№ 184	Телеграмма торгпреда СССР в Германии И.Е. Любимова А.И. Микояну и В.В. Куйбышеву о предложении совместной американо-немецкой промышленной группой кредита на закупку оборудования металлургических заводов. 15 августа 1930 г.	467
№ 185	Телеграмма И.Е. Любимова А.И. Микояну относительно американо-немецкого предложения о кредите. 20 августа 1930 г.	468
№ 186	Письмо группы советских инженеров-практикантов завода Круппа И.В. Сталину, Г.К. Орджоникидзе, В.В. Куйбышеву о неудовлетворительном выполнении договора о технической помощи германской стороной. 26 августа 1930 г.	469
№ 187	Записка заместителя председателя ВСНХ СССР И.С. Уншлихта в Политбюро ЦК ВКП(б) о необходимости внесения платежей германской фирме "Рейнметалл". 28 августа 1930 г.	475
№ 188	Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О валюте (Заявление т. Уншлихта от 28.08)". 30 августа 1930 г.	476
№ 189	Записка Б.С. Стомонякова В.М. Молотову в связи с назначением полпредов СССР в Германии Я.З. Сурица и в Турции В.П. Потемкина. 31 августа 1930 г.	476

№ 190	
Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О полпреде в Германию и Турцию”. 10 сентября 1930 г.	478
№ 191	
Записка Н.Н. Крестинского В.М. Молотову в связи с назначением Я.З. Сурица полпредом СССР в Германии. 13 сентября 1930 г.	478
№ 192	
Записка В.В. Куйбышева в Политбюро ЦК ВКП(б) о строительстве консорциумом немецких фирм металлургического завода в Нижнем Тагиле. 13 сентября 1930 г.	483
№ 193	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О полпреде в Берлине”. 15 сентября 1930 г.	487
№ 194	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О Вольфе”. 15 сентября 1930 г. ..	488
№ 195	
Записка Н.Н. Крестинского в Политбюро ЦК ВКП(б) о подготовке к переговорам с немцами по таможенной конвенции с Германией. 12 октября 1930 г.	488
№ 196	
Записка заместителя наркома внешней и внутренней торговли СССР А.П. Розенгольца в Политбюро ЦК ВКП(б) о составе советской делегации для переговоров по таможенной конвенции с Германией. 15 октября 1930 г.	491
№ 197	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О таможенной конвенции с Германией”. 15 октября 1930 г.	492
№ 198	
Записка Н.Н. Крестинского И.В. Сталину о порядке опубликования отчета советско-германской согласительной комиссии. 21 октября 1930 г.	492
№ 199	
Записка А.П. Розенгольца в Политбюро ЦК ВКП(б) о германском гарантийном кредите. 24 октября 1930 г.	493
№ 200	
Записка А.П. Розенгольца в Политбюро ЦК ВКП(б) с проектом постановления Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу о германском гарантийном кредите. 24 октября 1930 г.	496
№ 201	
Выписка из протокола заседания комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу экспортно-импортного плана на 1931 г. 18 ноября 1930 г.	498
№ 202	
Запись беседы Ш.М. Дволайцкого с советником германского посольства в СССР Г. Гильгером. 22 ноября 1930 г.	498

№ 203	Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О запросах “Чейз банка”, Египта и Германии». 25 ноября 1930 г.	499
№ 204	Записка Н.Н. Крестинского И.В. Сталину о поручении экономических переговоров с Германией Л.М. Хинчуку. 25 ноября 1930 г.	500
№ 205	Записка А.П. Розенгольца И.В. Сталину о проекте директив для переговоров с Германией по торгово-экономическим отношениям. 7 декабря 1930 г.	501
№ 206	Записка А.П. Розенгольца И.В. Сталину об условиях экспорта советских нефтепродуктов в Германию. 16 декабря 1930 г.	505
№ 207	Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О нефтеэкспорте в Германию”. 23 декабря 1930 г.	506
№ 208	Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О торговле с Германией”. 25 декабря 1930 г.	507

1931 год

№ 209	Телеграмма Л.М. Хинчука М.М. Литвинову об организации поездки германских промышленников в Москву. 11 января 1931 г.	508
№ 210	Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О договоре Иоффе с немцами”. 20 января 1931 г.	509
№ 211	Запись беседы председателя ВСНХ СССР Г.К. Орджоникидзе с Г. Дирксеном относительно приглашения в СССР германских промышленников для переговоров о советских заказах в Германии. 23 января 1931 г.	509
№ 212	Запись беседы В.М. Молотова с Г. Дирксеном о советско-германских политических и экономических отношениях. 7 февраля 1931 г.	513
№ 213	Стенограмма беседы Г.К. Орджоникидзе с делегацией германских промышленников. 1 марта 1931 г.	517
№ 214	Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О переговорах с немцами”. 9 марта 1931 г.	528

№ 215	Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “Сообщение т. Орджоникидзе о переговорах с немцами”. 11 марта 1931 г.....	528
№ 216	Записка Н.Н. Крестинского Г.К. Орджоникидзе и А.П. Розенгольцу в связи с подготовкой и рассылкой советским полпредам информации о результатах переговоров с германскими промышленниками в Москве. 16 марта 1931 г.....	529
№ 217	Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину об условиях продления советско-германского договора о нейтралитете. 23 марта 1931 г.....	530
№ 218	Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О Германии”. 25 марта 1931 г.....	532
№ 219	Записка Н.Н. Крестинского помощнику И.В. Сталина А.Н. Поскребышеву с копией письма полпреду СССР в Англии Г.Я. Сокольникову о результатах переговоров с германскими промышленниками в Москве. 28 марта 1931 г.....	533
№ 220	Телеграмма советника полпредства СССР в Германии С.И. Бродовского в НКВД СССР об инспирированной заметке в германской печати о дополнительной правительственной гарантии советских заказов. 3 апреля 1931 г.....	537
№ 221	Записка заместителя председателя СНК и СТО Я.Э. Рудзутака в Политбюро ЦК ВКП(б) относительно размещения заказов НКПС СССР в Германии. 5 мая 1931 г.....	538
№ 222	Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “Об импортном контингенте НКПС в счет германских кредитов”. 5 мая 1931 г.....	539
№ 223	Записка К.Е. Ворошилова И.В. Сталину о возможном приезде в СССР начальника Войскового управления рейхсвера генерал-майора В. Адама. 26 мая 1931 г.....	539
№ 224	Записка А.П. Розенгольца И.В. Сталину о переговорах с германским правительством об экспорте СССР в Германию. 28 мая 1931 г.....	542
№ 225	Записка А.П. Розенгольца И.В. Сталину о прекращении дальнейших закупок черных металлов в Германии. 29 мая 1931 г.....	547
№ 226	Записка руководителя комиссии по размещению советских заказов в Германии Г.Л. Пятакова Г.К. Орджоникидзе о лимитировании финансирования германскими банками советских заказов. 1 июня 1931 г.....	548

№ 227	
Записка Г.Л. Пятакова И.В. Сталину о предложении германского промышленника О. Вольфа относительно строительства нефтепровода в СССР. 1 июня 1931 г.	551
№ 228	
Письмо Г.Л. Пятакова Г.К. Орджоникидзе о трудностях финансирования советских заказов в Германии. 3 июня 1931 г.	552
№ 229	
Записка Н.Н. Крестинского И.В. Сталину с замечаниями к проекту А.П. Розенгольца о создании благоприятных условий для размещения в Германии советских товаров. 3 июня 1931 г.	554
№ 230	
Протокол заседания Совета Торгпредства СССР в Германии о прохождении заказов по 300-миллионному германскому кредиту. 3 июня 1931 г.	557
№ 231	
Постановление ЦК ВКП(б) "О черных металлах". 5 июня 1931 г.	560
№ 232	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О письме т. Пятакова". 8 июня 1931 г.	560
№ 233	
Справка заместителя торгпреда СССР в Германии Г.С. Биткера о ходе размещения советских заказов, приемке и транспортировке грузов из Германии в СССР. 15 июня 1931 г.	560
№ 234	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О записке т. Биткера". 20 июня 1931 г.	565
№ 235	
Телеграмма члена коллегии Наркомвнешторга СССР А.А. Киссна в НКВД СССР о заключении преференциального торгового договора между Германией и Румынией. 26 июня 1931 г.	566
№ 236	
Записка Н.Н. Крестинского И.В. Сталину с просьбой обсудить на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) вопрос об экспортных переговорах с Германией. 27 июня 1931 г.	567
№ 237	
Записка А.П. Розенгольца И.В. Сталину о необходимости добиваться от Германии заключения соглашения по преференциальным таможенным тарифам для советских товаров. 28 июня 1931 г.	568
№ 238	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О заводе АМО". 30 июня 1931 г.	570
№ 239	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О переговорах с немцами по вопросам экспорта в Германию". 30 июня 1931 г.	571

№ 240	Записка И.Е. Любимова в ЦК ВКП(б), ВСНХ СССР, НК РКИ СССР, НКВТ СССР "О финансовом положении в Германии и о наших заказах". 12 июля 1931 г.	572
№ 241	Записка И.Е. Любимова в ЦК ВКП(б), НКВТ СССР, ВСНХ СССР, НК РКИ СССР "О финансово-кредитном положении Германии и влиянии его на нашу импортно-экспортную работу". 18 июля 1931 г.	581
№ 242	Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "Мероприятия в связи с финансовым кризисом в Германии". 18 июля 1931 г.	588
№ 243	Записка И.Е. Любимова в ЦК ВКП(б), СНК СССР, ВСНХ СССР, НКВТ СССР "О финансовом положении Германии и о влиянии кризиса на нашу внешнюю торговлю". 24 июля 1931 г.	589
№ 244	Письмо Г.С. Биткера М.М. Литвинову о беседе с Г. Кремером в связи с кампанией против предоставления кредитов для СССР. 4 августа 1931 г.	595
№ 245	Записка М.М. Литвинова секретарю ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичу о подготовке к сессии советско-германской согласительной комиссии и назначении советских представителей. 12 августа 1931 г.	596
№ 246	Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О заказах в Германии". 20 августа 1931 г.	597
№ 247	Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О мероприятиях по борьбе с злоупотреблениями фирм при выполнении заказов". 25 августа 1931 г.	598
№ 248	Записка Б.С. Стомякова Л.М. Кагановичу о подготовке к сессии советско-германской согласительной комиссии и ее повестке дня. 2 сентября 1931 г.	600
№ 249	Записка И.Е. Любимова в ЦК ВКП(б), СНК СССР, ВСНХ СССР, НКВТ СССР "О некоторых новых явлениях в области нашей внешней торговли". 4 сентября 1931 г.	605
№ 250	Телеграмма А.П. Розенгольца и Н.Н. Крестинского полпреду и торгпреду СССР в Германии о постановке на согласительной комиссии вопроса о советском экспорте в Германию. 7 сентября 1931 г.	608
№ 251	Телеграмма И.В. Сталина Л.М. Кагановичу о порядке выдачи валюты выезжающим из СССР немцам. 8 сентября 1931 г.	610

№ 252	
Записка Б.С. Стомонякова Л.М. Кагановичу о порядке перевода в Германию валюты выезжающим из СССР германским гражданам. 9 сентября 1931 г.....	610
№ 253	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “Директивы уполномоченным на согласительную комиссию по торговому договору с Германией”. 10 сентября 1931 г.....	611
№ 254	
Записка Б.С. Стомонякова Л.М. Кагановичу о разногласиях с немцами по ст. 5 Соглашения о поселении, входящего в советско-германский торговый договор 1925 г. 11 сентября 1931 г.	612
№ 255	
Телеграмма И.В. Сталина Л.М. Кагановичу о нежелательности выселения немцев из СССР ввиду недостатка рабочих рук и потери валюты. 12 сентября 1931 г.	621
№ 256	
Постановление ЦК ВКП(б) “О Германии”. 14 сентября 1931 г.....	622
№ 257	
Записка Г.С. Биткера Г.К. Орджоникидзе о беседах с германскими промышленниками. 18 сентября 1931 г.	622
№ 258	
Записка Н.Н. Крестинского Л.М. Кагановичу о советском демарше германскому правительству по поводу расширения советского экспорта в Германию. 24 сентября 1931 г.	627
№ 259	
Записка Н.Н. Крестинского Л.М. Кагановичу о целесообразности переговоров с германской стороной по вербовке немецких рабочих для работы в СССР. 24 сентября 1931 г.	629
№ 260	
Записка Н.Н. Крестинского Л.М. Кагановичу о расчете по немецким претензиям за пароход “Петр Берг”. 29 сентября 1931 г.	632
№ 261	
Телеграмма уполномоченных СССР на 2-й сессии советско-германской согласительной комиссии Г.М. Аркуса и Б.С. Стомонякова в НКВД СССР относительно немецкого предложения о вывозе валюты. 3 октября 1931 г.....	636
№ 262	
Записка Н.Н. Крестинского Л.М. Кагановичу о предложении германской стороны в советско-германской согласительной комиссии нового порядка вывоза валюты уезжающими из СССР немецкими гражданами. 4 октября 1931 г.....	637
	751

№ 263	
Телеграмма Б.С. Стомонякова в НКВД СССР с предложением нового порядка выплаты валюты уезжающим из СССР немецким гражданам. 4 октября 1931 г.	639
№ 264	
Записка Н.Н. Крестинского Л.М. Кагановичу о забастовке немецких судовых команд в советских портах. 9 октября 1931 г.	640
№ 265	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О забастовке немецких моряков в наших портах". 10 октября 1931 г.	641
№ 266	
Запись беседы М.М. Литвинова с временным поверенным в делах Германии в СССР Ф. Твардовским о забастовке германских моряков в советских портах. 11 октября 1931 г.	641
№ 267	
Записка Н.Н. Крестинского И.В. Сталину в связи с забастовкой немецких моряков в советских портах. 11 октября 1931 г.	643
№ 268	
Записка Н.Н. Крестинского И.В. Сталину о принятии мер против вмешательства советских местных органов в пользу бастующих немецких моряков. 12 октября 1931 г.	645
№ 269	
Записка А.П. Розенгольца И.В. Сталину с проектом директив к переговорам с Германией о расширении советского экспорта. 14 октября 1931 г. ...	646
№ 270	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О Германии". 15 октября 1931 г.	649
№ 271	
Записка Н.Н. Крестинского И.В. Сталину о несогласии НКВД СССР на таможенные преференции Германии по зерну для Румынии и Венгрии. 29 октября 1931 г.	652
№ 272	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О наших торговых операциях за границей". 10 ноября 1931 г.	654
№ 273	
Записка Н.Н. Крестинского И.В. Сталину о необходимости урегулирования последствий забастовки немецких моряков в советских портах. 18 ноября 1931 г.	655
№ 274	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О немцах". 20 ноября 1931 г.	657
№ 275	
Записка А.П. Розенгольца И.В. Сталину с предложением об окончании экспортных переговоров с германским правительством. 5 декабря 1931 г.	657

№ 276

Записка Н.Н. Крестинского И.В. Сталину с поправками к предложениям А.П. Розенгольца относительно способов расчетов в советско-германской торговле. 7 декабря 1931 г. 664

№ 277

Запись беседы М.М. Литвинова с Г. Дирксеном об опасениях в Германии в связи с советско-польскими переговорами по заключению договора о ненападении. 21 декабря 1931 г. 668

1932 год

№ 278

Записка Н.Н. Крестинского И.В. Сталину о возможности предоставления таможенных преференций Румынии и Венгрии на зерновые закупки. 14 января 1932 г. 673

№ 279

Записка начальника IV Управления Штаба РККА Я.К. Берзина К.Е. Ворошилову о составе групп для командирования в Германию в 1932 г. 20 января 1932 г. 674

№ 280

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О переговорах с Германией". 28 января 1932 г. 677

№ 281

Письмо Л.М. Хинчука Н.Н. Крестинскому о публикации в "Берлинер Тагеблатт" материалов об участии СССР в международной торговой неделе в Германии. 1 марта 1932 г. 677

№ 282

Записка А.П. Розенгольца И.В. Сталину о советско-германских переговорах по экспорту в Германию зернопродуктов из СССР. Не позднее 8 марта 1932 г. 679

№ 283

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О переговорах с немцами по вопросам экспорта". 8 марта 1932 г. 680

№ 284

Записка А.П. Розенгольца председателю комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) В.М. Молотову о закупке черных металлов в Германии. 10 марта 1932 г. 681

№ 285

Запись беседы Н.Н. Крестинского с Г. Дирксеном о покушении на советника германского посольства в Москве Ф. Гвардовского. 10 марта 1932 г. 683

№ 286

Записка председателя правления Госбанка СССР, заместителя наркома финансов СССР М.И. Калмановича И.В. Сталину и В.М. Молотову о

переговорах заместителя правления Госбанка СССР Г.М. Аркуса с германскими банками. 19 марта 1932 г.	685
№ 287	
Записка А.П. Розенгольца И.В. Сталину о квотах Германии по советским зернопродуктам. 20 марта 1932 г.	688
№ 288	
Записка А.П. Розенгольца в Политбюро ЦК ВКП(б) о переговорах с Германией в связи с квотами по зернопродуктам и о требовании германской стороной выплаты долгов в валюте. 7 апреля 1932 г.	689
№ 289	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О переговорах с Германией”. 8 апреля 1932 г.	693
№ 290	
Записка А.П. Розенгольца И.В. Сталину о завершении экспортных переговоров с Германией и о валоризации немецкой марки. 26 апреля 1932 г.	694
№ 291	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О переговорах с немцами”. 28 апреля 1932 г.	696
№ 292	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О соглашении с германскими промышленниками о заказах и кредитах”. 16 мая 1932 г.	696
№ 293	
Записка члена коллегии Наркомата внешней торговли СССР М.Л. Сорокина А.П. Розенгольцу с предложением скорейшего размещения заказов в Германии. 19 мая 1932 г.	698
№ 294	
Записка А.П. Розенгольца И.В. Сталину о невыгодности для СССР предлагаемых германскими промышленниками условий кредитов. 31 мая 1932 г.	700
№ 295	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О переговорах с Германией по импортным кредитам”. 1 июня 1932 г.	701
№ 296	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О Германии”. 10 июня 1932 г.	702
№ 297	
Запись беседы Н.Н. Крестинского с Г. Дирксеном об итогах Лозаннской международной конференции. 21 июля 1932 г.	704
№ 298	
Записка Н.Н. Крестинского Л.М. Кагановичу о возможной встрече М.М. Литвинова с германским политиком Э. Ревентловом. 5 августа 1932 г.	707

№ 299	
Телеграмма И.В. Сталина Л.М. Кагановичу и В.М. Молотову о согласии на встречу М.М. Литвинова в Берлине с Э. Ревентловом. 6 августа 1932 г.	709
№ 300	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О Германии”. 16 сентября 1932 г.	709
№ 301	
Письмо торгпреда СССР в Германии И.Я. Вейцера И.В. Сталину и А.П. Розенгольцу о переговорах с германским промышленником О. Вольфом по заключению сделок на металлы и машинное оборудование. 12 октября 1932 г.	710
№ 302	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О техпомощи по строительству морских судов”. 4 ноября 1932 г.	712
№ 303	
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О денежных кредитах замороженными марками”. 4 декабря 1932 г.	714
Список сокращений	715
Указатель имен	720

Научное издание

Москва – Берлин

**Политика и дипломатия Кремля
1920–1941**

Сборник документов

В трех томах

Том 2

1927–1932

*Утверждено к печати
Бюро Научного совета
по истории социальных реформ,
движений и революций
Российской академии наук*

Заведующая редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *М.М. Леренман*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Ю.И. Духовская*

Технический редактор *З.Б. Павлюк*

Корректоры *З.Д. Алексеева, Р.В. Молоканова, Т.А. Печко*

Подписано к печати 19.08.2011
Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 47,5. Усл.кр.-отт. 47,0. Уч.-изд.л. 47,6
Тираж 800 экз. (РГНФ – 300 экз.). Тип. зак. 3902

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП “Типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ “АКАДЕМКНИГА” РАН

Магазины “Книга-почтой”

117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; (код 495) 932-78-01
Сайт: www.LitRAS.ru E-mail: info@LitRAS.ru
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 “Б”; (код 812) 235-40-64
ak@akbook.ru

Магазины “Академкнига” с указанием букинистических отделов и “Книга-почтой”

690002 Владивосток, Океанский проспект, 140 (“Книга-почтой”);
(код 4232) 45-27-91 antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 (“Книга-почтой”);
(код 343) 350-10-03 kniga@sky.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 (“Книга-почтой”); (код 3952) 42-96-20
aknir@irlan.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90 akademkniga@bk.ru
220012 Минск, просп. Независимости, 72; (код 10375-17) 292-00-52, 292-46-52,
292-50-43 www.akademkniga.by
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; (код 495) 124-55-00
(Бук. отдел (код 495) 125-30-38)
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; (код 495) 932-74-79
127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; (код 495) 621-55-96
(Бук. отдел)
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; (код 495) 334-72-98
105062 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение 4; (код 495) 624-72-19
(Бук. отдел)
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51; (код 383) 221-15-60
akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 (“Книга-почтой”);
(код 383) 330-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
142290 Пушкино Московской обл., МКР “В”, 1 (“Книга-почтой”);
(код 49677) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; (код 812) 272-36-65
199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1; (код 812) 328-38-12
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18;
(код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга-почтой”); (код 3472) 23-47-62,
23-47-74 UfaAkademkniga@mail.ru
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 72-91-85 (Бук. отдел)

Коммерческий отдел, Академкнига. г. Москва

Телефон для оптовых покупателей: (код 499) 143-84-24; 143-89-35

Сайт: www.LitRAS.ru

E-mail: info@LitRAS.ru

Склад, телефон (код 495) 932-74-71

Факс (код 499) 143-89-35

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
www.naukaran.ru*

ISBN 978-5-02-035997-0

9 785020 359970

